СБОРНИКЪ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ

УГОЛОВНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ.

Изд. А. ЛЮБАВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1866.

Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
по Мойкѣ, близъ Круглаго рынка, № 5.

ВВЕДЕНІЕ.

Предпринявъ изданіе: «сборника замѣчательныхъ уголовныхъ процессовъ», *) мы считаемъ необходимымъ выяснить причины, насъ къ сему побудившія, и цѣль, которой мы предполагаемъ достигнуть.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ русское общество, вслѣдствіе осуществленія *судебной реформы*, призвано будетъ къ слушанію доклада *уголовныхъ* дѣлъ, основаннаго исключительно на публичномъ, устномъ допросѣ обвиненнаго и свидѣтелей, на состязаніи прокуроровъ, (какъ обвинителей), съ защитниками подсудимаго. Нѣтъ сомнѣнія, что эти дѣла возбудятъ любопытство и вниманіе какъ юристовъ-спеціалистовъ, такъ и всей образованной публики, но для послѣдней полное уразумѣніе основаній, по которымъ происходитъ отправленіе уголовнаго правосудія, будетъ возможно только послѣ нѣкоторой предварительной подготовки, а лучшимъ къ сему средствомъ служитъ *чтеніе уголовныхъ процессовъ*; слѣдовательно изданіе настоящаго сборника представляется вполнѣ своевременнымъ.

Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что вообще уголовныя дѣла представляютъ для читающей публики многія *интересныя* стороны: они раскрываютъ сокровеннѣйшія тайны внутренней жизни человѣка, притомъ въ самые важные ея моменты; изображаютъ борьбу людей съ ихъ страстями, порочными наклонностями и условіями жизненной обстановки; наконецъ знакомятъ съ тѣми душевными состояніями, когда пре-

---

*) Заграницею существуетъ множество подобныхъ изданій: сюда нужно отнести: *Causes célèbres* de Pitaval, *Annalen:* Klein, Hitzig, Demme, Schletter Кромѣ того Feuerbach: Merkwürdige Kriminalrechtsfälle 2 T., и Actenmässige Darstellung merkw. Verbrechen 2 T.—Подобные-же труды оставили: Osenbruggen, Temme, Gross, Holtzendorff и др..

ступники при совершеніи злодѣянія (напр. въ нижеизложенныхъ процессахъ: Сергель, Папавуанъ и Генріета Корнье) дѣйствуютъ совершенно безсознательно, такъ-что содѣянное не можетъ быть вмѣнено имъ въ вину.—Большинство уголовныхъ процессовъ отличается драматизмомъ подробностей, интересомъ побудительныхъ причинъ, (напр. убійцы по любви), жестокостью или гнусностью совершеннаго злодѣянія, искусствомъ въ приготовленіи средствъ, ведущихъ къ преступленію (напр. въ процессѣ объ ожерельѣ), показываютъ въ преступникѣ или юношу, не достигшаго еще полнаго физическаго и умственнаго развитія (напр. Вюстнера, Вольгемута), или холоднаго и обдуманнаго злодѣя (напр. Пальмера), или кровожаднаго и закоренѣлаго убійцу (напр. Бель-Кассема), или людей, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія или взрыва души (напр. Лорана, Доржебрая) *).

Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что замѣчательные уголовные процессы по интересу подробностей вовсе не уступаютъ интересу *романовъ*; между-тѣмъ чтеніе по-

---

*) Вотъ-что говоритъ Шиллеръ о психологическомъ изученіи посредствомъ чтенія уголовныхъ процессовъ личности подсудимаго: «мы видимъ тутъ человѣка въ самомъ загадочномъ положеніи, которое возбуждаетъ все наше вниманіе и разрѣшеніе котораго доставляетъ пріятное занятіе проницательному уму читателя. Сокровенная игра страстей выступаетъ передъ нашими глазами и сквозь скрытыя интриги и лукавства, духовнаго или свѣтскаго обмана, пробивается лучъ истины. Побудительныя причины дѣяній, недоступныя въ обыкновенной жизни для глаза наблюдателя, выступаютъ яснѣе наружу тамъ, гдѣ ставятся на карту жизнь, свобода и собственность, такъ-что уголовный судья имѣетъ полную возможность глубоко вникать въ человѣческое сердце. Кромѣ того судебный разборъ отдѣльныхъ обстоятельствъ дѣла пригодится, чѣмъ что-либо для раскрытія сокровенныхъ побудительныхъ причинъ людскихъ поступковъ, и если самый подробный историческій разсказъ не знакомитъ насъ часто съ истинными мотивами, то взамѣнъ этого уголовный процессъ обнаруживаетъ передъ нами всѣ закулисныя мысли и срываетъ съ злобы надѣтую ею на себя личину (См. изд. г. Неклюдовымъ перев. учебн. Бернера, вып. II стр. 290—291).

слѣдствій сдѣлалось въ настоящее время почти всеобщею потребностью и проникло во всѣ классы общества. Но передъ романами уголовные процессы имѣютъ то важное преимущество, что изображаютъ происшествія и страсти людей не вымышленныя, не фантастическія, не созданныя воображеніемъ автора, а дѣйствительно существующія, обнаруженныя слѣдствіемъ, подтвержденныя допросомъ самого преступника и показаніями свидѣтелей.

Преступленіе, составляющее предметъ каждаго уголовнаго процесса, представляетъ двѣ стороны: 1) оно до извѣстной степени находится въ связи съ нравственнымъ, экономическимъ и политическимъ развитіемъ того общества, въ средѣ котораго совершено или къ которому принадлежитъ преступникъ; 2) оно заключаетъ въ себѣ интересъ *общечеловѣческій,* потому-что есть продуктъ извѣстной побудительной причины, чувства или страсти; но послѣднія одни и тѣже у всѣхъ людей, и только проявляются различно. Поэтому если нѣкоторыя, весьма немногія, преступленія имѣютъ характеръ исключительно мѣстный (напр. преступленія, совершенныя раскольниками изъ религіознаго суевѣрія и пр.), то остальныя преступленія отличаются, можно сказать, характеромъ *космополитическимъ*, встрѣчаются во всѣхъ странахъ и одинаково для всѣхъ поучительны. Вотъ почему мы полагаемъ, что сборникъ уголовныхъ процессовъ для того, чтобы быть разнообразнымъ, долженъ, не ограничиваясь исключительно *русскими* уголовными дѣлами, знакомить читающую публику и съ иностранными процессами *).

---

*) Настоящій выпускъ состоитъ исключительно изъ *иностранныхъ* процессовъ; слѣдующій-же выпускъ, имѣющій поступить въ продажу въ теченіи января мѣсяца, будетъ состоять исключительно изъ *русскихъ* уголовныхъ дѣлъ прежняго времени.

Подобный сборникъ, удовлетворяя любопытству публики, въ тоже время принесетъ несомнѣнную *пользу*, именно: изъ чтенія *иностранныхъ* уголовныхъ процессовъ, разрѣшаемыхъ съ участіемъ *присяжныхъ*, наше общество ознакомится съ ходомъ судебныхъ преній, съ публичнымъ допросомъ подсудимаго, со способами его защиты и обвиненія, и будетъ нѣкоторымъ образомъ подготовлено къ слушанію доклада дѣлъ въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ, долженствующаго происходить на тѣхъ же основаніяхъ. Изъ чтенія—же *русскихъ* уголовныхъ процессовъ читатели познакомятся съ прежнимъ порядкомъ производства дѣлъ, съ тѣми трудностями, съ которыми приходилось при этомъ бороться правосудію, вслѣдствіе обыкновенной неполноты и упущеній при производствѣ слѣдствія, и узнаютъ нѣкоторыя замѣчательныя рѣшенія высшихъ судебныхъ мѣстъ, разъясняющія многіе общіе вопросы уголовнаго права.

Въ заключеніе мы присовокупимъ, что если настоящее изданіе возбудитъ сочувствіе публики и будетъ соотвѣтствоваться ея потребностямъ, то мы, не надѣясь на собственное знаніе и силы, предполагаемъ пригласить къ участію въ немъ многихъ извѣстныхъ криминалистовъ и обратить его въ постоянное, сопровождая каждый напечатанный процессъ разборомъ его и критическою оцѣнкою.

Желая сдѣлать этотъ сборникъ доступнымъ для большинства читающей публики, мы избѣгали тѣхъ уголовныхъ процессовъ, весь интересъ которыхъ заключается въ разрѣшеніи сложныхъ и запутанныхъ юридическихъ вопросовъ, стараясь избирать процессы, соединяющіе по возможности интересъ юридическій съ интересомъ психологическомъ, серьезность съ драматизмомъ подробностей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе . . . . . I—IV.

А) **Сообщество въ преступленіи.**

I. Дѣло бандитовъ м. Лоретто, сужденныхъ въ ассизномъ судѣ острова Корсики. 1
II. Убійство четырехъ женщинъ въ г. Константинѣ (въ Алжиріи) . 17
III. Дѣло о убійствѣ семейства Дауріо 28
IV. Процессъ капитана Доано и 19 арабовъ, обвиненныхъ въ убійствѣ 49

Б) **Убійцы по любви.**

V. Процессъ Оноре-Франца Ульбаха (убійство Эме Мильо) 93
VI. Дѣло Луи-Адольфа Сюро (убійство Генріеты Кулонъ) 108
VII. Процессъ Іоана Жюльена (покушеніе на убійство Арсены Шевалье) 115
VIII. Дѣло Петра-Евгенія Лорана (убійство Маріи Клабо) 122

В) **Различные случаи убійства.**

IX. Убійство Регинальда Канселора его учителемъ 137
X. Убійство Цециліи Комбеттъ (подсудимый монахъ Леотадъ) . . . 152
XI. Убійство двухъ дѣтей Людвигомъ-Августомъ Папавуаномъ (мономанія убійства) 201
XII. Убійство ребенка Генріетою Корнье (тоже). 220
XIII. Дѣло супруговъ Маннинговъ, судимыхъ за убійство О'Коннора 225
XIV. Отравленіе Жона Персонсъ-Кука (подсудимый Вильямъ Пальмеръ) 239
XV. Отравленіе Лунзы Бергеръ (подсудимый докторъ Янъ) 274
XVI. Покушеніе на отравленіе барона Баумбахъ 301
XVII. Убійство Пьера Деніеля семействомъ Пуляръ (месть) 317
XVIII. Дѣло Марселя Доржебрай, судимаго за пять покушеній на убійство. 323
XIX. Процессъ по обвиненію Уилліама Юнгмана въ убійствѣ нѣсколькихъ лицъ 348
XX. Убійство Анны Вольгемутъ ея братомъ (несовершеннолѣтній преступникъ) 360
XXI. Убійство Франца Палитца его товарищемъ Вюстнеромъ (тоже) 372
XXII. Убійство Доротеи Бланкенфельдъ семействомъ Антонини (странствующіе убійцы) 387

Стр.

XXIII. Убійство Конрада Эйхмюллера Сергелемъ въ припадкѣ сумашествія 402

XXIV. Убійство Анны Эйхштетеръ пасторомъ Римбауеромъ (тартюфъ убійца) 427

Г) Два старинныхъ процесса.

XXV. Дѣло о похищеніи дѣвицы Ферко 454

XXVI. Дѣло объ ожерельѣ Маріи-Антуанеты (affaire du collier) 459

СБОРНИКЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ УГОЛОВНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ.

А) СООБЩЕСТВО ВЪ ПРЕСТУПЛЕНІИ.

Стремленіе къ общественности есть характеристическая черта рода человѣческаго, и объясняетъ то явленіе, что люди соединяются въ ассоціацію не только для достиженія какой-либо полезной или дозволенной закономъ цѣли, но и для учиненія злодѣянія, если составленное намѣреніе не можетъ быть выполнено волею и дѣйствіями одного лица.

Такимъ образомъ, возникаетъ въ уголовномъ правѣ теорія сообщества въ преступленіи, т. е. соединенія нѣсколькихъ лицъ, имѣющихъ какую-либо общую преступную цѣль, въ одну ассоціацію съ тѣмъ, чтобы посредствомъ взаимной помощи и общихъ усилій достигнуть этой цѣли.

Вотъ нѣсколько довольно любопытныхъ случаевъ такого сообщества въ преступленіи, взятые нами изъ французской уголовной практики.

I. Дѣло бандитовъ м. Лоретто, сужденныхъ въ ассизномъ судѣ острова Корсики.

Уже въ теченіи нѣсколько лѣтъ разбойники Игнасъ Жіакомони и Іоаннъ-Антоній Аріи, жители мѣстечка Лорретто въ округѣ Сартенъ, распространяли ужасъ на эти мѣстности. Имъ помогалъ въ ихъ преступныхъ дѣйствіяхъ Поленъ Жіакомони, братъ бандита того-же имени.

Серра-Іоаннъ-Цезарь, по прозванію Пампалонъ, возбудивъ ихъ подозрѣніе въ томъ, что онъ указалъ ихъ убѣжище полицейскимъ агентамъ, сдѣлался съ ихъ стороны предметомъ покушенія на убійство.

23 ноября 1846 г. три выстрѣла изъ ружья ранили его въ то время, когда онъ возвращался въ мѣстечко Лоретто. Пампалонъ тотчасъ объявилъ, что онъ узналъ въ виновникахъ покушенія бандитовъ: Іоана-Антонія Аріи и Игнаса Жіакомони, сопровождаемыхъ еще третьимъ, который, какъ онъ полагаетъ, есть Поленъ Жіакомони.

Прошло шесть дней послѣ того; Пампалонъ, еще страдавшій отъ ранъ, не выходилъ изъ дому, въ которомъ онъ думалъ найти убѣжище отъ бандитовъ. Но 29 ноября 1846 г. Игнатій Жіакомони, отворивъ дверь его дома, убилъ его наповалъ изъ ружья и убѣжалъ прежде, нежели жители успѣли оправиться отъ ужаса, который навело на нихъ столь дерзко задуманное и исполненное преступленіе.

Съ этого дня страхъ, внушаемый бандитами, постепенно увеличивался. Ихъ враги постоянно опасались за свою жизнь, и вскорѣ округъ Сартенъ нѣкоторымъ образомъ поставленъ былъ въ осадное положеніе и ежеминутно подвергался нападеніямъ разбойниковъ.

8 августа 1847 г. Антоній Жіакомони въ мѣстечкѣ Лоретто сидѣлъ поздно вечеромъ передъ хижиною съ своею женою и лакеемъ, какъ вдругъ Поленъ Жіакомони явился передъ нимъ и велѣлъ ему идти за собою,—сказавъ, что ему поручено отвести его къ двумъ бандитамъ, съ которыми, ему, Антонію, нужно переговорить. Не смотря на просьбы и слезы своей жены, Антоній Жіакомони, боясь вслѣдствіе отказа подвергнуться гнѣву бандитовъ, которые были кромѣ того его двоюродными братьями, пошелъ къ нимъ навстрѣчу.

Чрезъ нѣсколько минутъ послышались три выстрѣла. Жена Антонія Жіакомони возъимѣла предчувствіе, что мужъ ея былъ завлеченъ въ засаду.

Она знала, что бандиты Жіакомони и Аріи были озлоблены противъ Антонія Жіакомони, который показывалъ, какъ свидѣтель, противъ Михаила Жіакомони, отца Полена и Игнатія, содержимаго въ тюрьмѣ г. Нима, и что они обвиняли его въ томъ, что онъ сообщалъ свѣдѣніе полицейскимъ агентомъ о мѣстѣ ихъ пребыванія.

Эти предчувствія оправдались: Антоній Жіакомони былъ убитъ

въ мѣстѣ, называемомъ, Колетта, и трупъ его былъ найденъ тамъ нѣсколько минутъ спустя.

До сихъ поръ преступленія бандитовъ имѣли побудительными причинами или самосохраненіе или чуство мести, но скоро новое преступленіе произведено было въ вышеупомянутомъ округѣ.

16 іюня 1847 г. Матье Тавера, одинъ изъ богатѣйшихъ негоціантовъ города Сартены, въ сопровожденіи своего двоюроднаго брата Ксавье Тавера, своей молодой жены и сестры Варвары—Маріи, ѣхалъ изъ Сартена въ г; Пропріано въ каретѣ, которою онъ самъ правилъ.

Проведя нѣсколько часовъ въ Пропріано, гдѣ путешественники имѣли многочисленное знакомство, они выѣхали въ возвратный путь въ два часа по полудни. Едва пробыли они часъ въ пути, какъ человѣкъ, вооруженный съ ногъ до головы, и съ лицомъ, вымазаннымъ черной краской, съ накладной бородой, и головой, повязанной платкомъ, вышелъ изъ кустарниковъ и, прицѣлившись изъ ружья въ путешественниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ вооруженъ, потребовалъ, чтобы они вышли изъ кареты и пошли за нимъ въ кусты.

Въ эту минуту два другихъ разбойника, которые были, какъ оказалось впослѣдствіи, Игнатій Жіакомони и Іоанъ-Антоній Аріи, скрывавшіеся въ тѣхъ-же кустахъ, присоединились къ замаскированному человѣку, увели съ собою Матье Тавера и отпустили Ксавье Тавера и двухъ молодыхъ женщинъ, которыя тщетно призывали на помощь и умоляли разбойниковъ отпустить плѣнаго.

Между-тѣмъ, испуганныя лошади съ пустою каретою поскакали далѣе; погода скоро испортилась и сильный дождь, сопровождаемый громомъ, захватилъ въ пути бѣдныхъ путешественниковъ, которые болѣе часа шли подъ дождемъ. Къ счастію, одинъ крестьянинъ, проходившій по большой дорогѣ, увидѣвъ пустую карету, которую везли лошади, и подозрѣвая, что случилось какое либо несчастіе съ тѣми, которые въ ней ѣхали, поймалъ лошадей; потомъ сѣлъ въ карету и, возвращаясь по провѣханному уже пути, встрѣтилъ Ксавье Тавера и двухъ молодыхъ женщинъ, которыхъ и отвезъ въ Сартенъ къ поздней ночи.

Извѣстіе объ арестованіи Матье Тавера быстро разнеслось по городу, не смотря на то, что семейство его старалось скрыть это дерзкое преступленіе, опасаясь подвергнуть опасности дни бѣднаго плѣннаго. Не было сомнѣнія, что бандиты, захвативъ Матье Тавера, одного изъ самыхъ богатыхъ негоціантовъ округа, человѣка кроткаго характера, никогда не принимавшаго участія въ ссорахъ, не имѣли другой цѣли, кромѣ вымогательства денегъ.

Дѣйствительно, два дня спустя, письмо, на которомъ была почтовая марка и подписанное Матье Тавера, успокоивая несчастное семейство на счетъ опасности, которой онъ подвергался, увѣдомляло, что бандиты требуютъ выкупа 9000 франковъ, и что они возвратятъ ему свободу, лишь получивъ сполна эти деньги. Матье Тавера прибавлялъ, что было бы безполезно прибѣгать къ правосудію или къ силѣ оружія, потому-что нѣтъ возможности отыскать мѣсто его убѣжища, и что если разбойники были-бы окружены, то они убили-бы его безъ всякой жалости. Потому онъ умолялъ семейство, если оно хотѣло видѣть его живымъ, достать указанную имъ сумму денегъ, и отнести ее въ то мѣсто, гдѣ онъ былъ арестованъ, отдавъ деньги лицу, которое представится отъ имени бандитовъ.

Семейство Тавера, которое во что-бы то нистало хотѣло спасти жизнь плѣнника, начало переговариваться съ бандитами на счетъ суммы выкупа, но они неуступили ни одного франка, и Жеромъ Серра, двоюродный братъ Матье Тавера, принужденъ былъ отправиться въ назначенное мѣсто, неся съ собою требуемую сумму. Однако онъ нашелъ благоразумнымъ раздѣлить ее; поэтому, не дойдя до условленнаго мѣста, вырылъ яму около дерева и спряталъ туда 4500 франковъ.

Продолжая потомъ свой путь, онъ вскорѣ замѣтилъ тогоже бандита, который первый остановилъ карету семейства Тавера. Жеромъ Серра былъ вооруженъ: замаскированный человѣкъ приказалъ ему положить ружье на землю, но Серра отказался это исполнить, увѣряя его, что не имѣетъ противъ него дурныхъ намѣреній и, получивъ обѣщаніе, что двоюродный братъ его Тавера будетъ выпущенъ на волю, вручилъ 4500 франковъ замаскированному человѣку, который тотчасъ исчезъ въ лѣсу.

Черезъ часъ онъ снова пришелъ, по одинъ, и объявилъ Же-

рому Серра, что его сотоварищи пересчитали деньги, которыя были въ мѣшкѣ, что они нашли въ немъ только 4500 франковъ, и что они выпустятъ Тавера лишь послѣ того, какъ вся сумма, т. е. 9000 франковъ, будетъ имъ уплачена.

Г. Жеромъ Серра сталъ говорить, что семейство не могло достать болѣе денегъ, и чтобы увѣрить его въ этомъ, вынувъ изъ кармана два свертка, въ 100 франковъ каждый, отдалъ ихъ ему, говоря, что онъ откажется скорѣе спасти Тавера, нежели прибавить хоть одинъ сантимъ.

Сказавъ эти слова, Серра сдѣлалъ видъ, какъ будто бы хочетъ уйти, но замаскированный человѣкъ попросилъ его подождать и самъ вновь пошелъ совѣщаться съ своими товарищами. Черезъ часъ Матье Тавера былъ выпущенъ на свободу, но отъ него потребовали выдачи заемнаго письма въ 4500 франковъ, срокомъ платежа черезъ три мѣсяца.

Прежде, нежели обратиться къ тому, кто были виновники и сообщники этого преступленія, необходимо разсмотрѣть обстоятельства другаго преступленія, не менѣе важнаго, въ которомъ обвиняются тѣже бандиты Жіакомони и Аріи.

Въ ночь съ 29 на 30 іюля 1847 г. жители деревни Лоретто были погружены въ глубокій сонъ, какъ вдругъ услышали шумъ, и увидѣли изъ оконъ клубы дыма: одинъ домъ въ селеніи былъ объятъ пламенемъ.

Испуганные этимъ бѣдствіемъ, которое грозило истребленіемъ цѣлаго селенія, нѣтоторые жители побѣжали къ тому мѣсту, гдѣ происходилъ пожаръ, и старались потушить огонь. Но въ ту-же минуту разбойники, спрятанные въ разныхъ мѣстахъ, дали по нимъ залпъ изъ ружей, не ранивъ впрочемъ никого, и заставили ихъ уйти съ мѣста пожара.

Стоя у оконъ своихъ домовъ, жители Лоретто долгое время оставались зрителями картины разрушенія, не имѣя возможности подать помощь.

Домъ, сдѣлавшійся жертвою пламени, принадлежалъ Донъ Жаку Сузини, который жилъ въ немъ съ своимъ сыномъ Антоніемъ, дочерью Коломбою Сузини и двухъ-лѣтнею внучкою, которая на слѣдующій день должна была быть узаконена посредствомъ брака Коломбы Сузини, ея матери, съ своимъ любовникомъ Туссенъ Сузини, жившимъ также въ этомъ домѣ съ

своимъ двоюродным братомъ Жюлемъ Сузини, по прозванію Непѣтымъ.

Пожаръ уже достигъ пола втораго этажа, въ которомъ спали несчастные, когда они проспулись, почти задыхаясь отъ дыма. Они тотчасъ бросились къ окну, которое было обращено на востокъ. Но въ ту минуту, когда Туссенъ и Антоній Сузини показались у этого окна, послышались четыре выстрѣла, и Туссенъ, смертельно раненый изъ ружья, упалъ въ огонь, въ которомъ на слѣдующій день нашли только обгорѣлые остатки его трупа.

Его несчастные сотоварищи пытались выскочить изъ окна, но замѣтили, что разбойники окружили домъ огромнымъ количествомъ деревянныхъ бревенъ, которыя и зажгли.

Они направились къ западной сторонѣ дома, въ которой была дверь, выходящая на дворъ, но ихъ надежды скоро были обмануты. Едва они подошли къ двери, какъ увидѣли, что бревна были накиданы и передъ этою дверью, и что другіе разбойники, находившіеся подъ фиговымъ деревомъ, стрѣляли изъ ружей въ жителей деревни, которые старались потушить пожаръ.

Однако скоро нѣкоторые жители деревни болѣе храбрые, тронутые криками несчастныхъ, которые вскорѣ должны были сдѣлаться жертвою пламени, прибѣжали вооруженными, въ то время, какъ другіе, посредствомъ длинныхъ шестовъ старались удалить отъ дома деревянныя бревна, которыя поддерживали пожаръ.

Разбойники сначала стали угрожать имъ, что они будутъ въ нихъ стрѣлять; потомъ вѣроятно боясь быть побѣжденными въ неравной борьбѣ, понемногу стали удаляться. Жакъ, Антоній-Юлій, Коломба Сузини и ея молодая дочь успѣли тогда спастись, выскочивъ изъ окна, но они покрыты были ужасными ожогами. Дочь Коломбы Сузини умерла нѣсколько дней спустя отъ ранъ.

Всѣ въ одинъ голосъ обвинили бандитовъ Лоретто въ этомъ ужасномъ преступленіи. Только бандиты Жіакомони и Аріи могли возъимѣть мысль о совершеніи этого злодѣянія. Цѣль и побудительныя причины къ нему заключались въ слѣдующемъ:

Юлій и Туссенъ Сузини были врагами бандитовъ Жіакомони и Аріи, которые убили двоюроднаго брата Юлія и брата

Туссена Сузини, потому-что послѣдніе помогали жандармамъ въ ихъ поискахъ противъ злодѣевъ; благодаря имъ, 12 дней тому назадъ бандиты едва не попали въ засаду.

Рѣшившись тогда погубить своихъ враговъ, они увѣдомили, посредствомъ родственниковъ, Донъ Жака Сузини, что если онъ не изгонитъ изъ своего дома Юлія и Туссена Сузини, которые жили у него, то домъ его сдѣлается жертвою пламени; Донъ Жакъ Сузини съ презрѣніемъ отвергнулъ это требованіе.

Но бандитамъ Жіакомони и Аріи при совершеніи описаннаго нами преступленія помогали другіе бандиты или ихъ родственники, которые жили въ Лоретто, потому-что перестрѣлка изъ ружей продолжалась около четверти часа и выстрѣлы были дѣлаемы изъ четырехъ ружей; всего было сдѣлано до 40 выстрѣловъ.

Члены семейства Сузини, по ихъ словамъ, узнали многихъ жителей Лоретто, которые содѣйствовали бандитомъ въ исполненіи ихъ преступленія, помогая разжигать пламя и стрѣляя изъ ружей. Тѣ, которые были указаны правосудію, какъ сообщники преступленія, утверждали, что они не только не помогали разбойникамъ, но старались потушить пожаръ; другіе же показали, что ихъ вовсе не было въ Лоретто.

Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые указаны были членами семейства Сузини, какъ сообщники въ учиненіи поджога, обвинены были публичнымъ министерствомъ въ томъ, что они принимали участіе въ арестованіи Матье Тавера. Только Поленъ Жіакомони обвиненъ былъ какъ зачинщикъ и сообщникъ всѣхъ описанныхъ преступленій.

Вслѣдствіе этого всѣ эти дѣла соединены были въ одно, какъ, имѣющія общую связь.

Въ обвинительномъ актѣ по этому дѣлу подсудимыхъ показано 11 человѣкъ. Вотъ ихъ имена и описаніе тѣхъ преступленій, за которыя они обвиняются:

1) Поленъ Жіакомони, братъ бандита того же имени, пастухъ жившій въ Вале-Дабно, обвиненный въ покушеніи убійства надъ Іоаномъ-Цезаремъ Серра, по прозванію Пампалонъ, въ сообщничествѣ въ убійствѣ тогоже Серра, въ сообщничествѣ и убійствѣ надъ Антоніемъ Жіакомони, въ захватѣ Матье Тавера и вынужденіи затѣмъ у послѣдняго подписи и выкупныхъ денегъ, въ поджи-

гательствѣ, убійствѣ и покушеніи на убійство двухъ членовъ семейства Сузини.

2) Этьенъ—Антоній Жіакомони, отецъ бандитовъ Жіакомони, пастухъ житель м. Лоретто, обвиненный въ сообщничествѣ по захвату въ плѣнъ Тавера и вымогательствѣ у него подписи и денегъ.

3) Іоаннъ — Феликсъ Аріи, братъ бандита Аріи, пастухъ, житель м. Лоретто, обвиненный въ сообщничествѣ вышепоименованныхъ преступленій, по тому-же дѣлу.

4) Іоаннъ — Батистъ Аріи, другой братъ бандитовъ тогоже имени, обвиненный также въ сообщничествѣ по томуже дѣлу.

5) Антоній—Маркъ Жіакомони, другой братъ бандита тогоже имени, обвиненный въ участіи въ тѣхъ же преступленіяхъ.

6) Іоаннъ—Антоній Сузини, домовладѣлецъ и помощникъ мэра въ Лоретто.

7) Павелъ—Францискъ Серра, домовладѣлецъ въ Лоретто.

8) Іосифъ Серра, собственникъ въ Лоретто.

9) Антоній Сузини, пастухъ, житель Лоретто.

10) Іоаннъ—Андрей Жіакомони, пастухъ, житель въ м. Св. Маріи Фиканіелла.

Послѣдніе шестеро обвиняемы были только въ участіи въ поджогѣ, убійствѣ и покушеніи на убійство надъ семействомъ Сузини.

Въ ассизномъ судѣ Корсики были сдѣланы противъ подсудимыхъ слѣдующія показанія:

1) *Жакъ Жіакомони, братъ убитаго.* Въ тотъ день, когда мой несчастный братъ сдѣлался жертою подлаго убіства, Поленъ Жіакомони приходилъ утромъ спрашивать у моей жены, можно-ли пайти его дома? Нѣсколько часовъ спустя, онъ пришелъ во второй разъ спросить насъ объ этомъ, прибавивъ, что бандиты Жіакомони и Аріи желаютъ съ нимъ переговорить. Мой братъ, возвратившись домой, рѣшился пойти къ нимъ, не смотря на наши опасенія. Едва прошло четверть часа, какъ мы услышали три выстрѣла изъ ружья, и я понялъ, что мой несчастный братъ былъ убитъ въ засадѣ. Я надѣялся сначала, что бандиты не рѣшатся убить родственника. Но эти злодѣи разорвали всѣ связи, которыя соединяютъ людей между собою. Небо наказало ихъ за столь гнусное преступленіе, потому-что сегодня утромъ

сдѣлалось извѣстно, что бандитъ Жіакомони былъ убитъ жандармами.

Это извѣстіе дѣйствительно во время засѣданія было передано генеральному прокурору. Въ рукахъ бандита нашли ружье убитаго мѣсяцъ тому назадъ жандармскаго бригадира и три пятифранковыхъ просверленныхъ монеты.

Обвиненные Поленъ и Маркъ Жіакомони, братья убитаго, узнавъ объ этомъ, не обнаружили никакихъ признаковъ душевнаго волненія.

Президентъ (обращаясь къ свидѣтелю). Какой побудительной причинѣ приписываете вы преступленіе, совершенное надъ вашимъ несчастнымъ братомъ?

О. Нѣсколько дней тому назадъ, мать бандита Жіакомони жаловалась мнѣ, что мой братъ служилъ шпіономъ у жандармовъ и открылъ имъ убѣжище бандитовъ. Я ей сказалъ, что мой братъ неспособенъ быть шпіономъ; — дурныя дѣла бандитовъ были ихъ шпіонами.

В. Не знаете ли вы другихъ побудительныхъ причинъ?

О. Братъ мой показывалъ какъ свидѣтель противъ Михаила Жіакомони, отца бандита тогоже имени, и обвиненнаго Полена Жіакомони; Михаилъ Жіакомони былъ приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію за кражу, а его сынъ былъ за это нашимъ врагомъ. Они хотѣли, чтобы мой братъ, ради родства съ ними, солгалъ подъ присягою и далъ фальшивыя показанія, но развѣ есть родственныя связи съ разбойниками!

В. Думаете ли вы, что Поленъ Жіакомони также выстрѣлилъ въ вашего несчастнаго брата?

О. Я слышалъ три выстрѣла, но я не могу утверждать то, чего не видѣлъ.

В. Думаете ли вы по крайней мѣрѣ, что Поленъ Жіакомони узналъ намѣреніе бандитовъ, когда онъ пришелъ за вашимъ братомъ?

О. Я въ этомъ убѣжденъ. Онъ зналъ намѣреніе брата своей жены Игнатія-Жіакомони и Іоана — Антонія Аріи. Онъ уже приходилъ утромъ въ первый разъ за несчастною жертвою, чтобы отвести ее къ убійцамъ.

Обвиненный Поленъ Жіакомони, вставая, сказалъ: г. г. присяжные, я не зналъ намѣреній бандитовъ.

Свидѣтель, съ улыбкою презрѣнія: такъ отчегоже не защищалъ ты моего брата, ты былъ его двоюродный братъ и имѣлъ съ собою оружіе?

2) *Матье Тавера.* Когда три бандита приказали мнѣ идти за ними, и велѣли моему двоюродному брату Ксавье Тавера и дамамъ продолжать ихъ путь въ Сартенъ, то я пересталъ опасаться за мою жизнь, потому—что увидѣлъ, что бандиты хотѣли только обобрать меня, они же обѣщали не наносить мнѣ оскорбленій. Я долженъ разсказать одно обстоятельство, благопріятное для Полена Жіакомони, въ которомъ я узнаю замаскированнаго человѣка, который первый заставилъ насъ выдти изъ кареты. Моя жена и сестра, видя, что бандиты хотѣли меня одного увести съ собою, умоляли ихъ отпустить меня и старались вырвать меня изъ ихъ рукъ, проливая слезы. Тронутый ихъ отчаяніемъ, замаскированный человѣкъ сталъ передъ ними на колѣна и поднимая правую руку къ небу, а лѣвую руку держа на груди, поклялся, призывая Бога въ свидѣтели своей клятвы, что мнѣ не будетъ причинено вреда, и прибавилъ, что если-бы это зависѣло отъ него, то онъ отпустилъ бы меня на свободу. Успокоенные этими обѣщаніями, мы простились, и я пошелъ безъ всякой боязни за тремя бандитами по кустамъ и оврагамъ. Мы шли такимъ образомъ до вечера. Ночь начинала уже затруднять наше шествіе и бандиты изъявили желаніе остановиться и провести ночь подъ открытымъ небомъ. Но потомъ, перемѣнивъ намѣреніе, они спросили меня: чувствую ли я въ себѣ достаточно силъ, чтобъ идти далѣе? Я всталъ и мы пошли; мы перешли въ бродъ рѣку, и только на другой день пришли къ мѣсту, называемому Ламавиза (темные кусты), находящееся въ долинѣ Валь-Мала, гдѣ мнѣ дозволено было отдохнуть въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Какъ только мы легли на землю, замаскированный человѣкъ исчезъ и скоро возвратился, принеся съ собою нѣсколько бѣлыхъ хлѣбовъ и droccio (сыръ, сдѣланный изъ сливокъ). Они извинились передъ мною, что не могли достать мнѣ лучшаго завтрака. Я ѣлъ съ апетитомъ, потому—что очень проголодался. Позже мнѣ принесли кусокъ жаренаго ягненка. Я замѣтилъ, что сами бандиты ѣли только ячменный хлѣбъ и обмакивали его въ воду. Я попросилъ ихъ въ свою очередь раздѣлить мой завтракъ, но они отказались, го-

воря, что такъ-какъ имъ *суждено весь вѣкъ оставаться бандитами, то не слѣдуетъ предаваться прелестямъ жизни.* Я долженъ прибавить, что они были относительно меня очень услужливы и внимательны. Ночью они снимали съ себя свои плащи изъ сукна (pelone), чтобы защитить меня отъ холода, и ложились одинъ справа отъ меня, а другой слѣва, чтобы холодъ былъ для меня менѣе чувствителенъ. Такимъ образомъ я провелъ восемь дней въ кустарникахъ, въ которые можетъ быть никогда не проникала нога человѣческая. Съ перваго же дня бандиты объявили мнѣ, что я получу свободу, только заплативши сумму въ 12000 франковъ, потомъ согласились уменьшить ее до 9000 франковъ. Я имъ сказалъ, что не было никакой возможности достать такую большую сумму денегъ въ городѣ Сартенъ, вслѣдствіе неурожая, но ничто не могло ихъ убѣдить, и я написалъ тогда на листѣ бумаги, который мнѣ былъ данъ, письмо которое вы уже знаете. Такъ-какъ я долго не получалъ отвѣта, то я написалъ второе письмо и только утромъ на 8-й день мое семейство послало въ условленное мѣсто сумму 4500 франковъ, которую замаскированный человѣкъ отнесъ своимъ товарищамъ. Послѣдніе, пересчитавъ деньги, объявили, что будутъ держать меня въ плѣну до тѣхъ поръ, пока вся сумма 9000 франковъ не будетъ имъ заплачена. Я имъ сказалъ, что они могутъ дѣлать изъ меня что-хотятъ, но что они должны потерять надежду получить болѣе денегъ; если мое семейство прислало мнѣ не всѣ деньги, то потому-что не могло достать болѣе. Я прибавилъ что съ этой минуты я не былъ уже ихъ плѣнникомъ, что они могутъ меня убить, но что я не останусь съ ними. Послѣ долгой нерѣшительности, они предложили мнѣ подписать въ ихъ пользу долговое обязательство въ 4500 франковъ срокомъ, платежа на три мѣсяца; я на это тотчасъ же согласился. Тогда они меня отпустили; замаскированный человѣкъ проводилъ меня до дороги.

Президентъ. Узнали-ли вы двухъ бандитовъ, которые не были замаскированы?

О. Я бы ихъ узналъ, если бы я ихъ теперь увидѣлъ. По описаніямъ, бандитовъ Игнатія Жіакомони и Іоана-Антонія Аріи, я думаю, что это были они.

В. Узнаете ли вы Полена Жіакомони и увѣрены ли вы, что онъ

былъ замаскированный человѣкъ, который первый остановилъ вашу карету?

О. Да, г. президентъ, я его узнаю, это былъ онъ.

В. Не узнаете-ли вы его по какимъ нибудь особымъ признакамъ?

О. Хотя онъ былъ вымазанъ черною краскою и имѣлъ накладную бороду, но я замѣтилъ у него на шеѣ и на рукахъ рыжеватыя пятна. Я жилъ съ нимъ 8 дней и могъ замѣтить кромѣ того, что онъ скоро произносилъ слова.

В. Что думаете вы о сообщникахъ этой кражи?

О. Я думаю, что у бандитовъ были сообщники; очевидно, что бѣлый хлѣбъ, который они мнѣ давали, не былъ ихъ обыкновенною пищею, потому-что они отказались даже ѣсть его; хлѣбъ этотъ былъ купленъ на деньги, которыя я-же далъ бандитамъ. На слѣдующій день послѣ моего арестованія, бандиты *попросили у меня взаймы* нѣсколько денегъ для того, чтобы купить провизію. Въ карманѣ моего жилета было три франка, я ихъ отдалъ имъ и на эти деньги они купили бѣлаго хлѣба.

Президентъ. Обвиненный Поленъ Жіакомони: что можете вы сказать противъ свидѣтеля, который объявилъ, что онъ васъ узналъ?

О. Я говорю, что онъ могъ ошибиться, и что онъ ошибается, потому-что я не виновенъ въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ меня обвиняютъ.

3) *Жеромъ Серра* (26 лѣтъ). Семейство Тавера поручило мнѣ отнести въ назначенное мѣсто 9000 франковъ, требуемыхъ бандитами. Я пошелъ одинъ, но вооруженный; замаскированный человѣкъ (котораго я узнаю, это былъ Полепъ Жіакомони), явился передъ мною и потребовалъ, чтобы я положилъ на землю оружіе. Я отказался: чего боишься ты, сказалъ я ему, развѣ я не знаю, что, убивъ тебя, я погублю и моего двоюроднаго брата, Матье Тавера; неужели ты серьезно думаешь, что я пожертвую его жизнею изъ за удовольствія тебя убить? Успокоенный этимъ разсужденіемъ, онъ подошелъ, взялъ мѣшокъ съ деньгами, который я ему подалъ, и изчезъ.

Но скоро онъ возвратился и сказалъ мнѣ, что его товарищи не соглашаются отпустить моего двоюроднаго брата до тѣхъ поръ, пока не получатъ остальныхъ 4500 франковъ. Я имѣлъ

предосторожность спрятать остальныя деньги около дерева въ недалекомъ разстояніи. Я сталъ удаляться, жалуясь на недобросовѣстность, говоря, что слѣдовало отдать мнѣ 4500 франковъ, если бандиты не соглашаются отпустить моего двоюроднаго брата. Но скоро Матье Тавера былъ выпущенъ и мы возвратились съ нимъ въ Сартенъ.

В. На основаніи какихъ данныхъ узнаете вы обвиненнаго, Полена Жіакомони?

О. Я узнаю его по его росту, по его краснымъ глазамъ и по срыжимъ пятнамъ, которыя я замѣтилъ на его лицѣ и рукахъ; я узнаю его также по голосу.

В. Не имѣли-ли вы предосторожность проколоть всѣ пятифранковыя монеты, которыя вы отдали бандитамъ?

О. Да, г. президентъ, мы ихъ прокололи, чтобы облегчить правосудію отысканіе преступниковъ; оттого-то и произошло замедленіе въ выкупѣ моего двоюроднаго брата.

4) Нѣсколько свидѣтелей, допрошенные для того, чтобы удостовѣриться въ сообщничествѣ обвиненныхъ: Антонія — Марка Жіакомони, Іоана — Антонія Аріи, Іоана — Феликса Аріи и Іоана—Батиста Аріи, перваго—брата Полена Жіакомони, втораго—отца и двухъ послѣднихъ—братьевъ бандита Аріи, удостовѣрили, что нѣсколько дней тому назадъ эти лица носили провизію бандитамъ, что Іоанъ—Батистъ Аріи въ самый день арестованія Матье Тавера ходилъ въ его магазинъ подъ предлогомъ купить фуражку. Послѣ того одинъ свидѣтель видѣлъ, какъ онъ направлялся въ Пропріано, куда ѣздило семейство Тавера.

Президентъ показываетъ присяжнымъ три пятифранковыя проколотыя насквозь монеты, найденныя на убитомъ Игнатіи Жіакомони.

5) *Коломби Сузини* (30 лѣтъ). Я вдова несчастнаго Туссена, который погибъ въ пожарѣ въ ночь съ 29 на 30 іюля. Однако я клянусь, что буду говорить только истину.

Коломба Сузини начинаетъ говорить съ такою скоростью, на языкѣ, перемѣшанномъ италіанскими фразами, что нѣтъ возможности понять ни слова; *она говоритъ около часу*. Наконецъ отъ усталости умолкаетъ. Президентъ пользуется этимъ.

В. Коломба, отвѣчайте теперь на мои вопросы. Кто былъ съ

вами въ домъ Донъ Жака Сузини въ ту ночь, когда произошелъ пожаръ?

О. Тамъ былъ Донъ Жакъ Сузини, мой отецъ, и Антоній Сузини, мой братъ, также моя дочь 2 лѣтъ отъ роду, Юлія Сузини, мой двоюродный братъ и несчастный Туссенъ, мой мужъ.

В. Были-ли вы замужемъ за Туссенъ Сузини?

О. Нѣтъ, г. президентъ, мы должны были вступить въ бракъ на слѣдующій день, чтобы узаконить дитя.

В. Когда и въ какую минуту замѣтили вы, что домъ объятъ пламенемъ?

О. Я проснулась, услышавъ шумъ между 11 и 12 часами ночи, и тотчасъ разбудила всѣхъ. Огонь уже коснулся пола; мы бросились къ окну, которое обращено на востокъ, чтобы выскочить. Тогда я могла узнать Іоана — Антонія Сузини, Іоана — Феликса Аріи, Антонія Сузини и Павла Франциска Серра, которые помогали разбойникамъ разжигать пламя вокругъ дома. Я даже замѣтила, что Іоанъ — Антоній Сузини былъ одинъ изъ тѣхъ, которые въ насъ стрѣляли. Отъ первыхъ выстрѣловъ Туссенъ упалъ въ пламя. Мы тогда старались убѣжать черезъ дверь, которая вела въ погребъ, но въ насъ еще разъ выстрѣлили. Погребъ былъ похожъ на жаровню. Мы воротились къ окну и выскочили изъ него одни за другими, подвергаясь опасности попасть въ пламя. Я была жестоко обожжена, а моя молодая дочь умерла отъ ранъ 18 дней спустя; у Юлія Сузини ноги были ужасно обожжены, а несчастный Туссенъ совершенно сгорѣлъ.

В. Не узнали-ли вы еще кого нибудь?

О. Принимавшихъ участіе въ этомъ преступленіи было 16-ть человѣкъ. Я назвала ихъ по именамъ во время слѣдствія, но по правдѣ сказать, навѣрно узнала только четырехъ, которыхъ я назвала сейчасъ.

В. Гдѣ стояли разбойники въ ту минуту, какъ вы показались у окна?

О. Одни стояли на площадкѣ передъ домомъ отца обвиненнаго Іоана — Антонія Сузини, другіе подъ фигой. Всѣ жители деревни были участниками въ этомъ преступленіи, потому-что всѣ они друзья и защитники бандитовъ.

Жіордани, адвокатъ подсудимыхъ. Я желаю, г. президентъ, предложить нѣсколько вопросовъ. Коломба Сузини и ея

братъ два года тому назадъ не судились-ли въ уголовномъ судѣ за то, что прорвали плотину у мельницы, принадлежащей г. Сузино Серра, мэру Лоретто; нѣсколько дней послѣ того же не была-ли Коломба Сузини приговорена къ 15-ти дневному заключенію въ тюрьмѣ за нанесеніе удара кинжаломъ жителю мѣстечка Лоретто; послѣ того не была-ли она приговорена къ восьмидневному заключенію въ тюрьмѣ за то, что прибила своего роднаго отца, наконецъ, не пыталась ли отравить себя, чтобы кончить эту жизнь, наполненную проступками и безпорядками?

Коломба. Это правда, но вы забываете, что послѣ того вы защищали мэра Лоретто за дачу имъ по моему дѣлу фальшиваго показанія.

Г. Жіордани. Этотъ фактъ справедливъ и доказываетъ, къ несчастію то, что я хочу доказать: именно, что фальшивыя свидѣтельскія показанія дѣлаются во всѣхъ классахъ общества м. Лоретто. Я обращаюсь теперь къ г. г. присяжнымъ, чтобы указать имъ тѣ многочисленныя противорѣчія, которыя замѣчаются въ различныхъ показаніяхъ, сдѣланныхъ Коломбою Сузини (г. Жіордани читаетъ письменныя показанія ея).

Президентъ (обращаясь къ свидѣтелю). Правда ли, что вы узнали всѣхъ тѣхъ, которыхъ вы сначала назвали слѣдователю и обвинили въ поджогѣ дома?

О. Когда меня допрашивали жандармы и слѣдственный судья, я была еще больна и не знала, что говорю. Къ тому-же я и не говорила, что я ихъ всѣхъ видѣла. Впрочемъ, они всѣ виновны; вы хотите ихъ спасти, тогда-какъ надобно избавить общество отъ этихъ чудовищъ.

Президентъ. Но вы подтверждаете, что видѣли четырехъ обвиненныхъ, которыхъ вы сегодня назвали?

О. Да, г. президентъ.

6) *Юлій Сузини.* Во время пожара я узналъ Павла-Франциска Серра и Іосифа Серра и увѣренъ, что они помогали бандитамъ. Мой братъ Гуссенъ Сузини высидѣлъ два года въ тюрьмѣ за покушеніе на убійство въ г. Нимѣ.

7) Нѣкоторые свидѣтели показываютъ, что обвиненные Іосифъ Серра и Антоній Сузини старались потушить пожаръ. Антоній Сузини посадилъ на свои плечи и отнесъ отъ мѣста пожара ста-

рика Мозиконами (80 лѣтъ отъ роду), который жилъ рядомъ съ домомъ Жака Сузини.

8) *Макентій Сузини*, земледѣлецъ, показываетъ, что нѣсколько дней до пожара, Іоанъ-Антоній Сузини просилъ его сказать Донъ Жаку, чтобы онъ прогналъ изъ своего дому Туссена Сузини.

9) Четыре земледѣльца показываютъ, что обвиненный Іоанъ-Антоній Сузини провелъ съ ними ночь съ 29 на 30 іюля и доказываютъ его alibi.

10) Двѣ сестры убитаго Туссена Сузини показываютъ, что Іоанъ-Феликсъ Аріи (мужъ одной изъ нихъ), оставалоя съ ними въ домѣ ночью съ 29 на 30 іюля и не былъ на пожарѣ, и что еслибы онъ былъ виновенъ, то онѣ не сдѣлали бы клятвопреступныхъ показаній надъ могилою ихъ брата.

Послѣ этого произнесены были въ судѣ обвинительныя и защитительныя рѣчи, которыя не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ лишь безпрестанныхъ ссылокъ на особенный характеръ жителей Корсики, на недавнія политическія событія и на родство подсудимыхъ.

Во время защитительной рѣчи г. Жіордани, произошелъ замѣчательный эпизодъ: Коломба Сузини, обращаясь къ нему, сказала: «г. адвокатъ, я васъ уважала, но защищать такъ, какъ вы дѣлаете, подлыхъ убійцъ—это надѣвать маску на лицо. Вы хотите ихъ оправдать, но пепелъ несчастнаго Туссена отмстить за меня». Сказавъ эти слова, Коломба Сузини опустила руку въ корзинку, наполненную пепломъ, и бросила имъ въ лицо адвоката.

Жандармы вывели ее изъ присутствія.

Присяжнымъ было предложено 108 вопросовъ (?).

Они освободили отъ суда обвиненныхъ: Антонія — Марка Жіакомони, Антонія Сузини, Этьена-Антонія Аріи, Іосифа Серра, Іоана-Андрея Жіакомони и Павла Жіакомони.

Остальныхъ обвиненныхъ они признали виновными съ допущеніемъ смягчающихъ вину обстоятельствъ.

Вслѣдствіе сего судъ приговорилъ: Полена Жіакомони къ пожизненной каторгѣ, Іоана-Антонія Сузини и Павла-Франциска Серра къ 10-ти лѣтней каторжной работѣ, Іоана-Феликса Аріи къ 15-ти годамъ каторги и Іоана-Батиста Аріи къ 5-ти лѣтнему тюремному заключенію.

При выходѣ изъ присутствія, раздался шумъ внутри залы: Коломба Сузини завела драку съ женою Іоана-Феликса Аріи.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этаго дѣла оказывается, что въ немъ сообщество было не случайное, но по заранѣе составленному взаимному соглашенію преступниковъ и въ видѣ *шайки*, ибо оно существовало въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ для совершенія всевозможныхъ преступленій.

II. Убійство четырехъ женщинъ въ г. Константинѣ (въ Алжирѣ).

27 февраля 1847 г. большое преступленіе открыто было въ городѣ Константинѣ; съ 21 февраля одинъ домъ, находящійся въ улицѣ Гинаръ, оставался запертымъ. Первые дни никто не обращалъ на это вниманія. Видѣли, какъ жители этого дома выходили изъ воротъ Эль-Кантара и направлялись за-городъ, поэтому было основаніе думать, что они отправились туда съ намѣреніемъ пробыть довольно долго внѣ города.

Однако родители молодой еврейки Джуа, горничной Фатьмы, владѣтельницы этого дома, пробовали нѣсколько разъ, но тщетно, отворить двери дома. Пораженные наконецъ отсутствіемъ жильцовъ его, столь долгимъ и столь необыкновеннымъ, удивленные, что ихъ не увѣдомили о путешествіи, которое не могло состояться безъ приготовленій, они стали безпокоиться, а Веніаминъ Харуби, отецъ молодой Джуа, пошелъ объявить полиціи свои опасенія и предположенія.

Скоро достигли грустнаго убѣжденія, что эти опасенія были основательны; послѣ открытія двери, полицейскіе чиновники проникли въ четырехъугольный дворъ, въ которомъ не было слѣдовъ безпорядковъ или убійства.

По лѣстницѣ, бывшей въ правомъ углу, вошли въ крытую галлерею, какія обыкновенно бываютъ въ домахъ мавровъ. Тамъ былъ входъ въ первую комнату, который закрывался простымъ кисейнымъ занавѣсомъ. Не безъ страха подняли занавѣсъ, потому-что уже сильный запахъ заставлялъ предполагать нахожденіе трупа въ состояніи разложенія. У порога двери потоки крови были на полу и засохли около головы женщины, тѣло которой, полуобнаженное, лежало на полу, тогда-какъ бедра и око-

нечности ногъ были еще подъ простынею, которая ихъ покрывала, въ ту минуту, какъ женщину схватила рука убійцы.

По ея большому росту, по ея развитымъ мускуламъ, отъ которыхъ дано было ей прозваніе, слѣдователи узнали въ трупѣ мѣстную камелію Фатьму, по прозванію *великаншу*.

Трупъ, распростертый на животѣ, былъ лицомъ къ землѣ и не представлялъ никакого слѣда ранъ или контузій; оказалось только, что правая щека была вдавлена, какъ будто бы въ нее опирались колѣни. Но лицо, налитое кровью, высунувшійся языкъ, ущемленный между зубами, руки, еще покрытыя кровью, вытекшею изъ рта, шея, вокругъ которой затянутъ былъ платокъ показывали, отъ какого рода смерти погибла несчастная Фатьма.

Волосы ея были распущены, платье въ безпорядкѣ; повидимому, Фатьма не долго боролась, если судить по отсутствію синяковъ на тѣлѣ, которые служатъ доказательствомъ того, что борьба была продолжительна.

Всѣ драгоцѣнные камни, бывшіе на этой несчастной, были съ нея сняты; оторванная часть праваго уха показывала, съ какою быстротою серьги были вырваны изъ ушей.

На землѣ замѣтили около трупа съ одной стороны медальонъ, сдѣланный изъ золота, тунисской работы, съ другой — камень ожерелья.

Большой безпорядокъ царствовалъ въ комнатѣ; всѣ сундуки были взломаны и опорожнены; оставались только вещи, неимѣющія цѣнности или слишкомъ большія по объему.

Постель, состоявшая изъ одного матраца, не была приведена въ безпорядокъ; на матрацѣ можно было замѣтить отпечатокъ тѣла того, кто лежалъ на немъ около Фатьмы.

Выйдя изъ этой компаты, слѣдователи проникли налѣво, въ комнату, возвышавшуюся нѣсколькими ступенями надъ поломъ галлереи.

Тутъ еще ужаснѣйшее зрѣлище представилось глазамъ: три постели, поставленныя одна подлѣ другой, заключали въ себѣ три трупа. Первый былъ трупъ молодой дѣвушки Джуа, отецъ которой первый возбудилъ вниманіе правосудія; тѣло ея, слегка наклоненное на лѣвый бокъ, лежало во всю длину на матрацѣ, изъ ея ноздрей вытекала кровь, потокъ которой дошелъ до дверей.

Около нея старая мавританка какъ-бы спала подлѣ своей дочери, молодой дѣвушки 11 лѣтъ, которая сохранила и послѣ смерти спокойное выраженіе лица, точно во время сна. Ближайшее разсмотрѣніе труповъ показало, что всѣ женщины сдѣлались жертвою задушенія; языки ихъ, выходящіе изо рта, были крѣпко ущемлены между зубами; черты лица, которое гнилость уже начинала разлагать, были посинѣвшими и распухшими. Когда сняли съ нихъ петли, то шеи ихъ оказались покрытыми глубокою бороздою, но ни одна рана не показывала существованія борьбы или продолжительныхъ предсмертныхъ судорогъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что захваченныя всѣ въ одно время руками преступниковъ, несчастныя женщины перешли въ одну минуту отъ сна къ смерти.

Послѣ этихъ четырехъ убійствъ, всѣ комнаты, вѣроятно, были осмотрѣны убійцами, потому что изъ нихъ вынесено все, что только заключалось драгоцѣннаго; взломаные сундуки, платья, разбросанныя на полу, показывали это.

Введенные въ домъ, вѣроятно, съ согласія Фатьмы, убійцы могли преспокойно уйти черезъ дверь входа; окровавленная рука, отпечатавшаяся на двери, служила тому несомнѣннымъ доказательствомъ.

Долго поиски правосудія не приводили ни къ чему, долго обманутые невѣрными признаками, слѣдователи дѣлали тщетныя усилія открыть убійцъ.

Тяжкія подозрѣнія падали на многихъ лицъ. Было произведено много арестовъ и сдѣлано нѣсколько обысковъ въ домахъ, но все это безъ результата. Слѣдователи уже начинали терять надежду, когда случай навелъ ихъ на открытіе истины.

Частныя письма, полученныя изъ Туниса, увѣдомляли, что въ немъ находились виновники произведенныхъ убійствъ. Эти свѣдѣнія не остались безъ разслѣдованія. Бригадиръ спаговъ (spahis) мѣстный житель Туниса, человѣкъ умный и дѣятельный, былъ посланъ къ французскому генеральному консулу въ Тунисъ. Не только первыя свѣдѣнія подтвердились, но скоро узнали и подробности убійства; 21 февраля отыскали драгоцѣнные камни и платья убитыхъ. Выкупленные генеральнымъ консуломъ, эти предметы облегчили трудъ изслѣдованія. Въ присутствіи этихъ

свидѣтелей, нѣмыхъ, но неопровержимыхъ, запирательство преступниковъ не могло спасти ихъ.

Потому вскорѣ французское правительство достигло выдачи двухъ преступниковъ изъ Туниса, и они отправлены въ Константину.

Обвиненные Ахметъ-бенъ-Шерифъ и Ахметъ-бенъ-Сала дали показанія, которыя заключаются въ слѣдующемъ:

Въ эпоху, которую съ точностью невозможно опредѣлить, Бель-Кассемъ-бенъ-Саидъ, сѣдельникъ въ 3 полку спаговъ, сдѣлался любовникомъ Фатьмы-великанши. Во время частыхъ посѣщеній онъ замѣтилъ, что у этой женщины было много драгоцѣнныхъ камней и платьевъ.

Этотъ человѣкъ, страстно любившій женщинъ и не разъ тративній на нихъ денегъ болѣе, чѣмъ сколько позволяли ему средства, рѣшился для поправленія своихъ обстоятельствъ ограбить Фатьму.

Въ сообщники себѣ онъ выбралъ Магомета-бенъ-Какуаба, тоже сѣдельника, подобнаго ему игрока и кутилу.

Заманивъ Фатьму въ сады, окружающіе Константину, было легко ее убить и ограбить, но необходимы были другіе сообщники, для того чтобы скрыть трупъ. Они рѣшились обратиться къ ихъ товарищамъ по кутежу: 1) Ахмету-бенъ-Шерифу, который былъ многимъ обязанъ Бенъ-Какуабу и Бель-Кассему, и 2) къ Ахмету-бенъ-Сала, которому принадлежалъ садъ въ окрестностяхъ города; садъ этотъ могъ служить мѣстомъ для убійства.

Но прежде, нежели открыться ихъ новымъ сообщникамъ, Бель-Кассемъ и Бенъ-Какуабъ рѣшились подѣйствовать на нихъ показавъ имъ ту богатую добычу, которую они могли захватить.

Въ пятницу, 19 февраля, четыре пріятеля встрѣтились въ кафе Малка. Бель-Кассемъ объявилъ остальнымъ, что онъ получилъ письмо отъ Фатьмы и предложилъ всѣмъ имъ отправиться къ ней ночевать. Его предложеніе было принято. Они отправились обѣдать въ маленькій домъ, который Бель-Кассемъ и Бенъ-Какуабъ нанимали около воротъ Жебіа. Они вышли оттуда къ 8 часамъ вечера и оставались нѣсколько времени въ кафе Малка. Потомъ всѣ они, за исключеніемъ Бель-Кассема,

который отъ нихъ отдѣлился, чтобы идти купить провизію отправились къ Фатьмѣ.

У ней они провели вечеръ, пили вино и разговаривали. Въ 12 часовъ или въ часъ ночи Бель-Кассемъ сказалъ своимъ товарищамъ, чтобы они отправились въ комнату, находящуюся противъ той, въ которой жила старуха-мавританка; самъ-же остался съ своею любовницею.

На слѣдующій день они ушли, и дорогой Бель-Кассемъ предложилъ товарищамъ убить Фатьму.

— За что-же, что намъ сдѣлала эта женщина? Сказали Бенъ-Сала и Бенъ-Шерифъ.

— У ней много денегъ, отвѣчалъ Бель-Кассемъ.

— Но французское правосудіе насъ захватитъ и мы рискуемъ нашими головами?

— Будьте покойны, сказалъ Бенъ-Какуабъ, я пять лѣтъ жилъ въ Тунисѣ, я продамъ въ немъ всѣ вещи, и никто ничего не узнаетъ.

— Тогда, прибавилъ Бенъ-Сала въ своихъ показаніяхъ, мы согласились участвовать въ убійствѣ.

Съ этой минуты мысль о преступленіи, задуманная Бель-Кассемомъ и Бенъ-Какуабомъ, была принята всѣми ихъ сообщниками; оставалось только привести ее въ исполненіе такъ, чтобы сбить съ толку первые поиски правосудія.

Первый планъ состоялъ въ томъ, чтобы подъ какимъ нибудь предлогомъ завлечь Фатьму за городъ и заставить ее исчезнуть такъ, чтобы не было возможности найти ея слѣдовъ. Для этого и приняли Бенъ-Сала въ сообщники, не ожидая, что онъ будетъ этому сопротивляться. Но онъ замѣтилъ, что если убійство будетъ совершено въ его саду, то надо будетъ купить молчаніе новыхъ свидѣтелей, взять новыхъ сообщниковъ и уменьшить выгоды преступленія. Тогда рѣшились убить Фатьму въ ея собственномъ домѣ.

Однако они изъ предосторожности уже сказали Фатьмѣ о прогулкѣ за городъ, и Фатьмѣ мысль эта очень понравилась.

Такимъ образомъ, въ субботу 20 февраля, она вышла въ сопровожденіи старой мавританки и молодой еврейки, ея горничной, черезъ ворота Эль-Кантара. Никто не видѣлъ, чтобы обвиненные были съ ними, но Бенъ-Шерифъ разсказываетъ всѣ

обстоятельства этой прогулки и говоритъ, что участвовалъ съ ней съ своими товарищами.

Заговорщики въ теченіи дня, два раза видѣлись между собою, сначала на площади, а потомъ подъ сводомъ Даръ-ель-бей. Исполненіе преступленія должно было происходить вечеромъ. Роль каждаго изъ нихъ была опредѣлена заранѣе. Они разстались и сговорились собраться въ 8 часовъ или въ кафе Малка, или въ домѣ у воротъ Жебія.

Въ ту минуту, когда они отправлялись къ Фатьмѣ, Бель-Кассемъ, какъ и наканунѣ, былъ посланъ купить провизію и присоединился къ своимъ сообщникамъ уже послѣ того, какъ они были введены въ домъ Фатьмы еврейкою.

Они стали пить и весело разговаривать. Каждый изъ нихъ старался какъ можно болѣе напоить Фатьму, и часъ, назначенный для совершенія преступленія, уже насталъ, вдругъ Бенъ-Сала, мучимый боязнію и раскаяніемъ, объявилъ, что съ нимъ сдѣлалось дурно, сошелъ во дворъ и объявилъ товарищамъ, что онъ *не* позволитъ убить Фатьму. Послѣдняя же, которая повѣрила, что съ нимъ сдѣлалось дурно, высказала ему много предупредительности и дала ему выпить лимоннаго сока, который сама приготвила.

Не успѣвъ побѣдить упорства Бенъ-Сала, заговорщики не остались на ночь въ домѣ Фатьмы. Бель-Кассемъ возвратился къ себѣ, Бенъ-Сала отправился въ кафе Малка, Бенъ-Какуабъ и Бенъ-Шерифъ почевали въ своихъ комнатахъ у воротъ Жебія.

На слѣдующій день угрызенія совѣсти Бенъ-Сала исчезли, и четыре сообщника вновь принялись за начатое ими предпріятіе. Соединившись съ утра подъ сводомъ Даръ-эль-бей, они сговорились сойтись вновь въ этомъ мѣстѣ къ 5 часамъ.

Всѣ они пришли на мѣсто свиданія; потомъ, чтобы не возбудить подозрѣній, снова раздѣлились, назначивъ вечеромъ собраться на площади. Въ этотъ вечеръ на Бель-Кассемѣ не былъ надѣтъ его обыкновенный костюмъ; онъ замѣнилъ бурнусъ спаговъ полосатымъ бурнусомъ. Тюрбанъ съ красными полосами былъ на его головѣ, а каикъ (плащъ) закрывалъ его всего.

Въ указанный часъ заговорщики соединились. Они тотчасъ отправились къ дому улицы Гинаръ. Дорогою они купили апельсиновъ, миндаля и финиковъ. Дойдя до возвышенности Касба,

Бель-Кассемъ ушелъ какъ и всегда, чтобы купить вина, но онъ вина не принесъ. »*Все равно*», сказалъ онъ входя къ Фатьмѣ, гдѣ уже были его товарищи, «*мы будемъ разговаривать*».

Они разговаривали до 12 часовъ вечера; въ это время Бель-Кассемъ объявилъ, что онъ усталъ и сказалъ сообщникамъ, чтобы они ушли въ сосѣднюю комнату.

Но въ ту минуту, какъ они выходили, старая мавританка позвала Бенъ-Шерифа и предложила ему спать въ комнатѣ женщинъ; Бенъ-Шерифъ тотчасъ же согласился на это предложеніе, которое облегчало совершеніе преступленія, и легъ спать между молодою дѣвочкою (дочерью старухи) и барабаномъ, который стоялъ въ этой комнатѣ.

Нѣсколько минутъ спустя всякій шумъ прекратился въ домѣ и всѣ спали или притворялись, что спятъ. Когда Бель-Кассемъ замѣтилъ, что его любовница была погружена въ сонъ, онъ тихонько всталъ, пошелъ къ Бенъ-Какуабу и Бенъ-Сала и объявилъ имъ, что настала минута дѣйствовать. Ихъ намѣреніе составилось окончательно, и никто не отступилъ отъ него.

Всѣ трое, они безъ шуму вошли въ комнату Фатьмы; Бель-Кассемъ подвелъ ихъ къ самой кровати; самъ онъ внезапно схватилъ Фатьму за горло, тогда какъ Бенъ-Какуабъ зажималъ ей ротъ, чтобы помѣшать кричать.

Но Фатьма была необыкновенно сильна и хотя лежала на животѣ, но сопротивлялась со всею энергіею отчаянія. Убійцы, начиная уставать, позвали на помощь Бенъ-Сала, который, навалившись всѣмъ тѣломъ на спину и плечи Фатьмы, совершенно лишилъ ее возможности сдѣлать малѣйшее движеніе.

Воспользовавшись этимъ, Бель-Кассемъ и Бенъ-Какуабъ начали тянуть въ разныя стороны оконечности тюрбана, завязаннаго ими вокругъ шеи несчастной женщины. Послѣ этого она лишилась чувствъ, и скоро Бенъ-Сала увидѣлъ, что агонія ея кончилась, что убійство совершено и что ему можно встать.

Но Бенъ-Какуабъ, болѣе благоразумный и опытный, опасаясь, чтобы теплота не возвратила въ легкія нѣсколько воздуху, схватилъ платокъ, который случайно очутился подъ его рукою, и завязалъ его петлею вокругъ шеи Фатьмы.

Въ эту минуту Бель-Кассемъ направлялся къ комнатѣ женщинъ и сказалъ: «надо убить и остальныхъ».

Сопровождаемый сообщниками, онъ началъ всходить по ступенямъ лѣстницы, которая вела туда, и разбудилъ Бенъ-Шерифа для того, чтобы и онъ помогъ имъ совершить новыя убійства.

Надо сказать, что среди этой сцены убійства и воровства, спокойный сонъ молоденькой мавританки пробудилъ въ душахъ убійцъ угрызенія совѣсти. Предложили пощадить ее и отвести въ отдаленное племя. Но Бенъ-Какуабъ, а другіе говорятъ, что и Бенъ-Сала воспротивились этому.

Бенъ-Какуабъ первый поразилъ еврейку кружкою, которая была въ его рукахъ; несчастная проснулась и была тотчасъ же задушена Бенъ-Сала. Въ эту же минуту Бенъ-Шерифъ, который былъ хромъ и менѣе силенъ, нежели прочіе, схватилъ молодую мавританку, между тѣмъ какъ Бель-Кассемъ задушилъ старую мать ея.

Скорчившись на постеляхъ женщинъ, убійцы ногами сдерживали ихъ движенія. Они сняла съ головъ женщинъ ихъ косынки, обвязали ими вокругъ ихъ шеи и удушили ихъ. Скоро гробовое молчаніе стало царствовать во всемъ домѣ.

Преступленіе было кончено, оставалось воспользоваться его плодами.

Было, по словамъ Бенъ-Сала, около двухъ часовъ утра и до разсвѣта оставалось болѣе, чѣмъ нужно, времени для того, чтобы ограбить домъ. Убійцы этимъ воспользовались. Они зажгли огарокъ свѣчки.

Въ комнатѣ былъ сундукъ, изъ котораго они вынули все, что въ немъ было драгоцѣннаго. Изъ вещей сдѣлали узелъ, который и поручили Бенъ-Сала; остальные же преступники проникли въ комнату Фатьмы и завладѣли ея драгоцѣнностями. Чтобы снять съ нея драгоцѣнности, ее вытащили изъ постели. Въ сундукъ, который они взломали, нашли двѣ маленькихъ коробки, наполненныхъ драгоцѣнными камнями. Они нашли также шитыя подушки, бархатныя и шелковыя платья, шитыя золотомъ и проч. Все, что только по ихъ мнѣнію имѣло какую нибудь цѣнность, все это убійцы собрали, связали въ отдѣльные узлы и спрятали подъ свои бурнусы. Затворя двери, выходившія на улицу, они унесли съ собою ключъ. Разсвѣтъ уже начинался; потому убійцы поспѣшно удалились и направились къ дому у воротъ Жебія; тамъ они немедленно приступили къ дѣлежу.

Дѣлежъ происходилъ слѣдующимъ образомъ: Бенъ-Какуабъ получилъ пару браслетовъ съ рубинами, другую пару поменьше изъ золота, ожерелье, серьги украшенныя брилліантами, кольца два перстня, юбку, кафтанъ и женскую кофту.

Бенъ-Сала́ получилъ также пару браслетъ, къ которымъ прибавили двѣ пары серегъ, золотыя кольца, фуляры и платье, шитое золотомъ.

Бенъ-Шерифъ, который менѣе другихъ принималъ участія въ убійствѣ, получилъ женскій поясъ и двѣ пары колецъ для ногъ. Все остальное досталось Бель-Кассему, начальнику заговора, который потому и получилъ большую долю.

Когда раздѣлъ былъ конченъ, Бенъ-Сала отправился на рынокъ, чтобы продать овощи своего сада. Онъ поручилъ свою часть добычи Бель-Кассему, который пользовался полнымъ съ его стороны довѣріемъ. Бенъ-Шерифъ поручилъ свою долю Бенъ-Какуабу, который отправился съ Бель-Кассемомъ въ садъ Бенъ-Сала, и зарылъ въ землю награбленныя сокровища.

Нѣсколько дней спустя, Бель-Кассемъ, пользуясь деньгами, чтобы удовлетворить свою страсть къ женщинамъ, похитилъ съ помощью своихъ сообщниковъ жену Магомеда-Бенъ-Таиба, сѣдельника спаговъ.

Проводя дни въ садѣ Бенъ-Сала, четыре убійцы стали предаваться пьянству, но скоро у нихъ вышла вся провизія и надо было ее возобновить. Бенъ-Сала и Бенъ-Какуабъ отправились въ трактиръ и, оставивъ въ залогъ браслетъ, получили 9 бутылокъ вина, хлѣба и салату.

Бель-Кассемъ, для котораго совершено было похищеніе, обыкновенно платилъ за расходы. Скоро онъ прибѣгнулъ къ одному изъ своихъ работниковъ, котораго и послалъ за деньгами. Работнику дали нѣсколько золотыхъ монетъ, составлявшихъ ожерелье Фатьмы, чтобы размѣнять ихъ. Эти золотыя монеты были размѣнены, а деньги принесены Бель-Кассему.

Но Бель-Кассемъ нѣсколько дней уже не являлся въ свой полкъ и это нарушеніе дисциплины имѣло то послѣдствіемъ, что его посадили въ тюрьму.

Въ то время, какъ онъ былъ въ тюрьмѣ, Зора, жена Бенъ-Таиба, оставалась съ товарищами ея похитителя и сдѣлалась

ихъ любовницею. Женщина Сотеръ показываетъ, что при ней Зора, уже пьяная, плача, говорила обвиненнымъ: «вы меня поите пьяной, потому что Бель-Кассемъ въ тюрьмѣ».

Когда Бель-Кассемъ вышелъ изъ тюрьмы, онъ увелъ съ собою свою любовницу въ городъ, устроилъ ея развод съ мужемъ и женился на ней. Для свадьбы онъ истратилъ около 300 франковъ. Однажды онъ показалъ работникамъ кофту, шитую золотомъ, которую онъ, по его словамъ, купилъ для жены.

Наконецъ, на него представлено было долговое обязательство въ 150 франковъ. Онъ позвалъ къ себѣ кредитора, отвелъ его въ маленькій домъ около воротъ Жебія и показалъ ему кафтанъ изъ фіолетоваго бархата, шитый золотомъ, говоря, что онъ отдаетъ ему это платье за 200 франковъ. Когда же кредиторъ захотѣлъ показать кафтанъ третьему лицу, то Бель-Кассемъ воспротивился этому, не желая, по его словамъ, чтобы это платье видѣли въ городѣ.

Между-тѣмъ между сообщниками возникли споры относительно дележа. Къ тому же надо было продать награбленныя вещи; всякій день увеличивалъ опасность ихъ положенія. Они рѣшились бѣжать въ Тунисъ черезъ городъ Бонну и воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы перебраться въ Бонну.

Дѣйствительно, Бенъ-Сала взялъ свою часть у Бель-Кассема и всѣ, кромѣ послѣдняго, оставили Константину. Состоя на службѣ, Бель-Кассемъ не могъ бѣжать, а потому отдалъ награбленныя вещи купцу Хаджи-Буджану, который отправлялся въ Тунисъ.

Изъ Бонны бѣглецы вмѣстѣ съ караваномъ отправились въ Керъ. Тамъ Бенъ-Какуабъ и Бенъ-Сала продали семь фуляровъ и красный кафтанъ изъ сукна, обшитый золотомъ. Выгодная цѣна, которую они выручили, заставила ихъ пожалѣть, что они не сохранили всѣхъ предметовъ. Въ Тунисѣ они поселились въ домѣ, который принадлежалъ Магомеду-Бенъ-Трабельзи.

Въ этомъ городѣ они считали себя внѣ всякой опасности и скоро стали открыто показывать награбленныя вещи.

Бенъ-Какуабъ открылъ сѣдельный магазинъ, онъ завелъ любовницу и сталъ жить довольно богато. Чтобы продать драгоцѣнные камни, онъ обратился къ своему двоюродному брату,

Бенъ-Гериру, который и продалъ золотыя кольца и брилліантовыя серьги.

Бенъ-Сала съ своей стороны продалъ пару браслетовъ, но остальныхъ драгоцѣнностей у него никто не хотѣлъ покупать, потому-что онъ не могъ объяснить, какъ онъ ихъ пріобрѣлъ. Бенъ-Сала возвратился въ Константину и былъ здѣсь арестованъ.

Между-тѣмъ Бенъ-Какуабъ считалъ себя внѣ всякой опасности и не только отказался возвратить Бенъ-Шерифу тѣ вещи, которыя были назначены ему по дѣлежу, но и хвалился публично своими злодѣяніями. Во время обѣда, будучи пьянъ, онъ со всѣми подробностями разсказалъ обстоятельства, сопровождавшія убійство Фатьмы; объ этомъ тотчасъ же было написано въ городъ Константину.

Вслѣдъ затѣмъ Бенъ-Шерифъ былъ арестованъ. Но Бенъ-Какуабъ, болѣе благоразумный, продалъ свой магазинъ и бѣжалъ въ городъ Баджу на границѣ Сахары. Однако вскорѣ и онъ былъ арестованъ и привезенъ въ Константину.

Не смотря на улики, показанія свидѣтелей и собственное признаніе ихъ сообщниковъ, Бель-Кассемъ и Бенъ-Какуабъ не сознались ни въ чемъ. Бель-Кассемъ во время судебнаго производства, 13 октября, пытался уйти изъ тюрьмы, вырывъ проходъ подъ стѣною тюрьмы.

Вслѣдствіе этого въ ассизномъ судѣ Константины были обвинены:

Бель-Кассемъ-Бенъ-Саидъ, Магомедъ-Бенъ-Какуабъ, Ахметъ-Бенъ-Сала и Ахметъ-Бенъ-Шерифъ въ томъ:

1) что они въ ночь 21—22 февраля 1847 г. совершили убійство, посредствомъ удушенія, надъ женщинами: Фатьмою великаншею, Джуа-Бенъ-Ламино, Фатьмою-Бентъ-Эзземоръ и Бентъ Шейею, каковое убійство совершено было съ предумышленіемъ и было сопровождаемо кражею.

2) Бель-Кассемъ-Бенъ-Саидъ кромѣ того въ томъ, что въ ночь 13 октября пробовалъ убѣжать изъ тюрьмы.

Судъ присудилъ Бель-Кассема и Бенъ-Саида и Магомеда-Бенъ-Какуаба къ смертной казни, Махмеда-Бенъ-Шерифа къ пожизненной каторжной работѣ, и Магомета-Бенъ-Сала къ 20-ти лѣтней каторжной работѣ.

Разсматривая это дѣло мы находимъ, что съ цѣлью

убійства Фатьмы преступниками составленъ былъ *заговоръ*, цѣль котораго состояла именно въ убійствѣ Фатьмы и ея прислуги, и въ ограбленіи дома; причемъ опредѣлены были заранѣе цѣль, время и средства къ совершенію преступленія. Коноводомъ и виновникомъ преступленія (dux criminis) является Бель-Кассемъ. *Онъ первый возъимѣлъ мысль убить и ограбить свою любовницу*, подыскалъ себѣ сообщниковъ и первый приступилъ къ выполненію убійства. Физическими пособниками являются остальныя лица, изъ которыхъ затѣмъ наибольшую степень вины представляетъ Бенъ-Какуабъ, потомъ Бенъ-Сала и наконецъ Бенъ-Шерифъ. Поэтому намъ кажется, что ассизный судъ неравномѣрно распредѣлилъ наказаніе между Бенъ-Шерифомъ и Бенъ-Сала, приговоривъ послѣдняго къ двадцатилѣтней каторжной работѣ, перваго же къ пожизненной каторгѣ. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы поступить на оборотъ: Бенъ-Шерифъ не принималъ ни какого участія въ задушеніи Фатьмы, онъ въ это время спалъ въ другой комнатѣ, тогда—какъ помощь Бенъ-Сала имѣла рѣшительное вліяніе на ходъ убійства Фатьмы. Хотя же Бенъ-Сала прежде этого и помѣшалъ совершенію убійства надъ Фатьмою, но въ послѣдствіи времени не только принималъ участіе въ ея задушеніи, но и воспротивился намѣренію своихъ сообщниковъ пощадить жизнь молодой мавританки. По нашему мнѣнію, дѣлежъ награбленныхъ вещей служитъ *наилучшимъ мѣриломъ того участія, которое каждый изъ* сообщниковъ принималъ въ убійствѣ, а между-тѣмъ доля Бенъ-Шерифа сравнительно съ долею Бенъ-Сала, является ничтожною. Все это приводитъ къ убѣжденію, что Бенъ-Сала, какъ принимавшій большее участіе въ преступленіи, нежели Бенъ-Шерифъ, подлежалъ и болѣе тяжкой наказуемости.

III. Дѣло объ убійствѣ семейства Дауріо.

5-го декабря 1857 года въ воскресенье ужасное извѣстіе разнеслось въ городѣ Кассенейлѣ, находящемся въ департаментѣ Ло и Гаронны. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этого города, три трупа были найдены въ домѣ г. Дауріо. Слѣдственный судья тотчасъ приступилъ къ осмотру мѣстности и удостовѣрился, что цѣлое семейство погибло отъ ужаснаго преступленія. Видъ изу-

родованныхъ тѣлъ, покрытыхъ кровью и грязью, не представлявшій ничего человѣческаго, — первое время лишилъ слѣдователей возможости опредѣлить, когда именно произошла смерть и даже узнать, кто именно были убитые, до такой степени свирѣпость убійцъ изуродовала трупы.

Семейство Дауріо состояло изъ Варѳоломея Дауріо, старика 60 лѣтъ отъ роду, Маргариты Туйль его жены, имѣвшей 62 года, и Маріи Лаказъ, жены Іоана Дауріо, ихъ невѣстки 34-хъ лѣтъ отъ роду; дочь супруговъ Дауріо,—Франциска была замужемъ за Іосифомъ Фоше и жила въ городѣ Кассенейлѣ.

Франциска Фоше первая сообщила извѣстіе объ этомъ преступленіи. Утромъ 5-го декабря она пришла къ обѣднѣ въ Кассенейль и спрашивала у многихъ лицъ, не видѣли-ли въ этотъ день ея отца и мать; потомъ она направилась къ ихъ дому, стараясь собрать вокругъ себя побольше сосѣдей. Войдя въ домъ отца, Франциска вскорѣ выбѣжала изъ него, посмотрѣла вокругъ себя, какъ бы для того, чтобы удостовѣриться, что ее всѣ услышатъ,—и потомъ стала громко кричать.

Сосѣди и одно лицо, которое сопровождало ее до дверей дома, сбѣжались и окаменѣли отъ ужаса, увидѣвъ въ очень узкой комнатѣ среди лужи крови три трупа, страшно изуродованные и лежащіе одинъ на другомъ. Позже узнали ихъ: это были члены семейства Дауріо, которые одни жили въ этомъ домѣ.

Все въ комнатѣ доказывало, что преступленіе совершено было послѣ продолжительной борьбы: Марія Дауріо лежала почти у самой двери, на которой были слѣды, оставленные отъ прикосновенія окровавленной руки; она повидимому долго сопротивлялась, потому-что вся правая рука была покрыта ранами, нанесенными оружіемъ, которое она старалась удержать; *кисть лѣвой руки была отрублена и не было возможности найти ее*; шея была перерѣзана острымъ орудіемъ, а обнаженный черепъ разбитъ тупымъ орудіемъ. Ротъ ея, наполненный кровью, по видимому былъ завязанъ.

Маргарита Дауріо, лице которой лежало въ пеплѣ очага, была также ранена въ руку, щеку и въ подбородокъ, а отъ уха огромная рана, спускаясь до позвоночнаго столба, отдѣляла голову отъ туловища; черепъ былъ также раздробленъ.

Наконецъ старикъ, распростертый у ногъ своей жены, не имѣлъ

раны, но тѣло его было покрыто ушибами, платье замарано грязью какъ бы отъ давленія чей-то ноги; около него лежала салфетка, связанная узломъ, которою вѣроятно завязывали ему ротъ. Можетъ быть онъ отказался говорить или дѣйствовать согласно тому, какъ ему приказывали убійцы, и тогда ударъ камнемъ, оторваннымъ отъ печки, прекратилъ его страданія, раздробивъ черепъ несчастнаго.

Изложимъ затѣмъ содержаніе *обвинительнаго акта* по этому дѣлу: «очень важно было опредѣлить день и часъ, когда было совершено преступленіе; сначала объ этомъ существовало недоумѣніе. Доктора означали четвергъ или пятницу днемъ учиненія преступленія. Но Анна и Петръ, супруги Делеръ, показали, что они встрѣтили утромъ въ пятницу Марію Дауріо въ Кассенейлѣ. И такъ преступленіе было совершено въ *пятницу*; часъ совершенія преступленія съ точностью опредѣленъ докторами. Оно было совершено черезъ часъ послѣ вечерняго обѣда-надъ женщинами, а черезъ 4 часа послѣ обѣда—надъ старикомъ. Было извѣстно въ околоткѣ, что Варѳоломей Дауріо ужиналъ послѣ 4-хъ часовъ пополудни, а женщины около 7 часовъ. Вскрытіе тѣлъ и медицинскій осмотръ желудка не оставили никакого сомнѣнія въ вѣрности этаго заключенія.

«Домъ Дауріо былъ совершенно уединенъ. Около него находился только домъ семейства Іоана Сальбана, разстояніе между ними было въ 25 метровъ. Слѣдователямъ показалось невѣроятнымъ, чтобы отецъ, мать или сынъ Сальбаны, которые жили на столь близкомъ разстояніи, не слышали ничего въ пятницу вечеромъ, чтобы въ субботу или въ воскресенье утромъ они не замѣтили отсутствія семейства Дауріо, которые постоянно ходили около своего дома, чтобы они наконецъ не старались посѣтить этотъ домъ, дверь котораго была заперта. На этомъ основаніи пришли къ заключенію, что убійцы, рѣшившись совершить преступленіе, должны были предварительно получить согласіе семейства Сальбановъ, сосѣдство котораго могло бы воспрепятствовать выполненію ихъ плана. Однако подозрѣнія правосудія не тотчасъ пали на семейство Сальбановъ, но обратились первоначально на Фоше, зятя Дауріо, и въ особенности на жену его Франциску, поведеніе которой въ воскресенье утромъ показалось всѣмъ очень не натуральнымъ. Фоше былъ арестованъ и отведенъ въ тюрь-

му въ Вилльнёвъ. Тамъ онъ вошелъ въ сношеніе съ арестантомъ Субріе, который нѣкогда вмѣстѣ съ Фоше былъ лакеемъ у г. Виллатъ. Субріе, по приказанію начальства тюрьмы, началъ стараться пріобрѣсть довѣріе Фоше, сталъ его распрашивать и скоро добился отъ него слѣдующаго показанія: Фоше, вмѣстѣ съ женою своею Франциской пришелъ вечеромъ къ дверямъ дома ея отца. Франциска стала просить позволенія переночевать, и старикъ отворилъ дверь. Совершивъ убійство, онъ Фоше отправился къ своему хозяину г. Виллатъ, унося съ собою окровавленные ночной колпакъ, юбку, платокъ и полотняные панталоны, которые онъ далъ вымыть дѣвушкѣ Виллатъ, находившейся съ нимъ въ любовной связи. Затѣмъ всѣ они ужинали у Сальбановъ.

«Какъ только правосудіе узнало объ этихъ показаніяхъ, оно допросило Франциску Фоше, которая долго не сознавалась ни въ чемъ, наконецъ подтвердила во всемъ показанія своего мужа. Она дополнила ихъ, указавъ на сообщничество въ преступленіи Сальбановъ, отца и сына, которые по ея словамъ снабдили убійцъ оружіемъ и платьемъ. Она дала понять, что въ преступленіи замѣшаны и другія лица, не указывая ихъ, но отклоняла всякое участіе съ ея стороны въ совершеніи преступленія. Сальбанъ, первый возъимѣлъ мысль о преступленіи; она не соглашалась, но онъ сталъ угрожать ей ножемъ, и она упавъ въ обморокъ почти на порогѣ дома Сальбана, оставалась тутъ во время совершенія убійства.

«Впослѣдствіи на допросахъ, дѣлаемыхъ ей въ присутствіи ея мужа, Франциска, отказалась совершенно отъ своихъ показаній, но послѣ того вновь подтвердила ихъ, входя еще въ большія подробности совершенія преступленія. Она даже указала на два лица, которыя находясь въ овинѣ, присоединились къ Сальбану и къ ея мужу, чтобы окончить преступленіе. Это были братья Этьенъ и Петръ Констаны, мясники въ городѣ Кассенейлъ.

«Было очень важно отобрать отъ дѣвицы Виллатъ подробныя свѣдѣнія о вѣрности показаній Фоше. Послѣ долгихъ колебаній, она созналась, что находится съ Фоше въ любовной связи. Тогда ея отецъ и братъ, которые вѣроятно хотѣли сохранить ея имя отъ нареканій, сдѣлали показаніе, что Фоше, ихъ лакей, не оставлялъ ихъ дома въ пятницу вечеромъ въ 10 часовъ; она же

показала, что онъ ушелъ около 7 часовъ, что она дала ему юбку, и что вещи, названныя Субріе, т. е. панталоны, платокъ, колпакъ и юбка были ей возвращены въ субботу, покрытые кровью и что она ихъ вымыла. Это точное показаніе, подтвердившее сознаніе Фоше, заставило сознаться ея брата и отца, что Фоше *отсутствовалъ* въ пятницу съ 7 часовъ вечера. Панталоны Фоше, сшитые изъ холста, признанные имъ за свои и узнанные двумя Виллатъ, были подвергнуты медицинскому осмотру, и эксперты нашли на нихъ слѣды крови въ особенности на колѣнѣ. Другіе панталоны шерстяные, найденные у Фоше и ему принадлежащіе, представляли также слѣды крови; въ особенности замѣтно было на колѣнѣ пятно, которое совпадаетъ съ пятномъ полотняныхъ панталонъ.

«Обнаженная нога Фоше была слегка запачкана обсохшею кровью, и мѣсто это на ногѣ соотвѣтсвовало именно тѣмъ пятнамъ, которыя найдены на панталонахъ. Лезвіе длиннаго ножа, принадлежащаго Фоше, также по видимому было недавно вычищено, ручка же его подскоблена.

«У Сальбановъ, послѣ ихъ арестованія нашли: топоръ, серпъ и длинный ножъ, подобные тѣмъ, какіе описывала Франциска Фоше. Эти орудія представляли, не смотря на недавнее обмытіе ихъ, пятна, *которыя нельзя было химически анализировать, но которыя походили на кровяныя.* У нихъ нашли также четыре пары панталонъ, изъ нихъ трое холщевыхъ, только-что вымытыхъ и одну пару шерстяныхъ, которые представляли слѣды крови. Сальбаны показывали, что они не мыли платья и бѣлья, однако у нихъ нашли мыльную воду въ котлѣ. Эта вода заключала въ себѣ, какъ оказалось изъ химическаго анализа, огромное количество животныхъ органическихъ веществъ. Сальбаны доказывали, что пятъ слѣдовъ крови на ихъ панталонахъ, но впослѣдствіи отецъ Сальбанъ старался объяснить присутствіе крови тѣмъ, что на ногѣ его шесть мѣсяцевъ тому назадъ была рана.

«Съ другой стороны Франциска Фоше съ точностію описывала костюмъ Сальбановъ, изъ которыхъ при совершеніи убійства отецъ былъ въ бумажномъ, а сынъ въ шерстяномъ колпакѣ. *Зачѣмъ была эта стирка? Зачѣмъ были вымыты эти четыре пары панталонъ?* Вѣроятно заговоръ былъ задуманъ Саль-

банами, они дали двѣ пары панталонъ двумъ лицамъ, которыя пришли изъ г. Кассенейля, чтобы принять участіе въ преступленіи, и вѣроятно они приняли на себя обязанность истребить всѣ слѣды крови въ мыльной водѣ, которая была уже заранѣе приготовлена.

«Что касается до участія Маргариты Мули, жены Сальбана, то по показанію Франциски Фоше она сопровождала своего сына и мужа, до мѣста совершенія убійства и осталась у дверей дома Дауріо, чтобы сторожить.

«Обвиненія Франциски были нѣсколько неопредѣлительны относительно братьевъ Констанъ. Но вотъ что открыло слѣдствіе: къ 8 часамъ вечера г. Лун-Баро встрѣтилъ въ Кассенейлѣ двухъ или трехъ человѣкъ, которые шли ускореннымъ шагомъ къ мѣсту, гдѣ впослѣдствіи совершено было преступленіе. Кромѣ того его сильно толкнули локтемъ прохожіе въ $10\frac{1}{2}$ часовъ *вечера. Тотъ-же* свидѣтель слышалъ пѣніе въ томъ-же направленіи. Онъ пошелъ къ дверямъ своего дома и не прошло четверти часа, какъ услышалъ, что двое или трое людей бѣгутъ къ городу; темнота не позволила ему узнать, кто они были. Домъ Дауріо находился въ разстояніи получасоваго пути отъ города Кассенейль. Оба брата Констанъ были допрошены о томъ, какъ они провели вечеръ отъ 7 до 10 часовъ въ пятницу 3-го декабря.—Этьенъ показалъ, что онъ возвратился къ себѣ домой въ 6 часовъ вечера и не выходилъ изъ дому, что онъ легъ спать въ 7 часовъ и всталъ въ 12-ть, для того, чтобы разсѣчь въ своей лавкѣ корову, которую онъ убилъ съ братомъ въ пятницу утромъ. Тоже показалъ и Петръ Констанъ, но эти показанія опровергнуты посторонними лицами, именно Этьенъ былъ встрѣченъ между 7 и 8 часами г. Руссо, и въ тотъ же часъ воротился домой съ портнымъ Лубе. Онъ лжетъ, опредѣляя часъ своего обѣда въ три часа, тогда-какъ обѣдалъ въ пять часовъ; двое свидѣтелей кромѣ того видѣли его въ лавкѣ въ $10\frac{1}{2}$ часовъ, тогда-какъ онъ показываетъ, что проснулся лишь въ 12 часовъ. Наконецъ въ субботу утромъ онъ сказалъ г. Руссо, что не разсѣкалъ коровы до утра. И такъ показанія братьевъ Констанъ ложны.

«Кровь, найденная на ихъ платьѣ, могла бы быть сомнительною вслѣдствіе ихъ профессіи. Но надо замѣтить, что куртка Петра Констана была только-что вымыта, съ другой стороны ножъ

ихъ былъ наточенъ два раза въ 15 дней, что не въ обыкновеніи людей, которые подобно братьямъ Констанъ, только по временамъ имѣютъ занятія мясниковъ.

«Предъидущая жизнь Сальбановъ обнаружена судомъ: старикъ Сальбанъ былъ очень жестокъ съ своею первою женою, онъ своимъ обращеніемъ съ нею сократилъ ея дни. Что же касается Фоше и его жены, то родственныя связи, которыя соединяютъ ихъ съ несчастными жертвами, не позволяютъ дать имъ второстепенную роль въ совершеніи преступленія. Очевидно, что они въ своихъ показаніяхъ старались уменьшить свою вину. Между тѣмъ Фоше тѣмъ менѣе имѣлъ поводовъ скрывать отъ Субріе свое участіе въ убійствѣ, что предлагалъ ему сумму 200 франковъ, когда они жили вмѣстѣ у Виллата за сообщничество его въ этомъ преступленіи. Такимъ образомъ открывается преду-мышленіе.

«Это предложеніе, сдѣланное Субріе, объясняетъ цѣль Сальбановъ и братьевъ Констанъ. Сальбаны хотѣли пріобрѣсть деньги, которыя имъ были нужны, какъ открыло слѣдствіе, для того чтобы освободить ихъ сына отъ обязанности служить въ военной службѣ; кромѣ того они издавна были врагами Дауріо. Супруги Фоше совершили отцеубійство, чтобы ускорить полученіе наслѣдства и выиграть сумму 1500 франковъ, которую Дауріо хотѣли заплатить Мауріи Дуріо; *на эти деньги, Фоше долженъ былъ купить участокъ земли*. Если-же убійцы не завладѣли деньгами, находящимися въ домѣ, то потому, что въ 10 часовъ, когда вѣроятно они только-что начали грабить домъ, толпа модистокъ и молодыхъ людей проходила мимо дома и пѣла; ихъ пѣсни испугали убійцъ, которые и выбѣжали изъ дома».

Послѣ чтенія обвинительнаго акта произведенъ былъ въ судѣ допросъ свидѣтелей и произнесены обвинительныя и защитительныя рѣчи.

Присяжные, совѣщавшіеся въ теченіе 3 часовъ, освободили отъ суда жену Сальбана, сына Сальбана и братьевъ Констанъ; виновными признали: Іосифа Фоше, Франциску Фоше и старика Сальбана. Относительно Франциски Фоше допущены были смягчающія вину обстоятельства.

Вслѣдствіе сего Фоше и Сальбанъ присуждены были судомъ

къ смертной казни, а Франциска Фоше къ пожизненной каторжной работѣ.

Всѣ три обвиненные принесли жалобы кассаціонному суду, который уничтожилъ прежнее производство, а потому дѣло перепесено было на разсмотрѣніе суда присяжныхъ д-та Жеръ (Gers) и подвергнуто пересмотру.

Вотъ дальнѣйшее направленіе этаго дѣла въ судѣ:

Въ 10 часовъ жандармы ввели въ судъ обвиненныхъ.

Фоше средняго роста, ему 28 лѣтъ отъ роду. Его лице правильно, и выражаетъ энергію; Франциска Фоше его жена, имѣетъ крупныя черты лица; Сальбану 56 лѣтъ, но онъ имѣетъ видъ совершенно дряхлаго старика.

Президентъ первому обвиненному: какъ ваше имя, и какой вы профессіи?

Отв. Іосифъ Фоше, я земледѣлецъ.

В. Гдѣ вы живете?

О. Въ Кассенейлѣ.

В. Давно ли вы женаты, есть-ли у васъ дѣти?

О. Женатъ съ 1852 г.; дѣтей у меня нѣтъ.

В. Получили-ли вы приданое за вашею женою?

О. Постель и нѣсколько женскихъ тряпокъ.

В. На комъ былъ женатъ вашъ шуринъ Іоаннъ Дауріо?

О. На Лаказъ.

В. Знали ли вы, что Лаказъ получила запись, на то, что она принесла приданаго 1100 франковъ, и что эта сумма должна была быть ей заплачена въ декабрѣ 1857 года?

О. Да, я это зналъ.

В. Какое имущество имѣли вы?

О. У меня было 400 франковъ, кромѣ того у меня были экономіи, потому-что я откладывалъ свое жалованье.

В. Не хотѣли ли вы въ это время купить участокъ земли?

О. Да, участокъ земли стоимостью въ 1800 франковъ.

В. Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы главный участникъ въ убійствѣ, произведенномъ надъ тремя лицами семейства Дауріо; что вы скажете на это?

Обвиненный Фоше кажется очень встревоженнымъ.

Президентъ предлагаетъ ему успокоиться и прерываетъ допросъ.

Потомъ Фоше показалъ слѣдующее: «во вторникъ жена моя пришла ко мнѣ на лугъ около дома, гдѣ я жилъ работникомъ, и сказала, чтобы я прибылъ на слѣдующій день въ среду вечеромъ въ домъ Дауріо. Я пришелъ туда въ девять часовъ. Мой шуринъ Іоанъ Дауріо былъ тамъ и кололъ деревянные брусья. Онъ отвелъ меня въ садъ. Тамъ, оставшись со мною одинъ, онъ сказалъ: «я хочу убить моего отца, мою мать и мою жену; нужно, чтобы ты мнѣ помогъ». Я сказалъ тогда, что два брата Констанъ, мясники, были въ домѣ и что они будутъ свидѣтелями убійства. «Не бойся, сказалъ мнѣ Іоанъ Дауріо, они подкуплены мною и будутъ намъ помогать».—Тогда онъ меня отправилъ къ двери, чтобы быть на сторожѣ. Убійство трехъ лицъ было произведено съ помощью братьевъ Констанъ, которые употребили длинные ножи, принесенные ими.

Президентъ. Этотъ разсказъ довольно неправдоподобенъ. Начнемъ его снова. Ваша жена пришла къ вамъ во вторникъ и на слѣдующій день назначила вамъ свиданіе въ домѣ вашего тестя. Не говорила-ли она вамъ въ этотъ день или на слѣдующій день, зачѣмъ она васъ звала въ домъ Дауріо?

О. Нѣтъ, г. президентъ.

В. Это удивительно. На слѣдующій день, когда она шла съ вами въ домъ Дауріо, она вамъ не говорила зачѣмъ она васъ вела туда?

О. Нѣтъ, не говорила.

В. Изъ вашего разсказа оказывается, что вы не принимали положительнаго участія въ совершеніи убійства, тогда-какъ слѣдствіе обнаружило, что вы были зачинщикомъ и исполнителемъ убійства.

О. Это не правда, кто можетъ это говорить, кто можетъ лучше меня знать, какъ происходило убійство.

В. Вы скоро услышите показанія вашей жены по этому предмету. Не заставили-ли вы дѣвицу Виллатъ вымыть ваши панталоны и другія части вашей одежды?

О. Нѣтъ, если бы я хотѣлъ вымыть мое бѣлье, то я обратился-бы съ просьбою къ моей женѣ.

В. Были-ли Сальбаны въ домѣ Дауріо и принимали-ли они участіе въ убійствѣ?

О. Нѣтъ, г. президентъ.

В. Даже Сальбанъ отецъ?

О. Нѣтъ, м. г.

В. Ваши показанія не имѣютъ вѣроятія. Упорствуете-ли вы говорить, что вы оставались у дверей и только стояли на сторожѣ?

О. Да.

Одинъ присяжный: не отвергалъ-ли обвиненный предложенія Іоана Дауріо принять участіе въ убійствѣ?

Подсудимый. Нѣтъ, я тотчасъ согласился.

Жандармы уводятъ Фоше.

Франциска Фоше вводится въ судъ.

В. Скажите намъ, что происходило въ день совершенія преступленія; говорите всю правду.

О. Я скажу правду. Мужъ мой пригласилъ меня въ день совершенія преступленія провести вечеръ у Дауріо. Пока мы говорили объ этомъ, къ намъ пришли братья Констанъ. Мы отправились вмѣстѣ. Сначала убили старика Дауріо, моего отца. Констанъ тогда схватилъ Марію Дауріо и ранилъ ее (la saigna); онъ помогалъ моему мужу и брату, *ей отрѣзали руку, и тогда она упала, а мой братъ разбилъ ей черепъ камнемъ, отломаннымъ отъ печки.* Мой братъ тогда сказалъ мнѣ, чтобы я не обвиняла его, но начала обвинять Сальбановъ. Я послѣдовала его совѣтамъ. Согласно этому я сдѣлала первыя показанія слѣдователямъ; теперь я должна сказать, что Сальбанъ невиненъ, я говорю истинну.

В. Когда вашъ мужъ велъ васъ въ домъ Дауріо, не спрашивали-ли вы у него, зачѣмъ онъ васъ велъ къ лицамъ, у которыхъ онъ обыкновенно не бывалъ?

О. Я у него ничего не спрашивала.

В. Но если вы не хотѣли участвовать въ преступленіи, зачѣмъ не помѣшали вы исполненію его? Надо было кричать на помощь и позвать Сальбановъ.

О. Я этого не сдѣлала, мнѣ угрожали, что меня убьютъ, если я что-либо скажу, я только плакала.

В. Вы сегодня объявляете невинность Сальбановъ, а прежде вы ихъ обвиняли съ большою настойчивостью, вы даже излагали подробности. Вы говорили, что для нанесенія удара Сальбанъ употребилъ топоръ.

О. Это оттого, что я знала, что у него есть топоръ; я это говорила для того, чтобы спасти брата.

В. Вашъ мужъ ночевалъ-ли у васъ въ тотъ вечеръ, когда совершено было преступленіе?

О. Нѣтъ, онъ пришелъ въ субботу и сказалъ мнѣ, чтобы я ни въ чемъ не признавалась, онъ совѣтывалъ мнѣ идти въ домъ Дауріо на слѣдующій день и начать кричать, какъ будто я нечаянно увидѣла трупы.

В. Какія побудительныя причины могъ имѣть *ваш братъ* къ убійству его отца, матери и жены?

О. Онъ хотѣлъ убить эсену, чтобы жениться на своей прежней любовницѣ.

В. Для этаго ему вовсе не нужно было убивать своего отца и мать?

О. Однако вотъ единственная причина всѣхъ этихъ убійствъ.

В. Когда вашъ братъ посовѣтовалъ вамъ обвинять Сальбановъ въ убійствѣ, указалъ-ли онъ вамъ то, что вы должны разсказывать?

О. Да, онъ даже сочинилъ тѣ подробности, которыя я съ его словъ говорила на первыхъ моихъ допросахъ.

В. Въ какой день было совершено преступленіе?

О. Въ *четвергъ.*

В. Вашъ мужъ говоритъ, что это было въ среду.

О. Онъ ошибается: это было въ четвергъ.

В. Пока совершалось убійство, никому изъ васъ не пришло въ голову, что Сальбаны могли слышать крики, такъ-какъ ихъ домъ былъ на разстояніи 25 метровъ?

О. Да, Констанъ подумалъ объ этомъ.

В. Кричало-ли семейство Дауріо передъ смертью?

О. Да, моя невѣстка въ особенности кричала очень громко; но эта сцена кончилась скоро, ей завязали ротъ, отцу моему и матери заткнули ротъ бѣльемъ.

В. Не совершилъ-ли кто-либо кражи послѣ убійства?

О. Нѣтъ, услышавъ пѣніе на улицѣ, мы побоялись быть застигнутыми и скоро ушли.

В. Знали ли вы, что у вашего отца были деньги?

О. Я этого не знала.

В. Но вы знали, что 1100 франковъ слѣдовало заплатить вашей невѣсткѣ и что срокъ платежа наступилъ?

О. Я это знала.

Сальбанъ вводится въ присутствіе суда.

Президента. Сальбанъ, имѣли ли вы какія-либо сношенія съ Дауріо, вашими сосѣдями?

О. Иногда мы ссорились изъ за куръ, но я съ ними не былъ во враждѣ.

В. Не слышали ли вы крики въ среду или въ четвергъ?

О. Нѣтъ, ни въ среду, ни въ четвергъ.

В. Замѣтили-ли вы въ пятницу или субботу, что никто не выходилъ изъ дому Дауріо?

О. Я не замѣтилъ этого и узналъ о преступленіи только въ воскресенье утромъ; мнѣ разсказали объ этомъ, когда я вернулся отъ обѣдни.

В. У васъ нашли панталоны, орудія и топоръ, покрытыя кровью?

О. Это очень можетъ быть; но мы часто ранимъ себя, обрубая наши изгороди; моимъ топоромъ я убиваю также свиней, на немъ могла быть кровь.

В. Но давно ли вы употребляли вашъ топоръ?

О. На маслянницѣ.

В. Вы отказались признать ваши панталоны, когда вамъ ихъ показали въ первый разъ?

О. Это правда, я ихъ не узналъ.

ПОКАЗАНІЯ СВИДѢТЕЛЕЙ.

1) *Деру, доктора изъ Виллынёвп*, показываетъ, что 5 декабря былъ онъ вызванъ мировымъ судьею въ домъ Дауріо въ Кассенейлъ. Онъ нашелъ на дверяхъ кровяныя пятна, войдя въ комнату онъ увидѣлъ ужасное зрѣлище, — три трупа: старика и двухъ женщинъ. Они были страшно изуродованы посредствомъ острыхъ и тупыхъ орудій. Нѣкоторые части тѣла были раздавлены, голова старика была совершенно раздроблена, черепъ молодой женщины былъ разбитъ; шея порѣзана въ нѣсколькихъ мѣстахъ острымъ орудіемъ, лѣвая рука была у ней отрѣзана и найти ее не было возможности; у ней было много ранъ на рукѣ, что доказывало, что борьба была продолжительная; обручальное

кольцо ея было найдено на полу подъ правою рукою. Трупы лежали въ лужѣ крови, было также много грязи; на трупѣ старика были слѣды загрязненной ноги, отпечатавшейся на немъ. Трупы были изуродованы, крысы и другія животныя ихъ изгрызли. Вскрытіе труповъ показало, что смерть старика произошла четыре или пять часовъ послѣ вечерняго обѣда, а смерть женщинъ *черезъ часъ послѣ этого обѣда.* Въ ихъ желудкахъ нашли пищу, которая еще не разложилась совершенно. Убѣжденіе доктора состоитъ въ томъ, *что жертвы «погибли отъ насильственной смерти и что нѣтъ возможности допустить самоубійство»* (?).

2) *Бидонъ, докторъ въ Вильневѣ,* подтверждаетъ показанія предъидущаго свидѣтеля. Онъ прибавляетъ, что онъ дѣлая медицинскій осмотръ Фоше, нашелъ на лѣвомъ колѣнѣ его кровяное пятно, которое Фоше старался скрыть. Панталоны его были тоже запачканы кровью, одно изъ пятенъ на панталонахъ совпадало съ пятномъ на колѣнѣ. На Сальбанѣ онъ нашелъ царапину, а сверху на его панталонахъ пятна крови. Онъ прибавляетъ, что домъ Дауріо находится въ 25 метрахъ отъ дома Сальбановъ, входъ въ эти дома съ восточной стороны. У Сальбановъ *нельзя было слышать криковъ*, исключая того случая, когда вѣтеръ отъ Дауріо дуетъ къ Сальбанамъ.

3) Тоже пояснилъ докторъ *Лафоре.*

Президентъ показываетъ присяжнымъ бѣлье и орудія подсудимыхъ. На бѣльѣ лежатъ три большихъ ножа не одинаковой величины и маленькій топоръ; около этого огромный камень, его показываютъ обвиненнымъ. Фоше говоритъ, что онъ этотъ камень видитъ въ первый разъ; онъ признаетъ платье за свое, Сальбанъ признаетъ свою одежду.

4) *Мазакъ*, аптекарь въ Вильнёвѣ, говоритъ, что онъ апатомировалъ жидкость, произшедшую отъ вымытія колѣнки Фоше. Онъ не могъ заключить, чтобы въ жидкости была кровь. Но онъ свидѣтельствуетъ, что были пятна крови на панталонахъ Фоше и на панталонахъ Сальбана.

5) *Магенъ, другой аптекарь,* убѣдился, что были пятна крови на топорѣ, принадлежащемъ Сальбану и на трехъ ножахъ, принадлежащихъ Фоше и братьямъ Констанъ.

Президентъ (Францискѣ Фоше). Вы видѣли какъ отрубили руку вашей невѣсткѣ; чѣмъ ее отрубили?

О. Ножомъ, длиннымъ и широкимъ.

6) *Аземаръ, парикмахеръ въ Вильневъ*, говоритъ: что по сравненіи волосъ, найденныхъ на мѣстѣ преступленія и волосъ Сальбана, между ними не оказалось никакаго сходства.

7) *Іоанъ Дауріо,* сынъ убитаго, вводится въ судъ, онъ показываетъ подъ присягою какъ свидѣтель: Я былъ лакеемъ въ Кассенейлѣ, меня три раза допрашивали при слѣдствіи въ присутствіи моей сестры. Она мнѣ сказала, что Сальбаны участвовали въ совершеніи преступленія, что они первые возъимѣли мысль убить моихъ родителей, что братья Констанъ также присутствовали при убійствѣ, что она хотѣла кричать, но ей сказали: мерзавка, если ты будешь кричать, то тебя убьютъ (on te saignera) *и что она много плакала.*

Президентъ. Въ какое время сестра ваша говорила это?

О. Кажется 15 дней послѣ того, какъ она была арестована.

В. Давно-ли вы женаты?

О. Уже 6 лѣтъ.

В. Сколько вы записали женѣ приданаго?

О. 1100 франковъ.

В. Вы хотѣли купить участокъ земли?

О. Да, это правда.

В. Ваша жена не была-ли беременна?

О. Нѣтъ.

В. Но это всѣ говорили; когда узнали вы о убійствѣ?

О. Въ воскресенье, я отправился тотчасъ послѣ того, какъ узналъ о немъ, въ домъ отца и увидѣлъ мою сестру; она пришла къ моему хозяину, мы остались три дни вмѣстѣ, она мнѣ говорила, что она боится, я утѣшалъ ее сколько могъ.

В. Вы никого не обвиняли до тѣхъ поръ, пока ваша сестра не созналась вамъ?

О. Нѣтъ.

В. Ваша сестра говоритъ, что вы принимали участіе въ убійствѣ, что вы были главный виновникъ?

О. Это клевета.

В. Гдѣ вы жили?

О. Я былъ лакеемъ и жилъ у моего хозяина.

В. Часто ли ваша жена приходила къ вамъ?

О. Да, очень часто.

В. Были ли вы у ней въ среду?

О. Нѣтъ, я провелъ среду въ Кассенейлѣ въ домѣ моего хозяина, я связывалъ метлы и цѣлый вечеръ провелъ въ этомъ занятіи, въ четвергъ я тоже не выходилъ изъ дому моего хозяина, мой хозяинъ это скажетъ.

Президентъ, обращаясь къ Фоше: вашъ зять отрицаетъ, чтобы онъ находился въ среду въ домѣ Дауріо, повторите при немъ ваши обвиненія.

Фоше повторяетъ свой разсказъ.

Іоанъ Дауріо. На это я скажу, что Фоше канальи, нѣтъ ни слова правды въ томъ, что онъ говоритъ. Уже мѣсяцъ, какъ я не видѣлъ его и не говорилъ ему ни слова.

Фоше. Это правда, уже три мѣсяца *Дауріо не разговаривалъ* со мною. Но наканунѣ убійства онъ прислалъ ко мнѣ мою жену, а въ день совершенія убійства онъ подговаривалъ меня въ домѣ Дауріо совершить преступленіе.

Президентъ велитъ жандармамъ вывести изъ залы Фоше и Сальбана; Іоаннъ Дауріо остается въ присутствіи своей сестры, жены Фоше.

Президентъ, обращаясь къ Франциску Фоше: вы обвиняете брата; если вы говорите правду, то вы ничего не должны измѣнить въ вашихъ показаніяхъ; но если вы обвиняете невиннаго, то откажитесь отъ вашихъ словъ, не навлекайте на брата отвѣтственности за преступленіе, если онъ не принималъ въ немъ участія.

Франциска Фоше. Я говорила правду, онъ былъ главный виновникъ убійства.

Фоше и Сальбанъ вводятся въ присутствіе.

Президентъ Іоанну Дауріо: вы жили согласно съ женою?

О. Мы были соединены какъ ноготь съ пальцемъ.

В. Вы никому не говорили, что вы хотите отдѣлаться отъ вашей жены, чтобы жениться на любовницѣ, которую вы давно любите?

О. Нѣтъ, милостивый государь, никогда я не выражалъ такой мысли.

В. Ваши родители не выдѣлили-ли вамъ изъ наслѣдства болѣе, нежели Франциск Фоше?

О. Это правда.

В. Что дѣлали вы съ деньгами, которыя заработывали?

О. Я относилъ ихъ моему отцу.

В. Много ли было денегъ въ его домѣ въ день совершенія преступленія?

О. Я не думаю, чтобы много.

8) *Дюперье землевладѣлецъ въ Кассенейлѣ.* Іоанъ Дауріо мой лакей; я уже его давно знаю. Его поведеніе всегда было превосходно. Онъ честенъ и трудолюбивъ. Онъ служилъ у многихъ хозяевъ, вездѣ онъ пользовался превосходною репутаціею. Онъ не всегда почевалъ у меня, черезъ каждые 8 дней онъ ходилъ ночевать къ своему отцу. Іоанъ Дауріо былъ хорошій мужъ; онъ любилъ свою жену.

Президентъ. Какъ жилъ Дауріо съ своимъ отцемъ и матерью?

О. Онъ былъ почтительный сынъ, его отецъ и мать были стары и немощны, онъ имъ отдавалъ нерѣдко заработанныя имъ деньги.

В. Знаете-ли вы что дѣлалъ Іоанъ Дауріо въ ту недѣлю, когда совершено было убійство?

О. Да, онъ мнѣ служилъ усердно; онъ ни на минуту не отлучался отъ меня. Въ воскресенье послѣ преступленія Іоанъ Дауріо, узнавъ о несчастіи, которое случилось съ его семействомъ, пришелъ ко мнѣ и весь въ слезахъ разсказалъ о происшествіи. «Боже мой, сказалъ онъ, все мое семейство сдѣлалось жертвою ужаснаго убійства, только вы одни остались для моего утѣшенія на свѣтѣ».

В. Увѣрены-ли вы, что Дауріо провелъ у васъ вечеръ въ *четвергъ*?

О. да, я въ этомъ увѣренъ.

В. Такъ вы считаете его невиннымъ?

О. Да, милостивый государь.

В. Знаете-ли вы Франциску Фоше?

О. Да, г. президентъ. Она не была въ ссорѣ съ братомъ; но Іоанъ Дауріо и Фоше были врагами между собою.

Іоанъ Дауріо. Я былъ у Фоше только разъ въ теченіи четы-

рехъ лѣтъ, прошедшихъ послѣ того, какъ онъ женился на моей сестрѣ.

9) *Братья Констанз* показываютъ, что они ничего не знаютъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ убійство.

10) *Франсуа Лаказъ*, лакей въ Кассенейлѣ. Я братъ жены Іоана Дауріо. Когда я узналъ о преступленіи въ воскресенье, я пошелъ посмотрѣть домъ. Я увидѣлъ мою сестру распростертою на полу. Франциска Фоше дѣлала видъ, какъ будто плачетъ, но я увидѣлъ, что горесть ея не была искренняя. *Я долженъ былъ заплатить 900 франковъ моей сестрѣ къ рождеству.* Моя сестра очень любила своего мужа, я зналъ, что Дауріо и Сальбаны были враги между собою.

11) *Вильгельмъ Лаказъ*, другой братъ жены Іоана Дауріо, показываетъ то же самое, съ добавленіемъ, что въ воскресенье или въ понедѣльникъ его мать спрашивала у Франциски: «не знаетъ ли она враговъ ея родителей», потомъ прибавила: «Сальбаны ихъ враги». Франциска Фоше сказала тогда: «я знаю, что меня арестуютъ, но что же дѣлать».

12) *Сажюсъ, житель м. Леда.* 2 декабря я кончилъ работать въ 11 часовъ вечера и пошелъ по равнинѣ. Въ 12½ часовъ я услышалъ крикъ: «Боже мой», я обернулся и увидѣлъ огни по направленію къ дому Дауріо. Я слышалъ крики въ томъ же направленіи.

В. Въ какой день было это?

О. Въ четвергъ, я въ этомъ увѣренъ потому, что на слѣдующій день, въ пятницу, я слушалъ обѣдню за упокой души моего отца. Огонекъ не блуждалъ, но оставался на одномъ мѣстѣ.

13) *Анна Делеръ, швея въ Кассенейлѣ.* Мой мужъ послалъ меня за льномъ въ пятницу; *дорогой я встрѣтила жену Іоана Дауріо и разговаривала съ нею.*

В. Какъ знаете вы, что это было въ пятницу?

О. Потому, что мой мужъ отсутствовалъ всю недѣлю и возвратился домой только въ пятницу утромъ.

Послѣднее обстоятельство подтверждаетъ мужъ Анны Делеръ, Петръ Делеръ.

Президентъ подсудимымъ. Что вы на это скажете?

Фоше. Свидѣтели показываютъ неправду и не видѣли въ пятницу жены Іоана Дауріо.

15) *Луи-Барро, портной из Кассенейль*. Въ пятницу къ 7 часамъ я наткнулся на человѣка и заговорилъ съ нимъ, но онъ мнѣ не отвѣтилъ; два или три человѣка направлялись къ равнинѣ, гдѣ находился домъ Дауріо. Къ 10 часамъ я услышалъ какъ дѣвушки пѣли въ равнинѣ; потомъ я замѣтилъ двухъ лицъ, которыя проходили очень быстро. Они еще скорѣе пошли впередъ, когда замѣтили меня у двери. Въ четвергъ шелъ дождь.

16) *Марія Терридіе.* Въ пятницу 9 декабря я возвращалась домой съ моею дочерью, которая пѣла. Вдругъ я услышала свистокъ и сказала объ этомъ дочери, потомъ мы услышали другой свистокъ въ направленіи къ дому Дауріо.

Президентъ Франциске Фоше: вы говорите, что слышали какъ пѣли послѣ совершенія преступленія?

О. Да, г. президентъ. Констанъ сказалъ намъ: «кто-то поетъ, мы погибли!»

17) *Вердье.* Моя дочь говорила мнѣ, что видѣла мать Дауріо и ея невѣстку въ четвергъ; въ домѣ Дауріо дверь была всегда отперта; Іоанъ Дауріо, честный малый, онъ служилъ у меня лакеемъ.

18) Жандармы дѣлаютъ показанія о томъ, какъ они арестовали прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ.

19) *Мальбекъ, лекарь.* Въ августѣ мѣсяцѣ я разрѣзалъ нарывъ, бывшій на ногѣ Сальбана, и потому пятна, которыя замѣчены были на его панталонахъ, можетъ быть произошли отъ этого.

20) Доктора послѣ долгаго спора объявляютъ, что нельзя съ точностію опредѣлить, когда было произведено убійство въ четвергъ или въ пятницу.

21) Сефонъ, тюремный стражъ: Франциска Фоше 5 января призналась мнѣ, что она не присутствовала при совершеніи убійства, но что мужъ разсказалъ ей, какъ оно происходило. Констанъ, по ея словамъ, *унесъ руку Маріи Дауріо и бросилъ ее въ рѣку*. Про своего брата она сказала: «Іоанъ Дауріо говорилъ мнѣ, *чтобы я за него не боялась потому, что его хозяинъ его отстоитъ*».

Франциска Фоше: братъ мой хотѣлъ, чтобы я погубила Сальбановъ.

Между Іоаномъ Дауріо и его сестрой завязывается споръ, который оканчивается слѣдующими словами Франциски Фоше:

«ты хотѣлъ-бы, чтобы я погубила Сальбана, но Сальбанъ не погибнетъ». Эти слова она произноситъ съ необыкновенною энергіею.

22) *Субріе, 23 лѣтъ*. Я работалъ у Виллата вмѣстѣ съ Фоше. Однажды Фоше предложилъ мнѣ переночевать у него. Я согласился. Вечеромъ онъ мнѣ сказалъ: «ты занимаешься мелкими кражами, тебя арестуютъ и запрутъ въ тюрьму. Если-бы ты согласился идти со мною убить моего тестя, то я далъ бы тебѣ 200 франковъ». Я отказался. Я вскорѣ былъ арестованъ за кражу и въ тюрьмѣ меня вѣроятно случайно посадили въ одну комнату съ Фоше; онъ признался мнѣ: «что онъ убилъ своего тестя, тещу и невѣстку, что жена его присутствовала при совершеніи убійства, что она стучала въ дверь, ей отворили и впустили въ домъ, что онъ, Фоше, вошелъ послѣднимъ, что онъ ужиналъ у Сальбана, что онъ не наносилъ ударовъ, но только толкнулъ свою невѣстку, которая хотѣла убѣжать. Потомъ они слышали шумъ, испугались и ушли. Они унесли юбку и колпакъ. Фоше говорилъ мнѣ, что онъ совершилъ убійство въ *пятницу*. Меня обвиняютъ въ совершеніи убійства въ среду и четвергъ, прибавилъ онъ, но это было въ пятницу. Когда Фоше узналъ, что арестовали братьевъ Констанъ, онъ воскликнулъ: «ахъ Боже мой», легъ въ постель и не ѣлъ два дни послѣ того.

23) *Елисавета Виллатъ* объявляетъ, что Субріе работалъ съ Фоше въ ея домѣ, въ четвергъ она дала свою юбку Фоше, который сказалъ ей, что въ пятницу онъ забылъ юбку у своей матери. Въ субботу онъ попросилъ ее вымыть юбку, панталоны, колпакъ и платокъ, что̀ она и сдѣлала. На нихъ были пятна крови.

24) Тоже показываетъ отецъ Виллатъ.

25) Пять свидѣтелей показываютъ, что Фоше хотѣлъ купить участокъ земли въ 1200—1500 франковъ и говорилъ, что можетъ заплатить наличными деньгами.

26) Куаферы-эксперты показываютъ, что волосы, найденные въ рукахъ убитыхъ, нисколько не походятъ на волосы Сальбана.

27) *Марія Бодогоръ*, сосѣдка Сальбана: на другой день послѣ похоронъ убитыхъ я была у Сальбана, онъ весь дрожалъ. Онъ

говорилъ мнѣ: «что онъ погибъ и что невинный будетъ отвѣчать за виновнаго».

28) *Ге, нотаріусъ г. Кассенейля.* Десять лѣтъ тому назадъ я совершилъ два завѣщанія супруговъ Сальбаповъ о томъ, что пережившій получаетъ все имѣніе другаго. Нѣсколько дней спустя жена Сальбана сказала мнѣ, что она написала завѣщаніе, будучи принуждена къ тому побоями мужа, она тайно уничтожила завѣщаніе.

29) *Марія Думеркъ.* Въ недѣлю когда совершено было убійство, я стирала у моего брата. Я ушла въ $8^1/_2$ часовъ, моя невѣстка дала мнѣ фонарь, чтобы не сбиться съ пути. Прибывъ въ Кассенейль, я увидѣла, что какой-то человѣкъ стоитъ на дорогѣ; я узнала Фоше, съ нимъ было два или три человѣка. Они старались быть внѣ свѣта моего фонаря и прятались. Я сказала сыну: «вотъ люди, которые хотятъ украсть капусту». Они быстро скрылись.

Вдругъ Фоше встаетъ: Я прошу, чтобы меня допросили секретно.

Президентъ уводитъ его съ собою.

Президентъ и Фоше возвращаются.

Президентъ: Фоше объявилъ мнѣ, что онъ *одинъ* совершилъ преступленіе. «Вечеромъ отправился я къ моему тестю, говоритъ онъ, я былъ вооруженъ палкой, а въ карманѣ у меня была бритва. Мы начали разговаривать, моя невѣстка начала меня бранить, тесть и теща стали за нее заступаться. Я ударилъ палкою мою невѣстку; чтобы скрыть преступленіе, я тутъ же убилъ всѣхъ и отрѣзалъ руку моей невѣстки бритвой, я одинъ все это сдѣлалъ.»

Послѣ обвинительной и защитительныхъ рѣчей и резюмированія дѣла президентомъ, присяжные въ 6 часовъ ушли для совѣщанія. Въ $7^1/_2$ часовъ они вышли и признали виновными: Фоше безъ допущенія смягчающихъ вину обстоятельствъ, Франциску Фоше, съ допущеніемъ этихъ обстоятельствъ, а Сальбана освободили отъ суда.

Сальбанъ плачетъ и не можетъ подняться съ мѣста.

Судъ присудилъ Фоше къ смертной казни съ тѣмъ, чтобы онъ былъ казненъ въ Кассенейлѣ.

Франциска Фоше присуждена къ пожизненной каторжной работѣ.

Изъ внимательнаго разсмотрѣнія этого дѣла нельзя не вынести убѣжденія, что обстоятельства его не были приведены въ точную извѣстность. Руководительною нитью для суда должно было служить раскрытіе цѣли и побудительныхъ причинъ преступленія по правилу: «is fecit cui prodest». Франциска Фоше показываетъ, что цѣлью убійства было желаніе Іоана Дауріо избавиться отъ жены, чтобы жениться на любовницѣ. Между-тѣмъ во время производства этого дѣла на послѣднее обстоятельство не обращено никакого вниманія и Іоанъ Дауріо былъ допрашиваемъ только какъ свидѣтель. Такимъ образомъ цѣль и побудительныя причины преступленія остаются не вполнѣ выясненными. Въ подтвержденіе гипотезы, что Іоанъ Дауріо былъ зачинщикомъ преступленія, хотя на это нѣтъ никакихъ юридическихъ доказательствъ, можно-бы привести одно обстоятельство: «правая рука жены его Маріи Дауріо была отрублена, обручальное кольцо лежало на землѣ». Невольно раждается мысль о какомъ-то сближеніи между этимъ поруганіемъ трупа и указаннымъ Франциской Фоше желаніемъ Іоана Дауріо расторгнуть бракъ. Самая личность Іоана Дауріо представляется намъ въ высшей степени скрытною и лицемѣрною. Слова, сказанныя имъ его господину: «у меня погибло все семейство, вы теперь одни на свѣтѣ составляете для меня все», — показываютъ въ немъ ловкаго льстеца, умѣвшаго поддѣлываться къ людямъ, въ которыхъ онъ нуждался. Франциска Дауріо кромѣ того показываетъ, что онъ научилъ ее обвинить Сальбана. Послѣднее показаніе, по нашему мнѣнію, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вѣроятія, все равно будетъ или нѣтъ признано, что Іоанъ Дауріо имѣлъ участіе въ убійствѣ. Президентъ суда относительно Іоана Дауріо сдѣлалъ большое упущеніе: онъ спросилъ у его господина: провелъ-ли Дауріо дома *четверга* вечеромъ, тогда-какъ въ обвинительномъ актѣ *было признано за фактъ*, что преступленіе было совершено въ *пятницу*. Но сколько съ одной стороны было сдѣлано послабленій въ пользу Іоана Дауріо, столько съ другой, безъ всякихъ къ тому доказательствъ, были употреблены мѣры строгости публичнымъ министерствомъ съ семействомъ Сальбановъ. Виновность Сальбана основана была на показаніяхъ Франциски Фоше, которая въ по-

слѣдствіи отъ нихъ отреклась, но она и мужъ ея показывали и на Іоана Дауріо, а между-тѣмъ послѣдняго не сдѣлали прикосновеннымъ къ дѣлу. Затѣмъ виновность Сальбановъ основана: 1) на томъ, что домъ ихъ былъ въ близкомъ разстояніи отъ дома Дауріо и что они должны были слышать крики,—но вѣдь слѣдствіе обнаружило, что ротъ убитыхъ былъ завязанъ, чтобы помѣшать имъ кричать; 2) на томъ, что у нихъ оказались топоръ и серпъ, но у кого нѣтъ этихъ орудій въ деревнѣ, 3) на томъ, что у нихъ былъ котелъ для мытья и въ немъ мыльная вода.

Въ обвиненіи семейства Сальбановъ проявились существенные недостатки французскаго публичнаго министерства, которое сбитое съ прямаго пути показаніями подсудимой Фоше, — затѣмъ во что-бы то ни стало посредствомъ парадаксовъ и натянутыхъ предположеній старается доказать виновность Сальбановъ напр. тѣмъ, что въ котлѣ, въ которомъ они мыли бѣлье, были органическія вещества и т. п. По нашему мнѣнію, все семейство Сальбановъ не должно было даже быть привлечено къ прикосновенности по этому дѣлу; тѣмъ болѣе вопіющую несправедливость представлялъ приговоръ присяжныхъ суда Ло и Гаронны, присудившій Сальбана *къ смертной казни.*

IV. Процессъ капитана Доано (1856 г.) и 19-ти Арабовъ, судимыхъ за убійство.

Въ пятницу, 12 сентября 1856 г., въ три часа пополуночи дилижансъ, запряженный восьмью лошадьми, выѣзжалъ изъ города Тлемчена (въ Алжирін), и направлялся къ городу Орану. Это былъ обыкновенный часъ его выѣзда.

Въ переднемъ отдѣлѣ дилижанса находились два путешественника, одинъ изъ нихъ былъ Си-Могамедъ-бенъ-Абдала, ага племена Бени-Спу, лице значительное въ своей провинціи; другой былъ его переводчикъ Гамади-бенъ-Шенкъ. Оба они ѣхали въ Оранъ, чтобы видѣть дивизіоннаго генерала де-Монтобана, начальника провинціи. Ага сидѣлъ въ каретѣ съ правой, а переводчикъ съ лѣвой стороны.

Въ другомъ отдѣленіи дилижанса находились четыре путешественника: г. Валеттъ торговецъ, житель Алжира, г. Леневё

докторъ г. Тлемчена, молодая испанка г-жа Хименесъ, жительница г. Тлемчена, и солдатъ изъ инженеровъ Жофруа.

Г. Валеттъ находился у перегородки, отдѣляющей его отъ двухъ Арабовъ, Леневё сидѣлъ противъ него, г-жа Хименесъ и инженеръ сидѣли первая на право, а послѣдній на лѣво отъ дверцы, которая открывалась сзади дилижанса.

Два почталіона Жозефъ Альдегнеръ и Винцентій Марешаль правили лошадьми. Марешаль сидѣлъ на передней лошади, а Альдегнеръ находился на козлахъ и держалъ въ рукахъ возжи. Около Альдегнера сидѣлъ кондукторъ дилижанса Даміенъ Менидесъ. Такъ-какъ было еще совершенно тёмно, то карета освѣщалась большимъ фонаремъ, находившимся у лѣваго угла ея, у дверей того отдѣленія, въ которомъ сидѣли Арабы.

Четверть часа спустя послѣ выѣзда изъ Тлемчена, дилижансъ встрѣтилъ двухъ всадниковъ, стоявшихъ подъ оливковымъ деревомъ. Вскорѣ къ этимъ всадникамъ присоединились другіе; затѣмъ раздались ружейные выстрѣлы.

— Это вѣроятно »fantasia», сказалъ г. Валеттъ.

— Нѣтъ это вѣроятно шариварп, направленное противъ аги сказала г-жа Хименесъ.—Ни то, ни другое сказалъ докторъ Леневе. Но съ нами ага. Именно поэтому я думаю, что намъ угрожаетъ опасность, и вы должны послѣдовать моему примѣру, пагнуться.

Едва докторъ произнесъ эти слова, какъ пуля попала въ карету; г. Валеттъ былъ раненъ, онъ упалъ на доктора восклицая: «я погибъ, я раненъ пулею въ животъ, моя бѣдпая жена, мои бѣдныя дѣти!

Между-тѣмъ внѣ дилижанса происходило слѣдующее: думая также, что Арабы дѣлаютъ fantasia, кондукторъ и почталіоны не обратили никакого вниманія на выстрѣлы. Но ихъ заблужденіе скоро разсѣялось. Впереди кареты они увидѣли двухъ Арабовъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ въ черный, а другой въ бѣлый бурнусъ; оба они тщетно пытались остановить лошадей. Такъ-какъ дилижансъ продолжалъ ѣхать, то всадники приблизились къ нему, и стали стрѣлять. Одна изъ пуль разорвала на двое длинный бичъ Альдегнера. Почталіонъ, ѣхавшій впереди, пустилъ лошадей въ галопъ, но одинъ всадникъ, подскакавъ къ нему, выстрѣлилъ въ него. Марешаль попятился назадъ, лошади,

бывшія сзади него, упали; три изъ нихъ были убиты, карета остановилась.

Почталіонъ Марешаль и кондукторъ Менидесъ убѣжали. Альдегнеръ думая, что на дилижансъ напали разбойники большихъ дорогъ съ цѣлью грабежа, бросился искать защиты отъ нихъ къ ага: но скоро онъ замѣтилъ, что убѣжище, имъ избранное лишь увеличило опасность его положенія. Нападающіе разбили стекла дверцы и выстрѣлили изъ своихъ пистолетовъ въ упоръ въ ага и его переводчика. Черезъ дверцу Альдегнеръ увидѣлъ какъ одинъ Арабъ, лице котораго было скрыто капкомъ (покрываломъ), но руки котораго были очень смуглы, нанесъ переводчику нѣсколько ударовъ ятаганомъ. Альдегнеръ выскочилъ тогда въ окно съ противоположной стороны, никто не препятствовалъ его бѣгству.

Пока это происходило въ переднемъ отдѣленіи дилижанса, путешественники, находившіеся во второмъ отдѣленіи, увидѣли что одинъ изъ нападающихъ, вооруженный пистолетомъ или ятаганомъ, взошелъ на ступеньки дверцы и разсматривалъ кажаго изъ нихъ.—Развѣ ты хочешь убить доктора (tebib) сказалъ ему г. Леневе, говорившій немного по Арабски.—Все равно отвѣтилъ Арабъ.—Ты докторъ?—Да.—Хорошо.

Арабъ взошедшій на ступеньку, сохранялъ по прежнему угрожающій видъ, но другой всадникъ, подъѣхавъ къ нему, спокойно сказалъ: «нѣтъ». Оба Араба исчезли. Вдова Хименесъ, докторъ Леневе и солдатъ поспѣшили выдти изъ кареты и спрятались въ кусты.

Бѣглецы, видя, что на нихъ не обращаютъ никакого вниманія, побѣжали по направленію къ деревнѣ Негріе, отъ которой они были въ разстояніи трехъ верстъ. Они подняли тревогу. Къ 4 часамъ утра меръ, жители деревни, нѣсколько солдатъ, путешественники и почталіоны, всѣ вооруженные, прибыли на мѣсто, гдѣ совершено было нападеніе. Ага умеръ на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ сидѣлъ въ дилижансѣ; онъ сохранилъ положеніе человѣка, который защищается; спутникъ его Гамади еще дышалъ, но онъ былъ уже въ предсмертномъ бреду, тѣло его полулежало на земль и опиралось на лѣвое колесо и подножку дилижанса. Рана г-на Валеттъ не оставляла никакой надежды на спасеніе. Онъ пользовался еще всѣми умственными способностями, но не могъ

сообщить никакихъ свѣдѣній объ убійцахъ. Лежа внутри кареты, онъ съ горестью говорилъ о женѣ и дѣтяхъ, которыхъ оставлялъ безъ средствъ къ существованію.

Тѣло аги представляло четыре раны, нанесенныя посредствомъ огнестрѣльнаго оружія, и одну ранѵ, нанесенную острымъ орудіемъ. Тѣло Гамади имѣло одну рану, сдѣланную пулею, и 12 ранъ острымъ орудіемъ; пуля, ранившая г. Валеттъ, прошла черезъ руку и углубилась въ нижнюю часть живота съ правой стороны.

Въ передней части дилижанса были слѣды многихъ пуль, отскочившихъ отъ желѣзныхъ листовъ, которыми была обшита эта часть дилижанса. У правой дверцы передняго отдѣла дилижанса и на высотѣ, соотвѣтствующей мѣсту, занимаемому агою, былъ замѣтенъ проходъ пули большаго калибра, которая проникла во внутрь дилижанса. Вещи путешественниковъ остались нетронутыми. Ни одинъ признакъ не обнаруживалъ покражи или намѣренія покражи. Только одинъ предметъ былъ похищенъ— крестъ почетнаго легіона, бывшій на груди Бенъ-Абдала.

Одинъ изъ пушествениковъ г. Лепеве отдѣлился отъ другихъ, чтобы увѣдомить о происшествіи начальника арабскаго бюро Тлемчена, капитана Доано. У дверей квартиры капитана доктору пришлось ждать довольно долго. Слуга отвѣтилъ ему, что капитанъ въ постели и еще спитъ. Докторъ велѣлъ разбудить его.

Введенный въ комнату капитана, докторъ вскричалъ: «ага Абдала убитъ»!—Возможно ли это, гдѣ-же, кто вамъ это сказалъ?—Это было при мнѣ, капитанъ.

Капитанъ Доано наскоро одѣлся, велѣлъ сѣсть на лошадь нѣсколькимъ солдатамъ и направился съ ними тотчасъ-же къ мѣсту убійства.

Два жандарма уже находились тамъ. Они нашли въ каретѣ и около нея, слѣды крови, пыжи, бумажку, на которой были имена, написанныя карандашемъ, и бумагу тонкую и синеватую; была также такая бумага, въ которой хранились заряды въ магазинахъ правительства. Эти предметы были переданы въ руки мироваго судьи г. Тлемчена, съ описаніемъ ихъ.

Затѣмъ лошади, оставшіяся живыми, были запряжены въ дилижансъ, который къ 6-ти часамъ утра возвратился въ г. Тлемченъ. Въ немъ были оба раненые и трупъ аги. Два часа спу-

стя Гамади умеръ въ военномъ госпиталѣ. Въ три часа пополудни скончался и г. Валеттъ.

Это убійство, совершенное почти днемъ, у воротъ Тлемчена, произвело сильное впечатлѣніе на военныя власти. Сосѣднее племя Уледъ-Ріа пришло въ движеніе. На европейское населеніе наведенъ былъ паническій страхъ, дилижансы перестали выѣзжать изъ города безъ конвоя.

Не воры совершили это убійство, потому-что вещи путешественниковъ остались нетронутыми. Только мщеніе могло быть поводомъ преступленія. Бенъ-Абдала не былъ любимъ Арабами, они завидывали его власти и его богатству. Когда привезли трупъ его въ Тлемченъ, то Арабы, глядя на него, восклицали мле, мле (это хорошо, это хорошо).

Вотъ какія біографическія свѣдѣнія были собраны о Абдалѣ: еще до взятія Орана Французами онъ перешелъ на сторону послѣднихъ и сообщилъ генералу Бедо драгоцѣнныя свѣдѣнія о краѣ. Маршалъ Бюжо и генералъ Ламорисьеръ наградили его за это, давъ ему титулъ аги племени Бени-Сну.

Бепъ-Абдала получалъ казенное содержаніе въ 3000 франковъ въ годъ; но кромѣ того онъ получалъ $^1/_{20}$ часть собираемыхъ податей, $^2/_{10}$ частей отъ штрафовъ, налагаемыхъ арабскими начальниками, $^1/_{10}$ штрафовъ налагаемыхъ французскими властями, не говоря о тайныхъ доходахъ, получаемыхъ имъ, потому-что власть его оставалась внѣ всякаго контроля. 23-го Января 1855 г. онъ получилъ орденъ почетнаго легіона. Вотъ что писали о немъ военные начальники: «сынъ марабута, образованный, отличающійся своимъ умомъ столько же, какъ и своею тонкостью и искусствомъ, онъ намъ служитъ агентомъ, сообщаетъ всѣ нужныя свѣдѣнія и нѣсколько разъ доказалъ свое желаніе видѣть, чтобы мы укрѣпились въ странѣ. Этотъ человѣкъ долженъ быть фанатикъ, лице его столько-же фальшиво, сколько и умно. Искрененъ-ли онъ? Надо обращаться съ нимъ по видимому съ неограниченнымъ довѣріемъ. Надо пользоваться его услугами, потому-что онъ по способностямъ стоитъ выше всѣхъ тѣхъ, которыхъ можно-бы поставить на его мѣсто».

Никогда Абдала не измѣнялъ Франціи, но наблюдая ея интересы, онъ не упускалъ и своихъ. Будучи ненавидимъ своими соотечественниками, которыхъ онъ разорялъ поборами, онъ ни-

когда не выѣзжалъ изъ Себду, своей резиденціи, и не отправлялся къ Бени-Сну безъ многочисленнаго конвоя. Жизнь его проходила въ борьбѣ съ арабскими вождями и въ интригахъ. Уже нѣсколько разъ ненависть, которую онъ возбуждалъ въ Арабахъ, едва не сдѣлалась для него пагубною.

Въ первый разъ это было въ 1850 г.; Эль-Ямани, вліятельный начальникъ, котораго ага хотѣлъ смѣнить, рѣшился отмстить за нанесенное ему оскорбленіе. Онъ поручилъ Мулей-Аделю найти человѣка, который принялъ-бы на себя убить Абдалу.

Убійцы были найдены. Ямани обѣщалъ имъ 500 дуросъ. Убійцы присягнули надъ кораномъ, что они совершатъ убійство, а Ямани присягнулъ, что дастъ имъ обѣщанную сумму денегъ. Но случилось, что Ямани не могъ дать имъ впередъ денегъ, а потому онъ вручилъ имъ въ залогъ нѣсколько драгоцѣнностей. Подговоренные, при такихъ обстоятельствахъ, нашли болѣе выгоднымъ открыть заговоръ агѣ. Абдала наградилъ ихъ за это тѣмъ, что донесъ на нихъ. — Ямани и его сообщники не были преданы военному суду, но отправлены въ Алжиръ, въ которомъ и подвергнуты тюремному заключенію на нѣсколько лѣтъ.

Другой заговоръ зашелъ еще далѣе: это было также въ 1850 г.—Ага возбудилъ противъ себя, такую ненависть за дѣлаемые имъ поборы и доносы, что не осмѣливался ѣздить одинъ въ кочевья подчиненныхъ ему племенъ, и что пещеры, которыя находились въ окрестностяхъ Тлемчена, были наполнены Арабами, которые бѣжали изъ горъ Бени-Сну.

Ага отправился однажды съ своимъ кади въ кочевье одного племени, которое пригласило его на диффа (почетный обѣдъ). Но во время обѣда нѣсколько Арабовъ, внезапно вынувъ пистолеты изъ складокъ бурнуса, выстрѣлили въ ага.

Ага раненъ былъ двумя пулями въ грудь, но скоро выздоровѣлъ.

Довѣріе, оказываемое генераломъ Монтобаномъ этому человѣку, дало ему родъ тайной власти. Онъ не разъ заставлялъ смѣнять начальниковъ арабскихъ бюро въ Себду, отказавшихся подчиниться его вліянію, и начальникъ арабскаго бюро въ Тлемченѣ капитанъ Доано, будучи человѣкомъ очень ловкимъ, по видимому оказывалъ агѣ большое уваженіе.

Такова была главная жертва преступленія, совершеннаго 12 сентября.

Сначала думали, что убійцы были прежніе подчиненные аги, убѣжавшіе изъ территоріи его племени. Но скоро образовалось другое мнѣніе: вдова Абдала, забывая въ своей горести всѣ обычаи мусульманской жизни, въ слезахъ вышла изъ своего дома и съ открытымъ лицемъ ходила по улицамъ города, обвиняя громкимъ голосомъ ага *Бель-Гаджи* въ томъ, что онъ участвовалъ въ убійствѣ ея мужа.

Этотъ Бель-Гаджи былъ во время, совершенія преступленія ага племени Уледъ-Ріа. Онъ былъ человѣкъ, отличавшійся храбростію на войнѣ, всегда преданный Франціи. Въ 1845 г., не смотря на эмиграцію его семейства, онъ остался вѣрнымъ Франціи и принималъ участіе во всѣхъ экспедиціяхъ, предпринятыхъ въ 1845, 1846 и 1847 г.; въ 1846 г. онъ былъ раненъ пулею въ руку.

Его семейство было одно изъ самыхъ вліятельныхъ въ племени Уледъ-Ріа, онъ не занималъ никакой должности во время владычества Турокъ, но отецъ его былъ кандомъ Уледъ-Ріа. Онъ имѣлъ большое вліяніе на свое племя какъ по энергіи и правосудію, которыя онъ выказывалъ въ своемъ управленіи, такъ и по своей личной храбрости.

Бель-Гаджи былъ постоянно въ страшной враждѣ съ Абдала. 23 января 1848 г., онъ былъ сдѣланъ кавалеромъ почетнаго легіона.

Трудно было допустить, чтобы подобный человѣкъ рѣшился на убійство, однако всѣмъ извѣстная ненависть его къ Абдала возбудила противъ него подозрѣнія. Наступило время скачекъ въ г. Мостаганемъ, и Бель-Гаджи, приглашенный на нихъ, отказался явиться подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья.

Узнавъ о происшествіи 12 сентября, генералъ Монтобанъ, начальникъ провинціи Орана, послалъ капитану Доану телеграфическую депешу, что онъ лишаетъ его начальства подъ арабскимъ бюро Тлемчена. Но вскорѣ послалъ ему другую депешу, въ которой, въ отмѣну первой, оставлялъ его при исправленіи его должности. Однако вторая депеша уже не застала Доано; 14 сентября онъ прибылъ въ Оранъ. Спрошенный о томъ, кто, по его мнѣнію, виновники убійства, капитанъ Доано указалъ на

Арабовъ, бѣжавшихъ съ территоріи, которою управлялъ Абдала. Когда-же генералъ сталъ говорить ему о подозрѣніи, падающемъ на Бель-Гаджи, Доано сказалъ—«что касается до него, онъ теперь лежитъ въ постели, больной, почти при смерти, онъ не можетъ пошевельнуть ни руками, ни ногами».

На слѣдующій день Доано возвратился въ Тлемченъ.

Въ тотъ-же день 15 сентября, когда капитанъ Доано возвращался въ Тлемченъ, генералъ Монтобанъ отдалъ приказъ удостовѣриться, въ какомъ положеніи находилось здоровье Бель-Гаджи. Докторъ, его освидѣтельствовавшій, удостовѣрилъ, что онъ былъ совершенно здоровъ. Его видѣли кромѣ того за нѣсколько дней передъ тѣмъ занимающимся своими обычными дѣлами, а въ день, когда совершено было преступленіе, онъ по приказанію капитана Доано дѣлалъ поѣздку верхомъ на лошади.

Капитанъ Даву, который во время отсутствія Доано управлялъ арабскимъ бюро, сказалъ ему, что общественное мнѣніе обвиняетъ въ убійствѣ Бель-Гаджи, Си-Магомеда секретаря (коджа), бывшаго при капитанѣ Доано, каида Бени-Урнидовъ,—Бель Кеира, и кади Бенъ-Айеда.—Капитанъ Доано нашелъ эти слухи смѣшными и жалуясь на то, что семейство Абдала обвиняло разныхъ лицъ безъ всякаго къ тому основанія, прибавилъ: «вы увидите, что когда-нибудь вдова Абдала обвинитъ *меня* самаго. Мнѣ надоѣли всѣ эти доносы».

Однако губернаторъ Алжиріи, не понимая, почему дѣло это подвигалось такъ медленно впередъ, напоминалъ о немъ управляющему провинціею. Генералъ Монтобанъ рѣшился послать въ Тлемченъ ага Бенъ-Дауда, Араба очень ловкаго. Въ тоже время произошелъ очень знаменительный фактъ: Бель-Гаджи, оставивъ своихъ женъ, дѣтей, имущество и должности, бѣжалъ въ Марокко съ четырьмя приближенными. Однако еще не рѣшались признать это бѣгство за признакъ виновности. Бель-Гаджи могъ быть разгнѣванъ медицинскимъ освидѣтельствованіемъ его.

Уже 3-го октября, Бенъ-Даудъ, употребивъ лишь одинъ день на розысканія, донесъ генералу Монтобанъ, что виновниками убійства суть: ага Бель-Гаджи, каидъ Бель-Кеиръ, коджа капитана Доано: Си-Могамедъ, негръ этого коджа: Барка-Кади-Бекъ Айедъ, Мамаръ-Ульдъ-Монтаръ (бѣглецъ изъ племени Бени Урнидовъ), Гамида-Ульдъ-Джеуль, Ельямани-бенъ-Дра, Альдедъ

ульдъ-Шреки, Кадуръ-Бу-Мединъ, Милудъ-ульдъ-Ахметъ, и наконецъ Ель-Милудъ, всѣ шесть слуги Бель-Гаджи; Абдель-Кадеръ-Ульдъ, бель Гаджи и Амедъ-бенъ-Месаудъ — слуги Бель-Каира. Впослѣдствіи оказалось, что Амедъ-бенъ-Месаудъ былъ указанъ по ошибкѣ и принятъ за другаго Могамеда-Ульдъ-Кадура.

Въ письмѣ Бенъ-Дауда, адресованномъ имъ генералу Монтобану, говорилось о собраніи, въ которомъ убійцами будто бы было условлено совершить преступленіе и во время котораго кади заставилъ присягнуть убійцъ надъ кораномъ.

Всѣ названныя лица были вскорѣ арестованы.

Мировой судья Тлемчена Друленъ, и Крамеръ начальникъ полиціи въ Оранѣ, условились производить слѣдствіе общими силами. Мировой судья на первыхъ же порахъ убѣдился, что убійцы были постоянные обитатели Тлемчена, а не бѣглецы. Но капитанъ Доано не только не облегчалъ его розысканій, но напротивъ того возбудилъ вопросъ о *компетентности* судебной власти. «Зачѣмъ возбуждать этотъ вопросъ сказалъ ему мировой судья, пусть разрѣшаютъ его высшія власти; теперъ же будемъ дѣйствовать общими силами». Но Доано отказался содѣйствовать ему. Съ этой минуты одинъ мировой судья производилъ слѣдствіе.

Мировой судья узналъ, что одинъ лакей, по имени Томасъ, видѣлъ на зарѣ, какъ нѣсколько всадниковъ проѣхали невдалекѣ отъ города. Онъ описывалъ костюмъ, ростъ и лошадь одного изъ всадниковъ и даже его голосъ. Когда г. Друленъ сообщилъ объ этомъ открытіи капитану Доано, послѣдній высказалъ большую тревóгу.

Слѣдствіе обнаружило, что однажды капитанъ Доано сказалъ Бель-Гаджи: «кто-же избавитъ меня отъ Бенъ-Абдала.»

Вскорѣ затѣмъ мировой судья донесъ генералу Монтобану, что присутствіе капитана Доано парализируетъ производство слѣдствія: 2-го октября капитанъ Доано былъ призванъ въ Оранъ, чтобы управлять въ немъ арабскимъ бюро.

Прибывъ въ Оранъ, капитанъ тотчасъ отправился къ генералу Монтобанъ; онъ былъ очень взволнованъ.—Генералъ, сказалъ онъ ему, вы меня призвали, чтобы поручить мнѣ управленіе другимъ бюро, но въ теперешнихъ обстоятельствахъ это все

равно, что погубить меня.—Успокойтесь, поймите, что вы призваны къ высшей должности, нежели та, которую вы занимали.

Но капитанъ понималъ очень хорошо, что это было лишь средство, чтобы замаскировать его удаленіе; «я боюсь, сказалъ онъ съ горячностью, что вы не были ко мнѣ справедливы и безпристрастны».—Это дерзость, милостивый государь, я васъ подвергаю восьмидневному аресту.

Капитанъ успокоился, и попросилъ извиненія у генерала.—Хорошо, сказалъ генералъ, я освобождаю васъ отъ ареста. Управляйте арабскимъ бюро, не безпокойтесь; вы понимаете, есть люди, которые зная, что вы другъ Бель-Гаджи, могутъ подумать, что вы благопріятствуете ему.

При этихъ словахъ капитанъ всталъ и сказалъ генералу: «посмотрите на меня, развѣ я похожъ на разбойника большихъ дорогъ.»—Нѣтъ, если бы я имѣлъ эту мысль, то я уже велѣлъ бы арестовать васъ.

Слова капитана Доано произнесены были съ такою искренностью и негодованіемъ, что генералъ подумалъ, что капитанъ Доано невиненъ въ этомъ дѣлѣ.

6-го октября начали арестовать обвиненныхъ. Всѣ они энергически опровергали всякое участіе съ ихъ стороны въ убійствѣ. Но 12-го октября одинъ изъ слугъ Бель-Гаджи, Ель Милудъ ульдъ-бенъ-Амеръ показалъ, что Бель-Гаджи и Бель-Кеиръ предложили ему совершить преступленіе, что онъ не согласился принять въ немъ участіе, потому-что былъ болепъ, но что два главные зачинщика Гамида и Кадуръ-Бу-Мединъ говорили ему, что они принимали участіе въ убійствѣ. Ель-Милудъ къ этимъ именамъ прибавлялъ тѣ, которыя были уже названы Бенъ-Даудомъ.

Мамаръ, бродяга, былъ уже арестованъ, потомъ снова выпущенъ на свободу по просьбѣ капитано Доано, который, по его словамъ, пользовался его услугами для надзора за границею Марокко. Г. Друленъ согласился на освобожденіе его, чтобы избѣжать столкновенія съ капитаномъ. Но вскорѣ Мамаръ былъ снова арестованъ. Генералъ Монтобанъ, прибывшій въ г. Тлемчепъ, немогъ добиться никакихъ свѣдѣній отъ главныхъ обвиненныхъ. Но ему сообщили, что какой-то Арабъ разказывалъ подробности этаго дѣла одпому стрѣлку. Послѣдній будучи призванъ, подтвердилъ, что Арабъ сказалъ ему: «я здѣсь по дѣлу объ аресто-

ваніи дилижанса, но я дѣйствовалъ лишь по приказанію каида Бель-Капра.» Призвали этого Араба—это былъ Мамаръ.—«Тебя обвиняютъ въ томъ что ты арестовалъ дилижансъ. — Это неправда.—Я тебѣ говорю, что ты былъ при этомъ, сказалъ генералъ, дѣлая видъ, что онъ хочетъ вынуть свою саблю и нанести ему ударъ. Мамаръ запирался; призвали стрѣлка. Увидѣвъ его Мамаръ перемѣнился въ лицѣ. Онъ признался, что участвовалъ въ убійствѣ, вмѣстѣ съ своимъ каидомъ Бель-Кеиромъ.

Въ тотъ-же вечеръ кади Бенъ-Айедъ сознался, что дѣйствительно сообщники клялись надъ кораномъ. Капитанъ *Доано* по его словамъ принудилъ его къ этому, и видя его нерѣшительность, далъ ему пощечину.

Имя капитана Доано, произнесеное подсудимымъ, взволновало генерала. Онъ не могъ обѣдать и грустно сказалъ капитану Бернаръ: «дѣло помрачается».

Другой обвиненный Бу-Мединъ, затѣмъ негръ Барка, потомъ Ульдъ-Кадуръ, наконецъ коджа совершенно одинаково показали, что капитанъ Доано возъимѣлъ мысль объ убійствѣ и присутствовалъ при его совершеніи.

Еще болѣе важное показаніе сдѣлалъ Бель-Кеиръ.

Онъ былъ заключенъ въ теченіи нѣсколькихъ дней въ тюрмѣ сырой и почти лишенной свѣта. Онъ не жаловался, но здоровье его все болѣе и болѣе разстраивалось. 17-го октября его вывели изъ тюрьмы, и сторожъ только тогда замѣтилъ, что заключенный всѣ порціи хлѣба спряталъ подъ свой матрасъ, но не ѣлъ ихъ. *Допрошенный мировымъ судьею* Бель-Кеиръ безпрестанно отвѣчалъ: «возьми мою голову и оставь меня, мнѣ нечего говорить тебѣ.» Хорошо, сказалъ г. Друленъ, если такъ, то увидятъ вскорѣ, каковъ начальникъ Арабовъ. Тебя скоро уличитъ во лжи собака. Мамаръ все открылъ, онъ тебя уличитъ.—Ну такъ я все скажу, сказалъ Бель-Кеиръ послѣ минутнаго размышленія.

Онъ сознался въ своемъ участіи въ убійствѣ, но объяснялъ, что дѣйствовалъ по приказанію капитана Доано. Сказавъ это, Бель-Кеиръ упалъ въ обморокъ. Я подлецъ, сказалъ онъ, я хотѣлъ уморить себя голодомъ, но у меня не достало на это мужества. Я женщина. Когда мнѣ принесли хлѣба, я не могъ устоять противъ желанія откусить нѣсколько кусковъ.

Послѣ продолжительныхъ допросовъ и очныхъ ставокъ, бо́льшая часть обвиненныхъ показали, что капитанъ Доано при совершеніи преступленія былъ во главѣ ихъ, что онъ ѣхалъ верхомъ на сѣрой лошади, убранной по арабски; на немъ были два бѣлыхъ бурнуса, капюшоны которыхъ почти совершенно скрывали его лицо. Онъ самъ не наносилъ ударовъ, но находясь невдалекѣ, побуждалъ убійцъ восклицаніями—«убейте эту собаку этого сына собаки, убивайте скорѣе»; убѣдившись, что ага уже не дышетъ, онъ сказалъ тоже по арабски: «пусть никто не говоритъ или я его убью, поѣзжайте всѣ въ разныя стороны.»

Нельзя было медлить—слѣдователи арестовали капитана Доано; 21-го октября онъ былъ въ первый разъ допрошенъ въ Тлемченѣ и энергически возставалъ противъ обвиненія; подсудимые на очной ставкѣ съ нимъ подтвердили свои прежнія показанія.

Горесть сослуживцевъ Доано была очень велика. Еще сомнѣвались — такъ увѣрены они были въ капитанѣ. Его храбрость и умъ дѣлали изъ него человѣка замѣчательнаго и трудно было допустить, чтобы онъ рѣшился прибѣгнуть къ низкому убійству.

Трудно было найти офицера, формулярный списокъ котораго, болѣе говорилъ бы въ пользу его. Вотъ отзывъ о немъ начальника субдивизіи, препровожденный къ слѣдователямъ: «теоретиче-«ское образованіе очень хорошее, практическое—хорошее. Онъ «свободно говоритъ по арабски, пишетъ и читаетъ на этомъ «языкѣ, говоритъ немного по нѣмецки; занимается изученіемъ «Алжиріи, очень способный, отлично управлялъ арабскимъ бюро. «Прилеженъ на службѣ и въ ученыхъ занятіяхъ, не разъ отли-«чался во время военныхъ дѣйствій и нападеній на марокскую гра-«ницу. Ему можно давать всѣ порученія, даже самыя трудныя и «деликатныя. Заслуживаетъ повышенія, отлично ѣздитъ верхомъ, «желаетъ остаться навсегда въ Алжиріи, поддерживаетъ отлич-«ныя отношенія съ туземцами; его въ одно и тоже время лю-«бятъ, боятся и уважаютъ. Поведеніе и нравственность безуко-«ризненныя.»

Вспомнили что въ 1848 и 1849 г., когда капитанъ управлялъ арабскимъ бюро Лала-Марнія, между нимъ и ага Бенъ-Абдалла возникли споры изъ-за собиранія податей съ пограничныхъ племенъ. Въ недавнее время весною 1856 г. 104 верблюда, принадлежащіе марокскому племени Мажа и ввозившіе контрабандою

шерсть на алжирскую территорію, были захвачены солдатами и, проданы, а вырученныя деньги обращены капитаномъ Доано въ пользу Бель-Гаджи. Эти способы награжденія—доставляли доходы арабскимъ вождямъ. — Абдала завидывалъ Бель-Гаджи и сталъ защищать племя Мажа. Онъ потребовалъ обратной выдачи верблюдовъ, но не успѣлъ въ этомъ. Вопросъ о вліяніи, корысть, все это по мнѣнію слѣдователей должно было порождать раздраженіе между капитаномъ и ага.

Тѣмъ не менѣе повидимому отношенія между капитаномъ и Абдала были отличныя. Капитанъ очевидно не желалъ открытаго разрыва съ человѣкомъ, который могъ ему повредить.

До сихъ поръ противъ капитана не имѣли иныхъ уликъ, кромѣ показаній обвиненныхъ, довольно поздо сдѣланныхъ. Показанія отъ нихъ отбирались способами насильственными. Нѣкоторыя части показаній арабовъ были очевидно вымышленны. Такимъ образомъ подсудимые показывали, (что по ихъ мнѣнію совершенно оправдывало ихъ), что они ѣхали толпою вслѣдъ за дилижансомъ *подъ начальствомъ капитана* и выѣхали изъ *тѣхъ же воротъ*, изъ которыхъ и дилижансъ. Между-тѣмъ столь многочисленный отрядъ несомнѣнно обратилъ-бы на себя вниманіе солдатъ и часовыхъ и самихъ путешественниковъ, но никто изъ нихъ не видѣлъ за каретой ни пѣшеходовъ, ни всадниковъ; пѣшіе могли пройти сквозь трещины, существовавшія въ стѣнахъ города,—но для всадниковъ это было совершенно невозможно.

18 октября былъ арестованъ бригадиръ спаговъ, состоящій при арабскомъ бюро по имени Адбель-Кадеръ-Букра. Обыскъ, произведенный у Букра, имѣлъ то послѣдствіемъ, что нашли пакетъ въ формѣ письма, адресованный г. Луи Доано, поручику 41 линейнаго полка, брату главнаго обвиненнаго. Въ этомъ пакетѣ было 14 билетовъ по 1000 франковъ каждый, 5-ть билетовъ по 200 франковъ; два билета — одинъ въ 2000 франковъ, другой въ 1000 франковъ, и наконецъ два билета алжирскаго банка въ 100 франковъ каждый, всего 21,200 франковъ.

На слѣдующій день коджа Си-Могамедъ показалъ, что существуетъ другая сумма денегъ, отданная ему на сохраненіе капитаномъ Доано въ ту минуту, когда онъ ѣхалъ въ Оранъ. Дѣйствительно въ спальнѣ коджи нашли шкатулку, въ которой

было три холстинныхъ мѣшка. Въ первомъ было 1,420 фр. пятифранковыми монетами, во второмъ 4,740 фр. тѣми же монетами, потомъ 160 франковъ золотомъ, въ третьемъ было 9,780 фр. золотомъ, всего же было 17,100 франковъ. Эта новая сумма, прибавленная къ той, которая была въ пакетѣ, составляла итогъ въ 38,300 франковъ. Коджа присовокупилъ, что капитанъ Доапо велѣлъ ему закопать шкатулку въ землю до тѣхъ поръ, пока не заглохнетъ дѣло о убійствѣ.

Капитанъ Доано, допрошенный объ этихъ деньгахъ, объявилъ, что онъ отдалъ своему секретарю на храненіе шкатулку, думая, что возвратится черезъ нѣсколько дней. Пакетъ, захваченный у Букра, онъ велѣлъ этому послѣднему отправить на почту. На дальнѣйшіе же распросы, какимъ образомъ пріобрѣлъ столь значительную сумму,—Доано отвѣчалъ, что это касается лица, которому онъ обѣщалъ не говорить объ этомъ. Допрошенный еще разъ, Доано отвѣчалъ, что пріобрѣлъ сумму 8000 фр. черезъ продажу своего имущества, объ остальныхъ же деньгахъ *отказался дать какія бы то ни было объясненія.*

Слѣдователи стали тогда розыскивать, не происходили-ли эти деньги отъ поборовъ *)—и заключили, что Доапо пріобрѣлъ эти деньги поборами съ Арабовъ, что ему было очень легко при той огромной власти, которою онъ обладалъ какъ управляющій арабскимъ бюро и при отсутствіи всякаго контроля надъ его дѣйствіями. Конфискаціи и аресты имущества Арабовъ и зернового хлѣба ихъ, самовольные сборы и штрафы—таковы были операціи арабскихъ бюро, указанныя слѣдователями и которыя по ихъ мнѣнію послужили источникомъ собранной суммы. По закону штрафныя суммы должны были быть вносимы каждого-*дно въ кассу сборщика податей; подать и дополнительные къ ней* сборы должны были быть вносимы начальниками дуаровъ въ государственную кассу. Но на практикѣ, какъ раскрыто было слѣдствіемъ, благодаря недостатку контроля со стороны высшихъ властей—собираніе податей сдѣлалось однимъ изъ правъ управляющихъ бюро; деньги, собранныя посредствомъ штрафовъ, хранились *у нихъ* и они не вели даже имъ приходорасходныхъ

*) Намъ кажется, что такое направленіе дѣла было совершенно неправильно: предметъ дѣла состоялъ въ обвиненіи Доано въ убійствѣ, а не въ возбужденіи того, какимъ способомъ онъ пріобрѣлъ деньги.

книгъ; такимъ образомъ могли существовать многочисленные источники неправильныхъ поборовъ.

Къ этимъ открытіямъ необыкновенной важности присоединились менѣе важныя улики, доказывающія, что капитанъ Доано тратилъ денегъ болѣе, нежели сколько онъ получалъ жалованья, что онъ проигрывалъ въ карты огромныя суммы, содержалъ нѣсколько любовницъ и т. п.

Между-тѣмъ какъ положеніе капитана Доано все болѣе и болѣе становилось опаснымъ, обстоятельства дѣла измѣнились: въ мартѣ 1857 г. ага Бель-Гаджи съ двумя своими слугами оставилъ свое убѣжище въ Марокко и добровольно прибылъ въ г. Оранъ. На допросахъ, онъ сознался, что принималъ участіе въ присягѣ, но прибавилъ что онъ не участвовалъ въ самомъ совершеніи убійства: отъ только позволилъ своимъ слугамъ участвовать въ немъ. Ага былъ по видимому въ совершенномъ *нравственномъ разстройствѣ*, его память была слаба и нетверда.

Между бумагами, которыя ага вручилъ правосудію, оказалось письмо, написанное ему коджею и подписанное капитаномъ Доано. Въ этомъ письмѣ были слѣдующія выраженія: «не бойтесь, мы все устроили и все уничтожили, *между нами не будетъ измѣны.*»

Таковы были обвиненія, сдѣланныя противъ главныхъ подсудимыхъ и противъ тѣхъ, которые признавали себя ихъ сообщниками; 6-го Апрѣля 1857 г. судъ города Орана собрался чтобы судить ихъ.

Между защитниками подсудимыхъ были Ножанъ-де-С. Лоранъ для Доано, и Жюль Фавръ для Бель-Гаджи.

По прочтеніи обвинительнаго акта, президентъ приступилъ къ допросу обвиненныхъ, начиная съ капитана Доано.

Послѣ обыкновенныхъ вступительныхъ вопросовъ, онъ попросилъ его объясниться *о дѣйствіяхъ его по администраціи* (?)

О. Объяснится, но что могу я вамъ сказать, я не могу вспомнить сегодня всѣ дѣйствія моей администраціи, продолжавшейся 10 лѣтъ.

В Вы часто дѣлали конфискаціи имущества Арабовъ?

О. Да, и предписанія моихъ начальниковъ дозволяли мнѣ это.

Затѣмъ всѣ послѣдующіе вопросы президента, нисколько не относясь къ совершенію убійства 12 сентября, касались предме-

товъ внутренней администраціи арабскаго бюро, употребленія собираемыхъ денегъ, сбора податей, и наконецъ происхожденія суммы 38,000 франковъ, принадлежащей Доано.

В. Послѣдній разъ отказываетесь-ли вы объяснить происхожденіе денегъ, которыя оказались вамъ принадлежащими?

О. Я не могу ничего сказать объ этомъ, это дѣло чисто семейное.

В. Какъ объясните вы единогласное показаніе Арабовъ, которые васъ обвиняютъ. Трудно допустить заговоръ со стороны этихъ людей?

О. Я надѣюсь доказать заговоръ, когда будутъ допрашивать ихъ. Всѣ эти люди образовали особый кружекъ въ мусульманскомъ обществѣ города Тлемчена и естественно допустить, что они подверглись вліянію своихъ соотечественниковъ, а не моему. Имъ были даны всѣ средства согласиться между собою. Когда я прибылъ въ оранскую тюрьму, я ихъ увидѣлъ *вслухъ вмѣстѣ*; они при мнѣ говорили другъ другу: сказалъ-ли ты ясно, не ошибся-ли ты?

Президентъ. Правосудіе приняло всѣ мѣры, чтобы прервать сообщеніе между ними. Тотчасъ послѣ арестованія, всякій изъ обвиненныхъ посаженъ былъ въ отдѣльную камеру. Когда допросы были сняты, тогда только ихъ помѣстили въ общую комнату.

Доано. Лучше сдѣлали-бы, если бы оставили ихъ въ одиночныхъ камерахъ до очныхъ ставокъ.

Президентъ. Этому препятствовалъ недостатокъ тюремныхъ помѣщеній.

Доано. Тогда я жертва этого недостатка. Я полагаю, что обвиненные имѣли сообщеніе между собою.

Далѣе капитанъ Доано энергически опровергаетъ подстрекательство съ его стороны другихъ лицъ къ преступленію. Онъ указываетъ на разнорѣчіе, существующее въ показаніяхъ обвинителей. Послѣдніе говорили, что присяга надъ кораномъ происходила въ понедѣльникъ, между-тѣмъ доказано, что въ этотъ день его, капитана Доано, не было въ Тлемченѣ. Потомъ они говорили, что присяга была въ вторникъ.

Когда президентъ сказалъ, что Доано узнанъ былъ по голосу на дорогѣ Тлемчена однимъ Арабомъ по имени Бенъ-Абдерра-

маномъ, Доано отвѣчалъ, что это показаніе до такой степени невѣрно, что оно уничтожается показаніями другихъ обвинителей. Не говорятъ-ли они, что всадники выѣхали вслѣдъ за каретою и слѣдовали за нею? Потомъ этотъ человѣкъ узналъ голосъ его, Доано, между-тѣмъ онъ не знаетъ этого человѣка. Эти показанія выдуманы съ цѣлью поддержать заговоръ обвиненныхъ противъ него. Обвинители показываютъ, что у него были красныя панталопы, и г. Ленсве говоритъ, что посѣтивъ его рано утромъ, видѣлъ его въ красныхъ панталонахъ; но оба эти показанія невѣрны.

В. До отъѣзда Абдала, какъ вы говорите, вы вручили ему письмо къ генералу Монтобану. Между-тѣмъ, какъ только дилижансъ вернулся въ Тлемченъ, полицейскій комисаръ осматривалъ внимательно объ сумки, бывшія въ немъ, и нашелъ въ нихъ только двѣ лепешки?

О. Вѣроятно обыскъ произведенъ былъ недовольно внимательно.

В. Послѣ того кондукторъ, осматривая дилижансъ, нашелъ въ немъ маленькое письмо, адресованное вами генералу. Это письмо не было ли написано вами послѣ совершенія преступленія?

О. Когда и какимъ образомъ могъ бы я войти въ карету, и какой интересъ имѣлъ я къ этому?

В. На этомъ письмѣ означено, что оно писано 12-го въ пятницу, а не въ тотъ день, когда вы по вашимъ словамъ отдали его ага.

О. Это правда, но случается очень часто, что означаютъ на письмѣ не тотъ день, когда его пишутъ, но тотъ день когда оно должно быть отправлено. Наконецъ если бы я написалъ письмо по *совершеніи преступленія, я-бы конечно означилъ* въ немъ число 11-ое.

В. Въ письмѣ, которое вы велѣли написать Бель-Гаджи 12-го сентября, что означали слова: *мы все устроили, все уничтожили?*

О. Коджа помѣстилъ эти слова, я ему сказалъ grosso modo смыслъ письма, а онъ внесъ эти слова.

В. А эти слова: *«не будетъ измѣны между нами».*

О. Это выраженія, которыя принято писать во всякомъ письмѣ къ Арабамъ.

Президентъ. Мы видѣли сотни этихъ писемъ и ни одно не было изложено подобнымъ образомъ.

Приступаютъ къ допросу *Бель-Гаджи* и спрашиваютъ его: упорствуетъ ли онъ въ своихъ показаніяхъ?

Бель-Гаджи: поднимая обѣ руки и мотая головою, «я не знаю, что я говорилъ, я знаю, что я былъ измученъ, я хотѣлъ умирать, убейте меня, мнѣ все равно, я готовъ.

В. Бель-Гаджи изгоните эту пустую и недостойную боязнь; будьте увѣрены, что если вы невинны, то ваша невинность будетъ провозглашена. Всадники, совершившіе убійство, были ваши слуги?

О. Да.

В. Кто послалъ васъ за ними?

О. Магомедъ, (коджа), по приказанію капитана; я нашелъ въ бюро капитана. Я сказалъ все — *пусть судъ отыскиваетъ правду.*

В. Правда ли, что Доано, призвавъ васъ, сказалъ: «если вы не хотите совершить убійство, то, я заставлю одного испанца убить Абдала, испанецъ проситъ 500 франковъ.

О. Это правда.

Затѣмъ Бель-Гаджи, отвѣчая на вопросы президента, показываетъ, что *наканунѣ убійства* Доано велѣлъ ему отправить своихъ слугъ за городъ, чтобы ждать дилижансъ, что Доано 15 дней до убійства говорилъ ему, что не допуститъ Абдала пріѣхать въ Оранъ и видѣть генерала.

Си-Магомеда, будучи допрошенъ, показываетъ, что въ понедѣльникъ была присяга въ кафе Бель-Кеира; Бель-Гаджи присягалъ вмѣстѣ съ другими; подъ предводительствомъ капитана Доано ихъ выѣхало 11 всадниковъ вслѣдъ за каретою и въ одни ворота съ нею. По знаку капитана Мамаръ разбилъ стекло кареты.

Бель-Гаджи вставая: капитанъ Доано не принималъ никакого участія въ убійствѣ, *онъ даже не зналъ о немъ.*

Президентъ. Зачѣмъ-же говорили вы противное во время слѣдствія?

О. Мы боялись и мы лгали, чтобы спасти себя. Я, Бель-Кеиръ, и Си-Магомедъ мы одни рѣшились прибѣгнуть къ убійству.

Бель-Кеиръ на дѣлаемые ему допросы отвѣчаетъ, что капитанъ Доано былъ «султанъ въ Тлемценѣ», и что по приказанію

его совершено было преступленіе. Въ понедѣльникъ капитанъ былъ въ арабскомъ бюро вмѣстѣ съ Бель-Гаджи, имъ, Бель Кеиромъ, Бу-Нуа и коджа; онъ позвалъ къ себѣ коджа и велѣлъ ему присягнуть надъ кораномъ. Когда же коджа не хотѣлъ этого сдѣлать, *Доано далъ ему пощечину*. Коджа уступилъ и отправился въ кафе Бель-Кеира, тамъ коранъ былъ положенъ на землю и всѣ клялись. Букра стоялъ у воротъ и не впускалъ постороннихъ: *Доано самъ не выѣзжалъ изъ города* и не участвовалъ въ совершеніи преступленія. Капитанъ Доано сказалъ ему, Бель Кеиру, что если онъ не будетъ участвовать въ преступленіи, то онъ убьетъ его и его семейство. Капитанъ былъ всемогущъ. Въ три часа утра капитанъ былъ на сѣрой лошади около кафе, Бель-Гаджи принималъ участіе въ экспедиціи. На мѣстѣ преступленія были Ямани: Кадуръ-бу-Мединъ и Гамида, который убилъ переводчика, Слиманъ-бѣнъ-Ага и Бенъ-Айедъ самъ онъ, Бель-Кеиръ, только былъ въ толпѣ всадниковъ но не стрѣлялъ изъ ружья и не принималъ участія въ убійствѣ. Это показаніе было окончено слѣдующими словами: «я призываю Бога во свидѣтели, что капитанъ вовлекъ насъ въ убійство, и что онъ управлялъ экспедиціею.»

Мамаръ объяснилъ, что по приказанію капитана онъ пѣшкомъ отправился за толпою всадниковъ, что капитанъ вмѣстѣ съ ними, вслѣдъ за дилижансомъ, *выѣхалъ изъ Тлемсена*, лошадь его почти касалась кареты, у воротъ *не было часовыхъ*. Между-тѣмъ какъ коджа убивалъ Абдала, онъ, Мамаръ, держалъ лошадь его, потомъ по приказанію капитана онъ снялъ крестъ почетнаго легіона, бывшій на груди ага. Стрѣляли изъ ружей: Гамида, Ямани и Милудъ-бенъ-Амеръ. Христіанинъ былъ убитъ нечаянно. Капитанъ послѣ того велѣлъ ему, Мамару, бѣжать.

Доано. Мамаръ первый во время слѣдствія произнесъ мое имя (и я прошу обратить на это вниманіе) послѣ того какъ генералъ Монтобанъ замахнулся на него саблею, чтобы заставить его говорить.

Кадуръ-Бу-Мединъ, слуга Бель Гаджи, показываетъ, что принималъ участіе въ убійствѣ по приказанію Бель-Гаджи, который говорилъ ему, что дѣйствуетъ по повелѣнію капитана. Они съ капитаномъ выѣхали изъ воротъ города вслѣдъ за дилижансомъ, у воротъ былъ часовой.

*

Букра показываетъ тоже самое.

Ель-Ямани и *Бу-Ну'а*, *Ель-Милуди* и *Слимани* говорятъ, что они не принимали участія въ преступленіи.

Бенъ-Мурзуки показываетъ, что присутствовалъ при совершеніи преступленія, но дѣйствовалъ по приказанію Бель-Гаджи.

Бу-Медини сознается, что былъ въ толпѣ всадниковъ.

Обширность этого дѣла не дозволяетъ намъ представить in extenso показанія свидѣтелей тѣмъ болѣе, что показанія эти, не относясь къ самому убійству, касались лишь администраціи капитана Доано, его поборовъ, злоупотребленій и казней нѣсколькихъ Арабовъ, сдѣланныхъ по его приказанію въ военное время.

Генеральный адвокатъ произнесъ слѣдующую обвинительную рѣчь: «когда на насъ была возложена трудная задача преслѣдовать убійство въ Тлемценѣ, мы знали о немъ только то, что разносила народная молва. Съ печалью и изумленіемъ мы слышали, что офицеръ французской арміи искушенъ былъ сперва алчностью и корыстью, потомъ страхомъ обличенія его, и наконецъ рѣшился на убійство. Мы долго не довѣряли слухамъ и сомнѣвались въ правдивости молвы. Могли-ли мы вѣрить имъ, бывъ свидѣтелями 17 лѣтней славы нашей арміи въ этой странѣ, свидѣтелями не одного мужества, но и возвышенныхъ чувствъ защитниковъ французскаго знамени, которые пренебрегаютъ корыстью столько же, сколько презираютъ смерть? И все таки мы къ сожалѣнію должны были наконецъ убѣдиться въ неосновательности нашего недовѣрія къ молвѣ. Мы отдаемъ должную дань уваженія арабскимъ бюро: въ нихъ много офицеровъ служили съ честью и оказали благодѣянія странѣ. Тѣмъ не менѣе, капитанъ Доано есть зачинщикъ и руководитель преступленія арабовъ. Вотъ какія у него были побудительныя причины. Абдала былъ могущественнымъ и вліятельнымъ начальникомъ племени и находился въ прямыхъ и интимныхъ сношеніяхъ съ командиромъ Доано: этого достаточно было, чтобы онъ сдѣлался предметомъ ненависти и зависти Доано. А человѣкъ такого характера и такого закала, какъ капитанъ, не могъ долго терпѣть на землѣ своего врага. Ага мѣшалъ ему въ властолюбивыхъ его замыслахъ надъ арабами. Впрочемъ если-бы ага былъ убитъ одинъ, то можно бы было убіеніе его приписать одной побудительной причинѣ— ненависти; въ такомъ случаѣ онъ и не былъ бы убитъ такъ явно.

Столь явное, поспѣшное убійство, почти въ виду города, имѣло еще другую причину: оно было крайне нужно, крайне спѣшно въ матеріальномъ отношеніи. И дѣйствительно, *предварительное* слѣдствіе показало, что ага выѣхалъ въ Оранъ совершенно внѣ себя отъ негодованія на притѣсненія капитана по случаю конфискаціи верблюдовъ. Какъ выражается его вдова, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда увидитъ генерала, для обличенія капитана. Развѣ это не есть самая очевидная, несомнѣнная причина, побудившая Доано къ убійству? Допустимъ однако, что этого мотива недостаточно... Не видимъ ли мы въ исполненіи злодѣянія *что-то французское, умно задуманное,* а не арабское? Мы видимъ, что убійцы оказываютъ уваженіе къ *европейскимъ* путешественникамъ, уважаютъ чужую собственность... *хотя въ числѣ пападающихъ находился* даже такой отъявленный негодяй, какъ Мамаръ! Вѣдь мы знаемъ, что воровство обыкновенно слѣдуетъ за убійствомъ арабовъ. Потомъ, насъ удивляетъ оказанная арабами смѣлость и хладнокровіе. Преступники спокойно возвращаются въ Тлемчень. Гдѣ же ихъ сильный покровитель, внушающій имъ сознаніе безнаказности? *Никто другой не могъ быть имъ, какъ Доано!* Посмотримъ, кто были орудіями его. Трое принадлежатъ къ арабской бюро, особенно коджа, который въ продолженіи 10 лѣтъ былъ вѣрнымъ, преданнымъ слугою капитана; за нимъ слѣдуетъ кади и Букра, исполнитель повелѣній Дуано. Рядомъ съ этими членами арабскаго бюро мы видимъ агу Бель-Гаджи и каида Бель-Кеира, также—двухъ преданныхъ друзей капитана. Кто же организаторъ и руководитель этихъ лицъ? *Никто другой, безъ сомнѣнія, какъ Доано!* Кади, коджа и Бель-Кеиръ согласны въ томъ, что Доано присутствовалъ при клятвѣ ихъ объ умерщвленіи аги. Это согласіе ихъ служитъ доказательствомъ самаго факта клятвы и личнаго участія капитана въ преступленіи. Какъ велъ себя Доано послѣ совершенія преступленія? Онъ бездѣйствалъ, не смотря на то, что молва обвиняла многихъ; онъ защищалъ свое орудіе—коджа, ложно выставляя его больнымъ. Онъ старался внушить генералу подозрѣніе противъ племени Бени-Сну, что оно будто совершило злодѣяніе въ отмщеніе за дурное управленіе убитаго аги. Доано отказался дать объясненіе, какимъ образомъ онъ нажилъ свой капиталъ, а это обстоятельство

подтверждаетъ справедливость жалобъ на капитана, которыя вынудили убитаго агу ѣхать къ его начальнику. Каковы остальные виновники? Это все жалкія, ничтожныя орудія. Коджа—пошлый, но свирѣпый негодяй, который не откажется отъ любаго преступленія. Ага Бель-Гаджи—это человѣкъ, который, давъ формальныя показанія, перешелъ снова въ мракъ. Многіе подсудимые—именно служители, заслуживаютъ пощады; относительно другихъ нужно признать смягчающія вину обстоятельства. Молва о преступленіи 12 сентября распространилась въ Европѣ. Молва изумила и огорчила нашихъ соотечественниковъ во Франціи. Господа! Франція и Европа внимательно слѣдятъ за ходомъ и исходомъ этого слѣдствія! Вездѣ и всѣ проникнуты важнымъ значеніемъ и тяжестію вашего призванія. Если Доано будетъ признанъ невиннымъ, то ваше правосудіе должно еще будетъ карать его сообвиненныхъ; въ этомъ случаѣ они окажутся виновными не только въ убійствѣ 12 сентября, они виновны и въ покушеніи убійства надъ невиннымъ. Они старались, прикрывая себя виновностью Доано, спасти себя отъ заслуженнаго наказанія, подвергая его эшафоту.»

Обязанность защитника обвиненнаго Доано была очень трудна потому, что въ этомъ дѣлѣ *всѣ усилія адвокатовъ прочихъ подсудимыхъ были направлены противъ Доано.* Авдокаты, отыскивающіе денежнаго вознагражденія (avocats des parties civiles), защитники другихъ обвиненныхъ—всѣ они доказывали виновность Доано. Такимъ образомъ дѣйствіе публичнаго министерства удесетерилось къ ущербу одного обвиненнаго.

Г. Ножанъ де Сенъ-Лоранъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Защита моего кліента трудна не по фактамъ обвиненія, а *по положенію Доано въ процессѣ.* Противъ него одного говорили уже нѣсколько адвокатовъ и прокуроръ, почти упуская изъ виду прочихъ подсудимыхъ... Но когда я кончу говорить, положеніе его будетъ еще хуже: на него нападутъ 10 адвокатовъ другихъ подсудимыхъ. Выгода ихъ кліентовъ въ обвиненіи Доано. И такъ, *я одинъ*! Я горжусь своимъ одиночествомъ: масса всегда стоитъ за заблужденіе, обманъ и ложь; несомнѣнные признаки чести и истины изолированы. Прокуроръ утверждаетъ, что преступленіе имѣетъ *французскій характеръ.* Что это такое? Напротивъ, преступленіе совершено между арабами. Абдалла убитъ. Во Фран-

ціи такое преступленіе было бы неслыхано; на границѣ Марокко оно не особенно удивительно. Три раза было совершаемо покушеніе на жизнь аги Абдаллы; онъ раздражилъ противъ себя однопленниковъ неприступной гордостью, честолюбіемъ и строгостью. Обратите вниманіе на самое положеніе Алжиріи: города при морскомъ берегѣ въ этой французской колоніи имѣютъ видъ французскихъ городовъ; мѣста близъ границы Марокко, каковы Тлемченъ, Себдонъ и Магмія сохранили во всей первобытной простотѣ арабскій элементъ здѣсь—грубые нравы жителей, здѣсь ежедневно обнаруживаются послѣдствія дикихъ страстей—мести, ревности, жестокости. Настоящій процесъ объясняется варварскими правами: въ нихъ ключъ къ отысканію и побудительныхъ причинъ преступленія. При такомъ взглядѣ все объясняется просто и естественно. Если-же предположить противное—*подстрекательство* со стороны *капитана*,—то все становится запутано, сбивчиво, невѣроятно, невозможно. Въ чемъ собственно обвиняется Доано? по правдѣ сказать, это еще неизвѣстно. Въ обвинительномъ актѣ онъ обвиняется въ томъ, а 1) что руководилъ лично нападеніемъ на почтовую карету, 2) что онъ стрѣлялъ въ карету, и 3) что онъ по крайней мѣрѣ приказалъ сдѣлать нападеніе. Адвокаты, говорившіе противъ него, утверждали и то, и другое, и третіе. Прокуроръ по видимому ограничивается теперь тѣмъ, что обвиняетъ его въ подстрекательствѣ, не обвиняя уже его въ личномъ соучастіи. И такъ, вотъ гдѣ уже обнаруживается разнорѣчіе обвинителей. Послѣ 10 мѣсячнаго изслѣдованія, послѣ шести мѣсячнаго одиночнаго заключенія капитана, нельзя было формулировать обвиненіе съ опредѣлительностью и точностью! Обвиненіе основывается на гипотезахъ и двоякихъ, альтернативныхъ предположеніяхъ; обвиненіе не имѣетъ твердаго начала. Кто уполномоченъ былъ производствомъ труднаго и важнаго слѣдствія? *Простой мировой судья и политическій комиссаръ.* Члены алжирской судебной палаты явились на помощь имъ слишкомъ поздно; они прибыли послѣ допроса обвиняемыхъ, послѣ того, какъ слѣдствіе приняло опасный для капитана оборотъ. Доано, сынъ почтеннаго храбраго французскаго офицера значительнаго ранга, посвятилъ себя съ юности военной карьерѣ, внушилъ къ себѣ довѣріе начальниковъ и пріобрѣлъ любовь

товарищей. Главный его начальникъ представилъ этого офицера, украшеннаго орденомъ почетнаго легіона, къ чину батальоннаго командира, какъ вдругъ оговоръ нѣкоего Мамара, отъявленнаго преступника, побудилъ мироваго судью въ Тлемченѣ начать слѣдствіе о дѣйствіяхъ Доано. Желая избавить Доано отъ всякаго нареканія, я считаю долгомъ объявить о томъ, какъ онъ получилъ 38,000 фр., которые имѣютъ въ процесѣ такое большое значеніе, хотя открытіе происхожденія этой суммы по семейнымъ обстоятельствамъ моего кліента составляетъ для него непріятную необходимость. Доано при жизни покойной своей мачихи получилъ отъ нея въ 1852 г. сумму 30,000 фр. на сохраненіе. Капитанъ поступилъ не хорошо, умолчавъ объ этомъ, не смотря на то, что у нея во время открытія наслѣдства былъ законный наслѣдникъ, братъ Доано; но при существованіи хорошихъ отношеній между братьями, капитанъ не можетъ ничего опасаться. Доано весьма много повредило то, что онъ былъ начальникомъ арабскаго бюро. Соображая тѣ нападенія, которымъ подвергается это установленіе въ процесѣ, невольно задаешь себѣ вопросъ: кто настоящій обвиняемый въ процесѣ? *не само-ли учрежденіе арабскихъ бюро составляетъ обвинейную сторону*? Между-тѣмъ организація и дѣятельность этихъ установленій принесли большую долю пользы государству: это—посредническое звѣно между французскимъ и арабскимъ управленіемъ, это—разсадникъ самыхъ энергическихъ и славнѣйшихъ офицеровъ арміи; бюро оказали много услугъ къ водворенію цивилизаціи и къ укрѣпленію французскаго владычества въ колоніи, хотя конечно, въ частности, они давали поводъ къ обвиненіямъ въ суровости и жестокости. На Доано-же лично не можетъ быть взводимо обвиненій по администраціи потому, что начальство приняло всю отвѣтственность на себя и, послѣ удаленія Доано отъ должности, жалобъ на него поступало. Въ обвинительномъ актѣ представляется, будто Доано организовалъ заговоръ. Эта идея имѣетъ ложное основаніе и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи. *Нравственная невозможность* состоитъ въ томъ, что Доано—мужественный и честный офицеръ; въ его жизни нельзя отыскать подлаго или коварнаго поступка, онъ смотрѣлъ всегда врагу прямо въ лицо и не имѣлъ привычки прибѣгать къ посреднику. Короче сказать, онъ прав-

ственно неспособенъ на такое подстрекательство. Что касается *физической или матеріальной невозможности*, то она доказана положительными, несомнѣнными фактами. Доано съ Бенъ-Абдаллою находился въ лучшихъ отношеніяхъ. Преступленіе же предполагаетъ существованіе побудительной причины, а преднамышленное убійство предполагаетъ существованіе *ненависти.* Изъ показаній различныхъ свидѣтелей обнаруживается, что Доано расчитывалъ даже на повышеніе вслѣдствіе рекомендаціи Абдаллы, что онъ всячески поддерживалъ дружескія отношеніе къ Абдалла и послѣдніе никогда не жаловался генералу на Доано; если хотятъ предполагать, что жалоба должна была имѣть мѣсто послѣ прибытія аги на скачки, то это весьма дѣтское предположеніе. Замѣтьте выраженіе коменданта: «Доано мнѣ никогда не сдѣлалъ зла, но коджа его намъ всегда досаждаетъ.» *Коджа*— это *несчастіе, злой спутникъ* капитана. Онъ торговалъ довѣріемъ капитана; капитанъ не зналъ, что этотъ негодяй ежедневно и тяжко нарушаетъ свои обязанности; между тѣмъ-этотъ негодяй играетъ главнѣйшую роль въ оговорѣ Доано. Кромѣ коджи, между врагами Абдаллы былъ *Бель-Гаджи*, сильный воинъ, членъ большой арабской семьи, исполненный всѣхъ предразсудковъ и пороковъ своего олемени! Бель-Гаджи былъ извѣстенъ какъ врагъ и соперникъ Абдаллы; незадолго до убійства Бель-Гаджи говорилъ одному офицеру по поводу недоброжелательства аги: «здѣсь нечего дѣлать; у насъ нѣтъ болѣе вліянія. *Вскорѣ обо мнѣ заговорятъ.*» *Бель-Кеиръ* и *Каидъ* съ тою же горечью видѣли возрастающее ежедневно вліяніе аги племени Бенъ—Сну. Эти арабы, воспламененные одной идеей мести и ненависти, собрались для совѣщанія въ недоступномъ мѣстѣ. Развѣ можно допустить, чтобы кто либо въ положеніи капитана присоединился къ нимъ и такимъ образомъ добровольно потерялъ свою независимость, бывъ постоянно вынужденъ въ послѣдствіи бояться, что арабы его выдадутъ.—Если бы *султанъ* Доано, какъ его называютъ арабы, захотѣлъ дѣйствительно убить агу, ему легче было бы приказать совершить это преступленіе съ глазу на глазъ. Потомъ, когда Доано одинъ находился съ агой на марокканской границѣ, ему легко бы было сбыть его на тотъ свѣтъ; но вмѣсто того капитанъ давалъ караулъ къ палаткѣ аги и охранялъ его. И такъ, показанія лицъ постороннихъ по дѣлу слу-

жить въ пользу Доано: онъ обвиняется только по оговору другихъ подсудимыхъ; но какая у нихъ очевидная побудительная причина оговора? Для того чтобы избавиться отъ смертной казни, *имъ нужно выставить себя орудіями другой воли* по слѣпому повиновенію ей. Но для того, чтобы на основаніи такого оговора, внушаемаго имъ по чувству самохраненія, постановить о французскомъ офицерѣ смертный приговоръ, нужно, чтобы оговоръ былъ *опредѣлительный*, *точный* и согласный съ обстоятельствами дѣла и нужно, чтобы всѣ лица, представляющія этотъ оговоръ, были между собою *согласны*. Не нужно обманываться лживымъ слѣдомъ или тайною, нужно отыскать истину, и хотя бы она была узнана лицами изъ нечистыхъ мотивовъ для самосохраненія, можно воспользоваться ихъ указаніями; но пользуясь ими, не надобно принимать эти указанія безъ всякихъ доказательствъ. Между-тѣмъ по настоящему дѣлу показанія лицъ, которыя оговариваютъ капитана, исполнены противурѣчій относительно степени и способа участія капитана; *они согласны только въ томъ направленіи*, которое въ нихъ обнаруживается, а именно, всякое лицо, дѣлающее оговоръ, *отрицаетъ настойчиво свое участіе*. Показанія разнорѣчивы относительно сцены принесенія клятвы, которая сама по себѣ невѣроятна, о днѣ составленія заговора при участіи Доано, о способѣ совершенія убійства, о личномъ предводительствѣ Доано. Бель-Гаджи при предварительномъ слѣдствіи обвинялъ капитана, а при судебномъ слѣдствіи не обвиняетъ; теперь онъ обвиняетъ только самаго себя, коджу и Бель-Кенра. При такомъ положеніи дѣла, нельзя принимать на вѣру оговоръ, основанный на самомъ низкомъ чувствѣ—эгоизмѣ. Точно также не доказано бездѣйствіе Доано при розыскѣ. Онъ энергически преслѣдовалъ виновныхъ. Правда, этотъ боевой человѣкъ былъ не искусенъ въ юридическомъ знаніи; поэтому онъ легко могъ обмануться, такъ-какъ сами слѣдователи подчиняются нерѣдко ложному направленію и сомнѣніе его въ виновности коджа вполнѣ извинительно; излишняя довѣрчивость не есть признакъ низкихъ душъ! Поведеніе полицейскаго коммисара напротивъ заслуживало бы порицанія: онъ недостаточно отдѣлилъ одного подсудимаго отъ другаго и далъ имъ возможность сговориться на очныхъ ставкахъ; вотъ почему никто не обвинилъ Доано па

первомъ допросѣ, а объявленіе было сдѣлано при неродопросахъ, когда оказалось выгоднымъ привлечь къ дѣлу офицера и замаскироваться такимъ образомъ самому. Капитанъ дѣлается искупительною жертвою для всѣхъ; онъ долженъ погибнуть, чтобы негодяи спаслись. Я сожалѣю его и говорю за него отъ всего сердца! Рѣдко человѣкъ подымается при такомъ сцѣпленіи обстоятельствъ. Съ полнымъ убѣжденіемъ я признаю его невиннымъ. Офицеръ этотъ честный человѣкъ!»

Настоящею *обвинительною рѣчью* Доано была рѣчь г. *Жюль Фавра*, защитника Бель-Гаджи и Бенъ-Айеда. Мы приведемъ ее въ существенныхъ ея частяхъ, какъ образецъ ораторскаго краснорѣчія, хотя по нашему мнѣнію она отличается жестокостью, не оправдываемою цѣлью защиты, и *недостойна честнаго человѣка*, такъ-какъ въ ней судьба подсудимаго приносится въ жертву *политическимъ цѣлямъ*, то есть желанію *Жюль Фавра* подъ свободою судебныхъ преній заклеймить злоупотребленія военныхъ властей по управленію Алжиріей.

«Я понимаю и цѣню благородное стремленіе моего почтеннаго собрата, сказалъ Жюль Фавръ, избавить главнаго обвиненнаго отъ наказанія, которому онъ подвергнется, если вы признаете его виновнымъ. Если-бы талантъ могъ его спасти, то онъ былъ-бы внѣ всякой опасности. Благородное сердце моего собрата отвергаетъ съ энергіею ужасную мысль, что убійство могло быть задумано, приготовлено, организовано, предписано и исполнено тѣмъ лицемъ, которому государственная власть поручила важную обязанность охранять гражданъ, отыскивать и наказывать злодѣевъ. Онъ не рѣшается допустить, чтобы тотъ, кто владѣлъ шпагою, могъ ночью, на большой дорогѣ, гнуснымъ образомъ убить старика, которому онъ нѣсколько часовъ тому назадъ пожалъ руку, и котораго просилъ о покровительствѣ. Это возмущеніе совѣсти моего почтеннаго собрата совершенно естественно, мы всѣ чувствовали его. Можно сказать весьма основательно, что главное и самое сильное средство защиты это именно— гнусность взводимаго обвиненія. Но преступленіемъ болѣе гнуснымъ, нежели это отвратительное убійство, дѣйствіемъ болѣе чудовищнымъ—былъ-бы заговоръ, замышленный нѣкоторыми арабами, чтобы ввести въ заблужденіе правосудіе, чтобы заставить погибнуть на эшафотѣ невиннаго. Какъ! оба-

гривъ свои руки въ крови людей, насытивъ ни передъ чѣмъ неотступающую месть, они заставили-бы пасть отвѣтственность этого ужаснаго преступленія на ихъ начальника, ихъ друга, ихъ благодѣтеля! Къ этимъ тремъ жертвамъ ихъ дикихъ страстей, убитымъ въ потьмахъ, они прибавили-бы четвертую, на которую они напали-бы среди бѣлаго дня, чтобы заклеймить ее позоромъ чтобы предать ее палачу! Если этотъ заговоръ былъ сдѣланъ—онъ гнусенъ, его виновники отвратительные злодѣи. Я не знаю казни, которой бы слѣдовало подвергнуть ихъ за этотъ поступокъ! Такова *дилемма*, которая возстаетъ передъ нами и которую мы должны разрѣшить.

«Или Доано *виновенъ*, и въ такомъ случаѣ вы видите передъ собою лишь слѣпыя орудія его воли, или онъ *невиненъ* и тогда гнусные злодѣи, которые его обвиняютъ, чтобы оправдать себя, заслуживаютъ всѣ самыя строгія наказанія, которыя только можетъ придумать правосудіе. Но въ настоящую минуту, я это говорю смѣло, сомнѣніе невозможно. Принявъ на себя защиту Бель-Гаджи я понялъ тотчасъ то, что было ужаснаго въ этой обязанности, я увидѣлъ, что мнѣ—необходимо присоединить мой голосъ къ тѣмъ, которые обвиняютъ капитана Доано; это положеніе тяжело для меня, я нахожусь въ немъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я посвятилъ жизнь мою на защиту подсудимыхъ; въ этомъ дѣлѣ на мнѣ лежитъ обязанность *обвинять*. Я бы не принялъ этого положенія, если-бы оно не было *единственнымъ средствомъ спасти участь тѣхъ несчастныхъ*, которые вручили мнѣ свою судьбу, если-бы я не угадалъ того огромнаго *интереса*, который соединенъ съ полнымъ раскрытіемъ истины. Богъ мнѣ свидѣтель, что я вошелъ въ состязаніе безъ предубѣжденія, безъ заранѣе составленнаго плана, готовымъ принять всѣ доказательства невинности, рѣшившись не переступать за предѣлъ сомнѣній, если мнѣ представится сомнѣніе, но *также извлекая изъ моей совѣсти* твердость, необходимую для совершеннаго выполненія своей обязанности, если я перестану сомнѣваться.

«И такъ, *я это объявляю сегодня*, съ моихъ глазахъ всякій споръ излишенъ, истина открылась, она раскрыла себѣ путь во время судебныхъ препій. Эта истина, состоитъ въ томъ, что *капитанъ Доано есть единственный виновникъ по умыслу*, на-

правленію и приведенію въ дѣйствіе того важнаго преступленія, которое взволновало населеніе и которое требуетъ наказанія. Эта истина исходитъ изъ письменныхъ актовъ изслѣдованія; между-тѣмъ мы знаемъ всѣ, съ какимъ необыкновеннымъ стараніемъ, съ какою мудростью и мужествомъ оно было произведено. Мы знаемъ всѣ какими препятствіями оно было пріостановлено съ самаго начала. Оно было поручено виновному! Эти трудности были побѣждены. Честь и слава должностнымъ лицамъ, которыя не отступили ни передъ какими соображеніями, но выполнили свой долгъ, которыя поняли, что первая добродѣтель исполнителей закона—есть твердость, независимость и безпристрастіе. Каковъ бы не послѣдовалъ приговоръ суда, никто не будетъ сомнѣваться, что онъ былъ внушенъ совѣстью, на которую боязнь не имѣетъ никакого дѣйствія, и эти замѣчательныя засѣданія останутся въ исторіи Алжиріи какъ-бы памятникомъ мудрости и твердости. Страна почерпнетъ въ нихъ уроки, которые, я надѣюсь, принесутъ пользу дѣлу цивилизаціи и человѣколюбія. И мы адвокаты, которые въ болѣе тѣсной сферѣ, принимаемъ участіе въ тѣхъ-же обязанностяхъ, мы также раздѣляя эти великія чувства, желаемъ стать выше интересовъ защиты и искать истину, не смотря на лица, разсматривать безпристрастно результаты ужасной драмы, которая развернулась передъ вашими глазами.—Я постараюсь исполнить эту обязанность и надѣюсь, что благодаря вамъ, благодаря прилежному изученію мною этого производства, она будетъ легка. У меня только одно желаніе, я хочу удалить изъ моей души не только увлеченіе, которое можетъ вовлечь въ заблужденіе, но и *недостойное состраданіе,* которое затемняетъ истину; и однако я съ сокрушеніемъ повторяю страшное заключеніе, что капитанъ Доано приказалъ и совершилъ убійство Абдала.—Какъ ни горька моя обязанность, я ее исполню безъ слабости, я вамъ докажу, что этотъ человѣкъ не только приготовилъ и выполнилъ преступленіе, но что безъ него убійство ага Бенъ-Абдала не было бы совершено, и въ настоящее время мы не оплакивали-бы одно изъ самыхъ возмутительныхъ злодѣяній, которыя только были совершены въ этой странѣ съ тѣхъ поръ, какъ въ ней установилась наша администрація.

«Первый капитальный фактъ, который представляется уму

это естественное сравненіе положенія и власти каждаго изъ обвиненныхъ; разсмотрѣвъ прошедшее этихъ двухъ людей, нельзя не придти къ выраженному мною заключенію. Кто былъ капитанъ *Доано, кто были* Бель-Гаджи и коджа? Пусть говоритъ слѣдствіе. Изъ всѣхъ закоулковъ этого обширнаго слѣдствія, изъ всѣхъ элементовъ этого процесса исходитъ показаніе, которое выражаетъ собою общественное мнѣніе всего народонаселенія Тлемчена. *Доано былъ султанъ*, онъ былъ господинъ, все трепетало передъ нимъ. Нѣтъ возможности сомнѣваться, что онъ пользовался неограниченною властью въ томъ округѣ, который ввѣренъ былъ его управленію. Я сталкиваюсь здѣсь съ очень важнымъ вопросомъ, каково было его *законное полномочіе*? Нужно ли допустить, что учрежденіе арабскихъ бюро, къ которому принадлежалъ г. капитанъ Доано, будучи колыбелью блестящей плеіяды офицеровъ, должно непремѣнно исчезнуть передъ неизбѣжнымъ прогрессомъ нравовъ и цивилизаціи? Нужно-ли напротивъ дѣлать панегирикъ арабскихъ бюро? Какъ защитникъ Бель-Гаджи, я не имѣю достаточно официальныхъ документовъ, потому я и не буду представлять вамъ полную исторію Алжиріи. Я болѣе скроменъ и ограничиваясь изложеніемъ обстоятельствъ этого дѣла, представлю его такъ, какъ оно есть, но безъ недомолвокъ и ограниченій.—Несомнѣнно, что капитанъ Доано имѣлъ въ округѣ Тлемченѣ власть почти верховнаго владыки, право жизни и смерти на лицъ, ввѣренныхъ его управленію. Я не буду ни хвалить, ни порицать учрежденій арабскихъ бюро. Я не хочу разрѣшать общіе вопросы, но я долженъ *сдѣлать* оцѣнку *арабскаго бюро Тлемчена*, управляемаго капитаномъ Доано. Между-тѣмъ если-бы о всѣхъ арабскихъ бюро составить себѣ мнѣніе на основаніи бюро Тлемчена—то надо спѣшить или *закрыть* или совершенно *измѣнить ихъ*.—Слѣдствіе раскрыло, что подъ тѣнью того, что называютъ военнымъ управленіемъ, дѣйствуетъ власть безъ предѣловъ, безъ правилъ, безъ контроля. Однако, говорятъ намъ: существуютъ точныя *правила, подробныя инструкціи*. *Да*, но эти правила, эти инструкціи *не* соблюдаются и остаются мертвою буквою. Администраторы создаютъ то, что называютъ »исключительнымъ положеніемъ страны», чтобы дать просторъ своему безграничному произволу.—Г. генералъ Бофоръ объявилъ въ этомъ судѣ, что по

принималъ никакого участія въ денежнымъ дѣлахъ. Военные законы устанавливаютъ дѣйствительно большое различіе между администраціею финансами и командываніемъ войсками; это различіе очень мудро, но существуетъ ли оно для арабскихъ бюро? Его попираютъ ногами. Такимъ образомъ рядомъ съ правильными штрафами, цифра которыхъ устанавливается декретами верховной власти, вы находите штрафы неправильные, поборы зерноваго хлѣба, конфискаціи, аресты. Сборъ, происходящій изъ этихъ источниковъ, получаетъ спокойное названіе *случайныхъ фондовъ*, изъ которыхъ служащіе черпаютъ полными руками. И дѣйствительно администраторы бюро никогда не давали квитанцій въ полученіи такихъ сборовъ. Относительно послѣднихъ не существуетъ никакого реестра, вездѣ безпорядокъ, и хаосъ; между-тѣмъ генералъ-губернаторъ Алжиріи, который держитъ въ рукахъ всемогущую шпагу, *носитъ на глазахъ повязку, не позволяющую ему видѣть эти грабежи.* Я знаю, что теперь въ этомъ засѣданіи г. де-Бофоръ говорилъ вамъ съ большою энергіею: «мы солдаты, владѣющіе шпагою, не свѣдущи въ этихъ денежныхъ вопросахъ».—Да, но только слѣдовало сдѣлать это размышленіе гораздо ранѣе. Кромѣ того мы не знаемъ, что это была за касса, которая не была касса государственная, надъ которой министръ финансовъ не имѣлъ никакого контроля, которую называли: «кассою военнаго начальства», и въ которой военное начальство могло черпать деньги для раздачи наградъ. Можно-ли удивляться послѣ этого общественному мнѣнію, которое говоритъ, что достаточно послужить въ арабскихъ бюро для того, чтобы обогатиться. Это клевета, я въ этомъ не сомнѣваюсь, но кто дозволилъ эту постыдную молву—военное начальство? Система управленія въ Тлемченѣ была столь неправильна, давала поводъ столькимъ злоупотребленіямъ, что около самого капитана *Доано* существовалъ организованный грабежъ.—И кто намъ открылъ это, это вы сами *Доано*, ваши собственныя признанія! Вы сказали, когда отъ васъ требовали отчета въ вашихъ поборахъ: «я не могу воспрепятствовать подкупу, спекуляціи; было много людей, которые дѣйствовали вокругъ моего бюро, которые впускали въ него только за деньги»,—и вы полагаетесь во всемъ на коджа, на маленькаго *Доано*, какъ называли его арабы!

«Ахъ, вѣрьте мнѣ, съ вашей стороны удивительно, неблагоразумно, жертвовать вашимъ коджа, этимъ человѣкомъ, который состоялъ при васъ въ теченіи столь долгихъ лѣтъ. Онъ грабилъ безнаказанно, вы сами это сказали, онъ бралъ поборы съ туземцевъ, онъ составилъ себѣ состояніе посредствомъ кражи, и вы столь прозорливый, столь умный — вы это дозволяли! Вы *перевели съ собою этого человѣка* изъ Марнія въ Бонну, изъ Бонны, не смотря на совѣты гёнерала, въ Тлемченъ, и наконецъ его хищническимъ рукамъ вы довѣряете ваши деньги! Послѣ этого вы хотите, чтобы оправдали арабскіе бюро, которые подъ глазами генерала дѣлаются орудіями скандала! Но если вашъ коджа обогатился, если онъ перемѣнилъ свои бѣдныя одѣянія на богатое платье, если у него появились цѣнныя лошади, сѣдла, вышитыя золотомъ, сады, земля—что же будетъ Доано когда мы разсмотримъ *ваши* денежныя дѣла. О, вы напрасно такъ рѣшительно, такъ гордо и презрительно отвѣчали, когда вамъ говорили о 38,000 фран., происхожденія которыхъ еще недавно мы не знали. Вопросъ возникъ предъ вами и вмѣсто отвѣта на него вы хранили глубокое молчаніе, столь погубное для васъ. Неужели вы не чувствуете, что если пролитая кровь — безчеститъ, то краденныя деньги дѣлаютъ низкимъ. Какъ! офицеръ поставленъ былъ передъ правосудіемъ своего отечества и онъ отказался дать объясненія! Но тогда этотъ офицеръ человѣкъ погибшій, никто въ этомъ не ошибется. Вашъ генералъ былъ допрошенъ, и когда его спросили, можетъ ли онъ дать объясненія объ этихъ деньгахъ, онъ отвѣчалъ: «относительно 38,000 фр. въ виду обстоятельствъ, среди которыхъ найдена была эта сумма, этотъ фактъ представляетъ такое значеніе, что мнѣ кажется капитану необходимо объяснить ея происхожденіе». И этотъ вопросъ возникъ не вчера, онъ былъ сдѣланъ вамъ въ самомъ началѣ производства изслѣдованія, но вы упорно отказались дать какія-бы то ни было объясненія! Мы всѣ, которые здѣсь, мы еще помнимъ, какимъ тономъ вы сказали небрежно: «я не хочу отвѣчать». Мнѣ кажется даже, что вы прибавили нетерпѣливо и презрительно: «было-бы приличнѣе г. президенту не настаивать». И такимъ образомъ вы *оскорбляете* отвѣтить на распросы правосудія! Но если обвиненный хранитъ молчаніе, то его защитникъ прибавляетъ, что ему невозможно оставить безъ опроверже-

нія подобныя обвиненія. Но лучше было-бы ему ничего не говорить объ этомъ предметѣ, и остановиться на тонѣ презрѣнія и гордости Доано, нежели давать смѣшныя объясненія, которыя никто не приметъ за серьезныя. *Ахъ, это почти хуже неэкели убійство. Мы красньли за нашего почтеннаго собрата.* (*) Какъ могъ онъ думать, что можно во французскомъ судѣ излагать факты, которые уничтожитъ малѣйшее размышленіе. Какъ, капитанъ Доано получилъ въ 1850 г., отъ своей тещи въ подарокъ сумму въ 30,000 франковъ и эти 30,000 фр. онъ хранилъ, не дѣлая изъ нихъ никакаго употребленія, онъ ихъ носилъ съ собой и ему невозможно указать никого, кому бы онъ далъ эти деньги на сохраненіе. Эти 30.000 франковъ онъ сохранялъ какъ капиталъ, не стараясь извлечь изъ него процентовъ. Нѣтъ, мы не въ состояніи допустить, чтобы можно было отказаться отъ 1500 франковъ дохода. Такимъ образомъ деньги эти не были никуда помѣщены, они остались въ рукахъ капитана и о нихъ онъ никому не говорилъ. Конечно г. капитанъ Доано прибылъ въ судъ, окруженный толпою преданныхъ друзей, слишкомъ преданныхъ, можетъ быть. Но эта преданность дѣлаетъ имъ честь: нѣтъ ни одного изъ его друзей, который бы простиралъ свою преданность — до оправданія его въ пріобрѣтеніи этихъ денегъ. Всѣ они объявили, что они знали, что у него нѣтъ состоянія. Какъ, теща Доано подарила ему значительную сумму денегъ, и онъ не сообщилъ объ этомъ своимъ друзьямъ, онъ не говорилъ ни слова начальникамъ! До этого дня мой умъ старался изобрѣсть всѣ самыя *романическія* исторіи, которыя могли-бы объяснить происхожденіе этихъ денегъ; я спрашивалъ себя, не будутъ ли намъ говорить о нѣкоторыхъ щедростяхъ женщинъ, щедростяхъ которыя французскіе офицеры покрываютъ занавѣсомъ тайны. Но нѣтъ другихъ женщинъ, кромѣ тещи обвиненнаго, вручающей ему 30,000 франк. Но дѣйствительно дурно съ мой стороны настаивать на этой мысли, потому-что изъ всѣхъ тѣхъ, которые меня слышатъ, нѣтъ ни одного, который бы не почувствовалъ, сколько такое объясненіе слабо, недостойно, презрѣнно, и до какого униженія долженъ былъ дойти несчастный обвиненный, чтобы прибѣгнуть

(*) Мы обращаемъ вниманіе читателей на эти слова, какъ на образчикъ адвокатской вѣжливости въ преніяхъ.

къ нему. Надѣялись ли вы, Доано, обмануть правосудіе, обмануть адвокатовъ? Могли ли вы думать, что кто либо на свѣтѣ будетъ введенъ въ заблужденіе столь жалкой комедіею? Ахъ, это доказываетъ большую порочность и развращенность. Забываете ли вы, что всѣ свѣдѣнія, собранныя слѣдствіемъ, уничтожаютъ это изобрѣтеніе. Вашъ отецъ, Богъ мнѣ судья, я говорю это не для того, чтобы огорчить васъ, — умеръ несостоятельнымъ должникомъ, его жалованье было подвергнуто аресту. Но мы хотимъ прежде, нежели докажемъ ложь вашихъ показаній—истощить всѣ элементы слѣдствія. Мы прибѣгли къ повѣркѣ, противъ которой нѣтъ возможности возражать и которая будетъ послѣднимъ словомъ этого грустнаго эпизода. Обвиненный всегда хранилъ эту сумму, онъ намъ это сказалъ, онъ былъ у Арабовъ, онъ подражалъ имъ въ этомъ отношеніи, онъ прятлъ эти деньги, никогда не отдавая ихъ никому; между тѣмъ мы открыли слѣдующее: 17000 франковъ, которые онъ велѣлъ коджа спрятать, состояли изъ 796 монетъ въ 20 франковъ каждая, которыхъ порядокъ по году чекана слѣдующій: 54 монеты 1851 года, 53 монеты 1852 года, 49 монетъ 1853 года. 307 монетъ 1854 года, 366 монетъ. 1855 года. Теперь, что касается банковыхъ билетовъ, они всѣ выпущены были *послѣ* 1850 г. Въ результатѣ цифра этихъ цѣнностей доходитъ до 22,000 фран. Тутъ надо вспомнить всѣ тѣ жестокіе, и насильственные акты управленія Доано, о которыхъ Франція не узнаетъ безъ удивленія, и о которыхъ доносили только генералу. Когда войска нападали на племя, то изъ палатокъ выгоняли женщинъ и дѣтей и конфисковали имущество, (такъ я нашелъ въ слѣдствіи свѣдѣнія о продажѣ мебели, оцѣненной въ 1700 франк.), а деньги, вырученныя отъ продажи конфискованнаго имущества увеличивали ту кассу, о которой я только-что говорилъ вамъ м. м. г. г. Но если Доано былъ неограниченный распорядитель имуществомъ, лицъ ввѣренныхъ его управленію, то онъ имѣлъ не менѣе власти и на жизнь этихъ лицъ. Вамъ это говорили безъ перифразъ, это касалось особой власти (pouvoir discrétionnaire) капитана и въ этомъ отношеніи мы имѣемъ матеріалы слѣдствія, показанія обвиненнаго и объявленія его начальниковъ. Я не буду стараться возбудить страстей, но при видѣ этихъ поступковъ военныхъ властей, нарушающихъ междуна-

родное право, я краснѣлъ бы, если бы не протестовалъ передъ судебнымъ сословіемъ и страною. Вы знаете, каково было управленіе арабскихъ бюро: капитану довольно было сказать: «проводите этихъ людей»; онъ вамъ объяснитъ эту фразу, это значило «заставьте исчезнуть этихъ людей». И когда правосудіе, которое отказывалось понимать эти ужасы, спросило его, что онъ понималъ подъ словомъ «заставить исчезнуть», капитанъ, сѣвъ небрежно на свою скамью, отвѣчалъ—«разстрѣлять». Мнѣ нѣчего повторять эти мрачные и кровавые эпизоды, они еще свѣжи въ нашей памяти; однажды Доано во время набѣга на племя арабовъ забиралъ скотъ ихъ; дорогой онъ замѣтилъ человѣка, который уводилъ осла; солдатъ, по его приказанію выстрѣлилъ въ этого человѣка, и убилъ его. Вотъ мысль, которую вы, Доано, представляете себѣ о человѣческой жизни. Вы, цивилизаторъ, изъ за одной штуки скота проливаете не задумавшись человѣческую кровь! Развѣ существуетъ гдѣ-нибудь текстъ закона, вооружающій вашу руку подобною властью. Вотъ инструкція, данная въ 1844 г. маршаломъ Бюжо, она начинается мыслями, которыя не излишне привести въ настоящее время: «до сихъ поръ великіе труды войны препятствовали намъ «войти въ подробности управленія арабами, но настала минута «когда слѣдуетъ серьезно заняться этимъ предметомъ. Мы не «можемъ долѣе оставлять ихъ подвергнутыми произволу тузем- «ныхъ вождей, которые повидимому пользуются властью лишь «для того, чтобы имѣть возможность грабить своихъ подчи- «ненныхъ. Политика, человѣколюбіе, справедливость—все это «требуетъ, чтобы изданы были правила обо всемъ, чтобы зло- «употребленія были по возможности искоренены, въ особенно- «сти тѣ изъ нихъ, которые касаются денежныхъ сборовъ. Штра- «фы болѣе всякаго другаго предмета, даютъ поводъ злоупотре- «бленіямъ» и проч. Вотъ законъ, законъ человѣколюбивый, покровительствующій изданный въ эпоху, еще неудаленную отъ войны.—А вы, Доано, повинуетесь этимъ предписаніямъ, заставляя исчезать арабовъ, потому-что они уводятъ осла. Тутъ надо вспомнить, что законъ всѣхъ временъ провозглашаетъ, что убивать своего ближняго, когда онъ безоруженъ, есть преступленіе, остающееся безъ извиненій передъ лицемъ Бога и людей. Я знаю, что сюда приходилъ генералъ Бофоръ, который при-

нялъ на себя отвѣтственность за эти акты. Я удивлялся его мужеству, но его отвѣтственность не должна простираться далѣе его права, а законъ я его провозгласилъ на основаніи совѣсти человѣческой, — учитъ насъ, что убивать человѣка, который не можетъ защищаться, значитъ нарушать божеское правосудіе. Генералъ Монтобанъ, дѣлавшій показанія во время этихъ засѣданій, не зашелъ такъ далеко, какъ генералъ Бофоръ; онъ довольствовался тѣмъ, что сказалъ, что приказалъ стрѣлять въ плѣнныхъ, которые старались убѣжать, прибавивъ слѣдующія слова которыя я услышалъ съ удовольствіемъ, потому-что они дѣлаютъ честь французской арміи: «невозможно возложить это поруче-«ніе на жандармовъ, нужно тогда обращаться къ спаги, къ туземцамъ». Такъ-какъ мы ничего не должны оставлять безъ отвѣта, мы скажемъ, что это предписаніе достойно сожалѣнія; оно нарушаетъ международное право: плѣнный неприкосновенъ: свяжите его и если онъ пѣшій, слѣдуйте за нимъ верхомъ, но не давайте начальнику конвоирующаго его отряда право жизни и смерти надъ этимъ несчастнымъ. Что же будетъ въ противномъ случаѣ? Выходитъ, что вы допускаете убійство. Когда этотъ подчиненный будетъ тяготиться своею обязанностью надзора—то за кустомъ онъ растрѣляетъ того, кто былъ порученъ ему, и принесетъ съ тріумфомъ генералу уши своей жертвы (сильное ощущеніе). Я надѣюсь для славы моего отечества, для будущности завоеванной страны, что подобныя дѣйствія не будутъ повторяться. Что касается до меня, то я не сомнѣваюсь, что пользованіе такою властью довело этого несчастнаго офицера до убіенія Бенъ-Абдала.

«Если вы хотите узнать откуда произошло преступленіе, посмотрите въ какомъ положеніи находился *Бель-Гаджи.* Если капитанъ Доано былъ султанъ, Бель-Гаджи, это не подлежитъ сомнѣнію, былъ слуга—самый покорный, самый вѣрный, самый преданный, котораго можно только вообразить. Сколько разъ, м. м. г. г. стараясь разъяснить факты, которыхъ мы были свидѣтелями, заносились мы воспоминаніями къ той эпохѣ, которую мы привыкли любить, какъ ознаменованную громкою славою: къ покоренію Галліи, которое могущественная рука совершила съ такимъ энергическимъ искусствомъ и описала съ столь поэтической простотою. Намъ казалось, что передъ нашими глазами

проходятъ эти знаменитые воины, эти эдуйскіе короли, которые послѣ героическаго сопротивленія, признали несокрушимую силу Рима, отказались отъ своей національности, своихъ преданій, чтобы преклонить шпагу передъ Цезаремъ и служить подъ его знаменами. Не наша ли это исторія? Но эти славные *арабскіе* воины, которые находятся передъ нашими глазами, не сопротивлялись-ли они противъ насъ съ мужествомъ? Наша сила уничтожила ихъ сопротивленіе, и теперь принимая участіе въ нашихъ побѣдахъ, поддерживаемые нашею рукою, покрытые нашими знаками отличія, что они, какъ не союзники, услужливые, вѣрные, послушные, не ожидающіе болѣе ничего отъ своего отечества, все напротивъ того отъ благородной инціативы побѣдителя? Чѣмъ объяснить преступленіе, совершенное французскимъ капитаномъ надъ туземнымъ вождемъ. Какъ забывая свои личныя выгоды, свою будущность, свой знакъ отличія, доведенъ былъ офицеръ до принятія участія въ убійствѣ? — Необходимо вспомнить: огромное вліяніе Абдала, вліяніе, которое смѣняло французскихъ офицеровъ и передъ которымъ преклонялся лицемѣрно капитанъ Доано, дѣло верблюдовъ, сопротивленіе Абдала противъ распоряженій Доано и его угрозы отправиться въ Оранъ и открыть его злоупотребленія, о которыхъ онъ имѣлъ самыя вѣрныя свѣдѣнія.—Такова истина и такимъ образомъ объясняется необыкновенное злодѣяніе: положеніе Доано было крайнее, опасное; это было положеніе лица въ борьбѣ съ своимъ собственнымъ интересомъ, честолюбіемъ, ненасытимыми желаніями, и властолюбіемъ, лица не отступающаго даже передъ преступленіемъ. Въ мозгу человѣка, который властвовалъ надъ покореннымъ народомъ, начальствовалъ надъ батальонами, попиравшими поля побѣжденныхъ, и который видѣлъ вождей пресмыкающимися въ пыли у его ногъ, дѣлается какое то затмѣніе, онъ начинаетъ считать себя принадлежащимъ къ племени, созданному для господства. Такимъ образомъ объясняется еще разъ это необъяснимое преступленіе со стороны молодаго человѣка, опьяненнаго властью, желавшаго утвердиться въ выгодахъ и наслажденіяхъ своего владычества. Онъ началъ съ того, что преклонялся съ ложною дипломаціею передъ Бенъ-Абдала, котораго значеніе внушало ему такое опасеніе, что онъ рѣшился заставить его исчезнуть—и онъ исчезъ.

Найдите мнѣ для Арабовъ подобный интересъ. Только Доано могъ думать, что преступленіе останется безнаказаннымъ, и однако страсть не помѣшала разсчету, планъ убійства составленъ былъ превосходно. Нѣсколько метровъ далѣе, къ мосту Сарь-Саръ и начиналась военная территорія, *и вѣрьте, что тогда не было бы процесса.* И даже теперь безъ благородной твердости генерала, земля сокрыла бы трупы убитыхъ и одинъ Богъ узналъ бы виновныхъ. Чтобы не было этого—нужно было стеченіе случайныхъ обстоятельствъ, а также твердость, и независимость тѣхъ, которые были исполнителями закона.

«Единственный организаторъ заговора—такимъ образомъ *Доано*. Если Доано не виновникъ убійства, то организаторъ—Бель-Гаджи. Между-тѣмъ могъ ли возъимѣть мысль объ этомъ Бель-Гаджи. Могъ ли онъ ее выполнить? Кажется ли онъ вамъ лицемъ, способнымъ исполнить эту роль?

«Если затѣмъ мы перейдемъ къ подробностямъ, если мы разсмотримъ факты процесса, развѣ мы не увидимъ вездѣ руку капитана? По совершеніи преступленія, убійцы разсѣялись и скоро опять возвратились въ Тлемченъ. Скоро общественное мнѣніе стало на нихъ указывать, но капитанъ Доано, не обращая вниманія на эти указанія, не произвелъ никакихъ розысковъ, никакихъ преслѣдованій! Но говорятъ намъ, затрудняло его розысканія то обстоятельство, что виновные находились вокругъ него. Какъ, развѣ труднѣе открыть преступленіе лицъ, которые ваши собственные слуги? Объ этомъ даже нечего говорить. Если бы Доано слѣдилъ за указаніями общественнаго мнѣнія, они привели бы его къ арабскому бюро. Но нѣтъ, вмѣсто этого онъ старается обмануть общественное мнѣніе, онъ выставляетъ впередъ слухи о томъ, что убійство было совершено по мести. Онъ старается заставить пасть отвѣтственность убійства на племена, живущія въ Марокко. Но посылалъ ли онъ лазутчиковъ въ Марокко—нѣтъ, и когда ему говорили о Бель-Гаджи, онъ отвѣчалъ, что послѣдній боленъ и находится на смертномъ одрѣ.

«Намъ возражаютъ, что нравственныя доказательства или улики не имѣютъ силы. Какъ, вы Доано, узнаёте, что могущественный вождь былъ убитъ, вы видите, что привезли три трупа въ Тлемченъ и вы не дѣйствуете, вы не находите ни одного

изъ виновныхъ. Вамъ даютъ на храненіе предметы, имѣющіе связь съ преступленіемъ, и они исчезаютъ. Вы заботитесь только о томъ сокровищѣ, которое вы отдаете въ руки коджа, вашего друга и сообщника. Видно, какъ мало вы знаете человѣческую совѣсть, какъ мало вы для нея сдѣлали! Кто васъ обвиняетъ, говорите вы—это сообвиненные. Да, но они единогласны, но они не колебались; чтобы вообще принимали такія показанія съ недовѣріемъ — и лишь послѣ старательной повѣрки—я это допускаю, но отвергать ихъ систематически—это неразумно. Эти люди не имѣютъ другаго средства спастись, говорите вы; берегитесь, у нихъ нѣтъ другаго средства погубить себя! Обвинители подсудимыхъ, — это сами подсудимые, они сами предали себя. Замѣтьте, что напротивъ того у нихъ была только одна поддержка, одно заступничество-это были вы. Никто ихъ не обвинялъ. Кто же открылъ сцену о присягѣ, какъ не коджа. Дѣло разъяснилось потому, что истина дѣйствуетъ своею непобѣдимою тяжестью даже на самыя развращенныя души. Мучимый раскаяніемъ, обвиненный облегчаетъ себя признаніями передъ судьею. Обвиненіе, говорите вы, исходитъ отъ лицъ презрѣнныхъ; осмѣливаетесь ли вы говорить это послѣ показанія Бель-Кепра, котораго весьма справедливо сравнили съ героемъ Гомера. Да, это Ахилессъ, но Ахилессъ передъ Терзитомъ. И однако вы Доано, вы получившіе подарокъ въ 30,000 фр., вы осмѣливаетесь обвинять во лжи этого человѣка, храбраго на войнѣ, который имѣлъ мужество медленно подвергаться самоубійству, и который побѣжденный природою, чувствовалъ, что рука его вопреки его воли подноситъ къ его губамъ крохи хлѣба, которыя должны были удалить смерть; потомъ онъ вышелъ изъ этого состоянія, чтобы дѣлать показанія, которыя пролили яркій свѣтъ на все дѣло. Вы ссылаетесь также на измѣнчивыя показанія Бель-Гаджи; достойно сожалѣнія, что Гаджи не находится въ полномъ сознаніи, онъ самъ не понимаетъ словъ, имъ произнесенныхъ; кромѣ того между имъ и судьями есть препятствіе — незнаніе языковъ. Его называли «человѣкъ загадка», я называю его «человѣкъ доброты»; онъ вами вовлеченъ былъ въ это жалкое и гнусное предпріятіе.

«Въ вашемъ присутствіи, я знаю, онъ измѣнилъ свои показанія, но нужно чтобы ваше дѣло было въ отчаянномъ положеніи, что-

бы заставить васъ искать спасенія въ словахъ безъ связи, произнесенныхъ полуумнымъ. Въ настоящее время Бель-Гаджи не принадлежитъ себѣ, онъ ищетъ себя. Не думайте что я предсталъ бы передъ вами, не изслѣдовавъ вопроса, я постигъ изъ моихъ разговоровъ въ тюрьмѣ съ Бель-Гаджи причину измѣненія имъ своихъ показаній; потому я не принимаю на себя отвѣтственность за бредни мономана; это роль за которую я покраснѣлъ бы передъ моимъ отечествомъ, но я могу увѣрить, что Бель-Гаджи сказалъ правду, когда онъ первоначально обвинялъ капитана».

Г. Жюль Фавръ разбираетъ затѣмъ показанія подсудимыхъ и свидѣтелей. Онъ указываетъ на старанія нѣкоторыхъ лицъ измѣнить эти показанія и запутать ихъ. Затѣмъ онъ ссылается на послѣднія слова Бель-Гаджи: «есть одинъ только Богъ, а Доано капитанъ; пусть говорятъ что хотятъ, но это онъ велѣлъ намъ совершить убійство, приставивъ саблю къ горлу. Мы не могли противиться его приказаніямъ. Въ этомъ мірѣ *всякій защищается какъ можетъ* (*), но въ другомъ свѣтѣ передъ Богомъ всякій будетъ въ присутствіи своей жертвы, и жертва укажетъ на виновнаго».

Г. Жюль Фавръ прибавилъ, оканчивая эту рѣчь:

«И это послѣднее воззваніе, этотъ вызовъ къ небесному правосудію, кто произноситъ ихъ? Исходятъ ли они изъ устъ этого гнуснаго бандита, этого Мамара? Нѣтъ, благородный и храбрый воинъ, вождь умный и великодушный произноситъ эту грустную жалобу и этотъ страшный вызовъ. Онъ ждетъ васъ, Доано, передъ Богомъ. Если часъ выполненія его желанія еще не пробилъ, мы находимся у перваго испытанія, мы у погъ правосудія, назначеніе котораго состоитъ въ открытіи и утвержденіи истины. Пусть — оно произнесетъ свой приговоръ. Если Бель-Гаджи и его сообщники составили гнусный умыселъ погубить Доано, то поражайте ихъ безъ жалости. Эшафотъ будетъ показаніе слишкомъ слабое для нихъ, но если они повиновались и уступили власти всемогущей, дѣйствіе которой было также вѣрно, какъ и ужасно, то ищите преступленіе тамъ, гдѣ оно есть,—въ мысли,

---

(*) Нельзя-ли вывести изъ этихъ словъ, что Бель-Гаджи показывалъ на Доано, чтобы защитить себя?

въ разумѣ, въ приказаніи. И не бойтесь этимъ торжественнымъ примѣромъ, нанести вредъ нашей арміи. Что имѣютъ общаго наши храбрые воины съ убійцею? Армія носитъ мечъ для защиты отечества и права. Тотъ, кто покрываетъ этотъ мечъ кровью для того, чтобы отмстить и спасти свое сокровище,— этотъ человѣкъ не солдатъ, онъ самъ лишилъ себя этого званія и подлежитъ преслѣдованію уголовнаго правосудія. Не думайте также, что вы посѣете среди арабскихъ племенъ духъ возмущенія и бунта. Вы внушите напротивъ того уваженіе къ повиновенію. Нѣтъ, пора Франціи обнаружиться имъ другими явленіями, нежели огнемъ и мечемъ. Кровь ага Бенъ-Абдала была-пролита не напрасно. Заря новаго дня поднимается. Въ этой блестящей зарѣ, я вижу, возникаетъ образъ закона, который замѣнитъ произволъ. За царствомъ силы будетъ слѣдовать господство писанныхъ законовъ и права. Вы, мм. гг. его мирные провозвѣстники и исполнители! окончите вашу обязанность съ тою твердостью, съ которою вы принялись за нее и преслѣдовали ее, пренебрегая угрозами, гнѣвомъ и ропотомъ! Франція, слѣдящая внимательно за великимъ зрѣлищемъ, которое вы ей представляете, надѣется на вашу твердость, вашу правоту, и эта возникающая колонія будетъ привѣтствовать вашъ приговоръ, какъ залогъ безопасности и *прогресса*».

По выслушаніи остальныхъ защитниковъ, генеральный адвокатъ произнесъ нѣсколько словъ въ поддержаніе обвиненія. Затѣмъ президентъ окончилъ дебаты резюмированіемъ дѣла, и 23 августа 1857 г. судъ постановилъ приговоръ относительно *виновности* подсудимыхъ.

Этотъ приговоръ былъ *отрицательный* относительно шести обвиненныхъ: Бенъ-Аїеда, Букра, Бу-Нуа, Ель-Милуда—Бенъ-Амера, Слимана и Барка. Онъ былъ *утвердительный* относительно всѣхъ остальныхъ обвиненныхъ. Доано былъ признанъ *виновнымъ* въ томъ, что посредствомъ даровъ, обѣщаній, угрозъ и злоупотребленій власти *побудилъ другихъ къ преступленію* или далъ инструкціи для совершенія его. Всѣ прочіе обвиненные признаны были виновными въ совершеніи убійства и оказаніи помощи виновникамъ его, но съ допущеніемъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Судъ разрѣшилъ отрицательно относительно —

этихъ обвиненныхъ вопросъ: не дѣйствовали ли они принужденные къ тому силою, которой они не могли сопротивляться. *)

Вслѣдствіе сего послѣ совѣщанія, продолжавшагося 1½ часа, во время котораго нельзя было замѣтить на мужественномъ лицѣ Доано ни малѣйшаго признака слабости, президентъ прочелъ приговоръ суда, который присуждалъ:

1) капитана Доано къ смертной казни; 2) коджа къ пожизненной каторжной работѣ; 3) къ 20-ти лѣтней каторжной работѣ: Бель-Гаджи, Бель-Кеира и Мамара; 4) къ 5-ти лѣтней каторжной работѣ: Ель-Ямани, Гамида, Бу-Медина, Ель-Милуда-Ульдъ Гамеда, Абдель-Кадера, и Бенъ-Мурзука.

Въ приговорѣ было также постановлено о конфискаціи найденныхъ у Доано денегъ и вещей; затѣмъ разрѣшая требованія о вознагражденіи лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія, присуждено солидарно со всѣхъ обвиненныхъ: 1) вдовѣ Бенъ-Абдала 100 франковъ, 2) вдовѣ Гамади 15.000 фр., 3) вдовѣ Валлетъ 50.000 фр. 4) Маршалю почталіону 1.500 фр.

Такъ-какъ Бель-Гаджи и Доано признаны совершившими безчестный поступокъ, то президентъ объявилъ отъ имени капитула почтеннаго легіона, что они лишаются этого ордена. Это послѣднее испытаніе, принятое Бель-Гаджи съ воплемъ, не восторжествовало надъ внѣшнимъ спокойствіемъ Доано, но возвратившись въ свою тюрьму, несчастный въ порывѣ отчаянія сорвалъ съ себя крестъ и эполеты.

27 ноября Императорскій алжирскій судъ соединился въ торжественное засѣданіе, чтобы постановить о помилованіи, даруемомъ Доано Императорскою милостью. Доано явился въ судъ безъ мундира, одѣтый въ костюмъ заключенныхъ. На немъ была шерстяная блуза, синяя съ бѣлымъ, панталоны изъ толстаго холста, въ рукахъ у него была суконная фуражка. Лице его было покойно, глаза безъ блеску. Полнота охватила его талію и черты лица. Доано выслушалъ, не испытывая по видимому волненія, рѣшеніе Императора Наполеона III, которое измѣняло приговоръ смертной казни на пожизненное тюремное заключеніе. Когда чтеніе было кончено, онъ хотѣлъ сказать нѣсколько словъ, но по приказанію президента суда жандармы увели его, и онъ ушелъ въ мол-

*) И такъ филиппика Ж. Фавра только погубила Доано, нисколько не измѣнивъ участи лицъ, имъ защищаемыхъ.

чаніи. Другое Императорское рѣшеніе измѣнило на 20-ти лѣтнее тюремное заключеніе наказаніе пожизненной каторги, къ которому присужденъ былъ коджа Сп-Магомедъ, на 10-ти лѣтнее тюремное заключеніе — наказаніе 20-ти лѣтней каторжной работы, которому по приговору суда подвергнуты были Бель-Гаджи, Бель-Кеиръ и Мамаръ; наконецъ на трехъ-лѣтнее тюремное заключеніе наказаніе пяти лѣтней каторжной работы, назначенное судомъ Ель-Ямани, Гамида, Бу-Мединъ, Ель-Милуду, Абдель-Кадеру и Бенъ-Мурзуку.

Если на основаніи приговора суда разсматривать *юридическую* сторону этого дѣла, то слѣдуетъ придти къ заключенію: что Доано посредствомъ обѣщаній, угрозъ и злоупотребленія власти побудилъ зависѣвшихъ отъ него Арабовъ къ совершенію убійства и что онъ является такимъ образомъ подстрекателемъ преступленія, умственнымъ виновникомъ его *). Но совсѣмъ къ иному заключенію мы придемъ, если не стѣсняясь рѣшеніемъ суда, обсуждать вопросъ о винѣ или невинности Доано въ убійствѣ Абдала. Въ семъ отношеніи кромѣ оговора его *подсудимыми*, не существуетъ противъ него рѣшительно никакихъ доказательствъ, и мы ни на минуту не задумались бы оправдать Доано. Кромѣ того въ настоящемъ дѣлѣ слѣдователи и судъ совершенно неправильно возбудили вопросъ о томъ: какимъ образомъ Доано пріобрѣлъ найденныя у него деньги; Доано былъ обвиненъ въ убійствѣ, а потому судъ и адвокаты должны были ограничиться разсмотрѣніемъ лишь тѣхъ фактовъ, которые относились къ этому событію, а не распространять свою инквизицію на домашнюю жизнь Доано, съ цѣлью бросить тѣнь на его личность содѣйствовать обвинительному вердикту присяжныхъ на основаніи нравственной вмѣняемости (imputatio moralis).

Относительно рѣчи Жюль Фавра мы должны замѣтить, что она вышла изъ предѣловъ защиты Бель-Гаджи: послѣдній самъ сознался въ участіи въ убійствѣ, сознаніе его было подтверждено

*) Способы подстреканія вообще къ совершенію преступленія имѣютъ между собою много общаго и представляютъ тотъ признакъ, что являются въ видѣ психическаго вліянія одного лица на другое, въ видѣ побужденія первымъ послѣдняго къ учиненію преступленія, которое безъ этого осталось бы несовершеннымъ. Эти способы суть: 1, порученіе и виды его приказаніе и подкупъ. 2, угроза. 3, совѣтъ. 4, просьба. 5, выраженіе желанія. 6, похвала и одобреніе.

вполнѣ показаніями другихъ лицъ. Поэтому признаніе Доано виновнымъ могло служить только къ незначительному смягченію его наказанія. Между-тѣмъ для Доано осужденіе его было равносильно смертному приговору. Вообще весьма вѣроятно, что если бы не рѣчь Жюль Фавра, то Доано былъ-бы оправданъ судомъ, такъ-какъ противъ него были только разрозненныя между собою улики и показанія Арабовъ, (посаженныхъ во время слѣдствія въ *одну* комнату и имѣвшихъ время сговориться между собою), которыя уже и потому могли быть заподозрѣны въ истинности ихъ, что во 1-хъ, лица дававшія ихъ были прямо заинтересованы въ томъ, чтобы Доано былъ признанъ виновнымъ, 2, ибо въ этихъ показаніяхъ заключаются значительныя противорѣчія, и невѣрности.

Наконецъ изложенный нами процессъ самъ по себѣ имѣлъ огромное вліяніе на преобразованіе управленія Алжиріею, ибо слѣдствіемъ были раскрыты въ округѣ Тлемченъ столь важныя злоупотребленія военныхъ властей, что они обратили на себя вниманіе правительства и послужили однимъ изъ поводовъ введенія затѣмъ въ Алжиріи гражданскаго управленія вмѣсто военнаго. Поэтому естественно, что въ этомъ дѣлѣ является антагонизмъ двухъ властей: военной и гражданской, выразившійся въ томъ, что послѣдняя считала своею обязанностью обнаружить не только самый фактъ убійства, но и раскрыть тѣ злоупотребленія военной власти и тотъ порядокъ управленія, которыя могли способствовать совершенію убійства. Судьи же и адвокаты во время преній не всегда отличались тѣмъ строгимъ пониманіемъ своихъ правъ и обязанностей, которое бы мы желали видѣть въ нихъ. Говоря о капитанѣ Доано и его распоряженіяхъ въ округѣ Тлемченъ, они произносили осужденіе всего вообще управленія Алжиріей и дѣйствій властей по управленію страною и собиранію податей (напримѣръ генераловъ Бофора и Монтобана), совершенно забывая, что эти лица были вовсе *не* подсудимые, и что ихъ дѣйствія не подлежали ни одобренію, ни порицанію со стороны органовъ мѣста судебнаго, которое должно было разсмотрѣть лишь одинъ вопросъ: виновны или невинны Доано и остальные посудимые въ *убійствѣ Абдала*. Поэтому мы удивляемся, что предсѣдатель суда не остановилъ Жюль Фавра, какъ только онъ коснулся политической стороны этого дѣла.

Б) УБІЙЦЫ ПО ЛЮБВИ.

Нижеизложенные четыре процесса являются весьма замѣчательными въ психологическомъ отношеніи и представляютъ всѣ элементы романа, указывая въ тоже время, до какихъ крайностей могутъ довести людей чувства: обманутой любви и ревности или мести, проистекающей изъ любви, а также какое вліяніе имѣютъ эти страсти на вмѣняемость и вмѣненіе.

V. Процессъ Оноре-Франца Ульбаха.

Около заставы Фонтэнбло (въ Парижѣ) подъ вывѣскою «двѣ новыя мельницы», существовалъ ресторанъ, хозяинъ котораго имѣлъ въ своемъ услуженіи молодаго человѣка блѣднаго и слабаго, почти ребенка, по имени Оноре-Франца Ульбаха; Ульбахъ съ дѣтскаго возраста находился въ нищетѣ и безъ пріюта и никогда не видѣлъ своей матери. Сначала онъ былъ помѣщенъ въ домъ сиротъ Святаго Антуана, потомъ черезъ нѣсколько времени полицейскій обходъ нашелъ его спящимъ на улицѣ вмѣстѣ съ другими бродягами, и Ульбахъ отправленъ былъ въ исправительный домъ Пуаси, въ которомъ и окончилъ свое воспитаніе.

Проведя 15-ть мѣсяцевъ въ Пуаси, Оноре очутился свободнымъ, но опять безъ всякихъ средствъ къ жизни. Однако у него оказалось довольно мужества и гордости, чтобы желать честно зарабатывать свой хлѣбъ. Онъ поступилъ коммиссіонеромъ въ коммерческій домъ, изъ котораго весьма часто посылаемъ былъ съ пакетами къ г. Ори, хозяину упомянутаго ресторана «двѣ новыя мельницы». Замѣтивъ честность и аккуратность Ульбаха, г. Ори предложилъ ему перейти къ нему въ услуженіе. Оноре согласился на это, и поступилъ въ число слугъ ресторана. Онъ нравился посѣтителямъ, послѣдняго своею веселостью и остроуміемъ; пѣлъ почти весь день и разыгрывалъ сцены изъ комедій.

Вдругъ характеръ Оноре совершенно *измѣнился*. Онъ сдѣлался задумчивъ, иногда даже печаленъ; часто онъ исчезалъ изъ ресторана и нерѣдко какъ сумасшедшій бѣгалъ по полямъ. Скоро узнали причину этой перемѣны. Съ нѣкотораго времени

молодая и хорошенькая дѣвушка приносила къ г. Ори яйца, молоко и масло. Эме Мильо (такъ звали ее) была въ услуженіи у г-жи Детрувиль, живущей въ улицѣ Иври, она была скромна и безукоризненнаго поведенія, всѣ ее любили въ Иври и такъ-какъ ее часто видѣли съ большою соломенною шляпою на головѣ и съ книгою въ рукахъ, пасущею стадо козъ, принадлежавшихъ ея госпожѣ, то ее прозвали «пастушка Иври».

Оноре, до того времени не любившій ни кого, почувствовалъ непреодолимое влеченіе къ молодой дѣвушкѣ. Скоро онъ сдѣлалъ ей признаніе въ любви. Эме отвѣтила смѣясь, но не оскорбляя его; Оноре предложилъ ей выйдти за него замужъ и не получилъ рѣшительнаго отказа. Скоро Эме наполнила всю его жизнь. Когда она приходила въ ресторанъ, то Оноре не могъ оторвать отъ нея глазъ; если она цѣлый день не приходила, то онъ дѣлался мраченъ, вздыхалъ; какъ только маленькое стадо пастушки дѣлалось видно вдали,— Оноре исчезалъ, и бѣжалъ къ молодой дѣвушкѣ. Въ день новаго года Оноре подарилъ Эме, которую онъ уже считалъ своей невѣстой, два апельсина, полъ-бутылки ликёру и хорошенькую косынку. Но его счастіе продолжалось не долго.— Зимою Эме не водила козъ въ поле, и Оноре могъ видѣть ее только въ тѣ рѣдкіе дни, когда г-жа Детрувиль посылала ее къ заставѣ Фонтэнбло. Но съ апрѣля мѣсяца молодая пастушка вновь начала свои посѣщенія и прогулки. Ульбахъ сталъ такъ часто отлучаться изъ ресторана, что хозяинъ его предложилъ ему, или прекратить свои отлучки или оставить его домъ. Оноре необратилъ на эти слова никакого *вниманія*. Онъ былъ подъ вліяніемъ не только любви, но и ревности. Ему сказали, что пастушку Иври по воскресеньямъ часто видѣли гуляющею руку объ руку съ какимъ-то господиномъ. Оноре сталъ подстерегать, и въ воскресенье дѣйствительно увидѣлъ Эме идущею подъ руку съ молодымъ человѣкомъ, очень хорошо одѣтымъ, который обращался съ нею довольно фамильярно.

Всѣ дурные инстинкты разомъ воскресли въ сердцѣ Ульбаха. Мысли ненависти и мщенія возникли въ его головѣ. Онъ началъ говорить о смерти и крови какъ человѣкъ, который хочетъ пріучить себя къ преступной мысли. «Когда-нибудь, сказалъ онъ, я совершу убійство».—Онъ съ жадностью читалъ въ газетахъ ста-

тьи объ уголовныхъ процессахъ и въ припадкахъ мрачной веселости иногда вскакивалъ на столъ и начиналъ кричать: «вотъ «приговоръ къ смерти Оноре-Франца Ульбаха, слуги ресторана, «съ изложеніемъ ужасныхъ обстоятельствъ его преступленія, ку-«пите, это стоитъ одинъ су». Подобныя мысли все болѣе и болѣе удаляли Оноре отъ его занятій. Г. Орн сказалъ ему, что если онъ не измѣнитъ своего поведенія, то онъ его прогонитъ.— Вскорѣ послѣ того Эме пришла въ ресторанъ съ корзинкой, въ которой было два апельсина, полъ-бутылки ликёру и розовая косынка. Она объявила Оноре, что ея госпожа бранила ее за то, что она приняла эти подарки отъ молодаго человѣка и просила его взять ихъ обратно. Оноре отказался отъ этого, тогда Эме Мильо, оставивъ подарки на столѣ, удалилась. Какъ оказалось впослѣдствіи г-жа Детрувиль, чрезвычайно любившая Эме Мильо, была причиною этого разрыва; она знала, что Ульбахъ не имѣетъ семейства, воспитывался неизвѣстно гдѣ и не имѣлъ занятія, которое могло-бы обезпечить его существованіе; но ея мнѣнію онъ не былъ хорошею партіею для Эме.—Молодой же человѣкъ, котораго Оноре встрѣтилъ въ воскресенье, былъ двородный братъ Эме и пользовался расположеніемъ г-жи Детрувиль. Когда послѣдняя узнала, что Ульбахъ постоянно слѣдитъ за Эме, что онъ ревнивъ, что онъ ходитъ вокругъ ея дома,—то она рѣшилась прекратить его преслѣдованія. Для нея было очевидно, что Эме *не* любитъ Оноре, что она чувствуетъ къ нему только дружеское расположеніе и состраданіе. Г-жа Детрувиль запретила ей видѣться съ нимъ. Эме легко повиновалась и рѣшилась возвратить Ульбаху его подарки, чтобы показать, что между ними все кончено. Кромѣ того она просила Ульбаха возвратить ей кольцо, которое она ему подарила, но онъ отказался. Послѣдній поступокъ Эме лишилъ Оноре всякой способности разсуждать. Онъ проводилъ цѣлые дни въ мрачномъ унынiи, не отвѣчая на требованія посѣтителей ресторана, потомъ вдругъ на нѣсколько минутъ дѣлался судорожно веселъ. Обыкновенно онъ былъ молчаливъ, крупныя слезы иногда текли по его щекамъ, зубы его были стиснуты; нерѣдко онъ произносилъ страшныя угрозы.

Г. Орн наконецъ потерялъ терпѣніе и сказалъ Оноре, чтобы онъ искалъ себѣ другое мѣсто. Это было 18-го мая. Оноре уло-

жилъ свои вещи и, не сказавъ никому ни слова, отправился въ Иври. Но у него не было убѣжища. Вечеромъ онъ отправился къ Маріи Шампеноа, двухъ сыновей которой онъ хорошо зналъ. Она позволила ему поселиться у нея. Оноре работалъ у ней два или три дня. Стараясь забыться, онъ пилъ сохраняя мрачный видъ и всѣмъ разсказывалъ о своемъ несчастіи. Вскорѣ Оноре потерялъ всякую власть надъ собою; онъ рѣшился еще разъ видѣть Эме и отправился въ Иври; Эме едва замѣтила его, какъ тотчасъ же вошла въ домъ. Оноре воротился домой въ страшномъ бѣшенствѣ. На слѣдующій день онъ получилъ отъ Эме письмо, въ которомъ она объявляла ему, что онъ ей сталъ противенъ и что она желаетъ прервать съ нимъ всякія сношенія. Это былъ послѣдній ударъ для Оноре; всякая надежда для него исчезла и онъ почувствовалъ къ Эме любовь, смѣшанную съ ненавистью, непреодолимое желаніе отмстить. Онъ желалъ убить не только Эме, но и ея двоюроднаго брата и г-жу Детрувиль. Два или три дни онъ обдумывалъ это злодѣяніе, и возвращался домой только вечеромъ. Въ теченіи дня Ульбахъ ходилъ по улицамъ, какъ человѣкъ подверженный сомнамбулизму. 25-го мая къ 10 часамъ утра онъ остановился въ улицѣ Декартъ, противъ политехнической школы, передъ лавкою мелкихъ вещей. Въ этой лавкѣ между прочимъ продавалось нѣсколько кухонныхъ ножей. Оноре взялъ въ руки одинъ изъ ножей и началъ пробывать его лезвіе, но ножъ этотъ ему не понравился, потому-что конецъ его слишкомъ легко гнулся. Ульбахъ выбралъ другой ножъ болѣе крѣпкій, спросилъ цѣну его, и заплатилъ не торгуясь. Потомъ онъ спросилъ у лавочника ножны для ножа, купилъ ихъ и ушелъ, положивъ ножъ въ карманъ. Въ два часа по полудни Эме пошла купить зерепъ для своихъ куръ въ улицу Иври. Вдругъ Оноре вбѣжалъ въ лавку, глаза его дико блуждали. «Мнѣ нужно поговорить съ вами», сказалъ онъ Эме рѣзкимъ голосомъ.—Мнѣ нельзя, отвѣчала Эме, моя госпожа ждетъ меня къ обѣду.» Проговоривъ эти слова, Эме вышла изъ лавки ускоряя шаги. Оноре слѣдилъ за нею глазами и удалился тихими шагами по направленію къ бульвару Гобеленовъ. Тамъ онъ замѣтилъ маленькую дѣвочку, которая гнала стадо козъ къ улицѣ Крулебарбъ. Онъ зналъ эту дѣвочку, которую звали Жюльенна. Эме ее очень любила и обыкновенно онъ вмѣстѣ пасли

своихъ козъ. Эме иногда читала громко, а Жюльенна въ это время смотрѣла за стадомъ. Оноре, увидя Жюльенну, сообразилъ, что Эме скоро придетъ въ эту улицу. Дѣйствительно къ $3^1/_2$ часамъ Эме прибыла на мѣсто свиданія съ Жюльенною. Тогда Ульбахъ, находившійся за большимъ деревомъ, вдругъ явился передъ нею. — Эме сдѣлала движеніе, чтобы бѣжать отъ него. «Отчего, сказалъ ей Ульбахъ, вы не хотите выслушать меня. Такъ это рѣшено, вы желаете прервать со мною всякія сношенія.»—Да отвѣчала Эме, моя госпожа не хочетъ, чтобы я была знакома съ вами, она мнѣ сказала, что отъ васъ я не дождусь ничего хорошаго, что вы обманщикъ и обольститель.—Вы вѣроятно шутите, сказалъ Оноре.—Нѣтъ Г. Оноре я нисколько не шучу. Вы должны перестать видѣться со мною.—«Эме, я честный человѣкъ, я хочу на васъ жениться.—Вы меня обманываете, мнѣ это сказала моя госпожа.—Скажите лучше Эме, что вы любите большаго молодаго человѣка, котораго я съ вами видѣлъ.—Я хожу съ кѣмъ хочу, и не обязана вамъ отчетомъ.—Я желаю знать, кто этотъ большой молодой человѣкъ, я раздѣлаюсь съ нимъ, это также вѣрно какъ то, что зовутъ меня Оноре Ульбахъ.

Эме, которая видѣла, что Ульбахъ приближается къ ней съ сжатыми кулаками и что глаза его дико сверкаютъ, начала стараться прекратить разговоръ. «Миленькая моя Жюльенна, сказала она дѣвочкѣ, пойди зачерпни мнѣ въ ручьѣ стаканъ воды, мнѣ хочется пить. Потомъ мы отправимся въ путь, потому-что скоро будетъ буря.»

Дѣйствительно черныя тучи собирались на горизонтѣ; теплый, порывистый вѣтеръ колебалъ вершины деревъ, и раскаты грома дѣлались слышны въ отдаленіи. Жюльенна возвратилась со стаканомъ, наполненнымъ водою. Эме, которая согнала въ стадо своихъ козъ, взяла чашку и начала пить. — Вы не будете пить, сказалъ ей Ульбахъ, рѣзкимъ голосомъ, вы должны меня выслушать, вы должны здѣсь остаться. Эме, неужели въ самомъ дѣлѣ между нами все кончено? Эме, не отвѣчая ему ничего, продолжала идти по направленію къ Иври. Ульбахъ подошелъ къ ней и сталъ передъ нею такъ, что сзади ея былъ большой ровъ. Она его оттолкнула. «Ну такъ нѣтъ, вы не уйдете, сказалъ онъ ей,» и рука его, въ которой блеснулъ ножъ, опустилась на молодую дѣвушку. Онъ нанесъ ей два удара ножемъ, она упала въ ровъ,

во рву онъ еще нанесъ ей два удара. «На помощь, спасите» кричала несчастная Эме, стараясь подняться. Послѣдній ударъ ножемъ нанесенъ ей былъ въ спину, она упала навзничъ. Тогда Ульбахъ блѣдный, трясясь какъ въ лихорадкѣ, отеръ себѣ лобъ, покрытый холоднымъ потомъ. Поднявъ шляпу, упавшую въ ровъ, онъ надѣлъ ее на глаза и убѣжалъ. Эме осталась распростертою во рву. Маленькая Жюльенна, которая убѣжала отъ страха, подошла тогда къ ней. «Милепькая моя Жюльенна я умираю, сказала Эме, поди позови мою госпожу.» Жюльенна собрала своихъ козъ и погнала ихъ по направленію къ Иври. Эме лежала во рву. Потоки дождя падали на нее. Никто не приходилъ къ ней на помощь. Но одинъ ткачъ, видѣвшій издали бѣгство Ульбаха, подумалъ, что послѣдній совершилъ что-нибудь недоброе; онъ пошелъ по дорогѣ и, увидѣвъ Эме, взялъ ее къ себѣ на руки. Эме не могла отвѣчать на его вопросы; на одну минуту она открыла глаза и изъ нихъ потекли слезы. Ткачъ отнесъ Эме въ свой садъ и пошелъ увѣдомить полицейскаго коммиссара. Докторъ, призванный для осмотра, нашелъ дѣвушку уже мертвою. Ей было нанесено пять ранъ: одна у лѣвой брови, другая въ грудь, третья также въ грудь, но нѣсколько ниже второй, четвертая въ животъ, наконецъ пятая въ спину. Въ послѣдней ранѣ остался ножъ, который былъ погруженъ по самую рукоятку.

Между тѣмъ Ульбахъ бѣгомъ достигъ улицы Ліонне. Онъ пришелъ домой къ Маріи Шампеноа блѣдный, растрепанный, измокшій.—«Я очень скоро бѣжалъ, сказалъ онъ, и гулялъ за Ліонской заставою».—Къ вечеру пришелъ знакомый семейства Шампеноа, по имени Бержеронъ. Ульбахъ, погруженный въ безмолвіе, вдругъ сказалъ ему: «если бы тебѣ нанесли ударъ ножемъ *между двумя плечами, остался-ли бы ты живъ?*»—Нѣтъ, но зачѣмъ спрашиваешь ты меня объ этомъ, развѣ ты замышляешь совершить убійство? сказалъ Бержеронъ. Ульбахъ ничего не отвѣтилъ и вышелъ, сардонически улыбаясь. Вечеромъ онъ возвратился домой. Марія Шампеноа предложила ему ужинать. «Нѣтъ отвѣчалъ онъ, мнѣ нехочется ѣсть, у меня есть одна мысль въ головѣ.» Выпивъ стаканъ вина, онъ спросилъ листъ бумаги, чтобы *написать письмо.* Ему дали бумаги. Написавъ

письмо, онъ спросилъ сургучу. Ему дали краснаго сургучу. «Нѣтъ, сказалъ онъ, надо сургучу не краснаго, но чернаго.»

На слѣдующій день въ той части города, гдѣ жилъ Ульбахъ, стали разсказывать объ убійствѣ пастушки Иври. Ульбахъ, который провелъ ночь въ домѣ семейства Шампеноа, взялъ свою шляпу и вышелъ; хозяева его болѣе его не увидѣли.

Убійство Эме Мильо взволновало умы всего Парижа. Преступленіе было совершено при самыхъ романическихъ обстоятельствахъ вслѣдствіе любви и ревности. Жертвѣ преступленія было не болѣе 19 лѣтъ отъ роду. — Такъ-какъ убійцу долгое время не могли сыскать, то возникло мнѣніе, что онъ по совершеніи преступленія, лишилъ себя жизни. Но вскорѣ слѣдствіе раскрыло все: 26 мая получено было г-жею Детрувиль письмо, запечатанное чернымъ сургучемъ. Это письмо было адресовано на имя Эме, и въ немъ заключалось обручальное кольцо. Оно было слѣдующаго содержанія: «я вамъ пишу эти строки, чтобы возвратить вамъ кольцо, которое вы требовали отъ меня обратно въ вашемъ предъидущемъ письмѣ. Я вамъ его посылаю—но убилъ васъ. У меня только одно сожалѣніе, что вы не умерли на мо-ихъ глазахъ. Прощайте вѣроломная, но прекрасная Эме, меня ждетъ эшафотъ, но я умираю довольный, что наказалъ *тебя* за твое преступленіе. Весь твой Ульбахъ. Смерть, ненависть и мщеніе!

На слѣдующій день 27-го мая г-жа Детрувиль получила отъ Ульбаха слѣдующее письмо, адресованное ей: «милостивая государыня, вы виновница того преступленія, которое я совершилъ, вамъ обязанъ я убійствомъ дѣвушки, которую я обожалъ. Злая женщина, вы помѣшали нашему счастію. Я васъ хотѣлъ убить и убью, если вы не исполните моей просьбы: я вамъ посылаю 5 франковъ, отправьтесь въ церковь Иври и отслужите панафиду по Эме. Въ ту минуту, когда вы получите письмо, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ульбахъ. — P. S. Пусть это письмо останется тайною между мною и вами; вотъ единственная милость, которую я у васъ прошу. Раскаяніе мучитъ меня, я не могу жить послѣ преступленія.»

Петръ Шампеноа получилъ отъ Ульбаха слѣдующее письмо: «милый другъ, несчастіе не оставляло меня со дня моего рожденія. Я былъ причиною горькой участи моихъ родителей. Мнѣ

было суждено снести свою голову на эшафотѣ. Эта страшная минута настала. Я совершилъ величайшее изъ преступленій. Я убилъ невинную дѣвушку. Страшная ревность заставила меня совершить это злодѣяніе. Я еще не арестованъ, меня мучатъ упреки совѣсти, у меня не достаетъ мужества убить себя. Я съ нетерпѣніемъ жду моего арестованія. Меня болѣе слѣдуетъ жалѣть, нежели осуждать. Имѣйте состраданіе къ вашему несчастному другу, но я уже не заслуживаю этого названія. Я васъ цѣлую въ послѣдній разъ. Ульбахъ. P. S. Ахъ, какъ надо сожалѣть преступника, я сдѣлался себѣ ненавистнымъ, я прячусь отъ людей».

Въ теченіи 8 дней тщетно дѣлали розысканія, чтобы арестовать Ульбаха, но 13 іюля Ульбахъ самъ явился къ полицейскому коммиссару г. Гоже и сталъ спрашивать подробности убійста пастушки Иври. «Чѣмъ интересуетъ васъ это дѣло, сказали ему? —Это я совершилъ убійство, простодушно отвѣтилъ онъ. Ульбахъ разсказалъ, не ожидая распросовъ, всѣ обстоятельства, сопровождавшія преступленіе. Онъ сознался въ предумышленіи, разсказалъ какъ досталъ себѣ ножъ и выразилъ сожалѣніе, что не убилъ г-жу Детрувиль. Онъ прибавилъ, что самъ явился къ коммиссару потому, что прочелъ въ журналѣ, что подозрѣніе въ убійствѣ падаетъ *на другаго молодаго человѣка.* Слѣдствіе было произведено очень быстро. Ульбахъ повторилъ свои показанія.

Ассизы открылись 27 іюля въ судѣ департамента Сены. Многочисленная публика наполняла судъ. Ульбахъ отвѣчалъ слабымъ голосомъ на обычные вопросы объ имени, лѣтахъ и т. п. и выслушалъ обвинительный актъ, опустивъ голову, опираясь руками на колѣни.

Допросъ подсудимаго заключался въ слѣдующемъ.

Президентъ: вы жили до вашего арестованія у Ори, винпаго торговца у заставы Фонтэнбло? *О.* Да.—*В.* Вы пробыли у него 15 мѣсяцевъ, а до поступленія къ нему содержались въ рабочемъ домѣ? *О.* Да!—*В.* Не были ли вы приговорены къ мѣсячному тюремному заключенію за кражу 9 іюля 1824 г.?—*О.* Нѣтъ.—*В.* Однако вы провели 15 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ Пуасси? *Ульбахъ:* нѣтъ милостивый государь, я не провелъ тамъ 15 мѣсяцевъ.... Я былъ тамъ въ 1822 г., я былъ также въ тюрьмѣ

св. Пелагіи.... *В.* Въ этой тюрьмѣ вы познакомились съ братьями Шампеноа, вы были арестованы за бродяжничество? *Ульбахъ* дѣлаетъ утвердительный знакъ головою.

В. Когда познакомились вы съ Эме Мильо?

Ульбахъ (нѣсколько минутъ не отвѣчаетъ)—около года тому назадъ, въ это время.—*В.* Она часто приходила къ Ори и приносила яйцы и молоко — тутъ то вы съ нею и познакомились? *Ульбахъ* ничего не отвѣчаетъ, глаза его опущены.—*В.* Отвѣчайте на мой вопросъ, вы возъимѣли къ ней сильную страсть?—*Ульбахъ* киваетъ головой.—*В.* Госпожа Детрувиль запретила Эме имѣть съ вами сношенія и тогда она отдала вамъ назадъ подарки, которые вы ей сдѣлали. Отвѣчайте же? *Ульбахъ* послѣ минутнаго молчанія: нѣтъ, г. президентъ!—*В.* Однако вы показали это во время слѣдствія и достовѣрно извѣстно, что она возвратила вамъ ваши подарки. Вы не отвѣчаете. *Ульбахъ* нѣсколько минутъ молчитъ.—*В.* Отвѣчайте же, развѣ вы не помните? *Ульбахъ* съ усиліемъ—да!—*В.* Вы возъимѣли сильную ненависть къ г-жѣ Детрувиль?—*О.* Нѣтъ, милостивый государь!—*В.* Однако вы ей написали письмо, въ которомъ выражали сожалѣніе, что не убили ее? *Ульбахъ* ничего не отвѣчаетъ.—*В.* Вы чувствовали ревность къ одному молодому человѣку, котораго вы однажды видѣли съ Эме? *Ульбахъ* дѣлаетъ отрицательный знакъ головою.—*В.* Однако вы сказали слѣдственному судьѣ, что когда въ воскресенье, вы должны были оставаться у вашего хозяина, то вы видѣли Эме, которая проходила съ однимъ молодымъ человѣкомъ; вы хотѣли узнать имя этого молодаго человѣка, вы были очень ревнивы? *О.* можетъ быть я это сказалъ, но я этого не помню.—*В.* Но вы были ревнивы? *О.* Немного.—*В.* Отчего 18-го мая оставили вы заведеніе Ори? *О.* Я имѣлъ съ нимъ непріятности.—*В.* Вы сказали, что другая побудительная причина заставила васъ отойдти отъ него, вы желали лишить себя возможности видѣть Эме? *Ульбахъ* не отвѣчаетъ.—*В.* На второмъ допросѣ вы показали, что оставили домъ Ори для того, чтобы совершить преступленіе? Тоже молчаніе со стороны Ульбаха. *В.* Вы купили ножъ у купца противъ политехнической школы, вспомните хорошенько? *О.* Кажется что такъ.—*В.* Зачѣмъ купили вы этотъ ножъ? *О.* для того, чтобы работать, я хотѣлъ сдѣлать трельяжъ!—*В.* Во время слѣдствія вы, напротивъ того

говорили, что вы этимъ ножемъ хотѣли убить Эме? *О.* Слѣдователи вѣроятно не такъ истолковали мои слова.—*В.* слѣдственный судья не могъ ошибиться. *О.* Это такая вещь, которую я не могъ сказать.—*В.* Вы это сказали и подписали послѣ того какъ вамъ былъ прочитанъ актъ вашихъ показаній? *О.* Мнѣ не позволили его прочесть.—*В.* Слѣдственный судья громко прочелъ вамъ его—это достаточная гарантія.

Обвиненному показываютъ ножъ. Посмотрѣвъ на лезвіе его, еще покрытое кровью, Ульбахъ поднимаетъ глаза *и въ первый разъ смѣло смотритъ на публику.*—*В.* Вы догнали Эме у заставы Крулебарбъ, вы ей нанесли пять ранъ ножемъ, о чемъ у васъ былъ съ нею споръ? *Ульбахъ*: она не хотѣла, чтобы я ее посѣщалъ и говорила, что не ждетъ отъ меня ничего хорошаго; что я обольститель и что я хотѣлъ ее обмануть. Я сначала думалъ, что она шутитъ, но она повторила тоже самое. «Я никогда не хотѣлъ васъ обмануть», сказалъ я ей. «Вы меня обманываете; моя госпожа это знаетъ», возразила она. Я подошелъ къ ней и сказалъ: «вы заблуждаетесь». Она меня оттолкнула. Я былъ внѣ себя. Я ее поразилъ ножемъ.—*В.* Вы нанесли пять ранъ. *О.* Я этого не помню!—*Президентъ.* Вы объ этомъ вспомнили на допросахъ при слѣдствіи, вы сами это сказали. Вы даже прибавили, что вы оставили ножъ въ ранѣ. Потомъ въ семействѣ Шампеноа вы сказали Бержерону: «думаешь ли ты, что ударъ ножемъ между плечами можетъ быть смертельнымъ»? Помните ли вы это? *О.* Нѣтъ. Я могъ это сказать, но я этого не помню!—*В.* Вы это сказали слѣдственному судьѣ, вы даже объяснили, отчего вы сдѣлали этотъ вопросъ. Вы объявили, что поразивъ Эме въ спину, вы хотѣли знать причинили-ли вы ей смерть. Вы даже употребили ужасное слово, вы сказали: «я спросилъ это, чтобы узнать, есть ли между нанесенными мною ударами хоть одинъ *хорошій*. *Ульбахъ* не отвѣчаетъ.

В. Когда въ тотъ же день вы написали письмо Эме, вы вѣроятно не думали, чтобы она умерла? *О.* нѣтъ.—*В.* Вы выражали въ письмѣ сожалѣніе, что ея не убили. *О.* Можетъ быть?

Президентъ, вы сами явились къ коммиссару?

Ульбахъ съ энергіею: *я узналъ, что подозрѣнія пали на невиннаго.*

Затѣмъ приступлено было къ допросу свидѣтелей:

1. *Жюльенна Сомонъ* (8 лѣтъ) плачетъ и лепечетъ несвязныя слова отъ испуга.—*В.* Вы видѣли Ульбаха 25 мая, когда вы стерегли козъ съ Эме Мильо? *О.* Да, Оноре пришелъ, онъ долго разговаривалъ съ Эме, я не поняла о чемъ они говорили.—*В.* А потомъ. *О.* Эме меня послала за стаканомъ воды, но Оноре не позволилъ ей пить. Потомъ Эме сказала: «вотъ приближается буря, намъ надо уйти».—Но Оноре сказалъ «нѣтъ вы не уйдете». Потомъ онъ билъ ее кулаками и сбросилъ ее внизъ. Она звала на помощь.—*В.* Что дѣлалъ потомъ Оноре. *О.* Онъ взялъ ножъ и нанесъ имъ нѣсколько ударовъ Эме!—*В.* Эме упала? *О.* Да!—*В.* Кричала ли она? *О.* Я ничего не слышала.—*В.* Оноре былъ около нея? *О.* Оноре взялъ свою шляпу и ушелъ.—*В.* Что вы послѣ того дѣлали? *О.* Я отвела козъ и увѣдомила мою госпожу.

Президентъ. Обвиненному: такъ ли это было?

Ульбахъ, я сказалъ Эме, что она не уйдетъ, потому-что мнѣ надо было еще многое сказать ей.

В. Но что же вы могли сказать ей, когда въ ту же минуту вы ее поразили? *Ульбахъ*, молчитъ!

Одинъ присяжный: обвиненный признается ли въ томъ, что билъ кулаками Эме Мильо?

Ульбахъ: нѣтъ милостивый государь.

Президентъ, обращаясь къ маленькой Жюльеннѣ: а вы что скажите?

О. Да, онъ билъ ее кулакомъ.

2. *Гербелень* и *Оливье* доктора, описывая раны Эме, прибавляютъ, что дѣвушка была невинная, (какъ оказалось изъ медицинскаго осмотра ея тѣла).

3. *Г-жа Детруевиль.* Эме служила у меня, у ней былъ отличный характеръ; она была очень скромна. Когда я узнала, что Ульбахъ приходилъ иногда, чтобы видѣть ее, въ гости ко мнѣ, я ей запретила принимать его. Онъ ей сдѣлалъ нѣкоторые подарки. «Какъ Эме, сказала я ей, у васъ есть возлюбленный?—*Онъ не опасенъ*, отвѣтила она мнѣ смѣясь.—Все равно Эме, всякая молодая дѣвушка, которая получаетъ подарки отъ мущинъ, поступаетъ дурно». Она мнѣ обѣщала возвратить подарки Ульбаху. 25 мая меня не было дома. Такъ-какъ я долго не возвращалась, то Эме пошла ко мнѣ на встрѣчу. Едва она меня замѣтила, какъ подбѣжала ко мнѣ, она казалась очень весола. Было уже

поздно, я не хотѣла, чтобы она пошла въ поле. Но Эме настаивала. «Жюльенна ждетъ меня сказала... она, кромѣ того козы не выходили цѣлый день».—Я положила ея обѣдъ въ корзинку съ книгою, потому-что она очень любила читать. Она пошла, вопреки моему желанію, и черезъ нѣсколько минутъ мнѣ пришли сказать, что она убита.

В. Эме не гуляла-ли, въ особенности по воскресеньямъ, съ высокимъ молодымъ человѣкомъ?

О. Да м. г. это былъ ея двоюродный братъ.

Во время ея показаній Ульбахъ не переставалъ бросать на нее гнѣвные взгляды, руки его тряслись, зубы стучали одни объ другіе, онъ говорилъ шопотомъ: «ахъ, если-бы ты мнѣ попалась въ руки».

Президентъ: Ульбахъ, что имѣете вы сказать противъ этихъ показаній?

Ульбахъ съ горькою улыбкою—ничего.

Одинъ присяжный г-жъ Детрувиль: милостивая государыня, вы видѣли обвиненнаго у себя въ домѣ, посмотрите на него теперь, выраженіе его глазъ, перемѣнилось ли оно?

О. Онъ не долженъ на меня смотрѣть съ удовольствіемъ.

4. *Г. Ори* винный торговецъ: Ульбахъ честно служилъ у меня 15½ мѣсяцовъ, но послѣдній мѣсяцъ онъ сталъ отличаться неточностью въ выполненіи своихъ обязанностей. Онъ проводилъ большую часть времени съ молоденькою дѣвушкою, которая пригоняла свое стадо къ стѣнамъ моего сада. Едва онъ ее замѣчалъ, какъ перепрыгивалъ черезъ заборъ и отправлялся къ ней. Всѣ мои замѣчанія не вели ни къ чему, *его чувства находились въ какомъ-то опьяненіи.*

В. Не замѣтили ли вы чего нибудь необыкновеннаго въ характерѣ Ульбаха въ то время, когда онъ былъ у васъ?

О. Онъ читалъ журналы, гдѣ были изложены рѣшенія уголовныхъ судовъ, потомъ онъ смѣялся, онъ разыгрывалъ комедію, онъ самъ провозглашалъ свой смертный приговоръ. Впрочемъ онъ мнѣ неоднократно говорилъ, что въ юности на него находили припадки помѣшательства.

Президентъ однако во время слѣдствія онъ объ этомъ ничего не показалъ?

Ульбахъ, вставая: я прошу слова, я говорилъ объ этомъ во

время слѣдствія. Когда умерла моя мать, я потерялъ голову и 40 дней провелъ въ помѣшательствѣ.

5. *Прикащика Ори*: Ульбахъ мнѣ говорилъ нѣсколько разъ: неизвѣстно, что назначилъ намъ Богъ, но я думаю, что я умру на эшафотѣ. Онъ разсказывалъ о своей ревности къ Эме Мильо и прибавлялъ, что онъ въ состояніи убить ее.

Ульбахъ смѣясь: развѣ я говорилъ это тебѣ?

6. *Юстина Піашъ*, горничная Ори: когда Ульбахъ слышалъ, что объявляются рѣшенія уголовныхъ судовъ, то онъ мнѣ говорилъ: «вотъ какимъ образомъ, милая Юстина, вы услышите мой смертный приговоръ. Онъ мнѣ часто повторялъ, что хочетъ отмстить своимъ роднымъ, которые его покинули, но я старалась отвлечь его отъ дурныхъ мыслей.

Президентъ. Правда ли Ульбахъ что вы говорили этой женщинѣ, что вы хотите совершить убійство?

Ульбахъ, я не знаю!

7. *Бержеронъ*: Ульбахъ спросилъ у меня: «если-бы я нанесъ тебѣ ударъ ножемъ между двумя плечами, думаешь ли ты, что ты остался бы живъ?—Нѣтъ сказалъ я ему, но зачѣмъ задаешь ты мнѣ этотъ вопросъ. Развѣ ты хочешь совершить убійство? Ульбахъ вмѣсто того, чтобы отвѣчать ушелъ, *улыбаясь*.

Президентъ Ульбаху: говорили ли вы это?

О. Да милостивый государь!

В. Зачѣмъ?

О. Потому-что послѣдній ударъ ножемъ, нанесенный Эме, былъ всегда передъ моими глазами, я хотѣлъ знать не смертеленъ ли онъ?

Таковы были допросы и показанія подсудимаго и свидѣтелей. Не было ни малѣшей возможности сомнѣваться въ преступленіи и въ убійцѣ; Ульбахъ старался только внушить присяжнымъ мысль, что убійство съ его стороны *не* было предумышленнымъ. Но его нечувствительность, его иронія дурно подѣйствовали на присяжныхъ, а нежеланіе отвѣчать—на судей.

Г. де-Бре въ своей обвинительной рѣчи старался возбудить состраданіе къ убитой, молодой дѣвушкѣ, указывая на безчеловѣчную жестокость убійства и требовалъ приговора о смертной казни. *Г. Дюцо* (защитникъ подсудимаго) старался, ссылаясь на стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ, доказать, что временное

разстройство умственныхъ способностей, производимое ревностью дѣлаетъ то, что поступокъ Ульбаха не подлежитъ вмѣненію.

Присяжные удалились въ залу совѣщаній. Во время ихъ отсутствія, которое продолжалось болѣе часа, Ульбахъ спросилъ себѣ обѣдать и *пилъ съ апетитомъ*. Это еще болѣе возстановило противъ него публику. Присяжные признали Ульбаха *виновнымъ въ убійствѣ предумышленномъ*. Этого всѣ ждали. Ульбахъ выслушалъ, не показывая страха, смертный приговоръ, произнесенный надъ нимъ судомъ. Глаза его даже потеряли то выраженіе гнѣва и ненависти, которое было въ нихъ во время показаній свидѣтелей. «Подсудимый, сказалъ президентъ, вамъ остается три дня для принесенія жалобы кассаціонному суду.— Я *не* буду приносить жалобы, сказалъ Ульбахъ презрительнымъ топомъ, и онъ удалился твердыми и быстрыми шагами.

Когда Ульбаха привезли назадъ въ тюрьму, то на него надѣли костюмъ приговоренныхъ къ смерти. Во время этого переодѣванья, которое обыкновенно производитъ на подсудимыхъ глубокое впечатлѣніе, Ульбахъ смѣялся. Онъ попросилъ ѣсть, и ужиналъ въ этотъ день съ большимъ апетитомъ; потомъ онъ бросился на свою постель и заснулъ. На слѣдующее утро очень многія лица пришли посѣтить Ульбаха въ его темницѣ и просили его подать жалобу въ кассаціонный судъ

»Я хочу умереть тотчасъ же, сказалъ, онъ, подавать жалобу было бы трусостью; у меня есть мужество и я докажу это.» Вотъ все, чего могли добиться отъ него. Но его защитникъ пришелъ къ нему. *Г. Дюцъ* изучилъ Ульбаха и *понялъ* причину его поведенія; онъ убѣдились что у подсудимаго, который добровольно шелъ на смерть, чувство тщеславія пережило всѣ другія. Ульбахъ старался возвысить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ, обнаруживая нравственную силу, онъ хотѣлъ удивить. Глаза всей Франціи въ эту минуту были устремлены на него, вслѣдствіе этого онъ игралъ роль безчувственнаго во время судебныхъ преній. Вмѣсто того, чтобы быть простымъ, естественнымъ, высказать настроеніе своей души, онъ показалъ себя закоренѣлымъ. Г. Дюцъ просилъ Ульбаха подать жалобу въ кассаціонный судъ.—Нѣтъ отвѣчалъ Ульбахъ, я не хочу этого сдѣлать; я сказалъ это при всѣхъ и я нехочу, чтобы могли подумать, что у меня недостало характера. Г. Дюцъ сказалъ ему:

«знаете ли вы, что объ васъ будутъ говорить; скажутъ, что вы пошли на эшафотъ изъ страха смерти, что у васъ не было мужества *ждать* 40 дней. Объ васъ будутъ говорить какъ объ трусѣ, который спѣшитъ умереть, чтобы не думать о смерти». Ульбахъ наконецъ согласился подписать жалобу. — Но прошу васъ, сказалъ онъ Г. Дюцу, который уходилъ отъ него, говорите всѣмъ и велите напечатать въ газетахъ, что если я подаю жалобу, то это не изъ страха смерти».

Кассаціонный судъ 24 авуста оставилъ жалобу Ульбаха безъ уваженія. Его перевели въ Бисетръ. Уединеніе благотворно подѣйствовало на него,—онъ пришелъ въ свое нормальное положеніе. «Я всегда чувствовалъ большое отвращеніе къ жизни, говорилъ онъ г. Дюцу, оттого я такъ легко совершилъ преступленіе. Я видѣлъ, какъ другіе пользовались ласками своихъ родителей, а у меня не было ни отца, ни матери. Я полюбилъ Эме, она была все для меня, только она одна привязывала меня къ жизни. Вдругъ мнѣ пришлось отказаться отъ нея. Я не могъ этого перенести. Такъ-какъ ея теперь не существуетъ, то я умру безъ сожалѣнія.—Нельзя не пожалѣть, что Ульбахъ не показалъ себя передъ своими судьями такимъ, какимъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Они бы вспомнили его дѣтство, оставленное безъ присмотра и подверженное дурнымъ примѣрамъ, они бы поняли, что любовь его къ Эме составляла для него все, что̀ привязывало его къ жизни, что онъ впалъ въ отчаяніе, когда увидѣлъ себя отвергнутымъ любимою женщиною. Вѣроятно присяжные признали-бы въ его пользу смягчающія обстоятельства, но несчастный Ульбахъ показалъ изъ своей души лишь то, что могло заглушить жалость въ сердцахъ его судей. Только послѣ произнесенія приговора, стали понимать эту судьбу, какъ-бы предназначенную для несчастія. Узнали, что мать Ульбаха была еще жива; его отецъ нѣкогда поставщикъ арміи, потомъ портной въ улицѣ Сентъ-Антуанъ, отправился въ Россію и возвратился изъ нея безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ озлобленіи и упорствѣ, въ душѣ Ульбаха произошелъ спасительный переворотъ. Духовникъ Бисетра воспользовался этимъ, чтобы возбудить въ душѣ его мысли о религіи. Ульбахъ *даже не зналъ, былъ-ли онъ крещенъ*. Этотъ дикарь среди европейской цивилизаціи лишь въ

теченіи послѣднихъ 40 дней своей жизни получилъ понятіе объ истинахъ религіи и нравственности и въ первый разъ причастился въ часовнѣ Бисетра. Такимъ образомъ перерожденный, онъ узналъ, не испытывая ужаса и отчаянія, что жалоба его была отвергнута кассаціоннымъ судомъ. 10-го сентября въ $7^1/_2$ часовъ утра онъ былъ вывезенъ изъ Бисетра и въ 4 часа по полудни перевезенъ на гревскую площадь. Ульбахъ взошелъ на эшафотъ безъ слабости, но и безъ хвастовства, и произнеся молитву, отдалъ себя въ распоряженіе палача.

Тысячи женщинъ, сбѣжавшіяся, чтобы увидѣть отвратительное зрѣлище казни, проливали горькія слезы, видя смерть несчастнаго юноши.

По подпискѣ воздвигнутъ былъ памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была убита Эме Мильо.

VI. Процессъ Луи-Адольфа Сюро.

Луи-Адольфъ Сюро происходилъ изъ бѣднаго семейства. Имѣя 15 лѣтъ отъ роду, онъ прибылъ въ Парижъ для того, чтобы зарабо-тывать себѣ средства къ жизни—и поступилъ ученикомъ къ парикмахеру. Сюро былъ трудолюбивъ, и разсчетливъ, характера веселаго и предупредительнаго; онъ скоро научился своему ремеслу. Въ 20 лѣтъ Сюро сдѣлался молодымъ человѣкомъ очень красивымъ и статнымъ; онъ одѣвался тщательно и со вкусомъ; благодаря его экономіи, ему удалось купить себѣ мебель. Говорили даже, что онъ откладывалъ деньги на черный день. Къ несчастію Сюро познакомился съ дѣвушкою по имени Генріетою Кулонъ. Генріета, очень красивая дѣвушка, 26 лѣтъ отъ роду, была цвѣточница, вовсе незанимавшаяся своимъ ремесломъ. 4-го декабря Генріета отправилась съ Сюро въ театръ Gaité, а на слѣдующій день поселилась въ маленькой комнатѣ молодаго человѣка въ четвертомъ этажѣ дома въ улицѣ: «двухъ мостовъ». Нѣсколько времени они жили спокойно и счастливо. Но въ іюлѣ мѣсяцѣ Генріета рѣшилась прекратить эту связь. Замѣтивъ ея холодность, Сюро сталъ мучиться ревностью; между молодыми людьми начали происходить сцены и одинъ вечеръ Генріета болѣе не вернулась къ нему. Ея бѣгство едва не свело съ ума Адольфа. Онъ искалъ Генріету вездѣ, гдѣ она обыкновенно бы-

вала: былъ у ея матери, у г-жи Брюле, въ баль-мабилъ. — Генріеты въ теченіи цѣлой недѣли нигдѣ не было видно. Наконецъ Сюро узналъ, что Генріету видѣли въ той части города, гдѣ она жила прежде того. Онъ снова ходилъ къ г. Брюле, написалъ письмо Генріетѣ, повторялъ въ немъ сто разъ, что не можетъ жить безъ нея, что если она не вернется, то онъ убьетъ себя.

Замѣчено, что въ любви тотъ, кто не любитъ болѣе, чувствуетъ къ другому тѣмъ большую антипатію, чѣмъ болѣе любитъ послѣдній. Генріета скоро стала чувствовать къ Адольфу отвращеніе, ненависть и презрѣніе. Въ вокресенье въ сентябрѣ, Сюро въ первый разъ увидѣлъ Генріету послѣ ея бѣгства. Онъ сталъ говорить ей о своей любви и привязанности; онъ хотѣлъ ее поцѣловать, но у ней уже былъ другой любовникъ, человѣкъ богатый и занимающій видное общественное положеніе. Она оттолкнула Сюро и посмотрѣла на него съ презрѣніемъ. Бѣдный молодой человѣкъ ушелъ, сильно огорченный. 12 сентября онъ написалъ ей новое письмо, наполненное нѣжностями и клятвами. Отвѣта не было.—Адольфъ черезъ супруговъ Брюле сказалъ ей, что ея чемоданъ остался у него и что она можетъ его взять. Онъ думалъ принудить этимъ Генріету къ свиданію, но она не пришла. Онъ отправился, чтобы видѣть ее, къ ея матери, но послѣдняя спрятала Генріету въ шкапъ и прогнала Адольфа, который уходя оставилъ новое письмо.

Тогда бѣдный Сюро совершенно потерялъ голову. Онъ сталъ говорить о самоубійствѣ и впалъ въ тонъ мелодрамы. 13 сентября онъ отправился къ одному изъ своихъ пріятелей Фейфу и попросилъ его вставить въ деревянную ручку конецъ рапиры, которую онъ наточилъ. «Я надѣюсь, что вы не хотите дѣлать глупостей», сказалъ Фейфъ.—Нѣтъ отвѣтилъ онъ, мнѣ нуженъ этотъ инструментъ, чтобы просверливать дыры въ головахъ картонныхъ куколъ для париковъ. 14-го сентября Адольфъ попросилъ своего хозяина отпустить его. Онъ не могъ переносить вида той комнаты, въ которой онъ былъ такъ счастливъ. Г. Мальи отпустилъ его на цѣлый вечеръ. Адольфъ вышелъ, онъ хотѣлъ искать развлеченія Онъ хорошо одѣлся и вмѣстѣ съ двумя пріятелями Бумаромъ и Прево отправился въ длинную прогулку безъ всякой цѣли. Дорогой *они выпили*

нѣсколько стакановъ вина и Адольфъ, который начиналъ пьянѣть, сталъ пѣть громкимъ голосомъ модный романсъ того времени: «Елиза дѣлаетъ мое нссчастіе.» Но вмѣсто имени «Елизы» онъ произносилъ имя «Генріета»; дорогой Сюро объявилъ своимъ спутникамъ, что хочетъ поступить въ солдаты. «Все это глупости, сказалъ Прево, подожди немного, ты все забудешь.»

Они пришли къ супругамъ Брюле, содержателямъ кафе-ресторана. Адольфъ спросилъ пива и захотѣлъ говорить объ Генріетѣ. Брюле сказалъ ему, что онъ лучше сдѣлаетъ, если перестанетъ объ ней думать, такъ-какъ она его болѣе не любитъ.

Выдя изъ кафе-ресторана, три пріятеля прошли по улицамъ. Вдругъ, *переходя* улицу Бюшери, Сюро увидѣлъ Генріету. «Вотъ она, сказалъ онъ, мнѣ нужно поговорить съ нею». Говоря это онъ высвободилъ свою руку изъ подъ руки Прево.—Пусть влюбленные объяснятся между собою, сказали Бумаръ и Прево и удалились.

Адольфъ между-тѣмъ, подошелъ къ Генріетѣ, заговорилъ съ нею и предложилъ ей стаканъ вина. Одинъ прохожій слышалъ, какъ молодая женщина сказала ему: «оставьте меня, я васъ не знаю.» Адольфъ поднялъ руку, онъ нанесъ ударъ, молодая женщина упала, Адольфъ убѣжалъ.

Прохожій подошелъ. Онъ думалъ сначала, что произошла драка. Но молодая женщина, которую онъ старался приподнять съ земли, снова упала на спину; при свѣтѣ фонаря онъ увидѣлъ, что изъ рта ея выходитъ кровь. Онъ понялъ, что совершено *было убійство и сталъ звать на помощь; прибѣжали, но уже* слишкомъ поздно, убійца исчезъ, а около жертвы нашли кинжалъ. Несчастная дѣвушка была отнесена въ больницу и тамъ вскорѣ умерла. Докторъ Самсонъ нашелъ на трупѣ 8 ранъ: пять нанесенныхъ въ руку, двѣ въ грудь и послѣднюю, важнѣе другихъ, на лѣвой сторонѣ шеи. Послѣдняя рана прошла черезъ сонную артерію и проникла въ легкія.

На слѣдующій день Брюле узналъ въ одно и тоже время объ исчезновеніи Генріеты и объ убійствѣ молодой женщины въ улицѣ Бюшери. Онъ прибѣжалъ въ больницу, узналъ Генріету и указалъ убійцу.

Между-тѣмъ Сюро, совершивъ убійство, побѣжалъ къ улицѣ Шарантонъ. Онъ прибѣжалъ взволнованный, тяжело дыша къ

сосѣду своему по имени Костелю, содержателю виннаго погреба и спросилъ себѣ бутылку вина. «Можно подумать, сказалъ Костель, что вы сдѣлали что-то недоброе». — Напротивъ, отвѣчалъ Сюро, сегодняшній день самый лучшій моей жизни.

Онъ воротился къ своему хозяину, шатаясь на погахъ. Послѣдній думалъ, что онъ пьянъ и велѣлъ ему лечь спать. Черезъ нѣсколько минутъ, видя, что Сюро не загасилъ свѣчку, Малый взгляпулъ въ его компату и увидѣлъ, что онъ пишетъ. Онъ его считалъ больнымъ, увидя это, онъ успокоился.

Вотъ что писалъ Сюро, «я, любилъ Генріету. Это единственная женщина, которая вскружила мнѣ голову. Я ее боготворилъ. Она меня оставила. Я не былъ счастливъ безъ нея. Я написалъ отцу, чтобы онъ выслалъ мнѣ мои бумаги. Можетъ быть, если-бы я поступилъ въ солдаты, я не убилъ бы Генріеты около Нотръ-Дамъ. На мнѣ было оружіе. Я не думаю, чтобы она осталась жива! Я умираю довольнымъ, это мое единственное счастіе. Она погибла для всѣхъ. Прощайте, я умираю счастливымъ. Она меня оставила и составила мое несчастіе, я ее закололъ. Я не вхожу въ подробности, я спѣшу, чтобы не быть арестованнымъ и не опозорить имя моихъ родителей. Я умираю довольнымъ, я убилъ Генріету, я такжъ долженъ умереть. Молодые люди не привязывайтесь ни къ одной женщинѣ». Съ боку было написано: «я одинъ совершилъ преступленіе. Не обвиняйте никого. Я нанесъ три или четыре удара, кажется хорошо».

Написавъ это письмо, Сюро вышелъ скорыми шагами, направился, къ острову Сенъ-Луи и въ улицѣ «двухъ мостовъ» купилъ угольевъ, которые и завязалъ въ платокъ. Возвратившись къ себѣ, онъ зажегъ уголья и легъ. На слѣдующее утро онъ проснулся съ тяжелой голóвою. Онъ купилъ слишкомъ мало угольевъ, а потому онъ только впалъ въ глубокій сонъ. Сюро сошелъ, купилъ много угольевъ, зажегъ ихъ и легъ опять въ постель. Но едва онъ лишился чувствъ, какъ полицейскіе агенты стали стучаться у его дверей. Тишина, запахъ дыма — все это заставило ихъ немедленно выломать дверь. Скорая помощь возвратила несчастнаго къ жизни. Онъ признался во всемъ. Письмо, имъ написанное наканунѣ, нашли на окнѣ. 21-го

октября дѣло было слушано въ ассизномъ судѣ Сены. Во время этого процесса многочисленная публика наполняла залы суда. Послѣ чтенія обвинительнаго акта, произведенъ былъ допросъ подсудимаго.

Президентъ Какъ кажется, вы подозрѣвали дѣвицу Кулонъ въ томъ, что она невѣрна вамъ!

О. Да милостивый государь!

В. Ваша ревность мучила ее?

Сюро ничего не отвѣчаетъ.

В. Не выражала-ли она свое намѣреніе оставить васъ?

О. Нѣтъ, я хотѣлъ на ней жениться, я даже просилъ, чтобы мнѣ прислали нужныя бумаги. Она мнѣ клялась, что будетъ вѣчно любить меня.... я вѣрилъ въ ея привязанность.

Сказавъ это, Сюро упалъ въ обморокъ.

Президентъ: Сюро не вставайте болѣе, сядьте.

Сюро продолжаетъ: я разсчитывалъ на ея вѣрность, она мнѣ обѣщала, что никогда меня не обманетъ.

В. Не удалилась-ли она на время?

О. Да, я ее увидѣлъ только семь дней спустя. Я ей написалъ тогда, что я хочу убить себя, что я не могу жить безъ нея; послѣ клятвъ которыя она мнѣ сдѣлала, я не могъ считать ее невѣрною, я не думалъ, что она можетъ меня обманывать.—Недѣля прошла.—Въ воскресенье я отправился, чтобы увидѣть ее къ супругамъ Брюле; я шелъ съ молодымъ человѣкомъ, котораго я не зналъ; увидя ее, я подошелъ къ ней, чтобы поцѣловать ее, но она оттолкнула меня съ улыбкой презрѣнія. 12-го сентября я ей написалъ письмо въ которомъ говорилъ, что никогда не считалъ ее столь фальшивою, я страдалъ, я не жилъ болѣе, мое счастіе кончилось. «Будь счастлива говорилъ я ей, что же до меня касается, то для меня болѣе нѣтъ счастія, прощай, все кончено».

В. Что сдѣлали вы въ день 31-го сентября?

О. Я былъ въ лавкѣ, я думалъ о моей Генріетѣ, я страдалъ оттого, что не могъ болѣе ее видѣть. Я не могъ ни ѣсть, ни пить, ни спать; я хотѣлъ прибѣгнуть къ самоубійству, я взялъ рапиру, которую и наточилъ, говоря, что буду дѣлать ею отверзтія въ картонныхъ головахъ.

В. Вы имѣли съ собою это оружіе въ теченіи цѣлаго дня?

О. Я выходилъ каждый вечеръ, я не могъ имѣть покоя, я не зналъ, куда я шелъ; на мнѣ было это оружіе, когда я спросилъ у Брюле, не видѣлъ-ли онъ Генріеты? Я вышелъ съ двумя молодыми людьми. Одинъ изъ нихъ Прево сказалъ мнѣ: «не думай о ней, останься въ своей лавкѣ»; я ему сказалъ, что хочу поступить въ солдаты, онъ мнѣ отвѣтилъ: «не дѣлай этой глупости». Я пѣлъ романсъ, въ которомъ повторялъ имя Генріеты, какъ вдругъ замѣтилъ ее. Тогда я воскликнулъ: «вотъ она, мнѣ нужно съ ней поговорить» *). Я подошелъ къ ней, я говорилъ съ нею. Она холодно обратилась ко мнѣ и сказала: «что тебѣ нужно»?—Мнѣ нужно тебя видѣть, продолжалъ я. Она меня оттолкнула. «Вамъ не зачѣмъ было писать ко мнѣ, сказала она». Я предложилъ ей выпить стаканъ вина, она отказалась; я настаивалъ... — Отойдите отъ меня сказала она, я не хочу болѣе имѣть съ вами дѣла. *Я васъ не знаю.* — *Ты меня не знаешь, ты меня не знаешь.* Тогда я потерялъ голову, я нанесъ ей ударъ, потомъ другой... ахъ! **) Потомъ Сюро слѣдующимъ образомъ оканчиваетъ свой разсказъ: «меня покрылъ холодный потъ, я хотѣлъ убить себя, желѣзо выпало изъ моихъ рукъ, ужасъ овладѣлъ мною, я обратился въ бѣгство и возвратился въ лавку; я былъ радъ, я убилъ мою Генріету, мою любимую Генріету.»

Драматическія и театрально исполненныя показанія Сюро произвели на публику глубокое впечатлѣніе. Его отчаяніе подѣйствовало на всѣхъ: судьи, присяжные, слушатели—всѣ съ интересомъ и жалостью слѣдили за разсказомъ,

Президентъ, обращаясь къ подсудимому: нося съ собою въ теченіи цѣлаго дня оружіе, не имѣли-ли вы заранѣе намѣренія убить Генріету, если вы ее встрѣтите?

*) Тутъ голосъ Сюро сдѣлался энергическимъ. Улыбка мщенія видна на его лицѣ и заставляетъ содрагаться публику. Онъ смотритъ впередъ, ротъ его открытъ, онъ какъ будто-бы видитъ Генріету. Но скоро эта экзальтація падаетъ.

**) При этихъ словахъ обвиненный падаетъ въ обморокъ на руки жандармовъ, нѣсколько минутъ онъ остается безъ чувствъ, съ закрытыми глазами. Онъ наконецъ приходитъ въ себя вслѣдствіе уксуса, который даютъ ему нюхать.

О. Нѣтъ я носилъ оружіе для того, чтобы убить себя, я не надѣялся болѣе ее увидѣть.

В. Вы сказали во время слѣдствія, что вы носили кинжалъ для того, чтобы убить Генріету, если вы ее встрѣтите?

О. Нѣтъ, я не хотѣлъ убить Генріету, я все надѣялся, что она помирится со мною... я ужасно страдалъ.

Затѣмъ приступлено было къ допросу свидѣтелей.

1. *Марія Брюле,* содержательница кофе-ресторана: 14 септября Сюро пришелъ ко мнѣ въ заведеніе, онъ обѣдалъ и выпилъ бутылку пива.

В. Сюро въ эту минуту говорилъ-ли вамъ о Генріетѣ?

О. Нѣтъ, я запретила ему это, дѣвушка не хотѣла и слышать объ немъ.

Сюро: свидѣтель ошибается, я говорилъ о Генріетѣ и просилъ передать ей, чтобы она пришла за своимъ чемоданомъ.

2. *Анна Кулонъ* швея, мать Генріеты (вся въ слезахъ). Сюро однажды пришелъ ко мнѣ, чтобы узнать, гдѣ находится моя дочь. Генріета, увидя его, спряталась отъ него въ шкапъ. Онъ мнѣ передалъ письмо для нея и сказалъ: «если Генріета счастлива, то пусть она будетъ счастлива. Если она и захочетъ возвратиться ко мнѣ, то я не соглашусь на это».

Сюро: я былъ очень взволнованъ, но я сказалъ только: «она свела меня съ ума, что до меня касается, то все кончено, прощайте». Я не прибавилъ болѣе ни слова.

Сюро показываютъ окровавленное платье Генріеты и кинжалъ, которымъ онъ поразилъ ее.

Президентъ: обвиненный, узнаете ли вы это оружіе?

Сюро съ вздохомъ—да!

3. *Бушаръ.* Я сопровождалъ Сюро во время прогулки. Встрѣча его съ Генріетою произошла *совершенно случайно.* Во время прогулки Сюро вовсе не говорилъ, что онъ хочетъ отмстить Генріетѣ, онъ напротивъ говорилъ, что любитъ, обожаетъ ее, что *онъ не согласился-бы отказаться отъ нея за 10,000 франковъ.*

4. *Костель,* винный торговецъ: Сюро въ день совершенія преступленія вошелъ ко мнѣ; видя его взволнованнымъ, я сказалъ ему: «ужъ не совершили ли вы что нибудь недоброе». — «Напро-

тивъ того, отвѣтилъ онъ мнѣ, сегодняшній день есть лучшій день въ моей жизни».

Одинъ присяжный: когда онъ дѣлалъ вамъ этотъ отвѣтъ, былъ-ли онъ хладнокровенъ?

О. Нѣтъ онъ по видимому былъ въ бреду. Въ теченіи мѣсяца, который предшествовалъ этому дню, онъ постоянно находился въ волненіи, и мы замѣтили, что онъ не былъ такимъ, какимъ онъ былъ прежде. Прежде онъ былъ очень веселъ и забавлялъ всѣхъ, играя на скрипкѣ. Онъ былъ балагуръ. Но послѣдній мѣсяцъ онъ сдѣлался печаленъ, мраченъ, задумчивъ. Никогда онъ намъ не говорилъ причины этого.

5. *Малыи* (парикамахеръ у котораго Сюро работалъ болѣе года): у Сюро былъ отличный характеръ, часто его сердили—смѣялись надъ нимъ, я самъ часто дразнилъ его, *но онъ никогда не сердился.* 14 сентября онъ мнѣ сказалъ: «я не ходилъ вчера гулять, позвольте мнѣ идти сегодня». Я на это согласился. Было два часа, онъ завилъ себѣ волосы и ушелъ. Вечеромъ, когда онъ возвратился, онъ казался испуганнымъ; я посовѣтывалъ ему лечь спать. Онъ вошелъ въ свою комнату. Я заглянулъ въ нее Онъ писалъ письмо. Я могу сказать по совѣсти: всѣ любили его.

По произнесеніи рѣчей, присяжные признали Сюро виновнымъ въ убійствѣ непредумышленномъ.

Судъ приговорилъ Сюро къ пожизненной каторжной работѣ.

Убійца Генріеты Кулонъ былъ наказанъ пожизненною каторгою за такое преступленіе, за которое Ульбахъ былъ подвергнутъ смертной казни.

Вся разница была въ томъ, что Сюро во время дебатовъ не оставался нечувствительнымъ, но своимъ драматическимъ, сценически эфектнымъ разсказомъ возбудилъ состраданіе судей и слушателей. Обстоятельства того и другаго дѣла были почти совершенно одинаковы. Предумышленіе въ обоихъ убійствахъ несомнѣнно. Сюро избѣгъ эшафота только вслѣдствіе искренности своей скорби и своей любви.

VII. Процессъ Іоана Жюльена.

Мѣсяцъ спустя послѣ казни Ульбаха, новое преступленіе, совершенное вслѣдствіе несчастной любви и ревности, произошло

въ Парижѣ: 26 октября 1827 года къ 6½ часамъ утра молодой работникъ, по имени Іоанъ Жюльенъ, пришелъ въ пассажъ, извѣстный подъ именемъ «красной лошади» около улицы Понсо; онъ прислонился къ стѣнѣ портерной лавки и сталъ смотрѣть во всѣ стороны, выказывая при этомъ такое разстройство, что это было замѣчено многими прохожими. Видя, что за нимъ наблюдаютъ онъ вошелъ въ лавку, выпилъ два стакана вина, потомъ опять вышелъ въ пассажъ. Въ 8 часовъ утра молодая дѣвушка показалась въ концѣ пассажа. Жюльенъ бросился къ ней на встрѣчу. Молодая дѣвушка была одѣта просто и со вкусомъ, она несла на рукѣ маленькую корзинку. Это была швея, нанимавшаяся поденно, она была маленькаго роста, но очень хорошенькая. — Арсенъ, сказалъ молодой человѣкъ, что́ рѣшилъ наконецъ вашъ *тесть*?—Вы должны это знать г. Жюльенъ, сказала швея, дайте мнѣ пожалуйста пройдти. Молодая дѣвушка уже входила въ улицу Понсо; но Жюльенъ, взялъ ее подъ руку и насильно ввелъ опять въ пассажъ. «Надо кончить, сказалъ онъ, что́ хочетъ г. Гильме. Да, или нѣтъ?—Оставьте меня г. Жюльенъ, я васъ прошу.—Я вижу, что онъ хочетъ, чтобы мы отказались одинъ отъ другаго. И Жюльенъ, схвативъ Арсенъ лѣвою рукою, вынулъ правою рукою складной кинжалъ, уже открытый въ карманѣ его сюртука. Молодая дѣвушка, увидя оружіе, вскрикнула и выставила впередъ руки; она получила нѣсколько ранъ на рукахъ, а ножъ проникъ въ ея правый бокъ. Несчастная, испуская крики, вбѣжала въ лавку одного продавца угольевъ. *Удержите его*, сказала она, *онъ, убьетъ себя*. Дѣйствительно, ранивъ ее, Жюльенъ поразилъ себя ножемъ и упалъ на землю; потомъ онъ всталъ и во второй разъ поразилъ себя. Прохожіе подбѣжали къ нему и вырвали у него изъ рукъ оружіе прежде, нежели онъ успѣлъ нанести себя новыя раны. Его перенесли въ больницу; оказалось, что онъ сдѣлалъ себѣ двѣ раны въ грудь и въ нижнюю часть живота. Арсенъ получила въ правый бокъ рану длиною въ два вершка. По прошествіи нѣсколькихъ дней, она была внѣ опасности. Что же касается Жюльена, то раны его не представляли никакой важности.

Исторія двухъ молодыхъ людей была очень проста: Іоанъ Жюльенъ, имѣвшій 21 годъ отъ роду, работалъ въ Руэнѣ у портнаго въ томъ же домѣ, въ которомъ жила и Арсенъ Ше-

алье, дочь г-жи Гильме, бывшей *во второмъ супружествѣ* за каретникомъ.—Арсенѣ было 19 лѣтъ отъ роду; подобно Жюльену она была трудолюбива и безукоризненнаго поведенія. Оба они скоро полюбили другъ друга, и хотя родители Арсены не знали объ этой любви, но Жюльенъ не скрывалъ своего намѣренія жениться на ней. Въ сентябрѣ семейство Гильме переселилось въ Парижъ. *Нѣсколько дней спустя* Жюльенъ, *снабженный нужными* бумагами для вступленія въ бракъ, также отправился въ Парижъ и формально просилъ у Гильме руку его падчерицы. Жюльенъ не понравился Гильме, который и *отговорилъ Арсену отъ вступленія въ этотъ бракъ*, и не отвѣчая Жюльену положительнымъ отказомъ, старался избѣгать молодаго работника. Приведенный въ отчаяніе, Жюльенъ нѣсколько разъ ждалъ Арсену въ пасажѣ. Когда она ссылалась на волю родителей и говорила ему, что не можетъ быть его женою, то онъ оставлялъ ее говоря: «прощайте навсегда, несчастіе тому, *кто* будетъ *противиться* моему счастію». Вслѣдствіе нѣкоторыхъ подобныхъ сценъ и произошло преступленіе 26 октября. — 30 января ассизный судъ Сены приступилъ къ обсужденію этого дѣла.

Допросъ подсудимаго заключался въ слѣдующемъ. *Президентъ*: правда-ли, что 26 октября вы нанесли Арсенѣ Шевалье нѣсколько ударовъ ножемъ? — *О*. Нѣтъ я нанесъ только *одинъ ударъ*. — *В*. Однако изъ показаній Арсенъ оказывается, что вы нанесли ей нѣсколько ударовъ? — *О*. Я нанесъ только одинъ ударъ и *если* Арсенъ *сказала противное*, то ее научили это сдѣлать лица, которыя хотятъ моей погибели. *Президентъ*: я долженъ вамъ замѣтить, что не только изъ показаній Арсенъ, но и изъ осмотра ея ранъ обнаружено, что она получила 4 или 5 ударовъ.—*О*. Я не могу, дать объ этомъ точныхъ объясненій. Можетъ былъ ударъ скользнулъ по ея рукамъ, которыя были выставлены впередъ.—*В*. И такъ вы говорите, что нанесли только одинъ ударъ. Какое было ваше намѣреніе?—*О*. Въ ту минуту, какъ я поразилъ Арсенъ, я самъ не зналъ, что я дѣлаю. Это была внезапная мысль, — мысль которой я самъ не ожидалъ. Эта мысль овладѣла мною, но я не имѣлъ намѣренія убить Арсенъ. Я выпулъ ножъ, чтобы ее поразить— я сдѣлалъ это самъ не зная какимъ образомъ.—*В*. Если-бы въ минуту гнѣва, необдуманности вы ей нанесли ударъ кулакомъ, то это

былъ бы поступокъ очень предосудительный. Но вы нанесли ей ударъ ножемъ, а подобную рану ножемъ дѣлаютъ только, съ намѣреніемъ убить.—*О.* Уменя нисколько не было этого намѣренія, и въ сущности я не могу сказать, чего я желалъ, я потерялъ голову.—*В.* Обвиненіе идетъ еще далѣе, оно доказываетъ, что вы дѣйствовали *предумышленно*?—*О.* Если бы я хотѣлъ убить ее, я бы не дозволилъ ей уйти, когда она убѣжала отъ меня; я бы ее преслѣдовалъ, чтобы нанести ей второй ударъ. Между-тѣмъ я спокойно смотрѣлъ, какъ она, удалялась. Я думалъ только о несчастномъ поступкѣ, который я сдѣлалъ, я хотѣлъ лишить себя жизни.—*В.* Вы говорите о той минутѣ, когда совершено было преступленіе, и я понимаю, что въ томъ положеніи, въ которомъ вы находитесь, вы не всегда понимаете мои вопросы. Но я вамъ говорю о фактахъ, *предшествовавшихъ.* Правда ли что вы произносили угрозы, нѣсколько дней до преступленія у г-жи Кабаре?—*О.* Я не хотѣлъ никому причинить вреда. Я говорилъ что я отыщу Гильме, который противился моему браку и такъ-какъ мнѣ говорили, что онъ уѣхалъ изъ Руэна для того, чтобы не заплатить свои долги, я увѣдомилъ его кредиторовъ о мѣстопребываніи его въ Парижѣ.—*В.* 25 декабря вы узнали изъ разговора, который вы имѣли съ родителями молодой дѣвушки, что вамъ не оставалось никакой надежды получить ея руку. Зачѣмъ упорствовали вы въ желаніи говорить съ ней?—*О.* Я хотѣлъ говорить съ нею, я хотѣлъ ей сообщить, что ея тесть сказалъ мнѣ, что свадьба можетъ быть совершена черезъ два года.—*В.* Зачѣмъ вооружились вы ножемъ?—*О.* Это было мое всегдашнее обыкновеніе.—В. Но этотъ ножъ былъ совершенно новый, онъ только что вышелъ изъ магазина?—*О.* При моихъ занятіяхъ я рѣдко употреблялъ въ дѣло ножъ, иногда онъ 8 дней лежалъ у меня въ карманѣ безъ всякаго употребленія.—*В.* Но отчего этотъ ножъ былъ открытъ въ вашемъ карманѣ?—*О.* Я самъ открылъ его въ карманѣ, схвативъ его въ одно и тоже время обѣими руками.—*В.* Это невозможно или по крайней мѣрѣ очень неправдоподобно?—*О.* Извините, г. президентъ, я открылъ его обѣими руками.—*В.* Но тогда, Жюльенъ, невозможно видѣть въ вашемъ поступкѣ послѣдствія ревности или бреда, о которыхъ вы только-что говорили. Это обстоятельство можетъ заставить предполагать, что вы брали предосторожности, чтобы скрыть

ваше намѣреніе отъ молодой дѣвушки и не возбудить ея недовѣрія. И такъ вы пользовались совершеннымъ хладнокровіемъ? *О.* Г. президентъ я васъ увѣряю, что у меня не было намѣренія убить и что однакоже дѣло произошло такимъ образомъ.—*В.* Я вамъ опять замѣчу, что вотъ этотъ ножъ, котораго лезвіе очень тонко и очень глубоко входитъ въ ручку, могъ быть открытъ въ карманѣ вашего сюртука лишь послѣ долгихъ усилій? *О.* Если я его открылъ, слѣдовательно я имѣлъ возможность его открыть.—*В.* Вы не можете привесть въ порядокъ ваши мысли по этому предмету?—*О.* Какъ могу я это сдѣлать, если послѣ того, думая объ этомъ, я не могъ объяснить себѣ, что заставило меня дѣйствовать такимъ образомъ.

Затѣмъ произведенъ былъ допросъ свидѣтелей. 1) *Арсенъ Шевалье* (очень хорошенькая); выступаетъ впередъ съ опущенными глазами. *Президентъ*: милостивая государыня объясните, какого рода были ваши отношенія съ Жюльеномъ, его сватовство и наконецъ печальную катострофу, которая случилась?—*О.* Я не хотѣла, чтобы мои родители знали, что Жюльенъ былъ знакомъ со мною въ Руэнѣ. Когда онъ въ Парижѣ просилъ позволенія у моей матери приходитькъ ней, чтобы видѣть меня, то она отвѣчала, что до прибытія мужа не можетъ дозволить ему этого. Онъ просилъ моей руки у моего вотчима, который сказалъ ему: что черезъ два дня дастъ ему отвѣтъ. Черезъ два дня мы отправились въ окрестности Парижа, чтобы избѣгнуть дать отвѣтъ.—*В.* Отчего перемѣнили вы ваше намѣреніе относительно Жюльена. Вы ему прежде говорили, что если ваши родители согласятся, то вы выйдете за него замужъ?—*О.* Онъ не нравился моимъ родителямъ, и ихъ совѣты заставили меня перемѣнить мнѣніе.—*В.* И такъ вы только послушались ихъ совѣтовъ?—*О.* Они мнѣ не велѣли отказать Жюльену, они лишь совѣтывали это сдѣлать.—*В.* Колебались ли вы?—*О.* О нисколько! —*В.* Были ли вы привязаны къ Жюльену?—*О.* Кажется что *нѣтъ*, я думала что люблю его, но.... я ему сказала, что родители не хотѣли выдавать меня замужъ въ нестоящее время и что я не хотѣла оказывать имъ неповиновеніе. Онъ мнѣ сказалъ тогда, что я буду причиною смерти человѣка. *В.* Онъ вѣроятно говорилъ это о себѣ?—*О.* Да, милостивый государь. Онъ мнѣ сказалъ: «прощайте — прощайте навсегда.»—*В.* Не встрѣчали-ли вы его 24-го октября вечеромъ?—*О.* Да мило-

ствый государь, я его встрѣтила, мы опять говорили о томъ-же самомъ. 26-го утромъ онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ меня, что сказалъ мнѣ мой вотчимъ. Я ему отвѣтила: «вы это знаете, дайте мнѣ пройти». Онъ настаивалъ, я сказала ему: «пустите меня.» Тогда онъ схватилъ меня за руку и поразилъ меня ножемъ; его ножъ *былъ открытъ въ его карманѣ.* Произнося эти слова, молодая дѣвушка поворачиваетъ глаза къ скамейкѣ подсудимаго. Она замѣчаетъ Жюльена и вдругъ ею овладѣваютъ судороги. Она падаетъ на стулъ. Ее уносятъ. Увидя вновь Жюльена, молодая дѣвушка испустила крикъ. Черезъ нѣсколько минутъ Арсенъ была опять введена въ залу, она очень поблѣднѣла и едва стояла на ногахъ. *Президентъ:* и такъ вы говорите, что ножъ былъ уже отрытъ въ карманѣ Жюльена.—*О.* Я *не разсмотрѣла хорошенько,* я видѣла только, какъ что-то блеснуло.—*В.* Когда вы увидѣли, что ножъ блеснулъ въ рукахъ Жюльена, держалъ ли онъ васъ другою рукою?—*О. Онъ держалъ меня за плечо, когда вынулъ ножъ.*—*В.* Увѣрены-ли вы въ этомъ?—*О.* Да, онъ мнѣ положилъ лѣвую руку на плечо.—*В.* А выпустилъ ли онъ васъ когда, онъ вынималъ ножъ?—*О.* Нѣтъ. *Президентъ* Жюльену: вы видите, что если вы держали Арсенъ за плечо, вы не могли отворить ножъ въ вашемъ карманѣ съ помощью вашихъ рукъ? *Жюльенъ:* Арсенъ не могла вѣроятно обратить вниманія на то, что я сдѣлалъ. *Президентъ* Арсенъ: сколько ударовъ ножемъ вы получили?—*О.* Я не знаю. Ее заставляютъ показать свои руки, на которыхъ есть слѣды ранъ. Она снова падаетъ въ обморокъ.

2) *Гильме* (вотчимъ Арсенъ): въ пятницу 15 дней до происшествія Жюльенъ подошелъ ко мнѣ на улицѣ и сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ жениться на Арсенъ. Я спѣшилъ по дѣламъ, къ тому же я его не зналъ. Я ему сказалъ: «я буду говорить объ этомъ съ женою и Арсенъ, если послѣдняя васъ любитъ, я не буду противиться браку». Онъ меня спросилъ, когда онъ можетъ получить окончательный отвѣтъ, я ему назначилъ свиданье на слѣдующее воскресенье. Воротясь домой, я сообщилъ объ этомъ Арсенъ и спросилъ ее: любитъ-ли она молодаго человѣка, «Я бы его любила, отвѣчала она, если бы онъ могъ составить мое счастіе.» Тогда послушай, сказалъ я ей, ты можетъ быть не замѣтила, но у него *дурное выраженіе во взглядѣ.* Ты не будешь съ нимъ

счастлива. Однако если ты его любишь, то выходи за него за мужъ, *но ты не должна уже разсчитывать на меня*». Ея двоюродная сестра была при этомъ, я сказалъ Арсенѣ: спроси твою двоюродную сестру, что она думаетъ объ этомъ?—Если вы меня заставляете высказать мое мнѣніе, сказала двоюродная сестра, я должна сказать, что Жюльенъ мнѣ *не* нравится.—«Въ такомъ случаѣ, сказала Арсенъ, вы всѣ будете надо мною смѣяться, я не хочу выдти за него замужъ». Тогда мы рѣшились идти провести въ Сенъ-Дени день воскресенья. Мы думали, что молодой человѣкъ пойметъ, что это значитъ, и что это будетъ лучше, нежели сдѣлать прямой отказъ. Воскресенье въ теченіи всего дня Арсенъ говорила мнѣ: «какъ только я вижу человѣка, мнѣ кажется, что я его вижу».—Развѣ ты его любишь.—Ахъ, Боже мой, нѣтъ!—Вечеромъ, когда мы возвращались, Арсенъ, глаза которой лучше видятъ нежели мои, сказала мнѣ: «смотрите вотъ онъ», и поскорѣе вошла въ домъ. Я пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ, что онъ долженъ отказаться отъ мысли вступить въ бракъ. Во первыхъ, сказалъ я ему, моя дочь не любитъ васъ. Во вторыхъ, я не хочу выдавать ее за мужъ. Жюльенъ внезапно оставилъ меня. 25 онъ снова встрѣтилъ меня на улицѣ, онъ мнѣ предложилъ стаканъ вина, мы вошли къ г-жѣ Кабаре, онъ повторилъ свое предложеніе. Во первыхъ, сказалъ я ему, вы вели себя вовсе не такъ, какъ должно. Не слѣдовало говорить о свадьбѣ молодой дѣвушкѣ, вамъ слѣдовало сказать мнѣ прежде всего. Между двумя мужчинами легко объясниться и все-бы кончилось. Во вторыхъ, я вотчимъ Арсенъ, я не хочу, чтобы она сказала со временемъ, что я выдалъ ее за перваго встрѣчнаго. Если черезъ два года она еще будетъ любить васъ, то женитесь на ней. Приданаго у Арсенъ нѣтъ. Жюльенъ прибавилъ, что онъ не думаетъ болѣе объ Арсенъ, что онъ отправится въ Бельгію.

Жюльенъ (вставая): г. Гильме говоритъ, что его дочь не любила меня, но она мнѣ доказала, что она меня любитъ. Въ то время, какъ мы еще были въ Руэнѣ, послѣ одной ссоры, я хотѣлъ разстаться съ нею. Я сошелъ къ г-жѣ Ледюкъ, чтобы проститься, но она мнѣ сказала: «г. Жюльенъ, если бы вы любили Арсенъ, какъ она васъ любитъ, то не думали бы объ отъѣздѣ».—Черезъ нѣсколько минутъ пришла Арсенъ. Я увидѣлъ

слезы въ ея глазахъ, я самъ заплакалъ и мы вскорѣ поклялись сохранить другъ къ другу вѣчную любовь. *Президенту*: все это не можетъ извинить убійство.—*Жюльену*: Я не хотѣлъ убить Арсенъ. Но есть-ли человѣкъ, который бы не страдалъ, теряя любимую женщину. Нѣтъ такого человѣка, только рука моя виновна,—но сердце мое невинно. Могъ-ли я сказать, что я не люблю Арсенъ? Вы напротивъ г. Гильме отговаривали меня отъ намѣренія жениться на ней, говоря, что она кокетка и что она васъ просила нѣсколько дней тому назадъ купить ей шляпку. Вы меня обманывали.—*Арсену*: въ дополненіе прежнихъ показаній прибавляетъ: когда Жюльенъ подходилъ ко мнѣ, видъ его вовсе не былъ отчаянный, онъ нанесъ мнѣ *нѣсколько ранъ*.

Услыша эти показанія, направленныя противъ него, Жюльенъ, въ первый разъ проливаетъ слезы. Послѣ обвинительной и защитительной рѣчей, присяжные признали Жюльена виновнымъ въ покушеніи на убійство непредумышленное. Судъ приговорилъ его къ пожизненной каторжной работѣ.

Изъ изложенныхъ нами процессовъ видно, на какихъ элементахъ въ подобнаго рода дѣлахъ основывается вердиктъ присяжныхъ и образуется общественное мнѣніе. Присяжные, поставленные передъ дѣяніемъ, за которое закономъ назначена наказуемость, смягчаютъ приговоръ лишь въ томъ случаѣ, если увлеченіе истинной страсти говоритъ въ пользу убійцы. Они приговорили къ смертной казни Ульбаха мрачнаго любовника, человѣка желчнаго темперамента и сосредоточеннаго характера, склоннаго къ мщенію; они спасли отъ эшафота Сюро и Жюльена. Сюро имѣлъ темпераментъ нервный, впечатлительный, Жюльенъ темпераментъ флегматическій, меланхолическій. Присяжные, которые видѣли лишь то, что имъ показывали, приговорили къ эшафоту человѣка, наиболѣе достойнаго сожалѣнія—Ульбаха.

VIII. Процессъ Петра Евгенія Лорана.

Настоящее дѣло отличается отъ предъидущихъ тѣмъ, что жертвою убійства сдѣлалась не женщина, любимая преступникомъ, но мать ея. Побудительными же причинами преступ-

ленія являются чувства любви и мести, то есть тѣ самыя, какъ и въ предъидущихъ процессахъ.

27 декабря 1858 г. въ г. Аміенѣ, въ Пикардіи, одна женщина упала въ рѣку Сомму у авальскаго моста; трупъ ея былъ найденъ только на слѣдующій день. Таинственныя обстоятельства, которыя сопровождали это происшествіе и которыя нѣкоторое время заставили предполагать, что смерть была естественная,— возбудили интересъ публики.

Вотъ содержаніе обвинительнаго акта по этому дѣлу: обвиненный Петръ-Евгеній Лоранъ былъ подъ уголовнымъ судомъ за кражу 15 разъ и 12 лѣтъ состоялъ уже подъ надзоромъ полиціи; онъ былъ сосланъ въ г. Аміенъ. Въ теченіи 1858 г. онъ вступилъ въ любовную связь съ дѣвицею Авророю Клабо, дочерью таможеннаго чиновника. Супруги Клабо приходили въ отчаяніе отъ связи ихъ дочери и старались прервать ее; это возбудило противъ нихъ ненависть Лорана. Жена Клабо—Марія въ особенности препятствовала своей дочери видѣться съ Лораномъ, который не скрывалъ своей ненависти къ ней: встрѣтивъ ее за два дня до ея смерти, онъ сказалъ товарищамъ: «вотъ старая корова, которая скоро издохнетъ». Семейныя дѣла заставили Марію Клабо отправиться въ сосѣднюю деревню Дорвилье. Дочь ея Аврора Клабо, работавшая въ мастерской, была свободна отъ занятій 25 и 26 декабря, такъ-какъ въ эти дни были праздники; поэтому Марія Клабо и рѣшилась воспользоваться ими для своего путешествія. Она отправилась 25 ноября въ 7 часовъ утра въ дилижансѣ, объявивъ, что на слѣдующій день вечеромъ вернется домой. Пріѣхавъ въ Дуллень, она взяла мѣсто въ дилижансѣ, чтобы возвратиться домой къ 26-му и въ тотъ же день, несмотря на просьбы ея сестеръ, которыя хотѣли удержать ее, выѣхала изъ Дорвилье въ 2 часа пополудни. Дилижансъ въ $7^{3}/_{4}$ часовъ пріѣхалъ въ контору омнибусовъ въ предмѣстье Сенъ-Пьеръ. Марія Клабо, желая какъ можно скорѣе достигнуть улицы Лёдье, въ которой она жила, вышла изъ дилижанса и, не входя въ городъ, направилась по предмѣстью Куръ, идя по бульвару Ситадель и по улицѣ Jardin de plantes къ авальскому мосту. Вдругъ несмотря на сильный вѣтеръ, раздались крики «на помощь», испускаемые женскимъ голосомъ. Многіе жители выбѣжали на берегъ рѣки Соммы; одинъ изъ

пихъ, услышавъ крикъ, который исходилъ изъ воды, подошелъ къ берегу рѣки, по самъ упалъ въ воду. На слѣдующій день замѣтили на набережной въ 23 шагахъ отъ дома подъ № 17 нѣсколько пятна крови; 25 шаговъ далѣе, около рощи, находившейся на берегу, видны были другія пятна, но менѣе многочисленныя. Между 10 или 11 часами утра трупъ женщины Клабо найденъ на поверхности воды около островка Сентъ-Арагонъ. Трупъ имѣлъ въ головѣ двѣ глубокія раны, которыя нанесены были, повидимому, одна острымъ, а другая тупымъ концемъ ножа. Вскрытіе тѣла показало, что смерть произошла отъ утопленія, и что раненая женщина Клабо еще дышала, когда убійца бросилъ ее въ рѣку Сомму. Платокъ, вынутый изъ кармана женщины Клабо, заключалъ въ себѣ двѣ пятифранковыя монеты, завязанныя въ углу платка.—Скоро подозрѣнія въ убійствѣ стали падать на *Лорана*. Спрошенный слѣдственнымъ судьею, онъ объявилъ, что въ день, когда произошло преступленіе, онъ пришелъ въ $7\frac{1}{4}$ часовъ въ кафе г. Деларю и вышелъ оттуда только въ 8 часовъ, что возвратившись къ себѣ домой въ улицу С. Жакъ, нѣсколько минутъ спустя, онъ немедленно легъ спать. Г. Деларю показалъ, что обвиненный ушелъ изъ его кафе до 8 часовъ вечера. Женщина Гюре, у которой жилъ обвиненный, и г. Мерель, другой жилецъ этой женщины, показали, что когда Лоранъ возвратился домой, то было уже болѣе 9 часовъ вечера. На одномъ изъ платковъ обвиненнаго нашли пятна крови. Трупъ женщины Клабо былъ показанъ ея семейству 27 декабря и признанъ имъ. Поэтому Петръ-Евгеній Лоранъ обвиняется передъ судомъ присяжныхъ въ предумышленномъ и измѣнническомъ убійствѣ Марія-Луизы-Софіи Клабо.»

Послѣ прочтенія изложеннаго нами обвинительнаго акта, президентъ приступилъ къ допросу Лорана. Лоранъ средняго роста, ему отъ роду 30 лѣтъ, наружность его очень приличная. *Вопросъ.* Когда полицейскій чиновникъ арестовалъ васъ, онъ нашелъ у васъ въ карманѣ платокъ, покрытый кровью. Откуда была эта кровь? *Отвѣтъ.* Г. президентъ! вы знаете, что я какъ мастеровой постоянно обращаюсь съ инструментами и могъ себя обрѣзать.—*В.* Васъ раздѣвали и на васъ не нашли ни одного пореза, ни одной раны на тѣлѣ. *О.* Это былъ платокъ, который я носилъ уже давно.—*В.* Это очень можетъ быть, но эксперты находятъ,

что кровяныя пятна на платкѣ были сдѣланы недавно. Трупъ убитой найденъ въ 10 часовъ утра, въ 12 часовъ онъ былъ отвезенъ въ городъ Амiенъ, и только къ 8 часамъ вечера узнали, кто была убитая; до тѣхъ-же поръ всѣ въ Амiенѣ были убѣждены, что убитая женщина была исчезнувшая незадолго до того, неизвѣстно куда, крестьянка. Между тѣмъ въ 11 часовъ утра вы воскликнули: «это можетъ быть мать Авроры, которую убили». Какъ могли — вы въ 11 часовъ утра знать, что убитая была женщина Клабо? — Подсудимый ничего не отвѣчаетъ.

ПОКАЗАНІЯ СВИДѢТЕЛЕЙ.

1) *Г. Совре полицейскій чиновникъ въ Амiенѣ:* 26 декабря къ $9^1/_2$ часамъ вечера меня увѣдомили, что какая-то женщина упала въ Сомму. Думали, что случится еще большее несчастіе, потому-что въ воду упало нѣсколько человѣкъ, напр. г. г. Галле и Вассеръ, которые хотѣли спасти утопающую женщину. Кто-то мнѣ говорилъ, что цѣлые 10 минутъ слышны были крики «на помощь», выходящіе изъ воды. Въ 12 часовъ меня увѣдомили, что около города найденъ трупъ женщины. На головѣ у нея было двѣ раны. Возвратившись и осмотрѣвъ то мѣсто, откуда говорили, что упала женщина, я нашелъ слѣды крови. Къ $8^1/_2$ часамъ вечера я узналъ, что убитая была Марiя Клабо; я спрашивалъ ея мужа, который мнѣ сказалъ: «только одинъ человѣкъ могъ ненавидѣть мою жену: это Лоранъ, который хочетъ жениться на моей дочери, вопреки моей волѣ и волѣ моей жены». Я арестовалъ Лорана, который не могъ мнѣ съ точностью объяснить, что онъ дѣлалъ отъ 8 до 9 часовъ вечера въ воскресенье 26 декабря. Обыкновенно Лоранъ оставался въ кафе до 11 часовъ, въ этотъ-же вечеръ свидѣтели показали, что онъ вышелъ отсюда до 8 часовъ. На Лоранѣ я нашелъ платокъ, запачканный кровью, еще свѣжею и не запекшеюся.—*В.* Въ которомъ часу вы узнали, что нашли трупъ? *О.* Въ $12^1/_2$ часовъ, г. президентъ.—*В.* Что вы знаете о характерѣ Лорана? *О.* Лоранъ человѣкъ энергическій, упрямый, вспыльчивый и съ большою силою воли.

2) *Дюбоа, чиновникъ.* Самъ Клабо человѣкъ очень безхарактерный, который болѣе занимается своими служебными дѣлами, нежели семейными. Но жена его очень слѣдила за поведеніемъ своей

дочери. Это была женщина очень характерная, управлявшая домомъ. Она никогда не согласилась бы на бракъ своей дочери съ Лораномъ,

3) *Бургшонъ.* Я живу у авальскаго моста; 26 декабря слышала я крики между $7^1/_2$ и 8 часами вечера, но не могла распознать причину этихъ криковъ. Я думала, что кто нибудь подрался. Крики продолжались около 20 минутъ.—*В.* 20 минутъ, это слишкомъ много? *О.* Крики исходили изъ одного мѣста; наконецъ я стала кричать: «кто-то тонетъ», тогда всѣ сбѣжались.

4) *Галле.* Мой домъ у авальскаго моста. 26 декабря въ $11^1/_4$ часовъ вечера я ужиналъ, когда моя горничная пришла сказать мнѣ, что какая-то женщина упала въ воду. Я поспѣшно вышелъ изъ дому и дорогой спросилъ незнакомаго мнѣ человѣка: «гдѣ тонутъ?» но онъ ничего не отвѣтивъ мнѣ, убѣжалъ. Я шелъ къ рѣкѣ и вдругъ самъ въ темнотѣ упалъ въ нее. Скоро я выплылъ на берегъ; въ водѣ я нашелъ корзинку.

5) *Вассеръ.* 27 декабря къ 8 часамъ вечера раздались крики; я побѣжалъ къ рѣкѣ и услышалъ вопли женщины, которая тонула.

6) *Моллье.* Я только что довела одного господина до дверей моего дома, который находится у авальскаго моста, какъ въ $8^1/_4$ часовъ услышала крики.

7) *Виргилія Шолле,* показала, что она слышала крики въ $8^1/_4$ часовъ вечера.

8) *Декаве.* 27 декабря мнѣ поручили съ товарищемъ розыскать трупъ въ рѣкѣ. Мы нашли его въ $10^1/_2$ часовъ утра.

9) *Докторъ Лепье.* По освидѣтельствованіи трупа, я нашелъ на головѣ двѣ раны, но ни одна изъ нихъ не была безусловно смертельна. Клабо умерла уже въ водѣ отъ утопленія.

10) *Клабо* (мужъ убитой). Мы получили анонимное письмо, въ которомъ насъ увѣдомляли, что дочь наша состоитъ въ любовной связи съ однимъ молодымъ человѣкомъ Моя жена никогда не согласилась-бы выдать свою дочь замужъ за Лорана; я думаю, что убить жену мою могъ только Лоранъ.

11) *Аврора Клабо.* Я познакомилась съ Лораномъ въ іюлѣ; родители били меня за связь съ нимъ; дѣйствительно, я ходила въ комнату къ Лорану. Послѣ того, какъ мать моя отправилась

путешествовать, я не видала Лорана. Я никого не подозрѣваю въ убійствѣ моей матери.

12) *Дочь Деларю.* Лоранъ проводилъ всѣ вечера въ кафе моего отца; 26 декабря Лоранъ вышелъ изъ кафе до 8 часовъ вечера, *впрочемъ каждое воскресенье онъ уходилъ въ это время.*

13) Тоже показалъ и самъ Деларю.

14) *Гюре* показала, что въ день происшествія Лоранъ возвратился домой въ 9 часовъ вечера.

15) *Дирайонъ, почталіонъ,* показалъ, что онъ привезъ дилижансъ въ Аміень въ $7^1/_2$ часовъ вечера.

16) *Марсель, товарищъ Лорана.* Въ мастерской, Лоранъ въ $11^1/_2$ часовъ утра сказалъ мнѣ: «утопилась какая-то женщина; только-бы это была не мать Авроры».

17) *Катье.* Клабо говорила мнѣ: «я скорѣе соглашусь умереть, нежели отдать мою дочь за Лорана».

Дюфуръ, генеральный прокуроръ, произнесъ слѣдующую рѣчь: «въ воскресенье, 26 декабря на второй день рождества, въ темную ночь, въ $8^1/_4$ часовъ вечера жители домовъ, находящихся у авальскаго моста, услышали крики ужаса и отчаянія. Такія сцены, къ несчастію, очень часты въ этомъ кварталѣ, наполненномъ публичными домами и кабаками. Сначала не обратили вниманія на эти крики, но они все усиливались и продолжались 10 минутъ. Человѣческая жизнь была въ опасности. Нѣкоторыя лица бросились къ берегу спасать утопающую; двое изъ нихъ сами упали съ крутаго берега въ воду. Пока ихъ вытаскивали, жертва убійства погибла.

Было-ли въ этомъ дѣлѣ преступленіе? Лица, которыя прежде другихъ отворили двери своихъ домовъ въ понедѣльникъ 27 числа утромъ, не сомнѣвались въ этомъ. На берегу у рѣки были слѣды крови и еще кровяное пятно видно было на бревнѣ, которое лежало у самаго начала воды. Ни въ сосѣдней улицѣ, ни въ домахъ не было обнаружено ссоры, или драки. Жертва преступленія была захвачена въ расплохъ, когда она была на срединѣ спуска и брошена въ воду. Убійца ждалъ ее на пути. Однако убійство было скоро открыто. Въ 10 часовъ утра 27 числа работники фабрики г. Дюпона вытащили изъ воды трупъ неизвѣстной женщины. Только въ 12 часовъ полицейскій чиновникъ отправился на мѣсто, гдѣ вытащенъ трупъ; сна-

чала полагали, что утопленница была крестьянка изъ окрестностей. Молодые люди которые нашли трупъ, конечно и не думали, что трупъ этотъ принадлежалъ женщинѣ, брошенной вечеромъ въ воду; о послѣднемъ происшествіи они даже не знали. До 8 часовъ вечера никто въ г. Аміенѣ не подозрѣвалъ тождественности съ Клабо трупа этой женщины, никто не зналъ, откуда она, изъ деревни или изъ города. Одинъ изъ агентовъ, который сопровождалъ полицейскаго чиновника Делаку, сдѣлалъ предположеніе, что эта женщина изъ улицы Ледье; онъ сказалъ объ этомъ г. Шери, но въ это время было уже болѣе 10 часовъ, и агентъ показываетъ, что онъ болѣе вѣрилъ, что утопленница была крестьянка. Въ 8 часовъ явился въ госпиталь, въ который отнесли трупъ, чиновникъ Клабо. Онъ жилъ въ улицѣ Ледье, въ предмѣстье Лаготуа, не далеко отъ авальскаго моста. Жена его въ субботу отправилась въ Дулленъ; она должна была возвратиться на слѣдующій день въ воскресенье къ $7\frac{1}{2}$ часамъ вечера, но ея ждали напрасно. Онъ слышалъ объ утопленницѣ, пришелъ въ госпиталь и узналъ свою жену. Она должна была выйти изъ кареты у заставы мѣстечка Дулленъ, чтобы не проходить по городу, потомъ идти по берегу канала и по спуску авальскаго моста; однимъ словомъ, она должна была пройти черезъ тѣ мѣста, въ которыхъ совершилось преступленіе. Кондукторъ дилижанса впослѣдствіи подтвердилъ это предположеніе. Г. Ленье, докторъ, сдѣлалъ освидѣтельствованіе трупа. У трупа найдено двѣ раны на головѣ, произведенныя острымъ орудіемъ, одна немного выше лба, другая у лѣваго виска, такъ-что височная артерія была перерѣзана. Одна изъ этихъ ранъ была смертельна, но жертва погибла отъ утопленія. Убійца поразилъ ее спереди, онъ шелъ ей на встрѣчу и стоялъ передъ нею Онъ хотѣлъ ее убить, а не обокрасть, потому что въ водѣ нашли ея корзинку и въ корзинкѣ 10 франковъ. Эта женщина была убита, но не ограблена. Преступленіе было направлено противъ ея жизни. Не любостяжательность, но ненависть направила руку преступника; онъ хотѣлъ или *отмстить* или *избавиться отъ препятствія*. Позвольте вамъ замѣтить, милостивые государи, что это обстоятельство очень важно; оно должно было наиболѣе обратить на себя вниманіе судей, оно облегчало дѣятельность правосудія. Предположимъ, что произошло убійство

съ цѣлью ограбить, что̀ очень возможно въ многолюдномъ городѣ. Убійцу можно отыскивать всюду; случай или предумышленіе привели его на это мѣсто, будь онъ житель города или окрестностей—подозрѣнія правосудія и розысканіе полиціи имѣютъ обширное поприще. Но если это ненависть, страсть, мщеніе, то ищите преступника *по близости къ жертвѣ*, между тѣми которые ее окружаютъ и посѣщаютъ, которые ссорились съ нею, которые ухаживаютъ за ея дочерью, которые хотятъ, вопреки ея волѣ, получить то и другое, и вы найдете убійцу. Такимъ образомъ кругъ, въ которомъ правосудіе должно было отыскивать убійцу Марію Клабо, былъ очень ограниченъ. Ее ждали на пути, ее поразилъ ее врагъ. Несчастное стеченіе обстоятельствъ возбудило противъ нея *одного* врага. Вы знаете, уже, что я ничего не выдумываю. Послушайте, что говорила женщина Клабо пріятельницѣ своей сестры, Менажъ. Наканунѣ своей смерти, 25 числа, въ деревнѣ Дорвилье, около Арраса, Клабо, пріѣхавшая на похороны одной изъ своихъ сестеръ, разсказывала свои семейныя скорби, какъ это бываетъ между родными, которые долго не видались между собою: «я несчастлива, сказала она; только младшая изъ моихъ дочерей живетъ теперь со мною. Аврора влюбилась въ работника, который живетъ противъ ея мастерской. Этотъ человѣкъ былъ подъ судомъ, онъ потеряпной репутаціи. Я запретила моей дочери говорить съ нимъ. Но она меня не слушается, а этотъ человѣкъ наноситъ мнѣ оскорбленія и грозитъ мнѣ, когда встрѣчается со мною на улицѣ. Я скорѣе соглашусь умереть, нежели позволить моей дочери выдти за него за-мужъ». Увы... она не согласилась, она умерла въ самомъ дѣлѣ. Любовникъ ея дочери, бывшій каторжникъ, человѣкъ, который угрожалъ ей,—Лоранъ.—Въ узкой улицѣ города, въ улицѣ Таннеръ двѣ мастерскія находятся одна противъ другой, окна въ нихъ соотвѣтствуютъ одно другому. Лоранъ дѣлалъ знаки въ свое окно; затѣмъ онъ, вѣроятно, ожидалъ молодую дѣвушку на улицѣ и скоро они сблизились. Два раза моладая дѣвушка приходила по утрамъ въ комнату этого человѣка и отдалась ему. Чтобы опредѣлить часъ свиданія, часъ въ который они выходили изъ мастерской и могли вмѣстѣ прогуливаться, они поднимали такое число пальцевъ, которое соотвѣтствовало назначенному часу, и

этого было достаточно. Они хотѣли вступить въ бракъ, но супруги Клабо воспротивились этому. Дйствительно, какое семейство, какъ-бы низко оно ни стояло въ обществѣ, если у него есть только чувство чести, согласилось-бы вступить въ родство съ Лораномъ! Человѣкъ этотъ былъ подъ судомъ. Ему 39 лѣтъ; онъ подвегнулся 15 приговорамъ; онъ воръ, и какой воръ! онъ грабилъ своихъ товарищей по комнатамъ, у одного укралъ платье, у другаго деньги. Онъ грабилъ по большимъ дорогамъ. Его судили и въ Парижѣ и въ Ахенѣ и въ Провансѣ и въ Нормандіи, вездѣ! Онъ былъ въ Африкѣ, откуда объ немъ получены очень дурные отзывы. У него всѣ пороки, онъ испыталъ страсти всѣхъ климатовъ, всѣхъ странъ, въ которыхъ онъ былъ, и если замѣтить, что онъ ни разу не былъ подъ судомъ за убійство, то надо признаться, что самообладеніе его было очень велико. Неужели вы думаете, что можно безнаказанно возбуждать гнѣвъ и ненависть подобнаго человѣка? Нѣтъ, его товарищи его бояться, они сказали, что онъ былъ вспыльчивъ и золъ. Женщина Клабо первая испытала это. Эта женщина, которую всѣ представляютъ намъ честною, была энергическаго характера. Мужъ ея уважаемъ своими начальниками. Супруги Клабо получили анонимное письмо, что дочь ихъ находится въ связи съ каторжникомъ. Все показывало, что это письмо написала одна изъ любовницъ Лорана. Мать выходитъ изъ себя, она бьетъ свою дочь. Она помѣщаетъ ее въ другую мастерскую. Напрасныя старанія. Дочь порочна, любовникъ смѣлъ и предпріимчивъ. Однажды онъ встрѣчаетъ женщину Клабо и угрожаетъ ей. Онъ говоритъ товарищамъ, что онъ собирается прибить отца Авроры Клабо. «Я ему покажу, кто я», прибавилъ онъ.—24 декабря одно обстоятельство показываетъ намъ, что гнѣвъ его дошелъ до пароксизма. Въ этотъ день, увидѣвъ изъ окна мастерской, какъ проходила Марія Клабо, онъ говоритъ одному изъ своихъ товарищей: «вотъ старая корова, задамъ же я ей!» Откуда эта злоба? Это оттого, что въ первый разъ 15 дней тому назадъ Марія Клабо приходила къ Деламаръ, чтобы взять отъ нея свою дочь; узнавъ, что мать прибила за него дочь, Лоранъ сказалъ товарищамъ: «я рѣшился покончить это дѣло, какъ-бы то ни было». При той легкости сообщеній, которая существовала между влюбленными, трудно допустить, чтобы онъ

не сказалъ ни слова въ этотъ день Авроръ; одно слово, которое они вѣроятно сказали другъ другу, объясняетъ намъ, отчего Аврора, назначившая свиданье на слѣдующій день одной изъ своихъ подругъ, отмѣнила его; одно слово, которымъ они обмѣнялись, могло дать знать Лорану, что мать отправилась въ Дулленъ и что есть два дня свободы, потому-что отецъ, будучи таможеннымъ чиновникомъ, не могъ оставаться дома. Думаете-ли вы, что влюбленная дѣвушка, которая ищетъ свиданія, упустила этотъ случай? Надо мало знать сердце человѣческое, чтобы сомнѣваться въ этомъ. При такихъ обстоятельствахъ не удивляйтесь тому, что какъ только былъ найденъ трупъ, общественное мнѣніе тотчасъ указало на убійцу. Всѣ предположенія были на его сторонѣ: Лоранъ одинъ долженъ былъ выиграть отъ преступленія. Лоранъ былъ постоянный посѣтитель кафе Деларю; онъ проводилъ въ немъ всѣ вечера, воскресенье-же болѣе, чѣмъ всякій другой день. Онъ не уходилъ оттуда ранѣе 10 или 11 часовъ. Онъ отправлялся отсюда обѣдать, но потомъ опять немедленно возвращался. Въ этотъ день онъ вышелъ изъ кафе *до 8 часовъ*. Погода была ужасная, никого не было на улицѣ. Лорану нужно было только 10 минутъ для того, чтобы дойти до своей квартиры, однако онъ пришелъ домой только *послѣ 9 часовъ*. Никогда, милостивые государи, въ уголовномъ процессѣ время не было опредѣлено съ бо́льшею точностью, минута въ минуту. Это зависитъ отъ особеннаго обстоятельства. Казармы кавалеріи находятся около дома Гюре и кафе Деларю. Барабанный бой бьютъ въ казармахъ ровно въ 8 часовъ; этотъ часъ изъ всѣхъ часовъ дня и ночи такимъ образомъ всего опредѣлительнѣе для жителей квартала, онъ приковалъ къ себя воспоминанія всѣхъ свидѣтелей. Деларю и его дочь показываетъ, что Лоранъ вышелъ изъ кафе *до* 8 часовъ, когда барабаннаго боя еще не было. Меренъ, жилецъ въ одной квартирѣ съ Лораномъ, говоритъ: «Лоранъ возвратился домой послѣ 9 часовъ, барабанный бой пробили уже давно; мы успѣли сыграть нѣсколько партій въ карты и поужинать». Итакъ несомнѣнно, что отъ 8 до 9 часовъ Лорана не было ни въ кафе, ни дома у себя, однако дождь лилъ ручьями, былъ ужасный вѣтеръ, никто не могъ оставаться на улицѣ! Онъ былъ на улицѣ, потому-что не могъ объяснить, гдѣ онъ находился; онъ, по моему пред-

положенію, въ три минуты дошелъ до авальскаго моста и ждалъ жертву своей мести. И когда раздались крики ужаса и отчаянія, когда убійца наносилъ раны, кто-то посмотрѣлъ на часы: было $8^1/_4$ часовъ! Я могу сказать, милостивые государи, безъ преувеличенія, что никогда во время моей продолжительной уголовной практики, мнѣ не представлялось такого замѣчательнаго примѣра, чтобы преступникъ всѣми силами старался доказать свой alibi, и не могъ достигнуть этого. Отъ 8 до 9 часовъ положительно извѣстно, что Лоранъ могъ находиться или у Деларю, или у Гюре, или у авальскаго моста. Онъ и самъ не указываетъ на иныя мѣста, кромѣ тѣхъ, о которыхъ я вамъ говорилъ. Можно ли сомнѣваться что отъ 8 до 9 часовъ онъ былъ на улицѣ?Въ 9 часовъ онъ входитъ къ Гюре и не останавливаясь идетъ въ свою комнату. Онъ ложится спать безъ ужина; ему, въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ онъ жилъ у Гюре, принесли ужинать въ постель.

«Милостивые государи! обвиненіе, которое было-бы основано исключительно на нравственности Лорана, его ненависти къ матери Авроры, его желаніи избавиться отъ препятствія, мѣшающаго осуществленію его желаній, на невозможности съ его стороны опредѣлить, что онъ дѣлалъ вечеромъ — быть можетъ, заставило-бы васъ сказать: этотъ человѣкъ убійца! Но мы можемъ еще ближе удостовѣриться въ истинѣ: посмотримъ, что дѣлалъ этотъ человѣкъ *послѣ* преступленія. Изучая личность Лорана послѣ преступленія, необходимо сдѣлать одно общее замѣчаніе. Слава Богу, трудно даже самому развращенному и закоренѣлому человѣку перенести преступленіе; боязнь-ли это или раскаяніе, но всегда въ преступникѣ есть лихорадочное безпокойство, которое обнаруживается въ угрызеніяхъ совѣсти. Напрасно преступнику благопріятствовали буря, потемки, своевременное бѣгство до прихода свидѣтелей—ему ежеминутно кажется, что всѣ читаютъ на его лицѣ, видятъ въ его взглядѣ что-то странное; онъ заранѣе отвѣчаетъ на тѣ обвиненія, которыхъ никто еще не произносилъ; онъ будетъ давать объясненія, которыхъ никто не спрашивалъ. Посмотрите на Лорана; онъ былъ въ своей мастерской, онъ пришелъ въ нее въ 9 часовъ. Входя, онъ замѣтилъ, что Авроры уже нѣтъ въ мастерской Деламаръ, и онъ это сообщилъ товарищамъ. Онъ при-

бавилъ, что наканунѣ онъ легъ спать въ 7 часовъ. Это была неправда. Говорили о томъ, что какая-то женщина утопилась; было 11 часовъ; эту женщину нашли въ 10 часовъ далеко отъ Аміеня, на разстояніи болѣе мили. Никто не зналъ, изъ Аміеня ли она, всѣ думали, что она крестьянка.

«Какимъ образомъ дѣйствительно обитательница города могла упасть въ рѣку Сомму у спуска С.Ле? Вѣроятно, это крестьянка, *которая не знала улицъ и мостовъ Аміеня!* Вотъ предположенія. Наконецъ полиція еще не была предувѣдомлена, ей дали знать о происшествіи только въ 12 часовъ; только въ 12 часовъ; возникъ вопросъ о тождественности трупа съ Клабо; но въ 11 часовъ въ мастерской, въ улицѣ Танёръ, Лоранъ, который находился въ мастерской съ 9 часовъ, сказалъ; «разсказываютъ, что утопленница жила въ улицѣ Ледьё, только бы это была не мать Авроры.» Вотъ *слова Лорана, который* показываетъ, что онъ даже не зналъ что мать Авроры, обитательница улицы Ледьё, что она поѣхала въ Дуллень и возвращалась оттуда. Лоранъ отправляется въ кафе Деларю и спрашиваетъ, въ которомъ часу совершено преступленіе? Между 8 и 9, отвѣчаютъ ему. «Въ это время и спалъ», говоритъ онъ. Въ 9 часовъ, въ ту минуту какъ Лоранъ вошелъ въ мастерскую, одинъ Богъ и убійца знали, кто была женщина, находившаяся въ волнахъ Соммы. Рыбаки еще не бросали сѣтей, только Богъ и убійца знали, что эта женщина упала у авальскаго моста.—Заключеніе неизбѣжно.—Есть еще неопровержимое доказательство. На другой день послѣ преступленія, у Лорана отобрали его платье и нашли въ немъ платокъ, покрытый кровью. Экспертъ замѣтилъ, «что кровь на платкѣ не вытекла ни изъ носа, ни изъ раны, платкомъ отирали окровавленную руку».—Этого довольно, милостивые государи! Вы разборчивы въ доказательствахъ, вы должны быть разборчивы потому, что вы произносите приговоръ о свободѣ, чести и жизни человѣка; но я считаю себя въ правѣ сказать, что рѣдко правосудіе доходило до *доказательности преступленія болѣе логической и неоспоримой!* Интересъ въ совершеніи преступленія, нахожденіе на мѣстѣ его совершенія, невозможность доказать alibi, слова́, показывающія нечистую совѣсть, окровавленныя руки—чего же болѣе? Деламаръ сказала Аврорѣ: «ты когда-нибудь будешь причиною смер-

ти своей матери». Эти слова сбылись потому, что правосудіе доказало, что любовникъ дочери былъ убійцею матери! Буду-ли я вамъ говорить о предумышленіи, о засадѣ, которыя сопровождали преступленіе? зачѣмъ входить въ разсужденіе о томъ, что не поддежитъ сомнѣнію. Одно слово, которое могло быть сказано Лорану Авророю: «мать моя отправилась въ Дулленъ, она возвратится въ воскресенье», и этого довольно. Лоранъ сталъ у спуска Сенъ-Лё, чтобы ждать жертву преступленія; онъ былъ въ засадѣ и выбралъ мѣсто одинокое, пустынное, сосѣднее съ рѣкою, ночь темную и бурную. Эти обстоятельства могутъ служить основою тому, кто хочетъ опредѣлить понятіе о предумышленіи. Я кончаю, милостивые государи! вы должны наказать этого человѣка, который 15 разъ былъ подъ судомъ, начавшаго кражею, чтобы кончить убійствомъ. Этотъ человѣкъ, который убиваетъ мать, отказавшуюся выдать за него свою дочь за-мужъ, это преступленіе, совершенное въ многолюдномъ городѣ со смѣлостію и жестокостью, заслуживаютъ возмездія, соотвѣтствующаго тому ужасу, который распространило убійство въ обществѣ. Эти соображенія вполнѣ вѣрны, и достаточно представить ихъ на обсужденіе вашей совѣсти».

Затѣмъ адвокатъ подсудимаго произнесъ свою защитительную рѣчь.

Подсудимый все время не переставалъ плакать. Послѣ того президентъ резюмировалъ дебаты. Присяжные об'ьявили Лорана виновнымъ въ убійствѣ *не* предумышленномъ, съ допущеніемъ смягчающихъ обстоятельствъ. —

Мы вполнѣ сочувствуемъ этому приговору; дѣйствительно, если совокупность уликъ исключаетъ всякую возможность сомнѣваться въ томъ, что Лоранъ былъ виновникомъ преступленія, то съ другой стороны предумышленность его въ совершеніи преступленія ничѣмъ не доказана. Если-бы онъ нѣсколькими минутами позже вышелъ изъ кафе, то не встрѣтилъ бы Маріи Клабо у авальскаго моста.

Кромѣ того процессъ этотъ доказываетъ самымъ наглядным образомъ, сколь мало пригодна въ уголовному судопроизводству система *формальныхъ* доказательствъ. Въ этомъ дѣлѣ не представляется ни одного доказательства, отдѣльно взятаго, которое-бы несомнѣнно приводило къ заключенію, что именно

Лоранъ совершилъ преступленіе, и исключало возможность сомнѣваться въ его винѣ; но виновность его несомнѣнна, если сообразить всѣ *улики*, которыя доказываютъ содѣянное имъ преступленіе. Вотъ въ высшей степени мѣткое охарактеризованіе *улики* и ихъ значенія въ системѣ уголовныхъ доказательствъ, сдѣланное профессоромъ Спасовичемъ въ лекціяхъ его «о доказательствахъ» *): «улики (Anzeigen, présomptions, circumstantial evidence, или обстоятельное доказательство, какъ говорятъ англичане) иногда называются доказательствомъ искусственнымъ; но совершенно напрасно. Онѣ съ одной стороны столь-же естественны, съ другой столь-же искусственны, какъ чувственная очевидность или какъ преданіе. Улики доказательственны, потому-что познанія, пріобрѣтаемыя путемъ мышленія, столь-же тверды и вѣрны, а иногда и вѣрнѣе, нежели познанія, доставляемыя чувствами, и чѣмъ развитѣе и образованнѣе человѣкъ, тѣмъ больше онъ полагается на этотъ источникъ познанія. Доказательство посредствомъ уликъ — это самъ разумъ, который, возмужавъ и окрѣпнувъ, предъявляетъ права свои.... Улики входятъ въ составъ системы доказательствъ розыскного процесса, но стоятъ тамъ на заднемъ планѣ. Ихъ назначеніемъ было, при имѣющемся несомнѣнномъ преступленіи, направить подозрѣніе на вѣроятнаго виновника этого преступленія, остальное затѣмъ доканчивала пытка. Когда пытка была отмѣнена, законодательства должны были усилить значеніе уликъ, чтобы пополнить образовавшійся отъ уничтоженія пытки пробѣлъ въ системѣ, но они очевидно боялись доказательства посредствомъ уликъ, старались его ограничивать, держать его на привязи, на цѣпяхъ... «Отказавшись отъ перечня уликъ, который бы могъ упростить дѣятельность судьи до простой механической работы, законодательства начали стараться другими путями нормировать улики, требовать извѣстнаго ихъ числа (2, 3, 4 уликъ) для составленія полнаго доказательства. Напрасный трудъ, нѣтъ возможности опредѣлить a priori убѣдительную силу какого-бы то ни было доказательства. Убѣжденіе никогда въ насъ не составляется по ариѳметическому разсчету; оно возникаетъ не посредствомъ сложенія

*) Ж. М. Ю. Декабрь, 1860 г.

уликъ и образованія изъ нихъ извѣстной суммы, но по впечатлѣнію, производимому совокупностію всѣхъ обстоятельствъ дѣла, въ связи между собою взятыхъ. Пока отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ обстоятельствъ дѣла не образовалось въ душѣ внутреннее, нравственное убѣжденіе въ винѣ подсудимаго, будь уликъ 10, 12, онѣ будутъ казаться изолированными; но лишь только въ душѣ составилось убѣжденіе, какъ эти изолированныя улики вяжутся сами собою въ одну неразрывную цѣпь, проникаются взаимно, сплетаются гармонически въ такую сѣть, которая обхватываетъ со всѣхъ сторонъ преступника. Такимъ образомъ, съ какой стороны ни брать регламентацію уликъ, въ качественномъ или количественномъ отношеніи, она является дѣломъ невозможнымъ и ни къ чему не ведущимъ. Надобно дѣйствовать рѣшительно и смѣло: надобно дать совершенную свободу уликамъ, надобно разковать этотъ родъ доказательствъ. *Доказательство посредствомъ уликъ вноситъ въ систему доказательствъ свода законовъ элементъ, котораго ему не доставало— элементъ личнаго убѣжденія.* Но эта новая вставка не умѣщается въ старинной системѣ законныхъ доказательствъ, имѣетъ коррозивное свойство. Она должна подѣйствовать на инквизиціонную систему законныхъ доказательствъ, какъ сильно разъѣдающее вещество, въ которомъ должна въ извѣстное время распуститься вся инквизиціонная теорія доказательствъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь существуетъ. Однимъ словомъ, *доказательство посредствомъ уликъ удовлетворяетъ и требованіямъ настоящаго и требованіямъ будущаго.* Оно единственный возможный выходъ безъ крутаго насильственнаго перерыва изъ теоріи доказательствъ инквизиціоннаго процесса, которая не выдерживаетъ критики, къ теоріи доказательствъ отрицательной будущихъ временъ, которой образованіе совершится въ скоромъ времени».

Наконецъ, обращаясь къ тѣмъ побудительнымъ причинамъ, которыя заставили Лорана совершить описанное нами преступленіе, нельзя не придти къ заключенію, что это было мщеніе, а можетъ быть разсчетъ, заключавшійся въ томъ, что за смертью Маріи Клабо, препятствія къ браку его съ ея дочерью тѣмъ самымъ устранятся. При отысканіи преступника правосудіе въ этомъ дѣлѣ руководствовалось правиломъ: «is fe-

cit cui prodest,» (тотъ сдѣлалъ преступленіе, кому оно полезно) и соображеніе это оказалось вполнѣ вѣрнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Лораномъ руководило чувство мщенія и разсчетъ, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ страсти, соединенной съ минутнымъ порывомъ души. Кто руководствуется страстію, тотъ ясно представляетъ себѣ цѣль, къ которой стремится. Это-то свойство и отличаетъ страсть отъ порыва, въ которомъ дѣйствуетъ непроизвольность и неразсудительность. Одна изъ самыхъ сильныхъ страстей есть чувство мщенія—заключающееся въ намѣреніи причинить вредъ обидившему. Мщеніе можетъ таиться въ душѣ недѣли, мѣсяцы, годы, нисколько не ослабѣвая, и вдругъ проявиться съ ужасною силою. Иногда впрочемъ мщеніе можетъ соединиться съ порывомъ и произвести преступленіе, какъ и было въ данномъ случаѣ.

B) РАЗЛИЧНЫЕ СЛУЧАИ УБІЙСТВА,

IX. Дѣло о убійствѣ Регинальда Канселора.

Регинальдъ Канселеръ, мальчикъ 15 лѣтъ, сынъ бывшаго судьи одного изъ лондонскихъ верховныхъ судовъ, поступилъ въ школу Гоплея (въ Истбурнѣ), человѣка, пользовавшагося хорошею репутаціею. Отчасти по недостатку способностей, отчасти вслѣдствіе упрямства, онъ оказывалъ очень мало успѣховъ въ наукахъ. Около полвины апрѣля 1860 г. Гоплей писалъ его отцу, что онъ истощилъ всѣ средства, чтобы заставить Регинальда учиться, но какъ эти средства, оказались безуспѣшными, то, по его мнѣнію, оставалось одно: обратиться къ тѣлесному наказанію; на принятіе этой мѣры онъ испрашивалъ согласія отца. Канселоръ разрѣшилъ Гоплею дѣйствовать относительно его сына, какъ онъ признаетъ лучше.—22 апрѣля Регинальдъ Канселоръ, послѣ жестокаго наказанія со стороны его учителя посредствомъ ударовъ веревкой и палкою, наносимыхъ около-двухъ часовъ сряду, былъ найденъ въ своей комнатѣ мертвымъ. Гоплей не былъ обвиненъ въ умышленномъ убійствѣ, единственно потому, что смерть Регинальда Канселора послѣдовала только отъ превышенія имъ въ качествѣ учителя власти, предоставленной законами отцу, а симъ послѣднимъ переданной

обвиненному. За прочтеніемъ обвинительнаго акта слѣдовалъ допросъ свидѣтелей.

Дэк. Х. Канселорз, братъ умершаго мальчика, показалъ слѣдующее: «я, священникъ Сендскаго прихода въ Сэрреѣ. Умершій былъ мой братъ. Отецъ мой умеръ 22 прошедшаго іюня. Я знаю подсудимаго. Онъ содержалъ частную школу и мой братъ былъ одинъ изъ его учениковъ. Въ августѣ прошедшаго года ему минуло пятнадцать лѣтъ. Въ октябрѣ онъ поступилъ въ школу. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ живымъ въ апрѣлѣ настоящаго года. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ слуховъ я отправился въ Истбурнъ 24 апрѣля. Я слышалъ, что мой братъ умеръ и что по этому случаю было произведено слѣдствіе. Я хотѣлъ предать тѣло умершаго погребенію. Подсудимый пришелъ ко мнѣ въ отель Берлингтонъ. Тѣло моего брата не было погребено вслѣдствіе нѣкоторыхъ дошедшихъ до меня слуховъ, и я сказалъ г. Гоплею, что можетъ быть нужно будетъ произвести осмотръ трупа и что я жду для этого инспектора полиціи. Я спросилъ его, какимъ образомъ сообщилъ онъ моему отцу, что онъ оставилъ Регинальда въ половинѣ одиннадцатаго часа вечеромъ наканунѣ его смерти, между тѣмъ какъ, по слухамъ, это случилось гораздо позже, а также почему онъ раньше не послалъ за медикомъ? На это подсудимый отвѣчалъ: «что онъ не думаетъ, чтобы было позже 11 часовъ, когда онъ оставилъ Регинальда, а за медикомъ не послалъ прежде потому, что найдя мальчика въ 6 часовъ слѣдующаго утра мертвымъ, онъ былъ очень взволнованъ; прежде всего онъ хотѣлъ запереть комнату, въ которой лежало тѣло умершаго, чтобы никто не могъ войти въ нее, пока онъ отправится за докторомъ; но такъ-какъ онъ не нашелъ въ двери ключа, то счелъ нужнымъ сообщить объ этомъ печальномъ извѣстіи своей женѣ и одной изъ служанокъ; онѣ были такъ сильно опечалены, что прошло нѣсколько времени, пока онъ могъ ихъ оставить. Прійдя къ своему доктору Робертсу, онъ не засталъ его дома, а потому просилъ передать ему, чтобы онъ пришелъ, какъ скоро вернется домой. Отъ Робертса онъ отправился на телеграфическую станцію и далъ знать Канселору о смерти его сына. Возвратившись домой, онъ нашелъ тамъ Робертса и повелъ его въ комнату, гдѣ лежало тѣло умершаго».—Тогда я спросилъ подсудимаго, отчего онъ сооб-

щилъ моему отцу, что мальчикъ во время наказанія былъ внизу, между тѣмъ какъ слышны были крики изъ его спальни? Подсудимый, находившійся наверху, возразилъ, что жалѣя отца мальчика, онъ не входилъ въ излишнія и печальныя подробности при сообщеніи извѣстія, что послѣ того какъ Регинальдъ былъ наказанъ, онъ велѣлъ ему идти спать; такъ-какъ этотъ послѣдній не хотѣлъ исполнить приказанія, то онъ долженъ былъ почти снести его наверхъ; когда мальчикъ, будучи приведенъ въ свою комнату, не хотѣлъ раздѣваться, то подсудимый сказалъ ему, что долженъ будетъ, въ случаѣ неповиновенія, опять наказать его, что онъ и исполнилъ, и потомъ заплакалъ, тогда мальчикъ обнялъ его и попросилъ позволенія отвѣтить свой урокъ. Помолившись вмѣстѣ съ мальчикомъ, онъ его оставилъ. Я спросилъ подсудимаго, не наказывалъ ли онъ моего брата до крови, на что тотъ отвѣчалъ отрицательно, прибавивъ, чтобы *я не думалъ, что мальчикъ былъ раздѣтъ потому, что наказаніе происходило въ его спальнѣ.* Потомъ на вопросъ, не было ли крови на постели, онъ отвѣчалъ, что могло быть нѣсколько пятенъ на простынѣ. Послѣ этого я съ подсудимымъ отправился въ комнату, въ которой лежало тѣло умершаго въ свинцовомъ гробѣ. Я замѣтилъ на щекѣ умершаго какой то знакъ и спросилъ подсудимаго, не былъ ли это ушибъ? Онъ отвѣчалъ, что это, по его мнѣнію, только перемѣна цвѣта въ лицѣ, которая часто дѣлается послѣ смерти. Онъ сложилъ руки и сказалъ: «Богъ свидѣтель, я исполнялъ мой долгъ въ отношеніи къ этому бѣдному мальчику». Послѣ этого я и подсудимый вышли изъ комнаты и я спросилъ его, не было ли слышно какого либо шума въ комнатѣ моего брата, послѣ того, какъ подсудимый оставилъ его въ $10^1/_2$ час? На это послѣдній отвѣчалъ, что онъ тщательно распрашивалъ служанокъ, но не слышалъ, чтобы кто нибудь входилъ въ эту комнату. Я нашелъ объясненія подсудимаго удовлетворительными и согласился взять тѣло умершаго и оно было отправлено въ мѣсто пребываніе моего отца, въ Барнсъ, въ Сэррей. Вслѣдствіе чего-то случившагося послѣ этого, въ слѣдующую субботу былъ произведенъ осмотръ трупа, а 11 мая вторично, по настоянію подсудимаго, который написалъ мнѣ о томъ, какъ происходило изслѣдованіе коронера 27 апрѣля.

При *перекрестномъ* допросѣ *Канселора* далъ слѣдующее по-

казаніе: «изъ словъ Гоплея я заключилъ, что онъ отвергаетъ, чтобы какой-либо шумъ былъ слышанъ въ комнатѣ моего брата и чтобы кто-нибудь изъ служанокъ входилъ въ эту комнату послѣ того, какъ онъ ее оставилъ. Мой братъ былъ въ другой частной школѣ и былъ у одного частнаго учителя прежде того, какъ поступилъ къ Гоплею, школа котораго была мнѣ рекомендована капитаномъ Микесмъ, главнымъ констаблемъ въ Сюссексѣ. За воспитаніе моего брата платили Гоплею 180 ф. ст. ежегодно. Братъ мой былъ болѣе избалованный, нежели упрямый мальчикъ; при необыкновенномъ складѣ ума, онъ былъ мало развитъ; онъ неохотно дѣлалъ, что ему приказывали. Во время праздниковъ рождества въ моемъ семействѣ былъ разговоръ на счетъ упрямства моего брата. Онъ былъ малъ ростомъ для своихъ лѣтъ и очень толстъ и когда онъ пріѣхалъ домой на праздники, въ семействѣ нашли, что онъ сталъ здоровѣе съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ къ Гоплею. При новомъ допросѣ Канселоръ показалъ, что отецъ его замѣчалъ Гоплею, по прибытіи Регинальда домой, что противъ него было, повидимому, употреблено много мѣръ насилія.

Послѣ этого были прочитаны акты слѣдствія, изъ которыхъ видно, что подсудимый утверждалъ, что онъ оставилъ умершаго въ $10^1/_2$ час. вечера 22 апрѣля и нашелъ его мертвымъ въ $6^1/_2$ час. утра слѣдующаго дня, не упоминая о томъ, что онъ его наказывалъ вечеромъ передъ его смертью. Послѣ этого Канселоръ былъ допрошенъ г. Баллантайномъ, защитникомъ подсудимаго, причемъ показалъ слѣдующее: «подсудимый говорилъ мнѣ, что умершій былъ наказанъ въ день, предшествовавшій его смерти и что онъ далъ передъ коронеромъ показаніе, которое было умышленно выпущено изъ газетъ и просилъ меня пойти вмѣстѣ съ нимъ къ одному изъ присяжныхъ, чтобы узнать, что именно было при слѣдствіи. Въ то время, когда я получилъ описаніе слѣдствія, я уже зналъ, что мой братъ былъ наказанъ, но подумалъ, что при наказаніи была употреблена только веревка.— При *новомъ* допросѣ свидѣтель показалъ, что онъ не зналъ объ употребленіи палки при наказаніи его брата, что о томъ, зналъ ли этотъ послѣдній первыя четыре правила ариѳметики, не знаетъ, и что братъ его былъ необыкновенно добрый мальчикъ и очень привязанъ къ отцу; а на вопросы судьи свидѣтель отвѣ-

чалъ, что братъ его былъ мальчикъ, котораго было трудно чему нибудь учить, что онъ былъ очень непонятливъ и, кажется, имѣлъ отвращеніе къ ученью.

Елена Фаулеръ показала слѣдующее: «я была въ услуженіи у подсудимаго въ качествѣ няньки въ прошедшемъ апрѣлѣ. Я знала умершаго. Вечеромъ въ субботу, 21 апрѣля, между 5-го и 6-го час. я видѣла его въ столовой, которая находилась въ первомъ этажѣ. Я снова видѣла его между 6-го и 7-го час. Тогда онъ пилъ чай. Послѣ этого я уже не видала его живымъ. Я спала въ комнатѣ, находящейся подлѣ комнаты г. Канселора. Около 10 часовъ вечера я слышала, какъ г. Гоплей билъ кого-то въ классной комнатѣ, которая была въ первомъ этажѣ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока я ушла спать, т. е. около четверти часа. Когда я опять проспулась въ три четверти двѣнадцатаго, я слышала, какъ г. Канселоръ и г. Гоплей шли наверхъ, куда подсудимый, казалось, толкалъ его. Когда они вошли въ спальню умершаго, г. Гоплей затворилъ дверь, пошелъ внизъ, но сейчасъ же возвратясь наверхъ, снова началъ бить мальчика. Я слышала, какъ онъ сказалъ: «теперь сдѣлай это, какъ милый, хорошій мальчикъ». Онъ не говорилъ этого, пока билъ его. Я слышала, что подсудимый сказалъ: «и четыре», (какъ будто онъ спрашивалъ у него урокъ). Это продолжалось до четверти перваго; но подсудимый не переставалъ бить мальчика все это время. Онъ останавливался на короткое время и потомъ опять продолжалъ бить его. Я встала и посмотрѣла на часы, которые были въ моей комнатѣ. Мальчикъ не переставалъ кричать, пока его били; но вдругъ въ комнатѣ сдѣлалась совершенная тишина, и десять минутъ спустя я слышала плескъ воды, потомъ какъ кто-то шелъ наверхъ, какъ былъ отпертъ кранъ, какъ кто-то нѣсколько разъ ходилъ вверхъ и внизъ. Послѣ того, какъ все стихло, моя госпожа вошла въ мою комнату, завела часы и остановила ихъ. Я не слышала, чтобы воду лили на полъ въ комнатѣ умершаго, но я слышала, какъ воду, повидимому, переливали изъ одной посудины въ другую. Это продолжалось до часа ночи, когда я пошла спать. Послѣ того, какъ моя госпожа оставила мою комнату, ключъ былъ взятъ изъ двери, но я не могу сказать, была ли она заперта на замокъ или нѣтъ. Я встала около 6½ час. утра, но въ это время я не замѣтила ни-

чего особеннаго. Прежде чѣмъ я встала, я слышала, какъ подсудимый пошелъ въ комнату умершаго. Г-жа Гоплей пошла туда около трехъ четвертей седьмаго и держала подъ рукою что-то бѣлое. Затѣмъ я увидѣла одну изъ служанокъ, по имени Алису Диконъ, съ подсвѣчникомъ въ рукѣ, причемъ я замѣтила, что на немъ были кровяныя пятна. Послѣ того подсудимый сказалъ намъ, что онъ нашелъ Канселора въ постели мертвымъ и что онъ никогда не забудетъ этого до конца своей жизни. Въ слѣдующій вторникъ утромъ г. Гоплей пришелъ въ дѣтскую и спросилъ меня, знаю ли я, въ какое время онъ вышелъ изъ спальни г. Канселора; я сказала, что между двѣнадцатью часами и часомъ, а онъ сказалъ, что онъ не думалъ, что такъ поздно; я отвѣчала, что это было именно въ это время, потому что г-жа Гоплей остановила часы черезъ четверть часа послѣ двѣнадцати, а я слышала, что онъ былъ въ комнатѣ нѣсколько времени послѣ того. Въ тотъ же день я видѣла подштанники умершаго у прачки и замѣтила на нихъ кровь; я также видѣла нѣкоторые платки г-жи Гоплей; на всѣхъ ихъ были кровяныя пятна. Я была въ комнатѣ умершаго въ субботу послѣ его смерти и замѣтила кровь на полу, на каминѣ и на ваннѣ. Мнѣ казалось, что тамъ было много крови и что она была стерта. На курткѣ умершаго также было кровяное пятно. Я также видѣла слѣды крови въ классѣ, которая, повидимому была вымыта. Тамъ было нѣсколько кровяныхъ пятенъ, и одно величиной съ ладонь. Въ комнатѣ былъ коверъ, подъ которымъ на полу также была кровь».

При *перекрестномъ* допросѣ *Елена Фаулеръ* показала слѣдующее: «г-жа Гоплей обыкновенно заводила часы въ моей комнатѣ каждую субботу вечеромъ. Только въ слѣдующее утро я увидѣла, что часы были остановлены. Она пришла къ своимъ дѣтямъ, поцѣловала ихъ по обыкновенію, потомъ вышла изъ комнаты, пожелавъ мнѣ покойной ночи. Г-жа Гоплей молодая женщина, двадцати трехъ или четырехъ лѣтъ; она гораздо моложе подсудимаго. Она пришла въ мою комнату уже послѣ того, какъ въ комнатѣ умершаго было совершенно тихо. Я слышала, что было вылито очень мало воды изъ крана, не такъ много, чтобы наполнить кувшинъ. Я ничего не сказала моей госпожѣ о происходившемъ наказаніи. Я замѣтила, что умершій былъ упря-

мый мальчикъ, и г. Гоплей былъ, повидимому, очень терпѣливъ съ нимъ». При новомъ допросѣ Елена Фаулеръ прибавила: »я написала г-жѣ Локонъ о томъ, что я видѣла. Мнѣ говорили, что умершій обыкновенно не хотѣлъ дѣлать того, что ему приказывали; но я никогда не видѣла въ немъ упрямства въ этомъ отношеніи».

Показанія *Алисы Дикоиз* заключались въ *слѣдующемъ*: «я была горничной у подсудимаго въ то время, когда умершій у него воспитывался. Около $9^1/_2$ час. подсудимый приказалъ мнѣ позвать г. Канселора въ столовую. Онъ былъ въ рекреаціонной залѣ; я сказала ему, чтобы онъ пошелъ къ г. Гоплею въ столовую и послѣ того не видѣла его живымъ. Я пошла въ кухню и пока тамъ оставалась, я слышала, что г. Гоплей позвалъ г. Канселора, что они вмѣстѣ отправились въ классъ и что г. Гоплей билъ его, но чѣмъ именно, я не могу сказать. Я слышала нѣсколько ударовъ, потомъ слѣдовалъ промежутокъ, потомъ удары снова были повторяемы; это продолжалось отъ трехъ четвертей десятаго до трехъ четвертей или сорока минутъ двѣнадцатаго.

«Умершій обыкновенно ложился спать между девятью и десятью часами, и я тогда уносила его свѣчу. Въ этотъ вечеръ я ждала до 11-и часовъ. Я слышала, что онъ вскрикивалъ, когда его били; иногда, казалось, въ комнатѣ бѣгали и кто-то падалъ. Я слышала это, когда я была въ моей спальнѣ. Около трехъ четвертей двѣнадцатаго я слышала, какъ подсудимый и г. Канселоръ шли наверхъ въ комнату послѣдняго, который, повидимому, не могъ идти. Въ эту ночь я болѣе ничего не слышала; около $6^1/_2$ часовъ утра подсудимый пришелъ ко мнѣ и сказалъ, чтобы я не ходила въ комнату г. Канселора, но ничего не говорилъ о его смерти. Въ это же утро я пошла въ классъ и увидѣла кровяныя пятна на коврѣ; кровь была, повидимому, засыпана бѣлымъ порошкомъ и вытерта. Вскорѣ послѣ этого я пошла въ кабинетъ г. Гоплея и увидѣла тамъ подштанники, панталоны и носки г. Канселора. Одинъ изъ послѣднихъ былъ, повидимому, вымытъ, на другомъ были слѣды крови. Въ комнатѣ г-жи Гоплей я видѣла нѣсколько полотенецъ, которыми стирали пыль; они были, повидимому, вымыты, но на нихъ были еще слѣды крови. Эти полотенца были разложены на полу для сушки. Кровяныя пятна были также на одной изъ простынь на кровати г.

Гоплея. Въ теченіи этого дня подсудимый призывалъ меня къ себѣ и сказалъ мнѣ, что нашелъ г. Канселора мертвымъ въ постели, что онъ и жена его уложили умершаго, какъ могли, и послали за докторомъ г. Робертсомъ и что онъ, подсудимый, намѣренъ послать телеграфическую депешу къ отцу умершаго. Г. Робертсъ видѣлъ умершаго вскорѣ послѣ этого, и я также вошла въ комнату и вытерла его грудь и руки. Черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти, я нашла эту палку и эту веревку въ кабинетѣ г. Гоплея. На нихъ были слѣды крови. (Веревка была обыкновенная, употребляемая при гимнастическихъ упражненіяхъ, а палка средней величины, такая, какая обыкновенно употребляется при ходьбѣ). Я также нашла носовой платокъ подсудимаго, покрытый кровью. Онъ находился въ одномъ изъ его ящиковъ; я положила его обратно, и когда я снова искала его, его уже не было на мѣстѣ. На подсвѣчникѣ умершаго и внутри одного изъ его башмаковъ также были слѣды крови. Я помню, что въ то утро, когда производилось слѣдствіе, подсудимый *сказалъ мнѣ, что меня, вѣроятно будутъ допрашивать и чтобы* я показала, что я и г-жа Гоплей укладывали тѣло, а также, что я должна говорить правду и говорить все, что знаю. Отъ меня показаній не отбирали. Я написала моему отцу объ этомъ случаѣ; подсудимый сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ, что я это сдѣлала и что если я поступила при этомъ неосторожно, то онъ отправитъ меня въ тюрьму за поврежденіе его репутаціи».

При *перекрестномъ* допросѣ *Дикона* показала слѣдующее: «подсудимый говорилъ мнѣ и другимъ служанкамъ объ этомъ случаѣ нѣсколько разъ потому, что, какъ онъ объяснялъ намъ, ему казалось, что мы не довѣряли ему и женѣ».—*Фани Голландъ*, кухарка въ заведеніи подсудимаго, дала показаніе, по содержанію одинаковое съ показаніемъ Фаулеръ.—*Дженъ Джонсъ*, прачка въ заведеніи Гоплея, показала, что въ понедѣльникъ 23 апрѣля, она *получила нѣсколько вещей изъ бѣлья умершаго, подсудимаго* и его жены и что на нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей были кровяныя пятна.—Затѣмъ слѣдовалъ допросъ трехъ береговыхъ сторожей, которые показали, что они видѣли свѣтъ въ домѣ подсудимаго въ часъ и нѣсколько разъ въ теченіи ночи съ 21-го на 22-е апрѣля.

Тобутъ, сержантъ суссекскихъ констаблей, представилъ панталоны и другія вещи умершаго, указанныя горничною Диконъ.

Г. Эмери, ведущій списки о рождающихся и умирающихъ въ истбурнскомъ округѣ, показалъ: что подсудимый приходилъ къ нему 22 апрѣля передъ церковной службой и просилъ записать о смерти Канселора; но свидѣтель отвѣчалъ ему, что онъ ничего не можетъ сдѣлать прежде, нежели будетъ произведено слѣдствіе. Подсудимый сказалъ, что онъ очень желалъ-бы, для семейства умершаго, избѣжать слѣдствія.

Г. Брансбей Робертсъ далъ слѣдующее показаніе: «я медикъ въ Истбурнѣ. 22 апрѣля г. Гоплей присылалъ за мной, и я видѣлъ умершаго лежащимъ на постели. Я не могъ по собственнымъ соображеніямъ опредѣлить причину его смерти. Въ слѣдующій день подсудимый приходилъ ко мнѣ и просилъ меня, чтобы я далъ ему свидѣтельство о причинѣ смерти; я ему отвѣчалъ, что я не могу этого сдѣлать».—При перекрестномъ допросѣ Робертсъ показалъ слѣдующее: «отецъ умершаго спросилъ у меня, думаю ли я, чтобы незначительное наказаніе могло имѣть какое нибудь вліяніе на смерть мальчика; я отвѣчалъ, что, судя по тому, что я слышалъ, я этого не думаю. Изъ того, что мнѣ разсказалъ подсудимый, я заключилъ, что смерть произошла отъ болѣзни сердца. Въ тотъ день, когда Канселоръ умеръ, я предлагалъ подсудимому произвести нѣкоторое дальнѣйшее изслѣдованіе вмѣстѣ съ нѣсколькими медиками со стороны семейства умершаго. Онъ, казалось, былъ противъ этого изслѣдованія по случаю нездоровья его жены. Я думалъ, что подсудимый подвергъ умершаго какому-нибудь незначительному наказанію съ согласія его отца. Я не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія, что мальчика били въ продолженіи двухъ часовъ палкою и веревкой».

Г. Ч. Локонъ показалъ, что вслѣдствіе сообщенія, сдѣланнаго ему однимъ изъ его родственниковъ, онъ письменно извѣстилъ отца умершаго о носившихся слухахъ относительно обращенія, которому этотъ послѣдній подвергся. Послѣ этого подсудимый пришелъ къ нему я спросилъ его, знаетъ ли онъ о печальномъ происшествіи, случившемся въ его домѣ въ Истбурнѣ? Свидѣтель отвѣчалъ ему, что онъ что-то слышалъ объ этомъ. Тогда подсудимый сказалъ, что присяжные коронеры постановили при-

говоръ о томъ, что Канселоръ умеръ естественною смертью, но что въ публикѣ объ этомъ было много болтовни и ложныхъ толковъ, которые могли бы стихнуть, если-бы свидѣтель далъ свидѣтельство, что мальчикъ умеръ, вѣроятно, отъ болѣзни сердца. Свидѣтель сказалъ, что онъ не можетъ дать такого удостовѣренія, потому-что не имѣетъ никакого основанія думать, что у больнаго была болѣзнь сердца и спросилъ подсудимаго, почему онъ думаетъ, что у него была такая болѣзнь? Подсудимый отвѣчалъ, что у мальчика было очень слабое обращеніе крови; что онъ много страдалъ отъ озноба, былъ очень слабонервенъ и робокъ, и тогда онъ спросилъ у подсудимаго, правда ли, что мальчикъ въ субботу вечеромъ пошелъ спать въ обыкновенномъ состояніи здоровья, а въ слѣдующее утро былъ найденъ мертвымъ? Подсудимый отвѣчалъ, что онъ не хотѣлъ опечаливать отца умершаго разсказомъ о всѣхъ обстоятельствахъ, но что онъ разскажетъ о нихъ ему, свидѣтелю. Тогда онъ разсказалъ что умершій былъ очень необыкновенный мальчикъ и очень упрямый; что онъ не могъ его заставить дѣлать, что онъ отъ него требовалъ, и отецъ умершаго согласился, чтобы мальчикъ подвергся тѣлесному наказанію; что онъ говорилъ отцу, что если ему разрѣшено прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію, то ему должно быть дозволено употреблять это наказаніе до тѣхъ поръ, пока онъ не доведетъ мальчика до покорности и что если, начавши исправленіе такимъ образомъ, не продолжать его, то это принесетъ болѣе вреда, нежели пользы. Въ субботу, по словамъ подсудимаго, мальчикъ былъ также упрямъ и въ продолженіи цѣлаго дня не хотѣлъ сдѣлать самаго простаго сложенія, которое, какъ подсудимый былъ убѣжденъ, онъ могъ сдѣлать. Онъ нѣсколько разъ говорилъ съ нимъ ласково и серьезно и, находя, что онъ еще упорствовалъ, не позволилъ ему участвовать въ общей молитвѣ вечеромъ, сказавъ, чтобы онъ оставался въ классной комнатѣ; послѣ того, какъ другіе ученики пошли спать, онъ пришелъ къ нему и, помолившись вмѣстѣ съ нимъ, убѣждалъ его покориться и сказалъ ему, что будетъ въ противномъ случаѣ. Мальчикъ продолжалъ упорствовать. Тогда подсудимый началъ искать что-нибудь, чтобы наказать его; но онъ такъ рѣдко наказывалъ своихъ учениковъ, что у него въ домѣ не было даже трости. Онъ нашелъ веревку и началъ бить ею маль-

чика. Когда ему казалось, что было довольно, онъ пересталъ, умолялъ его покориться и вышелъ изъ комнаты. Найдя по возвращеніи, что мальчикъ продолжалъ упорствовать, онъ опять билъ его. Это повторялось четыре или пять разъ. Наконецъ, мальчикъ бросился на полъ, отказавшись итди, по его приказанію, на верхъ въ свою спальню. Подсудимый рѣшился настоять на своемъ и притащилъ мальчика наверхъ въ спальню; видя, что послѣдній все еще упрямился, онъ пошелъ внизъ, досталъ ревку, снова билъ его до тѣхъ поръ, пока онъ покорился; тогда мальчикъ сдѣлался кротокъ, въ первый разъ заплакалъ и попросилъ у подсудимаго позволенія обнять его и сдѣлать сложеніе. Послѣ этого подсудимый оставилъ его и пожелалъ ему покойной почи, сказавъ ему въ тоже время, какъ онъ былъ радъ видѣть его хорошимъ мальчикомъ. На вопросъ свидѣтеля о томъ, не плакалъ ли мальчикъ до упомянутой минуты, подсудимый отвѣчалъ, что онъ вовсе не плакалъ, но кричалъ, пока онъ билъ его, такъ громко, что крикъ его долженъ былъ быть слышенъ въ половинѣ Истбурна. Свидѣтель спросилъ у подсудимаго, не впадалъ ли мальчикъ въ обморокъ, на что получилъ отрицательный отвѣтъ; тогда онъ спросилъ его, что значитъ слышанный въ комнатѣ плескъ воды? Подсудимый покраснѣлъ и казался смущеннымъ, отвѣчая, что, сколько онъ помнитъ, въ это время упала кружка съ водой. Свидѣтель спросилъ, не видно ли было при этомъ крови; подсудимый отвѣчалъ, что было нѣсколько пятенъ на полотенцѣ, что могло произойти отъ того, что мальчикъ оцарапался. При этомъ свидѣтель пристально посмотрѣлъ на подсудимаго и сказалъ, что по слухамъ были видны кровяныя пятна въ нижней комнатѣ, въ спальнѣ и на его платьѣ, которыя отчасти были замыты. Подсудимый поблѣднѣлъ, не сдѣлавъ никакого возраженія; подождавъ около минуты, онъ взялъ свою фуражку и вышелъ изъ комнаты.—При перекрестномъ допросѣ свидѣтель показалъ, что узналъ о настоящемъ происшествіи отъ одной изъ своихъ родственницъ, которой сообщила о немъ одна изъ служанокъ подсудимаго. Послѣ этого было прочтено показаніе, данное подсудимымъ при слѣдствіи. Оно было отчасти такого же содержанія, какъ разсказъ его Чарльсу Локону. Здѣсь онъ показалъ, что умершій былъ странный мальчикъ, что онъ не только былъ очень упрямъ, но даже

рѣшился ничему не учиться. Хотя ему было болѣе пятнадцати лѣтъ, онъ не зналъ, или по крайней мѣрѣ притворялся, что не зналъ разницы между шиллингомъ и шестипенсовою монетою. Подсудимый переписался съ его отцомъ и считалъ, что получилъ его согласіе на то, что дѣлалъ. Чувствуя совершенную необходимость покорить склонность мальчика, онъ съ большимъ сожалѣніемъ рѣшился прибѣгнуть для этого къ строгому наказанію.—21-го апрѣля умершій былъ въ припадкѣ такого упрямства; подсудимый утверждалъ, что онъ билъ его до тѣхъ поръ, когда мальчикъ не покорился и что послѣ этого онъ отвѣтилъ свой урокъ скоро и правильно. Потомъ, по словамъ подсудимаго, этотъ припадокъ возобновился; мальчикъ отказался идти наверхъ и раздѣться; подсудимый, чувствуя, что оставивъ начатое дѣло, онъ можетъ навсегда погубить мальчика, опять наказалъ его и достигъ того, что онъ покорился, благодарилъ его и пошелъ спать. Подсудимый сознался въ томъ, что для наказанія онъ употребилъ палку и веревку, но говорилъ, что онъ билъ мальчика только по ногамъ и плечамъ и что у него не было ничего другаго, что онъ могъ бы употребить для наказанія, такъ-какъ онъ до того былъ противъ тѣлесныхъ наказаній, что у него въ домѣ не было трости. Подсудимый заключилъ свое показаніе объясненіемъ, что онъ вовсе не былъ выведенъ изъ себя или разсержень, когда подвергалъ умершаго наказанію, но что онъ чувствовалъ, что исполняетъ свою обязанность, неоднократно прося мальчика уступить и избавить его отъ тяжелой непріятности продолжать наказаніе.

Г. *Прескотъ Гюетъ*, одинъ изъ медиковъ, состоящихъ при госпиталѣ Св. Георга, показалъ, что онъ производилъ осмотръ трупа умершаго 28-го апрѣля вмѣстѣ съ докторами Уиллисомъ и Гольмсомъ. Когда онъ въ первый разъ увидѣлъ трупъ, послѣдній былъ совершенно закрытъ, такъ что только лицо было видно. На рукахъ умершаго были надѣты бѣлыя перчатки, а на ногахъ чулки, которые наполовину закрывали ляшки. Открывъ и осмотрѣвъ тѣло, онъ увидѣлъ, что ноги и руки были темно-багроваго цвѣта и вздулись отъ вылившейся изъ кровяныхъ сосудовъ крови. Разрѣзавъ кожу, онъ удостовѣрился, что такой крови было очень много въ клѣтчатой перепонкѣ. Подъ кожею одной ладони ея оказалось на $^3/_4$ дюйма въ глубину, а клѣтчатыя пере-

понки подъ кожею ляпекъ были обращены въ мягкую массу и изорваны въ куски нанесенными ударами. Удары должны были быть нанесены тяжелымъ тупымъ орудіемъ, и палка, представленная въ судъ, повидимому, могла быть этимъ орудіемъ. Веревка, по его мнѣнію, могла произвести синяки, а палка раны. На правой ногѣ умершаго онъ нашелъ двѣ раны величиною съ шести-пенсовую монету, а глубиною въ дюймъ, и былъ того мнѣнія, что онѣ были произведены посредствомъ остраго конца представленной палки. Голова умершаго была велика и показывала, что онъ долженъ былъ страдать *водяною въ мозгу*, что и подтвердилось, когда голова была вскрыта. На вопросъ судьи о томъ, можно-ли отсутствіе способностей у умершаго приписать такому состоянію его мозга, Гюетъ отвѣчалъ утвердительно. Въ заключеніе онъ сказалъ, что на основаніи видѣннаго имъ онъ былъ убѣжденъ, что умершій подвергся значительно жестокому наказанію, и пришелъ къ тому мнѣнію, что смерть его послѣдовала отъ сотрясенія нервной системы и отъ истеченія большаго количества крови въ клѣтчатыхъ перепонкахъ. Онъ замѣтилъ также, что судя по показаніямъ свидѣтелей и самаго подсудимаго о томъ, что тѣло умершаго было упруго, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ его утромъ, смерть послѣдовала около 12-ти часовъ предшествовавшей ночи. Въ подтвержденіе свидѣтельства доктора Гюета были даны нѣкоторыя другія медицинскія объясненія.

Затѣмъ адвокатъ подсудимаго г. Баллатайнъ обратился къ присяжнымъ съ краснорѣчивой и сильной рѣчью въ защиту подсудимаго, въ которой онъ старался доказать, что этотъ послѣдній не имѣлъ намѣренія причинить умершему какое-либо зло и что несчастный исходъ слѣдуетъ въ значительной степени приписать случаю. Судья изложилъ краткій обзоръ дѣла, и присяжные почти непосредственно затѣмъ произнесли обвинительный приговоръ. Тогда судья обратился къ подсудимому, и, сдѣлавъ замѣчаніе о грубомъ характерѣ совершеннаго имъ преступленія, присудилъ его къ каторжнымъ работамъ на четыре года.

При необыкновенной и необъяснимой жестокости, которую выказалъ подсудимый и которая имѣла такія печальныя послѣдствія, въ этомъ процессѣ особенно бросается въ глаза относительная легкость наказанія, къ которому онъ приговоренъ. Этой

легкости нельзя, конечно, приписать ни мягкости законовъ, потому что англійскіе уголовные законы очень строги, ни снисходительности присяжныхъ, потому-что по правиламъ англійскаго судопроизводства они могли признать обвиненнаго виновнымъ только въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняли и даже въ меньшемъ, но ни въ какомъ случаѣ не въ большемъ; причина этой легкости, очевидно, заключается въ направленіи самаго обвиненія. По англійскимъ законамъ различается два рода убійства: 1) умышленное (murder) и 2) неумышленное (manslaughter). Первое отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что предполагаетъ злой умыселъ, который можетъ быть или заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ (express malice), или можетъ заключаться, безъ всякаго обдумыванія заранѣе, въ томъ самомъ, что извѣстный фактъ уже совершенъ (implied malice). Вообще предъумышленнымъ убійствомъ называется всякое такое незаконное дѣйствіе, которое можетъ имѣть и имѣло вѣроятнымъ послѣдствіемъ смерть, хотя бы при этомъ не было употреблено никакого орудія или насилія; напримѣръ, если хозяинъ не давалъ достаточно пищи своему ученику и обращался съ нимъ такъ грубо и строго, что это имѣло послѣдствіемъ смерть ученика. Неумышленнымъ убійствомъ называется незаконное убійство человѣка, безъ всякаго злаго намѣренія; напримѣръ, убійство, совершенное въ дракѣ. По объясненію адвоката Парри, Гоплей не былъ обвиненъ въ умышленномъ убійствѣ единственно потому, что смерть его ученика была слѣдствіемъ только превышенія той власти, которая была ему предоставлена. Слѣдовательно, если бы такое же преступленіе было совершено человѣкомъ постороннимъ въ отношеніи къ умершему, то его слѣдовало бы обвинить въ умышленномъ убійствѣ. Разница въ отношеніяхъ слишкомъ ничтожная въ сравненіи съ разницею между послѣдствіями. По нашему мнѣнію, превышеніе власти, кромѣ отношенія подчиненности, всегда предполагаетъ, что въ данномъ случаѣ лицо, ею воспользовавшееся, не имѣло на это права, но она могла принадлежать другому лицу, выше его поставленному. За тѣми же предѣлами, за которыми прекращается всякая власть одного лица въ отношеніи къ другому лицу, не можетъ быть рѣчи о превышеніи власти. Въ противномъ случаѣ всякое преступленіе, всякое убійство можно бы было под-

вести подъ превышеніе той власти, тѣхъ правъ, которыя намъ предоставлены при пользованіи нашею свободою въ частныхъ отношеніяхъ нашихъ съ другими. Развѣ кто нибудь имѣетъ право бить другаго два часа сряду, до смерти? Въ наше время, жестокость изгнана даже изъ наказаній, опредѣляемыхъ судебною властію. Но если судебная власть воздерживается отъ опредѣленія такихъ наказаній, которыя могли бы быть слишкомъ мучительны или при данныхъ условіяхъ могли бы имѣть для преступника болѣе тяжкія послѣдствія, нежели онъ заслуживаетъ, то, конéчно частныя лица, должны быть еще осторожнѣе въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Отношенія Гоплея къ его ученику не слагали съ него обязанности быть осторожнымъ въ обращеніи съ его воспитанникомъ, но онъ совершенно пренебрегъ этою обязанностію. Нельзя конечно обвинить его въ положительномъ намѣреніи причинить смерть Канселору, но и *нельзя не согласиться*, что онъ *долженъ былъ* знать, какія страшныя послѣдствія могло имѣть нанесенное имъ наказаніе; онъ слишкомъ забылся, онъ самымъ непростительнымъ образомъ рисковалъ жизнію своего ученика и, согласившись на всѣ послѣдствія, рѣшившись во что бы то ни стало достигнуть цѣли предпринятаго имъ дѣла, пожертвовалъ безопасностію этой жизни. Свидѣтельство доктора устраняетъ возможность предположенія, что ближайшею причиною смерти Канселора было болѣзненное состояніе его мозга, а не нанесенные ему удары. Но если бы и можно было допустить такое предположеніе, то оно нисколько не уменьшало бы вины подсудимаго. Какъ опытный педагогъ, пріобрѣвшій въ своемъ кругу извѣстность умѣньемъ обращаться съ дѣтьми, онъ не могъ не замѣтить ненормальнаго состоянія организма умершаго, уже по неразвитости его и отсутствію въ немъ способностей, и потому долженъ былъ еще осторожнѣе обходиться съ нимъ. Вотъ почему было слишкомъ мало обвинить Гоплея въ нечаянномъ убійствѣ, извинивъ его превышеніемъ власти. Его преступленіе совершенно подходитъ подъ вышеприведенный примѣръ умышленнаго убійства. Этимъ мы не хотимъ сказать, что за жестокость слѣдовало бы заплатить жестокостію. Если наказаніе, къ которому приговоренъ Гоплей, можетъ заставить его раскаяться и исправиться, то главная цѣль наказанія будетъ достигнута. Но идея справедливости и возмез-

дія, которая играетъ во всѣхъ законодательствахъ не послѣднюю роль, требуетъ болѣе строгаго наказанія. Вотъ юридическая сторона изложеннаго нами процесса. Что-же касается до психологической его стороны, то она составляетъ для насъ совершенную загадку. Что могло побудить подсудимаго, человѣка повидимому добраго, пользовавшагося хорошею репутаціею, питающаго по его собственнымъ объясненіямъ, ничѣмъ не опровергнутымъ, отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ, рѣшиться на такую жестокость? Въ этотъ случаѣ имъ не могли, кажется, руководить ни корысть, потому-что въ интересахъ его, какъ человѣка, существовавшаго содержаніемъ школы, было хорошимъ обращеніемъ съ учениками еще болѣе утвердить за собою добрую славу, ни раздраженіе, потому-что онъ исполнилъ наказаніе съ систематичною холодностію, ни убѣжденіе, что только посредствомъ грубой силы можно заставить учиться и развить способности, потому-что такого убѣжденія нельзя предположить въ человѣкѣ со смысломъ. Между-тѣмъ невозможно безъ жалости и отвращенія читать разсказъ доктора Гюета о состояніи тѣла умершаго послѣ наказанія. Даже съ трудомъ вѣрится, что оно было доведено до такого состоянія посредствомъ обдуманной жестокости человѣка. Въ наше время и въ романахъ не часто встрѣчаются происшествія, подобныя настоящему, случившемуся на самомъ дѣлѣ, очень недавно, среди самаго цивилизованнаго народа.

П. Ю.

X. Дѣло о убійствѣ Пециліи Комбеттъ

16 апрѣля 1847 года въ $6^1/_2$ часовъ утра нѣкто Распо пошелъ на кладбище Сентъ-Обенъ (въ городѣ Тулузѣ), сопровождаемый г. Левекъ, сторожемъ кладбища и г. Ларокъ столяромъ. Они всѣ трое направились къ часовнѣ, дверь которой находилась противъ стѣны, отдѣляющей кладбище отъ сада монастыря «Тулузскихъ братьевъ христіанскаго ученія.» Въ то время какъ Левекъ и Ларокъ входили въ часовню, Распо, оставшійся снаружи, обернувшись къ саду братьевъ, замѣтилъ на кладбищѣ, въ углу соединенія его стѣны со стѣною сада братьевъ — женщину въ сидячемъ положеніи. Но подойдя ближе къ тому мѣсту, гдѣ

лежало тѣло, Распо удостовѣрился, что это былъ трупъ молодой дѣвушки. Трупъ опирался на колѣни и на оконечности ногъ, (пятки которыхъ были выворочены внаружу и нѣсколько на верхъ), и на локти; лице припало къ землѣ, ноги были направлены къ саду братьевъ, голова была обращена къ часовнѣ. У стѣны улицы Рике и внутри кладбища на одномъ изъ надгробныхъ памятниковъ нашли платокъ, имѣющій синій фонъ съ бѣлыми фигурами и повѣшенный срединою его; оба конца, завязанные вмѣстѣ, имѣли направленіе къ головѣ трупа.— Распо желая лучше осмотрѣть положеніе трупа, взялъ его за лѣвое плечо, чѣмъ сообщилъ ему круговое движеніе. Это движеніе, ничего не измѣнивъ въ положеніи тѣла относительно стѣнъ, измѣнило однакоже положеніе лица, которое вмѣсто того, чтобы опираться на землю, повернулось на верхъ такъ, что глаза были направлены къ стѣнѣ улицы Рике. Исключая этого измѣненія головы, трупъ остался въ прежнемъ положеніи, и въ этомъ то положеніи его видѣли: полицейскій комисаръ въ $7^1/_2$ часовъ, слѣдственный судья въ 8 часовъ и наконецъ доктора въ 2 часа.

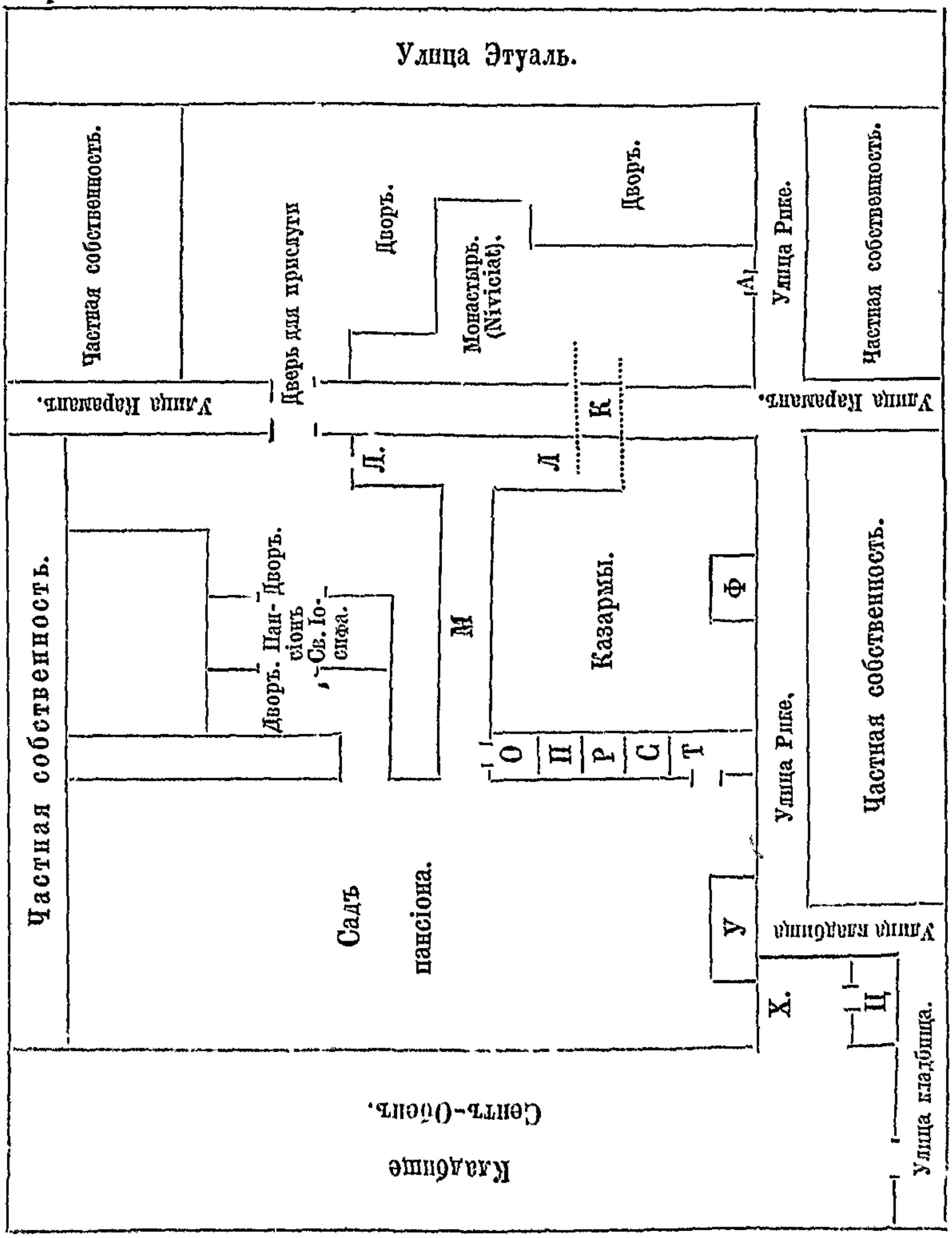
Первоначальный осмотръ, сдѣланный трупу, удостовѣрилъ, что онъ принадлежалъ молодой дѣвушкѣ, которая сдѣлалась жертвою двойнаго преступленія: *убійства* и *изнасилованія*. Скоро узнали, что убитая была *Цецилія Комбеттъ*, родившаяся 6 ноября 1832 года и имѣвшая въ моментъ совершенія преступленія *менѣе 15 лѣтъ отъ роду*. Цецилія Комбеттъ была дочь двухъ честныхъ и скромныхъ жителей города Тулузы. Отецъ ея Бернаръ Комбеттъ былъ работникомъ на фабрикѣ г. Толабо. Въ то время, когда совершено было убійство Цециліи, мать ея Марія-Терезія была въ послѣднемъ періодѣ беременности и родила 5 мая, т. е. 20 дней спустя послѣ происшествія. Цецилія Комбеттъ была ученицею въ мастерской переплетчика г. Конта. Ея обученье, начавшееся въ апрѣлѣ 1846, должно было кончиться въ апрѣлѣ 1847, т. е. нѣсколько дней послѣ катастрофы, которая лишила ее жизни.—15 апрѣля 1847 года Цецилія по своему обыкновенію должна была отправиться въ мастерскую своего хозяина. Въ 6 часовъ утра ее разбудила ея бабушка, которая въ 7 часовъ вошла къ ней вновь и застала ее уже одѣтою въ ея ежедневное платье. Она ѣла небольшой кусокъ хлѣба и держала

въ рукахъ корзинку, въ которой былъ ея завтракъ. Почерпнувъ кружку воды у фонтана, Цецилія, неся корзинку, вышла изъ дому, чтобы отправится въ мастерскую, куда она и пришла въ $7^1/_2$ часовъ.—Контъ былъ переплетчикомъ монастыря «Тулузскихъ братьевъ христіанскаго ученья». Въ четвергъ 15 апрѣля онъ долженъ былъ отнести большое количество переплетенныхъ имъ книгъ. Монахъ Льефроа, директоръ монастыря (noviciat), велѣлъ ему принести эти книги въ 10 часовъ утра. Къ 9 часамъ Контъ собрался идти: онъ велѣлъ приготовить двѣ корзинки—одну очень большую, другую по меньше, въ которую и помѣстилъ тѣ книги, которыя не вошли въ большую корзинку. Женщина Руманьякъ или Маріонъ взяла на голову большую корзинку, Цецилiи-же Контъ велѣлъ нести маленькую. Сопровождаемый двумя ученицами Контъ направился къ улицѣ Рике, съ которой былъ входъ въ монастырь.

Дверь, запертая на ключъ, передъ ними отворилась; они вошли, и затѣмъ дверь затворилась вновь. Обѣ корзинки были поставлены на землю. Контъ сказалъ Маріонъ: «возвратись въ магазинъ», а Цецилiи онъ далъ въ руки зонтикъ, (который онъ только-что поставилъ къ стѣнѣ, чтобы помочь Маріонъ снять съ головы корзинку). Онъ сказалъ Цецилiи: «береги мой зонтикъ и дождись моего возвращенія, чтобы отнести назадъ пустыя корзинки». Маріонъ тотчасъ ушла, дверь за ней захлопнулась; она показываетъ, что вышла одна и что она оставила Конта въ корридорѣ.—Контъ съ помощью привратника принесъ на верхъ обѣ корзинки книгъ въ компату настоятеля братства. Привратникъ тотчасъ сошелъ внизъ. Контъ долго разговаривалъ съ настоятелемъ, потому-что послѣдній не только долженъ былъ провѣрить тѣ книги, которыя были принесены, но также условиться въ цѣнѣ за переплетъ двухъ тысячъ томовъ, нужныхъ для раздачи наградъ пансіонерамъ. Контъ остался съ настоятелемъ до $10^1/_4$ часовъ. Этотъ часъ замѣтилъ братъ Лорiенъ, видѣвшій какъ сходилъ внизъ Контъ и смотрѣвшій въ эту минуту на часы. Контъ, неся въ рукахъ двѣ пустыхъ корзинки, спросилъ у привратника: «что сдѣлалось съ Цецилiею?» Привратникъ отвѣтилъ ему:» можетъ быть она ушла, пока я съ вами разговарилъ или можетъ быть она отправилась въ пансіонъ», и показалъ пальцемъ, тюнель (к). Контъ, не найдя Це-

ціліи, которая должна была нести карзины, поставилъ ихъ въ корридоръ *) и отправилъ за ними въ теченіи дня одного изъ сво-

*) Такъ-какъ въ настоящемъ процессѣ многое основано на локализаціи преступленія, то мы представляемъ планъ мѣстности, въ которой оно было совершено.



Объясненіе плана.

А. Входъ въ монастырь изъ улицы Рике. *К.* Тюнель подъ улицей Караманъ. *Л.* Корридоръ, ведущій изъ пансіона къ тюнелю монастыря. *М.* Проходъ, ведущій изъ корридора къ саду и къ стѣнѣ пансіона. *О.* Мѣсто склада, съ лѣстницею въ верхній этажъ. *П.* Конюшня безъ сообщенія съ другою. *Р.* Другая конюшня. *С.* Коровье стойло съ лѣстницею на чердакъ. *Т.* Амбаръ съ выходомъ въ садъ. *У.* Оранжерея. *Ф.* Будка часоваго. *Х.* *Мѣсто, гдѣ найденъ трупъ.* *Ц.* *Часовня или молельня.*

ихъ подмастерьевъ. Зонтикъ,-же отданный имъ на сохраненіе Цециліи, онъ нашелъ у стѣны, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла Цецилія, а потому онъ подумалъ, что Цецилія соскучившись ждать его, возвратилась въ магазинъ. По выходѣ изъ монастыря, Контъ зашелъ къ своему дядѣ, каретнику въ улицѣ Этуаль, оттуда онъ пошелъ въ мѣстечко Охъ и наконецъ возвратился къ себѣ въ 11 часовъ. Жена Конта, невидѣвшая Цециліи, спросила о ней мужа, который изъявилъ удивленіе, что она еще не возвратилась. Къ часу по полудни объ отсутствіи Цециліи увѣдомили ея семейство. Жена Конта и женщина Байлакъ, (послѣдняя тетка Цециліи), пришли спрашивать о ней—въ пансіонѣ С-Іосифа, состоящемъ при монастырѣ, и въ самомъ монастырѣ.—Въ пансіонѣ привратникъ объявилъ, что онъ ея не видѣлъ; въ монастырѣ привратникъ видѣлъ ее, но сказалъ, что не знаетъ навѣрно, вышла-ли она или нѣтъ.—Женщина Байлакъ стала настаивать на то, чтобы произведенъ былъ обыскъ. Увѣдомили объ этомъ настоятеля, который отвѣчалъ ей: «что женщины, не могутъ ходить по монастырю—и если бы Цецилія вошла въ него утромъ, то ее бы встрѣтили и заставили выдти.» По указаніямъ Конта поиски были произведены въ нѣсколькихъ публичныхъ домахъ, окружавшихъ монастырь, въ особенности въ одномъ изъ нихъ, находящемся въ улицѣ Этуаль. Всѣ эти поиски не привели ни къ чему. Контъ, котораго дѣла призывали въ мѣстечко Охъ къ директору братьевъ, живущему въ этомъ городѣ, уѣхалъ 15 апрѣля вечеромъ. Онъ выѣхалъ оттуда 16 вечеромъ и пріѣхалъ въ Тулузу 17 утромъ. *Для ясности фактовъ необходимо изложить тѣ отношенія, которыя имѣлъ Контъ къ дому братьевъ христіанскаго ученія.* Контъ переплеталъ книги па это заведеніе уже около 11 лѣтъ. Его сношенія съ монастыремъ начались еще прежде, нежели учрежденъ былъ при монастырѣ для дѣтей пансіонъ Св. Іосифа, въ которомъ учителями были монахи. Дружественныя отношенія установились между Контомъ и настоятелемъ и даже большею частью братьевъ. Они безпрестанно оказывали другъ другу небольшія услуги; Контъ не только переплеталъ книги, но и доставлялъ для пансіона всѣ классные матеріалы. — Все это дѣлало то, что ежедневныя сношенія происходили между Контомъ и братьями. Его ученики и подмастерья часто ходили въ

пансіонъ и монастырь. Цецилія была въ среду 14 въ монастырѣ и принесла оттуда красныя тетради. Если Конту нужны были деньги, то онъ обращался къ настоятелю, такъ нѣсколько дней до убійство Цециліи онъ получилъ въ займы 160 франковъ. Наконецъ всякій разъ, какъ въ монастырѣ былъ праздникъ, Контъ былъ приглашаемъ на него. Денежныя выгоды, которыя это положеніе доставляло Конту, доходили до 2000 франковъ въ годъ. Отецъ Конта, также переплетчикъ, получалъ отъ него часть работы, которую онъ не могъ окончить самъ.

Затѣмъ мы изложимъ составленный по настоящему дѣлу *обвинительный актъ*: «слѣдствіе имѣло двойную цѣль: I) открыть *мѣсто*, гдѣ учинено было убійство, II) отыскать *виновника* убійства или его сообщниковъ.

I) Собранные факты несомнѣнно доказали, что двойное преступленіе, совершенное 15 апрѣля 1847 надъ Цециліею Комбеттъ, произведено было въ *домѣ братьевъ* христіанскаго ученія. Трупъ Цециліи Комбеттъ, найденъ былъ на кладбищѣ Сентъ-Обенъ почти у угла соединенія двухъ стѣнъ, (изъ которыхъ одна отдѣляетъ кладбище отъ улицы Рике, другая кладбище отъ сада братьевъ). Въ 8 часовъ утра слѣдственный судья прибылъ на мѣсто и удостовѣрился, что положеніе трупа было именно такое, какое описалъ Распо; ему тотчасъ пришла въ голову мысль, что трупъ могъ быть принесенъ въ это мѣсто, уже по совершеніи убійства, а потому онъ осмотрѣлъ съ величайшемъ вниманіемъ стѣну, окружавшую кладбище. Скоро онъ замѣтилъ въ стѣнѣ небольшой проломъ тамъ, гдѣ она соприкасалась съ часовнею (см. на планъ Ц.). Но этотъ проломъ вскорѣ былъ расширенъ любопытными, которые вздумали осматривать, стѣну. На землѣ около этого пролома не было видно слѣдовъ, которые остались бы на ней непремѣнно, если бы убійца проходилъ по этому мѣсту. Осмотръ мѣстности произведенъ былъ и полицейскимъ коммисаромъ г. Ламарлъ. Но дойдя до угла соединенія стѣны улицы Рике со стѣною сада *братьевъ*, слѣдственный судья замѣтилъ на вершинѣ послѣдней со стороны кладбища нѣсколько кусковъ земли, покрытой мохомъ и повидимому только—что оторванной съ вершины стѣны; мохъ былъ оторванъ вслѣдствіе наклоненія сучьевъ кипариса, возвышавшихся надъ стѣною улицы Рике. Эти сучья, если ихъ опу-

стить внизъ, достигали верхней точки стѣны сада братьевъ со стороны кладбища; и могли оторвать мохъ, о которомъ упомянуто. Растенія, находившіяся на вершинѣ стѣны сада братьевъ, сдѣланной изъ обсохшей земли, были измяты. Для опредѣленія положенія трупа слѣдоватили обратились къ докторамъ. Доктора на обнаженной головѣ и въ распущенныхъ волосахъ Цециліи Комбеттъ нашли нѣсколько частицъ земли разнаго цвѣта и величины. Въ волосахъ они нашли: 1) частицы листьевъ кипариса, 2) нѣсколько лепестковъ цвѣтка, 3) пукъ льняныхъ нитей длиною въ 3 сентиметра и которые по видимому оторвались отъ веревки. Кромѣ того *доктора* осмотрѣли *обѣ стѣны*, какъ со стороны кладбища, такъ и съ противоположной стороны. Со стороны кладбища они замѣтили тѣ признаки, о которыхъ было упомянуто, т. е. что свалилось внизъ небольшое количество моху. Сообразивъ частицы земли, найденныя въ волосахъ Цециліи Комбеттъ, съ свойствами земли, находящейся на вершинѣ стѣны, они убѣдились въ тождественности ихъ. Со стороны улицы Рике стѣна не представила никакихъ слѣдовъ и ни одного поврежденія, которыя могли-бы обратить на себя вниманіе слѣдователей. Но со стороны сада братьевъ и совершенно у окопечности стѣны, 50 сентиметровъ ниже ея вершины, слѣдователи нашли кустъ травы, измятый какъ бы отъ прикосновенія къ ему руки. Немного выше и у самой вершины они замѣтили, что нѣкоторыя травы были измяты и въ особенности нѣсколько кустовъ крестовника (sénéçons). Обѣ стѣны были сдѣлапы изъ земли, но ихъ вершина не окапчивалась одинаковымъ образомъ: вершина стѣны Рике касалась вѣтвей кипариса, стѣна же сада братьевъ была покрыта злаковыми растеніями (des graminées) и крестовникомъ. У угла соединенія двухъ стѣнъ слѣдователи замѣтили, что сорвано нѣсколько стебельковъ крестовника, уже завядшихъ. Такъ-какъ слѣдователи нашли въ волосахъ Цециліи чашечку отъ цвѣтка, то они стали искать, нѣтъ-ли на вершинѣ стѣны сада братьевъ цвѣтка, который-бы имѣлъ подобныя чашечки. Они нашли на этой поверхности стѣны нѣсколько кустовъ гераніума, цвѣтокъ котораго представлялъ такія же чашечки, какія были найдены въ волосахъ Цециліи. Продолжая свои изыскапія, слѣдователи открыли у угла соединепія обѣихъ стѣнъ *куста гераніума*,

цвѣтокъ котораго, достигшій полнаго развитія, потерялъ всѣ свои стебельки и чашечку; слѣдователи искали съ большимъ вниманіемъ на землѣ кладбища вокругъ трупа, (а когда его унесли, то вокругъ мѣста, на которомъ онъ лежалъ), не растетъ ли тутъ гераніумъ — но его не оказалось. Вершина стѣны улицы Рике представляла видъ крыши формы призматической и трехъ-угольной, надъ нею возвышались сучьи кипариса, образующіе выступъ, который на 30 сентиметровъ далѣе стѣны вдавался въ кладбище около угла соединенія со стѣною сада братьевъ. Эти сучья возвышались надъ угломъ соединенія обѣихъ стѣнъ такъ, что трупъ, брошенный черезъ нихъ, долженъ былъ при паденіи наклонить сучьи къ стѣнѣ; слѣдователи сдѣлали опытъ нагибанія сучьевъ и удостовѣрились, что эти сучьи должны были произвести описанное уже поврежденіе на поверхности стѣны сада братьевъ. Они открыли двѣ трещины въ стѣнѣ улицы Рике; эти трещины имъ показались недавняго происхожденія, и предположеніе это подтвердилось тѣмъ, что на слѣдующій день, хотя время оставалось дождливымъ, трещины высохли. Какъ новое доказательство того, что предметъ большаго объема брошенъ былъ черезъ стѣну братьевъ, слѣдователи нашли на послѣдней, у угла соединенія ея со стѣною улицы Рике, маленькое растеніе—почти совершенно вырванное, но еще не увядшее, хотя оно держалось земли только двумя тонкими корешками, а надъ соединеніемъ двухъ стѣнъ была сломана маленькая вѣтвь кипариса. Въ вѣтвяхъ кипариса эксперты нашли нѣсколько льну, который по видимому происходилъ отъ остатковъ веревки. Слѣдователи старательно осмотрѣли крышу оранжереи (см. на планѣ Ц.) которая выступаетъ въ кладбище далеко надъ стѣною улицы Рике. Довольно большой промежутокъ существуетъ между вершиною стѣны и крышею зданія. На верху этой крыши обнаружена длинная жестяная водосточная труба, спускавшаяся косвенно на вершину стѣны. Водосточная труба образуетъ препятствіе къ проходу тѣла тяжелаго и объемистаго. Отсутствіе въ этихъ мѣстахъ поврежденій и измятыхъ растеній дѣлало невозможнымъ предположеніе, чтобы трупъ или другое тяжелое тѣло могло опираться на эту часть стѣны. Но слѣдователи, пораженные повреждеціями, которыя они замѣтили на стѣнѣ улицы братьевъ,

допускали возможность, что трупъ былъ брошенъ чрезъ эту стѣну. Осмотръ мѣстности, положеніе трупа, препятствія, замѣченныя на стѣнѣ улицы Рике, по мнѣнію слѣдователей, исключали возможность предполагать, чтобы трупъ брошенъ былъ со стороны улицы Рике. Тоже впечатлѣніе произведено было видомъ мѣстности и на свидѣтеля Распо, который первый замѣтилъ безжизненное тѣло Цециліи и который заранѣе сказалъ, что трупъ былъ брошенъ скорѣе отъ братьевъ, нежели отъ улицы Рике. Еще другія обстоятельства подтверждаютъ это мнѣніе. Лѣвая щека Цециліи была наполнена землею, что́ доказывало, что эта часть ея лица сильно ударилась объ земляную стѣну. Лѣвая сторона платья, въ особенности лѣвое плечо, были тоже въ землѣ. Если бы трупъ былъ брошенъ со стороны улицы Рике, то ноги направились бы къ стѣнѣ сада братьевъ, а трупъ не могъ бы произвести тѣ слѣды, которые были замѣчены слѣдователями. Нахожденіе въ волосахъ Цециліи чашечки цвѣтка, который растетъ на поверхности стѣны сада братьевъ, было бы явленіемъ ничѣмъ необъяснимымъ потому, что ноги, а не голова коснулись стѣны сада. Наконецъ, невозможность этой гипотезы доказывается существованіемъ *газоваго фонаря на стѣнѣ оранжереи* братьевъ. Этотъ фонарь освѣщаетъ то мѣсто стѣны улицы Рике, гдѣ бы долженъ былъ стать убійца, чтобы бросить трупъ Цециліи въ кладбище. Надо прибавить, что въ небольшемъ разстояніи отъ этого фонаря стоитъ въ будкѣ часовой. Такимъ образомъ допустивъ гипотезу, что тѣло было брошено чрезъ стѣну съ улицы Рике, надо допустить также, чтобы лице, которое несло этотъ трупъ и которое могло избирать мѣсто болѣе темное и уединенное (напр. проломъ, который находился у угла часовни)—избрало нарочно мѣсто, освѣщенное фонаремъ, почти около будки часоваго, въ томъ пунктѣ, гдѣ стѣна, достигающая наибольшей высоты, очень затрудняетъ восхожденіе, что́ все увеличивало шансы быть открытымъ. Такимъ образомъ нельзя допустить, чтобы съ этой стороны брошено было на кладбище тѣло Цециліи. Напротивъ того на основаніи изложенныхъ данныхъ можно съ достовѣрностью заключить, что изъ внутренности *сада братьевъ* трупъ брошенъ былъ въ то мѣсто, гдѣ онъ былъ найденъ. Но доказательства прямыя и положительныя даютъ этому пред-

положенію характеръ несомнѣнной истины. Мы уже удостовѣрились изъ донесеній слѣдователей о нахожденіи на стѣнѣ братьевъ и со стороны сада: 1) нѣсколькихъ стеблей крестовника, стоптанныхъ и увядшихъ, 2) двухъ пучковъ травы, смятыхъ какъ будто бы отъ прикосновенія руки, 3) растенія почти совершено вырваннаго и однако неувядшаго, хотя оно держалось за землю только двумя небольшими стеблями, наконецъ 4) цвѣтка гераніума сорваннаго со стебелька. Это послѣднее обстоятельство, сближенное съ открытіемъ въ волосахъ Цециліи чашечки цвѣтка, который впослѣдствіи признали за цвѣтокъ гераніума,—составляетъ неопровержимое доказательство того, что тѣло Цециліи было брошено черезъ вершину этой стѣны, и что задѣвъ за эту стѣну, оно смяло травы и растенія. Внизу этой стѣны и внутри сада братьевъ слѣдственный судья нашелъ слѣды *поставленной къ стѣнѣ лѣстницы*; онъ тотчасъ допросилъ настоятеля монастыря и другихъ монаховъ и спросилъ у нихъ, чѣмъ могутъ они объяснить эти слѣды? Они объявили, что не могутъ дать никакихъ объясненій. Нѣсколько лѣстницъ, найденныхъ въ монастырѣ, были приложены къ слѣдамъ, существовавшимъ на землѣ; одна лѣстница по ширинѣ ея оказалась соотвѣтствующею слѣдамъ. Внизу стѣны братьевъ и почти у угла, который стѣна эта образуетъ съ оранжереею, жандармской бригадиръ нашелъ небольшой кусокъ *веревки*. Это открытіе придавало еще болѣе значенія двойному обстоятельству, что нѣсколько пучковъ изъ веревки были найдены въ кипарисовыхъ вѣтвяхъ надъ стѣною улицы Рике, а также въ волосахъ Цециліи. У угла соединенія стѣны и оранжереи, но во внутренности сада, слѣды ногъ были замѣчены 16 апрѣля утромъ жандармскимъ бригадиромъ; бригадиръ позвалъ тотчасъ же монаховъ, (которые гуляли), чтобы узнать отъ нихъ, кому принадлежатъ эти слѣды. Между ними находился и монахъ, исправляющій должность садовника. Бригадиръ спросилъ его, какъ могли произойти эти слѣды; онъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ этого объяснить. Настоятель, который присутствовалъ при этомъ разговорѣ, объявилъ, что монахи, услышавъ про преступленіе, вѣроятно подошли къ стѣнѣ и произвели слѣды. Но нѣсколько дней спустя, именно 19 апрѣля, тотъ же бригадиръ, придя въ садъ братьевъ, разговорился съ садовни-

комъ, и послѣдній вдругъ объявилъ ему, что, *какъ онъ теперь вспомнилъ*, онъ самъ сдѣлалъ на землѣ слѣды, которые замѣчены были бригадиромъ. Бригадиръ удивился, что садовникъ нѣсколько дней тому назадъ не помнившій объ этомъ ничего, вдругъ такъ хорошо вспомнилъ объ этомъ? Показаніе это онъ нашелъ тѣмъ неправдоподобнѣе, что на садовникѣ были надѣты въ эту минуту деревянные башмаки, тогда-какъ слѣды были сдѣланы обыкновенными сапогами. Садовникъ объявилъ слѣдственному судьѣ, что онъ и 16 утромъ говорилъ бригадиру, что слѣды ногъ, находившіеся въ саду, были сдѣланы имъ. Напротивъ того бригадиръ подъ присягою показалъ, что 16-го утромъ садовникъ на распросы его отозвался незнаніемъ, и что только три дня спустя онъ признался, что слѣды сдѣланы были имъ. Достовѣрность утвержденныхъ присягою и безпристрастныхъ показаній бригадира не даетъ возможности сомнѣваться въ дѣйствительности ихъ. Потому съ этой минуты правосудіе удостовѣрилось, что какая-то невидимая рука старалась *скрыть* слѣды преступленія, по мѣрѣ того какъ они открывались. Садовникъ былъ преклонныхъ лѣтъ, а потому его нельзя было подозрѣвать въ совершеніи преступленія. Слѣдствіе обнаружило, что монахъ Леотадъ сознался 16-го апрѣля г. Этевене, что слѣды ногъ, которые онъ въ эту минуту замѣчалъ на кустѣ цвѣтовъ около оранжереи, *могли быть сдѣланы имъ* и другимъ монахомъ, утромъ въ 8 часовъ, когда они, узнавъ о преступленіи, ходили осматривать мѣста. Эти слѣды ногъ пріобрѣтаютъ огромное значеніе отъ того обстоятельства, что сначала были признаны Леотадомъ, (который впослѣдствіи былъ обвиненъ въ преступленіи); въ позднѣйшихъ же показаніяхъ Леотадъ отказался отъ своихъ словъ. Факты, собранные и обнаруженные на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ трупъ, ясно показываютъ, какимъ образомъ тѣло Цециліи было брошено на кладбище. Если съ одной стороны по условіямъ мѣстности представляются трудности бросить трупъ изъ улицы Рике, то съ другой стороны нѣтъ ничего легче, какъ бросить трупъ изъ сада братьевъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стѣна оранжереи сходится со стѣною сада, убійца, спрятанный выступомъ, который дѣлаетъ надъ садомъ боковая стѣна оранжереи, былъ скрытъ отъ глазъ. Онъ не только находился во мракѣ, но и стоялъ среди необитаемаго и обширнаго мѣста, онъ могъ при-

нять, не боясь быть увидѣннымъ, всѣ предосторожности и выбрать то мѣсто на кладбищѣ, куда онъ хотѣлъ бросить трупъ. Его мысль должна была состоять въ томъ, чтобы бросить трупъ такъ, чтобы онъ упалъ къ подножью стѣны улицы Рике, ибо тогда первое подозрѣніе правосудія обращалось на жителей домовъ улицы Рике. Земля, находящаяся на лѣвой щекѣ Цециліи, грязь которая покрывала лѣвую сторону ея платья, платокъ, зацѣпившійся за одинъ изъ крестовъ, находящихся у стѣны улицы Рике, чашечки цвѣтка въ волосахъ Цециліи, смятыя травы на вершинѣ стѣны улицы братьевъ, отпечатки лѣстницы у основанія стѣны и внутри сада, слѣды шаговъ почти у этаго же мѣста, остатки веревки—все это нѣмые свидѣтели, которые наводятъ правосудіе на мысль, что трупъ былъ брошенъ изъ сада братьевъ на кладбище Сентъ-Обенъ.

«Сдѣлавъ осмотръ сада и кладбища, доктора и слѣдователи осмотрѣли *тѣло Цециліи*; надо было обозрѣть состояніе платья ея, освидѣтельствовать внѣшнія поврежденія тѣла и наконецъ произвести вскрытіе трупа. Первая юбка и платье были опущены вдоль тѣла, не представляя ничего особенно замѣчательнаго. Вторая юбка была вся стянута впередъ и была поднята сзади. Рубашка была поднята, складки ея были слизисты и покрыты обсохшими пятнами отъ кровяной жидкости, происходящей изъ половыхъ органовъ. Между складками рубашки доктора нашли стебель засохшей травы, согнутый вдвое, длиною въ 20 метровъ и другой стебель нѣсколько короче. Кромѣ того въ складкахъ панталонъ Цециліи доктора нашли соломенку отъ пшеницы, запятнанную кровью. Въ складкахъ платья было много стебельковъ соломы. Въ другой части платья доктора нашли перо. Башмаки Цециліи представляли ту особенность, что были покрыты обсохшею грязью *только спереди* и *внутри* ихъ. Въ другихъ частяхъ они были совершенно чисты; на одномъ изъ нихъ эксперты нашли былинку соломы, присохшей къ грязи. Эти обстоятельства показываютъ, что преступленіе было совершено или по крайней мѣрѣ, что трупъ былъ положенъ или на чердакъ или въ овинъ, но непремѣнно въ мѣстѣ, гдѣ были *сѣно* и *солома*. Между-тѣмъ въ томъ же садѣ, въ которомъ правосудіе открыло слѣды лѣстницы и ногъ, находятся овины, наполненные сѣномъ и соломою (на планѣ см. O. II. P. C. T.). Эти овины принадлежатъ бра-

тьямъ христіанскаго ученія. Въ одномъ изъ нихъ слѣдственный судья нашелъ много сѣна и соломы отъ пшеницы. Онъ нашелъ на кучѣ, которая повидимому въ недавнее время была передвинута, пукъ стебельковъ дятлины (de paille de tréfles). Два сравненія были сдѣланы стебелькамъ и обнаружили совершенное сходство между стебельками, найденными на тѣлѣ Цециліи, и стебельками, найденными въ овинѣ братьевъ. И тѣ и другія—изъ породы извѣстной травы дятлины. Окрававленная соломенка, найденная на юбкѣ, есть пшеничная соломенка. Доктора, описывая состояніе труна Цециліи, удостовѣрили: что *она не достигла вполнѣ половаго развитія*.... Они указывали, что лице ея было распухшее, вѣки въ особенности лѣвая раздуты, носъ немного приплюснутъ; затѣмъ ни ротъ, ни шея не представляли никакого знака удавленія или задушенія. Надъ лѣвою бровью видна впадина: сухая земля вошла въ щеку и кожа въ этомъ мѣстѣ нѣсколько сорвана. Въ щекѣ есть впадина, къ которой пристала земля. Надъ ушами есть раны, у которыхъ запеклось много крови. Кисти рукъ покрыты были синими пятнами (des ecchymoses) и носили слѣды сильнаго сдавленія ихъ. На ладони правой руки, находились шесть маленькихъ контузій округленной формы. На второмъ пальцѣ лѣвой руки сдѣланы ногтями двѣ раны. Вслѣдствіе изнасилованія Цециліи Комбеттъ въ организмѣ ея произведено было столь сильное потрясеніе, *что произошли природныя изверженія*. Эти изверженія покрывали ея платье и нѣкоторыя части тѣла, въ особенности нижнюю часть живота. Тамъ то нашли былинки дятлины, о которыхъ было говорено выше. Эти обстоятельства, если сообразить ихъ съ замѣченными поврежденіями организма, довели экспертовъ до убѣжденія, что изнасилованіе было произведено надъ жертвою *еще при жизни ея*, а синяки на лицѣ и слѣды сдавленія кистей рукъ заставляютъ предполагать, что борьба была продолжительная. Половые органы носили на себѣ всѣ признаки изнасилованія..... Осмотрѣвъ внѣшнее состояніе тѣла, медики произвели вскрытіе его, чтобы разсмотрѣть, какіе произведены въ немъ были органическія поврежденія и отъ чего произошла смерть. Желудокъ прежде всего обратилъ на себя вниманіе докторовъ. Они нашли, что въ немъ мѣшечки (les follicules) были развиты какъ въ первомъ періодѣ пищеваренія. Въ желуд-

кѣ были хлѣбъ и нѣсколько гороху, совершенно разложившіеся. Эксперты нашли, что желудокъ былъ въ полной дѣятельности пищеваренія и несомнѣнно, что пища находилась въ желудкѣ не болѣе *трехъ часовъ* послѣ того какъ была принята. Вскрывъ шею, доктора подтвердили уже выраженное ими мнѣніе, что Цецилія не погибла ни отъ задушенія, ни отъ удавленія.

«Но во внутренности головы было много поврежденій: въ мозжечкѣ съ лѣвой стороны тамъ, гдѣ онъ соединяется съ мозгомъ, было скопленіе засохшей крови, около носа у соединенія хрящей съ костями было длинное синее пятно. Лѣвый високъ былъ сдавленъ, покрытъ синяками и сплюснутъ. Подъ вискокъ сосуды были наполнены кровью, это вытеченіе крови простиралось до вѣкъ лѣваго глаза, который былъ распухши. Медики удостовѣряютъ, что независимо отъ широкаго синяка на лѣвомъ вискѣ, оказалась много и другихъ синяковъ, разбросанныхъ на всей поверхности полости черепа, отъ арки бровей до верхняго угла затылочной кости и отъ одного виска къ другому. Эти синяки были разной формы и величины; одинъ изъ нихъ, находящійся на затылкѣ и болѣе распротраненный на право, нежели на лѣво, имѣлъ въ діаметрѣ отъ пяти до шести центиметровъ. Кости черепа были снизу ярко краснаго цвѣта; ихъ сосуды были наполнены кровью и это наполненіе кровью было, въ особенности замѣтно около соединенія лба съ стрѣловидным ъ швомъ черепа. У своего внутренняго и нижняго угла правая тѣмянная кость (le parital droit) была переломлена на протяженіи 4 сантиментровъ.—Доктора освидѣтельствовали послѣ того состояніе мозга: снявъ мозговую оболочку (la dure-mère) они нашли: 1-е, на лѣвой сторонѣ переломъ во всю ширину кости. 2-е, поверхность мозга покрытою кровью, 3-е, обширные синяки покрывалй нижнюю часть лѣваго полушарія, на которомъ кромѣ того было огромное темно-красное пятно. Эти важныя поврежденія заставили докторовъ заключить, что они произошли отъ контузій, полученныхъ при жизни и отъ которыхъ *почти мгновенно произошла смерть*. Такимъ образомъ Цецилія была жертвою *изнасилованія*, — смерть не была послѣдствіемъ изнасилованія, она послѣдовала отъ важныхъ поврежденій, произведенныхъ въ головѣ. Слѣдовательно убійство было сдѣлано для достиженія без-

наказапности за износилованіе и чтобы заставить исчезнуть обвинителя....

«18 апрѣля, т. е. три дня послѣ совершенія преступленія, слѣдственный судья захватилъ въ монастырѣ и въ комнатѣ, гдѣ лежало грязное бѣлье, пѣсколько рубашекъ. Одпа изъ нихъ посила № 562. Она обратила на себя вниманіе по многочисленности находящихся на ней кровяныхъ пятенъ какъ внутри, такъ и снаружи. *Отпечатки отъ природныхъ извержений* находились на нѣкоторыхъ мѣстахъ этой рубашки, *въ особенности на рукавахъ.* Эксперты нашли на внѣшней сторонѣ рубашки подъ № 562 нѣсколько сѣмянъ дятлины. Трудно не допустить послѣ этаго, чтобы рубашка № 562 не была въ прикосновеніи съ тѣломъ Цециліи Комбетгъ; мѣсто, которое занимаютъ извержения на рубашкѣ, подтверждаетъ возможность преступления и доказываетъ борьбу, которая происходила. Это предположеніе подтверждается еще болѣе нахожденіемъ на рубашкѣ сѣмянъ. Какъ послѣ того сомнѣваться, чтобы рубашка № 562, захваченная въ бѣльѣ 18 апрѣля, не была рубашкою убійцы.—Слѣдствіе старалось съ точностію опредѣлить ту минуту, когда Цецилія Комбетгъ *вошла* въ монастырь братьевъ и когда именно она *исчезла.* Несомнѣнно, что Маріонъ, поставивъ корзинку въ корридоръ монастыря, вышла изъ него, чтобы возвратиться въ магазинъ Конта. Она показываетъ въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ, что Цецилія *не* вышла съ нею, но осталась въ корридоръ монастыря. Съ своей стороны монахъ Лактенусъ, привратникъ монастыря, объявилъ, что насколько онъ можетъ вспомнить, послѣ ухода Маріонъ онъ заперъ дверь на ключъ. Когда Копгъ, Цецилія и Маріонъ вошли въ корридоръ, пять монаховъ были въ пріемной комнатѣ, которая отдѣлена отъ корридора только дверью, обыкновенно отпертою. Эти пять лицъ были: монахи: Наварръ, Лоріенъ и Жанисенъ. Они были въ пріемной съ двумя молодыми людьми: г. Рудель и Видаль. Наварръ показываетъ, что онъ стоялъ у порога пріемной, повернувшись спиной къ коридору и разговаривалъ съ молодыми людьми, бывшими въ пріемной. Между-тѣмъ какъ Наварръ былъ въ этомъ положеніи, позвопили у двери. Это былъ Копгъ, который вошелъ въ корридоръ съ Цециліею и Маріонъ. Наварръ, не перемѣнпя мѣста и поворотивъ только голову черезъ плечо, замѣ-

тилъ въ корридорѣ двухъ женщинъ, одну большую, другую маленькую — и увидѣлъ на полу корзинку книгъ, принесенную Контомъ. Сдѣлавъ тогда полуоборотъ, чтобы отвѣтить на вопросы его товарищей, которые были въ пріемной, Наварръ увидѣлъ Конта, несущаго корзинку книгъ и входящаго во дворъ. Потомъ посмотрѣвъ въ сѣни, Наварръ не увидѣлъ болѣе ни двухъ женщинъ, ни привратника! Изъ этого показанія оказывается, что Цецилія исчезла почти въ ту же минуту, какъ Контъ входилъ къ настоятелю, чтобы нести ему книги; Маріонъ ушла изъ корридора, чтобы идти на улицу и такъ-какъ несомнѣнно, что Цецилія не вышла съ нею, слѣдуетъ заключить, что Цецилія изъ корридора монастыря могла пойдти *лишь во внутренность зданія* и слѣдовательно во дворъ по направленію къ *тюнелю*. Присутствіе Наварра въ пріемной въ ту минуту, когда Контъ пришелъ и исчезла Цецилія, дало возможность слѣдователямъ опредѣлить часъ прихода и исчезновенія Цециліи. Дѣйствительно Наварръ, увѣдомленный, что двое молодыхъ людей спрашивали его въ пріемной, ушелъ изъ залы классовъ въ то время, когда часы показывали 9 часовъ безъ пяти минутъ. Онъ возвратился въ залу въ 9 часовъ и 20 минутъ; его отсутствіе продолжалось такимъ образомъ 25 минутъ. Слѣдовательно приходъ и исчезновеніе Цециліи могли произойти только въ этотъ промежутокъ времени. Но слѣдствіе еще съ большою точностію опредѣлило время исчезновенія Цециліи: Наварръ въ теченіи 25 минутъ два раза приходилъ въ пріемную. Въ первый разъ онъ пришелъ съ монахомъ Лименъ и разговаривалъ около четверти часа съ гг. Видаль и Рудель. Въ ту минуту, когда послѣ этого свиданья они собирались разстаться, Видаль попросилъ позвать братьевъ Лоріена и Лавура; тогда Видаль и Рудель воротились въ пріемную, ожидая, чтобы эти монахи были увѣдомлены. Наварръ ходилъ за ними, въ это время монахъ Лоріенъ сошелъ внизъ съ Жанисеномъ, ихъ сопровождалъ Наварръ. Такимъ образомъ во время *втораго свиданья* пять лицъ находились въ пріемной: Наварръ, Лоріенъ и Жанисенъ и молодые люди Видаль и Рудель. Но оба свиданія, включая въ то число и время необходимое для того, чтобы сойти въ классную залу и воротиться изъ нея, происходили между 9 часами безъ пяти минутъ и 9 часами 20 минутъ. Приходъ Конта и Цециліи происходилъ

во время втораго свиданія, потому-что Лоріенъ, который не присутствовалъ при первомъ свиданьи, видѣлъ въ то время, какъ онъ былъ въ пріемной и черезъ отпертую дверь, какъ Контъ прошелъ по корридору съ корзинкою книгъ. Между-тѣмъ по показанію Руделя первый разговоръ былъ длиннѣе, втораго, и продолжался, по его словамъ, около 15 минутъ. Если онъ начался въ 9 часовъ безъ пяти минутъ, то онъ долженъ былъ кончиться въ 9 часовъ и 10 минутъ. Такимъ образомъ Контъ и Цецилія, которые не пришли еще во время этаго перваго разговора, пришли въ монастырь только въ 9 часовъ и 10 минутъ; съ другой стороны Наварръ, находившійся у порога двери пріемной, удостовѣряетъ, что Контъ пошелъ къ настоятелю съ книгами нѣсколько минутъ послѣ его прихода, онъ же показываетъ, что Цецилія исчезла почти въ ту минуту, какъ Контъ вышелъ изъ корридора. Слѣдовательно Цецилія, вошедшая въ монастырь между 9 ч. и 10 минутъ и 9 ч. и 15 минутъ, *исчезла въ этотъ промежутокъ времени.* Всѣ факты, обнаруженные слѣдствіемъ, ведутъ къ тому, что исчезновеніе Цециліи произошло въ указанное нами время. Дѣйствительно трое монаховъ и двое молодыхъ людей, находившіеся въ пріемной, когда пришли Контъ и Цецилія, вышли въ свою очередь и пошли въ корридоръ. Они всѣ показываютъ, (исключая Видаля), что въ то время, когда они переходили изъ пріемной въ корридоръ, въ корридорѣ *не было уже никого.* А такъ-какъ въ это время могло быть не болѣе какъ $9^1/_4$ часовъ потому, что Наварръ возвратился въ классную залу въ 9 часовъ 20 минутъ, и надо допустить, что онъ потерялъ нѣсколько минутъ, то оказывается, что Цецилія, пришедшая въ корридоръ монастыря послѣ 9 часовъ 10 минутъ, исчезла въ $9^1/_4$ часовъ. И такъ Цецилія провела всего 10 минутъ въ корридорѣ; это обстоятельство удостовѣряетъ, что она не могла, какъ нѣкоторые полагаютъ, уйдти изъ монастыря, соскучившись ждать Конта. Зонтикъ, отданный ей на храненіе, и найденный черезъ часъ не смотря на шедшій дождикъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Контъ его оставилъ, доказываетъ, что она не уходила. Подъ какимъ предлогомъ могла бы она уйдти? Контъ далъ ли ей порученіе внѣ монастыря? Напротивъ, слѣдствіе удостовѣрило, что послѣдція слова, которыя Контъ сказалъ Цециліи, бы-

ли слѣдующія: «Цецилія, подожди меня здѣсь, чтобы нести домой пустыя корзинки.» — Это приказаніе было такъ серьезно, что Конть возвратившись отъ настоятеля съ пустыми корзинками и не найдя Цециліи, оставилъ ихъ въ пріемной и послалъ за ними одну изъ своихъ ученицъ. Кромѣ того, какъ удостовѣрило слѣдствіе, дверь изъ монастыря, которая идетъ на улицу, *оставалась запертою на ключь.* Но одно показаніе которое должно было дать слѣдствію другое направленіе, было сдѣлано въ журналахъ. Въ газетахъ писали, что молодой Видаль въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ монастыря съ Руделемъ, *видѣлъ Цецилію* въ корридоръ, облокотившеюся на дверь, которая вела на дворъ, что потомъ Цецилія, по его словамъ, направилась къ двери, ведущей на улицу и прошла мимо него, такъ что онъ долженъ былъ посторониться, чтобы дать ей пройдти. Точность этого показанія возбудила вниманіе слѣдователей. Розысканіе обнаружило, что на слѣдующій день послѣ совершенія преступленія и въ тотъ самый день, когда найденъ былъ трупъ Цециліи, прежде нежели было сдѣлано какое либо обвиненіе, настоятели братства старались отыскать свидѣтелей, *которые бы видѣли, какъ выходила изъ монастыря Цецилія Комбетть.* Они вспомнили, что Видаль и Рудель были въ пріемной въ ту минуту, когда эта молодая дѣвушка вошла въ корридоръ; г. Круза, служащему при монастырскомъ пансіонѣ въ качествѣ учителя пѣнія, было поручено отыскать квартиру Видаля и Руделя и пригласить ихъ придти въ монастырь. Онъ имъ написалъ письмо по этому предмету. Они пришли въ пятницу въ три часа. Ихъ встрѣтилъ монахъ Флоридъ, который имъ сказалъ: «я позвалъ васъ, милостивые государи, для того, чтобы спросить васъ, не видѣли-ли вы, какъ уходила Цецилія»? Они оба отвѣтили, *что не видѣли, какъ она выходила.* Уходя отъ братьевъ, Видаль и Рудель отправились къ г. Роллану, парикмахеру, и объявили оба, что они не видѣли молодой дѣвушки наканунѣ, пока они были у братьевъ. Они отправились въ Лавуръ въ понедѣльникъ 19 апрѣля; Видаль возвратился въ субботу 24-го; его позвалъ настоятель братьевъ въ монастырь. Побывавъ въ монастырѣ, Видаль показалъ слѣдователямъ, что *ему кажется*, что онъ видѣлъ молодую дѣвушку, когда она проходила сзади него, но что онъ не можетъ сказать, чтобы она вышла, потому,-что въ эту

минуту онъ стоялъ спиной къ двери, которая ведетъ на улицу. Слѣдствіе обнаружило съ достовѣрностію, что Видаль сдѣлалъ *ложное показаніе*, сказавъ, что ему кажется, что онъ видѣлъ Цецилію въ корридорѣ въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ монастыря. Во первыхъ показаніе Навапрра противорѣчитъ объясненію Видаля, ибо Наварръ объявилъ, что Цецилія исчезла изъ корридора въ ту минуту, когда онъ стоялъ еще у порога пріемной комнаты; между тѣмъ въ эту минуту *Видаль былъ во внутренности пріемной* и не выходилъ еще въ корридоръ. Съ другой стороны въ ту минуту, когда Видаль показываетъ, что онъ видѣлъ Цецилію, онъ не былъ одинъ въ корридорѣ, тамъ были съ нимъ: Рудель, Наварръ, Лоріенъ, Жанисенъ и привратникъ. Такимъ образомъ нельзя допустить, чтобы Цецилія, (платье которой отличалось цвѣтомъ и покроемъ отъ костюма четырехъ монаховъ и которая тѣмъ легче должна была обратить на себя взоры всѣхъ), прошла чрезъ группу, состоящую изъ пяти лицъ, не бывъ ими замѣченною. Но еще сильнѣйшій доводъ служитъ къ опроверженію этого показанія; слѣдственный судья опредѣлилъ мѣсто, которое занимали Видаль и Рудель въ ту минуту, когда первый изъ нихъ долженъ былъ, по его словамъ, посторониться, чтобы пропустить Цецилію къ двери, ведущей на улицу.—Видаль, находившійся почти въ серединѣ корридора, стоялъ спиною къ этой двери, Рудель былъ опершись на одну изъ половинокъ этой двери, между-тѣмъ какъ привратникъ опершись на другую половину двери и держа ключи въ рукахъ, собирался отворить дверь, чтобы выпустить Видаля и Руделя. Въ этомъ положеніи Цецилія, пройдя позади Видаля, должна была встрѣтить Руделя: между-тѣмъ послѣдній объявилъ, что онъ ея не видѣлъ. Съ другой стороны Рудель показываетъ, что въ то время, какъ Видаль былъ въ серединѣ корридора, повернувъ, спину къ двери, ведущей на улицу, онъ, Рудель, постоянно имѣлъ глаза устремленными на эту дверь, и что онъ не видѣлъ, чтобы кто-либо вышелъ. Наконецъ онъ прибавляетъ, что дверь постоянно оставалась запертою на ключъ, и что превратникъ отворилъ ее лишь для того, чтобы выпустить его съ Видалемъ. Г. Видаль впослѣдствіи времени самъ объяснилъ правосудію тѣ обстоятельства, среди которыхъ послѣдовало его показаніе: «я прибылъ въ субботу 24 въ Тулузу потому, что меня призвалъ монахъ Фло-

рид. *Издержки на мое путешествіе были уплачены монахомъ Орикули.* Я отправился обѣдать въ монастырь, но братъ Флорид сказалъ, что лучше если бы я не обѣдалъ у нихъ. Они мнѣ дали *два франка* на обѣдъ и я пошелъ обѣдать въ Кафе-Раше. Такимъ образомъ доказано, что этотъ свидѣтель, едва имѣющій 17 лѣтъ отъ роду, по своей молодости и неопытности подчинился тайному вліянію братьевъ и сдѣлалъ фальшивое показаніе.—Другое показаніе, еще болѣе точное, нежели показаніе Видаля, объявленное и обнародованное въ журналахъ, было сдѣлано Маделеною Сабатье. Эта женщина показываетъ слѣдующее: «одинъ день въ апрѣлѣ мѣсяцѣ кажется въ четвергъ, 8 или 9-го апрѣля, я вышла гулять и пройдя по городу, пришла на улицу Септъ-Обенъ къ 10 или къ 10¼ часамъ. — Я увидѣла Цецилію, *вив зданія* монастыря, опершуюся у одного окошка. Я замѣтила платье Цециліи, оно было изъ шерстяной матеріи *почти новой*, на ней былъ кисейный передникъ, очень хорошенькій, около нея у окна *была ея корзинка.* Вокругъ шеи у ней было небольшое *ожерелье* изъ бѣлаго металла, на которомъ висѣла *маленькая медаль* изъ бѣлаго металла, вѣроятно изъ серебра». Маделена-Сабатье прибавляетъ: «Цецилія стала смотрѣть въ окно и смѣяться, я ей сказала: хочешь ли уйдти; она мнѣ отвѣтила: нѣтъ я, жду моего хозяина. Я пошла далѣе, потомъ обернувшись, не доходя до противоположнаго конца улицы Септъ-Обенъ, я увидѣла господина, на которомъ былъ черный бурнусъ; онъ шелъ отъ монастыря и когда онъ подошелъ къ Цециліи, то послѣдняя отошла отъ окна и пошла далѣе съ этимъ господиномъ».—Точность этого показанія дозволила правосудію доказать его *подложность*: во первыхъ, въ день преступленія на Цециліи не только не было надѣто новаго костюма, но она была одѣта въ свое ежедневное платье, старое и разорванное. Ожерелья, серебряной медали, которыми Маделена Сабатье украшаетъ шею Цециліи, никогда не существовало; показанія Гильометы Геста, пріятельницы Цециліи, равно матери и бабки послѣдней—удостовѣряютъ, что не только 15 апрѣля на ней не было надѣто серебряное ожерелье, но у нея его никогда не было. Наконецъ Маделена Сабатье говоритъ, что на рукѣ Цециліи была корзинка, тогда-какъ слѣдствіемъ обнаружено, что 15 апрѣля и прежде, чѣмъ отправиться въ мона-

стырь, Цецилія оставила свою корзинку въ мастерской Конта, она отдала ее своей пріятельницѣ Гильометъ Геста, которая прямо отъ себя и отдала корзинку слѣдственному судьѣ. Ложь Маделены Сабатье такимъ образомъ доказана: доказано также, что эта ложь была преднамѣренная и имѣла опредѣленную цѣль. Этотъ свидѣтель, находящійся въ крайней бѣдности, одѣтый въ рубище, не могъ бы безъ посторонней помощи съ такимъ искуствомъ выдумать фальшивое показаніе; чтобы дать этому показанію видъ вѣроятія, Маделена Сабатье пошла къ матери Цециліи Комбеттъ и *предлагала ей 4 франка изъ своихъ денегъ* за то, чтобы несчастная мать показала, что Цецилія знала ее, Сабатье.—Но если правосудіе отвергаетъ фальшивыя показанія, то нерѣдко оно почерпаетъ изъ нихъ полезныя свѣдѣнія. Если бы Цецилія Комбеттъ *вышла* изъ дома братьевъ послѣ того, какъ она вошла въ него 15 апрѣля утромъ, ее бы непремѣнно встрѣтили въ многолюдныхъ улицахъ, которыя окружаютъ монастырь, многочисленные свидѣтели показали-бы, что они встрѣтили Цецилію Камбеттъ; если о встрѣчѣ съ нею удостовѣряетъ только фальшивый свидѣтель, это лучшее доказательство того, что Цецилія *не* выходила изъ дома братьевъ. Правосудіе, отыскивая виновнаго въ домѣ братьевъ, тѣмъ менѣе будетъ имѣть возможность ошибаться, что у него передъ глазами два противорѣчащихъ показанія. Подкупъ Маделены Сабатье и молодаго Видаля заставилъ правосудіе заняться такими обстоятельствами, на которыя рѣдко приходится обращать вниманіе въ дѣлахъ уголовныхъ.—Отыскивая улики преступленія среди религіозной общины, слѣдователи должны были изучить правила и законы которыми управляется эта община; дознано было, что тайна и молчаніе составляютъ самую существенную обязанность каждаго члена братства —Всѣ факты, всѣ акты, которые происходятъ внутри общины, сообщаются настоятелю. Слѣдствіе обнаружило слѣдующіе факты: 18 апрѣля, спустя два дни послѣ открытія трупа Цециліи, монахъ Жюбріенъ говорилъ докторамъ, которые его посѣщали: «что никто ничего не узнаетъ по этому дѣлу, развѣ только въ вѣчности.» Эти слова, сказанныя человѣкомъ, котораго возвышенный умъ и преданность братству сдѣлали довѣреннымъ лицемъ настоятеля—представляются очень важными.

«Противорѣчія въ показаніяхъ, между монахомъ Лоріенъ и бригадиромъ жандармовъ, между Леотадомъ и докторомъ Эстевене по поводу слѣдовъ, замѣченныхъ у стѣны сада, не показываютъ ли они тайную мысль: во что бы то ни стало скрыть преступника отъ преслѣдованій свѣтскаго правосудія? Какимъ разсужденіемъ можно объяснить мнѣніе, вкоренившееся между братьями общины, что трупъ Цециліи былъ брошенъ у сада братьевъ изъ вражды къ братству. Можетъ ли правосудіе разсчитывать на справедливость показаній монаховъ, когда монастырскія правила дѣлаютъ изъ молчанія и секрета предписаніе, котораго не слѣдуетъ нарушить даже въ виду большой опасности.

II) *Перечень фактовъ, доказывающихъ виновность Луи Бонафу, въ постриженіи брата Леотада.*

«Обслѣдовавъ мѣсто преступленіе, правосудіе стало отыскивать виновника преступленія. Цецилія, вошедшая въ корридоръ монастыря, могла выйдти изъ него лишь войдя *во внутренность* монастыря. Такимъ образомъ было очень важно разузнать, какія лица находились въ соприкосновеніи съ Цециліею Комбеттъ въ ту минуту, когда правосудіе потеряло ея слѣды. Контъ, спрошенный 18 апрѣля о томъ, кого онъ видѣлъ въ корридорѣ, когда онъ вошелъ въ него 15 апрѣля, отвѣтилъ: «я видѣлъ брата Жюбріена, у котораго была шляпа на головѣ, *и брата Леотада*, на которомъ былъ капишонъ; они разговаривали между собою у двери, которая ведетъ изъ сѣней на дворъ. Леотадъ былъ обращенъ лицемъ къ двери, чрезъ которую входятъ въ монастырь со стороны улицы». Въ ту минуту, какъ Контъ дѣлалъ это показаніе, онъ и не думалъ обвинить въ преступленіи кого-бы то ни было изъ братьевъ. Никто съ большею энергіею, нежели онъ, не отрицалъ возможности совершенія преступленія кѣмъ либо изъ братьевъ. Когда женщина Байлакъ, тетка Цециліи, видя безполезность поисковъ, предпринятыхъ для того, чтобы найдти Цецилію, и внимая тайнымъ предчувствіямъ, сказала 15 вечеромъ, что Цецилія вѣроятно было убита въ домѣ братьевъ, Контъ прервалъ ее, сказавъ: «вы обвиняете братьевъ, злонамѣренная женщина, вы за это дорого поплатитесь!» Когда 17 апрѣля арестовали Конта и когда слѣдственный судья объявилъ ему объ участи, постигшей Цецилію, Контъ прервалъ его

съ живостью и сказалъ: «что по его мнѣнію Цецилію могли увлечь дурныя женщины этого квартала подъ предлогомъ, что кто либо изъ семейства ее спрашиваетъ, и что она была изнасилована и потомъ убита». Таковы были мнѣніе Конта и его предположенія, когда онъ объявилъ, что видѣлъ въ корридорѣ Жюбріенна и Леотада.—Допрошенные 18 апрѣля, Леотадъ и Жюбріенъ сказали: «что они не были въ корридорѣ»; впрочемъ отрицаніе ихъ было выражено лишь въ видѣ сомнѣнія; Леотадъ на очной ставкѣ съ Контомъ показалъ:» что онъ не помнитъ, чтобы онъ былъ 15 апрѣля въ корридорѣ монастыря.» Братъ Жюбріенъ съ своей стороны ограничился показаніемъ, что онъ можетъ быть и находился въ корридорѣ, но что онъ не помнитъ этаго. Такимъ образомъ два дни послѣ происшествія воспоминанія братьевъ Леотада и Жюбріена оказались слишкомъ слабы для того, чтобы позволить имъ утверждать или отрицать ихъ присутствіе въ корридорѣ въ ту минуту, когда Цецилія вошла въ него. Но они скоро поняли и тотъ и другой важныя послѣдствія, связанныя съ ихъ присутствіемъ въ этомъ мѣстѣ въ день и часъ, указанные Контомъ. Возвращаясь къ первому своему показанію и освобождая его отъ всякихъ сомнѣній, они отрицали самымъ энергическимъ образомъ ихъ присутствіе въ корридорѣ 15 апрѣля въ ту минуту, когда Контъ пришелъ въ него съ Цецилією. Эти отрицанія были ими послѣдовательно повторяемы съ одинаковою энергіею до конца изслѣдованія. Съ своей стороны Контъ не переставалъ показывать самымъ точнымъ образомъ, что 15 апрѣля онъ видѣлъ Жюбріена и Леотада въ корридорѣ монастыря въ ту минуту, когда онъ пришелъ туда съ Цецилією. Слѣдственный судья произвелъ между ними очныя ставки, чтобы открыть, на сторонѣ кого была истина. Онъ объяснялъ Конту важныя послѣдствія его показанія; Контъ подъ присягою утвердилъ свои показанія; тѣмъ не менѣе на допросѣ 24 апрѣля Контъ нѣсколько измѣнилъ ихъ въ томъ смыслѣ: «что онъ *увѣренъ* въ томъ, что *видѣлъ* двухъ братьевъ Жюбріена и Леотада въ корридорѣ, когда онъ пришелъ, но что онъ не смѣетъ сказать съ тою же достовѣрностью, *чтобы они ихъ оставилъ въ немъ*; я не беру этого показанія на свою совѣсть, прибавилъ онъ, и хотя мнѣ кажется, что я ихъ оставилъ въ корридорѣ, но я не смѣю утверждать это правосудію».

Эта сдержанность въ послѣдующихъ показаніяхъ не имѣетъ никакого значенія послѣ того, какъ Жюбріенъ и Леотадъ отрицаютъ, чтобы они были въ корридорѣ какъ въ ту минуту, *когда Контъ вошелъ*, такъ и въ то время, когда онъ отправился къ настоятелю. Контъ, дѣлая новыя показанія въ судѣ, сказалъ: «я клянусь Богомъ, что видѣлъ братьевъ Жюбріена и Леотада въ сѣняхъ общины братьевъ 15 послѣдняго апрѣля въ $9^1/_4$ часовъ утра». Энергическія подтвержденія Конта должны быть признаны за искреннія, потому-что не только нельзя предположить, чтобы у него былъ какой либо интересъ клеветать на братьевъ, но напротивъ его отношенія къ монастырю, тѣ выгоды, которыя онъ извлекалъ изъ этаго положенія — все это могло скорѣе расположить его давать показанія *въ пользу братьевъ*. Такимъ образомъ нельзя допустить, чтобы дѣйствуя вопреки своихъ интересовъ, Контъ рѣшился дѣлать показанія противъ двухъ изъ братьевъ, такъ-какъ клевета съ его стороны должна была не только прервать отношенія его съ монастыремъ, но и нанести ему имущественный вредъ. Показанія Конта поэтому имѣютъ силу и характеръ неопровержимаго свидѣтельства. Слѣдствіе подкрѣпило, вмѣсто того чтобы ихъ ослабить, показанія Конта. Леотадъ, увлеченный желаніемъ доказать свой alibi въ теченіи утра 15 апрѣля, и сославшись въ этомъ на свидѣтелей, былъ уличенъ во лжи именно этими свидѣтелями. Послѣ допроса 23 апрѣля и когда Леотадъ не былъ еще обвиненнымъ, онъ призывалъ свидѣтелей изъ общины и внѣ ея чтобы доказать, что онъ находился въ погребѣ въ утро 15 апрѣля въ опредѣленный часъ. Позже послѣ арестованія брата Леотада, настоятель монастыря, позвавъ къ себѣ свидѣтелей, сталъ ихъ допрашивать и производить частнымъ образомъ изслѣдованіе, чтобы открыть часъ, въ который они видѣли Леотада 15 апрѣля,—но все это не повело ни къ чему.

«Слѣдствіе доказало присутствіе Жюбріена въ корридорѣ въ минуту, которая совпадаетъ съ временемъ прихода Цециліи Комбетъ. Оно сдѣлало болѣе, оно удостовѣрило, что Жюбріенъ и Леотадъ должны были совѣщаться объ одномъ дѣлѣ и что разговоръ, котораго требовало это дѣло, долженъ былъ происходить въ четвергъ, въ часъ и въ мѣстѣ, указанныхъ Контомъ. На допросѣ 23 апрѣля Жюбріенъ сознался, что онъ дол-

женъ былъ пройти по крайней мѣрѣ одинъ разъ чрезъ корридоръ монастыря 15 апрѣля, но что онъ не помнитъ, было-ли это до 9 часовъ утра или послѣ того. Затѣмъ на допросѣ 2 іюня Жюбріенъ вспомнилъ два обстоятельства, которыя дозволили ему опредѣлить съ точностью минуту, когда былъ въ корридорѣ. Онъ видѣлъ дѣйствительно въ эту минуту женщину Юліусъ и ея дочь, которыя несли изъ сада провизію, назначенную для монастыря; въ эту минуту дверь пріемной комнаты отворилась и онъ увидѣлъ нѣкоторыхъ монаховъ съ молодыми людьми, которые стояли и громко разговаривали. Между-тѣмъ слѣдствіе обнаружило, что женщины Юліусъ, пришли въ монастырь, чтобы принести провизію въ 7 часовъ утра, тогда-какъ братья и молодые люди, которые находились въ пріемной: Наварръ, Лоріенъ, Жанисенъ, Видаль и Рудель (какъ уже и было сказано выше) были вмѣстѣ лишь послѣ 9 часовъ.

«И такъ доказано, что Жюбріенъ былъ въ корридорѣ, пока монахи и молодые люди, были въ пріемной; между-тѣмъ Наварръ сошелъ въ 9 часовъ безъ 5 минутъ и ушелъ на верхъ въ 9 часовъ 20 минутъ. Такимъ образомъ Жюбріенъ находился въ корридорѣ между этими двумя предѣлами времени, тогда-какъ именно въ это время Контъ и Цецилія Комбетъ пришли въ монастырь потому, что Наварръ объявилъ, что онъ ихъ видѣлъ въ то время, когда съ нимъ были въ пріемной Видаль и Рудель. Показанія Конта подтверждаются такимъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что доказано, что приходъ его въ корридоръ монастыря и присутствіе Жюбріена происходили въ промежутокъ времени, *продолжавшійся около четверти часа.* Съ другой стороны Контъ и Жюбріенъ встрѣтились въ комнатѣ настоятеля, и каждый изъ нихъ показываетъ, что четверть часа тому назадъ они были въ корридорѣ монастыря; отсюда слѣдуетъ заключить, что они были въ одну и ту же минуту. Если утвержденіе Конта, что онъ видѣлъ Жюбріена и Леотада 15 апрѣля въ корридорѣ, когда они прибыли туда съ Цециліею, удостовѣрено въ справедливости относительно Жюбріена, то оно вѣрно и относительно Леотада.

«Жюбріенъ и Леотадъ должны были совѣщаться, о посылкѣ за виномъ въ Сенъ-Симонъ. Если-бы это свиданіе, котораго необходимость признана обоими монахами, не происходило бы ни

въ мѣстѣ, ни въ часъ, когда оно могло сдѣлаться подозрительнымъ, то Жюбріенъ и Леотадъ, допрошенные отдѣльно, показали бы одно и тоже. Жюбріенъ, допрошенный о мѣстѣ, днѣ и часѣ, когда было это свиданіе, объявилъ, что въ пятницу 16-го онъ пошелъ къ брату Леотаду въ пансіонъ, и предупредивъ его, что онъ посылаетъ за виномъ для монастыря, спрашивалъ у него: не хочетъ ли онъ съ своей стороны купить вина? Леотадъ отвѣтилъ ему, что у него не была готова посуда, но что онъ сдѣлаетъ распоряженія. Такимъ образомъ по словамъ Жюбріена *16-го утромъ* въ пансіонѣ они условились послать за виномъ. Но Батистъ, лакей пансіона, показываетъ, что въ *четвергъ 15-го* онъ получилъ отъ Леотада приказаніе приготовить боченки, чтобы идти за виномъ, и что онъ ихъ приготовилъ въ теченіи вечера. Леотадъ, который, подтверждаетъ этотъ фактъ, говоритъ, что онъ не помнитъ, въ какой день было условлено послать за виномъ. То обстоятельство, что боченки были приготовлены въ четвергъ 15-го, не показываетъ-ли, что въ этотъ именно день было рѣшено послать за виномъ, и что Жюбріенъ скрываетъ истину, означая днемъ свиданія пятницу 16-го? Отсюда заключить должно, что монахи *имѣли причины скрывать* время этого свиданія и что свиданіе было *послѣ 9-ти часовъ*, т. е. въ то время, когда Контъ и Цецилія прибыли въ корридоръ. Что же касается до мѣста, въ которомъ Жюбріенъ и Леотадъ видѣлись, то они показываютъ различно. Но слѣдствіе открыло, что они видѣлись въ монастырѣ. Такимъ образомъ доказано присутствіе двухъ монаховъ въ корридорѣ въ то время, какъ прибыли туда Контъ и Цецилія. Но Жюбріенъ оставилъ корридоръ тотчасъ послѣ ихъ прихода и черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже въ комнатѣ настоятеля. Зачѣмъ-же Жюбріенъ, не принимавшій участія въ преступленіи, совершенномъ надъ Цециліею, старался ввести въ заблужденіе правосудіе посредствомъ лжи и невѣрныхъ показаній и въ теченіи трехъ мѣсяцевъ находился въ тюрьмѣ за ложныя показанія? Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ думалъ, что оказываетъ услугу своему монастырю.—Послѣ ухода Жюбріена изъ корридора, Леотадъ одинъ остался съ Цециліею. Чтобы возвратиться въ пансіонъ, Леотадъ долженъ былъ перейти черезъ дворъ и пройдти подъ тюнель (См. на планѣ K); Цецилія проходила по тѣмъ-же мѣстамъ, потому-что

если слѣдствіе обнаружило ея присутствіе въ корридорѣ, то оно нашло на слѣдующій день ея трупъ у стѣны сада братьевъ (X). На ея трупѣ найдены были остатки сѣна и соломы, что доказываетъ, что преступленіе надъ нею было совершено въ овинѣ. Вѣроятно въ овинѣ трупъ Цециліи былъ спрятанъ до ночи, когда уединеніе и темнота дозволили преступнику бросить его на кладбище. Тутъ то слѣдуетъ вспомнить слова привратника, который сказалъ Конту на вопросъ его о Цециліи: «можетъ быть она была въ пансіонѣ», и показалъ ему пальцемъ по направленію къ тюннелю. Слѣдствіе обнаружило, что тѣ мѣста, по которымъ Леотадъ и Цецилія должны были проходить въ четвергъ 15-го апрѣля, были уединенны. Дѣйствительно изъ показаній директоровъ пансіона и настоятеля монастыря оказывается, что въ четвергъ вообще монахи должны оставаться въ классныхъ залахъ отъ 8 до 11 часовъ. Они не ходятъ въ это время по корридорамъ, которые ведутъ изъ монастыря въ садъ. Двойной опытъ, сдѣланный въ четвергъ между 9 и $9^1/_4$ часами слѣдственнымъ судьею, еще болѣе удостовѣрилъ его, что въ это время корридоры были совершенно пусты.

«Слѣдствіе старалось открыть, какія лица находились въ саду въ тотъ часъ, когда надо предполагать, что было совершено преступленіе? Дознано, что монахъ Лоріенъ, садовникъ, работалъ у маленькой часовни, у стѣны противоположной овинамъ, а Антоанъ работалъ въ части сада около стойла коровъ. Видъ мѣстности показываетъ, что эти лица съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они находились, не могли воспрепятствовать совершенію преступленія надъ Цециліею Комбетъ. Таково впечатлѣніе, производимое осмотромъ мѣстъ, ихъ уединеніемъ, и нахожденіемъ овиновъ, наполненныхъ сѣномъ, которые должны были поглощать крики. Это преступленіе было бы необъяснимо и исполненіе его трудно бы допустить, если бы оно было предумышленнымъ, но его легко допустить, если признать, что оно произошло отъ одного изъ тѣхъ ужасныхъ и внезапныхъ взрывовъ страстей, столь возможныхъ у монаховъ, которые живутъ вопреки инстинктамъ природы. Эти мѣста, конюшни и овины были безпрестанно посѣщаемы Леотадомъ. Онъ ходилъ за кроликами и голубями, которые содержались въ нихъ. Ничего не было легче для Леотада, какъ завлечь Цецилію въ это уединенныя мѣста, въ которыхъ въ

это время не могло быть никого. Цецилія, эта молодая дѣвушка столь невинная и неопытная, была безъ опасеній относительно монаха братьевъ христіанскаго ученія. Она часто посѣщала ихъ домъ; будучи ученицею у Конта, она участвовала въ безпрестанныхъ сношеніяхъ его съ монастыремъ. На той-же недѣли она была и въ пансіонѣ и въ монастырѣ. Достаточно было Леотаду изобрѣсть какой нибудь предлогъ, напримѣръ объ отдачѣ ей книги въ переплетъ или предложить показать ей кроликовъ и голубей, чтобы заставить Цецилію идти съ нимъ въ тѣ мѣста, гдѣ изнасилованіе восторжествовало надъ ея цѣломудріемъ, гдѣ убійство заставило на вѣки умолкнуть голосъ, который могъ обвинить преступника.

«Приведя въ извѣстность всѣ обстоятельства, которыя связаны съ замышленіемъ и исполненіемъ двойнаго преступленія, совершеннаго 15-го апрѣля надъ Цециліею Комбетъ, слѣдствіе должно было розыскать тѣ *средства*, которыя могли быть употреблены преступникомъ для того, чтобы *скрыть трупъ убитой*. Слѣдственный судья, отправившись въ монастырскій пансіонъ 24-го апрѣля, пригласилъ Леотада, который не былъ еще арестованъ, показать комнату или спальню, въ которой онъ спалъ. Леотадъ отвелъ судью въ отдаленную комнату, находящуюся внутри строенія во второмъ этажѣ и имѣющую сообщеніе съ спальнею Сенъ-Лун де Гонзагъ. Видъ этихъ двухъ спаленъ уничтожалъ возможность предположенія, чтобы Леотадъ могъ выйти изъ нихъ ночью, чтобы вынуть трупъ изъ овина. Но когда слѣдственный судья, просилъ Леотада, чтобы онъ указалъ ему ту комнату, въ которой онъ спалъ 15 и 16 апрѣля, то Леотадъ объяснилъ, что онъ спалъ *въ комнатѣ перваго этажа*, которую онъ и указалъ. Изъ осмотра этой комнаты оказалось, что Леотадъ могъ выйдти изъ нея ночью и придти въ садъ, отворивъ двѣ двери, которыя запирались однимъ и тѣмъ же ключемъ. Внезапный обыскъ, сдѣланный послѣ его арестованія, удостовѣрилъ, что между ключами, которые находились у него, *одинъ ключъ могъ отпереть обѣ двери*, которыя вели изъ монастыря въ садъ.

«Такимъ образомъ возможность для Леотада идти ночью взять трупъ, спрятанный въ одномъ изъ овиновъ, чтобы отнести его къ стѣнѣ сада, черезъ которую онъ и былъ брошенъ на клад-

бище, вполнѣ доказана. Но перемѣна постели, которая произведена была послѣ преступленія, есть обстоятельство слишкомъ важное, чтобы не обратить на себя вниманіе правосудія. Инициатива этой мысли принадлежитъ монаху Ирлиду, директору пансіона. Вотъ объясненіе, которое онъ по этому предмету далъ слѣдователямъ: «я самъ думалъ прекратить отступленіе отъ нашихъ правилъ, заключавшееся въ томъ, что монахъ Люкъ спалъ одинъ, и перевелъ его въ прежнюю комнату Леотада. Эту перемѣну, ускорило замѣчаніе сдѣланное мнѣ братомъ Люкъ объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался оттого, что спалъ одинъ въ мѣстѣ, столь уединенномъ отъ другихъ обитаемыхъ частей дома». Слѣдственный судья старался добитыя объясненія о томъ: какая опасность могла угрожать брату Люкъ, но монахъ Ирлидъ отказался вступить въ болѣе подробныя объясненія. Братъ Люкъ приписалъ опасенія, которыя онъ испытывалъ, преступленію, совершенному 15 апрѣля. Было трудно понять, какимъ образомъ преступленіе, совершенное надъ *Цециліею Комбеттъ*, могло внушить человѣку, пожилому какъ монахъ Люкъ, столь сильный страхъ, чтобы онъ сталъ просить о его переводѣ въ другую спальню. Причины, приведенныя имъ, чтобы объяснить перемѣну постелей, вслѣдствіе которой Люкъ переведенъ въ комнату, въ которой прежде спалъ Леотадъ, не могутъ быть допущены. Ничтожность этихъ причинъ заставляетъ предполагать, что были причины болѣе важныя, скрытыя отъ правосудія. Надо видѣть въ этомъ дисциплинарное распоряженіе, предпринятое съ цѣлью отдалить отъ прочихъ братьевъ монаха, который запятналъ себя двойнымъ преступленіемъ.—Леотадъ могъ на слѣдующій день послѣ преступленія снять съ себя рубашку и отнести ее въ грязное бѣлье. Слѣдственный судья потребовалъ отъ настоятеля монастыря списокъ всѣхъ монаховъ, бывшихъ въ домѣ братьевъ въ моментъ совершенія преступленія — ни одинъ изъ нихъ не призналъ рубашку подъ № 562 за свою. Леотадъ нѣсколько дней до его арестованія, снялъ съ себя бархатные панталоны и подштанники, которые онъ носилъ 15 апрѣля. Нашли панталоны, но подштанниковъ найти не было никакой возможности.—Слѣдствіе собрало съ большимъ стараніемъ свѣдѣнія о всѣхъ *поступкахъ и словахъ Леотада* въ ту минуту, когда трупъ Цециліи былъ найденъ на кладбищѣ. На доп-

рось 10 іюля Леотадъ показалъ, что онъ узналъ о происшествіи въ ту минуту, когда онъ уходилъ, чтобы отправиться изъ монастыря въ городъ; «я узналъ (говоритъ онъ), что нашли тогда на кладбищѣ убитою какую-то дѣвушку, бывшую въ услуженіи Конта, которая наканунѣ приносила книги въ монастырь. Вотъ все, что я зналъ о происшествіи, когда я вышелъ изъ монастыря.— Леотадъ въ это утро посѣтилъ многихъ лицъ. Такъ онъ былъ у Конта подъ предлогомъ просить его прибавить одинъ листъ пергамента къ тетради, которая была имъ отдана для переплета. Онъ узналъ, что Контъ отправился въ Охъ, и обратившись къ женѣ Конта, сказалъ ей: «скажите мнѣ, какая это дѣвушка, о которой говорятъ; развѣ она работала у васъ?» Жена Конта сказала ему, что это та именно работница, которая наканунѣ относила съ ея мужемъ книги въ монастырь. Леотадъ ушелъ, не сказавъ болѣе ни слова. Уходя отъ Конта, Леотадъ отправился къ г. Домбархъ-Лажю, кондитеру: я пришелъ заплатить вамъ по счету, сказалъ онъ; — г. Лажю замѣтилъ, что онъ напрасно самъ безпокоился придти заплатить по счету, потому-что счетъ всегда посылался въ монастырь. Счетъ доходилъ до 70 франковъ. Леотадъ заплатилъ деньги и ушелъ. Г. Лажю, который слышалъ о нахожденія трупа молодой дѣвушки на кладбищѣ, сказалъ Леотаду: «скажите мнѣ, любезный братъ, что съ вами случилось; говорятъ, что къ вамъ принесли мертвую дѣвушку на кладбище около вашего сада, и что вчера переплетчикъ приводилъ ее къ вамъ живую»? Леотадъ отвѣчалъ: «этотъ переплетчикъ Контъ, я только-что былъ у него и засталъ у него его жену; несчастный, если бы мы знали его прошедшую жизнь, то онъ никогда не работалъ бы на нашъ монастырь»; потомъ Леотадъ прибавилъ: «нельзя сказать, чтобы онъ совершилъ преступленіе, но наконецъ»..... Братъ Леотадъ, по показанію Лажю, былъ въ этотъ день веселѣе обыкновеннаго, но эта веселость казалась ему принужденною. — Этотъ разговоръ возбудилъ вниманіе правосудія. Слѣдственный судья обратилъ вниманія на то, какимъ образомъ Леотадъ, который 16-го утромъ вышелъ изъ монастыря, зная только одну вещь: что какая-то дѣвушка найдена была убитою на кладбищѣ, не зная даже причину ея смерти, обвиняетъ Конта, тогда-какъ ни одинъ фактъ не предоставлялся въ подтвержденіе этого обвиненія. Слѣдствіе ста-

ралось раскрыть, какимъ образомъ Леотадъ могъ 16 утромъ направить столь важное обвиненіе противъ человѣка, который уже 11 лѣтъ пользовался довѣріемъ монастыря, и котораго наканунѣ еще встрѣтили тамъ съ почетомъ и уваженіемъ. Какимъ образомъ Леотадъ могъ вспомнить объ одномъ происшествіи изъ жизни Конта, бывшемъ въ 1840 г. Допрошенный объ этихъ обстоятельствахъ, Леотадъ послѣ долгихъ колебаній показалъ, что такъ какъ г. Лажю говорилъ ему о дурныхъ поступкахъ въ прежней жизни Конта, то и онъ сказалъ, что Контъ могъ совершить преступленіе, но онъ не зналъ ничего о прежней жизни Конта. Такимъ образомъ обнаружено, что 16 апрѣля утромъ прежде, нежели сдѣлалась извѣстна причина смерти Цециліи Комбеттъ, Леотадъ поспѣшилъ *обвинить* Конта какъ убійцу. Слѣдствіе открыло, какимъ образомъ Леотадъ могъ узнать прошедшую жизнь Конта. Было дознано, что въ 1840 г. Контъ черезъ годъ послѣ своей свадьбы находился въ преступной связи съ сестрою своей жены. Контъ самъ сознался въ этомъ поступкѣ. Его связь кончилась смертью его невѣстки, умершей въ 1842 г. Съ тѣхъ поръ въ поведеніи Конта нельзя было найти ничего предосудительнаго. Контъ самъ показываетъ, что онъ, благодаря совѣтамъ монаха Флорида, возвратился къ болѣе строгому образу жизни. Такимъ образомъ монахъ Флоридъ зналъ о прежней жизни Конта, слѣдовательно и Леотадъ могъ узнать объ этомъ.

«Леотадъ, отправившійся утромъ 16 апрѣля къ Конту подъ ничтожнымъ предлогомъ, не повиновался-ли онъ тому инстинкту, который побуждаетъ преступниковъ посѣщать мѣста, въ которыхъ жили ихъ жертвы, и когда черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ у Лажю и обвинялъ Конта въ преступленіи, не былъ ли онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы навести общественное мнѣніе на обвиненіе постороняго лица, чтобы отвлечь вниманіе правосудія отъ настоящаго преступника? Леотадъ подчинился желанію обратить на другихъ обвиненіе, которому онъ самъ могъ подвергнуться. Такъ на допросѣ 5 іюля онъ показалъ: «что 18 апрѣля монахъ Ибоціенъ говорилъ ему, что въ прошлый четвергъ онъ видѣлъ какую-то дѣвушку, можетъ быть Цецилію Комбеттъ, въ корридорѣ. Монахъ Ибоціенъ отрицалъ эти слова, и его показанія подтвердили г. г. Эстрабо, отецъ и сынъ, въ

присутствіи которыхъ, по показаніямъ Леотада, ему сказаны были эти слова.

«Такимъ образомъ (продолжаетъ обвинительный актъ) двойное преступленіе, совершенное 15 апрѣля надъ Цециліею Комбеттъ, было произведено въ домѣ братьевъ христіанскаго ученія, въ Тулузѣ. Положеніе трупа, поврежденія, замѣченныя на стѣнѣ и въ близь лежащихъ мѣстахъ, слѣды лѣстницы, употребленіе которой никто не можетъ объяснить, слѣды ногъ сначала отрицаемые, и потомъ признаваемые, стебельки дятлины, соломенки пшеницы и стебли сѣна—все это *улики*, которыя обараруживаютъ мѣсто, гдѣ находился трупъ, и объясняютъ какъ онъ былъ перенесенъ и брошенъ въ кладбище. Насиліе, учиненное надъ Цециліею Комбеттъ, безпорядокъ, произведенный въ ея органахъ, убійство, послѣдовавшее за изнасилованіемъ—всѣ эти обстоятельства показываютъ новыя свойства этого преступленія и выказываютъ въ преступникѣ внезапный порывъ половыхъ страстей, сдерживаемыхъ долгое время. Входъ Цециліи въ домъ монастыря, ея трупъ найденный у основанія стѣны братьевъ, при неимѣніи ни одного обстоятельства, которое бы указывало, что она *вышла* изъ монастыря,—подкупленный свидѣтель, другой свидѣтель, который ложно показываетъ, что Цецилія вышла изъ монастыря—все это доказательства, которыя изобличаютъ то мѣсто, гдѣ она погибла. Если розыскивать въ корпораціи братьевъ христіанскаго ученія, кто былъ *убійца* Цециліи Комбеттъ, то на комъ болѣе, чѣмъ на Леотадѣ, скопляются всѣ улики, удостовѣряющія, что онъ именно есть убійца? Его пребываніе въ корридорѣ монастыря въ ту минуту, когда пришла туда Цецилія, удостовѣренное Контомъ, подтвержденное слѣдствіемъ—дѣлается первымъ звѣномъ той цѣпи, которая приковываетъ убійцу къ трупу его жертвы. Кто другой, кромѣ Леотада, имѣлъ большую возможность совершить преступленіе? Мѣста, въ которыхъ жертва была убита, находились подъ его завѣдываніемъ, его должность позволяла ему свободно ходить по всему дому. Перемѣна постели, которая обнаруживаетъ со стороны настоятеля монастыря важныя соображенія и оставшаяся до сихъ поръ необъясненной, рубашка, найденная въ монастырѣ, пятна которой доказываютъ, что она находилась въ соприкосновеніи съ тѣломъ или платьемъ жертвы, легкость, которую одинъ Леотадъ имѣлъ въ монастырѣ

проникнуть изъ своей спальни въ садъ, чтобы бросить трупъ на кладбище, его приходъ къ Лажю 16-го утромъ, иниціатива съ его стороны въ обвиненіи Конта въ такомъ преступленіи, о которомъ онъ, по его словамъ, даже не зналъ, возбужденіе имъ изъ жизни Конта проступка, послѣ котораго прошло 7-мь лѣтъ, чтобы сдѣлать изъ него предлогъ къ обвиненію въ изнасилованіи и убійствѣ—всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, убѣждаютъ насъ, что именно Леотадъ убійца. — Вслѣдствіе сего Луи-Бонафу, въ монашествѣ братъ Леотадъ, обвиняется въ томъ: что онъ 15 апрѣля 1847 г. совершилъ надъ Цециліею Комбеттъ, (которой было отъ роду менѣе 15 лѣтъ), преступленія изнасилованія и убійства, причемъ послѣднее преступленіе было совершено послѣ перваго для достиженія безнаказанности. Эти преступленія предусмотрѣны 332 и 304 ст. уголовнаго кодекса».

Обширность этого дѣла не позволяетъ намъ изложить in extenso показанія всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и свидѣтелей; поэтому мы ограничимся лишь изложеніемъ допроса подсудимаго и его главнѣйшихъ показаній:

Президентъ: Скажите мнѣ знали-ли вы Цецилію Комбеттъ? *Леотадъ* (спокойно) я ее *никогда не видѣлъ* и не зналъ. *Вопросъ*: Часто-ли вы бывали у Конта? *Отвѣтъ*: Я часто ходилъ къ нему съ порученіями, но никогда не видѣлъ его работницъ. *Вопросъ*: что дѣлали вы въ утро 15 апрѣля? *Отвѣтъ*: Вставши, я пошелъ къ обѣднѣ, и вышелъ оттуда въ 8 часовъ, въ $8^1/_4$ часовъ я отправился въ пансіонъ и оставался въ немъ до $9^1/_2$ ч., потомъ я завтракалъ. *Вопросъ*: отъ 9 до 10 часовъ гдѣ вы были? *Отвѣтъ*: Я былъ въ корридорѣ, въ кухнѣ и тамъ, гдѣ дѣлаютъ хлѣбъ, потомъ я былъ въ саду и кормилъ птицъ, потомъ ходилъ въ погребъ за дровами, а въ 11 часовъ былъ у второй обѣдни. *Вопросъ*: Когда ложатся спать въ монастырѣ? *Отвѣтъ*: Всѣ ложатся въ одно время въ 10 часовъ, но я могъ съ разрѣшенія настоятеля ложиться позже другихъ. *Вопросъ*: Бывали-ли вы иногда въ конюшнѣ монастырскаго пансіона? *Отвѣтъ*: Я бывалъ въ ней иногда. *Вопросъ*: Какъ вы въ нее входили? *Отвѣтъ*: Я обыкновенно спрашивалъ ключи у лакея Батиста; впрочемъ ключъ нерѣдко былъ въ дверяхъ. *Вопросъ*: Были ли вы 15-го въ корридорѣ монастыря? *Отвѣтъ*: (съ твердостію) я въ немъ *не* былъ, я это говорилъ,

повторяю теперь и буду повторять на смертномъ одрѣ. Контъ солгалъ; мое слово стоитъ его слова; я былъ въ корридорѣ 16-го. *Вопросъ*: Въ которомъ часу и какимъ образомъ узнали вы, что нашли трупъ? *Леотадъ*. Я собирался выходить къ $8^1/_2$ часамъ утра, когда я увидѣлъ бригадира жандармовъ и настоятеля монастыря. Я спросилъ у нихъ, что ихъ такъ испугало? Они мнѣ отвѣтили: «нашли убитую дѣвушку, это горничная Конта». Я вышелъ въ улицу кладбища и пошелъ въ капитоль; тамъ толпа народа говорила про убійство и я узналъ нѣкоторыя подробности, которыя и сообщилъ Лажю; внѣ монастыря я еще прежде слышалъ, что Контъ имѣлъ любовныя связи съ сестрою своей жены.—На всѣ остальныя обстоятельства подсудимый отзывается незнаніемъ.

Генеральный прокуроръ *Д'Омсъ* произнесъ слѣдующую рѣчь: «преступленіе было совершено въ домѣ братьевъ христіанскаго ученія. Факты, собранные слѣдствіемъ, подтвержденные допросами въ судѣ обвиненнаго и свидѣтелей—подкрѣпляютъ эту истину. Беспристрастное изученіе сердца человѣческаго, здравая оцѣнка тѣхъ страстей и ощущеній, которыя волнуютъ его, знаніе тѣхъ опасностей, которыя его ожидаютъ—не только не опровергаютъ правдоподобности этого преступленія въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ оно проявилось, но напротивъ удостовѣряютъ и объясняютъ его возможность. Однимъ словомъ судебныя доказательства рѣшительны и показываютъ съ точностью *мѣсто*, гдѣ совершено было преступленіе: психологическое изученіе сердца человѣческаго придаетъ характеръ несомнѣнности уликамъ, уже собраннымъ. Но въ ту минуту, когда наша обязанность заставляетъ насъ *отыскивать виновнаго среди духовнаго братства*, мы должны изучить положеніе, принятое этимъ братствомъ или лучше сказать нѣкоторыми изъ его членовъ въ отношеніи къ правосудію. Это изученіе необходимо, чтобы опредѣлить значеніе тѣхъ доказательствъ, которыя обвиняютъ Леотада. Смотря по тому, будете-ли вы убѣждены, что настоятели общины оказывали правосудію серьезное содѣйствіе безъ всякой задней мысли, или признаете, что дѣйствія тайныя и искусно придуманныя старались истребить доказательства, которыя обнаружило слѣдствіе, и приготовили черезъ свое вліяніе *ложь* и неточныя показанія—вы будете смотрѣть *съ раз-*

личной точки зрѣнія на тѣ доказательства, которыя собраны и на тѣ *которыхъ не достаетъ*.—Если бы вы были убѣждены, что настоятели монастыря братьевъ имѣли желаніе выдать правосудію виновнаго, который скрывался между ними, вы удивились-бы тому, что хотя преступленіе совершено среди бѣлаго дня, но изъ общины не нашлось *ни одного свидѣтеля*, который-бы могъ разсказать тѣ обстоятельства, которыя прямо относятся къ преступленію. Но если вы думаете напротивъ того, что внѣшнее содѣйствіе правосудію было лишь хитростью, чтобы противодѣйствовать его розысканіямъ—то вы не будете удивляться, что по этому дѣлу не собрано прямыхъ доказательствъ. Сила уликъ, уже собранныхъ правосудіемъ, заставитъ васъ отгадать тѣ, *которыя были скрыты* отъ вашей оцѣнки и *вашей совѣсти*. Мы понимаемъ все, что есть труднаго въ этой части нашихъ обязанностей. Наша любовь къ правосудію, желаніе насъ одушевляющее добиться наказанія отвратительнаго злодѣянія,—не сдѣлаетъ насъ несправедливыми къ цѣлому институту, который приноситъ обществу столь великую пользу. Мы пойдемъ еще дальше, мы не раздѣляемъ опасенія, которое внушаютъ иногда религіозныя корпораціи. Мы не думаемъ, чтобы при состояніи нашихъ нравовъ и нашихъ учрежденій религіозныя корпораціи могли возобновить въ наше время опасности, которыя были предупреждены сто лѣтъ тому назадъ нашими безсмертными предками. Но заключить отсюда, чтобы религіозныя корпораціи не могли въ извѣстныхъ случаяхъ и именно въ силу существующей въ нихъ дисциплины подвергать свѣтскую власть дѣйствительнымъ опасностямъ, это было-бы, милостивые государи, закрывать глаза на свѣтъ и не воспользоваться тѣми уроками, которые можно извлечь изъ этого процесса. Я не доказываю, чтобы монахи добровольно приняли на себя возмутительную солидарность съ преступленіемъ и скрывали виновнаго, я не хочу сказать, что изнасилованіе и убійство внушили членамъ религіозной общины столь сильную симпатію къ преступнику, чтобы они хотѣли сдѣлать изъ этого преступленія—тайну, обезпечивъ безнаказанность преступника. Но я утверждаю, что увлеченные предразсудками, они хотѣли оспаривать виновнаго у свѣтской власти лишь потому, что онъ носитъ костюмъ монашескаго ордена.—Въ серьезныхъ разсужденіяхъ не нужно ничего преувеличивать, въ

особенности не надо превращать въ личные пороки тѣ недостатки, которые присущи нѣкоторымъ *учрежденіямъ*. Но не надо также дѣлать оружіе изъ этого преувеличенія и доказывать, что такіе недостатки невозможны. Конечно если-бы я сталъ доказывать передъ вами, что люди, посвятившіе себя обязанностямъ религіозной жизни, отличающіеся тѣми добродѣтелями, которыя внушаетъ эта жизнь, внезапно оказались столь развращенными, что испытываютъ какую-то симпатію къ человѣку, запятнавшему себя двойнымъ преступленіемъ—то ваше сердце какъ и вашъ разумъ возстали бы противъ этого доказыванія. Но если люди, отдѣльно взятые, должны быть изучаемы на основаніи общихъ данныхъ сердца человѣческаго, то люди, соединенные въ общество, должны быть оцѣниваемы согласно характеру и духу тѣхъ учрежденій, которыя ими управляютъ. Никто не станетъ оспаривать, что та среда, въ которой мы живемъ, имѣетъ огромное вліяніе на наши понятія и измѣняетъ тѣ убѣжденія, которыя мы можемъ имѣть о людяхъ и вещахъ. Кто станетъ отрицать, что религіозная корпорація образуетъ отдѣльную общину среди великаго гражданскаго общества? Подобно сему послѣднему религіозная община имѣетъ свои законы, свою дисциплину, нравы и даже юрисдикцію. Конечно свѣтская власть имѣетъ контроль надъ этой общиной, но этотъ контроль, который можетъ простираться лишь на внѣшнія обязанности, остается безъ вліянія на самый сильный элементъ общины,—на элементъ, который образуетъ связующее ея начало—я говорю о правахъ и обычаяхъ. Нельзя скрыть, что въ общинѣ, такимъ образомъ организованной, человѣкъ можетъ научиться обязанностямъ, которыя нерѣдко противорѣчатъ обязанностямъ, налагаемымъ гражданскимъ обществомъ. Я думаю, милостивые государи, что для разрѣшенія этого процесса необходимо, чтобы вы изучили организацію общины братьевъ: и вы поймете тогда, что ошибки, неточности и скрытность *многихъ* изъ свидѣтелей, ничто иное какъ ошибки, неточности и скрытность *одного*: вы поймете тогда, что показаніе нѣсколькихъ свидѣтелей о фактѣ заслуживаетъ не болѣе вѣроятія, какъ показаніе одного свидѣтеля, и что при такомъ положеніи стóитъ только допустить какую-либо побудительную причину, которая заставляла-бы сдѣлать фальшивыя показанія—чтобы понять какимъ образомъ появи-

лось нѣсколько фальшивыхъ показаній. Какъ только человѣкъ надѣлъ монашеское платье братства христіанскаго ученія, онъ не принадлежитъ болѣе себѣ. Связи семейственная и общественная для него болѣе не существуютъ. Все, что отличаетъ человѣка въ семействѣ и въ обществѣ, исчезаетъ передъ новымъ обществомъ и новымъ семействомъ, въ которыя онъ входитъ. Онъ во первыхъ теряетъ свое имя и вы можете судить по тѣмъ именамъ, которыя были произнесены въ судѣ, легко ли ихъ запомнить. Видна какая-то аффектація выбирать такія имена, которыя самою ихъ странностью показываютъ сколь великая перемѣна произошла съ человѣкомъ, вступившимъ въ монашество. Однообразіе костюма, общность одежды, удостовѣряютъ, что всякая самоличность исчезаетъ въ общинѣ и поглощается ею. Совершенное самоотреченіе, безусловное повиновеніе каждаго монаха приказаніямъ и желаніямъ настоятеля образуетъ общество, которое олицетворяетъ собою типъ деспотической власти. Настоятель религіозной общины не только руководитъ дѣйствіями членовъ, ее составляющихъ, но располагаетъ ихъ волею и до извѣстной степени руководитъ ихъ чувствами и убѣжденіями. Чтобы создать какое-либо убѣжденіе въ религіозной общинѣ объ извѣстномъ событіи, не нужно никакихъ усилій, надо только одно слово.

«Тотъ день, когда настоятель братьевъ объявилъ среди общины, что Цецилія *вышла*, что она была убита внѣ монастыря и что ея трупъ былъ принесенъ къ стѣнѣ сада съ цѣлью обвинить общину—въ этотъ день сложилось общественное мнѣніе братьевъ, и нѣтъ ни одного изъ нихъ, который не входя самъ въ разсмотрѣніе фактовъ, не имѣлъ бы самое глубокое убѣжденіе, что одна злоба людей могла собрать тѣ доказательства, которыя обнаружены правосудіемъ. Самые торжественные судебные приговоры никогда не измѣнятъ этихъ убѣжденій, которыя имѣютъ всю энергію убѣжденія въ какой-либо религіозной истины. Когда умы всѣхъ монаховъ находятся подъ вліяніемъ мысли, что преступленіе совершено было *внѣ зданія* монастыря, вы поймете, съ какимъ увлеченіемъ принимаются ими самые ничтожные признаки, которые поддерживаютъ это мнѣніе, и съ какою энергіею опровергаются тѣ доказательства, которыя ему противорѣчатъ. Въ свойствѣ ума человѣческаго пренебрегать

фактомъ, послѣдствія котораго уже заранѣе отвергнуты составленнымъ убѣжденіемъ. Допустивъ это направленіе умовъ, эту вѣру сначала предписанную, но которая потомъ укрѣпляется въ разговорахъ и совѣщаніяхъ, вы поймете, съ какою легкостью могли исчезнуть изъ памяти свидѣтелей воспоминанія о фактахъ, которыя противорѣчатъ составленнымъ ими убѣжденіямъ. Когда правосудіе отыскиваетъ слѣды преступленія, совершеннаго въ нѣдрахъ гражданскаго общества, то оно имѣетъ помощниковъ въ свидѣтеляхъ, незнакомыхъ другъ съ другомъ, совершенно отдѣльно поставленныхъ въ обществѣ, и которые дѣйствуя подъ впечатлѣніемъ различныхъ интересовъ и страстей, не подвергнуты одному и тому же вліянію. Но если преступленіе совершено среди религіозной общины, правосудіе встрѣчаетъ свидѣтелей, подчиняющихся *одному* вліянію и направленію. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы имѣть гарантію въ различныхъ показаніяхъ, изъ которыхъ одно контролируетъ и повѣряетъ другое, судьи находятъ передъ собою *одного свидѣтеля*. Если-же этотъ свидѣтель подчиненъ предразсудкамъ и заблужденіямъ, которые заставляютъ его желать, чтобы виновникъ большаго преступленія остался безнаказаннымъ, то это все равно, какъ будто бы открытіе истины зависѣло отъ одного свидѣтеля, который былъ бы подвергнутъ различнымъ вліяніямъ, препятствующимъ ему быть безпристрастнымъ. Но признавъ даже за справедливыя всѣ эти соображенія, насъ спросятъ, какой интересъ имѣли настоятели монастыря въ томъ, чтобы *скрыть* виновнаго отъ правосудія? Интересъ, который заставлялъ настоятеля скрывать преступленіе, не было одно человѣколюбіе. Не личность подсудимаго возбуждала ихъ симпатіи. Интересъ другаго рода и который въ ихъ глазахъ превращался въ интересъ религіозный, возбудилъ ихъ сопротивленіе противъ розысканій правосудія. Нельзя отрицать, что по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, церковь не занимаетъ то мѣсто, которое бы слѣдовало въ нашихъ учрежденіяхъ. Но изъ всѣхъ привиллегій свѣтской власти, ни одна не возбуждаетъ столь сильныхъ сожалѣній духовенства, какъ уничтоженіе особенныхъ и исключительныхъ юрисдикцій, признаніе равенства всѣхъ передъ закономъ, и подчиненіе духовныхъ лицъ свѣтскому суду. Было бы отступленіемъ отъ истины, милостивые государи, не признать, что въ наше время суще-

ствуютъ еще достойные уваженія люди, которые считаютъ за нарушеніе религіи то обстоятельство, что лице духовнаго званія судится въ свѣтскомъ судѣ. Вслѣдствіе сего они дѣлаютъ всѣ усилія, чтобы спасти религію, дурно ими понимаемую, отъ зрѣлища монаха, который судится въ уголовномъ судѣ за убійство и изнасилованіе. Это направленіе, которымъ отличаются нѣкоторые умы, развивается и укрѣпляется еще съ большею силою въ средѣ религіозныхъ корпорацій. Оно находитъ помощника въ той связи и солидарности, которыя существуютъ между членами. Вы бы нисколько не удивились, милостивые государи, если бы въ средѣ корпораціи братьевъ христіанскаго ученія нашелся человѣкъ, совершенно пропитанный духомъ этой общины, съ умомъ болѣе энергическимъ, нежели просвѣщеннымъ, который сталъ-бы разсуждать слѣдующимъ образомъ: «заставить исчезнуть слѣды преступленія, спасти виновнаго есть дѣйствіе, которое не подвергнуто преслѣдованію законовъ уголовныхъ. Эти законы, которые не вмѣняетъ гражданину въ обязанность донести на убійцу, даже когда этотъ убійца для него лице постороннее, не могутъ налагать этой обязанности на сына противъ отца, на отца противъ сына; между тѣмъ не братья-ли мы по религіи? Не члены-ли мы одного семейства, менѣе-ли священны связи религіозной общины, нежели связи естественнаго семейства; если бы братъ нашелъ въ своемъ домѣ доказательства преступленія, совершеннаго его братомъ, развѣ стали бы его обвинять, если бы онъ ихъ истребилъ? Убійца Цециліи большой преступникъ и мы должны подвергнуть его тѣмъ наказаніямъ, которымъ церковные законы подвергаютъ преступниковъ, но онъ членъ нашего семейства и мы должны его спасти и спасая его, мы избавляемъ религію отъ печальнаго зрѣлища видѣть монастырь, убѣжище столькихъ добродѣтелей, опороченнымъ въ глазахъ свѣта.»—Эти идеи м. г. уже не принадлежатъ нашему времени, разумъ произнесъ надъ ними свой приговоръ, а правосудіе ихъ порицаетъ, но будьте увѣрены, что они объясняютъ (нисколько не оправдывая) то положеніе, которое приняли настоятели монастыря, и сопротивленіе ихъ розысканіямъ правосудія.

«Я предполагаю, что трупъ молодой дѣвушки найденъ былъ въ уединенномъ лѣсу, на дорогѣ, ведущей къ дому человѣка, котораго видѣли наканунѣ съ жертвой убійства. Развѣ бы этотъ человѣкъ

не далъ отвѣтъ за жизнь молодой дѣвушки передъ обществомъ? Между-тѣмъ вы, *Леотадъ*, вы были съ Цециліею 15 апрѣля, вы были подлѣ нея и вы одни не могли сообщить о ней никакихъ свѣдѣній. Мы находимъ ея трупъ около вашего дома и мы вправѣ спросить у васъ сегодня, что вы сдѣлали съ Цециліею.... *это вы ее убили*! Вы имѣете теперь, милостивые государи, всѣ элементы перваго акта драмы и мы можемъ резюмировать его въ нѣсколькихъ словахъ: Леотадъ очутился одинъ въ сѣняхъ монастыря съ Цециліею. Кто можетъ сказать, сколько скрытыхъ и неопредѣленныхъ ощущеній должно было возбудить въ сердцѣ человѣка, лишеннаго семейныхъ радостей, видъ прелестной, молодой и чистой дѣвушки, ея взглядъ скромный и стыдливый! Кто знаетъ, не проникъ-ли образъ этой молодой дѣвушки, (которая должна была сдѣлаться мученицею на небѣ), въ сердце монаха, какъ небесное явленіе невинности и непорочности! Страсти, которыя должны взволновать сердце человѣка, проникаютъ въ него лишь вслѣдъ за страстями, которыя его прельщаютъ. Конечно аскетическая жизнь укрѣпляетъ волю человѣка, но нельзя удивляться, если нѣкоторыя болѣе слабыя сердца легко подчиняются страстямъ. Леотадъ увлекалъ Цецилію за собою, Цецилія слѣдовала за нимъ безъ боязни, — первый актъ проступленія еще не начинался. Леотадъ велъ съ собою въ эту минуту Цецилію не для того, чтобы ее осквернить, онъ видѣлъ въ ней только молодую и невинную дѣвушку, онъ тѣмъ менѣе боялся своего увлеченія, что самъ былъ совершенно неопытенъ въ знаніи страстей человѣческихъ.—Ничего не было легче, какъ увлечь Цецилію Комбетть по направленію къ пансіону, и заставить ее пройти дворъ и тюннель подъ самыми ничтожными предлогами. Дойдя до дверей конюшни, Леотадъ могъ пригласить Цецилію слѣдовать за нимъ, въ комнату, въ которой онъ хотѣлъ показать ей голубей. Въ этомъ-то уединенномъ мѣстѣ мысли монаха вѣроятно измѣнились. Перо, найденное на платьѣ Цецилін и которое представляетъ полную аналогію съ перьями, найденными на кравати,—показываетъ, что можетъ быть первая попытка обольщенія и изнасилованія, была сдѣлана въ этой комнатѣ. Цецилія сопротивлялась, но преслѣдованія, которымъ она подвергалась, вѣроятно не имѣли столь опредѣленнаго характера, чтобы возбудить ея опасенія. Воспитанная въ добродѣтельномъ семействѣ,

въ уваженіи ко всему, что касалось религіи, ея невинность вѣроятно не заподозрѣла первыя ласки человѣка, костюмъ котораго удалялъ всякое недовѣріе. Она поняла опасность, которой подвергалось ея цѣломудріе, лишь тогда, какъ уже нельзя было спастись отъ насилія! Но возбужденная чувственность монаха увеличивалась еще отъ препятствій и тогда забывая всякую сдержанность и даже всякое благоразуміе, онъ увлекъ Цецилію нѣсколько шаговъ еще далѣе, и въ этомъ-то чердакѣ, на кучѣ длятлины между двумя кучами соломы, которыя наполняли сарай до крыши—несомнѣнно произведено было изнасилованіе! Гордость и самолюбіе религіозной общины препятствовали розысканіямъ правосудія по этому дѣлу. Это возмущеніе клерикальнаго духа противъ нашихъ законовъ и учрежденій, это возстаніе религіозной общины противъ гражданскаго общества налагаютъ на васъ, милостивые государи, тяжкія, но великія обязанности! Вы не только *должны оказать возмездіе* (venger la société) за совершеніе ужаснаго злодѣянія, и заставить пасть на голову большаго преступника заслуженное имъ наказаніе; цѣль ваша еще важнѣе: свѣтская власть общества, попранная духовною общиною, правосудіе, отрицаемое ею въ принципѣ, уничтожаемое въ его дѣйствіи, профанированное въ его обнаруживаніи—вотъ, милостивые государи, великіе интересы, поставленные подъ вашу охрану. Вашъ вердиктъ, котораго ожидаютъ съ такимъ нетерпѣніемъ, скоро откроетъ намъ—могутъ-ли интриги и тайные заговоры, замышляемые въ религіозной общинѣ, помѣшать правильному ходу правосудія! Не одно оскорбленное правосудіе становится подъ ваше покровительство, не святые законы нравственности, поруганные преступникомъ требуютъ публичнаго возмездія,—наша религія поруганная недостойнымъ образомъ, нечестивыми страстями, къ которымъ она примѣшана, требуетъ возмездія! Она получитъ его, я въ этомъ твердо убѣжденъ, потому-что ваша мудрость не смѣшаетъ законныхъ интересовъ религіи съ честолюбивыми разсчетами нѣсколькихъ людей, которые подъ ея покровомъ скрываютъ свои преступныя страсти. (Сильное ощущеніе)».

Г. Гаскъ защитникъ подсудимаго, произнесъ затѣмъ рѣчь, изъ которой мы приведемъ главныя мѣста: «гг. присяжные, я хорошо слушалъ, чтобы хорошо понять, то что я слышалъ. Обвиненіе

врѣзалось въ моемъ умѣ и наконецъ я дождался минуты, которой я ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ — минуты, когда я могу защитить *невиннаго.* Я буду кромѣ того защищать институтъ братьевъ для Леотада и въ интересѣ Леотада. Не въ настоящее время равенства я могу дозволить, чтобы на *братство* нападали такъ незаслуженно. Мнѣ не нужно порицать рѣчи органовъ публичнаго министерства, слова которыхъ запечатлѣны злобою и ненавистью. Зачѣмъ обвинять *общину*, когда дѣло идетъ о Леотадѣ? — Гдѣ доказательства и улики противъ общины? Въ чемъ видно, чтобы мысли всѣхъ братьевъ подчинялись волѣ одного?— Можно сдѣлать обѣтъ бѣдности и повиновенія, я это допускаю, но обѣтъ повиновенія относится только къ обязанностямъ, исполняемымъ въ общинѣ, но нигдѣ вы не найдете оправданія обвиненія, направленнаго уже не противъ Леотада, но противъ всѣхъ братьевъ. Я могу сказать все, что я думаю объ обвиненіи, и такъ я полагаю, что невозможность (l' impuissance) доказать совершеніе преступленія и открыть виновнаго, привело публичное министерство, къ заключенію, что эта невозможность происходитъ не столько отъ обстоятельствъ, и воли преступника, сколько отъ воли братьевъ, отъ ихъ заговора.—Когда правосудіе стало производить изслѣдованіе въ заведеніи братьевъ, то оно прекратило всѣ прочіе поиски, оно все болѣе и болѣе упорствовало въ первоначальномъ заблужденіи и искало виновнаго между братьями. Публичное министерство обвиняетъ насъ въ подкупѣ Видаля. Настоятель монастыря узналъ, что Видалъ видѣлъ утромъ 15-го апрѣля Цецилію Комбеттъ и обратился съ совѣтомъ къ президенту суда. Президентъ посовѣтовалъ настоятелю вызвать Видаля въ Тулузу; *объ этомъ въ актѣ обвиненія ничего не сказано.* Гдѣ вы видите доказательства подкупа Видаля? Вы дѣлаете изъ всѣхъ средствъ защиты, безчестныя средства. Ваши показанія равносильны ли доказательствамъ? Необходимо ихъ уничтожить для того, чтобы я могъ доказать фальшивое направленіе, которое вы дали всей вашей системѣ. Если бы преступникъ находился, въ простомъ семействѣ, развѣ семейство не стало бы собирать доказательства, служащія къ его оправданію? Обвиненіе хочетъ чтобы всѣ выгоды находились на его сторонѣ, чтобы подсудимый былъ беззащитенъ. Развѣ не видно изъ дѣла, что Видаль

вовсе не тайно былъ привезенъ изъ Лавура; развѣ былъ подкупъ въ томъ, что Видаль, который не богатъ, получилъ деньги на путешествіе, что когда его не хотѣли накормить обѣдомъ въ монастырѣ, то дали ему два франка на обѣдъ; было-бы утѣшительно въ нашъ вѣкъ, чтобы подкупъ довольствовался столь малымъ!—Я постараюсь затѣмъ сдѣлать локализацію преступленія. Было очень важно доказать, что преступленіе совершено было *въ монастырѣ.* На это я скажу: если Леотадъ невиненъ, онъ еще болѣе будетъ невиненъ, если преступленіе совершено было не въ монастырѣ, потому-что Леотада обвиняютъ только потому, что онъ монахъ. Вы не видѣли самой мѣстности, гг. присяжные, и васъ легко могутъ ввести въ заблужденіе; чѣмъ доказана невозможность бросить трупъ черезъ стѣну улицы Рике, была-ли заперта дверь кладбища? Левекъ показалъ, что онъ заперъ дверь на ключъ, но какъ превратникъ онъ и не могъ сдѣлать другаго показанія.—Развѣ нѣтъ набережной канала? Развѣ не были сады въ окрестностяхъ? Не будемъ доказывать виновность подсудимаго на основаніи отрицательныхъ признаковъ, на основаніи системы исключенія—это средство всегда вводило въ заблужденіе судей. Если-бы слѣдователи осмотрѣли не одинъ монастырь, но и сосѣднія мѣста, то они могли бы найти въ окрестностяхъ другіе слѣды преступленія. Обратимся къ *прямымъ* доказательствамъ; посмотримъ какъ изъ фактовъ, всѣмъ извѣстныхъ, публичное министерство дѣлаетъ факты, всѣмъ неизвѣстные.—16-го трупъ дѣвушки былъ найденъ. Въ какомъ положеніи былъ трупъ? Брошенное тѣло можетъ-ли пасть на оконечности ногъ, на покатую мѣстность. Могъ ли трупъ упасть на колѣни? Я думаю, что тѣло было опущено; публичное министерство думаетъ, что оно было брошено. Если-бы трупъ былъ брошенъ, то какая-либо часть тѣла была бы открыта, чего не было. Если-бы тѣло было брошено, то, оно ударяясь о поверхность земли, непремѣнно оставило-бы слѣды. Напротивъ того сжатость членовъ, ихъ сдавленіе, не наводитъ-ли на мысль, что трупъ былъ перенесенъ на кладбище въ сундукѣ, чемоданѣ или мѣшкѣ. Обвиненіе говоритъ, что Цецилія вошла живая въ монастырь, и никто не видѣлъ какъ она вышла. Но доказано ли послѣднее предположеніе? Вы говорите, что невозможно, чтобы въ многолюдномъ кварталѣ нѣкоторыя лица не видѣли какъ

выходила Цецилія, но г. генеральный прокуроръ, скажите, *кто видѣлъ какъ Цецилія входила въ монастырь*, кромѣ Конта и Маріонъ? Вы мнѣ не отвѣчаете. 34 свидѣтеля, допрошенные отъ 16—18 апрѣля, не видѣли, какъ она входила. Возвратимся на кладбище, гдѣ найденъ-былъ трупъ Цециліи. Я не знаю, сторожилъ ли кто трупъ; нѣсколько лицъ подходили къ трупу и дотрогивались до него. Одинъ родственникъ Цециліи даже приставилъ лѣстницу къ стѣнѣ улицы Рике, около трупа и влѣзъ на стѣну. Слѣдовательно поврежденія въ стѣнѣ могли произойти отъ этого.

«Въ дѣлѣ, въ которомъ произносится приговоръ о жизни или смерти человѣка, нельзя основываться на *ничтожныхъ* признакахъ. Лепестки цвѣтовъ, найденные въ волосахъ Цециліи, могли быть занесены вѣтромъ послѣ того какъ трупъ былъ уже положенъ на кладбище. Остатки пеньки (по словамъ экспертовъ) найденные въ волосахъ Цециліи не представляютъ никакого сходства съ концемъ веревки. Говорить ли о слѣдахъ лѣстницы въ саду; я ихъ самъ видѣлъ, развѣ не могли ставить лѣстницу для того, чтобы подрѣзать деревья, убійца съ трупомъ на рукахъ не могъ бы взойти на лѣстницу, это свыше силъ человѣческихъ. На стѣну влѣзали г. Эстевенне и многіе другіе, они могли оставить слѣды на стѣнѣ. Я скажу еще, кто осматривалъ стѣны, слѣдователи ли или эксперты? Нѣтъ, *доктора*! они приняли на себя обязанность, вовсе неотносящуюся къ ихъ спеціальности, и этимъ причинили много зла. Если бы убійство было совершено въ монастырѣ, зачѣмъ было бросать трупъ на кладбище, развѣ не было другихъ средствъ заставитъ исчезнуть его. Зачѣмъ было наводить правосудіе на слѣды преступленія. Если монахи были заинтересованы въ томъ, чтобы удалить трупъ отъ зданія монастыря, другіе можетъ быть были заинтересованы въ томъ, чтобы *приблизить* его къ монастырю. И такъ будемъ резюмироваться: мы не нашли никакого поврежденія на стѣнѣ со стороны сада братьевъ, только трава была смята отъ прикосновенія руки, маленькая трещина въ стѣнѣ, которую всячески можно объяснить, лепестки цвѣтка, которые вѣтеръ могъ принесть, все это ничего *не* доказываетъ. И такъ трупъ не былъ брошенъ, но принесенъ, это доказываетъ, что Цецилія вышла изъ монастыря. Откуда принесли трупъ, объ

этомъ говорить не моя обязанность, я пришелъ въ судъ не обвинителемъ, но защитникомъ невинно обвиненнаго. Мнѣ остается теперь опровергнуть другія предположенія обвинителей и только лишь одни предположенія. Вы знаете, гг. присяжные, что первая мысль Конта состояла въ томъ, что Цецилія подверглась изнасилованію внѣ монастыря, и что публичные дома окружаютъ то мѣсто, гдѣ совершено было преступленіе. Цецилія была въ сѣняхъ монастыря, она была въ нихъ съ 9 часовъ и 10 минутъ. Публичное министерство доказываетъ, что двойное преступленіе совершено было въ $^1/_4$ часа. Не было-ли сказано нѣсколько словъ, посредствомъ которыхъ преступникъ увелъ Цецилію съ собою. По словамъ министерства преступленіе было послѣдствіемъ внезапнаго взрыва страстей; если преступникъ похитилъ Цецилію, то какъ могъ онъ привести ее на дворъ, на который даютъ 114 оконъ. И такъ она была не внезапно похищена. Но тогда, надо было ее завлечь, а на это надо время, между-тѣмъ преступленіе было совершено въ 15 минутъ. Увлекаемая жертва должна была пройти: 1) черезъ освѣщенный дворъ, передъ кухней и рекреаціонной залой пансіона; 2) по открытой галлереѣ въ 36 метровъ съ стеклянными стѣнами, въ которой всегда есть кто либо изъ монаховъ, наконецъ 3) черезъ тюнель. Въ которомъ часу Цецилія пришла въ комнату, въ которой находятся три постели лакеевъ? Преступленіе было ли совершено въ этой комнатѣ? Но эта комната единственно назначена для лакеевъ, завтракъ только-что кончился они могли возвратиться въ нее. Посмотрите на какіе аргументы ссылается публичное министерство. По его словамъ преступникъ обѣщалъ Цециліи показать кроликовъ и голубей. Какое глубокое соображеніе! Въ платьѣ Цециліи найдено перо, но перо могло быть найдено, если бы Цецилія была изнасилована и *внѣ* монастыря. Оставляя эту комнату, мы приходимъ въ сосѣдній чердакъ, наполненный сѣномъ. Но въ этотъ чердакъ выходятъ нѣсколько отверзтій, такъ что обвиненіе является ничѣмъ не подкрѣпленнымъ. Есть окно, есть двѣ двери, есть отверзтіе, которое даетъ въ линейныя казармы. На чердакѣ было такъ свѣтло, что одинъ изъ экспертовъ при слѣдствіи могъ читать въ немъ. И такъ въ этомъ чердакѣ въ теченіи 15 минутъ было совершено преступленіе, преступникъ какъ звѣрь бросился

на Цецилію.., но поймите сколько надо было усилій и борьбы для совершенія изнасилованія... И вся эта сцена не вырвала у жертвы, ни одного крика, ни вопля. Все это должно было случиться въ 15 минутъ. Во первыхъ надо было пройти по галлереѣ длиною въ 117 метровъ, въ которой никто ничего не видѣлъ, потомъ надо было совершить преступленіе, и никто ничего не слышалъ и не видѣлъ. Я не скептикъ, я могу допустить все возможное, но есть вещи, которыя до такой степени противны здравому смыслу, что я не могу ихъ допустить. И такъ совершеніе двухъ преступленій не требуетъ ли времени болѣе продолжительнаго, нежели $^1/_4$ часа. Но были-ли слѣды безпорядка въ комнатѣ лакеевъ, въ овинѣ? Ни одна кучка сѣна не была истоптана и измята, однако должна же была происходить борьба. Жертва была изнасилована, она подверглась природнымъ изверженіямъ, между тѣмъ въ овинѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, тогда-какъ слѣды должны были остаться на томъ мѣстѣ, гдѣ Цецилія была изнасилована, убита, то есть въ комнатѣ лакеевъ или въ овинѣ. Борьба столь быстрая, столь необыкновенная въ такой короткій промежутокъ времени? Вспомните, что раны, найденныя на трупѣ, по словамъ докторовъ, сдѣланы были при жизни жертвы и поставьте убійцу противъ жертвы: какъ совершено было убійство! Вамъ сказали—ротъ Леотада заглушилъ крики Цециліи. Онъ сжалъ ей кисти рукъ съ такою силою, что на нихъ остались слѣды; поврежденія организма Цециліи столь сильны, что они поразили удивленіемъ первыхъ экспертовъ. Милостивые государи я напрасно ищу въ моемъ воображеніи возможность допустить, что одинъ человѣкъ совершилъ такое преступленіе. Мѣсто, которое вы указываете для преступленія—развѣ оно уединенно? Нѣтъ, садъ находится около него. Лоріенъ работалъ около него, монахи подлѣ него молились. Обвиненіе тутъ безсильно. Оно старается собрать улики, мелкія подробности, которыя падаютъ передъ силою здраваго смысла. Оно не можетъ указать ни средствъ, ни орудія, посредствомъ котораго было совершено убійство. Какъ согласить ужасныя поврежденія организма, и эту смерть, сопровождаемую ужасными мученіями, съ тѣмъ *молчаніемъ*, которое царствовало въ монастырѣ! Смерть была-ли она нанесена орудіемъ—нѣтъ; задушеніемъ или удавленіемъ—нѣтъ. Изъ всѣхъ

тѣхъ, которые меня слушаютъ, никто не захочетъ на основаніи однихъ лишь гадательныхъ предположеній приговорить къ смерти невиннаго.

«Я перехожу къ существенной части моей рѣчи къ оправданію обвиненнаго. Леотаду 45 лѣтъ; въ его жизни нѣтъ ни одного поступка, который-бы могъ заставить предполагать въ немъ дурную нравственность. Противъ него есть только показаніе Конта, и на основаніи этого показанія обвиненіе строитъ цѣлую систему доказательствъ совершенно искусственныхъ. Оно предполагаетъ сдержанныя страсти, которыя вдругъ проявляются съ ужасною силою. Леотадъ никогда не видѣлъ Цециліи и не зналъ ее, въ его сердцѣ не было предрасположенія или любви къ этой дѣвушкѣ, тогда-какъ страсть проявляется лишь въ томъ случаѣ, если желанія возбуждены были долгое время. Не въ томъ мѣстѣ, гдѣ можно быть замѣченнымъ, монахъ рѣшился бы уступить страсти! Нужно чтобы было начало этой страсти, нужно желаніе, нуженъ случай, чтобы увидѣть ту женщину, обладаніе которой составляетъ цѣль всѣхъ стремленій, нужно воспользоваться случаемъ, чтобы сдѣлать изъ нея жертву. Между-тѣмъ въ умѣ Леотада нельзя допустить даже этого предрасположенія. Надо только обратиться къ Конту и если Контъ есть единственный свидѣтель, который видѣлъ Леотада и Жюбріена, надо узнать, какое довѣріе онъ можетъ внушать. Контъ съ самаго начала слѣдствія самъ подвергся судебному преслѣдованію послѣ убійства Цециліи, и находился долго подъ арестомъ; онъ могъ быть освобожденъ отъ суда лишь въ случаѣ указанія преступника... и онъ указалъ его».

Послѣ этой рѣчи президентъ суда предложилъ присяжнымъ къ разрѣшенію слѣдующіе вопросы: 1) Луи—Банафу, въ монашествѣ Леотадъ виновенъ ли онъ въ томъ, что 15-го апрѣля совершилъ преступленіе изнасилованія надъ Цециліею Комбетъ; 2) Цецилія Комбетъ имѣла ли менѣе 15-ти лѣтъ (?); 3) Луи Бонафу виновенъ ли въ томъ, что 15 апрѣля совершилъ преступленіе убійства надъ Цециліею Комбетъ; 4) было—ли совершено убійство для того, что бы произвести безнаказанность перваго преступленія?

Присяжные признали Леотада *виновнымъ* съ допущеніемъ

смягчающихъ вину обстоятельствъ. Судъ приговорилъ его къ пожизненной каторжной работѣ *и къ выставленію у позорнаго столба* съ надписью надъ головою, означающею его имя, поведеніе и мѣсто рожденія, кромѣ того присудилъ взыскать съ него издержки по процессу.

Можно сказать утвердительно, что ни одинъ процессъ не возбуждалъ, болѣе настоящаго, интереса во французской публикѣ. Дѣло это, обсуждалось въ судѣ въ теченіи 15 засѣданій съ 7 февраля по 4 апрѣля 1848 г., т. е. въ то время, когда произошла въ Парижѣ февральская революція, но не смотря на важность политическихъ событій, общественное мнѣніе съ жадностью слѣдило за ходомъ этого процесса и за малѣйшими его подробностями. На похоронахъ Цециліи Комбеттъ присутствовало народонаселеніе всего города Тулузы. Въ этотъ день всѣ работы были прекращены въ городѣ, всѣ лавки заперты. Толпа народа, сопровождавшая гробъ Цециліи, была такъ велика, что похоронное шествіе нѣсколько разъ должно было останавливаться по недостатку мѣста. Надъ гробомъ Цециліи Комбеттъ воздвигли памятникъ съ надписью на немъ: «La vierge martyre!» Общественное мнѣніе интересовалось узнать малѣйшія подробности прошедшей жизни Цециліи; біографія ея была напечатана и продана въ количествѣ *около* 10 т. экземпляровъ. Вотъ, что говорится о ней въ біографіи: «Цецилія Комбеттъ не достигла еще полнаго физическаго развитія, для своихъ лѣтъ; 15 апрѣля 1847 г. въ день ея смерти ей было отъ роду 14 лѣтъ 5 мѣсяцевъ и 10 дней; она была очень мала ростомъ (около 4 футовъ), но хорошо сложена и очень миловидна. Цвѣтъ лица ея былъ необыкновенной бѣлизны, лицо ея полно, волосы густые и каштановые, носъ ея вздернутый къ верху; улыбка исполнена прелести. У ней были, *даже для ея роста, необыкновенно маленькія руки и ноги.* Когда она смѣялась, на щекахъ у ней дѣлались ямочки. Она одѣвалась всегда со вкусомъ. Ея нравственныя качества были еще болѣе достойны вниманія: одаренная необыкновеннымъ здравымъ смысломъ, она имѣла прекрасное сердце, характеръ серьезный и симпатичный. Она была жива и шалоливлива, но безъ всякой злобы, отличалась стыдливостью и необыкновенною религіозностью. За восемь дней до своей смерти Цецилія Комбеттъ, разговаривая со своими подругами, сказала:—я бы хотѣла быть

мученицею: слова эти исполнились.»—Спекуляція воспользовалась настроеніемъ публики. Напечатано было огромное количество портретовъ Цециліи Комбеттъ, которые и покупались съ жадностью. Какъ оказалось впослѣдствіи портреты были сняты *съ сестры* Цециліи Комбеттъ, которая, по словамъ современниковъ, была на нее очень похожа.

Излагая по этому дѣлу наше личное мнѣніе, мы находимъ, что всѣ доказательства публичнаго министерства основаны на осмотрѣ мѣстности, на опытахъ и на умозаключеніяхъ, до которыхъ оно доходитъ посредствомъ истолкованія совокупности признаковъ преступленія. Нельзя не обратить вниманія на то, съ какимъ стараніемъ было произведено изслѣдованіе по этому дѣлу. Слѣдователи обратили вниманіе на мельчайшіе слѣды преступленія (corpus delicti), можно сказать впали даже въ крайность, преувеличивая ихъ значеніе, и истолковывая ихъ не всегда безпристрастно. Въ этомъ процессѣ важно одно существенное обстоятельство: Цецилія Комбеттъ вошла ли въ монастырь? вышла ли она изъ него? Несомнѣнно — что Цецилія *вошла въ монастырь*, это собственно говоря *единственный фактъ*, который доказанъ съ математическою точностью. Она вошло туда въ 9 часовъ и 10 минутъ или 9 часовъ и 15 минутъ. Вышла-ли она изъ монастыря? Въ этомъ заключается основа обвиненія, потому-что если она *не* выходила, то едва-ли есть сомнѣніе, что она была убита и изнасилована въ монастырѣ.

Совсѣмъ другой вопросъ есть тотъ: доказано ли, что *именно Леотадъ* совершилъ преступленіе. Мы думаемъ, что послѣднее обстоятельство нисколько не доказано; хотя-же улики и заставляютъ предполагать, что изъ 200 монаховъ, составлявшихъ братство, Леотадъ наиболѣе навлекаетъ на себя подозрѣній въ этомъ преступленіи, но всякій безпристрастный судья при отсутствіи положительныхъ доказательствъ объ его винѣ, освободилъ-бы Леотада отъ наказанія, потому-что говоря словами безсмертной Екатерины: «лучше если 10 виновныхъ останутся безъ наказанія, нежели погибнетъ одинъ невинный».

XI. Дѣло Людвига-Августа Папавуана.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ процессовъ французской уголовной практики нужно отнести нижеизложенные процессы Папавуана и Генріэты Корнье. Дѣла эти замѣчательны по совершенному отсутствію причинъ, которыя бы могли объяснить совершеніе преступленія. Лицо, повидимому, находящееся въ здравомъ разсудкѣ, совершаетъ преступленіе, которое можно оправдать только безумiемъ. Преступленіе очевидно, преступникъ сознается, свидѣтели въ показаніяхъ согласны, улики многочисленны; повидимому, все соединяется къ совершенному обвиненію преступника, а между-тѣмъ виновность его составляетъ вопросъ, который легко можетъ быть разрѣшенъ отрицательно. Въ совершенномъ убійствѣ нельзя доискаться причины, побудившей убійцу къ преступленію; корысть, месть, ненависть или ревность не руководили имъ. Оправданіе преступленія можно искать только въ болѣзненномъ состояніи обвиненнаго. Но «*мономанія убійства*», болѣзнь, возможность существованія которой нынѣ доказана, тогда еще было слово новое; ни присяжные, ни судьи не вѣрили въ нее. Эскироль первый описалъ это состояніе, которое древніе называли меланхоліей, а новѣйшіе мономаніей. Подъ вліяніемъ этой болѣзни, лицо чувствуетъ непреодолимую наклонность къ убійству; отсутствіе сознанія и раскаянія характеризуетъ это болѣзненное состояніе; дѣйствія, къ которымъ больной чувствуетъ *непреодолимое влеченіе, могутъ быть имъ соображаемы*, такъ-что въ нихъ можно найти умыселъ, хитрость и искусство, между-тѣмъ какъ воля преступника играетъ совершенно пассивную роль.—Когда наука уголовнаго права стояла еще на весьма низкой степени развитія и не раздавался голосъ философовъ XVIII вѣка, проповѣдовавшихъ уваженіе къ личности человѣка, правосудіе болѣе рубило съ плеча, не входя въ анализъ преступленія и въ психическую оцѣнку его; потому нерѣдко случалось, что несчастный, котораго слѣдовало посадить въ больницу, погибалъ на эшафотѣ. Слѣдуя неизмѣнному закону постепеннаго развитія, уголовный законъ смягчается со временемъ, и нѣкоторыя дѣянія, считавшіяся преступленіями въ извѣстные періоды человѣческой исторіи, теряютъ свой характеръ преступности. Вчерашній преступникъ, сегодня несчастный больной.

Процессъ Папавуана ясенъ, факты его немногосложны, противоположность фактовъ съ мотивами ихъ составляетъ его главный драматическій интересъ.

10-го октября 1824 г., въ числѣ гулявшихъ въ венсенскомъ лѣсу, можно было замѣтить молодую женщину, по платью очевидно принадлежавшую къ рабочему классу, державшую за руки двухъ мальчиковъ, — одного 5-ти, другаго 6-ти лѣтъ. Другая женщина, одѣтая въ розовое платье, встрѣтилась съ нею, остановилась, замѣтивъ дѣтей, и стала играть съ ними. На эту сцену съ замѣтнымъ участіемъ смотрѣлъ человѣкъ, одѣтый въ голубую, застегнутую до верху бекешу, въ шляпѣ, перевязанной крепомъ.—«Вы знаете дѣтей, съ которыми сейчасъ играли», спросилъ онъ, подходя къ женщинѣ, одѣтой въ розовомъ. — «Можно играть съ дѣтьми, которыхъ и не знаешь», отвѣчала та, удаляясь. Мать обоихъ дѣтей слышала этотъ разговоръ, но, не придавая ему никакого значенія, продолжала свой путь; спустя нѣсколько времени, замѣтивъ, что небо покрылось тучами и накрапывалъ дождь, она направилась къ находившемуся вблизи деревянному балагану съ тѣмъ, чтобы переждать въ немъ дурную погоду.

Вдругъ она увидѣла передъ собою тогоже любопытнаго въ голубой бекешѣ, черты лица его были блѣдны, движенія судорожны, онъ сказалъ ей грубымъ голосомъ: «вы скоро кончили вашу прогулку», и, подошедши къ одному изъ мальчиковъ, сильно ударилъ его; мать, защищая сына своего, нанесла нападающему ударъ по головѣ зонтикомъ, тотъ поразилъ другаго мальчика и быстро удалился. Дѣти, обливаясь кровью, упали одинъ за другимъ на землю; мать при видѣ этого лишилась чувствъ. На крики ея сбѣжался народъ; пришедши въ себя, она разсказала происшествіе, описала наружность убійцы. Отданъ былъ приказъ запереть всѣ выходы изъ лѣса, жандармы разосланы по всѣмъ направленіямъ. Между-тѣмъ женщину эту привели въ Венсенъ; на допросѣ она объявила, что зовутъ ее Шарлоттою Эренъ, она 25-ти лѣтъ, ремесломъ кружевница, и живетъ съ своимъ семействомъ въ Парижѣ. Она дѣйствительно мать убитыхъ дѣтей, хотя и не замужняя. Отецъ ихъ—нѣкто Жербодъ, сынъ богатаго каретника. Съ 1815 г. она жила съ нимъ въ незаконномъ бракѣ; дѣти, прижитыя въ немъ, признаны были от-

цомъ. Отецъ Жербода сначала согласился на бракъ сына съ дѣвицею Эренъ, но впослѣдствіи отказалъ въ своемъ согласіи, вслѣдствіе неделикатнаго обращенія съ нимъ семейства Эренъ. Молодой Жербодъ былъ въ то время въ Брюсселѣ, куда отослалъ его отецъ съ тѣмъ, чтобы удалить сына отъ опасной, по его мнѣнію, женщины. Во время этого отсутствія, дѣвица Эренъ пришла разъ къ старому Жерводу и настаивала на томъ, чтобы ей открыли мѣсто жительства ея любовника, и жаловалась на то, что затрудняли ихъ отношенія. «Чтобы вы не дѣлали, говорила ему Эренъ, мы женимся и противъ вашей воли»; говоря это, она представила Жерводу дѣтей его сына. «Дѣти эти будутъ моими, отвѣчалъ тотъ, они не будутъ ни въ чемъ нуждаться, но женитьба эта невозможна». Дѣйствительно, одному нотаріусу въ Венсенѣ, было поручено выдавать ежемѣсячно дѣвицѣ Эренъ вспомоществованіе въ 30 франковъ, но выдача эта была прекращена послѣ поѣздки Эренъ въ Брюссель, откуда она возвратилась съ своимъ любовникомъ.

Такъ-какъ дѣвица Эренъ сильно настаивала на встрѣчѣ своей съ женщиной, одѣтой въ розовомъ, предполагая, что она знакома съ убійцей, то женщину эту тотчасъ же отыскали въ Венсенѣ. Она объявила, что имя ее Мальсерве, ремесломъ она модистка, въ Венсенъ пріѣхала для свиданія съ лицомъ, съ которымъ находилась въ любовной связи. На вопросъ объ отношеніяхъ ея къ лицу, съ которымъ она разговаривала въ лѣсу, она отвѣчала, что видѣла его въ первый разъ, не знаетъ, кто онъ такой, и что единственный разговоръ ея съ нимъ были слова, приведенныя нами выше. Объясненіе это было найдено удовлетворительнымъ. Въ это время явилась мелочная торговка Жанна, объявившая, что человѣкъ, похожій на того, на кого указывали какъ на убійцу, останавливался подлѣ ея лавки въ то время, когда дама въ розовомъ пила у нея ликеръ, внимательно всматривался въ эту женщину и пошелъ въ лѣсъ по ея слѣдамъ. Спустя нѣсколько времени, человѣкъ этотъ возвратился къ ней въ лавку и спросилъ ножъ; она продавала ихъ дюжинами; заплативши за дюжину, онъ выбралъ одинъ, взялъ его, и возвратился въ лѣсъ.

И такъ три лица видѣли убійцу, всѣ трое въ описаніи его наружности были между собою согласны. Онъ былъ худощавъ, высокаго роста, блѣдный, имѣлъ каштановые волосы, и такого

же цвѣта бакенбарды; шляпа была перевязана крепомъ. Въ теченіи этихъ первоначальныхъ распросовъ и изысканій, жандармы искали по лѣсу. Въ аллеѣ, параллельной аллеѣ «Минимъ», жандармъ наткнулся на человѣка, наружность котораго согласовалась съ примѣтами убійцы, данными Эренъ: человѣкъ этотъ спокойно разговаривалъ съ артиллерійскимъ солдатомъ. Жандармъ арестовалъ его. «Вы меня принимаете за другаго, отвѣчалъ онъ, я съ удовольствіемъ послѣдую за вами, но вы теряете время, настоящій виновный успѣетъ скрыться».

Арестованный былъ блѣденъ; артиллеристъ объявилъ, что видѣлъ, какъ онъ, задыхаясь, выскочилъ изъ чащи. Все трое отправились въ Венсенъ. Дорогой, артиллеристъ разсказалъ, что арестованный, передъ приходомъ жандарма, распрашивалъ его о дорогѣ изъ венсенскаго лѣса; внимательно осматривалъ свое платье, какъ бы желая удостовѣриться, что на немъ нѣтъ пятенъ и даже спросилъ, не замарано ли у него лицо? Между тѣмъ, арестованный спокойно говорилъ: «что ужасная вещь убить двоихъ дѣтей, что если кѣмъ нибудь не доволенъ, то можно его вызвать на дуэль, но что нужно имѣть *важныя причины*, чтобы убить двухъ дѣтей». На очной ставкѣ арестованнаго съ упомянутыми тремя женщинами, Эренъ вскрикнула: «вотъ оно, чудовище, убившее моихъ дѣтей». Мальсерве тотчасъ узнала любопытнаго, разговарившаго съ нею въ лѣсу; Жанна, съ своей стороны, узнала въ немъ покупателя ножа. На допросѣ арестованный отвѣчалъ, что его зовутъ Папавуаномъ, и съ большимъ спокойствіемъ разсказалъ слѣдующее: «рожденный въ Муи, въ эврскомъ департаментѣ, въ 1783 году, онъ имѣлъ отцомъ довольно богатаго суконнаго фабриканта. Получивши хорошее воспитаніе, съ 20-лѣтняго возраста, онъ занималъ административныя должности въ морской службѣ; послѣдняя должность, которую занималъ онъ, была комми перваго разряда, при брестскомъ портѣ.» По слѣдствію дознано было, что на службѣ, гдѣ у него были часто на рукахъ значительныя денежныя суммы, онъ пріобрѣлъ себѣ репутацію честнаго и дѣльнаго человѣка. Въ декабрѣ 1823 г. отецъ Папавуана умеръ, оставя дѣла свои разстроенными, фабрику обремененною долгами, почти равняющимися ея стоимости. Вдова не была въ состояніи заниматься одна дѣлами фабрики; Папавуанъ вышелъ въ отставку съ пенсіономъ

въ 360 франковъ и пріѣхалъ на житье въ Муи. До того времени фабрика Папавуана имѣла привилегію на поставку суконъ въ армію, но случилось, что военное министерство отказалось отъ возобновленія контрактовъ, чѣмъ поставило дѣла Папавуана въ крайнее положеніе. Тогда Папавуанъ раскаялся въ томъ, что оставилъ службу, но, не смотря на всѣ старанія, ему не удалось занять прежней должности. Эти затрудненія и неудачи очень разстроили его здоровье. Онъ страдалъ задержаніемъ мочи, болью въ кишкахъ; ночи его были безспокойны. При природномъ расположеніи его къ меланхоліи, хандра и безотчетная тоска еще болѣе овладѣли имъ. Видѣнія наполняли его сны, нервы были въ безпрестанномъ напряженіи, онъ никогда не зналъ покоя. Здоровье его дѣлалось хуже и хуже. Ему совѣтовали для развлеченія сдѣлать небольшое путешествіе; 2 октября онъ отправился въ Бове, для свиданія съ родственниками и нѣкимъ Бранш, съ которымъ находился въ коммерческихъ сношеніяхъ. На другой день своего прибытія въ Бове, Папавуанъ получилъ отъ матери письмо, въ которомъ та увѣдомляла его, что два контракта на поставку суконъ приняты военнымъ министерствомъ; для утвержденія ихъ, Папавуанъ отправился въ Парижъ, занявши нѣсколько денегъ на дорогу. Въ Парижѣ, остановившись въ гостинницѣ, онъ тотчасъ же отправился къ знакомымъ негоціантамъ, которымъ передалъ свои контракты, для приложенія къ нимъ печатей. До 10-го онъ жилъ уединенно, 10-го въ воскресенье, желая развлечься, пошелъ въ Венсенъ.

Всѣ показанія его оказались совершенно вѣрными, невозможно было открыть какое-либо отношеніе между нимъ и дѣвицею Эренъ или семействомъ Жербодъ; дознано было, что и Мальсерве была незнакома съ Папавуаномъ. Папавуанъ однако не сознавался и отпирался отъ всѣхъ возводимыхъ на него обвиненій. Противопоставляли ему трехъ женщинъ, узнавшихъ его, и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе важныхъ свидѣтелей, видѣвшихъ его невдалекѣ отъ мѣста преступленія; тщетно показывали ему на его шляпѣ явные слѣды удара зонтикомъ, нанесеннаго Эренъ, онъ не сознавался.

По вскрытіи обоихъ труповъ, дознано было, что смерть воспослѣдовала мгновенно отъ ранъ, нанесенныхъ оружіемъ, имѣющимъ форму ножа. Жанна доставила одинъ изъ оставшихся у нея

ножей изъ дюжины купленной Папавуаномъ; ножъ совершенно пришелся по ранамъ. Все стараніе слѣдователей было направлено къ распознанію новыхъ фактовъ. Имъ удалось узнать, что Папавуанъ былъ нрава страннаго, сосредоточеннаго, мрачнаго, но при всемъ томъ добродушнаго, услужливаго. На службѣ онъ былъ извѣстенъ за человѣка несимпатичнаго, но отличнаго дѣльца, человѣка вѣрнаго и скромнаго. Правда, было открыто, что еще во время путешествія своего изъ Бове въ Парижъ, въ письмѣ къ матери, онъ просилъ прислать ему, въ числѣ прочихъ вещей, два наточенныхъ, незакрывающихся столовыхъ ножа, но ножи эти были найдены въ гостинницѣ въ Венсенѣ, слѣдовательно онъ не отправлялся съ цѣлью совершить убійство. Ножа, купленнаго у Жанны, не могли найти. Что убійца былъ найденъ, въ этомъ не было сомнѣнія, но что было причиною ужаснаго злодѣянія, повидимому совершеннаго съ такимъ невѣроятнымъ хладнокровіемъ? Всѣ сношенія семейства Жербодъ были тщательно изслѣдованы; въ нихъ нельзя было найти основанія къ подозрѣнію его въ сообществѣ съ Папавуаномъ. Жербодъ-сынъ былъ тихаго и скромнаго нрава, Жербодъ-отецъ и оба зятя его были извѣстны за честныхъ людей. Слѣдствіе терялось въ самыхъ противорѣчащихъ догадкахъ. 15 ноября Папавуанъ вдругъ отказался отъ своихъ прежнихъ показаній. Онъ сознался въ совершеніи убійства, но прибавилъ при томъ, что ошибся, нанося смерть сыну и дочери Эренъ; что намѣреніе его было убить *дѣтей герцога беррійскаго*. Четыре года прошло только съ тѣхъ поръ, какъ герцогъ беррійскій палъ подъ ножомъ Лувеля; первое время слѣдователи полагали, что встрѣтили въ Папавуанѣ новаго политическаго фанатика. Папавуанъ просилъ свиданія съ герцогинями беррійскою и ангулемскою, ему въ этомъ отказали. Но какое могло быть въроятіе, чтобы человѣкъ, находящійся въ здравомъ разсудкѣ, могъ принять двухъ дѣтей, находящихся подъ присмотромъ гризетки, за дѣтей герцога беррійскаго? Спустя нѣсколько времени, Папавуанъ, заключенный въ тюрьмѣ, поджегъ свою постель; на вопросъ, для чего онъ сдѣлалъ это, онъ хладнокровно отвѣчалъ, что желалъ сжечь своихъ блохъ. 17 ноября, онъ нанесъ ударъ ножемъ другому заключенному Лабіе. Въ оправданіе этого покушенія, онъ объявилъ, что Лабіе припад-

лежитъ къ ненавистной ему орлеанской партіи. Лабіе былъ раненъ, но скоро излеченъ. Въ этихъ новыхъ фактахъ слѣдствіе увидѣло только притворство Папавуана, желавшаго себя выдать за сумасшедшаго. Мотивы перваго преступленія еще не были раскрыты, когда 24 февраля 1825 г. открылись засѣданія сенскихъ ассизовъ.

Аудиторія была многочисленна. Свойство преступленія сообщало процессу большой драматическій интересъ. Ни общественное мнѣніе, ни судьи не могли вѣрить въ преступленіе *безъ мотива*. Ждали раскрытія какой нибудь страшной тайны. Засѣданіе открыто въ 11-ть ч. На столѣ расположены были вещественныя *доказательства преступленія*: окровавленныя одежды дѣтей; бекеша, бывшая на Папавунѣ 10 октября, на которой видится кровавое пятно; шляпа его, на которой замѣтны слѣды зонтичнаго удара. Видъ Папавуана произвелъ въ аудиторіи впечатлѣніе, похожее на разочарованіе. Вмѣсто безумнаго съ блуждающими глазами, злодѣя съ звѣрскимъ лицомъ, передъ собою увидѣли человѣка въ застегнутомъ фракѣ, съ добродушнымъ лицомъ. Папавуанъ говорилъ тихо, чуть чуть запикаясь.

Актъ обвиненія былъ прочтенъ, его составлялъ генеральный прокуроръ Белларъ, факты изложены ясно; но въ главномъ пунктѣ процесса, гдѣ нужно объяснить мотивы преступленія, доказательства смѣшивались, путались, противорѣча другъ другу. Разсмотримъ здѣсь разсужденія генералъ-прокурора. «Папавуанъ одинъ ли виновный, или имѣетъ сообщниковъ подстрекателей, или онъ только простой исполнитель? Обыкновенно, совершающій преступленіе имѣетъ въ выполненіи его цѣль, вещественную выгоду, или удовлетвореніе какой нибудь страсти—ревности, мщенія, ненависти. Но какой интересъ могъ заключаться для преступника въ убійствѣ двухъ бѣдныхъ дѣтей? Можетъ быть Папавуанъ исполнялъ волю семейства Жербодъ, желавшаго смерти дѣтей, чтобы тѣмъ воспрепятствовать браку, на который оно было несогласно, но разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла приводитъ къ заключенію, что нельзя обвинять семейство Жербодъ, въ какомъ бы то ни было участіи въ преступленіи.—Если Папавуанъ не имѣлъ сообщниковъ, то что могло побудить его къ совершенію убійства? Желаніе убить дѣтей герцога беррійскаго, но это ложь, онъ не имѣлъ этого

намѣренія, этимъ онъ только хотѣлъ облагородить свое низкое преступленіе, возвести его на степень убійства политическаго. Можно ли предположить, что дѣйствія Папавуана — результаты безумія; конечно, Папавуанъ желалъ и до сихъ поръ желаетъ, заставить всѣхъ насъ этому повѣрить. Онъ покусился безъ всякой причины на другое убійство, чтобы только заставить насъ вѣрить въ его безуміе. Въ этомъ отношеніи усилія его до сихъ поръ были тщетны; во всемъ слѣдствіи нельзя найти ни одного факта, который бы могъ насъ заставить усумниться въ его умственныхъ способностяхъ. Напротивъ, отвѣты его на допросахъ могутъ послужить образцами діалектики, ясности идей, послѣдовательности въ разсужденіяхъ. Стоитъ только прочесть ихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что Папавуанъ вполнѣ обладаетъ своимъ здравымъ разсудкомъ. Можетъ быть разсудокъ его не въ силахъ бороться со страстями. Можетъ быть въ болѣзненной организаціи его скрывается инстинктивная природная жесткость; или капризы мизантропіи доходятъ у него до бѣшенства противъ людей болѣе его счастливыхъ, не въ бѣшеной-ли зависти счастью ближнихъ нужно искать объясненія его преступленія? Можетъ статься также, что преступленіе его есть слѣдствіе какой-нибудь тайны, раскрыть которую не могло слѣдствіе, не смотря на употребленныя имъ усилія. Но правосудію *незачѣмъ изслѣдовать всѣхъ тайнъ человѣческаго сердца*. Все, что нужно ему было знать, узнано и доказано, преступленіе *очевидно*. Виновность Папавуана доказана, доказательства ясны, сознаніе преступника ихъ подтверждаетъ. Законъ произноситъ приговоръ свой надъ тѣмъ, кто изъ корысти, мести, ревности или кровожадности, посягаетъ на жизнь своихъ ближнихъ. Можно сомнѣваться въ мотивѣ преступленія, въ самомъ же преступленіи сомнѣваться нельзя. Остальное остается между Богомъ и обвиненнымъ. Правосудіе узнало достаточно, оно должно защитить и удовлетворить общество. Посему Людвигъ-Августъ Папавуанъ обвиняется: 1) въ умышленномъ, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, убійствѣ обоихъ дѣтей Жербодъ; 2) въ умышленномъ покушеніи 17-го ноября на убійство Лабіе, покушеніи, неудавшемся только вслѣдствіе обстоятельствъ, независѣвшихъ отъ воли покусившагося».

Затѣмъ приступили къ допросу обвиненнаго.

Презид. Въ которомъ году поступили вы въ морскую службу?—*О.* Въ 1805-мъ.—*В.* По смерти вашего отца средства къ существованію вашему и вашей матери заключались въ 360 франковъ пенсіи изъ морскаго министерства?—*О.* Да.—*В.* Для чего отправились вы изъ Муи въ Бове?—*О.* Чтобы разсѣяться; я былъ безпокоенъ, измученъ, въ болѣзненномъ настроеніи духа. *В.* Какая была цѣль поѣздки вашей въ Парижъ?—*О.* Меня послала мать утвердить контракты, заключенные съ министерствомъ.—*В.* Для чего взяли вы 2 ножа, отправляясь изъ Бове въ Парижъ?—*О.* Я уже говорилъ вамъ, что былъ въ то время очень боленъ, часто вставалъ ночью, воображеніе рисовало мнѣ постоянно какія то опасности. Я имѣлъ привычку класть подлѣ себя ночью шпагу и заряженные пистолеты; позабывши ихъ, я бралъ 2 ножа, одинъ клалъ подлѣ себя, а другой прятал подъ тюфякъ.—*В.* Съ какою цѣлью поѣхали вы 10-го октября въ Венсенъ?—*О.* Чтобы разсѣяться; измученный страданіями, я хотѣлъ подышать свѣжимъ воздухомъ.—*В.* Въ чемъ были вы одѣты?—*О.* Я былъ въ синей бекешѣ, черныхъ чулкахъ и башмакахъ.—*В.* Бекеша ваша была застегнута?—*О.* Кажется да.—*В.* Въ Венсенѣ вы слѣдовали за женщиной, одѣтой въ розовомъ. —*О.* Можетъ быть, но машинально; я былъ такъ взволнованъ, что не помнилъ, что дѣлалъ.—*В.* Вы послѣдовали за этой женщиной въ лавку?—*О.* Не помню.—*В.* Вы видѣли ее говорящею съ дѣтьми?—*О.* Не помню, я тогда былъ въ печальномъ состояніи и не зналъ, что дѣлалъ; я совсѣмъ не припоминаю этихъ обстоятельствъ.—*В.* Во время слѣдствія у васъ память была свѣжѣе.—*О.* Впрочемъ я готовъ согласиться съ показаніями этой дамы.—*В.* Гдѣ купили вы ножъ?—*О.* Навѣрно сказать не могу. Во время слѣдствія, я былъ жестоко пораженъ своимъ грустнымъ положеніемъ, столь новымъ для меня, на меня надѣли наручники, все это было невыносимо тяжело. Я не защищался, а нарочно наговаривалъ на себя, желая только скорѣйшаго окончанія дѣла, какъ бы печально оно для меня ни окончилось.—*В.* Слѣдственный судья имѣлъ однако къ вамъ большое вниманіе. Когда вы жаловались на усталость, онъ откладывалъ допросъ до другаго дня. Вы благодарили его, это означено въ допросахъ.—*О.* Я былъ спокоенъ передъ слѣдственнымъ судьею, но могъ ли я быть спокоенъ ночью, связан-

ный, страдая отъ задержанія мочи. Я страдалъ невыносимо, и нравственная пытка, которую переносилъ я, была во сто кратъ мучительнѣе физической.—*В.* Для чего купили вы ножъ?—*О.* Я увидѣлъ башню въ Венсенѣ и полагалъ, что въ ней есть заключенные; съ моимъ ножемъ я думалъ ихъ освободить.—*В.* Въ предшествовавшихъ допросахъ вы не упоминали объ этомъ обстоятельствѣ, о вашемъ желаніи освободить заключенныхъ.—*О.* У меня была горячка, мысли были неясны, я не зналъ, что дѣлалъ...—*В.* Что понудило васъ къ убійству дѣтей?—*О.* Не вслѣдствіе моей сознательной воли убилъ я этихъ дѣтей; я не въ состояніи объяснить, какъ это случилось, и охотно бы отдалъ свою кровь, чтобы только ихъ кровь не была пролита; припадокъ бѣшенства подвинулъ меня на ничѣмъ необъяснимое дѣйствіе.—*В.* Вы помните, что убили ихъ?—*О.* Да.—*В.* Вы скрылись потомъ въ чащу лѣса?—*О.* Да.—*В.* Что сдѣлали вы съ ножемъ?—*О.* Я закопалъ его въ землю.—*В.* Вы старались скрыться, слѣдовательно сознавали преступность совершеннаго вами преступленія?—*О.* Совершеніе дѣйствія пробудило меня, я получилъ сознаніе о совершенномъ мною поступкѣ.—*В.* Подтверждаете ли вы ваше показаніе о намѣреніи убить августѣйшихъ дѣтей?—*О.* Нѣтъ..... Безвыходное положеніе меня такъ утомило, что не имѣя возможности прибѣгнуть къ самоубійству, я изыскивалъ средства, чтобы положить конецъ мученіямъ своимъ.—*В.* Вы писали, однако, со времени вашего задержанія, дѣловыя письма къ вашей матери, которыя по ясности и разумности изложенія, не могутъ быть приписаны человѣку сумасшедшему.—*О.* Нѣтъ дѣйствія безъ причины; какой же интересъ могъ заключаться для меня въ убійствѣ этихъ несчастныхъ дѣтей; я бы охотно отдалъ свою жизнь, чтобы возвратить ихъ къ жизни.—*В.* Вы говорили, что были обмануты сходствомъ одного изъ дѣтей Жербодъ съ покойнымъ герцогомъ берійскимъ?—*О.* Я не зналъ, что говорилъ, и *не знаю, какъ случилось это несчастіе.*—*В.* Но для того ли, чтобы убѣдить насъ въ сумасшествіи вашемъ 10-го октября, вы 17-го ноября, въ тюрьмѣ ударили ножемъ Лабіе?—*О.* Опять повторяю, что не знаю, какъ и это случилось. Страданія, безпрестанныя безсонницы разстроили мое здоровье. Я съ радостію узналъ, что раны молодаго человѣка не имѣли для него дурныхъ послѣдствій.—*В.* Объясните, почему ваши

припадки бѣшенства преходящи, почему за ними слѣдуетъ долгій премежутокъ спокойствія?—*О.* Пусть доктора вамъ объяснятъ это, *сумасшествіе не однообразно.* *В.* Вы объяснялись съ слѣдователемъ, какъ ученый криминалистъ, припоминали случаи, гдѣ какъ въ дѣлѣ Лезюркъ (Lesurques) ошибка, несчастное сходство, ввели въ заблужденіе и свидѣтелей и присяжныхъ. Ваши отвѣты были ясны, вы показали себя человѣкомъ не дюжиннаго ума. Въ вашей теперешней системѣ оправданія, безуміе, которымъ вы прикрываетесь, вымышлено; за нимъ скрываете вы важную тайну. Усилія правосудія къ открытію ея были до сихъ поръ тщетны; но присяжные оцѣнятъ мотивы вашего поступка.—*О.* Пусть вамъ это объяснитъ докторъ, я не выдаю себя за постоянно сумасшедшаго.—*В.* Вы утверждаете, что поступокъ вашъ 10-го октября есть слѣдствіе вашего умственнаго разстройства, но все поведеніе ваше со времени отъѣзда изъ Бове говоритъ въ пользу вашего здраваго разсудка.—*О.* Но чѣмъ же могу я объяснить убійство этихъ дѣтей; оно совершено безъ всякой причины.—*Презид.* Это ваша тайна, объ этомъ еще до сихъ поръ ничего не дознано; но если разсмотрѣть то, что произошло передъ убійствомъ и послѣ совершенія его, то изъ этого надо заключить, что вы сошли съ ума, при видѣ дѣтей, и пришли въ себя тотчасъ по совершеніи убійства. Когда васъ поставили на очную ставку съ матерью, она тотчасъ вскрикнула: «вотъ убійца моихъ дѣтей»! На это вы отвѣчали, что не знаете ее и не узнали тѣлъ убитыхъ вами дѣтей. Всѣ ваши отвѣты были полны смысла.—*Папав.* Преступленіе было такъ далеко отъ моей мысли, *что я тогда былъ дѣйствительно убѣжденъ, что не совершилъ его.*—*Презид.* Въ теченіи цѣлой недѣли вы отпирались отъ совершеннаго вами преступленія; вы утверждали, что васъ принимаютъ за другаго, и защищались съ большимъ умомъ и тактомъ; вы объявили, что желали убить дѣтей герцога беррійскаго, только тогда, когда васъ предупредили, что васъ узнаютъ и мать убитыхъ, и много другихъ лицъ. Объясните эти обстоятельства присяжнымъ; все вмѣстѣ доказываетъ, что вы сумасшедшимъ не были никогда.—*Папав.* Правда, меня постоянно волнуютъ необъяснимый страхъ и ничѣмъ неоправдываемыя опасенія; но до тѣхъ поръ я не испытывалъ нужды пролить кровь Я дѣйствовалъ въ этомъ

случаѣ неразумно, безсознательно.—*Презид.* Теперь вотъ вы отлично защищаетесь и находитесь въ здравомъ разсудкѣ.—*Папав.* Я никогда не утверждалъ, чтобы былъ постоянно лишенъ ума. *Презид.* Что заставило васъ 17-го ноября покуситься на жизнь Лабіе?—*Папав.* Я его ударилъ въ припадкѣ бѣшенства.

Другіе свидѣтели объявляютъ Папавуана человѣкомъ характера мрачнаго, задумчиваго, но при этомъ выхваляютъ его честность и умъ: онъ любилъ дѣтей. Послѣ этихъ допросовъ въ залу вводятъ *дѣвицу Эренъ*. Какъ только успокоиваются нервическіе припадки, возбужденные въ ней видомъ Папавуана и окровавленныхъ одеждъ дѣтей, съ нея снимаютъ показаніе; это показаніе—перечень событій, разсказанныхъ уже нами вначалѣ. Въ продолженіи всего разсказа, лицо Папавуана неподвижно, глаза сухи; очевидно, что онъ сожалѣетъ о совершившемся, но не чувствуетъ раскаянія.

Генеральный адвокатъ *Перонне* произнесъ затѣмъ обвинительную рѣчь, наполненную звонкими, блестящими фразами. Все обвиненіе свое, генеральный адвокатъ строитъ на догадкахъ; такъ-какъ слѣдствіе не могло доискаться до настоящей причины преступленія, то генеральный адвокатъ ищетъ причину эту въ инстиктивной природной жестокости Папавуана, подтверждаетъ свои догадки примѣрами, взятыми изъ среднихъ вѣковъ, и наконецъ приходитъ къ тому заключенію, что слишкомъ много было бы требовать отъ правосудія, чтобы оно доискивалось многообразныхъ причинъ, побуждающихъ къ дѣйствію преступника; достаточно совершеннаго преступленія—общество должно быть удовлетворено. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ его рѣчи: «честолюбіе, ненависть, месть, корысть, суть по большей части единственныя страсти, побуждающія порочную душу къ совершенію преступленія. Но, къ несчастію, мы встрѣчали людей, дѣлавшихся преступными, единственно по своей наклонности къ жизни порочной, по врожденной жестокости, обыкновенно составляющей исключеніе въ человѣческой природѣ. Когда намъ приходится заявлять правосудію о подобныхъ дѣйствіяхъ, мы не можемъ скрыть, сколько исполненіе обязанности нашей больно и тяжко для насъ. Дѣйствительно, трудно повѣрить такой жестокости въ ближнемъ, я желалъ бы сомнѣваться въ грустной дѣйствительности; но разсмотрите внимательно дѣло, можете ли вы теперь

послѣдовать этому первому влеченію вашего сердца. Защита не разрушила обвиненія; доказательства, подтверждавшія его, только усилились». Затѣмъ, генеральный адвокатъ разсматриваетъ всю *жизнь обвиненнаго, на службѣ, на фабрикѣ Муи*, и вездѣ находитъ его исполняющимъ свои обязанности добросовѣстно и съ пониманіемъ вещей. «Обвиненный, чтобы отдалить отягчающее обстоятельство предварительнаго умысла, объявилъ, что купилъ ножъ тотчасъ послѣ прибытія своего въ Венсенъ. Это же обстоятельство подтверждаетъ Мальсерве, но вы сами поймете, милостивые государи, что мы не можемъ имѣть довѣрія къ ней, по тому особенному положенію, въ которомъ она до сихъ поръ находилась и находится нынѣ»*).

«Требовать отъ насъ, чтобы мы разъяснили всѣ причины, побудившія Папавуана къ совершенію преступленія, было бы требовать отъ насъ болѣе, чѣмъ мы по своей обязанности должны *сдѣлать. Мы были бы въ правѣ отвѣтить: что какая бы страсть* не увлекала обвиненнаго, онъ долженъ подвергнуться приложенію закона во всей его строгости, если онъ виновенъ. Но мы не воспользуемся этимъ правомъ; въ столь важномъ дѣлѣ ни-что не должно оставаться неразъясненнымъ; надо стараться разгадать эту тайну. Все сказанное приводитъ къ заключенію, что, если отказаться отъ подозрѣній, падавшихъ сначала на семейство Жербодъ, то остается приписать преступленіе Папавуана врожденной жестокости; онъ несомнѣнно совершилъ преступленіе изъ удовольствія пролить человѣческую кровь. Я знаю, что съ перваго взгляда мнѣніе это вамъ покажется невѣроятнымъ; но, выслушавъ примѣры, собранные мною, невѣроятность эта точно также для васъ исчезнетъ, какъ она исчезла и для насъ. Я припомню вамъ только два менѣе другихъ извѣстные факта. Донъ Карлосъ, сынъ Филиппа II, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на предсмертныя мученія животныхъ, безчеловѣчно истерзанныхъ имъ; будучи еще ребенкомъ, онъ просилъ, чтобы повѣсили непонравившагося ему мальчика; чудовищный капризъ этотъ наслу удовлетворили тѣмъ, что со-

*) Непонятно, что хочетъ сказать этимъ генеральный адвокатъ; онъ прибирается къ обстоятельству, которое вовсе не имѣетъ того важнаго значенія, какое онъ ему приписываетъ, и наконецъ, что за дѣло ему до поведенія Мальсерве.

вершили передъ нимъ подобіе казни. Когда вели на эшафотъ Кабрино-Фондули, приговореннаго къ смерти за многія преступленія, онъ объявилъ въ рѣшительную минуту, что не чувствуетъ никакого раскаянія и сожалѣетъ только объ одномъ, что не сбросилъ съ кремонской башни папу Іоанна XXII и императора Сигизмунда, когда онъ на ней вмѣстѣ съ ними находился. Увѣковѣчить свое имя была единственная причина этого желанія. Наконецъ опроверженіемъ защиты Папавуана, приводящаго въ оправданіе умственное разстройство, служатъ жизнь обвиненнаго и показанія его. Человѣкъ въ здравомъ умѣ не могъ сдѣлаться на минуту сумасшедшимъ».

Палье-младшій, другъ Папавуана, нарочно для защиты его пріѣхавшій изъ Соассона, произнесъ слѣдующую *защитительную* рѣчь: «гг. присяжные, въ процессѣ, подобнаго рода въ особенности, должны были вы проникнуться всею важностью, всѣмъ значеніемъ порученной вамъ закономъ обязанности, и оставить въ сторонѣ тѣ предразсудки, которые столь часто влекли за собою гибельныя послѣдствія. Дѣйствительно, на обвиненномъ лежитъ тяжесть доказаннаго преступленія. По своему характеру, преступленіе было столь тяжко, что всѣ ожидали найти въ убійцѣ человѣка изъ тѣхъ, для которыхъ убійство составляетъ ремесло и ножъ которыхъ имѣетъ свою таксу. Не безъизвѣстно было, что несчастныя дѣти эти, произошли отъ связи, не одобренной семействомъ ихъ отца, и поселили въ семействѣ этомъ несогласія. Но мы знаемъ, что отъ семейства Жербодъ нынѣ отклонено всякое подозрѣніе; Мальсерве, сначала подозрѣваемая въ соучастіи, тоже невиновна; кто же такой убійца? Онъ вамъ извѣстенъ, гг. присяжные. Онъ принадлежитъ ко семейству, всѣми уважаемому; достигши 42 лѣтъ, онъ въ свидѣтельство приноситъ вамъ безукоризненную жизнь свою, которую почти всю посвятилъ служенію отечеству. Онъ былъ и хорошимъ сыномъ, и честнымъ гражданиномъ. И такой человѣкъ можетъ взойти на эшафотъ! Обвиненный является человѣкомъ мрачнаго, меланхолическаго темперамента; природное расположеніе это усилилось отъ безпрестанныхъ несчастій, преслѣдовавшихъ его въ жизни. Но гдѣ же причина преступленія? Искать-ли ее въ признаніяхъ, которыя дѣлалъ обвиненный во время слѣдствія; но если справед-

ливы эти признанія, если справедливо, что, поражая дѣтей Жербодъ, Папавуанъ думалъ убить дѣтей герцога беррійскаго, то надо бы было сознаться, что самое намѣреніе и ошибка въ исполненіи составляютъ ощутительнѣйшее доказательство умственнаго разстройства, въ которомъ онъ тогда находился. *Намѣреніе* — ибо оно прямо противорѣчило бы политическимъ убѣжденіямъ обвиненнаго и всего семейства. *Ошибка въ исполненіи:* ибо могъ ли предположить обвиненный, если-бы онъ находился въ здравомъ разсудкѣ, что встрѣтитъ августѣйшихъ дѣтей въ Венсенѣ, (куда они одни никогда не ѣздятъ), посреди лѣса, открытаго для всѣхъ. Наконецъ, могъ ли бы онъ предположить, что два одинаково по мужскому одѣтые ребенка, были бы между тѣмъ различнаго пола. Но въ этомъ пунктѣ и обвиненіе и защита согласны; эти воображаемыя признанія, отъ которыхъ впослѣдствіи отказался обвиненный, были просто выдумка, фантазія. Но г. генеральный адвокатъ приписываетъ ихъ системѣ оправданія, которой будтобы придерживается обвиняемый, утверждаетъ, что обвиняемый притворно выдаетъ себя за сумасшедшаго; я же утверждаю, что признанія эти только доказываютъ *сумасшествіе* Папавуана, ибо одна изъ замѣчательнѣйшихъ странностей этой болѣзни та, что безумный часто упорно обвиняетъ себя въ совершеніи преступленія, котораго не совершилъ и не былъ въ состояніи совершить. Обратите вниманіе и на то, гг. присяжные, въ какихъ обстоятельствахъ Папавуанъ дѣлалъ эти признанія: 15-го говоритъ онъ въ первый разъ, 16-го дѣлаетъ онъ нѣкоторыя дополненія къ сказанному, въ тотъ же день поджигаетъ онъ свой тюфякъ, чтобы истребить надоѣдавшихъ ему блохъ; наконецъ утромъ 17-го онъ покушается на жизнь Лабіе. Спрашивается, есть ли возможность не узнать во всѣхъ этихъ фактахъ одного общаго источника, т. е. возобновлявшихся припадковъ безумія, возбуждаемыхъ въ обвиняемомъ столь новымъ и тяжкимъ для него положеніемъ, безпрестанными допросами, постоянными безсонницами!.... Еще разъ, обратите вниманіе, гдѣ же мотивъ преступленія? Нужно ли согласиться съ г. генеральнымъ адвокатомъ и видѣть въ Папавуанѣ дикаго звѣря; и вмѣсто того, чтобы извинить сумасшедшаго, безуміе котораго столько же доказано, сколько и его безукоризненная нравственность, сдѣлать изъ него людоѣда, вампира,

чтобы отдать палачу! Ничѣмъ не мотивированное преступленіе! Вникните хорошенько, гг. присяжные, въ значеніе этихъ словъ, и какое преступленіе, убійство двухъ дѣтей! Скажите, кто услышавъ объ этомъ, не скажетъ тотчасъ же: убійца былъ вѣрно сумасшедшій! И этотъ простой, если хотите тривіальный, возгласъ есть послѣднее слово въ этомъ дѣлѣ; да, человѣкъ этотъ былъ не въ своемъ умѣ; вся тайна процесса заключается въ этомъ. Обратимся затѣмъ къ физіологическому разбору преступленія, столь странно сокращенному въ обвиненіи. Виды безумія разнообразны. Одни лица лишены ума на всегда, но внезапныя сильныя ощущенія или болѣзнь могутъ на время отнять у человѣка здравый разсудокъ. Между этими видами безумія разница только въ продолжительности, и тотъ, у кого отчаяніе затемняетъ разсудокъ на нѣсколько часовъ, въ продолженіи этихъ часовъ совершенно также безуменъ, какъ и тотъ, кто теряетъ употребленіе умственныхъ способностей на многіе годы. Не говоря уже о томъ, что наказаніе безумнаго—жестокость безполезная для общества; если наказаніе полезно тогда, когда примѣрно, то наказаніе, немогущее быть поставленнымъ въ примѣръ,—варварство. Казнь горячечнаго не помѣшаетъ никому имѣть горячку. Если лишеный разсудка причинилъ вредъ, его конечно надо бояться; дѣло справедливости и осторожности наблюдать за нимъ, связать его, заключить; но было бы безполезною жестокостью послать его на эшафотъ! Нѣтъ, гг. присяжные, вы не захотите, чтобы подсудимый увеличилъ собою толпу тѣхъ несчастныхъ, на которыхъ указываетъ медицинская наука, несчастныхъ, которые были болѣе достойны участія общества, чѣмъ мщенія правосудія. Въ эту минуту, м.м г.г., я даже не говорю отъ имени подсудимаго; что ему до приговора, который вы надъ нимъ произнесете, жизнь или смерть, для него та-же мука, послѣдняя по крайней мѣрѣ будетъ короче; но я говорю отъ имени 60-ти лѣтней матери его, любимой, уважаемой всѣми окружающими ее, испытавшей столько несчастій, ... а процессъ этотъ намъ показалъ, что стоитъ матери потеря ея дѣтей!»

Защита превосходила обвиненіе, хотя въ рѣчи г. Паолье и замѣчаются насильственные эффекты, безъ которыхъ впрочемъ рѣчи французскихъ адвокатовъ никогда не обходятся. Страсть къ

драппировкѣ, къ эффектамъ врождена французскому адвокату; къ концу своей рѣчи онъ всегда прибережетъ нѣсколько слезливыхъ, трогательныхъ фразъ, имѣющихъ въ предметѣ разжалобить присяжныхъ. Не смотря на свои недостатки, неясность физіологическихъ доказательствъ, вычурность выраженій, рѣчь г. Палье имѣла успѣхъ; теплое чувство, которымъ она была проникнута, превосходная дикція, тронули присяжныхъ, но при всемъ томъ не могли убѣдить ихъ. Теоріи защиты были еще слишкомъ смѣлы и новы. *Мономанія*,—было еще слово вчерашнее, не признанное; ни общественное мнѣніе, ни судьи, не вѣрили еще въ эти минутныя затемнѣнія разсудка, непреодолимыя увлеченія, содѣлывающія преступника безотвѣтственнымъ.

Присяжные объявили Папавуана виновнымъ во всѣхъ пунктахъ обвиненія. Президентъ произнесъ смертный приговоръ. На лицѣ Папавуана не было замѣтно никакой перемѣны: *прошу суда у божественнаго правосудія*, спокойно сказалъ онъ, поднимаясь съ мѣста. Семейство его тщетно просило короля о помилованіи. Несчастный былъ казненъ 25-го марта на гревской площади.

Конечно теперь бы не приговорили его къ смерти. До настоящаго времени наука еще не достаточно ознакомилась со всѣми многообразными видами безумія, и самое слово, галлюцинація, еще не имѣло того смысла, какой придаютъ ему нынѣ. Слово это означаетъ, для современныхъ психологовъ, ложныя ощущенія, не имѣющія дѣйствительнаго основанія въ внѣшнемъ мірѣ. Эти ложныя ощущенія проявляются въ духѣ больнаго, (который необходимо долженъ имъ подчиниться), не менѣе сильно и ясно ощущеній дѣйствительныхъ. Для больнаго они составляютъ какъ бы особый міръ, міръ, наполненный видѣній и грезъ, дѣйствительность которыхъ не можетъ быть имъ оспариваема. Эти ложныя ощущенія, смотря по силѣ своей, или только терзаютъ, утруждаютъ духъ больнаго, или подчиняютъ его себѣ совершенно; они имѣютъ постоянное отношеніе съ болѣзненнымъ состояніемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ ипохондріи. Эти кажущіяся ощущенія проявляются во снѣ и на яву, бываютъ постоянны и преходящи. Въ галлюцинаціи ложный образъ принимаетъ вещественную форму, обманываетъ одно изъ нашихъ чувствъ, или всѣ чувства вмѣстѣ, соглашаетъ съ собою разсу-

докъ, и увлекаетъ волю къ совершенію дѣйствій, которыя могутъ быть и преступными, что зависитъ отъ настроенія духа больнаго и отъ случая. Паскаль, Жанъ-Жакъ Руссо, министръ Жюрье страдали отъ своего болѣзненнаго воображенія, но не убили никого. Паскаль постоянно видѣлъ передъ собою разверзтую пропасть, Жюрье казалось, что въ желудкѣ его плящутъ семь апокалипсическихъ всадниковъ, Декарта преслѣдовалъ великанъ, Лютера дьяволъ; наконецъ Руссо мечталъ о всемірномъ заговорѣ, составленномъ всѣмъ обществомъ противъ него. Тѣже мечты, видѣнія, грезы, подъ вліяніемъ которыхъ Сведенборгъ проповѣдывалъ свое мистическое ученіе, которыя внушили Данту, лучшія мѣста его поэмы, могутъ побудить организаціи, менѣе духовноразвитыя, къ совершенію низкихъ дѣяній. Иногда, дѣйствительно, сонъ на яву принимаетъ такой характеръ вѣроятности, кажущееся столь дѣйствительно, что побуждаетъ больнаго къ дѣйствіямъ, согласнымъ съ ложнымъ представленіемъ. Отъ несогласія же между этими ложными представленіями и предметами дѣйствительнаго міра могутъ имѣть мѣсто грустныя послѣдствія. Въ Брюсселѣ француженка, жена профессора, однажды, въ отсутствіи мужа, увидѣла ангеловъ, приказывавшихъ ей убить своего ребенка; потомъ явился ей мужъ ея, съ головой, покрытой вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ; онъ былъ раненъ, въ рукахъ держалъ окровавленный ножъ и открылъ ей, что лишилъ себя жизни, чтобы войти въ рай, что онъ ждетъ ее и сына, котораго тоже надо убить, чтобы открыть ему путь спасенія. Несчастная, подъ вліяніемъ этихъ видѣній, забила сыну ротъ хлѣбнымъ мякишемъ, и наконецъ, чтобы ускорить смерть, задушила его руками; потомъ нанесла себѣ нѣсколько ударовъ въ грудь перочиннымъ ножемъ, но боль и инстинктъ самосохраненія превозмогли, она упала въ изнеможеніи и стала ждать смерти, которая должна соединить ее съ сыномъ. Несчастную отдали въ больницу; въ другое время ее бы ожидалъ эшафотъ. Другое лицо видитъ постоянно около себя жандармовъ, ведущихъ его на казнь. Желая убить жену, чтобы спасти ее отъ этого безчестія, онъ цѣлую ночь однажды простоялъ съ ножемъ подлѣ ея кровати; но къ счастію не исполнилъ своего намѣренія. На другое утро, измученный видомъ своихъ воображаемыхъ преслѣдователей, онъ

не въ состояніи былъ болѣе переносить это и утопился въ бочкѣ. Былъ ли бы онъ болѣе виновенъ, если бы убилъ жену, вмѣсто того, чтобы лишить себя самаго жизни? Несносное постоянство и упорство видѣній и грезъ, преслѣдующихъ волю больнаго, есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ этой странной болѣзни. Разсудокъ долго противится и наконецъ уступаетъ. «Кастельно», въ своей судебной медицинѣ, разсказываетъ про цирюльника, намѣренно ранившаго въ шею человѣка, котораго онъ брилъ; онъ не могъ объяснить совершеннаго дѣйствія: что-то побудило его къ этому. Умыселъ долго мучилъ его, прежде нежели онъ его привелъ въ исполненіе. Въ судебной медицинѣ «Боамона» встрѣчаемъ мы случай, имѣющій большое сходство съ дѣломъ Папавуана. Полицейскій коммисаръ былъ призванъ, чтобы освидѣтельствовать совершенное убійство. Обвиненный сожалѣлъ о совершенномъ имъ преступленіи, онъ объявилъ коммисару, что совершилъ убійство, потому-что *всѣ желали ему зла*, но что онъ не имѣлъ никакого основанія *ненавидѣть убитаго*. Почему же вы нанесли ударъ только что выточеннымъ ножемъ? спросили у него. Онъ отвѣтилъ, что его постоянно преслѣдуютъ злодѣи, что какое то лицо схватило его за горло. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ видѣлъ слѣдовавшихъ за нимъ пять или шесть человѣкъ, говорившихъ другъ другу: *его надо убить, его надо убить.* —Сравните это съ ночными боязнями Папавуана. Далѣе, Соэца, такъ звали убійцу, перевели въ Бисетръ. Нѣсколько мѣсяцевъ провелъ онъ, погруженный въ мрачную задумчивость. Въ одинъ прекрасный день онъ поразилъ ножемъ больничнаго служителя, съ которымъ *былъ всегда очень хорошъ.* На допросов Соэцъ объявилъ, что сдѣлалъ это въ припадкѣ сумасшествія, но притомъ прибавилъ, что припадокъ этотъ у него прошелъ, и сильно протестовалъ въ пользу своего здраваго разсудка, который впрочемъ сталъ постепенно исчезать у него и наконецъ исчезъ совершенно. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ, точно также какъ и въ дѣлѣ Папавуана, уголовная отвѣтственность не должна бы имѣть мѣста. Слѣдовало предупредить возможность повторенія подобнаго случая, учредить строгій надзоръ, отдать въ больницу, заключить въ тюрьму, но было непростительною жестокостью послать безумнаго на эшафотъ.

XII. Дѣло Генріэтты Корнье.

Дѣло Генріэтты Корнье, служитъ необходимымъ дополненіемъ дѣла Папавуана, по однородности совершеннаго преступленія, и по сходству характеровъ обоихъ осужденныхъ. Генріэтта была счастливѣе, ее спасъ отъ смерти процессъ Папавуана.

4-го ноября, въ первомъ часу пополудни, молодая женщина, находящаяся въ услуженіи въ гостинницѣ улицы Пепиньеръ № 52, сошла внизъ въ лавку супруговъ Белонъ, для какой-то домашней покупки. Женщина эта, недавно еще вступившая въ услуженіе къ Фурнье, содержателямъ гостинницы, приходила уже нѣсколько разъ за покупками въ эту лавку. Генріетта Корнье, такъ звали ее, не смотря на свой угрюмый и несообщительный нравъ, была очень хорошо принята у Белонъ; она съ какой то страстью всегда ласкала хорошенькую девятимѣсячную дочку ихъ Фанни, что конечно нравилось родителямъ. Когда Генріетта вошла въ лавку, г-жа Белонъ собиралась идти гулять; «пока будете одѣваться, сказала ей Генріэтта, отпустите со мною поиграть Фанни»; мать согласилась. Возвратившись съ Фанни въ гостинницу, Генріэтта захватила въ кухнѣ большой поварской ножъ. Комната ея находилась въ 1-мъ этажѣ; на лѣстницѣ съ нею встрѣтился Друо, привратникъ дома.—Это вашъ такой милой ребенокъ? спросилъ тотъ.—Нѣтъ, отвѣчала грустно Генріэтта, мнѣ не далъ Богъ такого счастія. Пришедши въ свою комнату, она тщательно заперла дверь, положила дѣвочку поперегъ кровати, еще разъ поцѣловала ее, и взявъ за голову, такъ быстро и вѣрно перерѣзала ей горло, что та даже не успѣла и вскрикнуть. Окровавленное тѣло упало на кровать, голова осталась въ рукахъ Генріэтты, кровь ручьями текла съ кровати на полъ. Генріэтта съ минуту оставалась неподвижной и смотрѣла на свои замаранныя кровью руки; только тогда въ ней пробудилось смутное чувство ужаса и отвращенія; она бросила голову на полъ и потомъ вдругъ, испугавшись безъ всякой причины, спряталась въ комнату хозяевъ. Но скоро она вышла оттуда и возвратилась къ себѣ, взяла тѣло, положила его на полъ подлѣ головы, вытерла руки, не умывая ихъ, сѣла и осталась погруженною въ задумчивость. — «Генріэтта! спустите Фанни, я готова», послышался снизу голосъ матери. Генріэтта

отворила дверь, Белонъ поднималась по лѣстницѣ;—я пришла за Фанни, сказала она. — Вашъ ребенокъ умеръ, отвѣчала спокойно Генріэтта. Белонъ засмѣялась, принимая слова эти за шутку. Въ дверяхъ она встрѣтилась съ Генріэттой, загораживавшею ей дверь, и тихо повторившею: «подите же, я говорю вамъ, что ребенокъ вашъ умеръ». Испуганная Белонъ оттолкнула Генріэтту и вошла въ комнату. Пораженная ужаснымъ видомъ, отъ внезапнаго волненія она не могла ни кричать, ни идти, но Генріэтта сохранила все свое хладнокровіе. «Бѣгите скорѣе, сказала она ей, а то попадете въ свидѣтели.» Та, опомнившись, сбѣжала внизъ, стала кричать и сзывать на помощь. Белонъ мужъ, не понимая, что могло такъ долго задержать на верху жену его, вышелъ изъ лавки; въ эту минуту изъ отворившагося надъ нимъ окна выбросили головку Фанни на мостовую. На крики его и жены сбѣжался народъ, всѣ пошли наверхъ и нашли Генріэтту спокойно сидящею на стулѣ подлѣ кровати, въ двухъ шагахъ отъ тѣла. Лицо ея было блѣдно, взглядъ тусклъ. На допросѣ у полицейскаго комисара Генріэтта созналась, разсказала подробно всѣ обстоятельства.—Что васъ побудило къ этому? спрашивали у нея.—Я желала ее убить, отвѣчала она, мнѣ пришла въ голову эта мысль, такова была моя судьба. Призванный докторъ объявилъ, что нашелъ Генріэтту спокойною, пульсъ ея правильнымъ, что замѣтилъ въ ней только большую усталость, сильный упадокъ духа. Полагали сначала, что она беременна, но скоро убѣдились въ противномъ. Слѣдствіе, стараясь раскрыть цѣль преступленія, думало найти ее въ предъидущей жизни Генріэтты; но въ ней ничего не нашли такого, чтобы могло объяснить совершенное преступленіе. Она родилась въ 1799 г., родители ея были булочники; потерявши еще въ раннихъ лѣтахъ и мать и отца, она проживала у нѣсколькихъ родственниковъ своихъ, довольно дурно обращавшихся съ нею. По настоянію тѣхъ же родственниковъ, 17 лѣтъ, она вышла замужъ за нѣкого Бертона, котораго не могла полюбить за его грубость и дурное обращеніе съ ней; она оставила его послѣ 4-хъ мѣсячнаго сожитія. Генріэтта поѣхала въ Парижъ, гдѣ находился ея братъ, служившій кондукторомъ при королевскихъ мессажри; онъ хорошо принялъ ее и доставилъ ей нѣсколько мѣстъ. Первое время Генріэтта вела жизнь

довольно безпорядочную, жила съ любовниками, отъ которыхъ имѣла двухъ дѣтей; она была въ эти годы необыкновенно веселаго и безпечнаго характера; но въ теченіи 1825 года изъ веселой она сдѣлалась мрачною, угрюмою, молчаливою, и въ концѣ сентября созналась брату, что желала бы лишить себя жизни. Такова была жизнь этой женщины, совершившей необъяснимое убійство.—Розъискали тѣхъ лицъ, у которыхъ въ разное время находилась въ услуженіи Генріэтта. Такъ *Bio*, табачный торговецъ, показалъ, что знаетъ Генріэтту за вѣрную, послушную слугу, чрезвычайно нѣжную въ обращеніи съ дѣтьми, которыхъ она очень любила. Изъ всѣхъ показаній любопытнѣйшимъ было показаніе кондитеровъ супруговъ Тришонъ, къ которымъ Генріэтта нѣсколько разъ поступала въ услуженіе. Тришонъ объявилъ, что въ послѣднее время онъ замѣтилъ въ характерѣ Генріэтты большую перемѣну; она казалась безпокойною, ее мучили неопредѣленныя опасенія; ночью часто бывала она въ состояніи сомнанбулизма, разсказывала, что сдѣлала или что была намѣрена дѣлать. Послѣднее время она была постоянно задумчива, угрюма. Фурнье, послѣдняя госпожа ея, показала, что неоднократно спрашивала ее о причинахъ ея грусти, но никогда не получала удовлетворительнаго отвѣта. Вотъ все, что было раскрыто слѣдствіемъ На этотъ разъ потребовали мнѣнія *медицины.*

По прочтеніи обвинительнаго акта, генеральный адвокатъ объявилъ, что хотя изъ обстоятельствъ дѣла и было видно, что умственныя способности Корнье находились въ совершенномъ порядкѣ, что̀ доказывалось какъ прежнею жизнію ея, такъ и отвѣтами ея на вопросы, предложенные президентомъ, съ цѣлію удостовѣриться въ состояніи ея умственныхъ способностей; но такъ какъ *достаточно было нѣсколькихъ выраженныхъ сомнѣній*, чтобы правосудіе подтвердило свой приговоръ свидѣтельствомъ медиковъ, то г-нъ президентъ назначилъ коммиссію изъ трехъ медиковъ для освидѣтельствованія умственнаго состоянія Корнье.—Послѣ двукратнаго освидѣтельствованія медиками Корнье, они объявили, что не находятъ умственныя способности обвиненной сколько-нибудь поврежденными; что третье освидѣтельствованіе, сдѣланное ими порознь, въ разные часы, привело къ тѣмъ же результатамъ, что слѣдовательно ими не найдено признаковъ, указывавшихъ на какой либо родъ безумія, а что

по одному виду ея, хотя грустному и убитому, или по медленнымъ, и не всегда удачнымъ отвѣтамъ, нельзя еще вывести, что разсудокъ ея былъ бы поврежденъ. Но при всемъ томъ, рѣшительнаго приговора о состояніи обвиненной, по кратковременности наблюденій своихъ, они признести не могутъ. Сообразивъ это заключеніе генеральный адвокатъ полагалъ, что достаточно самаго неосновательнаго сомнѣнія, которое могло бы оставаться въ умахъ нѣкоторыхъ лицъ, чтобы побудить правосудіе дать возможность медикамъ продлить свои наблюденія настолько, чтобы они имѣли возможность произнести рѣшительный приговоръ.— Судъ согласился на предложеніе генеральнаго адвоката. Разсмотрѣніе дѣла было отложено до слѣдующихъ ассизовъ.—Генріэтту пѣревели въ госпиталь Сальпетріеры; тамъ она оставалась до іюня мѣсяца, подъ наблюденіемъ медиковъ; результатомъ этихъ наблюденій было слѣдующее донесеніе: «въ продолженіи наблюденій надъ Корнье, отъ 25 февраля до 3-го іюня, въ ней сдѣлались замѣтны только глубокая грусть и сильный упадокъ духа, что впрочемъ достаточно объясняется настоящимъ ея положеніемъ, но въ ней нѣтъ тѣхъ признаковъ, которыми характеризуется совершенное разстройство умственныхъ способностей. Но этотъ приговоръ объ умственномъ состояніи подсудимой, не можетъ быть рѣшительнымъ; если доказано слѣдствіемъ, какъ впрочемъ это и упомянуто въ обвинительномъ актѣ, что до 4-го еще ноября характеръ и привычки подсудимой вдругъ измѣнились, что она стала молчалива, угрюма, безпокойна,—въ такомъ случаѣ настоящее состояніе ея можетъ быть объяснено болѣзненнымъ расположеніемъ, существующимъ въ ней уже болѣе одного года. Тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать эту оговорку, что, дѣлая заключеніе о духовномъ состояніи (état moral) извѣстнаго лица, необходимо сравнить настоящій образъ жизни его съ образомъ жизни его до сего времени».

Дѣло было назначено къ разсмотрѣнію 24-го іюня. Генріэтта вошла, поддерживаемая подъ руку жандармомъ. Она довольно большаго роста, лицо ея было бы пріятно, если бы не безпокойное и мрачное выраженіе глазъ, руки ея дрожали конвульсивно. По прочтеніи обвинительнаго акта, президентъ перешелъ къ допросу; она отвѣчала слабымъ и медленнымъ голосомъ.

— *В.* Въ какое время поступили вы въ услуженіе къ Фурнье?

—*О.* Въ ноябрѣ.—*В.* Хорошо-ли вамъ было у Фурнье, не имѣли ли вы причины жаловаться на нихъ?—*О.* Нѣтъ.—*В.* 4-го ноября вы были у торговки Белонъ, видѣли тамъ маленькую Фанни, и ласкали ее; потомъ просили вы позволенія у матери взять дѣвочку съ собою?—*О.* Да.—*В.* Вы цѣловали ее, поднимаясь по лѣстницѣ? — *О.* Не помню. — *В.* На лѣстницѣ вы встрѣтились съ Друо и говорили съ нимъ? — *О.* Да. — *В.* Передъ тѣмъ, чтобы подняться по лѣстницѣ, вы заходили въ кухню и взяли ножъ? — *О.* Да. — *В.* Какое было ваше намѣреніе? — *О.* Я сдѣлала это безсознательно. — *В.* Какая мысль была у васъ, когда вы брали ножъ?... отвѣчайте.—*О.* Я не знала, что дѣлала. — *В.* Вы положили ребенка на кровать? — *О.* Да. — *В.* На кровати вы и нанесли ему смерть? — *О.* Да. — *В.* Потомъ положили его на полъ? — *О.* Да. — *В.* Вы помните всѣ эти обстоятельства? — *О.* Да — *В.* Когда мать пришла за ребенкомъ, вы отвѣчали ей, что онъ умеръ? *О.* Да. — *В.* Для чего выбросили вы голову ребенка изъ окошка? Подсудимая отвѣчаетъ послѣ долгаго молчанія и чуть слышнымъ голосомъ: — «чтобы показать, что я была одна.» —*В.* Вы знали, что совершали ужасное преступленіе? — *О.* Все прошло быстрѣе молніи и противъ моего желанія. — *В.* Васъ не остановилъ страхъ наказанія божьяго?—*О.* Въ этотъ день я оставила Бога. *Одинъ изъ присяжныхъ*: Въ то время еще, когда вы желали лишить себя жизни, думали ли вы о совершеніи убійства? — *О.* Нѣтъ.. никогда! — *В.* Значитъ вамъ до 4-го ноября не приходило въ голову убить ребенка?—*О.* Нѣтъ.—*В.* Когда же именно начали вы думать объ этомъ? — *О.* Когда я вошла въ свою комнату. —*В.* Для чего жъ тогда вы брали ножъ?— *О.* Мнѣ пришла эта мысль въ кухнѣ.

Доктора были призваны. *Г-нъ Эскиролъ* подробно описалъ болѣзненное состояніе—монаманію, въ которомъ лицо, по видимому находящееся въ здравомъ разсудкѣ, теряя его на какомъ нибудь пунктѣ, можетъ сдѣлаться виновнымъ въ преступленіи, которое однакоже въ вину ему не можетъ быть поставлено, хотя лицо и совершаетъ его иногда съ предварительнымъ намѣреніемъ, извѣстнымъ искусствомъ и можетъ помнить малѣйшія его подробности.

Не смотря на усилія генеральнаго адвоката Баіё, требовавшаго приложенія закона во всей его строгости, послѣ защитительной

рѣчи, произнесенной г. Готье—Бизо, Генріэтта Корнье была признана виновною въ совершеніи умышленнаго убійства, но безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, и приговорена къ вѣчной каторжной работѣ. 17-го ноября она была клеймена, а потомъ заключена сначала въ Сенъ-Лазарѣ, а потомъ въ Клермонѣ. Когда ее видѣлъ Сентъ-Эдмъ въ 1829 году, она была по прежнему грустна и спокойна.—Думаете ли вы когда нибудь о совершенномъ вами преступленіи? спросилъ онъ у нея.—Рѣдко, отвѣчала она.—Чувствуете ли раскаяніе?—Нѣтъ, можетъ быть потому, что тогда мнѣ надоѣла жизнь, я потеряла голову и хотѣла лишить себя жизни; воспоминанія тѣмъ менѣе мучатъ меня, что теперь уже я неясно припоминаю обстоятельства.

А. Я.

XIII. Дѣло супруговъ Маннинговъ, судимыхъ за убійство.

Джоржъ—Фредерикъ Маннингъ въ 1847 г. содержалъ вмѣстѣ съ своею женою гостинницу въ г. Таунтонѣ, но вскорѣ они переселились въ Лондонъ и наняли тамъ цѣлый домъ, неизвѣстно съ какою цѣлью. Маннингъ былъ человѣкъ лѣтъ 30, и года два тому назадъ женился на двадцатилѣтней женщинѣ, пріѣхавшей изъ французской Швейцаріи въ Англію для найма въ знатныхъ домахъ въ качествѣ няньки при дѣтяхъ. Въ числѣ самыхъ короткихъ и близкихъ знакомыхъ обоихъ супруговъ былъ нѣкто Патрикъ О'Конноръ, служившій въ лондонскихъ докахъ и слывшій за богатаго человѣка. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что О'Конноръ былъ въ связи съ Маріей Маннингъ, мужъ которой не только не препятствовалъ, но напротивъ того, кажется, благопріятствовалъ, этой связи. Въ четвергъ 9 августа 1849 г. О'Конноръ вышелъ изъ дому въ $6\frac{1}{2}$ часовъ утра. Въ теченіе дня его видѣли въ разныхъ мѣстахъ и между прочимъ на лондонскомъ мосту, гдѣ онъ показывалъ двумъ повстрѣчавшимся знакомымъ пригласительную записку на обѣдъ, подписанную Маріей. Здѣсь его видѣли въ послѣдній разъ; онъ не возвратился домой и, не смотря на всѣ старанія друзей, нигдѣ не былъ отысканъ. Между-тѣмъ, 14 августа хозяинъ дома, нанятаго Маннингами, нашелъ его совершенно пустымъ. Извѣщенная объ этомъ полиція

произвела 17 августа въ домѣ тщательный обыскъ и нашла подъ поломъ кухни трупъ О'Коннора; въ черепѣ его была огнестрѣльная рана, и сверхъ того на всемъ тѣлѣ жестокіе боевые знаки: всего насчитано было 16 ранъ. По заключенію врача, тѣло находилось въ землѣ по крайней мѣрѣ 8 дней. Такимъ образомъ было дознано, что О'Конноръ былъ убитъ между 9 августа, когда его видѣли въ послѣдній разъ, и 17-мъ, когда было найдено его тѣло. Все указывало, что убійцами были супруги Маннинги: они одни жили въ домѣ, гдѣ найдено тѣло убитаго, и внезапно оставили Лондонъ, какъ только началъ распространяться слухъ объ исчезновеніи О'Коннора. Сдѣлано было распоряженіе объ отысканіи и арестованіи обоихъ супруговъ. Фредерикъ Маннингъ былъ схваченъ на островѣ Джерсеѣ и немедленно признался въ преступленіи, но обвинилъ во всемъ свою жену. Эта послѣдняя была найдена въ Шотландіи, гдѣ она скрывалась подъ чужимъ именемъ; она ни въ чемъ не призналась. Оба были привезены въ Лондонъ, гдѣ долженъ былъ происходить судъ надъ ними.

Процессъ этотъ возбудилъ въ высшей степени любопытство лондонской публики, такъ что входъ въ залу суда былъ разрѣшаемъ только по билетамъ, чего прежде никогда не бывало въ Англіи. Въ день открытія засѣданій, прилегающія къ суду улицы были покрыты народомъ, а зала была совершенно наполнена самою избранною публикою Послѣ того, какъ лордъ главный судья сэръ Фр. Поллокъ, лордъ меръ и прочіе судьи заняли свои мѣста, были введены обвиняемые. По лицу Фредерика Маннинга ясно было видно его тревожное состояніе; онъ часто перемѣнялъ мѣсто и иногда взглядывалъ на жену свою, которая напротивъ была совершенно неподвижна и ни разу не посмотрѣла на мужа. На обычный вопросъ судьи о томъ, признается ли онъ въ преступленіи или нѣтъ, Маннингъ отвѣчалъ громкимъ и твердымъ голосомъ, что онъ невиненъ. Защитникъ Маріи Маннингъ адвокатъ Беллентинъ объявилъ, что такъ-какъ она иностраннаго происхожденія, то для суда надъ ней необходимо, чтобы присяжные на половину были иностранцы (Trial per medietatem linguae). Марія Маннингъ, съ своей стороны, также заявила такое требованіе и притомъ сказала, что она ни въ чемъ не виновна. Послѣ продолжительнаго совѣщанія между судьей, государст-

веннымъ обвинителемъ и защитникомъ обвиняемой, судъ призналъ требованіе смѣшаннаго состава присяжныхъ не подлежащимъ удовлетворенію, потому-что вступленіе Маріи Маннингъ въ бракъ съ англичаниномъ замѣнило для нея натурализацію.

Затѣмъ генеральный атторней произнесъ слѣдующую обвинительную рѣчь: «9 числа августа было послѣднимъ днемъ, когда еще видѣли Патрика О'Коннора. Въ этотъ день на лондонскомъ мосту онъ встрѣтился съ пріятелями и показывалъ имъ письмо, подписанное Маріей; въ послѣдній же разъ, а именно въ 5 час. по-полудни, его видѣли въ Уэстонъ-Стритѣ, близъ дома, гдѣ жили супруги Маннинги. Внезапный отъѣздъ сихъ послѣднихъ побудилъ полицію сдѣлать въ ихъ домѣ тщательный обыскъ, и подъ поломъ кухни былъ найденъ трупъ О'Коннора; сверху онъ былъ посыпанъ извѣстью. Впрочемъ платье убитаго, письмо, которое онъ показывалъ пріятелямъ, а также и оружіе, служившее для убійства, не были отысканы. Нѣсколько свидѣтелей подтвердили, что найденный трупъ былъ трупъ О'Коннора; прострѣленная голова и слѣды ударовъ на черепѣ не позволяли сомнѣваться, что смерть послѣдовала отъ насилія. Этихъ данныхъ было достаточно, чтобы возбудить сильное подозрѣніе противъ супруговъ Маннинговъ, но представляются и такія обстоятельства, которыя даютъ подозрѣнію характеръ совершенной достовѣрности. Такъ было доказано, что Марія Маннингъ была знакома съ О'Конноромъ еще до своего замужества; въ послѣднее время близость и короткость ихъ еще болѣе увеличились. Марія часто посѣщала его и знала во всей подробности его денежныя дѣла; иногда она приходила къ нему въ домъ въ его отсутствіе и долго оставалась тамъ. По переѣздѣ въ домъ на миниверской площади (гдѣ было совершено преступленіе), Маннинги взяли жильца, студента медицины, по имени Мессей, который былъ часто свидѣтелемъ приходившихъ между обоими супругами разговоровъ. Фредерикъ Маннингъ сказалъ одинъ разъ, что О'Конноръ имѣетъ 20-т. фун. стерл. и по сдѣланному завѣщанію оставляетъ эти деньги женѣ его Маріи. Въ другой разъ Маннингъ спрашивалъ Мессея о дѣйствіи хлороформа и лауданума; онъ желалъ знать, могутъ ли эти средства привести когонибудь, напримѣръ, друга его О'Коннора, въ такое безчувственное состояніе, при которомъ можно было бы взять изъ рукъ его билетъ въ 500 ф. стерл. Далѣе онъ узналъ, какая часть

человѣческаго тѣла всего легче можетъ подвергнуться смертельному поврежденію. Мессей отвѣчалъ, что горловая жила, и потому, по желанію Маннинга, указалъ ему мѣсто нахожденія большаго мозга. Нельзя не упомянуть еще о вопросахъ Маннинга: производитъ ли шумъ выстрѣлъ изъ духоваго оружія, и о томъ, что думаетъ Мессей о загробной участи убійцы? Мессей обращалъ мало вниманія на эти распросы. Въ концѣ іюля онъ принужденъ былъ выѣхать изъ дому, по настоятельному требованію Маннинговъ. 23-го іюля Маннингъ пошелъ къ кирпичнику Уэльсу и купилъ у него нѣкоторое количество самой крѣпкой негашеной извести. Работникъ, которому поручено было снести извѣсть въ домъ Маннинговъ, былъ встрѣченъ въ дверяхъ Маріей; она отдала ему деньги, не спросивъ даже, откуда онъ и что онъ принесъ.—25-го іюля Маннингъ заказалъ въ желѣзной лавкѣ большой желѣзный ломъ, который 28-го іюля былъ готовъ и посланъ съ работникомъ заказчику. Встрѣтивъ на улицѣ работника, Маннингъ былъ очень недоволенъ, что онъ несъ ломъ незавернутымъ, и тотчасъ вошелъ въ ближайшую лавку, гдѣ купилъ нѣсколько листовъ бумаги и завернулъ ими ломъ. Работникъ этотъ былъ, какъ и первый, встрѣченъ Маріею Маннингъ, которая и заплатила ему слѣдовавшія за ломъ деньги.—Ломъ не былъ найденъ при обыскѣ дома. 8-го августа, т. е. наканунѣ того дня, когда убитаго видѣли въ послѣдній разъ, мистриссъ Маннингъ купила лопату и написала О'Коннору письмо, въ которомъ приглашала его къ обѣду. Впрочемъ письмо это дошло по назначенію лишь на слѣдующій день, и О'Конноръ совершенно случайно зашелъ въ этотъ день къ Маннингамъ. Событія 9-го августа уже извѣстны. Можно прибавить, что Марія Маннингъ пришла въ $6\frac{1}{4}$ часовъ этого дня на квартиру О'Коннора и пробыла тамъ около полутора часа. Мужъ ея оставался дома; сосѣдка его Софія Пажъ около 7 часовъ вечера видѣла его курящимъ на стѣнѣ сада и разговаривала съ нимъ минутъ двадцать, послѣ чего онъ внезапно соскочилъ со стѣны и возвратился въ комнаты. Безъ сомнѣнія убійство въ это время было уже совершено. Въ пятницу 10-го августа, мистриссъ Маннингъ опять пришла на квартиру убитаго, вѣроятно съ цѣлію унести его вещи. Посѣщенія ея были такъ обыкновенны, что не возбудили никакого подозрѣнія; впрочемъ хозяйка квартиры О'Коннора и сестра ея по-

казываютъ, что при уходѣ оттуда Марія казалась разстроенною. Въ субботу, 11-го августа, Марія наняла дѣвочку для приведенія въ порядокъ кухни; между прочимъ она дала ей вымыть корзину, въ которой очевидно была извѣсть. Въ тотъ же день Фредерикъ Маннингъ продалъ 20 акцій желѣзной дороги, принадлежавшихъ О'Коннору. Вырученные черезъ это 110 ф. стерл. были размѣнены имъ въ банкѣ на 50 совереней и пять десятифунтовыхъ билетовъ, которые впослѣдствіи были найдены у Маріи Маннингъ. Внезапное исчезновеніе О'Коннора не могло не возбудить опасенія въ друзьяхъ его; двое изъ нихъ, Уэльмъ и Флиннъ, приходили къ Маннингамъ справляться о пропавшемъ. На вопросы ихъ, былъ ли О'Конноръ у нихъ 9-го августа, Марія отвѣчала отрицательно. По отзыву Флинна, Марія Маннингъ при этомъ была очень разстроена, такъ-что онъ спросилъ, здорова ли она; на что она отвѣчала, что уже нѣсколько дней чувствуетъ себя дурно. Въ понедѣльникъ (13-го), Маннингъ продалъ торговцу Бенбриджу всю свою мебель, за тринадцать ф. ст., подъ предлогомъ отъѣзда за городъ; по заключенному между ними условію мебель должна была быть вывезена изъ квартиры Маннинга на другой же день; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выговорилъ себѣ право прожить у Бенбриджа двѣ недѣли, и тогда же послалъ за своей женой. Посланный возвратился съ извѣстіемъ, что Марія Маннингъ уже уѣхала изъ квартиры; мужъ ея самъ отправился туда и не могъ достучаться; сосѣди сказали ему, что Марія уѣхала въ экипажѣ, взявъ съ собой нѣсколько узловъ. Жена Бенбриджа спрашивала Маннинга, отчего онъ не хочетъ остаться еще на одну ночь въ своей прежней квартирѣ? Онъ отвѣчалъ, что не сдѣлаетъ этого и за 20 ф. стерл. Изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что Марія Маннингъ уѣхала 13-го числа, взявъ съ собою платье и нѣсколько другихъ вещей. Она сперва отправилась на станцію юговосточной желѣзной дороги и тамъ оставила два сундука, сдѣлавъ на нихъ надпись: «мистриссъ Смитъ, въ Парижъ». Оттуда она велѣла везти себя въ Этонъ-скверъ, гдѣ взяла билетъ въ Ньюкастль; наконецъ 21-го августа она была арестована въ Эдинбургѣ, гдѣ жила подъ именемъ Смитъ. При допросѣ она сначала старалась скрыть свое настоящее имя. Въ сундукѣ ея было найдено 73 суверена, одинъ билетъ въ 50 фунтовъ, нѣсколько десятифун-

товыхъ и одинъ пятифунтовый билетъ, и сверхъ того нѣсколько купоновъ и акцій разныхъ желѣзныхъ дорогъ, несомнѣнно принадлежавшихъ О'Коннору. Пять десятифунтовыхъ билетовъ были изъ числа размѣненныхъ ея мужемъ въ банкѣ, а пятифунтовый билетъ былъ полученъ имъ же отъ одного покупщика акцій. Что касается до Фр. Маннинга, то было дознано, что 15-го августа онъ нанялъ кабріолетъ до соутгамптонской станціи желѣзной дороги. Его преслѣдовали и 27-го августа арестовали на островѣ Джерсеѣ. Въ заключеніе своей рѣчи государственный обвинитель объяснилъ присяжнымъ, что Фр. Маннингъ, послѣ арестованія, далъ показаніе, будто бы убійство совершено его женою. Но такъ-какъ обвиненіе это по англійскому закону не имѣетъ никакой силы, то онъ убѣждалъ присяжныхъ не принимать его во вниманіе при произнесеніи приговора. Маннингъ въ показаніи своемъ подробно описывалъ, какъ произошло убійство. По словамъ его, Марія позвала О'Коннора обѣдать, и въ то время, какъ онъ шелъ по лѣстницѣ въ столовую, она выстрѣлила ему сзади въ голову. Впрочемъ онъ не объяснилъ, какимъ образомъ были нанесены О'Коннору остальные страшные удары. Вышеизложенное, по мнѣнію обвинителя, совершенно достаточно для того, чтобы устранить всякое сомнѣніе въ насильственной смерти О'Коннора. Присяжнымъ слѣдуетъ разрѣшить: было ли совершено убійство обоими или однимъ изъ супруговъ Манниговъ, или оно было совершено однимъ изъ нихъ при пособіи и съ вѣдома другаго. Здѣсь генеральный атторней обратилъ вниманіе присяжныхъ на то, что известь, предназначавшаяся къ уничтоженію тѣла убитаго, и ломъ, послужившій къ вырытію земли въ кухнѣ, были куплены мужемъ и переданы въ руки жены, а лопата была ею куплена. Оба обвиняемые оставили одновременно свое жилище, послѣ сдѣланныхъ имъ друзьями убитаго вопросовъ о судьбѣ его. Оканчивая свою рѣчь, обвинитель выразилъ полное довѣріе къ присяжнымъ и надежду, что они, устранивъ всѣ постороннія предубѣжденія, честно и спокойно произнесутъ приговоръ, основываясь на показаніяхъ свидѣтелей».

Затѣмъ начался длинный рядъ свидѣтельскихъ показаній; Констабли *Кларксонъ* и *Уилькинсъ* показали, что при осмотрѣ кухни дома, гдѣ жили Маннинги, имъ показалось, что земля между двумя

плитами пола была взрыта и сыра. Плиты были подняты съ большимъ трудомъ, при помощи лома, и на глубинѣ 12 футовъ были найдено нагое тѣло, осыпанное извѣстью. Въ домѣ была отыскана лопата и 28 недавно мытыхъ полотняныхъ платковъ.—Хирургъ *Локвудъ* показалъ, что присутствовалъ при вырытіи трупа. Изо рта убитаго онъ вынулъ челюсть вставныхъ зубовъ; надъ правымъ глазомъ былъ наростъ, въ которомъ оказалась пуля. Задняя часть головы была жестоко расшиблена и разбита, и потому онъ не могъ прослѣдить ходъ пули; по этой же причинѣ не могли быть сосчитаны раны, но казалось, что ихъ не менѣе 16. Свидѣтель думаетъ, что эти раны, по большей части смертельныя, были нанесены ломомъ или заступомъ.—*Нѣсколько знакомыхъ* и *друзей* подтвердили тождество трупа съ О'Конноромъ; они также повторили сказанное обвинителемъ на счетъ отношеній убитаго къ Маннингамъ и встрѣчи съ нимъ въ послѣдній день его жизни. Одинъ изъ нихъ, Флиннъ, сказалъ, что заходилъ къ Маріи Маннингъ справляться объ О'Коннорѣ; она отвѣчала, что ничего не знаетъ и воскликнула: «бѣдный О'Конноръ, онъ былъ мой лучшій другъ въ Лондонѣ». При этихъ словахъ она измѣнилась въ лицѣ и поблѣднѣла.—*Хозяйка* того *дома*, гдѣ жилъ О'Конноръ, показала, что Марія Маннингъ часто приходила къ нему; между прочимъ она приходила въ его квартиру 9-го и 10-го августа, и при уходѣ оттуда 10-го числа, какъ показалось свидѣтельницѣ, сильно дрожала. (То же самое показала и сестра хозяйки).—Сосѣдка Маннинговъ *Софья Пэджъ* объяснила, что въ день убійства видѣла Фр. Маннинга вечеромъ въ саду. Впрочемъ она не слышала въ домѣ Маннинговъ никакого подозрительнаго шума или крика. Показаніе студента *Мессея* вполнѣ согласно съ тѣмъ, что уже было сказано въ обвинительной рѣчи. То же самое должно сказать и о продавцахъ извѣсти и лома, а также о покупщикѣ мебели обвиняемыхъ, Бенбриджѣ и женѣ его.—Нанятая Маріею Маннингъ для мытья комнатъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка *Анна Фирлэнъ* показала, что по приказанію мистриссъ Маннингъ она мыла корзину, въ которой была извѣсть.—*Начальникъ эдинбургской полиціи* объяснилъ, что продажа обвиняемою акцій и купоновъ желѣзныхъ дорогъ возбудила его подозрѣніе. Первоначально она назвала себя Смитъ, но осмотръ ея вещей обнаружилъ ея на-

стоящее имя. Впрочемъ она постоянно не сознавалась въ убійствѣ, говоря, что убитый былъ ея лучшій другъ. Она показала, что въ четвергъ 9-го августа О'Конноръ хотѣлъ у нихъ обѣдать, но не пришелъ. Спрошенная о мѣстопребываніи мужа, Марія отозвалась незнаніемъ. Вообще она жаловалась на дурное его обращеніе съ нею и говорила, что однажды онъ хотѣлъ убить ее ножемъ.—*Полицейскіе агенты*, арестовавшіе Фр. Маннинга, показали, что онъ обвинялъ во всемъ жену; онъ разсказалъ, какимъ образомъ она выстрѣлила въ О'Коннора, и выразилъ надежду, что она признается во всемъ. Онъ говорилъ, что жена его характера очень вспыльчиваго и что онъ самъ опасался за свою жизнь; разъ она даже преслѣдовала его съ ножемъ въ рукахъ. На предложенный ему вопросъ, какъ произошли другія раны, найденныя на трупѣ, Маннингъ не отвѣчалъ ничего.—Эти же агенты показали, что въ оставленномъ Маріею Маннингъ на станціи желѣзной дороги сундукѣ найдено было платье, съ кровавыми, какъ имъ показалось, пятнами. Показаніе это было подтверждено экспертами-химиками. Въ числѣ свидѣтелей были и *продавцы* государственныхъ фондовъ и акцій, съ которыми О'Конноръ былъ въ сношеніи; они показали, что найденныя у Маріи Маннингъ акціи и бумаги принадлежали убитому. Сверхъ того они объявили, что въ первыхъ числахъ августа мистриссъ Маннингъ приходила къ нимъ справляться о цѣнѣ нѣкоторыхъ акцій и бумагъ и о томъ, какія изъ нихъ имѣютъ цѣну внѣ Англіи.

По выслушаніи свидѣтелей и послѣ перекрестнаго допроса ихъ, слѣдовали рѣчи защитниковъ обвиняемыхъ. Первымъ говорилъ адвокатъ Фр. Маннинга, Уилькинсъ. Рѣчь его началась указаніемъ на всю затруднительность его собственнаго положенія. Въ настоящемъ дѣлѣ оба супруга обвиняютъ другъ друга; ему, какъ защитнику Фр. Маннинга, слѣдуетъ выставить на видъ всѣ обстоятельства, говорящія въ пользу его кліента и обвиняющія жену сего послѣдняго; между-тѣмъ задача адвоката Маріи Маннингъ заключается именно въ противномъ. Далѣе, Уилькинсъ заклиналъ присяжныхъ забыть всѣ городскіе слухи и газетныя вѣсти, и произнести приговоръ нелицепріятно, на основаніи лишь того, что они услышатъ въ залѣ суда. Переходя къ разсмотрѣнію самаго дѣла, адвокатъ сказалъ, что только

одно обстоятельство можетъ считаться несомнѣннымъ — убійство О'Коннора. Но тутъ возникаютъ вопросы: *когда* былъ онъ убитъ? *гдѣ*? *какимъ образомъ*? и *кѣмъ*? *Когда*? Обвиненіе утверждаетъ, что въ четвергъ 9-го августа. Это недоказано, хотя и правдоподобно. *Гдѣ*? Это не совсѣмъ ясно. Обвиненіе говоритъ что въ квартирѣ обвиняемыхъ. *Какъ*? Медицинскій осмотръ устраняетъ всѣ сомнѣнія по этому предмету. — *Кто убійца*? Говорятъ, что оба супруга Маннинги. Но гдѣ же доказательства ихъ согласія и единогласія? Только одно обстоятельство о покупкѣ извести и лома можетъ нѣсколько подкрѣпить это предположеніе касательно Фр. Маннинга. Женщина можетъ точно также превзойти мужчину въ добродѣтели, какъ и въ порокѣ. Очень возможно, что Марія задумала и совершила преступленіе, а мужъ ея былъ только ея орудіемъ. Онъ могъ купить известь и ломъ по ея порученію, думая, что вещи эти нужны для хозяйства; при покупкѣ ихъ онъ не старался соблюсти тайну; онъ сказалъ свое имя и мѣсто жительства. И ломъ, и известь, были вручены Маріи Маннингъ, которая сама заплатила за нихъ деньги. Вотъ единственные факты, которые могутъ быть приведены противъ Фр. Маннинга. Но могутъ возразить, что убійство было совершено обоими супругами вмѣстѣ. Противъ этого говоритъ какъ вся предшествовавшая роковому событію жизнь ихъ, такъ и тѣ обстоятельства, при которыхъ оно случилось. Они никогда не жили согласно и разъѣхались въ совершенно противоположныя стороны; ихъ не видали вмѣстѣ послѣ совершенія преступленія. Могло ли убійство быть совершено однимъ лицомъ? Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Если допустить, что О'Конноръ былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета, то спустить курокъ хватило бы силы и у ребенка. Силъ одного лица было вполнѣ достаточно и для того, чтобы зарыть тѣло въ землю. Далѣе, что могло побудить Маннинга къ убійству? Говорили, что онъ былъ ревнивъ. Но предположеніе это ни на чемъ не основано; напротивъ, онъ никогда не смотрѣлъ серьезно на свои супружескія права. Онъ позволялъ женѣ своей посѣщать О'Коннора ночью и всегда принималъ его радушно и дружелюбно. — Была-ли это корысть? Но обстоятельства дѣла показываютъ, что онъ не получилъ даже и шиллинга изъ имущества убитаго. Правда, онъ размѣнивалъ его фунтовый билетъ, но здѣсь, какъ и всегда, онъ

является только орудіемъ своей жены. Если же взглянуть на образъ дѣйствій Маріи Маннингъ, то онъ представляется въ совершенно другомъ свѣтѣ. Она написала О'Коннору пригласительное письмо; она часто посѣщала его квартиру и знала всѣ его дѣла; на распросы озабоченныхъ друзей убитаго она отвѣчала лицемѣрно, стараясь ввести ихъ въ заблужденіе. Всѣ бумаги и деньги покойнаго были найдены у ноя; вещи эти хранились въ шкатулкѣ, ключъ которой былъ постоянно въ его карманѣ. Какъ могла она завладѣть имъ? Зачѣмъ была она на его квартирѣ въ самый день убійства и 10-го августа. Почему она вышла оттуда блѣдная и дрожащая? Очень вѣроятно, что она не могла унести всего въ одинъ разъ, и потому приходила еще въ слѣдующіе дни. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что она знала, гдѣ хранятся деньги О'Коннора и что деньги эти были впослѣдствіи найдены у нея. Фр. Маннинга напротивъ видѣли вскорѣ послѣ убійства спокойно сидѣвшаго въ саду. Переѣхавъ къ Бенбриджу, онъ совершенно неожиданно узналъ, что жена его уѣхала изъ дому. Ясно, что она скрылась тайно отъ него, увозя съ собой похищенныя ею деньги. Защитникъ объяснилъ, что онъ не думаетъ отвергать нѣкоторой степени участія мужа въ преступленіи. Очень вѣроятно, что онъ изъ страха или изъ снисхожденія къ женѣ, помогалъ ей зарыть тѣло убитаго. Такимъ же образомъ можно объяснить и то, что онъ не донесъ о совершенномъ преступленіи. Но если бы О'Конноръ былъ убитъ Фр. Маннингомъ, то можно ли допустить, чтобы Марія умолчала объ убійствѣ человѣка, который былъ ей дороже мужа? Невинность Фр. Маннинга доказывается также словами, сказанными имъ арестовавшимъ его полицейскимъ; онъ выразилъ сожалѣніе, что не донесъ о всемъ случившемся. Защитникъ указалъ на поразительное различіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ арестованіе каждаго изъ супруговъ. Марія сохраняетъ полное присутствіе духа, обличающее заранѣе составленную систему защиты, и не сознается ни въ чемъ; Фредерикъ тотчасъ указываетъ на жену свою, какъ на виновницу преступленія, и говоритъ, что у нея будетъ найдена хорошая сумма денегъ. Незначительность найденныхъ у него денегъ показываетъ, что онъ не участвовалъ въ дѣлежѣ принадлежавшаго О'Коннору имущества. Въ заключеніе своей рѣчи Уилькинсъ сказалъ, что старался добросовѣстно исполнить

лежавшую на немъ обязанность. Онъ самъ чувствуетъ, какъ непріятно должна была подѣйствовать на слушателей его рѣчь: защитникъ мужа, онъ дѣлается обвинителемъ жены. Но онъ думаетъ, что исполнилъ свой долгъ, и убѣждаетъ присяжныхъ при постановленіи приговора забыть это непріятное впечатлѣніе и отстранивъ семейныя отношенія виновныхъ, разсмотрѣть дѣло съ точки зрѣнія чисто юридической.»

Очередь была за защитникомъ Маріи Маннингъ. Онъ началъ свою рѣчь обращеніемъ къ присяжнымъ и увѣреніемъ, что не послѣдуетъ примѣру Улькинса, старавшемуся оправдать своего кліента въ ущербъ мистриссъ Маннингъ. Обращаясь къ существу дѣла, онъ сказалъ, что надѣется доказать невинность обвиняемой, которая, по мнѣнію его, не присутствовала при совершеніи преступленія. Прежде всего онъ долженъ замѣтить, что кліентка его не принадлежитъ къ числу лицъ, способныхъ хладнокровно и обдуманно рѣшиться на страшное злодѣяніе. Къ тому же, убійство О'Коннора не представляло для нея никакой выгоды; она имѣла на него большое вліяніе и могла, не прибѣгая къ убійству, найти доступъ къ его деньгамъ. Въ день убійства, О'Коннора видѣли на лондонскомъ мосту въ 5 ч. и въ $5^1/_4$, слѣдовательно онъ пришелъ къ Маннингамъ гораздо позже пяти часовъ. Между-тѣмъ Маннинги обыкновенно обѣдали въ пять. Показаніе мистриссъ Маннингъ, что она, встревоженная неприбытіемъ О'Коннора, пошла къ нему на квартиру, пріобрѣтаетъ такимъ образомъ сильное вѣроятіе. По показанію одного свидѣтеля, она пришла туда въ $5^3/_4$ ч. и оставалась до 7. Чтобъ дойти до квартиры О'Коннора ей нужно было не менѣе получаса: слѣдовательно она должна была выдти изъ дома не позже $5^1/_4$ и воротиться не ранѣе $7^1/_4$. Преступленіе же было совершено въ этотъ промежутокъ времени; мужа ея видѣли въ саду въ $7^1/_4$, по всей вѣроятности уже послѣ убійства, при которомъ она, какъ явствуетъ изъ всего сказаннаго, не присутствовала. Далѣе, адвокатъ указалъ на то, что защитникъ Фр. Маннинга признаетъ вѣроятность совершенія убійства однимъ только лицомъ. Пусть разрѣшатъ присяжные, кого изъ двухъ, мужчину или женщину, съ большею достовѣрностью можно заподозрить въ совершеніи подобнаго преступленія. Кровавыя пятна на платьѣ Маріи Ман-

нингъ, по мнѣнію защитника, не могутъ служить къ обвиненію ея. Съ одной стороны химики могли ошибиться въ опредѣленіи свойствъ этихъ пятенъ, а съ другой, если и допустить, что это были кровавыя пятна, то они могли образоваться совершенно независимо отъ убійства О'Коннора. Наконецъ, если бы Марія совершила преступленіе, то пятна эти были бы и больше, и замѣтнѣе. Невинность Маріи можетъ быть доказана и отношеніями ея къ О'Коннору, которыя были постоянно дружелюбныя и предупредительныя, даже незадолго до убійства. Такая скрытность, такое лицемѣріе предполагали бы въ ней слишкомъ большую степень испорченности. Допустимъ даже, что она узнала отъ мужа объ убійствѣ О'Коннора; поведеніе ея въ такомъ случаѣ объясняется очень легко. Поступокъ мужа она конечно объяснила ревностью, и могла ли она донести на него, справедливо оскорбленнаго ея поведеніемъ? Говорятъ, что, выходя изъ квартиры О'Коннора, она была блѣдна и дрожала; но волненіе ея совершенно понятно и не требуетъ объясненія. Деньги и акціи О'Коннора были найдены у Маріи Маннингъ; но нѣкоторыя изъ нихъ составляли ея собственность, а на другія она можетъ быть также имѣла право. Намѣреваясь бѣжать отъ мужа, она поспѣшила забрать ихъ изъ квартиры О'Коннора, и при этомъ по ошибкѣ могла захватить акціи, принадлежавшія самому О'Коннору. Но если и допустить, что она незаконно присвоила себѣ имущество О'Коннора, то это не доказываетъ еще участія ея въ убійствѣ. Мужъ ея конечно также воспользовался частью этого имущества, и разъѣхались они по взаимному согласію. Въ заключеніе адвокатъ Маріи сказалъ, что она не могла участвовать въ совершеніи преступленія не могла даже быть пособницей его. Это ясно доказываетъ отсутствіе ея изъ дому въ вечеръ 9 августа. Онъ выразилъ надежду на безпристрастіе и на справедливость присяжныхъ, которые конечно не захотятъ неправильно осудить иностранку.

Вслѣдъ затѣмъ генеральный атторней всталъ, чтобы представить нѣкоторыя возраженія на рѣчи обоихъ защитниковъ; они стали оспаривать его право на вторичную рѣчь, но судья призналъ за нимъ это право и обвинителю предоставлено было высказать свои замѣчанія. Прежде всего онъ выразилъ сомнѣніе въ справедливости допускаемаго обоими защитниками пред-

положенія, что убійство было совершено только однимъ лицомъ; ему казалось невозможнымъ, чтобы одно лицо могло поднять плиты пола въ кухнѣ, вырыть яму и опять зарыть ее. Далѣе, обвинитель указалъ на то подозрительное обстоятельство, что мистриссъ Маннингъ не воспользовалась присутствіемъ О'Коннора у нихъ 8 августа, чтобы пригласить его къ обѣду на слѣдующій день, но написала ему пригласительную записку ночью. Конечно, она потому не хотѣла его пригласить 8, что его въ этотъ день сопровождалъ пріятель. Неправдоподобность показанія Маннинга, что онъ присутствовалъ при убійствѣ, но не принималъ въ немъ участія, слишкомъ очевидна. Съ достовѣрностью можно предположить, что обвиняемые оба содѣйствовали убійству. Оба принимали равное участіе въ покупкѣ лома, извести и лопаты. Оба оставили свой домъ и бѣжали изъ Лондона. Защитники обвиняемыхъ, такъ заключилъ свою рѣчь обвинитель, исполнили свой долгъ, стараясь оправдать каждый своего кліента, но и онъ исполняетъ свою обязанность, указывая на равное участіе обоихъ въ совершеніи преступленія.

Затѣмъ лордъ главный судья резюмировалъ весь процессъ. Онъ указалъ вопросы, подлежавшіе разрѣшенію присяжныхъ, но удержался отъ произнесенія какого либо мнѣнія о виновности Маннинговъ. «Разрѣшеніе отдѣльныхъ сомнѣній», сказалъ онъ, обращаясь къ присяжнымъ, «зависитъ совершенно отъ вашего усмотрѣнія. Если заключеніе, къ которому вы придете, будетъ имѣть такую степень достовѣрности, какою вы удовольствовались бы въ важнѣйшихъ дѣлахъ вашей собственной жизни то эта достовѣрность будетъ достаточна для произнесенія обвинительнаго приговора. Помните, что такой приговоръ можетъ быть произнесенъ, хотя бы обстоятельства, сопровождавшія преступленіе, и не исключали возможности сомнѣнія. Есть преступленія, совершаемыя въ темнотѣ, они могутъ быть открыты только посредствомъ изслѣдованія и сравненія всѣхъ обстоятельствъ, совокупность которыхъ и приводитъ къ извѣстному убѣжденію. Всякое человѣческое дѣяніе оставляетъ мѣсто для сомнѣній. Мы часто ошибаемся въ томъ, что видимъ; еще чаще въ томъ, что слышали. Но сомнѣнія, неразлучныя съ каждымъ поступкомъ человѣческимъ, не должны препятствовать разрѣшенію дѣла, имѣющаго огромную важность и для об-

щества, и для обвиняемыхъ. Я не сомнѣваюсь, что вы честно исполните свой долгъ. Вы не забудете, что съ одной стороны вы обязаны не оставить преступленія безнаказаннымъ, что съ другой стороны обвиняемые вправѣ ожидать отъ васъ осторожности и правосудія. Я отпускаю васъ съ увѣренностью, что ваше рѣшеніе будетъ согласно съ справедливостью и истиною».

Затѣмъ присяжные удалились и послѣ часаваго совѣщанія объявили, чрезъ посредство своего предсѣдателя, что признаютъ виновными обоихъ подсудимыхъ. Обвиненныхъ спросили, не имѣютъ ли они сказать что нибудь противъ присужденія ихъ *къ смертной казни.* Марія Маннингъ поднялась съ своего мѣста и съ большимъ жаромъ доказывала несправедливость приговора какъ потому-что она иностранка, такъ и въ особенности потому что совершенно невинна въ убійствѣ О' Копора. Послѣ, того одинъ изъ судей обратился къ обоимъ Маннингамъ съ рѣчью, въ которой сказалъ, что присяжные произнесли свой приговоръ на основаніи такой совокупности уликъ, которая исключала возможность сомнѣній. Онъ убѣждалъ ихъ подумать о приготовленіи къ смерти, такъ-какъ они не должны надѣяться на смягченіе или отмѣну приговора. Послѣ этого увѣщанія судья въ установленныхъ выраженіяхъ произнесъ смертный приговоръ. Фредерикъ Маннингъ казался сильно пораженнымъ, но сохранилъ хладнокровіе; жену его должны были увести насильно, такъ какъ она не переставала увѣрять въ своей невинности и проклинать судей и присяжныхъ. — Любопытство публики такъ сильно было возбуждено процессомъ Маннинговъ, что и послѣ окончанія суда, даже послѣ казни, газеты не переставали сообщать подробности объ этомъ дѣлѣ. Марія Маннингъ не созналась ни въ чемъ, и до самой казни утверждала, что она невинна въ убійствѣ О'Коннора; напротивъ того мужъ ея далъ нѣсколько показаній, въ которыхъ постоянно говорилъ, что убійство совершено Маріей. Въ особенности замѣчательно послѣднее признаніе Маннинга, сдѣланное имъ священнику Ро. Онъ объяснилъ, что О'Конноръ не сдержалъ даннаго имъ Маріи обѣщанія помочь ей деньгами, и что съ тѣхъ поръ она возненавидѣла его и рѣшилась убить, несмотря на увѣщанія его, Маннинга. Убійство было совершено 9-го августа передъ самымъ обѣдомъ; О'Конноръ сходилъ по лѣстницѣ внизъ и въ это время Марія вы-

стрѣлпля въ него изъ пистолета. Самъ Маннингъ при этомъ не присутствовалъ; придя въ кухню, онъ увидѣлъ О' Коннора лежащимъ еще съ признаками жизни и тутъ нанесъ ему нѣсколько ударовъ ломомъ, такъ-какъ всегда ненавидѣлъ его. Тотчасъ послѣ этого Марія пошла на квартиру убитаго и взяла тамъ акціи желѣзныхъ дорогъ. Маннингъ признался, что по просьбѣ жены онъ заложилъ эти акціи въ банкѣ.

XIV. Отравленіе Жона Персонсъ-Кука, Вильямомъ Пальмеромъ (1856 года).

21-го ноября 1855 г. Жонъ-Персонсъ Кукъ, только-что выигравшій призъ на скачкахъ въ Шревсбюри, въ Стаффордширѣ (въ Англіи), умеръ внезапно въ гостинницѣ «оружія Тальбо» въ маленькомъ городѣ Рюджелей. Эта смерть столь внѣзапная, сопровождаемая ужасными конвульсіями, и исчезновеніе денегъ и бумагъ Кука заставили подозрѣвать преступленіе. Подозрѣнія пали прежде всего на друга умершаго: Вильяма Пальмера, находившагося при немъ неотлучно въ послѣднія минуты его жизни.—Пальмеру было 30 лѣтъ отъ роду, онъ принадлежалъ къ богатому и почетному семейству Штаффордшира и занимался профессіею доктора. Воспитанный въ училищѣ св. Варѳоломея въ Лондонѣ, Вильямъ Пальмеръ получилъ свой дипломъ въ 1846 г. и поселился въ своемъ родномъ городѣ въ Рюджелеѣ.—Въ 1847 г. онъ женился на Аннѣ Брукъ (Brookes) незаконнорожденной дочери полковника Вильяма Брука, который проведя нѣсколько лѣтъ на службѣ въ Индіи, возвратился окончить дни свои въ Стаффордѣ. Полковникъ Брукъ умеръ въ 1845 г., оставивъ огромное состояніе, но у него было нѣсколько незаконнорожденныхъ дочерей, изъ которыхъ каждой онъ далъ довольно большое приданное.—Мэри Торнтонъ, мать Анны Брукъ, на основаніи духовнаго завѣщанія Брука получила на свою часть въ этомъ наслѣдствѣ девять поземельныхъ участковъ и движимость большой стоимости. Такимъ образомъ Пальмеръ могъ думать, что его состояніе обезпечено. Мэри Торнтонъ умерла въ его домѣ въ 1849 г. Но вслѣдъ затѣмъ наслѣдники по закону полковника Брука начали оспаривать духовное завѣщаніе его доказывая, что онъ оставилъ Мэри Торнтонъ свои имѣнія лишь

въ пожизненное пользованіе. Судъ призналъ ихъ искъ подлежащимъ удовлетворенію—и жена Пальмера лишена была всякаго имущества, слѣдующаго ей послѣ матери. Между-тѣмъ Пальмеръ велъ образъ жизни, который заставлялъ предполагать, что у него значительное состояніе. Онъ имѣлъ скаковыхъ лошадей, держалъ за нихъ пари на скачкахъ, а эта страсть во всѣхъ странахъ, въ особенности въ Англіи, влечетъ за собою огромные расходы.—Его кровные скакуны, его конюшни, выстроенныя около желѣзной дороги, ведущей изъ Стаффорда въ Рюджелей, пользовались извѣстностью между знатоками. Пальмеръ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ почти совершенно оставилъ свою профессію; онъ лечилъ только нѣкоторыхъ своихъ друзей и знакомыхъ и большую часть больныхъ, которые обращались къ нему, лечилъ его ученикъ Тюртби.

Жонъ Персонсъ-Кукъ также принадлежалъ къ почтенному семейству. Онъ изучалъ юриспруденцію и поступилъ къ солиситору, но полученное имъ наслѣдство, стоимостью отъ 12 до 15000 фунтовъ стерлинговъ, было причиною, что онъ еще въ молодыхъ годахъ покинулъ труды для удовольствій. Онъ также увлекся скачками, началъ держать большіе пари и купилъ кровныхъ лошадей. Общая страсть къ лошадямъ была причиною дружбы его съ Пальмеромъ. Ему было 28 лѣтъ отъ роду въ то время, когда происходило описываемое нами происшествіе.

13 ноября 1855 г. оба пріятеля были вмѣстѣ на скачкахъ Шревсбюри. Лошадь «Полестаръ», принадлежавшая Куку, за недѣлю передъ тѣмъ выигравшая призъ въ Ворчестерѣ, по всеобщимъ ожиданіямъ должна была выиграть призъ и на предстоящихъ скачкахъ; огромныя пари составились за и противъ Полестара Кукъ держалъ всѣ пари и Полестаръ выигралъ. На слѣдующій день въ среду, 14 ноября, Кукъ созвалъ на обѣдъ своихъ пріятелей, которые подобно ему жили въ гостинницѣ «ворона», а именно: Пальмера, Рида, Герринга и Фишера. Въ честь побѣды Полестара выпито было много шампанскаго. Послѣ обѣда всѣ отправились въ комнату Кука и выпили въ ней нѣсколько стакановъ грогу. Стаканъ Кука оставался не выпитымъ, и онъ спросилъ другой стаканъ. - Вы не получите другаго стакана, сказалъ ему Пальмеръ, пока не выпьете этого —Кукъ быстро выпилъ стаканъ и воскликнулъ тотчасъ-же: «но въ этомъ

стаканѣ есть что-то такое, что мнѣ обожгло горло». Пальмеръ взялъ стаканъ, въ которомъ было еще немного грога, опорожнилъ его и сказалъ: «вы говорите пустяки, во вкусѣ грога нѣтъ ничего особеннаго. Ридъ попробуйте».—«Какъ хотите вы, чтобы я попробовалъ—вы все выпили», отвѣчалъ онъ. Выпили еще нѣсколько стакановъ и потомъ разстались. Кукъ отправился въ свою комнату и сталъ жаловаться Фишеру на внезапную болѣзнь. Съ нимъ дѣйствительно сдѣлалась сильная рвота и онъ долженъ былъ лечь въ постель.—Послали за докторомъ, пришелъ докторъ Совансъ, который прописалъ рвотное и слабительныя пилюли. Послѣ страданій, продолжавшихся два часа, Кукъ почувствовалъ облегченіе и заснулъ. Во время этой болѣзни Кукъ чувствовалъ себя такъ дурно, что отдалъ Фишеру на сохраненіе всѣ деньги, которыя были на немъ, именно отъ 700 до 800 фунтовъ стерлинговъ, т. е. часть выигрыша, сдѣланнаго имъ въ день скачекъ. На слѣдующій день въ четвергъ Кукъ почувствовалъ въ себѣ довольно силъ, чтобы присутствовать на скачкахъ. Фишеръ возвратилъ ему деньги, данныя ему на сохраненіе. Лошадь Пальмера Шикенъ (цыпленокъ) должна была участвовать въ скачкахъ въ этотъ день. Шикена обогнали другія лошади. Пальмеръ печальный и разстроенный возвратился въ Рюджелей, увозя съ собою Кука, который въ теченіе этого дня чувствовалъ себя больнымъ, не испытывая однако рвоты, какъ наканунѣ. Въ Рюджелеѣ Кукъ занялъ нѣсколько комнатъ въ гостинницѣ «оружія Тальбо» противъ самаго дома Пальмера. Это сосѣдство позволило Пальмеру оказывать медицинское пособіе своему другу, который легъ въ постель съ 11 часовъ утра, продолжая чувствовать себя больнымъ. Съ пятницы 16 до понедѣльника 19 болѣзнь все усиливалась, переходя отъ кризиса къ кризису. Пальмеръ помѣстился около кровати Кука, онъ велѣлъ приносить ему кофею, бульону. Рвота снова началась; Пальмеръ послалъ за старымъ докторомъ м. Рюджелей, Бамфордомъ, которому и сказалъ, что Кукъ страдаетъ отъ разлитія желчи и вслѣдствіе излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Въ понедѣльникъ Пальмеръ отправился въ Лондонъ, давъ Куку принять, какъ и всегда, лекарство, послѣ котораго тотчасъ появилась рвота. Когда Пальмеръ уѣхалъ, докторъ Бамфордъ посѣтилъ своего больнаго и далъ ему лекарство. Кукъ почувство-

валъ себя лучше, могъ встать и одѣться. Возвратившись въ Рюджелей къ 9 ч. вечера, Пальмеръ посѣтилъ Кука, заказалъ пилюли доктору Бамфорду и заставилъ Кука принять ихъ; Кукъ почувствовалъ себя довольно хорошо. Къ 12 часамъ ночи Кукъ началъ испускать страшные крики, такъ что всѣ лакеи гостинницы вбѣжали въ его комнату. На Кука нашелъ страшный припадокъ, онъ какъ-бы боролся съ агоніею: «меня убиваютъ» кричалъ онъ съ бѣшенствомъ, онъ просилъ Бога спасти его душу. Все его тѣло вздрагивало отъ судорожныхъ движеній, руки и члены его были ужаснымъ образомъ сведены. Но (удивительная вещь) среди этихъ мученій умственныя способности его оставались свѣтлы и онъ просилъ, чтобы къ нему позвали Пальмера. Пальмеръ пришелъ къ нему. Кукъ, все еще страдая отъ сильныхъ спазмовъ, имѣя глаза почти выкатившіеся изъ глазныхъ впадинъ и тяжело дыша, закричалъ Пальмеру, какъ только онъ его увидалъ: «я умираю».—Нѣтъ мой милый, вамъ скоро будетъ лучше, отвѣтилъ Пальмеръ и онъ далъ ему нѣчто, что было похоже вкусомъ на опіумъ.

Припадокъ прошелъ и появилась рвота. Потомъ Кукъ заснулъ, а Пальмеръ ушелъ.—Бамфордъ пришелъ къ больному, Пальмеръ остановилъ его сказавъ, что больной не хочетъ, чтобы его безпокоили въ настоящую минуту. 20-го во вторникъ Пальмеръ написалъ одному пріятелю Кука—Жану, доктору въ м. Люттервартѣ, прося его прибыть какъ можно скорѣе. — Кукъ, писалъ онъ ему, подвергнутъ рвотѣ вслѣдствіе разлитія желчи и диссентеріи. Докторъ Жанъ прибылъ къ 3 часамъ и осмотрѣлъ больнаго. Пальмеръ присутствовалъ при этомъ. Вниманіе доктора Жана обратилось на языкъ больнаго: «тутъ нѣтъ, сказалъ онъ Пальмеру, никакихъ признаковъ разлитія желчи». Вечеромъ была консультація трехъ докторовъ Пальмера, Жана и Бамфорда. Когда они еще разъ осмотрѣли больнаго, послѣдній съ просьбою въ глазахъ посмотрѣлъ на Пальмера и сказалъ ему: «въ особенности прошу васъ, не давайте мнѣ на эту ночь ни *вашихъ* пилюль, ни *вашихъ* лекарствъ.»—Пальмеръ остался совершено покойнымъ. Во время совѣщаніи, которыя происходили между тремя докторами, Пальмеръ настаивалъ на томъ, чтобы продолжать давать больному пилюли: «мы не скажемъ ему, что въ нихъ заключается, прибавилъ онъ, потому-что онъ повидимому боится принимать

ихъ; безполезно пробуждать въ немъ опасенія, которыя внушили ему пилюли, имъ уже принятыя.» Было условлено, что Бамфордъ составитъ пилюли, и что онѣ будутъ подобны прежнимъ; Бамфордъ отправился въ аптеку. Пальмеръ пошелъ съ Бамфордомъ, принесъ отъ него лекарство и возвратился къ Куку.

Докторъ Жанъ присутствовалъ при этомъ; больной посмотрѣлъ пилюли и бросившись къ стѣнѣ съ испуганнымъ видомъ, отказался принять ихъ;—«нѣтъ говорилъ онъ, нѣтъ я не хочу пилюль, прежнія пилюли слишкомъ много заставили меня страдать.»—Пальмеръ настаивалъ, и бѣдный Кукъ рѣшился принять ихъ съ видимымъ отвращеніемъ. Докторъ Жанъ отправился ужинать. Но онъ былъ безпокоенъ и объявилъ намѣреніе спать въ комнатѣ больнаго. — Онъ вскорѣ возвратился и помѣстился на небольшой постели около него. Едва онъ закрылъ глаза, какъ былъ пробужденъ ужаснымъ, пронзительнымъ крикомъ, крикомъ человѣка, который испытываетъ адскія мученія. Жанъ спрыгнулъ съ постели и увидѣлъ при свѣтѣ лампады Персонсъ-Кука, который сидѣлъ на своей постели; волосы его стояли на головѣ, глаза выкатились. Несчастный сильно сжатыми кулаками опирался на кровать и кричалъ: «до́ктора, до́ктора, тотчасъ же, я страдаю, точно также, какъ и прошедшую ночь, еще.... ахъ....—

Одна горничная побѣжала изъ гостиницы и перебѣжавъ улицу, позвонила къ Пальмеру. Послѣдній не спалъ потому, что тотчасъ же появился у окна. Двѣ минуты спустя онъ былъ въ комнатѣ Кука.—Поскорѣе, поскорѣе сказалъ больной, Пальмеръ дайте мнѣ то, что помогло мнѣ вчера. «Я самъ пойду за этимъ», отвѣтилъ Пальмеръ; черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ двумя пилюлями. Это аммоніакъ, сказалъ онъ Жану. Кукъ проглотилъ пилюли, и тотчасъ же его вырвало отъ нихъ. Тогда началась для бѣднаго Кука ужасная агонія. Сильныя конвульсіи заставляли вздрагивать его члены, спинная кость его согнулась глаза выкатились, дыханіе сперлось. Присутствовавшіе хотѣли приподнять умирающаго на постели, но тѣло его было точно желѣзный ломъ, не было возможности измѣнить принятаго имъ положенія. Между-тѣмъ, странный феноменъ, больной сохранилъ полную способность размышлять. «Поверните меня, поверните меня,» кричалъ онъ. — Удалось положить его на правый бокъ.

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы вздохнуть и не могъ достигнуть этого. Докторъ Жанъ наклонился къ нему и приложивъ ухо къ его сердцу, слушалъ послѣднія біенія его. Наконецъ больной вздохнулъ, сильная конвульсія еще разъ потрясла всѣ члены, пульсъ мало по малу пересталъ биться.... Кукъ умеръ.

Нѣсколько дней спустя послѣ этой смерти, разнесся слухъ, что Пальмеру грозитъ совершенное разореніе, что долговыя обязательства представлены на него ко взысканію. Одинъ банкиръ взыскивалъ огромную сумму денегъ не только съ Пальмера, но и съ его матери, которая подписалась поручительницею на обязательствахъ. Между-тѣмъ г-жа Сара Пальмеръ имѣла большое состояніе, и было удивительно, что она дозволяла прибѣгать къ судебному взысканію, не заплативши долга. Исчезновеніе бумагъ и денегъ Кука, поспѣшность Пальмера получить суммы денегъ, слѣдующія Куку отъ агенства скачекъ (tattersall), быстрота и странность болѣзни, отъ которой умеръ Кукъ—всѣ эти обсоятельства заставили предполагать отравленіе.

15-го декабря начальникъ полиціи Рюджелея сдѣлалъ внезапный обыскъ въ домѣ Пальмера. Въ бумагахъ его были доказательства того, что онъ совершенно разорился. Въ библіотекѣ нашли медицинскую книгу, руководство для учащихся медицинъ, на одной изъ страницъ котораго рукою Пальмера было написано: «стрихнинъ, даетъ смерть посредствомъ тетаническаго дѣйствія, которое онъ производитъ на мускулы».

7-го января 1856 г. тѣло Кука было вырыто изъ могилы; произведено было вскрытіе трупа: кишки подвергнуты были химическому анализу докторами Тайлоръ и Ри.

Г. Свайнз Тайлоръ, членъ медицинскаго факультета и профессоръ судебной медицыны въ госпиталѣ Гви, былъ въ особенности извѣстенъ своими изысканіями о веществѣ, которое, какъ подозрѣвали, было употреблено для отравленія—о стрихнинѣ *).

---

*) Стрихнинъ есть щелочное вещество, открытое въ 1818 г., учеными Пеллерье и Кавенту. Онъ находится во многихъ растеніяхъ: бобы Св. Игнатія, стебель и корень параличной травы (couleuvrée), рвотный орѣхъ (nux vomica) заключаютъ въ себѣ стрихнинъ. Вслѣдствіе принятія стрихнина тѣломъ овладѣваютъ конвульсіи, а позвоночный столбъ гнется въ дугу.

Пока два эксперта розыскивали въ органахъ Кука слѣды преступленія, коронеръ **) производилъ въ Рюджелеѣ слѣдствіе. Изслѣдованіе коронера обращено было на два рода обстоятельствъ: 1) на денежное положеніе Пальмера, и 2) на его поступки во время болѣзни Кука. Съ одной стороны было открыто, что въ эпоху; когда были скачки въ Шревсбюри, Пальмеръ былъ долженъ разнымъ лицамъ по долговымъ обязательствамъ до 12,500 фунтовъ стерлинговъ (болѣе 75 т. руб. сер.). Послѣ этого только 1,000 фунт. стерл. были заплачены, и Пальмеръ оставался долженъ огромную сумму 11,500 фунт. стерл.—Этотъ долгъ ставилъ Пальмера въ совершенно безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе, что было дознано, что Пальмеръ платилъ до 60% на 100 за деньги, которыя давалъ ему въ займы солиситоръ Праттъ, за поручительствомъ г-жи Пальмеръ, матери обвиненнаго. Кромѣ того было открыто, что г-жа Сара Пальмеръ никогда *не* давала поручительства по займамъ, дѣлаемымъ ея сыномъ. Подписи Сары Пальмеръ были *фальшивыя*, равно какъ и заемныя письма, подписанныя «Ж. П. Кукъ», эскомтированныя Пальмеромъ. По мѣрѣ того, какъ слѣдствіе обнаруживало эти факты, оно дѣлало еще болѣе страшныя открытія. Послѣ смерти своей тещи Мэри Торнтонъ, Пальмеръ, видя, что онъ ошибся въ своихъ надеждахъ наслѣдовать ей, позаботился застраховать жизнь своей жены. Въ январѣ 1854 г. онъ застраховалъ ея жизнь въ 3,000 фунт. стерл. въ обществѣ «норвическаго соединенія». «Въ мартѣ того-же года онъ застраховаль ея жизнь въ суммѣ 5000 фунт. стерл. въ «обществѣ солнца». Потомъ онъ сдѣлалъ третье застрахованіе въ 5000 фунт. стерл. въ шотландскомъ обществѣ «справедливое». Онъ сдѣлалъ такого же рода предложенія разнымъ другимъ страховымъ обществамъ, но ихъ не приняли. Г-жа Пальмеръ (Анна Брукъ) умерла 29-го сентября 1854 г., и Пальмеръ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ застрахованія получилъ сумму въ 13,050 фунт. стерл. Но эти деньги не могли совершенно поправить положенія его дѣлъ. Въ томъ же 1854 году онъ застраховалъ на томъ же основаніи жизнь

**) Коронеръ въ Англіи есть пожизненное должностное лице, которое производитъ первоначальное изслѣдованіе вслучаѣ внезапной смерти кого либо или другаго происшествія. Это слѣдствіе производится въ присутствіи особо назначенныхъ для сего 12-ти присяжныхъ.

своего брата. Братъ Пальмера умеръ въ августѣ 1855 г. По расчету Пальмера, онъ долженъ былъ получить еще сумму 13,000 фунт. стерл. Но его ждало разочарованіе. Страховыя общества отказались заплатить деньги. Таковое было положеніе Пальмера во время скачекъ въ Шревсбюри. До смерти Кука всѣ видѣли его въ крайнемъ положеніи, онъ занималъ самыя незначительныя суммы. Послѣ смерти Кука онъ заплатилъ нѣкоторые долги, отдалъ занятыя у пріятелей деньги, но не могъ совершенно поправить своихъ дѣлъ.

Что же касается втораго обстоятельства слѣдствіемъ было дознано, что Пальмеръ самъ давалъ Куку пищу и лекарства во время припадковъ, что онъ самъ приготовлялъ лекарства, или если не приготовлялъ ихъ самъ, то держалъ нѣкоторое время у себя. Узнали отъ г. Ньютона, что на слѣдующій день послѣ сильнаго припадка, испытаннаго Кукомъ въ гостинницѣ «оружія Тальбо», Пальмеръ ходилъ къ г. Гавкинсу, аптекарю Рюджелея. Было около 12 часовъ утра. Случилось, что г. Ньютонъ вошелъ въ эту минуту и удивился, увидѣвъ Пальмера. Едва Пальмеръ увидѣлъ г. Ньютона, какъ схвативъ его за руку, сказалъ ему: «мнѣ нужно вамъ что-то сказать». Они вышли вмѣстѣ и дорогой Пальмеръ говорилъ съ г. Ньютономъ о самыхъ незначительныхъ вещахъ. Одинъ пріятель г. Ньютона проходилъ мимо ихъ; Пальмеръ простился съ Ньютономъ и воротился въ аптеку Гавкинса. Г. Ньютонъ полюбопытствовалъ узнать, что покупалъ Пальмеръ у Гавкинса и воротился въ аптеку нѣсколько времени спустя. Ему сказали, что Пальмеръ купилъ три грамма *стрихнина*, антимонія (сурьмы), синильной кислоты и опіума.

Оставалось найдти слѣды яда въ трупѣ. Доктора Тайлоръ и Ри подвергли химическому анализу внутренности желудка Кука, но эти внутренности оказались въ такомъ состояніи разложенія, что анализовать ихъ было очень трудно. Жидкія части желудка исчезли. Органы были совершенно смѣшанны между собою. Все это обнаруживало, что вскрытіе трупа произведено было очень небрежно. Оба доктора тщетно пытались отыскать слѣды стрихнина; они нашли только нѣсколько слѣдовъ антимонія. Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду симптомы, предшествовавшіе и сопровождавшіе болѣзнь Кука, они не сомнѣвались, что смерть произошла отъ преступленія.—Важныя посторонніе улики

подтверждали эти данныя. Не отыскали записной книги Кука, въ которой записаны были пари, выигранные имъ во время скачекъ. Пальмеръ не могъ объяснить, что онъ сдѣлалъ съ стрихниномъ, купленнымъ имъ въ аптекѣ. Его поступки выказывали тайное безпокойство его сердца. Едва умеръ Кукъ, какъ онъ сталъ торопиться его похоронами, онъ старался склонить въ свою пользу г. Вардъ, коронера, когда стали носиться слухи, что будетъ назначено уголовное слѣдствіе. Прибавляли даже, что г. Вардъ произвелъ изслѣдованіе очень пристрастно и стараясь не обратить его противъ Пальмера.

Вотъ въ какомъ положеніи было дѣло въ первыхъ числахъ марта мѣсяца 1856 г., когда оно перенесено было въ ассизный судъ Стаффорда. Вильямъ Пальмеръ былъ обвиненъ въ одномъ лишь отравленіи *Кука*, потому-что законодательство Англіи не дозволяетъ преслѣдовать въ одно и тоже время болѣе какъ за одно преступленіе. Но общественное мнѣніе предполагало въ жизни этого человѣка нѣсколько ужасныхъ тайнъ. Анна Брукъ и братъ ея, умершіе такъ внезапно послѣ застрахованія ихъ жизни, заставляли предполагать, что Пальмеръ совершилъ цѣлый рядъ убійствъ. Общественное мнѣніе, по окончаніи слѣдствія, было до такой степени возбуждено противъ Пальмера, что начали опасаться чтобы приговоръ присяжныхъ, произнесенный при такихъ обстоятельствахъ, не былъ послѣдствіемъ предубѣжденія. Потому вслѣдствіе просьбы защитниковъ подсудимаго правительство предложило парламенту биль о переносѣ этого дѣла на разсмотрѣніе одного изъ самыхъ безпристрастныхъ судовъ Англіи—въ лондонскій центральный уголовный судъ (Ольдъ-Байлей). Такимъ образомъ обвиненіе поручено было правительству, тогда-какъ обыкновенно оно предоставляется сторонамъ.

Парламентъ издалъ vrit certiorari и предписалъ г. Варду передать всѣ бумаги, относящіяся къ слѣдствію, въ центральный судъ. Процессъ начался въ Ольдъ-Байлей 14 мая. Несмотря на огромную величину залъ, публика стеклась въ такомъ количествѣ, что не было возможности помѣстить ее внутри зданія. Немного позже 10 часовъ утра, судьи вошли въ судъ. Эти судьи были: лордъ начальникъ надъ юстиціею Кэмпбель, баронъ Альдерсонъ и Юстицъ-Кресвель, сопровождаемые лордомъ мэромъ, альдерманами и шерифами. Вильямъ Пальмеръ введенъ былъ въ

«dock», родъ ложи, отдѣленной отъ всей остальной залы. Передъ нимъ стоялъ пюпитръ; вокругъ него были полицейскіе. Пальмеръ имѣлъ повидимому лѣтъ 40 отъ роду, хотя ему дѣйствительно было только 31 годъ; манеры были спокойны, лице открыто, полно и дышало здоровьемъ. Ничего въ его мягкихъ чертахъ лица не показывало холодное звѣрство, которое предполагаетъ обвиненіе. Это былъ повидимому добрый товарищъ, человѣкъ любящій весело пожить. Два совѣта находились въ присутствіи: 1) совѣтъ отъ лица правительства: генеральный атторней Бодкинъ, Вельсби, Едвинъ Жамъ и Гудлестонъ; 2) совѣтъ за подсудимаго—гг. Сержентъ-Ши, Грей, Кенили и Гровъ. Въ сущности обвинителемъ былъ генеральный атторней, а защитникомъ г. Сержентъ Ши *). Вильямъ на обыкновенно дѣлаемый всякому подсудимому вопросъ: не виновенъ ли онъ, отвѣтилъ спокойнымъ голосомъ «not guilty» (не виновенъ). Тогда ввели присяжныхъ (petty jury).

Г. *Ши*: я надѣюсь, что ни одинъ изъ присяжныхъ, имя котораго занесено въ списокъ, не приметъ участія въ сужденіи этого дѣла, если онъ имѣетъ какіе-либо общіе интересы съ однимъ изъ страховыхъ обществъ, которыя заинтересованы въ этомъ процессѣ. *Присяжный Массонъ*: у меня по этому дѣлу столь сильное предубѣжденіе, что по моему мнѣнію, я не могу участвовать въ рѣшеніи его.—Этотъ отводъ судъ призналъ подлежащимъ удовлетворенію, и лордъ Кампбель издалъ приговоръ, что этотъ присяжный не будетъ судить дѣла.

Генеральный атторней произнесъ слѣдующую рѣчь: «я исполняю передъ вами обязанность самую священную, какая только можетъ выпасть на долю судьи — одну изъ тѣхъ обязанностей, отъ которыхъ зависятъ жизнь и смерть гражданина, потому-что человѣкъ, который находится на скамьѣ обвиненныхъ—подозрѣвается въ одномъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, подлежащихъ наказуемости по законамъ нашей страны. И такъ я увѣренъ, что вы будете слушать меня съ самымъ глубокимъ вниманіемъ по этому дѣлу, которое такъ сильно возбудило вниманіе общественнаго мнѣнія, что едва ли есть хоть одинъ чело-

*) Въ Англіи, какъ извѣстно, нѣтъ публичнаго министерства. Генеральный соллиситоръ и генеральный атторней не чиновники отъ правительства, но выбираются изъ адвокатовъ.

вѣкъ, который бы не зналъ обстоятельствъ его, который не слѣдилъ бы съ жадностью за ходомъ его. Я говорю передъ вами, не заботясь ни о чемъ другомъ, какъ о правосудіи, и я умоляю васъ отстранить отъ себя прежде, нежели произнесете приговоръ, всякое предубѣжденіе, заранѣе составленное, и которое могло-бы имѣть вліяніе на вашъ вердиктъ. Ваше внутреннее убѣжденіе должно основываться на тѣхъ преніяхъ, которыя вы услышите теперь, они то должны служить данными для вашего вердикта. Если дебаты доставятъ вамъ убѣжденіе въ виновности обвиненнаго, то объявите его виновнымъ, но если доказательства неполны, да удержитъ васъ Богъ отъ предубѣжденія противъ подсудимаго.—Разореніе, которое угрожало Пальмеру, по моему убѣжденію было побудительною причиною его преступленія. Дознано, что съ 1853 г. Пальмеръ находился въ денежномъ положеніи очень затруднительномъ, и что онъ доставалъ деньги, выдавая долговыя обязательства. Въ 1854 г. его нужда въ деньгахъ еще болѣе увеличилась, и онъ принужденъ былъ для того, чтобы поддержать свое положеніе, доставать себѣ деньги всѣми способами, даже выдавая фальшивыя долговыя обязательства. Я не хочу сказать, что выдача фальшивыхъ обязательствъ есть доказательство отравленія, но я долженъ вамъ сказать все, что̀ сдѣлалъ обвиненный. Вильямъ Пальмеръ подложно сдѣлалъ на заемномъ обязательствѣ въ 2,000 ф. стерл. поручительную надпись отъ имени своей матери, денежныя средства которой внушали полное довѣріе. Но деньги по этому обязательству не были уплачены. Еще на другихъ обязательствахъ сдѣланы были подложныя поручительныя надписи отъ имени г-жи Пальмеръ, и обвиненный не имѣлъ ни одного шиллинга, чтобы уплатить по нимъ. Между-тѣмъ срокъ платежа наступалъ, и онъ подвергался тѣмъ наказаніямъ, которыя установлены закономъ за подложное составленіе документовъ. Я долженъ замѣтить при этомъ, что братъ Пальмера умеръ въ августѣ мѣсяцѣ 1855 г., что подсудимый застраховалъ его жизнь въ 13,000 фунт. стерл. и что онъ объявилъ, что онъ уплатитъ свои долги, получивъ суммы страхованія.—Онъ потребовалъ отъ компаній платежа этой суммы, но вслѣдствіе отказа ихъ, онъ *не* началъ никакого дѣла и не извлекъ никакой пользы изъ этаго предпріятія. Каково было въ это же время денежное по-

ложеніе Персонсъ-Кука въ 1855 г., когда онъ присутствовалъ на скачкахъ Шревсбюри? Кукъ принялъ уже участіе въ разныхъ сдѣлкахъ Пальмера. Послѣдній, преслѣдуемый своими кредиторами, обратился къ Пратту съ просьбою дать ему въ займы денегъ. Праттъ потребовалъ поручительства. Кукъ поручился за Пальмера на 200 фунт. стерл. первый разъ и на 1,500 ф. во второй; онъ кромѣ того передалъ Пратту въ видѣ обезпеченія двухъ изъ своихъ лошадей, Полестара и Сиріуса. Изъ этихъ подробностей и нѣкоторыхъ другихъ очевидно, что Пальмеръ не зналъ, что́ предпринять. — Онъ дошелъ до того, что выдавалъ заемныя письма отъ имени Персонсъ-Кука, дѣлая на нихъ фальшивыя надписи отъ имени сего послѣдняго. Неуспѣхъ застрахованія Пальмеромъ жизни своего брата заставилъ его предложить г-ну Батъ застраховать свою жизнь. Онъ заставилъ принять участіе въ этомъ предпріятіи и Персонсъ-Кука, которому онъ представилъ Бата какъ человѣка очень богатаго. 5 сентября эти три лица собрались въ Рюджелеѣ. Между тѣмъ Батъ былъ лишь старый слуга Пальмера, бывшій его конюхъ. Предложеніе, сдѣланное страховой компаніи, не было принято и...

Лордъ Камбель. (прерывая рѣчь): думаетъ-ли г. генеральной атторней, что онъ излагаетъ лишь то, что необходимо нужно для разрѣшенія настоящаго дѣла?

Генеральный атторней я не сказалъ ни одного слова, которое бы не имѣло значенія для настоящаго процесса. Затѣмъ я продолжаю мною рачь: «Пальмеръ при наступленіи сроковъ платежа по выданнымъ имъ отъ имени матери обязательствамъ, уничтожалъ письма, адресованныя къ ней и держалъ подъ своею зависимостью фактора, разносившаго письма въ Рюжделеѣ; онъ старался достать денегъ всѣми способами, чтобы заплатить свои долги въ количествѣ 11,000 ф. стерл. Во время скачекъ въ Шревсбюри Кукъ выигралъ отъ 700 до 800 ф. стерл., и имѣлъ эти деньги на себѣ. Пальмеръ напротивъ того не имѣлъ денегъ, онъ принужденъ былъ занять 25 ф. стерл. Въ гостинницѣ «оружія Тальбо» Кукъ заболѣлъ, послѣ того какъ выпилъ стаканъ воды, смѣшанной съ водкой, а одинъ свидѣтель показываетъ, что Пальмеръ приходилъ въ гостинницу незадолго до того. Я не говорю, чтобы этотъ стаканъ водки, смѣшанной съ водою, былъ причиною смерти Кука,

но я хочу вамъ показать, что въ теченіи нѣсколькихъ дней Кукъ получалъ изъ рукъ Пальмера все, что онъ ѣлъ и пилъ; это объяснитъ происхожденіе антимонія, найденнаго въ тѣлѣ Кука.— Замѣтка, написанная рукою Пальмера на учебникѣ показываетъ, что онъ спеціально изучалъ дѣйствіе, производимое стрихнимомъ.—Пальмеръ сказалъ доктору Бамфорду, что Кукъ боленъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ и въ особенности шампанскаго, между-тѣмъ дознано, что Кукъ выпилъ шампанскаго только одинъ или два стакана. А если принять во вниманіе, что Пальмеръ не выходилъ изъ комнаты больнаго, начиная съ третьяго дня его болѣзни, что на слѣдующій день послѣ его пріѣзда въ Рюджелей Пальмеръ досталъ у Ньютона три грамма стрихнина, то вамъ гг. присяжные остается только разрѣшить вопросъ: *принимала ли больной пилюли, предписанныя докторомъ Бамфордомъ, или-же пилюли, приготовленныя Пальмеромъ.* Дознано, что съ Кукомъ сдѣлались въ первый-же вечеръ по принятіи пилюль конвульсіи, за которыми послѣдовалъ покой, происшедшій отъ принятія опіума въ видѣ жидкости; между тѣмъ таково именно дѣйствіе стрихнина. Доказано, что обвиненный удалилъ Бамфорда отъ постели больнаго подъ предлогомъ, что послѣдній не хотѣлъ, чтобы его безпокоили. Наконецъ на слѣдующій день утромъ Пальмеръ купилъ у Гавкинса, стараясь скрыть это отъ Ньютона, синельную окись, стрихнинъ и опіумъ. Послѣ консультаціи, происходившей между тремя докторами, Пальмеръ, который настаивалъ на томъ, чтобы продолжали давать пилюли, пошелъ вмѣстѣ съ Бамфордомъ въ аптеку и самъ принесъ оттуда пилюли, составленныя по его рецепту. Были ли это *пилюли Бамфорда*, или какое либо *другое лекарство* того же цвѣта, которое онъ далъ больному? Въ этомъ заключается процессъ. Я замѣчу только по этому предмету, что прошло по крайней мѣрѣ $^3/_4$ часа между минутою, когда Пальмеръ вышелъ изъ аптеки, и тою, когда онъ въ присутствіи доктора Жана далъ принять пилюли Куку. Обвиненный требовалъ, чтобы Бамфордъ написалъ на рецептѣ способъ даванія этихъ пилюль больному, тогда-какъ предосторожность эта была совершенно безполезна, онъ съ аффектаціею показалъ эту надпись доктору Жану, сказавъ, что почеркъ руки очень твердъ для старика 80 лѣтъ. Не обнару-

живается-ли этимъ заранѣе составленная цѣль убѣдить присутствующихъ въ тождественности пилюль, данныхъ Куку съ тѣми, которыя составлены были Бамфордомъ? Мы увидимъ эти странныя предосторожности во всякомъ актѣ ужасной комедіи, разыгранной Пальмеромъ. Медикаменты, которые онъ далъ принять Куку, произвели ужасный припадокъ; позвали Пальмера, онъ явился, и первое его слово было слѣдующее: «я ни разу въ своей жизни не одѣвался такъ скоро». Нужно-ли было ему одѣваться? По просьбѣ умирающаго Пальмеръ отправился за лекарствомъ, которое наканунѣ помогло Куку. Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ двухъ лакеевъ, которые сказали ему, что какъ кажется, Кукъ очень боленъ, также болѣнъ какъ наканунѣ. «Онъ въ 50 разъ менѣе боленъ нежели прошлую ночь», (отвѣтилъ спокойнымъ голосомъ Пальмеръ), это комедія, которую онъ разыгрываетъ каждый вечеръ». Едва прошло двѣ минуты послѣ этого, какъ Пальмеръ явился, принеся лекарство, которое по его словамъ былъ амоніякъ въ пилюляхъ. Между-тѣмъ нужно непремѣнно болѣе двухъ минутъ, для того, чтобы приготовить подобныя пилюли, въ которыя очень трудно ввести это вещество.—Кукъ умеръ среди ужасныхъ мученій и тутъ обнаружилась побудительная причина преступленія. Оставшись одинъ съ этимъ трупомъ, неуспѣвшимъ еще остынуть, Пальмеръ сталъ рыться въ карманахъ платья Кука, (это видѣлъ свидѣтель), шарить подъ подушками и матрацомъ. Бумаги и письма Кука лежали при его жизни на каминѣ, между-тѣмъ ихъ не нашли послѣ его смерти. Прибавьте къ этимъ уликамъ старанія Пальмера, письма писанныя имъ Пратту и другимъ, чтобы получить денежныя суммы, слѣдующія отъ разныхъ лицъ Куку, чтобы получить въ свою собственность лошадь Полестаръ— и тогда можно придти къ убѣжденію, что Кукъ умеръ отъ отравленія, единственнымъ виновникомъ котораго былъ Пальмеръ».

Вслѣдъ за этимъ обвинительнымъ актомъ (opening address), приступлено было къ допросу свидѣтелей.

1) *Елисавета Мильсъ*, служанка гостинницы «оружія Тальбо», въ Рюджелеѣ показала: 15 ноября Кукъ жаловался на болѣзнь; 6-го онъ всталъ съ постели въ 12 часовъ утра и сказалъ, что его здоровье не хуже, нежели наканунѣ, но и не лучше. Этотъ

день онъ обѣдалъ съ Пальмеромъ и легъ спать въ 10 часовъ, спросивъ свѣчку, чтобы читать въ своей комнатѣ. Въ субботу Пальмеръ пришелъ въ гостинницу и заказалъ кофе для Кука; я подавала кофе въ спальней въ присутствіи Кука. Меня скоро позвали въ другую комнату и по возвращеніи я увидѣла, что Кука вырвало отъ принятаго имъ кофе. Мнѣ дали маленькую кружку и велѣли снизу принести воды, эта кружка не принадлежала къ посудѣ гостинницы. Въ этотъ день Пальмеръ 4 или 5 разъ посѣтилъ Кука, и я слышала, какъ онъ обѣщалъ ему прислать бульонъ. Дѣйствительно я видѣла послѣ того въ комнатѣ Кука бульонъ, который не былъ сваренъ въ гостинницѣ. Десять минутъ послѣ присылки бульона я встрѣтила Пальмера на лѣстницѣ; онъ меня спросилъ, выпилъ ли Кукъ бульонъ? Лавинія Барнъ, которая слышала этотъ вопросъ, отвѣтила, что она говорила Куку, чтобы онъ выпилъ бульонъ, но что онъ отказался отъ этого, прибавивъ: «я боюсь, что мой желудокъ не выдержитъ бульона»« — Нужно, чтобы онъ принялъ бульонъ, сказалъ Пальмеръ, и онъ велѣлъ Лавиніи снова отнести на верхъ бульонъ, что̀ она и сдѣлала. Нѣсколько позже Кукъ принялъ бульонъ, но его вырвало отъ него. На слѣдующій день въ воскресенье Пальмеръ снова прислалъ бульону для Кука. Пока я несла его въ комнату этого послѣдняго, я глотнула отъ него двѣ ложки, а полчаса спустя со мной сдѣлалось дурно, меня *рвало* весь день, такъ-что я должна была лечь въ постель. Во время послѣдняго припадка, отъ котораго умеръ Кукъ, я отправилась звать Пальмера. «Докторъ я очень боленъ», сказалъ Кукъ, какъ только онъ увидѣлъ его.—Ну, милый мой ты скоро поправишься, отвѣтилъ ему Пальмеръ, и онъ далъ ему принять микстуру темнаго цвѣта въ ложкѣ чая. Отъ этого лекарства Кука тотчасъ же вырвало. Я держала тазъ и я узнала запахъ опіума. Пальмеръ сказалъ мнѣ, что онъ надѣялся, что Кукъ во время рвоты не выбросилъ изъ себя принятыя имъ пилюли и велѣлъ ихъ искать, когда я буду опоражнивать тазъ. Я искала ихъ со вниманіемъ, но не могла найдти. 10-ть минутъ спустя послѣ смерти Кука, я видѣла какъ Пальмеръ шарилъ въ карманахъ платья покойнаго, и искалъ чего-то подъ матрацомъ и подушками. До смерти Кука я видѣла его записную книжку

и письма на каминѣ, но послѣ того мы ихъ не нашли, не смотря на наши розысканія.

Защитникъ подсудимаго *г. Серженть-Ши* указалъ Елисаветѣ Мильсъ на противорѣчія, существующія въ ея теперешнихъ и прежнихъ показаніяхъ относительно часовъ и даже дней. Елисавета отвѣчала, что сказанное ею при слѣдствіи, могло быть дурно понято или невѣрно записано короперомъ.

Г. баронъ Альдерсонъ. Было бы полезно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы прочесть гг. присяжнымъ, какимъ образомъ коронеръ изложилъ показанія этого свидѣтеля.

Генеральный атторней. Я могу сообщить суду и присяжнымъ, что во все время, пока продолжалось изслѣдованіе, были дѣлаемы короперу замѣчанія вслѣдствіе того, что онъ отказывался дѣлать свидѣтелямъ самые важные вопросы и что онъ старался отклонять показанія ихъ о такихъ фактахъ, которые относились къ самому существу дѣла.

2) *Измаель Фишеръ*, винный торговецъ въ Сити, посѣтитель скачекъ, показалъ: что онъ познакомился съ Кукомъ за два года до его смерти и что они оба присутствовали при «handicap» (скачкахъ) въ Шревсбюри въ ноябрѣ 1855 г., затѣмъ свидѣтель изложилъ, подобно тому какъ уже было разсказано выше, сцену со стаканомъ грогу.

3) *Томасъ Жонъ*, книжный продавецъ въ Лондонѣ: я участвовалъ въ ноябрскихъ скачкахъ въ Шревсбюри и ужиналъ съ Кукомъ, Геррингомъ, Фишеромъ и Гравоттомъ. Кукъ повидимому былъ совершенно здоровъ въ первые дни В'ъ среду между одиннадцатью и двѣнадцатью часами ночи Ридъ пригласилъ Кука и Фишера придти въ мою комнату. Пальмеръ уже былъ у меня. Нѣсколько времени спустя, я и Фишеръ мы пошли съ Кукомъ въ его комнату. Кукъ сталъ говорить, что у него жжетъ горло, и съ нимъ сдѣлалась сильная рвота. Мы старались помочь ему и предложили принять нѣсколько пилюль и микстуру. Кукъ отказался принять пилюли. Я пошелъ за докторомъ, который далъ Куку немного жидкаго лекарства, вылитаго въ стаканъ вина. Кукъ легъ спать. Четверть часа спустя онъ рѣшился принять пилюли, и я ушелъ отъ него. Я увидѣлъ его уже на слѣдующее утро—ему было лучше, но онъ былъ очень блѣденъ.

4) *Жоржъ Ридъ*: я жилъ въ улицѣ Викторія-Стритъ и позна-

комился съ Пальмеромъ. Я видѣлъ Кука въ Шревсбюри, пользующагося совершеннымъ здоровьемъ до вторника. Въ среду вечеромъ я пришелъ къ Куку, который былъ въ одной изъ комнатъ гостинницы вмѣстѣ съ Пальмеромъ и нѣкоторыми другими жентльменами. Пили водку съ водою. Кукъ вскорѣ сталъ говорить, что въ его грогѣ есть какой-то особенный вкусъ. Пальмеръ, выпивъ все, что оставалось въ стаканѣ, передалъ его мнѣ. Тогда я сказалъ: «развѣ разсматриваютъ пустой стаканъ».—Кукъ вышелъ изъ комнаты, и я увидѣлъ его лишь на слѣдующее утро; онъ лежалъ въ постелѣ и повидимому сильно страдалъ.—*В.* Вы увѣрены въ томъ, что въ среду Кукъ былъ также здоровъ, какъ и всегда? — *О.* Онъ никогда не пользовался особенно крѣпкимъ здоровьемъ, но рѣдко бывалъ боленъ. — *В.* Смѣсь воды и водки, которую вы выпили, не произвела-ли она въ васъ какое либо разстройство? — *О.* Никакого; впрочемъ я долженъ сказать *что водка, которую я пилъ, происходила изъ новаго графина*, принесеннаго въ ту минуту, когда я вошелъ въ комнату.

5) *Мистриссъ Анна Брукъ.* Я Обыкновенно бывала на скачкахъ въ Шревсбюри, и видѣла тамъ Пальмера, котораго я знала въ лицо уже нѣсколько лѣтъ. Въ среду 14-го къ 8 часамъ вечера я его встрѣтила на улицѣ и спросила его, какъ онъ думаетъ, имѣетъ-ли его лошадь Шикенъ шансы выиграть призъ? Онъ меня спросилъ въ свою очередь, не узнала ли я чего нибудь объ одной лошади, принадлежащей графу Дерби, и которая также должна была участвовать въ скачкахъ, и просилъ меня увѣдомить его объ этомъ на слѣдующій день.—Въ субботу вечеромъ я отправилась къ Пальмеру въ 10½ часовъ въ гостинницу «ворона». Онъ меня ждалъ съ нѣкоторыми пріятелями. Придя на верхъ лѣстницы и увидѣвъ два корридора, я пошла по лѣвому корридору и увидѣла въ немъ Пальмера; онъ сидѣлъ за маленькимъ столомъ и держалъ въ рукахъ стаканъ, наполненный небольшимъ количествомъ жидкости.—Пальмеръ, поднеся стаканъ ближе къ свѣчкѣ, сказалъ мнѣ: «теперь я къ вашимъ услугамъ». Разговаривая со мною, онъ имѣлъ стаканъ въ рукахъ, мѣшая жидкость и смотря ея цвѣтъ на свѣчку. Дверь сосѣдней комнаты, въ которой я думала, что нѣтъ никого, отворилась; Пальмеръ попросивъ меня подождать, вошелъ въ нее, держа свой стаканъ въ рукахъ. Онъ вышелъ изъ

нея черезъ двѣ или три минуты все таки съ своимъ стаканомъ, который отнесъ въ собственную комнату, а дверь этой комнаты заперъ на ключъ. Наконецъ онъ возвратился ко мнѣ и предложилъ стаканъ грогу. Я выпила немножко и не почувствовала никакого разстройства. Мы потомъ говорили о скáчкахъ, и Пальмеръ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ участвовать въ нихъ верхомъ на Шикенѣ. Изъ лицъ, которыя участвовали въ скачкахъ, *многія сдѣлались больны диссентеріею въ пятницу*. Въ городѣ даже удивлялись этимъ многочисленнымъ болѣзнямъ и приписывали это нездоровой или испорченной чѣмъ либо водѣ.

6) *Лавинія Барнъ*, горничная гостинницы «оружія Тальбо»: я видѣла Кука въ понедѣльникъ 12-го. Онъ нисколько не жаловался на болѣзнь. Въ среду онъ вернулся въ гостинницу между 9 и 10 часами вечера. Онъ обѣдалъ съ Пальмеромъ и былъ немного выпивши. Остальныя показанія свидѣтеля подтверждаютъ объясненія Елисаветы Мильсъ.

7) *Оливье Пембертонъ*, профессоръ анатоміи (lecturer) въ Бирмингамѣ и главный хирургъ госпиталя этого города: разложеніе тѣла Кука не дозволило мнѣ составить мнѣніе о томъ, въ какомъ положеніи находились главные органы и въ особенности позвоночный столбъ, когда воспослѣдовала смерть. Я долженъ сказать, что болѣзнь tetanos имѣетъ иногда тѣже послѣдствія, какъ и принятіе стрихнина: вслѣдствіе тетаноса мускулы, которыми во время здороваго состоянія человѣкъ располагаетъ по своему произволу, сами собою сжимаются, нижняя челюсть присоединяется къ верхней, тѣло дѣлается одервенѣлымъ и сгибается точно лукъ; голова закидывается назадъ, судороги безпрестанно заставляютъ вздрагивать мускулы, льется холодный потъ, сильная боль чувствуется во всѣхъ частяхъ тѣла, затѣмъ дыханіе дѣлается невозможнымъ, тѣло вытягивается и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго страданія, смерть приходитъ какъ благодѣяніе. Всѣ симптомы этой ужасной болѣзни происходятъ вслѣдствіе воспаленія спиннаго мозга.

8) *Доктора Салли*, врачъ госпиталя Св. Томаса: я никогда не видѣлъ, чтобы припадокъ тетаноса продолжался менѣе 30 или 40 часовъ. Симптомы обнаруживаются прогрессивно и то, что слѣдствіе собрало о предсмертныхъ страданіяхъ Кука,

существенно *различествуетъ* отъ того, что происходитъ во время болѣзни тетаноса. Есть всегда непрерывность въ припадкахъ. Равнымъ образомъ смерть Кука не можетъ быть приписана ни апоплексическому удару, ни епилепсіи, ни какой бы то ни было другой болѣзни, изъ всѣхъ тѣхъ которыя случалось мнѣ встрѣчать во время моей долголѣтней практики.

9) *Генри-Ли*, докторъ въ королевской коллегіи, говоритъ, что онъ видѣлъ до 3000 случаевъ сифилистики и никогда эта болѣзнь не оканчивалась тетаносомъ.—Это показаніе служило къ опроверженію защитниковъ Пальмера, говорившихъ, что смерть Кука послѣдовала вслѣдствіе тетаноса, происшедшаго отъ возобновленія сифилистической болѣзни, отъ которой Кукъ дурно вылеченъ былъ въ первый разъ.

10) *Докторъ Альфредъ—Свайнъ Тайлоръ*. Я авторъ разсужденія о стрихнинѣ и изслѣдовалъ всѣ случаи отравленія посредствомъ этого яда. Я дѣлалъ безчисленное количество опытовъ надъ животными, но никогда не имѣлъ случая изслѣдовать дѣйствіе, производимое этимъ ядомъ на организмъ человѣческій. Опыты, которые я дѣлалъ, произведены были надъ кроликами. Я всегда находилъ одни и тѣже симптомы, и доходилъ до тѣхъ же результатовъ. Количество стрихнина, которое я давалъ, равнялось обыкновенно $^1/_2$—2 гранамъ, и я убѣдился, что полграна достаточно для того, чтобы убить кролика. Я давалъ этотъ ядъ въ видѣ жидкости и въ твердомъ его видѣ. Нѣсколько минутъ достаточны были для того, чтобы произвести смерть въ первомъ случаѣ, во второмъ случаѣ надо было отъ 6 до 11 минутъ. Результатъ различенъ, смотря по количеству принятаго яда и по большей или меньшей крѣпости кролика. Ядъ тотчасъ же поглощается кровью и обращается по всему тѣлу, въ особенности же проникаетъ въ позвоночный столбъ. Циркуляція яда происходитъ въ первыя четыре минуты, а поглощеніе его зависитъ отъ положенія желудка субъекта, т. е. отъ того, есть-ли или нѣтъ пища въ желудкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствіе гораздо *быстрѣе*, потому-что ядъ становится въ немедленное соприкосновеніе съ внутренними перегородками желудка. Въ первомъ случаѣ ядъ, хотя поглощенъ, можетъ не дѣйствовать на нервную систему. Первыя пять или шесть минутъ послѣ принятія яда, животное повидимому не испытываетъ

никакой боли. Оно движется, и только когда ядъ начинаетъ дѣйствовать, оно внезапно падаетъ на бокъ. Съ нимъ тогда дѣлается сотрясеніе мускуловъ и всей мышечной системы. Сначала слабое, это сотрясеніе скоро переходитъ въ конвульсіи. Передніе члены вытягиваются впередъ, задніе члены отбрасываются назадъ. Челюсти спазматически сжимаются, глаза выкатываются, но черезъ нѣсколько минутъ происходитъ небольшое ослабленіе припадка. Это маленькая пріостановка въ страданіяхъ. Животное дѣлается довольно покойно, но самый слабый звукъ, самое легкое прикосновеніе возобновляютъ эти симптомы. Конвульсіи снова продолжаются и животное испускаетъ крики, которые показываютъ, какъ оно мучится. Послѣ нѣсколькихъ конвульсій животное тихо умираетъ. Внѣшній видъ умершихъ животныхъ бываетъ различенъ. Въ иныхъ случаяхъ тѣло тотчасъ же дѣлалось одервенѣлымъ, а мускулы оставались сжаты въ теченіи цѣлой недѣли послѣ смерти, такъ-что трупъ могъ стоять на ногахъ въ горизонтальномъ положеніи. У другихъ животныхъ напротивъ того тѣло дѣлалось мягкимъ послѣ смерти, и окоченѣлость тѣла являлась только нѣсколько минутъ спустя. При вскрытіи, въ желудкѣ не обнаруживается ни поврежденій, ни безпорядковъ, а въ бо́льшей части случаевъ нѣтъ поврежденій и въ мозговой системѣ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда тѣло тотчасъ же дѣлается твердымъ—головной и спинной мозги подвергаются поврежденію. Причина этихъ поврежденій можетъ быть приписана конвульсіямъ, которыя предшествуютъ смерти. *Генеральный атторней:* симптомы, описанные докторомъ Жанъ, имѣютъ-ли они по вашему мнѣнію сходство съ тѣми припадками, которые вы замѣчали въ животныхъ, подвергнутыхъ дѣйствію стрихнина? *Докторъ Тайлоръ.* Да.—Но сколько я могу заключить изъ опытовъ, дѣланныхъ надъ животными, ядъ, данный въ видѣ пилюли, дѣйствуетъ медленнѣе, нежели ядъ, данный въ видѣ жидкости. Пилюли должны еще разлагаться внутри организма прежде, нежели ядъ придетъ въ соприкосновеніе съ слизистою перегородкою желудка. Но изъ того времени, которое нужно яду, чтобы начать дѣйствовать на кролика, нельзя вывести никакого вѣрнаго заключенія для опредѣленія времени, по истеченіи котораго ядъ начинаетъ дѣйствовать и на человѣка. Отыскапіе стрихнина въ организмѣ объек-

та очень трудно. Изъ четырехъ случаевъ мнѣ удалось только одинъ разъ посредствомъ химическаго анализа кишекъ, достигнуть того, чтобы реагенты окрасились стрихниномъ; въ другой разъ я нашелъ, что жидкость имѣла очень дурной вкусъ, но она не была окрашена. Въ двухъ другихъ случаяхъ я не нашелъ ничего, что-бы обнаруживало присутствіе стрихнина. Эти результаты объясняются тѣмъ, что кровь поглощаетъ стрихнинъ. Я думаю вслѣдствіе этого, что если дать minimum того количества стрихнина, которое нужно для того, чтобы лишить человѣка жизни, то затѣмъ въ организмѣ не найдется и слѣдовъ стрихнина. Надо замѣтить, что части кишекъ Кука, подвергнутыя моему осмотру, находились въ состояніи, которое наименѣе благопріятствовало розысканіямъ. Желудокъ былъ вскрытъ во всю его длину и уже не заключалъ въ себѣ внутренностей; слизистая оболочка, которая могла бы заключать въ себѣ ядъ, находилась въ соприкосновеніи съ внѣшними частями кишекъ. Все было въ безпорядкѣ. Я разсматривалъ всѣ части тѣла и нашелъ въ нихъ лишь слѣды антимонія.—Этому веществу я приписываю ту рвоту, которой подвергнутъ былъ Кукъ. Я думаю, что антимоній данъ былъ Куку за двѣ или за три недѣли до его смерти. Впрочемъ я убѣжденъ, что одному стрихнину надо приписать смерть Кука.

Г. Сержентъ-Ши, обращаясь къ доктору Тайлору: думаете ли вы, что было вашею обязанностью воздержаться отъ всякаго публичнаго выраженія объ этомъ процессѣ вашего мнѣнія, которое бы могло имѣть вліяніе на общественное настроеніе умовъ?—*О.* Конечно.—*В.* Однако вы написали въ медицинскій журналъ «the lancette» письмо, въ которомъ говорите слѣдующее: «въ теченіи четверти вѣка, которую я посвятилъ изслѣдованіямъ различныхъ случаевъ токсикологіи, я никогда не встрѣчалъ обстоятельствъ, подобныхъ тѣмъ, которыя произошли въ дѣлѣ *отравленія* Кука. Ихъ соотношеніе съ личностью обвиненнаго менѣе интересуетъ меня, нежели вліяніе, которое они могутъ имѣть на общество. Я не задумываюсь объявить, что безопасность жизни жителей нашей страны зависитъ въ особенности отъ судей, присяжныхъ и защитниковъ, которымъ выпадетъ на долю обсуждать факты, раскрытые слѣдствіемъ».—*Докторъ Тайлоръ.* Я долженъ былъ опровергнуть фальшивыя толкованія и слухи, распускаемые о моихъ изслѣдованіяхъ. Вопросъ,

поставленный въ этомъ письмѣ, не разрѣшенъ еще и въ настоящее время. Говорили, что если было бы отравленіе посредствомъ стрихнина, то это вещество непремѣнно было бы найдено. Я это отрицаю. Я впрочемъ не имѣю никакого предубѣжденія противъ обвиненнаго. Я надѣюсь, что если онъ невиненъ, то его оправдаютъ. Но я не долженъ былъ оставлять безъ протеста заблужденій, опасныхъ для жизни гражданъ. — *В.* Но тѣ коментаріи, на которыя вы считали своею обязанностью возражать, не были сдѣланы подсудимымъ? — *О.* Г. Смиттъ, одинъ изъ совѣтниковъ Пальмера, напечаталъ въ журналахъ разсказъ о неточностяхъ моихъ при изслѣдованіи.— *В.* Знали-ли вы г. Майгева, издателя журнала «Illustrated Times»? *О.* Онъ явился ко мнѣ въ качествѣ агента страховаго общества и спрашивалъ у меня подробности объ отравленіяхъ, которыя могли быть приписаны Пальмеру. Я разговаривалъ съ нимъ безъ опасенія, а нѣсколько дней спустя онъ показалъ мнѣ корректурный листъ своего журнала, въ которомъ изложенъ былъ нашъ разговоръ. Я вычеркнулъ нѣкоторыя мѣста, жалуясь на то, что моя добросовѣстность была употреблена во зло; тутъ только я узналъ, кто онъ именно былъ. Тѣмъ не менѣе зачеркнутыя мною фразы были напечатаны. Журналъ напечаталъ также безъ моего позволенія мой портретъ и портретъ моего помощника Г. Ри. Это настоящія каррикатуры.—*Г. Ши.* Я не раздѣляю вашего мнѣнія, по моему портреты очень похожи (всѣ смѣются). Затѣмъ между докторомъ Тайлоромъ и г. Ши завязывается споръ о теоріяхъ судебной медицины на счетъ отравленія, споръ этотъ ведется очень темно и запутанно.

11) *Докторъ Овенъ Ри,* который изслѣдовалъ трупъ вмѣстѣ съ г. Тайлоромъ, повторяетъ показанія сего послѣдняго.

12) *Г. Стевенсъ,* второй мужъ матери Кука: я былъ призванъ разсмотрѣть долговое обязательство, выданное отъ имя Кука на 500 фун. стерл. Подпись Кука на этомъ обязательствѣ подложна. Покойный подписывалъ всегда J. Parsons Cook, а не J. P. Cook, какъ сдѣлано на этомъ документѣ.

13) *Г. Шавбриджъ,* одинъ изъ директоровъ рюджелейскаго банка, доказываетъ посредствомъ сличенія подписей, что документы съ поручительствомъ г-жи Сары Пальмеръ выданные отъ ея имени не были написаны рукою матери подсудимаго.

14) *Жанъ Вальбанкъ*, мясникъ въ Рюджелеѣ: я далъ взаймы 30 ноября 25 фунт. стерл. Пальмеру съ условіемъ, что эта сумма будетъ мнѣ отдана въ слѣдующую субботу, потому-что Пальмеръ говорилъ, что въ этотъ день ему будутъ отданы деньги на скачкахъ въ Шревсбюри. Дѣйствительно деньги мнѣ были отданы въ назначенный день. Остальныя показанія гг. Ньютона, Бамфорда, Пратта и другихъ подтвердили факты уже изложенные нами. Эти продолжительные и подробные допросы свидѣтелей, приведенные нами лишь въ экстрактѣ, заняли шесть дней.

21-го мая *г. Сержентъ-Ши*, защитникъ подсудимаго, произнесъ въ главныхъ чертахъ слѣдующую рѣчь: «прежде всего м.м. г.г. надо обратить вниманіе на важность преній, которыя происходятъ передъ вами — отъ этихъ преній зависитъ жизнь обвиненнаго. Уже этого достаточно для того, чтобы обсуживать *факты хладнокровно*, такъ-какъ *самое незначительное* заблужденіе лишаетъ Пальмера жизни и чести. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ общественное мнѣніе высказалось о смерти Кука, приписывая ея происхожденіе—яду, указывая на Пальмера какъ на отравителя. Все, что законъ и юстиція могли сдѣлать для того, чтобы обезпечить безпристрастность и вѣрность приговора по этому дѣлу—все это было сдѣлано. Я не сомнѣваюсь, что присяжные при произнесеніи своего приговора будутъ руководствоваться спокойнымъ разсудкомъ; мое же самое твердое убѣжденіе то, что никто изъ обвиненныхъ съ большею истиною, нежели Пальмеръ, не сказалъ, что онъ невиненъ. Прежде всего надо стать на исходную точку обвиненія: Пальмеръ приготовилъ смерть Кука, начавъ съ того, что онъ слегка отравилъ его антимоніемъ, потомъ докончилъ отравленіе стрихниномъ. Прежде нежели обсудить эту программу обвиненія, — надо разсмотрѣть очень важный фактъ, котораго не отрицалъ и генеральный атторней, именно, что *вовсе не нашли стрихнину въ трупѣ Кука.* Между-тѣмъ если онъ умеръ отъ стрихнина, то смерть должна была послѣдовать два часа спустя послѣ поглощенія яда кровью и четверть часа послѣ того, какъ ядъ обнаружился первыми конвульсіями. Надо замѣтить, что не доказано, чтобы ядъ былъ выброшенъ во время рвоты; поэтому если бы онъ былъ данъ, то не было бы ничего легче какъ найдти

его. Гг. Тайлоръ и Ри представляютъ въ своихъ заключеніяхъ, что ядъ разложился и былъ поглощенъ, послѣ того какъ онъ былъ принятъ, и что поэтому нельзя было его найдти. Это мнѣніе опровергается химиками, «болѣе извѣстными и болѣе искусными, нежели оба упомянутые эксперты». Я могу сослаться на мнѣнія, которыя выразили по этому дѣлу доктора: Нюннелей Герапатъ, Вильямъ, Парнеръ и въ особенности докторъ Летеби (Letheby), который считаетъ за медицинскую ересь мнѣніе, высказанное докторомъ Тайлоромъ. Если разобрать факты этого дѣла, нельзя не придти къ заключенію, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ Пальмеръ *не* имѣлъ никакого интереса причинить смерть Куку. Эта смерть не приносила подсудимому никакой пользы; напротивъ того она должна была произвесть его раззореніе, что дѣйствительно, и случилось? Конечно Пальмеръ находился въ очень затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и обвинитель на основаніи этихъ затрудненій доказывалъ, что Пальмеръ былъ заинтересованъ въ смерти Кука, что онъ хотѣлъ произвести эту смерть для того, чтобы улучшить свое денежное положеніе, чтобы присвоить себѣ то, что принадлежало Куку, что слѣдовало этому послѣднему вслѣдствіе выигрыша его на скачкахъ Шревсбюри.—Пальмеръ и Кукъ были соединены между собою дружбою, которая установилась между ними во время скачекъ два или три года тому назадъ. Они связали свои интересы въ этомъ предпріятіи, жили въ одной и той же гостинницѣ, заставляли скакать однихъ и тѣхъ-же лошадей. Что же касается денежныхъ операцій, сдѣланныхъ Пальмеромъ и Кукомъ съ Праттомъ и его кліентами, то послѣдніе никогда не думали взыскивать деньги судебнымъ порядкомъ съ Пальмера, который далъ хорошія обезпеченія, который платилъ на занимаемыя деньги 40%, 50% и даже 60%. Между-тѣмъ всѣ эти гарантіи исчезали послѣ смерти Кука. Развѣ не дознано, что въ эту эпоху Пальмеръ, чтобы уплатить Пратту, обратился къ Куку, и что послѣдній написалъ своему агенту, чтобы онъ заплатилъ 200 фунт. стерл. Другой заемъ въ 300 ф. ст. былъ сдѣланъ за поручительствомъ Кука и изъ этого слѣдуетъ: «что Кукъ и Пальмеръ имѣли деньги, которыя переходили изъ рукъ въ руки, что Кукъ охотно помогалъ Пальмеру въ денежныхъ его затрудненіяхъ». Кукъ былъ такимъ образомъ для обвиненнаго преданный другъ,

помощь котораго была ему необходима. Кукъ умеръ въ утро 21 ноября. До тѣхъ поръ Пальмеръ дѣлалъ все, что могъ, чтобы помочь ему. Онъ проводилъ около него дни и ночи, онъ призывалъ друзей Кука, чтобы они могли ходить за нимъ. Можно ли изобрѣсти болѣе жестокое обвиненіе, какъ то, которое представляетъ Пальмера замышляющимъ причинить смерть своему другу? На слѣдующій день послѣ смерти Кука, Пальмеръ написалъ Пратту, и этотъ послѣдній, который очень хорошо зналъ отношенія двухъ пріятелей, отвѣчалъ на другой день, что эта смерть принудитъ Пальмера заплатить немедленно 500 фунт. стерл., за которые онъ поручился по сдѣлкѣ, заключенной Кукомъ.

«Я убѣжденъ, что генеральный атторней не принялъ бы на себя преслѣдованіе этого процесса, если бы онъ не былъ принужденъ къ тому силою предубѣжденій общественнаго мнѣнія, происшедшихъ вслѣдствіе первоначальнаго слѣдствія, основаннаго на заключеніи доктора Тайлора. Хотите-ли еще ближе узнать, въ чемъ состояли дѣйствительные интересы Пальмера и я вамъ докажу, что кромѣ вышеизложенныхъ и другія причины препятствовали тому, чтобы Пальмеръ желалъ смерти Кука. Витерби (Weatherby) напримѣръ долженъ былъ заплатить по довѣренности Кука 360 ф. стер. въ пользу Пальмера и смерть Кука сдѣлалась препятствіемъ къ этому платежу. Если Пальмеръ принужденъ былъ поддѣлать подпись своей матери — это не доказываетъ ли, что онъ имѣлъ возможность получать помощь лишь въ пособіяхъ Кука? Можно ли предполагать при такихъ обстоятельствахъ, чтобы Пальмеръ причинилъ смерть своему другу, чтобы онъ возбудилъ противъ себя кредиторовъ сего послѣдняго и агентовъ страховыхъ обществъ, которые выказались къ нему столь безжалостными? Пальмеръ, какъ это вы можете видѣть, принадлежалъ къ хорошему обществу, онъ хорошо зналъ обязанности своей профессіи, зналъ химію, и на основаніи этого обстоятельства обвиненіе выставляетъ противъ него книгу, на поляхъ которой онъ написалъ замѣтку о дѣйствіи стрихнина. Между-тѣмъ онъ не пряталъ эту книгу, и замѣтка, которую на ней прочли, была написана имъ въ ту эпоху, когда онъ въ Лондонѣ учился медицинѣ.—*Лордъ Кэмпбель.* Я долженъ замѣтить, что генеральный атторней объявилъ, что онъ приписываетъ этому факту лишь второстепенную важность.—*Г. Сержентъ Ши-*

Если обвиненіе испытало пораженіе относительно побудительной причины, внушившей преступленіе, если оно потерпѣло неудачу въ судебно-медицинскомъ изслѣдованіи, то оно не болѣе страшно, если мы будемъ разсматривать смерть Кука съ точки зрѣнія простаго здраваго смысла. Обстоятельства этой смерти не представляютъ ничего такого, что дѣлало-бы невозможнымъ предположеніе о естественной смерти. Кукъ очевидно умеръ отъ воспаленія мозга позвоночнаго столба. Нельзя не замѣтить, съ какимъ пристрастіемъ докторъ Тайлоръ производилъ изслѣдованіе. Онъ съ рѣдкою наглостью подъ присягою показалъ, что пилюли, данныя Куку въ понедѣльникъ и во вторникъ, заключали въ себѣ стрихнинъ и причинили смерть, тогда-какъ всѣ опыты, предпринятыя съ цѣлью найдти ядъ въ органахъ Кука, остались безъ всякаго результата. Между-тѣмъ подобное заключеніе эксперта, напечатанное во всѣхъ газетахъ, возстановило противъ подсудимаго общественное мнѣніе, проникло во всѣ дома трехъ соединенныхъ королевствъ. Если наука сдѣлается сильнѣе закона въ уголовныхъ судахъ, та наука, на лбу которой можно написать девизъ: «близорукая наука, опасная наука», то что станется съ безопасностью человѣческой жизни! Конечно если бы докторъ Тайлоръ послѣ продолжительныхъ опытовъ, пріобрѣтя глубокое и основательное знаніе о ядахъ, нашелъ ядовитое вещество въ тѣлѣ Кука, онъ былъ-бы свидѣтель полезный и компетентный, и показанія его были бы приняты во вниманіе присяжными, но ему ни разу не случалось, въ чемъ онъ самъ сознается, разсматривать дѣйствіе стрихнина въ человѣческомъ тѣлѣ.—Чтобы объяснить тѣ конвульсіи, отъ которыхъ погибъ Кукъ, надо вспомнить состояніе здоровья, въ которомъ Кукъ былъ въ Шревсбюри. Онъ пріѣхалъ туда здоровымъ, по крайней мѣрѣ физически, но разстроенный и больной душевно, подъ вліяніемъ тревогъ и опасеній. Весь его умъ былъ сосредоточенъ на результатѣ, котораго достигнетъ на скачкахъ его лошадь Полестаръ. Если-бы она была побѣждена — то онъ подвергался конечному разоренію, если-бы побѣдила — то его дѣла поправлялись. Полестаръ выигралъ призъ на скачкахъ и Кукъ получилъ отъ этого столь сильное нравственное потрясеніе, что онъ болѣе трехъ минутъ не былъ въ состояніи вымолвить слова. Въ этомъ состояніи возбужде-

нія, онъ возвратился въ отель, въ которомъ и праздновалъ свою побѣду. Нужно ли удивляться, если онъ пріѣхалъ больнымъ въ Рюджелей? Тамъ онъ не видѣлъ никого, кромѣ Пальмера. Въ воскресенье его болѣзнь усилилась и онъ чувствовалъ себя очень дурно въ теченіи ночи. Нервное возбужденіе его доказано, несомнѣнно. Затѣмъ опровергая мнѣніе, что Кукъ умеръ отъ яда, г. Ши ссылается на выписки изъ медицинскихъ сочиненій и на мнѣнія многихъ ученыхъ докторовъ, изъ которыхъ можно заключить, что Кукъ умеръ отъ невоздержности, которая мало по малу разстроила его слабое здоровье и произвела поврежденія желудка, спиннаго мозга, легкихъ и всѣхъ дыхательныхъ снарядовъ.

Послѣ этой защитительной рѣчи, которая продолжалась *восемь часовъ*, и изъ которой мы извлекли все существо, приступлено было 22-го мая къ слушанію свидѣтелей, на которыхъ ссылались защитники подсудимаго: 1) *докторъ Нюннелей.* Разсмотрѣвъ обстоятельства, которыя предшествовали и сопровождали смерть Кука, я пришелъ къ заключенію, что она произошла не вслѣдствіе тетаноса, но вслѣдствіе конвульсій. Въ этомъ меня убѣждаетъ слабое сложеніе Кука, его постоянное леченіе и принятіе разныхъ лекарствъ, сифилистическія болѣзни, которымъ онъ былъ подвергнутъ и неправильная жизнь, которую онъ велъ. Разстройство горла и легкихъ, могло происходить только отъ этихъ причинъ. Это состояніе Кука предрасположило его къ тому нервному разстройству, которое нравственныя потрясенія развили въ высшей степени, такъ что произвели даже смерть. Въ подобныхъ случаяхъ частая рвота не представляетъ ничего такого, что-бы могло удивить доктора. 2) Доктора *Гепатъ* и *Роджерсъ* выражаютъ такія же мнѣнія. 3) *Генри Летеби*, профессоръ химіи и токсикологіи въ медицинскомъ факультетѣ въ Лондонѣ, показываетъ слѣдующее: въ теченіи многихъ лѣтъ я предавался изученію ядовъ и ихъ дѣйствія на экономію живыхъ существъ. Но въ настоящемъ дѣлѣ я не нахожу никакой аналогіи съ тѣми симптомами, которыя я замѣтилъ во время моихъ многократныхъ наблюденій надъ животными. Во первыхъ я никогда не видѣлъ, чтобы былъ столь продолжительный промежутокъ времени между принятіемъ яда и обнаруженіемъ его первыхъ признаковъ. Самый большой промежутокъ времени,

который я замѣчалъ, былъ три четверти часа, и еще въ этихъ случаяхъ ядъ былъ данъ при условіяхъ, которыя наименѣе благопріятствовали скорому его дѣйствію, ибо желудокъ субъекта былъ наполненъ пищею. Нормальная продолжительность этого промежутка времени должна быть въ 15 минутъ, но иногда она доходитъ до 5 минутъ. Кромѣ того я всегда замѣчалъ, что организмъ субъекта бывалъ въ такомъ состояніи нервнаго раздраженія, что самое легкое движеніе, предпринятое для того, чтобы повернуть больнаго, малѣйшее прикосновеніе, самый незначительный шумъ, токъ воздуху—ввергали паціента въ конвульсіи. Такимъ образомъ невозможно, чтобы лице, проглотившее стрихнинъ, могло съ живостью звонить въ колокольчикъ и просить, чтобы ему терли шею, какъ то сдѣлалъ Кукъ. Что же касается до отысканія яда, то по моему мнѣнію изъ всѣхъ ядовъ минеральныхъ и растительныхъ стрихнинъ есть ядъ, отыскать который въ организмѣ всего *легче*. Во многихъ случаяхъ я находилъ его или въ крови или въ тканяхъ животныхъ, надъ которыми я производилъ опыты; однажды я нашелъ стрихнинъ въ тѣлѣ животнаго уже мѣсяцъ послѣ его смерти, и когда тѣло было въ полномъ разложеніи, я могъ найти самыя незначительныя части этого яда; напр. $^1/_{20000}$ ч. грам. Я не думаю, чтобы безпорядокъ, произведенный въ желудкѣ Кука во время вскрытія его тѣла, могъ быть препятствіемъ къ открытію яда, если бы ядъ былъ данъ. Если даже всѣ вещества, находящіяся въ желудкѣ, были потеряны, то достаточно было бы анализовать слизистую перепонку, чтобы найти слѣды стрихнина. 4) Докторъ *Грей* показалъ почти тоже самое. 5) Докторъ *Врайтсонъ* изъ Бирмингама: я спеціально изучалъ дѣйствіе стрихнина, и всегда находилъ его въ тѣлѣ тѣхъ животныхъ, которымъ я его давалъ; я находилъ его или въ отдѣльномъ составѣ или въ связи съ другими веществами, каковы желчь, кровь и урина. Я не допускаю теоріи доктора Тайлора о внезапномъ разложеніи стрихнина, когда онъ дѣйствуетъ какъ ядовитое вещество. Если бы данный стрихнинъ былъ совершенно поглощенъ, то его можно было бы отыскать въ крови, а если бы весь онъ перешелъ въ кровеобращеніе—то были бы слѣды его въ желудкѣ. *Генеральный атторней.* Если бы весь ядъ поглощенъ былъ организмомъ субъекта, а въ

частности, если бы онъ поглощенъ былъ уриною, возможно ли было бы найдти слѣды его?—*О.* Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ.

В. А если бы ядъ данъ былъ только за полтора часа до смерти.—*О.* Въ такомъ случаѣ его нашли бы, ибо такой промежутокъ времени совершенно недостаточенъ для того, чтобы заставить войти ядъ въ общее кровеобращеніе, въ особенности если онъ данъ былъ въ видѣ пилюль; въ этомъ случаѣ было-бы возможно найти стрихнинъ въ печени или въ поясницѣ. Впрочемъ надо прибавить, что все зависитъ отъ того, въ какомъ количествѣ данъ былъ ядъ. 6) Докторъ *Партриджъ*, профессоръ анатоміи въ королевской коллегіи: я думаю, что тотчасъ послѣ смерти Кука, слѣдовало подвергнуть анализу спинной хребетъ. На немъ нашли нѣсколько нарывовъ, это признакъ воспаленія, но надо было опредѣлить характеръ этого воспаленія. Впрочемъ по моему мнѣнію нельзя найдти естественную и извѣстную причину смерти Кука при тѣхъ признакахъ, которыми отличалась его болѣзнь, я же никогда не встрѣчалъ подобной болѣзни. 7) Докторъ *Жанъ-Ге*: въ 1843 году я видѣлъ надъ молодымъ мальчикомъ примѣръ болѣзни подобной той, отъ которой умеръ Кукъ и сопровождаемой рвотою. 8) Докторъ *Макдональдъ*. Во время этого процесса я въ первый разъ услышалъ, что стрихнинъ можетъ быть совершенно разложенъ и поглощенъ, такъ-чтобы не было возможности его найдти. Наука не можетъ допустить этой теоріи, опровергнутой многими опытами. По моему мнѣнію смертъ Кука произошла отъ сложныхъ эпилептическихъ конвульсій тетаноса, который происходитъ обыкновенно отъ разложенія крови и дѣйствія ея на нервную систему. Сильныя ощущенія, испытанныя Кукомъ во время скачекъ Шревсбюри, могли усилить припадокъ. *Генеральный атторней:* и такъ вы думаете, что *большая радость* должна была возбудить *рвоту*? — *О.* Это могло предрасположить къ ней. — *В.* Не будемъ говорить о возможномъ, объяснитесь; думаете-ли вы, что рвота, бывшая ночью въ среду, произошла отъ сильныхъ ощущеній, испытанныхъ Кукомъ въ Шревсбюри во вторникъ въ теченіи трехъ минутъ? — О. Я не говорю этого, но я не нахожу другихъ причинъ возбужденія болѣзни между этою минутою и минутою смерти. Бѣлыя пятна, найденныя въ желудкѣ покойнаго, могли, возбудивъ воспаленіе, породить судороги, отъ которыхъ

произошла смерть. — *Генеральный атторней:* но доктора, которые производили вскрытіе тѣла, не нашли и слѣдовъ воспаленія въ желудкѣ?—*О.* Были бѣлыя пятна, слѣдовательно было и воспаленіе. *Генеральный атторней.* Но доктора не видѣли этихъ пятенъ. — *О.* Я на нихъ не полагаюсь (взрывъ хохота въ залѣ, судьи и даже Пальмеръ смѣются). — *Свидѣтель* (растерявшись): чувственыя возбужденія могутъ произвести епилепсію съ развитіемъ тетаноса, а язвы и сифилистическія болѣзни, обнаруженныя у Кука, доказываютъ, что онъ испытывалъ частыя возбужденія еще до прибытія его въ Шревсбюри.—*Генеральный атторней:* развѣ вы думаете, что удовольствія чувственныя могутъ произвести епилепсію по прошествіи 15 дней послѣ того, какъ ихъ испытывали? — *О.* Я помню одинъ случай, когда епилепсія произошла отъ этого. — *В.* А помните-ли вы, чтобы этотъ результатъ произошелъ по прошествіи 15 дней?—*О.* Это возможно.—*В.* Какъ можете вы, если вы серьезный человѣкъ, говоритъ такія вещи? — *О.* Результаты передъ глязами.—*В.* Что понимаете вы подъ словомъ «резульататы» въ настоящемъ процессѣ? — *О.* Я говорю о сифилистическихъ болѣзняхъ Кука.—*В.* Развѣ вы слышали когда нибудь, чтобы сифилистическія раны произвели епилепсію? — *О.* Я не говорю этого.—*В.* Слышали ли вы, чтобы кто нибудь говорилъ это о сифилистистическихъ болѣзняхъ?—*О.* Нѣтъ, но онѣ производятъ тетаносъ.—*В.* Но мы до сихъ поръ говорили объ епилепсіи, мы и не упоминали о тетаносѣ.—*О.* Вы забываете, что *существуетъ* болѣзнь тетаносъ!—Неясность отвѣтовъ и испуганное лицо свидѣтеля, въ эту минуту возбуждаютъ снова громкій смѣхъ. Слышатся даже шиканья. Наконецъ доктору Макдональду дозволяютъ уйти, онъ бѣжитъ изъ залы.

9) Послѣ него докторъ *Стэдди* показываетъ, что онъ видѣлъ нѣкоторые случаи епилепсіи, оканчивавшіеся тетаносомъ, но никогда при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали болѣзнь Кука. Онъ думаетъ, что эта смерть должна быть приписана нарывамъ, покрывавшимъ спинной мозгъ?—*Генеральный атторней:* что заставляетъ васъ думать это?—*О.* Я вижу только эту причину, если не допускать смерти вслѣдствіе отравленія стрихниномъ.—*В.* Всѣ симптомы, описанные докторомъ Жанъ, не указываютъ-ли они, что смерть произошла вслѣдствіе отрав-

ленія страхниномъ? — *О.* Они относятся къ этой причинѣ. — *В.* И такъ ваше мнѣніе резюмируется такимъ образомъ, что за отсутствіемъ всякой другой извѣстной причины, вы приписываете смерть Кука епилепсіи? — *О.* Да.

10) *Докторъ Рачардсонъ*: я думаю, что Кукъ умеръ отъ жабы въ груди и я знаю много случаевъ, представляющихъ большую аналогію съ тѣмъ, который занимаетъ правосудіе (свидѣтель входить въ подробности). — Затѣмъ *генеральный атторней* отъ имени правительства произнесъ новую обвинительную рѣчь: (*) я прошу васъ гг. судьи и гг. присяжные исполнить важную и священную обязанность. Я надѣюсь, что мнѣ позволено будетъ сказать, что я остался доволенъ тѣми средствами защиты, которыя употреблены были моимъ почтеннымъ другомъ г. Серженть-Ши. Но поставленный въ этомъ дѣлѣ какъ орудіе общественнаго правосудія, я чувствую также, что я долженъ окончить мою обязанность и просить васъ снова произнести вердиктъ о признаніи подсудимаго виновнымъ. Если мнѣ не удастся вселить это убѣжденіе въ вашу душу, никто болѣе меня не будъ радоваться, если вы произнесете освобождающій вердиктъ. Затѣмъ генеральный атторней указалъ на слабыя стороны защиты, которая не могла объяснить ни того, какое употребленіе сдѣлалъ Пальмеръ изъ купленнаго стрихина, ни исчезнованія бумагъ и денегъ Кука, ни компрометирующихъ его поступковъ подсудимаго. Что же касается причины смерти, то не смотря на несообразныя и возмутительныя предположенія нѣкоторыхъ докторовъ, онъ атторней убѣжденъ, что смерть произошла отъ стрихнина, возбудившаго тетаносъ.

Послѣ того lord-chief-justice, лордъ Кампбель, началъ резюмировать это дѣло, и при этомъ очень ясно высказалъ свое убѣжденіе въ виновности Пальмера. По окончаніи резюмированія публика была выведена изъ залы.—На слѣдующій день 27-го мая въ 10 часовъ утра засѣданіе снова было открыто. Лордъ Кампбель объявилъ, что процессъ приходитъ къ концу. Пальмеръ въ эту критическую минуту взялся за голову обѣими руками. Когда же онъ занялъ прежнее положеніе, то на лицѣ его можно было видѣть слѣды тѣхъ сильныхъ ощущеній, которыя онъ старался

(*) Въ Англіи послѣднее возраженіе дѣлается обвинителемъ вопреки обычаю, принятому почти всѣми странами образованнаго міра.

подавитъ. Присяжные удалились для совѣщаній. Черезъ часъ было объявлено, что они согласились на счетъ вердикта и они вошли въ присутствіе. Пальмера подвели къ рѣшеткѣ, онъ казался совершенно хладнокровнымъ. Г. Страйгтъ (Clerk of the Arraigns) предложилъ присяжнымъ обыкновенный вопросъ: согласны ли вы относительно своего вердикта, находите ли вы подсудимаго виновнымъ или невиннымъ? *Главный присяжный* (Foremann) отвѣтилъ твердымъ готосомъ: «мы находимъ подсудимаго *виновнымъ*».

Пальмеръ, услыша это страшное слово, слегка поблѣднѣлъ, но тотчасъ-же овладѣлъ собою и принялъ видъ хладнокровнаго зрителя. Затѣмъ г. Страйгтъ сказалъ: «подсудимый у этой рѣшетки вы изобличены въ убійствѣ; что́ имѣете вы сказать, чтобы воспрепятствовать суду приговорить васъ къ смертной казни, согласно закону?» Этотъ вопросъ есть лишь пустая формальность; Пальмеръ ничего не отвѣчалъ на него. Судьи надѣли *шляпы на голову*.

Lord-chief-justice произнесъ слѣдующій приговоръ: «Вильямъ Пальмеръ, послѣ продолжительнаго и безпристрастнаго производства вы были изобличены присяжными вашей страны въ преступленіи предумышленнаго убійства. Мои два товарища и я, прослѣдивъ за этимъ процессомъ съ самымъ глубокимъ вниманіемъ, мы можемъ только согласиться съ этимъ вердиктомъ и считать убѣжденіе присяжныхъ окончательно установившимся. Обстоятельства преступленія до такой степени увеличиваютъ вину, что было бы невозможно уменьшить гнусность его. Есть-ли это первое и единственное преступленіе этого рода, которое вы совершили—это тайна между Богомъ и вашею совѣстью! Трудно допустить, чтобы человѣкъ безъ долгой опытности свыкся съ способами причинять смерть своимъ ближнимъ. Какъ-бы то ни было вы заплатите своею жизнію за преступленіе, въ которомъ вы найдены были виновнымъ. Вы должны приготовиться къ смерти, и я убѣжденъ, что такъ-какъ вы не можете надѣяться на прощеніе въ этомъ мірѣ, то вы позаботитесь посредствомъ раскаянія въ своихъ преступленіяхъ, получить прощеніе отъ всемогущаго Бога. Актъ парламента, въ силу котораго вы были судимы этимъ судомъ по вашей собственной просьбѣ, — предоставилъ суду постановить: долженъ-ли при-

говоръ быть приведенъ въ исполненіе въ юрисдикціи лондонскаго центральнаго уголовнаго суда или въ томъ округѣ, въ которомъ совершено было преступленіе. Мы думаемъ, что для примѣра этотъ приговоръ долженъ быть приведенъ въ исполненіе въ графствѣ Стаффордъ. Этотъ ужасающій примѣръ, я надѣюсь, удержитъ другихъ отъ учиненія столь гнусныхъ преступленій и будетъ доказано, что ни изученіе средствъ совершенія преступленія, ни предосторожности, ни смертоносное искусство не могутъ воспрепятствовать открытію и наказанію преступника. Какъ бы хорошо не былъ выбранъ агентъ разрушенія, провидѣніе хотѣло для безопасности своихъ твореній, чтобы было средство обнаружить самый тонкій ядъ и уличить отравителя. Я васъ умоляю еще разъ раскаяться и приготовиться къ страшному и торжественному испытанію, которое вамъ готовится. Я не хочу прибавлять къ мученіямъ вашей души исчисленіе обстоятельствъ вашего преступнаго дѣянія. Я произнесу только противъ васъ приговоръ закона, именно: что вы будете отведены изъ этой тюрьмы въ Ньюгетскую тюрьму (Newgate), потомъ изъ нея въ тюрьму графства Стаффордъ, въ которомъ совершено было преступленіе, затѣмъ васъ отведутъ на мѣсто казни и тамъ вы будете повѣшены (черезъ шею) доколѣ не послѣдуетъ смерть, а ваше тѣло будетъ похоронено въ зданіи тюрьмы Стаффорда. И пусть Господь Богъ проститъ вамъ, аминь».

Мы нарочно слово въ слово выписали этотъ приговоръ, представляющій образецъ оригинальности и своеобразности.

Нѣсколько дней спустя, Пальмеръ былъ переведенъ въ стаффордскую тюрьму, чтобы ожидать въ ней исполненіе приговора. Возбужденіе противъ него общественнаго мнѣнія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивалось, но въ Лондонѣ въ пользу подсудимаго произошла нѣкоторая реакція. На митингахъ порицали слишкомъ энергическое резюмированіе лорда Кампбеля, который ясно высказалъ свое мнѣніе о виновности Пальмера; говорили, что въ виду противорѣчій науки не слѣдовало произносить смертный приговоръ. Каждый день по этому процессу печатались письма въ газетахъ, разбирали свидѣтельскія показанія, открывали новыя обстоятельства, доказывали невинность подсудимаго. Самыя романическія объясненія принимались съ жадностію. Такимъ образомъ напечатанъ былъ разсказъ

о томъ, что одна женщина, прежняя любовница Кука, чтобы отмстить послѣднему, уколола его отравленною стрѣлою (?), которую ученый, г. Ревсонъ, привезъ изъ Индіи. Г. Ревсонъ объявилъ черезъ газеты, что дѣйствительно у него есть стрѣлы, остріе которыхъ пропитано ядомъ, но что эти стрѣлы заперты въ ящикѣ, ключъ отъ котораго онъ всегда носитъ на шеѣ. Директоръ тюрьмы получалъ сотни писемъ изъ всѣхъ концевъ Англіи съ просьбою передать ихъ подсудимому. Иныя лица посылали Пальмеру стихи для того, чтобы развлечь его; другія небольшіе религіозные трактаты, чтобы наставить его на путь истины. Иные увѣдомляли власти, что Пальмеръ имѣлъ средства прибѣгнуть къ самоубійству, что онъ спряталъ ядъ въ своихъ ушахъ (?), что онъ отпускалъ себѣ ногти, чтобы вскрыть себѣ вены. Одинъ житель г. Ньюпорта выражалъ сильнѣйшее желаніе быть выбраннымъ въ палачи для казни Пальмера.

Пальмеръ со дня его осужденія по обыкновенію былъ удаленъ отъ другихъ заключенныхъ и принималъ въ Стаффордѣ лишь посѣщенія духовниковъ, своихъ трехъ братьевъ и своей сестры. Онъ сохранялъ ту спокойную и холодную наружность, которую выказалъ во время преній, охотно говорилъ о своемъ процессѣ, доказывалъ свою невинность и критиковалъ вердиктъ, но безъ злобы. Онъ въ особенности указывалъ слушателямъ на способъ резюмированія его процесса лордомъ Кампбель. «Я былъ увѣренъ въ моемъ освобожденіи даже во время совѣщанія присяжныхъ; только выраженіе лица главнаго присяжнаго, когда онъ вошелъ въ залу, открыло мнѣ, что приговоръ состоялся противъ меня,» сказалъ однажды Пальмеръ.—14 іюня былъ день, назначенный для исполненія казни. Чтобы предупредить несчастные случаи и чтобы уменьшить по возможности число зрителей, полиція приняла мѣры, чтобы молодые люди, имѣющіе менѣе 14 лѣтъ отъ роду, не могли вмѣшиваться въ толпу. О женщинахъ-же было напечатано въ газетахъ, что было-бы приличнѣе, если бы онѣ не подходили къ мѣсту казни.—Мэръ и чиновники Стаффорда по-возможности старались затруднить постройку платформъ, съ которыхъ публика дожна была смотрѣть на казнь, и которыя были возведены на улицѣ и на крышахъ домовъ. Распустили даже слухъ, что

было бы неблагоразумно со стороны жителей оставлять свои дома, потому-что изъ Лондона прибыли въ Стаффордъ сотни воровъ (pick—pockets). Все было безполезно; уже ночью съ пятницы на субботу огромная толпа народу окружала тюрьму; съ 4 часовъ утра число любопытныхъ простиралось приблизительно до 50,000 человѣкъ. Большая часть ихъ всю ночь стояли на мѣстѣ, захвативъ съ собою провизію. Когда пробило 8 часовъ на часахъ тюрьмы, отрядъ изъ 30 полицейскихъ чиновниковъ (constables) окружилъ эшафотъ, построенный передъ тюрьмою. Большіе отряды полицейскихъ кромѣ того стали передъ толпою.—Огромное «ура» раздалось въ толпѣ, когда появился Вильямъ Пальмеръ. Осужденный былъ одѣтъ въ сѣрое платье узниковъ, вопреки обычаю. Это было сдѣлано не для того, чтобы усилить наказаніе, но потому-что все его платье осталось въ Лондонѣ. Пальмеръ сохранялъ спокойную наружность и черты лица его не показывали слѣдовъ усталости или заботъ. Къ 5 часамъ утра духовникъ г. Пудоккъ посѣтилъ его. Пальмеръ принялъ его съ радушіемъ, потомъ онъ спросилъ чаю, и когда тюремщикъ, подавая чай, сказалъ ему: «какъ вы себя чувствуете», то онъ отвѣтилъ спокойно «совершенно хорошо». Въ ту минуту когда его выводили изъ тюрьмы, главный шерифъ спросилъ его: «виновенъ ли онъ въ преступленіи?»—Я неправильно былъ осужденъ, сказалъ онъ, я жертва судебной ошибки; эти слова сказаны были просто и спокойно. Изъ тюрьмы до эшафота разстояніе было очень велико. Пальмеръ шелъ легкимъ шагомъ, взошелъ на лѣстницу какъ человѣкъ, который идетъ посѣтить пріятеля и сталъ на платформѣ, которая вскорѣ должна была исчезнуть изъ подъ его ногъ. Онъ смотрѣлъ спокойно и безъ вызова на толпы народа, окружающія эшафотъ. Зрители этой сцены встрѣтили Пальмера шиканьемъ и криками: «убійца, отравитель, его надо убить».—Рабочіе испускали крики радости, видя, что Пальмера ведутъ къ мѣсту казни. Пальмеръ произнесъ короткую молитву съ духовникомъ. Потомъ палачъ Смитъ изъ Дюдлея приблизился. Пальмеръ протянулъ ему руку и сказалъ ему тихо: «да благословитъ васъ Богъ.» — Тотчасъ же платформа исчезла изъ подъ ногъ Пальмера, и послѣ нѣкоторыхъ конвульсій, безжизненное тѣло его повисло и осталось неподвижно.

Замѣтимъ въ заключеніе, что производство процесса Пальме-

ра стоило правительству около 10.000 ф. ст. (болѣе 60,000 рублей серебромъ).

XV. Процессъ доктора Яна, судимаго за отравленіе Луизы Бергеръ.

Процесъ этотъ, кромѣ юридическаго интереса, представляется довольно рѣдкимъ фактомъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Орудіемъ къ совершенію преступленія послужилъ *конінъ*, ядъ, до такой степени мало употребляемый и рѣдкій, что уголовная практика Франціи, Англіи, Германіи и другихъ европейскихъ государствъ, не представляетъ ни одного случая отравленія этимъ средствомъ.

Въ Квелендорфѣ, красивомъ мѣстечкѣ, расположенномъ въ двухчасовомъ разстояніи отъ Делау, въ маленькомъ домикѣ, недалеко отъ сѣвернаго выхода изъ деревни (ведущаго въ Делау) въ іюнѣ 1860 года жили двѣ сестры Эмилія и Луиза Бергеръ,— первая 30, а вторая 29 лѣтъ. Семейство Бергеръ къ короткое время испытало много горя. Въ декабрѣ 1859 г. умеръ отецъ, бѣдный сапожникъ, а въ января слѣдующаго года мать — оба отъ тифа; эта же болѣзнь чуть не свела въ могилу и обоихъ братьевъ Вильгельма и Фридриха и Эмилію Бергеръ. Одна только Луиза оставалась здоровою и все время ухаживала за больными. Со смертію родителей, разорвалась связь, соединявшая членовъ семьи. Вильгельмъ Бергеръ вскорѣ послѣ смерти родителей занялся ремесломъ своего отца, поселился въ его домѣ и намѣревался завестись семьей. Съ Луизой онъ поссорился за то, что она во время болѣзни сестры, припрятала на черный день кое-что изъ оставшагося отъ родителей наслѣдства. Поссорясь съ братомъ, Луиза на пасхѣ наняла отдѣльную квартиру, куда по выздоровленіи и переселилась сестра ея Эмилія. Статная, красивая Луиза Бергеръ слыла веселой, развязной говоруньей, довольно свободной въ обращеніи съ мужчинами. По слѣдствію обнаружено, что она была въ связи съ однимъ подмастерьемъ, отъ котораго 27 февраля 1859 г. и родила дочь. Въ послѣднее время ее видѣли большею частію скучною, озабоченною, а многимъ казалось даже, что она была слегка повреждена въ разсудкѣ. Эмилія также замѣчала разстройство и болѣзненное со-

стояніе сестры; ей приходило подъ часъ на мысль, что сестра ея снова беременна, но на всѣ вопросы о томъ Луиза отвѣчала отрицательно, говоря, что вовсе не знается съ мужчинами. 22-го іюня 1860 г. Луиза все утро оставалась дома няньчить ребенка. Эмилія съ утра ушла работать къ брату Вильгельму, куда во время обѣда пришла и Луиза и, отдавъ ребенка, отправилась къ трактирщику Вертеру работать на огородѣ. Около 7 часовъ вечера она возвратилась въ домъ брата, которому принесла овощей, набранныхъ ею во время работъ, и у котораго повла съ сестрой просяной каши, нарочно сбереженной ею отъ ужина у Вертера. Въ 9 часовъ Луиза вернулась домой, куда между тѣмъ вскорѣ пришла и Эмилія. Луиза поспѣшно передала ей корзину съ картофелемъ—подарокъ жены Вертера—и тотчасъ же ушла, сказавъ: «мнѣ нужно еще разъ пойти», и не отвѣтивъ на вопросъ сестры: «зачѣмъ?» Вслѣдъ затѣмъ Эмилія легла въ постель. Она еще не спала, когда между 9 и 10 ч. Луиза постучала въ окно и окликнула ее говоря, что не можетъ еще войти, что хотя докторъ Янъ и назначилъ ей свиданіе у угла кустарника на пшеничномъ полѣ, но что она его тамъ не нашла и потому намѣрена пойти къ нему на домъ. Эмилія совѣтовала ей лучше лечь спать, такъ-какъ доктора Яна она можетъ еще не одинъ разъ увидѣть;—«да, тебѣ хорошо говорить—отвѣчала ей на это Луиза—онъ и такъ ужъ не разъ обманулъ меня, все обѣщалъ мнѣ *чего нибудь* дать, а какъ придетъ, то всякій разъ говоритъ, что у него ничего нѣтъ», и съ этими словами удалилась. Эмилія, ничего не понимая изъ словъ сестры, начала испытывать живѣйшее безпокойство. Она очень хорошо знала доктора Яна, который лечилъ все ихъ семейство и бывалъ тогда въ ихъ домѣ ежедневно. Но какое дѣло имѣла до него Луиза? Зачѣмъ велѣлъ онъ ей придти? Чего требовала она отъ доктора такъ настоятельно, что даже въ такую позднюю пору рѣшилась пойти къ нему на домъ? Подъ вліяніемъ этихъ мыслей Эмилія не могла уснуть. Часы въ ея комнатѣ, которые шли цѣлымъ часомъ впередъ, пробили полночь, когда наконецъ Луиза вернулась. Ожидая ее, Эмилія не гасила лампы; при входѣ сестры она не замѣтила въ ней никакой особенной перемѣны. На вопросъ, гдѣ она такъ долго была, Луиза отвѣчала: «ахъ Боже мой, Эмилія, вотъ что я должна сказать тебѣ: я беременна!»

Удивленная Эмилія стала ее за это упрекать и спросила, кто виновникъ беременности? Луиза тотчасъ же назвала доктора Яна, и Эмилія разразилась градомъ упрековъ, говоря ей, какъ она могла до того забыться, что сошлась съ такимъ важнымъ лицомъ, какъ д. Янъ, да еще въ добавокъ, женатымъ; что она должна была знать, что никогда не будетъ женой этого человѣка. Луиза горько заплакала, тако-что Эмиліи пришлось успокоивать и утѣшать ее. На вопросъ сестры, не имѣла ли она связи помимо доктора Яна, Луиза положительно отвѣчала: *нѣтъ*! Затѣмъ она сообщила Эмиліи, что сейчасъ говорила съ докторомъ Яномъ, что для того, чтобъ пробраться къ нему и дать ему возможность подъ благовиднымъ предлогомъ выйти изъ дому, она нарочно сказала, что поденьщикъ Вертера внезапно захворалъ и просилъ позвать доктора. Разговаривала она съ д. Яномъ въ кустарникѣ; онъ спрашивалъ ее, знаютъ-ли Вильгельмъ и Эмилія о ея беременности и когда она стала увѣрять его, что не знаютъ, онъ запретилъ ей сказывать объ этомъ. На вопросъ сестры, далъ ли ей докторъ денегъ, Луиза сказала: «да, вчера вечеромъ онъ далъ мнѣ полталера, а сегодня обѣщалъ дать еще 5 талеровъ, а тамъ еще 5». Тутъ-то пришелъ Эмиліи на память разговоръ ея сестры съ женой квелендорфскаго столяра Унгера, съ которой Луиза была особенно откровенна. Унгеръ, встрѣтивъ Эмилію 29 мая, на другой день послѣ болѣзненнаго припадка Луизы, сообщила ей, что д. Янъ чего то далъ тогда Луизѣ.—На вопросъ Эмиліи, не далъ ли ей докторъ чего нибудь, Луиза отвѣчала: «да, онъ мнѣ что-то такое далъ», а когда Эмилія спросила, нѣтъ ли у нея пузырька или чего нибудь въ этомъ родѣ, Луиза сказала, что у нея ничего такого нѣтъ. Во все время разговора съ сестрой, Луиза была въ необыкновенно тревожномъ состояніи. Прошло около получаса по возвращеніи Луизы; когда Эмилія напомнила ей, что пора ложиться спать, Луиза начала раздѣваться и хотѣла, прежде чѣмъ раздѣться совсѣмъ, погасить лампу. Но не смотря на то, что лампа стояла очень близко отъ нея, Луиза принималась разъ пять или шесть гасить пламя и все неудачно; она погасила лампу не прежде, какъ поднеся ее плотно къ губамъ. При этомъ она сказала: «знаешь ли Эмилія, что мнѣ говорилъ докторъ? Если покажутся крови, говорилъ онъ, то я должна объ этомъ сказать тебѣ, чтобы ты по-

звала его къ намъ; онъ обѣщалъ придти. И знаешь ли, что онъ еще сказалъ? Если и это не поможетъ, то онъ придетъ самъ и сдѣлаетъ что нужно инструментами». Луиза все еще медлила ложиться въ постель. Стоя передъ кроватью, она жаловалась на свою судьбу, и слабымъ упадающимъ голосомъ говорила: «однако это горько! Я забеременѣла отъ человѣка, который мнѣ ничего не хочетъ давать. Когда я у него просила, онъ говорилъ, что ничего не имѣетъ. Вчера вечеромъ онъ мнѣ также велѣлъ приходить; далъ мнѣ полталера и сказалъ, что болѣе не имѣетъ».— Эмилія все время утѣшала ее, уговаривая лечь спать. Луиза, хотя тотчасъ же повиновалась, но легла съ большимъ трудомъ, возлѣ сестры на ея постель и противъ обыкновенія, въ юбкахъ и головнымъ платкѣ. Ложась, она проговорила: «Боже мой! я вовсе не могу спать, а завтра мнѣ нужно встать рано утромъ, въ 5 часовъ, чтобы идти на работу» и послѣ короткаго молчанія продолжала: «Ты хочешь идти въ наемъ? Что я буду дѣлать съ двумя дѣтьми? я ничего не заработаю». Черезъ нѣсколько минутъ Эмилія почувствовала, что сестра сильно толкнула ее локтемъ и совершенно стѣснила ее, поворачиваясь на бокъ. Въ это мгновеніе дыханіе Луизы участилось, она положительно задыхалась. Нѣсколько мгновеній спустя она начала жаловаться на тошноту, стонала и обнаруживала позывъ къ рвотѣ, прося дать ей холодной воды. Эмилія быстро соскочила съ постели, не одѣваясь выбѣжала на дворъ и схвативъ ведро, бросилась къ колодцу, находившемуся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома. Въ поспѣшности, въ страшной тревогѣ, слыша сильные болѣзненные стоны сестры, Эмилія потерялась совершенно и уронила ведро въ колодезь. Въ отчаяніи она опрометью бросилась къ хозяйкѣ дома, женѣ ночнаго сторожа Вустъ, разбудила ее, взяла у ней холодной воды и тотчасъ же вернулась въ комнату, оставленную ею всего на нѣсколько минутъ. Луиза лежала неподвижно и не отвѣчала на крикъ сестры. Эмилія быстро зажгла лампу и освѣтила лицо Луизы. Послѣдняя была мертва. По желанію Эмиліи, хозяинъ Вустъ пригласилъ доктора Яна. Изслѣдовавъ тѣло Луизы стетоскопомъ и приблизивъ перо къ ея носу, докторъ объявилъ, что Луиза Бергеръ умерла. Въ ту же ночь позвали женщину, занимавшуюся обмываніемъ мертвыхъ тѣлъ. Она нашла умершую лежащею на постелѣ, въ двухъ старыхъ юбкахъ,

почти на боку и выпячанною въ нижней половинѣ туловища грязною вонючею жидкостью, которую она приняла за кровь. При обмываніи тѣла Эмилія передала этой женщинѣ свой разговоръ съ умершей. Та разсказала объ этомъ квелендорфскому пастору Клюге, умолчавъ однакоже о имени того, кто игралъ въ этомъ разговорѣ такую важную роль и просто называя его любовникомъ умершей. Внезапность смерти и подозрѣніе, не было ли причиною ея преступленіе, побудило пастора, 23 іюня утромъ, письменно увѣдомить о происшествіи окружную судебную комисію въ Квелендорфѣ.

23 іюня въ 6 часовъ вечера, слѣдовательно 18—19 часовъ послѣ смерти Луизы Бергеръ, произведено было медицинское вскрытіе, причемъ оказалось слѣдующее: «конечности и задняя часть шеи въ состояніи окоченѣлости; наружныхъ поврежденій на кожѣ и запаха трупнаго разложенія замѣчено не было; на сильно вздувшемся животѣ гнилости тоже не оказалось; на задней поверхности тѣла много багровыхъ пятенъ. Выраженіе лица спокойно; зрачки расширены; ротъ крѣпко сжатъ; губы и языкъ блѣдноваты; въ полости рта не было ничего посторонняго, никакого особеннаго запаха слышно не было. По вскрытіи грудной клѣтки изъ подкожныхъ венъ при разрѣзываніи подкожнаго жирнаго слоя выливалась довольно темная жидкая кровь. Грудные мускулы багроваго цвѣта. Ярешная и подключичная вены содержали въ себѣ темную, жидкую кровь. По вскрытіи грудной полости, легкія найдены здоровыми, при сдавливаніи издавали трескъ, при разрѣзываніи выступала изъ нихъ жидкая черная кровь; переднія части ихъ свромраморнаго, а заднія темнобагроваго цвѣта. Въ сердечной сумкѣ нашли около полъ-унца кровянистой серозной жидкости. Сердце было ожирѣлое, вяло, въ правомъ его желудочкѣ найдено достаточное количество, а въ лѣвомъ весьма немного жидкой черной крови и ни малѣйшаго слѣда образованія сгустка. Органическихъ пороковъ въ сердцѣ и въ большихъ артеріяхъ не оказалось; бронхіальныя артеріи нормальны. При вскрытіи брюшной полости мышечная и клѣтчатая ткани оказались багроваго цвѣта; брюшина блѣдная; печень темнобагроваго цвѣта, ткань ея довольно плотная, переполненная кровью; желчь свѣтлая и жидкая; селезенка дряблая, почти нормальной величины; почки нормальнаго вида выдѣляли

изъ себя при разрѣзываніи жидкую черную кровь. Стѣнка желудка сильно инцирована. Желудокъ послѣ перевязки пищепріемнаго канала и двѣнадцатиперстной кишки былъ осторожно вынутъ для химическаго изслѣдованія содержащейся въ немъ пищевой смѣси. Серозная оболочка тощей кишки и брыжжейка были сильно инцированы. Серонная-же оболочка подвздошной и тощей кишекъ инцирована не была; всѣ вообще кишки очень переполнены газами. При вскрытіи куска тощей кишки, складки ся оказались сильно инцированы и разбухли, при нажиманіи пальцемъ выдѣляли блѣдно красную маркую жидкость; содержимаго въ полости этой кишки не было. Слизистая оболочка подвздошной найдена въ воспаленномъ состояніи; въ полости кишки находилось сѣрожелтаго цвѣта содержимое въ умѣренномъ количествѣ. Слизистая оболочка толстыхъ кишекъ воспалена не была и въ полости ихъ содержалось тоже самое вещество. Червеобразный отростокъ былъ здоровъ. Перевязанные куски тонкихъ кишекъ для химическаго изслѣдованія были также вынуты. Мочевой пузырь былъ наполненъ. Матка была здорова, *не въ беременномъ состояніи*, полость ея блѣдна, яичники здоровы. Въ маточномъ рукавѣ никакого посторонняго тѣла не найдено. При вскрытіи черепа твердая оболочка мозга оказалась здоровою, легко отдѣляющеюся отъ свода черепа и отъ поверхности мозга; только на задней части лѣваго полушарія большаго мозга твердая оболочка найдена сросшеюся съ надъ и подъ лежащими частями на пространствѣ величиною въ грошевую монету. Сосуды и извилины мозга наполнены кровью; на поверхности праваго полушарія, въ самой срединѣ между мозговыми оболочками, замѣчено было въ нѣсколькихъ мѣстахъ выпотѣніе (пахіоновы грануляціи) въ незначительномъ количествѣ. Оболочка мозга легко отдѣлялась отъ его вещества. Мозговая ткань оказалась довольно плотною, при разрѣзываніи малокровянистою (а не личною). Боковые желудочки мозга были пусты; хороидное сплетеніе (plexus choroidei) темнобагроваго цвѣта, нормальнаго вида. Мозжечекъ здоровый. Вароліевъ мостъ (pons varolii) и продолговатый мозгъ оказались плотными и здоровыми.

Такимъ образомъ вскрытіе показало, что Луиза Бергеръ *не* была беременна. Это обстоятельство повидимому удивило доктора Яна. Съ глубокимъ удивленіемъ онъ сказалъ: «посмотри, Манъ, она вѣдь

вовсе не беременна!»—(Докторъ Маннъ, товарищъ Яна по воспитанію, производилъ вскрытіе тѣла). Еще утромъ въ день вскрытія Янъ, на вопросъ мѣстнаго священника Клюге, не оттого ли умерла Луиза Бергеръ, что приняла какое-нибудь сильное средство для изгнанія плода,—отвѣчалъ, что онъ изслѣдовалъ трупъ Луизы Бергеръ и дѣйствительно нашелъ ее беременною, что очень можетъ быть, что абортивное средство, принятое ею, могло причинить ей смерть. Тоже самое сказалъ онъ и Маренгольцу (землевладѣльцу въ Квеллендорфѣ). Еще до вскрытія, разговаривая съ хирургомъ Гартманомъ, Янъ признавалъ беременность Луизы Бергеръ несомнѣнною. Химическое изслѣдованіе поручено было членамъ Физиката: ассессору Рейснеру и аптекарю Болею. 25 іюня утромъ по вскрытіи желудка и кишекъ продольнымъ разрѣзомъ никакихъ особенныхъ, заслуживающихъ вниманія поврежденій не оказалось. Вѣсъ всей пищевой смѣси блѣдно-краснаго цвѣта, 26 унцевъ; реакція смѣси кислая; въ ней найдены были: просяная каша, маленькіе кусочки картофеля, мяса, разжеваннаго хлѣба и нѣсколько кружковъ зеленаго лука. Смѣсь не издавала никакого подозрительнаго запаха при изслѣдованіи посредствомъ масла горькихъ миндалей (синильной кислоты), сильно пахучаго эфирнаго масла, терпентина и можжевельника. Изслѣдованіе небольшой части пищевой смѣси на минеральныя кислоты дало отрицательные результаты. Равнымъ образомъ безуспѣшно было изслѣдованіе на синельную кислоту и на ея соединенія. Тоже оказалось при испытаніи на фосфоръ и фосфорныя кислоты и послѣ того на мышьякъ и другія металлическія неорганическія вещества (олово, кадмій, антимоній, ртуть, свинецъ, висмутъ, серебро, мѣдь, никель, кобальтъ, марганъ, хромъ, уранъ, циникъ и баритъ). Изслѣдованіе на такія ртутныя и свинцовыя соединенія, которыя не растворимы въ водѣ или въ разведенныхъ водой кислотахъ, осталось безъ успѣха. Оставалось еще изслѣдованіе органическихъ ядовъ, именно *алколоидовъ*. Алколоиды суть такія вещества, которыя добываются изъ растеній, но имѣютъ свойствомъ, какъ щелочи и земли минеральнаго царства, образовывать соли въ соединеніи съ кислотами. Алколоиды, при дѣйствіи ихъ на организмъ, имѣютъ свойства тѣхъ растеній, изъ которыхъ добываются, въ возможно конкретной формѣ и суть такъ сказать

ихъ квинтэссенціи. Къ ядовитымъ алколоидамъ по преимуществу относятся: морфинъ, стрихнинъ, бруцинъ, вератринъ, конінинъ и никотинъ (оба послѣдніе извѣстны подъ именемъ летучихъ алколоидовъ). Узнать эти вещества въ чистомъ видѣ или въ состояніи соли не представляетъ никакой трудности, но не то бываетъ при распознаваніи ихъ въ органической смѣси, такъ какъ въ этомъ случаѣ прямыя непосредственныя реакціи ненадежны. Взявъ пищевой смѣси 4 унца, химики приступили къ изслѣдованію по способу, указанному Дюфло. Присутствіе летучаго ядовитаго алколоида должно обнаружиться интензивнымъ запахомъ, свойственнымъ искомому алколоиду, въ то самое мгновеніе, когда къ обработываемому кипяченіемъ и фильтрованіемъ веществу прибавлено будетъ соразмѣрное количество ѣдкой щелочи. Тогда соединенный съ кислотою алколоидъ, дѣлаясь свободнымъ, обнаруживаетъ свое присутствіе специфическимъ (незамѣчаемымъ въ химически соединенномъ его состояніи) запахомъ. Едва только въ настоящемъ случаѣ къ изслѣдуемой пищевой смѣси прибавлена была ѣдкая натровая щелочь, какъ тотчасъ распространился сильный, весьма ощутительный, запахъ *конііна*, дѣйствительнаго начала, квинтэссенціи растенія, извѣстнаго подъ именемъ пятнистаго болиголова, мутника, омега, собачьей петрушки (conium maculatum).

Для повѣрки этой реакціи на слѣдующій день взято было снова 4 унціи пищевой смѣси. Повторенъ тотъ же опытъ и далъ тотъ же результатъ. Полученную въ этотъ разъ жидкость, содержащую въ себѣ конінъ, смѣшали съ эфиромъ, который имѣетъ свойство принимать въ себя конінъ, находящійся въ смѣси; потомъ дали эфиру испариться и получили чистый конінъ въ видѣ маслянистыхъ капель и полосокъ. Эти то капли тщательно были опять растворены въ эфирѣ для сбереженія на будущее время. Остававшееся въ ретортѣ вещество подвергли испытанію на другіе алколоиды, но безуспѣшно. Для повѣрки этихъ результатовъ прибѣгли къ двумъ способамъ, указываемымъ Штасомъ. При смѣшеніи ѣдкой щелочи съ 4 унціями пищевой смѣси опять получили вещество съ характеристическимъ запахомъ конііна; вещество это растворили въ эфирѣ и добыли изъ него сѣрно-кислую соль конііна. Испытаніе на другіе алколоиды было безуспѣшно. 28 іюня химики представили въ судъ

свое письменное заключеніе, что найденное во внутренностяхъ Луизы Бергеръ вещество (представленное ими въ трехъ маленькихъ пузырькахъ) есть ядъ, *коніинъ*, что ядъ этотъ представляется ими въ 3 различныхъ формахъ: какъ коніинъ, возможно чистый, коніинъ, растворенный въ эфирѣ и коніинъ, какъ сѣрнокислая соль его, тоже растворенный въ эфирѣ. При этомъ они объяснили, что коніинъ, найденный въ человѣческомъ тѣлѣ, могъ быть принятъ въ трехъ различныхъ видахъ: какъ настой болиголова, или какъ экстрактъ изъ него, или наконецъ какъ чистый коніинъ; что въ предлежащемъ случаѣ отчасти по причинѣ цвѣта изслѣдованной пищевой смѣси, отчасти же вслѣдствіе интензивныхъ реакцій малаго количества (4 унціи) смѣси, надъ которымъ производили они опыты, больше всего вѣроятія въ пользу послѣдней изъ трехъ названныхъ формъ. На запросъ суда, сколько коніина заключалось во внутренностяхъ Луизы Бергеръ, химики отвѣчали, что приблизительно его было по малой мѣрѣ 12 капель; но что, безъ сомнѣнія, принято было большее количество: какъ всѣ наркотичные яды, коніинъ, будучи введенъ въ желудокъ, всасывается въ кровь, чрезъ нее достигаетъ до нервной системы, въ маломъ количествѣ, подавляетъ ее, а въ бо́льшемъ поражаетъ ее параличемъ и причиняетъ смерть. Слѣдовательно въ желудкѣ можно найти только то количество принятаго ядá, которое остается *за вычетомъ* перешедшаго въ кровь и оказавшаго свое смертоносное дѣйствіе. Однако при тѣхъ данныхъ, какія представили въ своемъ заключеніи химики, судъ не убѣдился еще окончательно въ непогрѣшимости ихъ вывода и по совѣту окружнаго физиката Кётена пригласилъ для повѣрки представленныхъ суду опытовъ знаменитаго Іенскаго профессора химіи *Лемана*.—29 декабря 1860 г. Леманъ въ присутствіи членовъ физиката, судей и оберъ-прокурора герцогства Ангальтъ-Дессау-Кетенъ, приступилъ къ производству опытовъ. Изъ представленныхъ химиками 28 іюня трехъ пузырьковъ, два оказались пустыми, а въ третьемъ было жидкости не болѣе, какъ $1\frac{1}{2}$ кубическихъ сентиметра; только послѣ тщательнаго осмотра нашли на стѣнкахъ горлышка и стеклянныхъ пробкахъ пустыхъ пузырьковъ весьма малое количество твердаго вещества. Леманъ, имѣя подъ рукою заранѣе приготовленный солянокислый коніинъ, сравнилъ подъ микро-

скопомъ кристалы его съ кристалами образовавшагося отъ соединенія вещества, представленнаго химиками въ видѣ сѣрнокислаго конiина съ соляною кислотою; потомъ вещество это, солено-кислый конiинъ, соединилъ съ хлористою платиною— получился осадокъ (двухлористая платина) и тогда отъ приближенія къ этому осадку обмакнутой въ соленую кислоту стеклянной пробочки образовался густой бѣлый паръ; куркумовая бумага показала щелочную реакцію. Затѣмъ сдѣланы были опыты растворимости конiина въ холодной водѣ; при этомъ конiинъ (который долженъ былъ оказаться трудно растворимымъ) собирался въ видѣ капелекъ; а при нагрѣваніи воды выдѣлялся и мутилъ ее. При соединеніи конiина съ яичнымъ бѣлкомъ послѣдній свертывался; наконецъ въ соединеніи съ хлорною водою конiинъ окрашивалъ ее въ молочно мутный цвѣтъ. Послѣ всѣхъ этихъ результатовъ Леманъ положительно объявилъ, что въ настоящемъ положеніи науки вещество, найденное въ желудкѣ Луизы Бергеръ, есть ничто иное, какъ *конiинъ*.

Окружный физикатъ, разсмотрѣвъ медицинское вскрытіе и химическое изслѣдованіе, далъ слѣдующее заключеніе: «изъ акта вскрытія видно, что смерть имѣетъ всѣ признаки задушенія. Задушеніе обнаруживается упадкомъ процесса дыханія; ближайшее назначеніе дыханія заключается въ очищеніи крови отъ вредныхъ веществъ и какъ скоро процессъ дыханія ослабѣваетъ, вещества эти, особенно угольная кислота, остаются въ крови и заражаютъ ее. Кровь утрачиваетъ свою способность свертываться (окисляться), дѣлается жидкою и принимаетъ темный цвѣтъ. Такого именно качества и была кровь, найденная въ тѣлѣ Луизы Бергеръ. Но такъ-какъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ насилія найдено не было, а съ другой стороны химическимъ изслѣдованіемъ доказано положительно присутствіе въ желудкѣ Луизы Бергеръ конiина, то отсюда, и имѣя въ виду скоропостижность смерти и тѣ болѣзненныя симптомы, которые ей предшествовали, слѣдуетъ вывести заключеніе, что Луиза Бергеръ умерла отъ *отравленія конiиномъ*. Но самому физикату представляется сомнительнымъ слѣдующее обстоятельство. Сама Луиза Бергеръ сказала своей сестрѣ, что пузырька или чего нибудь въ родѣ этого у нея не было, и Эмилія не видала, чтобы сестра ея принимала что-нибудь передъ смертью. Ядовитыхъ веществъ

въ квартирѣ ея не найдено. Какимъ образомъ и когда именно Луиза Бергеръ приняла ядъ столь сильный, что дѣйствіе его было почти мгновенно? Неужели приняла она его еще до возвращенія ея домой, до разговора съ сестрой, продолжавшагося по крайней мѣрѣ полчаса? Физикатъ разрѣшаетъ это сомнѣніе двумя способами: ядъ, будучи введенъ въ желудокъ наполненный, какъ въ данномъ случаѣ, пищевою смѣсью въ 26 унцій, прежде чѣмъ коснется стѣнокъ желудка и произведетъ свое дѣйствіе, долженъ проникнуть всю эту массу. Но болѣе вѣроятно предположить, что коніинъ, какъ имѣющій весьма сильный, непріятный запахъ и острый вкусъ, приготовленъ былъ, какъ это дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, въ гелатиновыхъ или гамиртовыхъ капсюляхъ и въ томъ видѣ принятъ; въ этомъ случаѣ, прежде чѣмъ ядъ возъимѣетъ свое дѣйствіе, капсюли эти должны раствориться въ желудкѣ».

Между-тѣмъ при слѣдствіи обнаружились многія данныя къ тому, чтобы заподозрить непосредственное участіе *доктора Яна* въ отравленіи Луизы Бергеръ. 24 іюня утромъ, еще до химическаго изслѣдованія, Янъ, встревоженный, пришелъ къ доктору Манну и просилъ его дать ему знать о томъ, что будетъ обнаружено при изслѣдованіи. Вечеромъ въ тотъ же день Маннъ былъ у Яна и узналъ отъ него, что Луиза Бергеръ была съ нимъ въ связи и что 22 іюня вечеромъ онъ далъ ей *двѣ драхмы гофманскаго жизненнаго бальзама.* 28 іюня утромъ Янъ былъ опять у Манна и узнавъ отъ него, что химическое изслѣдованіе производится чрезвычайно обстоятельно и научнымъ образомъ, съ замѣтнымъ усиліемъ спросилъ: «развѣ можно это такъ положительно изслѣдовать?» Маннъ, равнодушно замѣтилъ, что изслѣдованіе имѣетъ теперь въ виду алкалоиды. На это Янъ замѣтилъ ему: «ты, однакожъ, тутъ многое можешь сдѣлать». Уходя отъ Манна, Янъ крѣпко сжалъ ему руку и сказалъ: «*Окажи мнѣ важную услугу, ... мнѣ нужно сдѣлать кое какія распоряженія; . . . не хотѣлось бы мнѣ оставить жену мою вдовою убійцы!*» Посѣтивъ утромъ слѣдующаго дня Манна, Янъ не могъ успокоиться и пошелъ оттуда къ доктору Мосу, съ которымъ былъ въ отношеніяхъ, еще болѣе близкихъ, чѣмъ съ Манномъ. Моса онъ просилъ также увѣдомить его о результатахъ химическаго изслѣдованія; говорилъ о томъ, что онъ

озабочивается судьбою своей жены и ребенка и еще разъ повторивъ свою просьбу, замѣтилъ, что быть можетъ это будетъ послѣднею въ его жизни услугою. Оба доктора Маннъ и Мосъ, побуждаемые сознаніемъ своего долга, сообщили о своемъ разговорѣ прокурору. Обстоятельство это, будучи подкрѣплено положительнымъ выводомъ химиковъ, что ядъ, найденный въ желудкѣ Луизы Бергеръ, могъ быть данъ только изъ аптеки или же докторомъ, послужило поводомъ къ арестованію Яна. Въ туже ночь онъ былъ арестованъ и посаженъ въ слѣдственную тюрьму въ Дессау.

При слѣдствіи обнаружено было одно обстоятельство, имѣющее связь съ смертью Луизы Бергеръ. Въ началѣ мая 1860 г. Луиза Бергеръ сообщила своей пріятельницѣ, женѣ столяра Унгеръ, о своей беременности отъ доктора Яна. 28 мая Луиза Бергеръ, встрѣтивъ Унгеръ утромъ, сказала ей: «знаете ли что, *мой* сказалъ мнѣ, что я не беременна, но сегодня обѣщалъ мнѣ принести вечеромъ чего-то и если сестра будетъ дома, то поставитъ это снадобье на окно, чтобы я могла взять его». На слѣдующій день Луиза Бергеръ сильно захворала. Въ 2 часа пополудни пришла она къ брату Вильгельму, тотчасъ начала стонать, охать, опустилась на кровать и вслѣдъ затѣмъ поднялась у ней сильная рвота. Братъ ея Вильгельмъ позвалъ доктора Яна. Больная на его вопросы ничего не отвѣчала. «Чортъ возьми—вскричалъ Янъ—вы должны, однакожъ, отвѣчать, что съ вами?» Получивъ едва слышный отвѣтъ, Янъ прописалъ рецептъ и ушелъ. Вильгельмъ Бергеръ подозрѣвая, что сестра его приняла какое нибудь абортивное средство, сообщилъ о своемъ подозрѣніи доктору Яну. «Говорите, ради Бога, что этого нѣтъ—сказалъ докторъ Янъ—если бы это была правда, то вашу сестру посадили бы въ рабочій домъ, да и мнѣ досталось бы».

На первомъ *допросѣ* у слѣдственнаго судьи, докторъ Янъ положительно объявилъ, что онъ въ смерти Луизы Бергеръ не виноватъ. Далѣе онъ объяснилъ, что дѣйствительно имѣлъ съ нею предосудительную связь. Въ апрѣлѣ 1860 г. Луиза объявила ему о своей беременности, но онъ ее успокоилъ и совѣтывалъ пить ромашку; 28 мая братъ ея Вильгельмъ увѣдомилъ его о болѣзни Луизы, но на другой же день она совершенно оправилась. «Черезъ нѣсколько времени она пришла ко мнѣ, жалова-

лась, что она беременна и именно отъ меня. Я сказалъ ей, что она ошибается и что во всякомъ случаѣ беременной отъ меня она быть не можетъ. Черезъ нѣсколько времени она пришла ко мнѣ опять, снова жаловалась на беременность и просила дать ей какое нибудь абортивное средство. Мнѣ было непріятно, что она такъ часто ходитъ ко мнѣ въ домъ, и я обѣщалъ поговорить съ нею наединѣ вечеромъ въ назначенномъ мѣстѣ, — однако не пошелъ туда. Послѣ того я назначилъ ей свиданіе еще разъ, но и на этотъ разъ не пошелъ. Но она не оставляла меня въ покоѣ; я назначилъ ей въ третій разъ свиданіе, пришелъ въ назначенное мѣсто и поверхностно освидѣтельствовалъ ее; болѣе точнаго освидѣтельствованія я не рѣшился дѣлать, такъ-какъ это могло бы повредить зародышу, въ случаѣ дѣйствительной ея беременности. Наконецъ 22 іюня Луиза Бергеръ пришла ко мнѣ опять въ 9 часовъ вечера (наканунѣ я обѣщалъ ей прійти на свиданіе съ ней къ опушкѣ лѣса, но не исполнилъ своего обѣщанія). Луиза придумала средство вызвать меня обманомъ, сказавъ, что меня зоветъ больной поденьщикъ Бергера. Я прогналъ ее прочь, а самъ пошелъ на конюшню осмотрѣть лошадь. Черезъ нѣсколько минутъ Луиза опять пришла, настоятельно требуя, чтобы я шелъ къ больному. Я встрѣтилъ ее на дворѣ, она требовала, чтобы я далъ ей лекарство противъ беременности. Чтобы успокоить ее, я рѣшился дать ей какое нибудь совершенно безвредное средство. Съ этою цѣлью я далъ ей пузырекъ съ гофманскимъ жизненнымъ бальзамомъ, котораго было отъ 3 до 4 драхмъ. Средство это я взялъ раньше въ аптекѣ Рена для себя противъ колики (аптекарь Ренъ жилъ въ одномъ домѣ съ докторомъ Яномъ;—тутъ же помѣщалась и аптека). Съ Луизой я прошелъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, передалъ ей пузырекъ съ лекарствомъ, сказавъ ей, что это сильное средство, котораго она должна принять чайную ложку передъ тѣмъ, какъ будетъ ложиться спать. При этомъ я рѣшительно объявилъ ей, что если и это средство не подѣйствуетъ, то я ничего болѣе сдѣлать не могу и приказалъ ей, просто безъ всякой цѣли, позвать меня, если покажется кровь. Потомъ пошелъ домой; внѣ деревни я съ Луизой Бергеръ въ этотъ день не видѣлся». Далѣе Янъ показалъ о томъ, какъ его позвали въ часъ ночи къ Луизѣ Бергеръ, которую онъ нашелъ мертвою. Ни съ согласія, ни противъ воли

никакого яда Луизѣ Бергеръ онъ не давалъ. Правда, что она ему надоѣла постоянными просьбами и компрометирующими его посѣщеніями; ему было бы, конечно, очень желательно выпроводить ее изъ своего дома; однакожъ отъ этого невиннаго желанія до рѣшимости достигнуть этой цѣли убійствомъ безкопечно большой шагъ. Въ заключеніе своего показанія, докторъ Янъ сказалъ: «я долженъ замѣтить, что въ Квелендорфѣ многимъ извѣстно, что Луиза Бергеръ тяготилась жизнью; она не знала какъ проживетъ она съ ребенкомъ зиму. 22 іюня она сама мнѣ призналась, что наложитъ на себя руки, если дѣйствительно она беременна. Объ этомъ она говорила вечеромъ въ тотъ же день трактирщику Вертеру. Если химическое изслѣдованіе дѣйствительно открыло въ желудкѣ Луизы Бергеръ ядъ, то какъ онъ попалъ туда, мнѣ неизвѣстно. Я долженъ обратить вниманіе суда на то, что Луизы Бергеръ ходила работать въ Малый-Бадегастъ, сосѣднее съ Квелендорфомъ дворянское имѣніе, и приняла тамъ для изгнанія плода чернаго мыла. Очень легко могло быть, что она съ этою цѣлью набрала какихъ нибудь травъ. Мнѣ положительно извѣстно, что въ оврагахъ окрестностей Квелендорфа растетъ много вредныхъ травъ, напр. *болиголовъ*, бѣлена, черный пасленъ и очень можетъ быть, что она, желая набрать какой нибудь безвредной травы, нечаянно взяла ядовитое вещество. Кромѣ того я долженъ замѣтить, что простолюдины, именно крестьяне, и въ настоящее время лечатся домашними средствами, которыя врачу неизвѣстны, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они въ числѣ лекарствъ имѣютъ и вредныя средства.

Въ письмѣ къ слѣдственному судьѣ отъ 3 іюля Янъ указалъ на цѣлый рядъ свидѣтелей, которые могутъ засвидѣтельствовать о помѣшательствѣ Луизы Бергеръ и о намѣреніи ея лишить себя жизни; что аптекарь Ренъ въ Квелендорфѣ можетъ удостовѣрить о томъ, пропалъ ли изъ его аптеки хоть одинъ грань изъ его ядовъ и взялъ ли онъ, Янъ, хоть самую ничтожную дозу какого нибудь вреднаго средства. Ренъ можетъ засвидѣтельствовать, какъ мало вообще Янъ зналъ о томъ, какія есть въ его аптекѣ средства и что Янъ съ самой женитьбы Рена (въ половинѣ мая 1860 г.) ни разу не былъ въ его аптекѣ. Ренъ не имѣлъ у себя ни помощника, ни ученика и потому почти буквально цѣлый день сидѣлъ въ аптекѣ при предшественникѣ Яна.

Янъ, поселившись въ Квеллендорфѣ въ одномъ домѣ съ Реномъ, предложилъ ему замѣнять его въ аптекѣ на время его отлучекъ. Ренъ съ удовольствіемъ согласился на это и Янъ заступалъ иногда его мѣсто; такъ продолжалось до самой женитьбы Рена. Уходя изъ аптеки Ренъ передавалъ ему всѣ ключи и въ томъ числѣ отъ шкафа съ ядами. Случалось нерѣдко, что во время кратковременныхъ отлучекъ Рена изъ аптеки шкафъ съ ядами, хотя и оставался запертымъ, но ключи оставались въ замкѣ, такъ какъ дверь съ улицы была постоянно въ это время заперта. Шкафъ съ ядами прикрѣпленъ былъ къ восточной стѣнѣ комнаты, гдѣ продавались лекарства, на высотѣ 4 футовъ отъ полу. При высотѣ $3^1/_2$ футовъ и ширинѣ $2^3/_4$ Ф. шкафъ этотъ вдаль раздѣлялся на двѣ половины; каждая половина его состояла изъ 12 полокъ, запиравшихся задвижками. Такимъ образомъ въ немъ было 24 перегородки, по 12 съ каждой стороны на задвижкахъ были надписи. На самой верхней полкѣ, въ отдѣленіи обозначенномъ *arsenicalia*, стоялъ маленькій пузырекъ съ притертою стеклянною пробкою, на ярлыкѣ написано было мелкимъ шрифтомъ: «Eine drachme coniin». Пузырекъ этотъ Ренъ принялъ отъ своего предшественника въ 1858 г. При осмотрѣ слѣдственнымъ судьей 2 іюля 1860 г. въ пузырькѣ найдено было отъ 3 до 4 капель жидкости, по химическому изслѣдованію признанной *коніиномъ*.

Ренъ на допросѣ показалъ, что принимая аптеку отъ своего предмѣстника, онъ на этотъ пузырекъ вовсе не обратилъ вниманія; но послѣ, еще при предшественникѣ Яна, нашелъ этотъ ядъ случайно налѣво во второй перегородкѣ, обозначенной «varia». Тогда жидкости этой было больше, чѣмъ оказалось при слѣдствіи. Но такъ какъ въ квеллендорфской аптекѣ коніинъ никогда не требовался, то уменьшеніе, какъ полагалъ Ренъ, послѣдовало отчасти вслѣдствіе испаренія, а отчасти вотъ по какому поводу: въ іюнѣ 1860 года, какъ онъ можетъ припомнить, до 22 а можетъ быть (впрочемъ это едва-ли) и послѣ 22 числа, нашелъ онъ этотъ пузырекъ во 2-й перегородкѣ съ лѣвой стороны, снизу, обозначенной «varia», лежащимъ на полкѣ, пробка была вынута, а внизу подъ горлышкомъ пузырька коричневое пятно, образовавшееся вѣроятно отъ пролившагося коніина. Послѣ того пузырекъ этотъ онъ вынулъ и поставилъ

на верхъ въ отдѣленіе, обозначенное: «arsenicalia». При осмотрѣ пятно оказалось длиной почти въ палецъ, а шириной въ ширину пальца, по краямъ затертое. По показанію предмѣстника Рена, аптекаря Фика, постоянно ревизовавшаго квеллендорфскую аптеку, въ этомъ пузырькѣ при передачѣ аптеки Рену было 50 капель яда по меньшей мѣрѣ. По измѣреніи пузырька, было дознано, что при паденіи его могло вылиться 25 капель, а такъ-какъ въ немъ оказалось только 4 капли, то по разсчету не доставало по крайней мѣрѣ двадцати капель. Ренъ показалъ, что за полгода до смерти Луизы Бергеръ, Янъ, однажды работая вмѣстѣ съ нимъ въ аптекѣ, совѣтывалъ ему убрать этотъ ядъ подалѣе, но онъ почему то не послушался его совѣта. Показаніе Яна, что онъ взялъ у Рена около 2 драхмъ гофманскаго жизненнаго бальзама, было послѣднимъ подтверждено. Стклянка съ этимъ бальзамомъ была изслѣдована, но въ ней никакихъ вредныхъ подмѣсей неоказалось.

Свидѣтели, на которыхъ указалъ Янъ, при *слѣдствіи* показали: на сколько они могли замѣтить Луиза Бергеръ была повреждена въ разсудкѣ; къ этому одна изъ женщинъ присовокупила, что Луиза Бергеръ спрашивала ее, помогаетъ ли противъ беременности вода съ точильнаго камня, что однажды Луиза пила эту воду при ней и спрашивала, можно ли этимъ отравиться.—Замужняя женщина *Штилеръ* показала на допросѣ, что вечеромъ 22-го іюня 9¼ часовъ Луиза говорила ей о томъ, что она принимала противъ беременности много средствъ, но ничто не помогло. Женѣ сторожа *Вуста* она сказала, что варила какое то лекарство, но оно не помогло. Многихъ изъ поденьщицъ, работавшихъ въ огородѣ трактирщика Вертера, Луиза Бергеръ спрашивала: можно ли отравиться сѣрными спичками? Невѣсту своего брата Вильгельма Бергера, Вильгельмину *Цандеръ*, Луиза 21-го іюня спрашивала, какая смерть легче: утопиться или повѣситься или отравиться сѣрными спичками. Объ этомъ же спрашивала она поденьщицу Рауэ. Дѣвушка Генріэта *Дальманъ* показала, что 22-го іюня въ 11 часовъ утра Луиза Бергеръ спрашивала ее, можно ли отравиться сѣрными спичками; что когда они проходили мимо глубокаго оврага Луиза съ страшнымъ выраженіемъ въ лицѣ спрашивала, можно ли убиться до смерти, бросившись туда; потомъ сказала, что можно уто-

питься, повѣситься или-же отравиться сѣрными спичками. Разставаясь съ нею, Луиза Бергеръ обратилась съ вопросомъ: «неправда ли,—отъ отравленія всего легче смерть?» Каролина Фидлеръ встрѣтила Луизу Бергеръ вечеромъ 22-го іюня на дорогѣ къ дому доктора Яна; Луиза сказала ей: «мнѣ бы хотѣлось съ тобой проститься». Фидлеръ возразила на это, что по всей вѣроятности онѣ еще не разъ увидятся. «Ну этого еще нельзя знать теперь,—можетъ быть мы больше ужъ не увидимся». По показанію *Вильгельма Бергера*, Эмиліи Бергеръ и замужней Унгеръ никто изъ нихъ, зная Луизу близко, никакого душевнаго разстройства въ ней не замѣчалъ, и мысли о томъ, что она замышляетъ самоубійство, у нихъ и родиться не могло, такъ-какъ они видали ее болѣе веселою, болтливою, нежели задумчивою. Объ отравленіи сѣрными спичками они могли прочесть въ газетахъ, гдѣ разсказывалось о недавно производившемся въ судѣ процессѣ о покушеніи на самоубійство посредствомъ отравленія сѣрными спичками, и случай этотъ могъ только интересовать ее, но не болѣе.—Одна изъ поденьщицъ, работавшихъ въ огородѣ Вертера, показала, что Луиза Бергеръ о намѣреніи своемъ лишить себя жизни вовсе не говорила, что уходя съ работы отъ Вертера, она обѣщалась прійти работать на другой день, что плата за работу осталась за Вертеромъ, женѣ котораго она обѣщала прійти 25-го іюня стирать бѣлье. Это же подтвердили на допросѣ Вертеръ и его жена. Съ этими послѣдними показаніями совершенно согласовался послѣдній разговоръ ея съ сестрой передъ смертью, разговоръ, въ которомъ она высказала такъ много заботливости о своей будущности, говорила даже о мелочахъ, касавшихся слѣдующаго дня.

Послѣ тщательныхъ розысковъ и изслѣдованій ни въ Квелендорфѣ, ни въ его окрестностяхъ никакихъ вредныхъ травъ, указанныхъ докторомъ Яномъ, а въ особенности болиголова найдено не было. По мнѣнію экспертовъ разносчики лекарствъ по деревнямъ такого яда, какъ конінъ, имѣть у себя не могли. Конінъ есть малоизвѣстное, новое, почти неупотребительное, весьма дорогое средство. Добываніе его изъ болиголова обусловливается весьма значительнымъ количествомъ этой травы, требуетъ множество аппаратовъ (между прочимъ необходимо воздушный насосъ) и доступно только опытному, искусному

химику. Достать его можно только по рецепту врача и то въ маломъ количествѣ.

На второмъ допросѣ Янъ во всемъ подтвердилъ первое свое показаніе. Касательно словъ, сказанныхъ докторамъ Маппу и Мосу, Янъ объяснилъ, что можетъ быть онъ и сказалъ что либо въ этомъ родѣ, но сказалъ это потому, что былъ встревоженъ: смерть Луизы Бергеръ, съ которою онъ былъ въ связи, слухи ходившіе про него въ Квеллендорфѣ, все это грозило ему потерею практики, ссорой съ женой и дурною репутаціею—все это тревожило и занимало его. На допросѣ 11-го апрѣля, зная уже ходъ слѣдствія изъ сообщеннаго ему протокола, докторъ Янъ, въ отмѣну прежнихъ своихъ показаній, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «когда Луиза Бергеръ пришла ко мнѣ вечеромъ въ 9 часовъ 22-го іюня, я сначала хотѣлъ прописать ей рецептъ, но она возразила мнѣ, что у нея нѣтъ денегъ купить лекарство, а въ долгъ ей не повѣрятъ. Тогда я сказалъ ей, что дамъ ей лекарство самъ. Я имѣлъ намѣреніе дать ей гофманскаго жизненнаго бальзама, подбавивъ къ нему какого нибудь успокоивающаго средства. Съ этою цѣлью я пошелъ въ аптеку. Рен съ женой и супруги Маренгольдъ, бывшіе у него въ гостяхъ, сидѣли на стульяхъ противъ двери, ведущей въ аптеку съ улицы. Я могъ пробраться въ аптеку чрезъ эту дверь незамѣченнымъ, такъ-какъ было уже довольно темно, а громкій разговоръ въ комнатѣ Рена могъ заглушить мои шаги. Мнѣ не хотѣлось отрывать Рена отъ гостей и было непріятно объяснить, зачѣмъ мнѣ нужно лекарство. Я хотѣлъ подбавить къ гофманскому бальзаму какой нибудь опіатный препаратъ. Я зналъ, гдѣ хранятся опіатныя средства, такъ-какъ часто имѣлъ въ нихъ надобность и довольно хорошо зналъ расположеніе шкафа съ ядами. Притомъ же мнѣ казалось невозможнымъ перемѣшать отыскиваемый мною опіумъ съ какимъ нибудь другимъ вреднымъ веществомъ. Тѣ средства, которыя я могъ взять тогда по ошибкѣ, по моимъ соображеніямъ, особеннаго вреда причинить не могли. Вотъ почему я взялъ, сколько мнѣ помнится, изъ второй или третьей перегородки на лѣво, снизу, пузырекъ съ коричневою жидкостью, отлилъ 6 или 8 капель въ пузырекъ съ бальзамомъ. Видѣть я еще могъ и безъ свѣчки. Поставивъ пузырекъ опять на мѣсто я вышелъ изъ аптеки. Все это сдѣлалъ

я быстро». Далѣе Янъ показалъ согласно съ первымъ своимъ показаніемъ.

3-го іюля 1862 г. при допросѣ въ судѣ на вопросъ президента—считаетъ ли онъ себя виновнымъ или нѣтъ? Янъ твердымъ голосомъ сказалъ: «я невиненъ въ убійствѣ». Подтвердивъ послѣднее свое показаніе Янъ присовокупилъ, что аппаратъ, который хотѣлъ онъ подбавить къ гофманскому бальзаму, былъ *laudanum liquidum*. Въ заключеніе онъ сказалъ: «если въ желудкѣ Луизы Бергеръ не нашли гофманскаго бальзама, то это или ошибка, или недосмотръ химиковъ, или и то можетъ быть, что Луиза Бергеръ вовсе не принимала даннаго мною ей лекарства, и тогда я вовсе ни въ чемъ невиноватъ, а она достала коніинъ отъ кого нибудь другаго. Гамиртовыхъ капсюлей у меня никогда не было, ихъ нѣтъ и въ квеллендорфской аптекѣ».

Присутствовавшіе въ судѣ химики положительно объявили, что въ желудкѣ Луизы Бергеръ гофманскаго бальзама, который есть ничто иное, какъ соединеніе различныхъ эфирныхъ маслъ съ перувіанскимъ бальзамомъ, разведенное въ спиртѣ, не было; присутствіе этого вещества, если бы оно находилось въ желудкѣ, не могло не обнаружиться при изслѣдованіи пищевой смѣси столь различными способами, особенно при испытаніи магнезіею. Окружные врачи замѣтили Яну, что соединеніе гофманскаго жизненнаго бальзама съ опіатнымъ препаратомъ не имѣетъ научной цѣли, такъ-какъ одно средство дѣйствуетъ возбудительно, а другое успокоиваетъ.—Съ замѣтнымъ смущеніемъ Янъ отвѣчалъ на это, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія дать Луизѣ Бергеръ какое нибудь дѣйствительное средство; онъ хотѣлъ произвести на нее только моральное вліяніе, и потому соединеніе противоположныхъ средствъ здѣсь не играетъ никакой роли.—Далѣе замѣчено было доктору Яну, что ошибиться въ пузырькахъ было довольно трудно, такъ какъ пузырекъ съ laudanum liquidum въ шесть разъ больше пузырька съ коніиномъ.—На это Янъ возразилъ, что онъ былъ сильно взволнованъ и могъ легко ошибиться.—Аптекарь Ренъ показалъ, что невѣроятно, чтобы коніинъ взятъ былъ изъ его аптеки въ самый день смерти Луизы Бергеръ, такъ-какъ пузырекъ съ коніиномъ найденъ былъ опрокинутымъ еще до смерти Луизы Бергеръ. Показаніе Яна, что онъ вечеромъ 22-го іюня пробрался въ аптеку незамѣтно, болѣе чѣмъ невѣроятно·

Если онъ дѣйствительно сидѣлъ съ женою и гостями передъ уличною дверью аптеки, то въ такомъ случаѣ дверь эта была отворена, но тогда нельзя было не замѣтить Яна, вошедшаго съ улицы; если же онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, то дверь въ аптеку съ улицы была заперта и Янъ не могъ иначе пройти въ аптеку, какъ проходя чрезъ кабинетъ, и уже никакъ не могъ сдѣлать этого незамѣтно. Гамиртовыхъ капсюлей въ его аптекѣ дѣйствительно не было. Показаніе Рена подтверждено было его женой.

Затѣмъ началъ свою рѣчь герцогскій оберъ-прокуроръ. Разсказавъ о непозволительной связи Луизы Бергеръ съ Яномъ, прокуроръ прямо перешелъ къ болѣзни ея 28 мая; болѣзнь эта причинена была сильнымъ аборотивнымъ средствомъ, которое Янъ далъ Луизѣ Бергеръ. Конiинъ, найденный въ желудкѣ ея, былъ причиною ея смерти. Дороговизна этого яда, его малая извѣстность, наконецъ пропажа значительнаго количества его изъ квеллендорфской аптеки, все это указываетъ на то, какую роль играетъ докторъ Янъ къ смерти Луизы Бергеръ. Переходя затѣмъ къ опроверженію того, что Янъ далъ конiинъ Луизѣ Бергеръ по ошибкѣ вмѣсто laudanum liquidum, прокуроръ сказалъ: «подсудимый усиливался сначала доказать, что смѣшавъ laudanum liquidum съ гофманскимъ бальзамомъ, онъ тѣмъ самымъ имѣлъ въ виду одну только цѣль — успокоить Луизу Бергеръ душевно и тѣлесно. Но когда ему замѣтили, что чрезъ соединеніе различно дѣйствующихъ лекарствъ не могла быть достигнута предположенная имъ цѣль, то онъ началъ уже оправдываться тѣмъ, что онъ хотѣлъ только морально подѣйствовать на Луизу Бергеръ. Но не все ли равно было, если бы онъ для этого моральнаго только дѣйствія далъ ей ложку воды. Зачѣмъ же послѣ этого идетъ онъ къ шкафу съ ядами, расположеніе котораго, по его словамъ, ему было хорошо извѣстно, хочетъ взять оттуда на удачу какой-нибудь пузырекъ съ опіатнымъ препаратомъ и отлить изъ него въ гофманскій бальзамъ 6 — 8 или отъ 8 до 10 капель. Читать надписи на пузырькахъ, какъ онъ самъ говоритъ, онъ не могъ по причинѣ темноты. Спрашивается, какъ же могъ онъ въ темнотѣ отсчитать извѣстное число капель? Все это, по его словамъ, дѣлалось для одной только цѣли произвести на Луизу Бергеръ одно только моральное дѣй-

ствіе, а между-тѣмъ чрезъ это безъ всякой надобности человѣческая жизнь подвергалась страшной опасности. Если подсудимый и былъ взволнованъ, чего онъ не доказалъ, что впрочемъ и невѣроятно, то какъ могъ столь опрометчиво поступать человѣкъ, хоть сколько-нибудь владѣющій разсудкомъ, а тѣмъ болѣе опытный врачъ. Но перемѣшать пузырьки тоже нельзя было, судя по величинѣ ихъ самихъ и находящихся на нихъ ярлыкахъ, по различію запаха конiина отъ запаха лауданума и наконецъ по размѣщенію пузырьковъ въ шкафѣ. Пузырекъ съ конiиномъ вечеромъ 22 іюня долженъ былъ находиться на самой верхней полкѣ и по показанію Рена въ немъ было всего отъ 3 до 4 капель. Притомъ же пройти незамѣченнымъ въ аптеку Янъ въ это время не могъ; по заключенію физиката не 8 или 10 капель конiина было найдено въ желудкѣ Луизы Бергеръ, а гораздо болѣе. Гофманскаго жизненнаго бельзама въ желудкѣ вовсе не оказалось, слѣдовательно конiинъ былъ данъ Луизѣ Бергеръ не въ соединеніи съ гофманскимъ бальзамомъ, а иначе. Такъ падаетъ все зданіе, настроенное подсудимымъ въ свою защиту и остается несомнѣннымъ одно только умышленное убійство. Но какую побудительную причину могъ имѣть къ тому подсудимый?

Вѣроятно Янъ, предполагая беременность своей жертвы, 28 мая далъ ей сильное абортивное средство; средство это, какъ онъ былъ увѣренъ въ томъ, судя по разговору его съ Клюге и Маренгольцемъ, не помогло. Будучи женатъ всего около трехъ лѣтъ, опасаясь огласки, скандала, семейной ссоры, будучи стѣсненъ въ денежныхъ средствахъ, опасаясь за свою репутацію, выведенный изъ терпѣнья настойчивостью, съ которою преслѣдовала его Луиза Бергеръ даже въ собственномъ домѣ его, не былъ ли въ состояніи подсудимый отважиться на такое отчаянное средство, которое на всегда избавило бы его отъ Луизы Бергеръ и ея преслѣдованій. Какъ докторъ, Янъ зналъ свойства летучихъ алколоидовъ; ему было извѣстно какъ мало изслѣдованъ конiинъ; что ядъ этотъ еще ни разу не былъ найденъ въ человѣческомъ трупѣ, при страшной трудности химическаго изслѣдованія этого яда въ органической смѣси; ядъ этотъ могъ быть и вовсе не найденъ и преступленіе могло остаться тайною.

Послѣ того сказалъ защитительную рѣчь адвокатъ доктора Яна,

Кёппе. Обрисовавъ въ общихъ чертахъ положеніе, въ которомъ можетъ находиться вообще обвиненный, когда, за недостаткомъ положительныхъ доказательствъ своей невинности, или же изъ боязни, онъ принужденъ умалчивать или противорѣчить себѣ и ложно ставить свои доводы, адвокатъ перешелъ затѣмъ къ положенію обвиненнаго въ данномъ случаѣ и объяснилъ, что при слѣдствіи докторъ Янъ поставленъ былъ въ явную необходимость дать показаніе, противорѣчащее его позднѣйшимъ показаніямъ. «Онъ не могъ сначала представить слѣдователю, что если Луиза Бергеръ была отравлена и онъ далъ ей яду, то единственно по неосмотрительности. Его неосмотрительности не повѣрили-бы безъ доказательства, а какъ единственное, возможное тому доказательство—свидѣтельство Л. Бергеръ—со смертію ея исчезло, то судъ не призналъ бы въ немъ только неумышленнаго убійцу. Если бы присутствіе яда въ желудкѣ умершей не было найдено, то долженъ ли былъ подсудимый давать въ высшей степени необдуманное показаніе, которое имѣло бы слѣдствіемъ упадокъ его докторскаго авторитета? И такъ это была первоначальная система, которой держался подсудимый. Когда же присутствіе яда въ желудкѣ Л. Бергеръ было положительно доказано и обстоятельство это поставило его въ неизбѣжное противорѣчіе съ самимъ собою, тогда онъ высказалъ всю истину. Переходя къ показанію свидѣтелей о Л. Бергеръ, ея характеръ и поступкахъ, адвокатъ нашелъ эти показанія до такой степени неправдоподобными, неясными и противорѣчивыми, что они не представляютъ никакой возможности вывести изъ нихъ положительныя данныя, да наконецъ и въ томъ, что говорила сама умершая, онъ видитъ скорѣе болтовню, чѣмъ что-либо основательное, что давало бы право вывести вѣрное заключеніе на счетъ обвиненнаго. Далѣе адвокатъ упомянулъ о показаніяхъ четырехъ свидѣтелей на счетъ высказаннаго Л. Бергеръ намѣренія лишить себя жизни. Объяснивъ, что до того времени, когда изслѣдованіе Лемана положительно доказало присутствіе *коніина* въ желудкѣ умершей, обвиненный не могъ знать, какую роль игралъ онъ въ смерти Луизы, естественно предполагая, что далъ ей совершенно невинное средство, адвокатъ продолжалъ такъ: «обвинитель полагаетъ, что подсудимый, не 22 іюня, но еще ранѣе досталъ изъ квеллендорфской аптеки ядъ, съ намѣреніемъ

отравить Бергеръ, но мнѣ кажется, что обстоятельства говорятъ скорѣе въ пользу того, что онъ взялъ ядъ только 22 іюня и это тѣмъ болѣе вѣрно, что извѣстно, что обвиненный нѣсколько разъ назначалъ Л. Бергеръ свиданіе у опушки кустарника, обѣщаясь дать ей лекарства, но на свиданіе не приходилъ. Къ чему же было запасаться ядомъ заранѣе, какъ это старается доказать обвинитель? Обвинитель находитъ, что побужденіемъ для подсудимаго къ отравленію Л. Бергеръ было опасеніе женатаго человѣка ея беременности и потому докторъ Янъ естественно желалъ скорѣе отдѣлаться отъ умершей и быть спокойнымъ. Но могло ли только одно опасеніе мнимой беременности Л. Бергеръ и вслѣдствіе того возможность денежныхъ издержекъ понудить обвиненнаго къ убійству? Не говоря уже о томъ, что грозившія ему денежныя издержки были бы весьма незначительны и могли состоять изъ уплатъ на денное или недѣльное содержаніе (неловкость отношеній съ женой и даже ссору съ нею онъ могъ легко прекратить); мысль о возможности зародившагося желанія убійства въ душѣ образованнаго и неопороченнаго человѣка могла бы быть допущена только въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ дѣйствительно убѣжденъ въ беременности умершей. Но такого положительнаго убѣжденія обвиненный, до смерти Луизы Бергеръ, не имѣлъ, да и не могъ имѣть. До смерти Луизы, подсудимый освидѣтельствовалъ ее только поверхностно и пришелъ къ заключенію, что она вовсе не беременна. Что же могло побудить его къ убійству, еслибъ онъ даже не имѣлъ положительнаго убѣжденія въ ея *небеременности*, если-бы онъ не далъ себѣ труда изслѣдовать того, что былъ бы обязанъ изслѣдовать положительно. Обвинитель основывается на собственныхъ словахъ подсудимаго *о беременности* умершей. Но не слѣдуетъ забывать, что показаніе это явилось послѣ смерти Л. Бергеръ и вѣроятно подсудимый имѣлъ основаніе говорить это тогда, потому-что всѣ полагали, что умершая, въ качествѣ абортивнаго средства, *сама* приняла что-либо вредное и тѣмъ причинила себѣ смерть. Справедливость этого подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что когда окружной хирургъ Гартманъ, осматривая трупъ, предположилъ, что умершая была беременна, то въ тоже время эта мысль родилась и у доктора Яна при видѣ вздувшагося живота умершей; вотъ почему ясно удивленіе, выраженное подсудимымъ

при докторѣ Мапнѣ, когда вскрытіе доказало положительно, что Бергеръ не была беременна. Отсюда слѣдуетъ заключить, что если подсудимый 22 іюня вечеромъ дѣйствительно взялъ ядъ изъ аптеки, то взялъ его по ошибкѣ и далъ его умершей положительно безъ всякаго умысла. Но это одна только возможность, непсключающая и другой возможности, т. е. что Л. Бергеръ сама себя отравила. Положительныхъ тому доказательствъ мы не имѣемъ за смертью той, показаніе которой одно только могло бы обнаружить истину; но Л. Бергеръ могла пробраться въ аптеку, когда та была оставлена аптекаремъ незапертою, могла достать пузырекъ съ *коніиномъ*, такъ какъ онъ стоялъ въ отдѣленіи мышьяковыхъ, извѣстныхъ всѣмъ за сильные яды и на которыхъ была надпись *мышьяковые* — что Луиза могла легко прочесть и попять. Такъ какъ умершая желала быстрой смерти, то прочтенная ею надпись могла придать ей рѣшимости, прямо взять изъ сказаннаго отдѣленія пузырекъ и отлить *для себя* извѣстную часть яда. «Я не выдаю это за фактъ несомнѣнный, я ставлю это только какъ возможность; для меня достаточно доказать, что такая возможность можетъ быть допущена. Впрочемъ, не одна выставленная мною возможность можетъ имѣть мѣсто, но и много другихъ предположеній; такъ напр. Л. Бергеръ могла достать *коніина* и изъ друго аптеки и хотя свойство его было ей неизвѣстно, она все таки могла принять его тайно или по ошибкѣ. Далѣе адвокатъ, переходя къ аргументу обвинителя, что д. Янъ имѣлъ прямой интересъ убить Л. Бергеръ и убилъ ее, опасаясь за свое доброе имя, за свое супружеское счастіе, служебную карьеру, говоритъ, что обстоятельства эти далеко не имѣли той важности для д. Яна, тѣмъ болѣе, что было положительно доказано, что 22 іюня ему не приходилось испытывать подобныхъ опасеній. «Отношенія, бывшія между подсудимымъ и умершей, могли понудить его дать абортивное средство, въ случаѣ если бы онъ былъ убѣжденъ въ беременности Л. Бергеръ; отравленіе же во сякомъ случаѣ было бы уже послѣднимъ средствомъ, прибѣгать къ которому, въ данное время, не представлялось подсудимому никакого повода. Хотя и было высказано подозрѣніе, что подсудимый 28 мая пытался изгнать плодъ, но обстоятельство это осталось недоказаннымъ

и обвинитель его не преслѣдовалъ. Означенное подозрѣніе рушится само собою, если обвиненный 28 мая не зналъ о беременности, да наконецъ если онъ изъ опасенія дѣйствительно имѣлъ тотъ умыселъ, который навязываетъ ему обвинитель, то къ чему было бы ему дожидаться 22 іюня, когда въ промежутокъ времени, отъ 28 мая до 22 іюня, ему представлялось *къ тому нѣсколѣко удобныхъ случаевъ?* Поведеніе подсудимаго послѣ смерти Л. Бергеръ говоритъ скорѣе въ его пользу, чѣмъ противъ него; только дѣйствительно невинный человѣкъ или уже сильно искусившійся злодѣй могъ вести себя такъ спокойно при осмотрѣ трупа. Позднѣйшіе его разговоры съ Маномъ и Моргольцомъ также показываютъ скорѣе его невинность, чѣмъ преступность; не слѣдуетъ забывать, что разговоры эти были ведены въ то время, когда онъ зналъ, что его могутъ трактовать убійцей и ясно сознавалъ, что нѣтъ ни одного голоса за его невинность. Поведеніе подсудимаго въ первое время слѣдствія совершенно согласуется съ тѣмъ настроеніемъ, въ которомъ онъ долженъ былъ находиться. Сознавая, что онъ не совсѣмъ невиненъ въ смерти дѣвушки, какъ неумышленный виновникъ ея смерти, онъ легко могъ смутиться и видѣть вещи въ превратномъ видѣ. Не забывайте, что онъ не имѣлъ положительныхъ данныхъ для доказательства *неосмотрительности* своего поступка, и скажи онъ тогда всю правду, онъ этимъ окончательно погубилъ бы себя въ глазахъ слѣдователей. Вотъ почему онъ долженъ былъ держаться системы скрытности. И такъ, присяжные, вы видите, что обстоятельства выставленныя обвинителемъ для доказательства виновности д. Яна, скорѣе говорятъ въ пользу подсудимаго. Обвинитель считаетъ невѣроятнымъ, чтобы д. Янъ вечеромъ 22 іюня былъ до того разстроенъ, что вмѣсто лекарства могъ, по ошибкѣ, схватить *коніинъ*. Но рядомъ съ этимъ обвинитель утверждаетъ, что подсудимый, изъ опасенія потери практики и стыда предъ женой, былъ вечеромъ 22 іюня въ такомъ разстроенномъ, возбужденномъ состояніи, что въ этомъ состояніи обвиненіе можетъ открыть въ подсудимомъ побужденіе къ убійству. Сопоставленіемъ этихъ двухъ обстоятельствъ обвинитель бьетъ самъ себя? Говоря, что разстройство подсудимаго было не настолько велико, чтобы допускало возможность *опрометчивой ошибки*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверж-

дастъ, что оно было такъ сильно, что могло возбудить въ подсудимомъ желаніе убійства. Мнѣ кажется естественнымъ, что обвиняемый, дѣйствуя въ темнотѣ и не зная хорошо расположенія шкафа и размѣщенія въ немъ матеріаловъ, при томъ взволнованномъ состояніи, въ которомъ онъ находился, не такъ скоро могъ замѣтить свою ошибку. На это возражаютъ, что докторъ не могъ ошибиться въ форматѣ пузырька. Но, не говоря уже о томъ, что онъ не держалъ обоихъ пузырьковъ вмѣстѣ и, слѣдовательно, не могъ ихъ сравнивать, (одинъ изъ пузырьковъ онъ видѣлъ всего разъ)—ему не доставало въ эту минуту той осмотрительности, той осторожности, которыя могутъ быть только у человѣка въ совершенно спокойномъ состояніи. Запахъ *коніина*, утверждаетъ обвинитель, такъ специфитенъ, что доктору трудно было ошибиться; однакожъ извѣстно изъ опыта, что запахъ этого яда чувствуется только на чрезвычайно близкомъ разстояніи; а такъ-какъ подсудимый, чтобы лучше видѣть падающія капли, долженъ былъ отдалить отъ себя пузырекъ къ окну, причемъ, когда считалъ капли, естественно поднялъ его выше лица, то онъ могъ и не слышать запаха *коніина*, и этому обстоятельству слѣдуетъ дать силу факта. Что подсудимый въ темнотѣ могъ не разобрать ярлыка на пузырькѣ, это ясно, тѣмъ болѣе, что онъ былъ такъ взволнованъ, что не могъ дать себѣ отчета въ запахѣ и видѣ жидкости, которую отливалъ. Далѣе изъ показаній семейства Ренъ и Маренгольца о томъ, что они вечеромъ 22 іюня все время сидѣли въ аптекѣ предъ дверью, мимо которой долженъ былъ проходить д. Янъ, обвинитель пытается вывести заключеніе, что подсудимый не могъ войти въ аптеку не замѣченнымъ. Извѣстно и положительно доказано, что деревенскіе часы невѣрны и потому, неосновательно было бы по нимъ судить о времени. Наконецъ, что касается того, что въ желудкѣ умершей не было найдено ни малѣйшихъ слѣдовъ *гофманскаго бальзама*, то обвинитель выводитъ изъ этого несправедливость, будто бы, показаній подсудимаго, что онъ имѣлъ въ виду дать Л. Бергеръ гофманскій бальзамъ съ опіумомъ; обвинитель утверждаетъ при этомъ, что для выполненія указываемой подсудимымъ цѣли, достаточно было дать дѣвушкѣ холодной воды. Но докторъ Янъ, даннымъ имъ дѣвушкѣ средствомъ, хотѣлъ подѣйствовать морально и

успокоить ее тѣмъ, что даетъ абортивное средство, слѣдовательно онъ не могъ взять для этого какое либо простое средство изъ бывшихъ у него подъ рукою, а напротивъ сдѣлалъ видъ, что выбираетъ особенное лекарство. Кажущаяся невѣроятность показанія подсудимаго о гофманскомъ бальзамѣ есть безъ сомнѣнія невѣроятность только кажущаяся Подсудимому было бы рѣшительно все равно, въ смѣси съ какимъ веществомъ далъ онъ Л. Бергеръ смертоносное средство. Если бы онъ хотѣлъ укрываться, то онъ могъ бы назвать ка-кое угодно другое вещество, которое должны были бы найти химично такъ-какъ онъ этого не сдѣлалъ, и все время оставался при прежнемъ показаніи, то это даетъ право заключить, что д. Янъ сказалъ правду и слѣдовательно касательно этого обстоятельства гдѣ нибудь кроется ошибка. Присяжные! ваша задача не въ томъ, чтобы выбирать между обвиненіемъ и защитой, нѣтъ! вы *должны, во имя правды, основывать ваше рѣшеніе* на несомнѣнной, *безусловной*, истинѣ, а если это въ настоящемъ случаѣ невозможно, скажите лучше: *невиненъ*! Подумайте о вашей отвѣтственности, когда вы неосновательнымъ приговоромъ разрушите честь, *счастіе*, спокойствіе—все будущее почтеннаго семейства! Что касается меня, то я имѣю въ виду не одну только постигнутую горемъ семью, но считалъ бы за особенное счастіе для всей страны, если бы ваше рѣшеніе по внутреннему убѣжденію было: *невиненъ! Позоромъ и безчестьемъ для всего отечества, считалъ бы я возможность допустить такого страшнаго, неслыханнаго преступника, какъ докторъ, отравляющій своихъ согражданъ!*»

Присяжнымъ были предложены два вопроса: 1) виновенъ ли подсудимый, докторъ Янъ въ заранѣе обдуманномъ умышленномъ причиненіи смерти Луизѣ Бергеръ 22 іюня 1860 года посредствомъ коніина? и 2) Виноватъ ли докторъ Янъ въ томъ, что смертъ Луизы Бергеръ послѣдовала отъ того, что онъ по ошибкѣ вмѣсто безвреднаго средства далъ ей коніинъ, причинившій ей смерть?

Черезъ часъ присяжные возвратились изъ комнаты совѣщанія и большинствомъ двухъ третей, 8 голосовъ противъ 4-хъ, *объявили доктора Яна виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ* (4 голоса были въ пользу втораго вопроса).

Докторъ Янъ присужденъ былъ къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ (смертная казнь въ Ангальтъ-Дессау-Кётенскомъ герцогствѣ отмѣнена). На слѣдующее утро доктора Яна нашли повѣсившимся на рѣшеткѣ окна его тюрьмы. Послѣ смерти его нашли небольшую записку, въ которой было написано: «*я невиненъ*».

XVI. Покушеніе на отравленіе барона Баумбаха.

20 мая 1862 г., въ 10 часовъ вечера, Иванъ Лофингенъ и Амелія Вильштадъ, находившіеся въ услуженіи у барона Баумбаха, (гофъ-маршала при дворѣ Великаго Герцога Баденскаго), пришли къ аптекарю Рёдеръ и показали ему небольшой кусокъ фосфора. Узнавъ отъ аптекаря, что показанное ими вещество есть ядъ, они объявили, что нашли его въ тепломъ пивѣ, приготовленномъ для питья г. Баумбаху, и тотчасъ послѣ того какъ баронесса высыпала туда мелкаго сахару. Они присовокупили къ этому, что и наканунѣ того-же дня подобное вещество найдено было ими въ пивѣ, приготовленномъ для барона. Аптекарь посовѣтывалъ имъ извѣстить о случившемся домоваго доктора и священника. На другой день Иванъ Лофингенъ, отправившись къ доктору Бюгль, прямо объявилъ ему, что г-жа Баумбахъ имѣла намѣреніе *отравить* своего мужа и присовокупилъ, что кухарка видѣла, какъ баронесса *что-то опустила* въ пиво, назначенное для барона; когда же она, кухарка, вынула оттуда это вещество, то оно дымилось при треніи и было признано аптекаремъ за фосфоръ. Въ тоже время Иванъ вручилъ доктору найденный, (по объясненію его), въ пивѣ маленькій кусокъ фосфора. Прежде чѣмъ донести о случившемся судьямъ, докторъ увѣдомилъ баронессу, что слуги ея нашли въ кушаньѣ барона ядъ. Баронесса отвѣтила очень спокойно, что не можетъ себѣ объяснить этого, и по возвращеніи мужа своего домой, тотчасъ же передала ему слышанное. Но еще *до этого* докторъ передалъ данный ему кусокъ фосфора *слѣдственному судьѣ*, который и произвелъ обыскъ въ домѣ барона: на полу въ кладовой нашли до 14-ти маленькихъ кусковъ сушенаго хлѣба, натертаго фосфо-

ромъ, для истребленія мышей и крысъ. Слѣдствіемъ было обнаружено, что четыре недѣли тому назадъ г-нъ Баумбахъ посылалъ слугу своего Ивана къ аптекарю за двумя унціями фосфора. Иванъ далъ показаніе, что приготовивъ изъ фосфора въ стаканѣ отраву для мышей, онъ бросилъ вмѣстѣ съ стаканомъ за садовую стѣну остальной фосфоръ,—за исключеніемъ впрочемъ нѣкоторыхъ шариковъ, которые были имъ спрятаны сзади буфетнаго шкафа. За стѣной сада слѣдователи нашли стеклянные осколки съ остатками фосфора.

Затѣмъ слѣдователи старались привести въ извѣстность обстоятельства, *предшествовавшія* приготовленію теплаго пива для г. Баумбаха: оказалось, что 20-го мая, кухарка Бабе, наливъ по приказанію баронессы пиво въ кострюлю, поставила послѣднюю на огонь. Бывшая тутъ же горничная Амелія толкла сахаръ въ ступкѣ, — которую (по ея объясненію) она не осмотрѣла, и этотъ толченый сахаръ былъ всыпанъ кухаркою въ пиво. Въ ту минуту, когда пиво начинало сильно закипать, вошла въ кухню г-жа Баумбахъ. Она быстро сняла пиво съ огня, поставила его въ печку и удалилась. Ни кухарка, ни горничная не замѣтили, чтобы баронесса во время своего короткаго пребыванія въ кухнѣ, бросила что-нибудь въ пиво; но по ихъ словамъ тотчасъ послѣ ухода баронессы, распространился отъ пива какой-то странный запахъ, и когда кухарка вылила пиво изъ кострюли въ посуду, въ которой должна была подать его барону, то горничная увидѣла на днѣ кострюли два небольшихъ желтыхъ куска, которые она и вынула. Она тотчасъ бросила ихъ въ водосточную трубу, послѣ того служанка и баронесса попробовали немного этого пива, и потомъ оно было подано барону. Изъ служанокъ одна только горничная, пробуя пиво, замѣтила въ немъ фосфорный запахъ. Г. Баумбахъ, выпивъ полторы кружки приготовленнаго для него пива, не почувствовалъ никакихъ припадковъ; онъ замѣтилъ только, что пиво не довольно сладко. О замѣченномъ ею, служанка ничего не сказала барону; но на другой день она разсказала обо всемъ слугѣ Ивану, который при этомъ сказалъ ей: баронесса на все способна». «На другой день, когда снова приготовляли пиво для барона, кухарка истолкла сахаръ и

положила его въ бумагу. Но-такъ какъ въ служанкахъ возникло подозрѣніе, то онѣ внимательно осмотрѣли сахарницу, однако ничего особеннаго въ ней не замѣтили. Вскорѣ послѣ того г-жа Баумбахъ пришла въ кухню, взяла бумагу съ мелкимъ сахаромъ, опустила въ него руку, какъ бы желая удостовѣриться довольно-ли онъ мелко истолченъ, потомъ высыпала сахаръ въ кострюлю, между-тѣмъ какъ кухарка наливала въ нее пиво. Ни кухарка, ни горничная не замѣтили, чтобы баронесса, входя въ кухню, имѣла что-нибудь въ рукахъ, или же высыпала что-либо въ сахаръ, или въ самое пиво. Но, тотчасъ по удаленіи ея изъ кухни, служанки, выливая пиво, опять увидѣли въ немъ вещество желтаго цвѣта. Вынувъ его оттуда, и не сказавъ ни слова о томъ господамъ, онѣ поспѣшили сообщить слугѣ о новомъ открытіи. Лофингенъ, какъ уже замѣчено выше, вмѣстѣ съ горничной, побѣжалъ показать найденный кусокъ фосфора аптекарю, а сей послѣдній представилъ его слѣдственному судьѣ.

Баронесса будучи допрошена о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, отвѣчала, что мужъ ея наканунѣ не нашелъ пиво довольно сладкимъ, поэтому она опускала руку въ сахаръ съ той цѣлью, чтобы удостовѣриться, мелко ли онъ истолченъ. Выпивъ пиво, г. Баумбахъ, какъ и прежде, не подвергся никакому разстройству здоровья.—*Эксперты* осмотрѣвъ, найденный прислугой въ кострюлѣ, кусокъ фосфора нашли, что онъ такъ малъ, что не могъ лишить человѣка жизни, а могъ только имѣть вредное вліяніе на здоровье. Они присовокупили, что не въ состояніи опредѣлить, когда именно фосфоръ былъ опущенъ въ пиво: въ одно ли время съ сахаромъ или послѣ.

Вскорѣ обнаружилось новое обстоятельство: нѣсколько дней послѣ начала слѣдствія слуга и кухарка были удалены изъ дома барона и у послѣдняго осталась одна горничная Амелія. *Баронъ* сообщилъ слѣдователямъ, что Амелія, работая 26-го мая послѣ обѣда въ господской столовой, толкнула, (какъ говоритъ нечаянно), стоявшую на буфетѣ стеклянную сахарницу, наполненную мелкимъ сахаромъ. Часть его упала на полъ. Амелія подобрала его, и не положивъ обратно въ сахарницу, отнесла въ кухню, и стала всыпать его въ кислое молоко. Отъ молока

поднялся сильный фосфорный запахъ. Въ испугѣ Амелія возвратилась въ столовую, и понюхала сахаръ, бывшій въ сахарницѣ. Отъ него былъ тотъ же запахъ. Тогда она побѣжала въ садъ и сообщила обо всемъ барону и баронессѣ. Въ присутствіи супруговъ, ихъ дочери и горничной сахаръ тотчасъ же былъ просѣянъ. Въ немъ оказался *кусокъ фосфора* величиною съ горошину, который и былъ переданъ слѣдователямъ. Позже горничная представила въ судъ еще кусокъ фосфора, найденный ею на отверзтіи водосточной трубы. Слѣдственный судья, вновь осмотрѣвъ домъ барона, нашелъ на томъ самомъ столѣ, гдѣ имъ былъ составленъ формальный актъ, кусочки твердаго вещества, которое по свидѣтельству экспертовъ оказалось фосфоромъ. Г-жа Баумбахъ между прочимъ показала, что наканунѣ, по ея же приказанію, Амелія, наполнивъ сахарницу мелкимъ сахаромъ, поставила ее въ буфетъ; и послѣ этого она сахарницы этой не видѣла до тѣхъ поръ, пока горничная не уронила ее.

Во время новаго судебнаго изслѣдованія 27-го мая нашли на дворѣ, въ помойной ямѣ, маленькую желтую банку, съ небольшимъ количествомъ бѣлаго фосфорнаго вещества; по видимому она попала сюда въ недавнее время изъ трубъ, по которымъ стекаютъ нечистоты. Банка эта, какъ оказалось по изслѣдованію, была вовсе не та, въ которой лакей, по приказанію барона купилъ отраву для мышей въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и самъ аптекарь Рёдеръ призналъ, что фосфоръ, находящійся въ банкѣ, а также оказавшійся въ пивѣ, сахаръ и трубъ *не тотъ*, который отпущенъ былъ имъ въ домъ г. Баумбаха для отравы крысъ. Но эксперты не могли придти къ окончательному заключенію на счетъ того: существуетъ-ли сходство между фосфоромъ, найденнымъ въ различныхъ мѣстахъ, и тѣмъ, который назначался для отравы крысъ. Впрочемъ изъ книгъ аптекаря Рёдеръ оказалось, что фосфорная отрава для крысъ была отпущена въ домъ г. Баумбаха не только въ предъидущемъ апрѣлѣ, но и прежде того въ *1858* и *1859 годахъ*. Г-жа Баумбахъ утверждала, что она никогда не видѣла банки, найденной въ помойной ямѣ и брошенной туда по всему вѣроятію прислугой. Слѣдствіе не раскрыло, чтобы баронесса сама, или чрезъ чье либо посредство покупала фосфоръ, или какой-либо другой ядъ.

Во время слѣдствія, всѣ трое слугъ были арестованы. Гор-

ничная и кухарка показали на допросахъ, что держа въ рукахъ 22 мая платье баронессы, онѣ почувствовали отъ него сильный фосфорный запахъ; когда же 28 мая въ присутствіи экспертовъ слѣдователи осмотрѣли это платье, то *не* нашли въ немъ никакого слѣда фосфора. Одна изъ прежнихъ служанокъ баронессы Августина, донесла, что г-жа Баумбахъ весьма неосторожно обращалась съ фосфорными спичками. Она же показала, что однажды зимою найденъ былъ ею и кухаркою кусокъ фосфора на бутеръ-бродѣ, который былъ принесенъ въ кухню съ господскаго стола. На это баронесса и дочь ея объяснили, что дѣйствительно онѣ сами видѣли тогда обломокъ фосфорной спички на маслѣ, и приписали это нерадѣнію кухарки. Кромѣ того Августина показала, что баронесса, весьма часто прежде, нежели поставить на столъ жареное мясо, приготовленное для завтрака барона, уносила его въ свою спальню и въ этомъ мясѣ нерѣдко были замѣтны отверзтія, сдѣланныя по видимому вязательной иголкой. На это обвиненная отвѣчала, что иногда она дѣйствительно по разсѣянности, или по какой либо другой причинѣ уносила жареное, къ себѣ въ спальню; замѣченныя же въ немъ отверзтія происходили вѣроятно отъ вилки. Баронъ далъ показаніе, что онъ уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ разстройствомъ пищеваренія: впрочемъ медики, лечившіе его, не замѣчали въ немъ никогда признаковъ отравы. Онъ былъ женатъ на г-жѣ Баумбахъ уже 21 годъ и они жили между собою по его показанію мирно и счастливо.

Изложимъ затѣмъ сущность *обвинительнаго акта*: «судя по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ послѣднее время, есть основаніе предполагать, что баронесса не была вполнѣ довольна своимъ мужемъ, и вовсе не такъ счастлива, какъ можно было судить по ихъ наружнымъ отношеніямъ. Такъ въ прошломъ году она призналась своему доктору, что мужъ ея, находясь въ болѣзненномъ состояніи, вслѣдствіе бывшаго между ними небольшаго спора, *приставилъ ей къ груди пистолетъ*. Г-жа Баумбахъ на это объясняетъ, что она разсказала доктору объ этомъ единственно изъ боязни, что у мужа начинается помѣшательство. Преступленію г-жи Баумбахъ, можно найти еще другое объясненіе: баронъ Баумбахъ (какъ раскрыло слѣдствіе), сильно ухаживалъ за вдовой, г-жею Лейсфенъ, живущею въ Карлсруэ. Дама эта находилась съ давнихъ временъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ

семействомъ Баумбахъ. Бывшая горничная г-жи Лейсфенъ показала слѣдователямъ, что однажды прошедшею весною, госпожа ея была еще занята въ спальнѣ своимъ туалетомъ, а г. Баумбахъ насильно хотѣлъ туда ворваться, но это ему не удалось. Баронесса же Баумбахъ съ своей стороны дала слѣдователямъ показаніе, что она никогда не имѣла повода ревновать мужа къ какой-бы то ни было женщинѣ. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что состояніе семейства Баумбахъ, не смотря на большіе доходы самого барона, въ послѣднее время значительно пострадало. Посему баронесса Баумбахъ обвиняется въ покушеніи на отравленіе ея мужа.

По разсмотрѣніи изложенныхъ обстоятельствъ дѣла, обвинительная палата въ городѣ Бруксалѣ постановила 24-го іюля: людей, составлявшихъ прислугу семейства Баумбахъ, оставить отъ суда свободными, а г-жу Баумбахъ предать суду за покушеніе отравить своего мужа.

26-го сентября 1862 г., въ ассизномъ судѣ Бруксаля происходилъ докладъ этого дѣла.

На особомъ столѣ были положены предметы, относящіеся къ обвиненію, какъ то: нѣсколько свертковъ синей бумаги, въ которой былъ завернутъ сахаръ, всыпанный въ пиво, приготовленное для барона, двѣ маленькія стклянночки и два фосфорные шарика величиною съ горошину.

Вотъ въ чемъ состоялъ допросъ подсудимой.

Президентъ. Баронесса, васъ обвиняютъ въ намѣреніи умертвить вашего мужа посредствомъ напитка, отравленнаго фосфоромъ. Г-*жа Баумбахъ.* Это ужасная клевета, г. президентъ. Замужество мое въ продолженіи 21-го года было постоянно одно изъ самыхъ счастливыхъ, и *я* никогда не рѣшилась-бы промѣнять его на самыя лучшія, о которыхъ я слыхала въ обществѣ.—*В.* Вы должны объяснить предъ гг. присяжными многія обвиняющія васъ обстоятельства. Вы входили въ кухню въ то время, когда кухарка приготовляла пиво для вашего мужа? —*О.* Да г. президентъ; моя *новая* кухарка въ первый разъ приготовляла пиво; оттого мнѣ необходимо было присмотрѣть за ней.—*В.* Когда на другой день мужъ вашъ, чувствуя себя не такъ здоровымъ, пожелалъ напиться тогоже самаго напитка, вы *вторично* были въ кухнѣ и приняли участіе въ приготовленіи

его?—*О.* Я опять занималась приготовленіемъ пива, потому что наканунѣ мужъ мой жаловался, что оно не довольно сладко; впрочемъ *я имѣю обыкновеніе бывать въ кухнѣ*, и присматривать, чтобы все въ хозяйствѣ находилось въ порядкѣ.—*В.* Зачѣмъ вы сами снимали кипящее пиво съ огня, подвергая себя опасности обжечься?—*О.* Пиво сильно вскипало, и я Боялась, что оно уйдетъ.—*В.* Горничная, пробуя въ воскресенье пиво, почувствовала въ немъ сильный отзывъ фосфора.—*О.* баронъ Баумбахъ, выпивъ все приготовленное для него пиво, не нашелъ въ немъ особеннаго страннаго вкуса.—*В.* Вы знаете также, что горничная ваша въ первый день приготовленія напитка, нашла на днѣ кострюли, въ которой онъ варился, маленькіе куски фосфора или фосфорнаго тѣста?—*О.* Рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ они попали въ пиво.—*В.* Вскорѣ послѣ того нашли въ домѣ вашемъ сахаръ, смѣшанный съ фосфоромъ; какъ объясните вы, что фосфоръ оказался даже въ той сахарницѣ, которая постоянно подавалась къ столу?—*О.* Я рѣшительно ничего не могу на это сказать; знаю только одно, что горничная, по моему приказанію наполнила сахарницу сахаромъ, но только не въ моемъ присутствіи; впрочемъ ни мужъ, ни *дочь* моя, употребляя сахаръ этотъ, не замѣтили въ немъ никакого дурнаго вкуса.—*В.* Вы помните, что горничная, найдя фосфоръ въ сахарѣ, прибѣжала къ вамъ въ садъ, и разсказала о сдѣланномъ ею открытіи?—*О.* Да г-нъ президентъ; горничная моя прибѣжавъ въ садъ, гдѣ въ то время я была съ мужемъ и дочерью, сказала намъ, что нашла въ сахарницѣ что-то сильно отзывающееся спичками. Мы тотчасъ всѣ трое, вмѣстѣ съ горничной, отправились въ столовую, и точно мужъ мой нашелъ въ сахарѣ два куска фосфора, которые немедленно представилъ аптекарю. Но опять повторяю, что сахарница была наполнена сахаромъ моею горничной и безъ моего надзора, и я съ тѣхъ поръ ея не видала.—*В.* Не ревнивы ли вы, и не подавалъ-ли мужъ вашъ повода къ тому?—*О.* Я вовсе не ревнива, и на этотъ счетъ выдумали совершенно ложную исторію. Мы давно находимся въ самомъ близкомъ знакомствѣ съ г-жею Лейсфенъ. Было бы крайне несправедливо набросить хоть тѣнь подозрѣнія на отношенія ея къ моему мужу.—*В.* Не уменьшилось-ли значительно въ послѣднее время состояніе ваше, и не были-ли вы оттого

раздражены?—*О. Я проиграла важный процесс*; но при всемъ томъ доходы мужа моего довольно значительны, и мы никогда не испытывали нужды.—*В.* Правда-ли что мужъ вашъ имѣлъ однажды намѣреніе васъ застрѣлить?—*О.* Разсказавъ объ этомъ доктору, я никакъ не ожидала, чтобы признаніе мое сдѣлалось столь гласнымъ; мужъ мой въ то время находился въ болѣзненной раздражительности, и я опасаясь за его здоровье, прибѣгла къ совѣтамъ доктора; поводъ къ его поступку былъ самый пустой.

Затѣмъ приступлено было къ допросу свидѣтелей.

Аптекарь, Рёдерз показалъ, что слуга Иванъ и горничная принесли ему кусокъ фосфора, который, по ихъ словамъ, найденъ былъ въ пивѣ, приготовленномъ для барона. Онъ совѣтывалъ имъ разсказать о томъ самому барону, или поговорить съ домовымъ священникомъ; фосфоръ же онъ возвратилъ имъ назадъ. На другой день утромъ слуга отнесъ фосфоръ къ доктору Бюглю, который счелъ нужнымъ, не говоря ни слова барону, немедленно извѣстить о томъ слѣдственнаго судью.

2) *Докторъ Бюгль* показалъ, что сначала ему пришла мысль увѣдомить о случившемся барона, но вспомнивъ объ угрозѣ его застрѣлить свою жену, а вмѣстѣ съ тѣмъ, желая предупредить какое либо несчастіе, онъ счелъ полезнѣе заявить обо всемъ суду. Впрочемъ, продолжалъ докторъ, баронесса разсказала ему случай объ угрозѣ мужа не въ видѣ жалобы, а потому что боялась за его здоровье, пришедшее въ разстройство, и убѣдительно просила обратить вниманіе на болѣзненное состояніе барона. *Президентъ.* Г-нъ Баумбахъ былъ дѣйствительно боленъ? *Докторъ.* Онъ страдалъ *геморроемъ*, что не могло имѣть никакого отношенія къ тому разстройству, которое бы произошло отъ отравленія.

3) Допросъ *Ивана Лофингена состоялъ въ слѣдующемъ: Президентъ.* Почему вы сказали о своей госпожѣ, что она на все способна?—*О.* Да какъ же, горничная еще накапунѣ нашла что-то въ пивѣ, потому я очень могъ такъ выразиться. Послѣ того я прибавилъ: надо идти показать аптекарю.—*В.* Значитъ вы сомнѣвались, что это ядъ?—*О.* Мы не знали, что это такое, но предполагали, что не хорошее, потому что дымилось.....—*В.* Но если вамъ приходило на мысль, что баронесса имѣла намѣреніе по-

сягнуть на жизнь своего мужа, то отчего не предупредили вы барона?—*О.* Мы не смѣли.—*Прокуроръ.* Не знаете ли вы чего-нибудь на счетъ отношеній барона къ г-жѣ Лейсфенъ.—*Ивана.* Самъ я ничего не знаю, но слышалъ, какъ другіе объ этомъ говорили.—*Президентъ.* Безъ сомнѣнія это однѣ лакейскія сплетни. Всѣ знаютъ, что госпожа Лейсфенъ, женщина всѣми уважаемая какъ въ городѣ, такъ и при дворѣ.—Затѣмъ *Ивана* разсказываетъ, что нѣсколько времени тому назадъ, напившись воды, стоявшей въ комнатѣ его барина, онъ нашелъ вкусъ ея отвратительнымъ.—*Одинъ изъ присяжныхъ.* Какъ позволили вы себѣ пить воду, назначенную вашему барину? — *О.* У меня была сильная жажда. — *Тотъ же присяжный.* Много вы ея пили?—*О.* Цѣлый стаканъ.—*В.* И вы не почувствовали никакого разстройства? — *О.* Нѣтъ, я только замѣтилъ, что вода имѣла дурной запахъ и дурной вкусъ.

4) *Допросъ Бабе Веритатенъ*, кухарки. — *В.* давно-ли вы служите у г-жи Баумбахъ?—*О.* Со святой недѣли.—*В.* Поручено-ли вамъ было варить пиво для барина вашего прежде духова дня? — *О.* Нѣтъ м. г. Послѣ того она разсказываетъ о случившемся въ кухнѣ, и говоритъ, что ей пришло тотчасъ на умъ, что баронесса имѣла намѣреніе отравить своего мужа.—*В.* Какое ваше мнѣніе на счетъ слуги Ивана? — *О.* Онъ ужасно золъ, и всегда дурно говорилъ обо всѣхъ. Начиная съ господъ и кончая мной.—*В.* Свѣдѣнія, собранныя объ васъ, вовсе не хороши; вы не всегда вели себя порядочно. 5) Горничная Амалія, показываетъ то, что уже изложено выше.

6) *Ольга Бальмеринга*, придворная дама. Я, давно знакома съ семействомъ Баумбахъ. Въ Духовъ день пробыла я у нихъ до 9-ти часовъ вечера; баронесса казалась тогда очень веселой и оживленной. — *В.* Какого вы мнѣнія на счетъ г-жи Баумбахъ? — *О.* Она весьма достойная и предобрая женщина. Не разъ я имѣла случай удостовѣриться въ благородствѣ ея души. — *В.* Что вы думаете объ отношеніяхъ, которыя, какъ говорятъ, были между барономъ Баумбахъ и г-жею Лейсфенъ? — *О.* Г-жа Лейсфенъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Съ давняго времени она находится въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ г-жею Баумбахъ и ея дочерью. Я вполнѣ увѣрена, что разсказываемое на ея счетъ, совершенно не правдоподобно и несправедливо.

7) *Луиза Редереръ*, горничная баронессы Баумбахъ. Амелія говорила мнѣ, что она, вмѣстѣ съ кухаркою, нашла ядъ какъ въ пивѣ, приготовленномъ для барона, такъ и въ сахарницѣ. Иванъ, по словамъ Амеліи, увѣрялъ, что баронесса, во время отсутствія своего мужа и безъ его вѣдома, велѣла поддѣлать ключъ къ его конторѣ.—*Президентъ*, обращаясь къ слугѣ Ивану. Вы утверждали о поддѣлкѣ ключа г-жею Баумбахъ?—*Иванъ*. Да какъ-же! Я узналъ объ этомъ отъ прежней прислуги. — *Президентъ*. Во время изслѣдованія обращено было вниманіе на это обстоятельство; но оно вовсе не подтвердилось.

8) *Магдалина Шверкетъ*, бывшая горничная баронесы: мнѣ говорили, будто-бы г-жа Баумбахъ, желая отпирать, въ отсутствіи своего мужа конторку его, велѣла сдѣлать ключъ къ ней. Я съ своей стороны ничего объ этомъ не знаю. — *Президентъ* Пока вы служили у г-жи Баумбахъ, не были-ли вы свидѣтельницею какого-либо раздора между ею и мужемъ?—*О*. Нѣтъ, никогда, да и не думаю, чтобы можно было согласнѣе и счастливѣе ихъ жить между собою. Не могу представить себѣ, изъ чего г-жа Баумбахъ, вздумала бы отравить своего мужа.

9) *Шарлотта Беклеръ*, сестра Магдалины Шверкетъ. Я служила у г-жи Баумбахъ въ продолженіи шести лѣтъ. Въ продолженіи всего этого времени ничего не видѣла кромѣ добраго согласія; въ семьѣ не было ни малѣйшей размолвки.—*В*. Слышали-ли вы что-нибудь о ключѣ, который будто-бы заказала г-жа Баумбахъ съ тою цѣлью, чтобы отпирать конторку своего мужа?—Я знаю только одно, что г-жа Баумбахъ какъ-то разъ посылала меня за слесаремъ Шройберомъ. А что она его заставляла дѣлать, мнѣ рѣшительно не извѣстно.

10) *Слесарь Шрейберъ*. Я вовсе не дѣлалъ ключа къ конторкѣ барона Баумбахъ, и если когда и работалъ въ домѣ барона, то всегда по его приказанію.

11) *Августина Клинкерфуль*. Я слышала, будто-бы г-нъ Баумбахъ ухаживалъ за г-жею Лейсфенъ. — *В*. Отъ кого вы это слышали?—*О*. Отъ лакея Ивана.—*В*. Не замѣтили-ли вы какого-нибудь раздора между мужемъ и женой, въ то время, какъ вы находились у нихъ въ услуженіи? — *О*. Рѣшительно никогда. Разъ только г-жа Баумбахъ осталась недовольна тѣмъ, что ея мужъ уѣхалъ въ маскарадъ. — *В*. Вы показали при слѣдствіи,

что г-жа Баумбахъ уносила иногда въ свою комнату жареное, назначенное для завтрака барона: вы замѣчали въ немъ отверзтія, сдѣланныя повидимому вязательной иголкой?—*О.* Да, м. г.—*В.* Для какой цѣли были сдѣланы, по вашему мнѣнію, эти отверзтія?—*О.* Можетъ быть для того, чтобы узнать, хорошо-ли изжарено мясо. — *В.* Не могли-ли быть сдѣланы эти отверзтія посредствомъ вилки?—*О.* Да, очень можетъ быть.

12) *Показанія Якобины Боршеръ*, кухарки. — *В.* Сколько вы времени служили у г-жи Баумбахъ?—*О.* Почти годъ. — *В.* Что скажите вы про это семейство?—*О.* Я,—а то, что мнѣ у нихъ было хорошо, (Смѣхъ).—*В.* Вы служили вмѣстѣ съ Иваномъ. Скажите каковъ онъ былъ?—*О.* Да такъ, хорошій былъ лакей. —*В.* Не говорилъ-ли онъ чего про своихъ господъ?—*О.* Бывало иногда, что онъ шутя говорилъ объ нихъ дурно. — *В.* Вы показали также, что разъ вы видѣли кусокъ фосфора на хлѣбѣ, намазанномъ масломъ, который принесли въ кухню съ господскаго стола?—*О.* Да, м. г.

13) *Шарлотта Лихермайеръ*, горничная баронессы Лейсфенъ. Однажды г-нъ Баумбахъ пріѣхавъ однимъ утромъ къ моей госпожѣ, хотѣлъ войти въ ея спальню. Но когда ему было сказано, что баронессу нельзя видѣть, то онъ весьма учтиво удалился. Болѣе я ничего не знаю.

14) *Карлъ Байеръ*, лакей г-жи Лейсфенъ, разсказываетъ, что однажды г-нъ Баумбахъ, пріѣхалъ къ ней съ женою и дочерью съ визитомъ. Не заставъ ея дома, онъ оставилъ свою карточку. Впрочемъ свидѣтель никогда не замѣчалъ ничего подозрительнаго въ отношеніяхъ этихъ двухъ семействъ.

15) *Маргарита Жобъ*, служившая у г-жи Лейсфенъ, также свидѣтельствуетъ о дружбѣ ея съ семействомъ Баумбахъ.

Президентъ. Намъ весьма непріятно было г. г. присяжные, отбирать показанія отъ послѣднихъ свидѣтелей; но въ виду молвы, распространившейся на счетъ дамы, достойной всякаго уваженія, мы сочли лучшимъ средствомъ для прекращенія этой молвы: публично отобрать тѣ показанія, которыя вы сейчасъ слышали.

16) *Рифъ*, домовладѣлецъ въ Карлсруэ. Мы съ женой хорошо знаемъ семейство Баумбахъ и почти ихъ сосѣди въ Карлсруэ. Мы познакомились съ ними послѣ того, какъ дочь паша, дѣвуш-

ка однихъ лѣтъ съ дѣвицею Баумбахъ, вышла изъ мангеймскаго института, и онѣ между собою очень подружились. Такимъ образомъ я могъ близко знать это семейство, и долженъ объявить, что оно отличалось самымъ искреннимъ согласіемъ и взаимной преданностью супруговъ. Г-жу Лейсфенъ я также знаю. Ея домъ принадлежитъ къ самымъ почетнѣйшимъ въ Карлсруэ. Не думаю, чтобы тѣ обидные слухи, которые распространились отъ сплетень прислуги, могли найти сочувствіе во мнѣніи людей благоразумныхъ.

17) *Супруга г-ни Рифа*, повторяетъ тоже самое.

18) *Генералъ Фрейледъ*, главнокомандующій баденскою кавалеріею. Никто, кромѣ меня, не можетъ знать лучше характера и образа жизни семейства Баумбахъ. Двоюродный братъ барона, я близко знакомъ съ нимъ вотъ уже сорокъ лѣтъ, и могу сказать утвердительно, что бракъ его былъ самый счастливый. Г-жа Баумбахъ сохраняла постоянную любовь къ мужу, который отвѣчалъ ей глубокою преданностію и примѣрною вѣрностію. Когда баронъ былъ боленъ, жена его не покидала его изголовья, нѣжно и внимательно заботясь о немъ. *Президентъ.* Вѣрите ли вы въ обвиненіе, взведенное на г-жу Баумбахъ? — *О.* Я никогда не допускалъ мысли объ этомъ, и считаю ужасною глупостію вѣрить столь гнусной клеветѣ.

19) *Луиза Фрейдорфъ.* Я очень часто посѣщала семейство Баумбахъ и никогда не замѣчала въ немъ ни малѣйшаго раздора. Г-нъ Баумбахъ постоянно былъ любезнымъ супругомъ, и что до меня касается, то я никогда не слыхала объ его связяхъ на сторонѣ.

20) *Марія Клее.* Вотъ уже болѣе 15-ти лѣтъ, какъ я знаю г-жу Баумбахъ, и всегда пользовалась ея полнымъ довѣріемъ. Она всегда говорила мнѣ, что никогда не переставала любить своего мужа, я вполнѣ убѣждена, что она невинна.

21) *Допросъ барона Баумбаха.—Президентъ.* Позвольте сказать вамъ г-нъ Баумбахъ, что вы не обязаны показывать по этому дѣлу; законъ васъ къ сему не принуждаетъ.—*О.* Напротивъ того я радъ случаю сдѣлать нѣкоторыя показанія. Они могутъ послужить для разъясненія дѣла.—*В.* Считаю долгомъ спросить васъ, вѣрите-ли вы въ предполагаемое судомъ покушеніе вашей жены? — *О.* Ни мало. Да и могу ли я подозрѣвать въ этомъ

женщину, подарившую меня полнымъ счастіемъ въ продолженіи двадцати одного года супружеской жизни. Я убѣжденъ, что вся эта исторія затѣяна гнуснымъ образомъ, чтобы опозорить наше семейство.—*В.* А кто, полагаете вы, могъ быть виновникомъ этой клеветы. Не прислуга ли ваша?—*О.* Я *не могу утверждать этого* (?) потому-что не имѣю къ тому вѣрныхъ доказательствъ. Меня удивляетъ только то, зачѣмъ прислуга, не предупредивъ *меня*, увѣдомила о случившемся доктора. Еще болѣе удивляетъ меня *самъ докторъ*, который не сказавъ мнѣ ни слова, поспѣшилъ передать полиціи сдѣланное ему женою моей признаніе. Этимъ поступкомъ онъ, мнѣ кажется, измѣнилъ какъ обязанности доктора, такъ въ особенности долгу честнаго человѣка. Я дѣйствительно угрожалъ разъ женѣ своей пистолетомъ, но эта была болѣзненная вспышка изъ за самаго пустаго повода,—первый припадокъ. Я вспоминаю съ глубокимъ волненіемъ, какъ она нѣжно и великодушно обошлась тогда со мною.

22) *Допросъ дѣвицы Баумбахъ.* *В.* Знаете ли вы въ чемъ обвиняютъ вашу мать? *О.* Я *все* знаю, г-нъ президентъ, и могу покляться предъ Богомъ, что моя мать невинна.

23) Аптекарь *Рёдеръ*, профессоръ *Вепцель*, докторъ *Нестлеръ*, (оба послѣдніе химики) и медикъ, тайный совѣтникъ *Моллиторъ* въ качествѣ *экспертовъ* показываютъ, что фосфоръ гораздо труднѣе растворяется въ пивѣ нежели въ водѣ, и потому скорѣе придаетъ водѣ особый вкусъ и запахъ. Во всякомъ случаѣ, если фосфоръ былъ опущенъ въ пиво во время его кипѣнія, то онъ не успѣлъ бы распуститься въ пивѣ или придать ему вкусъ: слѣдовательно напитокъ во всякомъ случаѣ остался бы безвреднымъ. Чтобы причинить смерть человѣку посредствомъ фосфора, необходимо его отъ 3 до 4 грань, а для нѣкоторыхъ людей не менѣе 12-ти гранъ. Въ кускѣ же, который былъ принесенъ прислугой, содержалось не болѣе $^1/_2$ грана. *Аптекарь Рёдеръ* того мнѣнія, что фосфоръ, принесенный ему прислугой, вовсе не тотъ, который былъ отпущенъ имъ въ домъ Баумбахъ для истребленія крысъ.

Затѣмъ прокуроръ произнесъ обвинительную рѣчь. Онъ началъ съ объясненія, что задача его очень трудна, въ виду выслушанныхъ показаній, трудности имѣть явныя улики, многочи-

сленныхъ отзывовъ, столь благопріятныхъ для обвиняемой, наконецъ объясненія мужа, который утверждаетъ, что онъ никогда не могъ подозрѣвать своей жены. Тѣмъ не менѣе есть одно обстоятельство, которое не могло быть дѣломъ случая, именно: присутствіе яда въ пивѣ, сахарницѣ, вездѣ. — Слѣдуетъ ли обвинять въ этомъ прислугу? Но прислуга произвела благопріятное впечатлѣніе. Разсматривая семейную жизнь семейства Баумбахъ, едва-ли можно безусловно вѣрить въ то доброе согласіе, которое, какъ говорятъ, постоянно существовало между супругами. Въ доказательство размолвокъ ихъ, можно представить случай угрозы съ пистолетомъ, неотвергаемый ни мужемъ,—ни женою. За тѣмъ по убѣжденію его, прокурора, г-жа Баумбахъ виновна въ преступныхъ намѣреніяхъ противъ мужа и потому присяжные могутъ встрѣтить сомнѣніе лишь въ томъ: желала-ли обвиняемая умертвить своего мужа, или же только повредить его здоровью.

Г-нъ Казель, (адвокатъ г-жи Баумбахъ) въ главныхъ чертахъ произнесъ слѣдующее: обвинять въ настоящемъ дѣлѣ г-жу Баумбахъ весьма трудно, въ этомъ, сознался самъ прокуроръ; затѣмъ прокуроръ не можетъ уже говорить о своемъ собственномъ убѣжденіи, совершенно здѣсь излишнемъ. Отъ прокурора требуется изложеніе только однихъ обстоятельствъ дѣла, однихъ доказательствъ. При первомъ случахъ о производствѣ слѣдствія по этому дѣлу общественое мнѣніе было сильно встревожено. Преувеличенные разсказы появились въ журналахъ Довольно было того, что обвиненіе падало на аристократическое семейство, и тысячи проклятій поднялись снизу противъ этихъ сильныхъ, этихъ богатыхъ отравителей. Я боюсь, чтобы общественное мнѣніе не имѣло въ настоящемъ дѣлѣ нѣкотораго вліянія на мнѣніе судей. Моя задача состоитъ не въ одномъ только опроверженіи обвиненій; я долженъ предъ лицемъ Европы, представляемой здѣсь ея журналами, возстановить честь г-жи Баумбахъ. — Адвокатъ доказываетъ, что отравленія вовсе не было, и что еще менѣе доказано, чтобы г-жа Баумбахъ была въ чемъ нибудь виновна. Затѣмъ адвокатъ нападаетъ на аптекаря Рёдеръ, показавшаго въ этомъ дѣлѣ страшное увлеченіе, а также на доктора, который не исполнилъ своего долга. Съ горечью порицаетъ онъ самое производство слѣдствія, въ особенности поступокъ слѣдственнаго судьи, который въ предложенныхъ имъ вопросныхъ

пунктахъ представляетъ г-жу Баумбахъ, какъ уже виновную. Прислугу г-нъ Казель не считаетъ виновною въ намѣреніи отравить г-на Баумбахъ. Но онъ подозрѣваетъ прислугу въ заговорѣ, зачинщикомъ котораго навѣрное могъ быть Иванъ. Притомъ возможно-ли вѣрить показаніямъ этихъ людей? Желая избавиться отъ обвиненія, взведеннаго на нихъ при слѣдствіи, они естественно стали обвинять свою госпожу. Г-нъ Казель приводитъ отвѣтъ г-жи Баумбахъ, данный ею слѣдственному судьѣ. «Какъ могла я имѣть намѣреніе лишить дочь мою единственной подпоры, ея отца, тогда какъ я сама нахожусь на краю могилы.» Сверхъ того, если-бы г-жа Баумбахъ чувствовала себя виновною, то развѣ не рѣшилась-бы она бѣжать въ то время, когда находилась на порукахъ? Достало-ли-бы у нея, безъ убѣжденія въ своей невинности, достаточно твердости явиться на судъ присяжныхъ. «Вы не будете сомнѣваться, гг. присяжные, прибавилъ Казель, вы произнесете единогласный оправдывающій приговоръ, и этимъ только возстановите честь г-жи Баумбахъ».

Послѣ резюмированія дѣла, присяжные удалялись для совѣщаній. Минутъ черезъ пять они воротились и объявили, что г-жа Баумбахъ *невинна*. Раздались громкія рукоплесканія. Г-жа Баумбахъ выслушала этотъ приговоръ съ величайшимъ спокойствіемъ, не обнаруживая ни малѣйшаго волненія. Затѣмъ она подошла къ своимъ и крѣпко обняла дочь, мужа и брата. Всѣ друзья ея въ радости пожимали ей руки.

Разсматривая это дѣло, мы съ своей стороны вполнѣ сочувствуемъ приговору присяжныхъ. Всѣ улики противъ г-жи Баумбахъ заключались въ томъ: 1) что она входила въ кухню въ то время, когда мужу ея приготовляли напитокъ изъ пива, но существуетъ ея показаніе, ничѣмъ по дѣлу неопровергнутое, что она постоянно наблюдала кухнѣ за приготовленіемъ для барона кушанья и питья, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ къ ней поступила *новая* кухарка; 2) что въ домѣ въ разное время находили куски фосфора. Обвинителями ея являются ея слуги, поведеніе которыхъ притомъ было весьма странно, такъ-какъ они, вмѣсто того, чтобы увѣдомить барона о *случившемся*, *довели* объ этомъ *до* свѣдѣнія доктора, а этотъ послѣдній, также не сказавъ ни слова барону, увѣдомилъ слѣдственнаго судью; эта странная *поспѣ-*

довательность дѣйствій обвинителей невольно наводитъ на мысль о заранѣе составленномъ планѣ. Самъ же баронъ постоянно показывалъ, что онъ *не* считаетъ свою жену способною имѣть противъ него какія бы то ни было дурныя намѣренія. При такихъ обстоятельствахъ дѣла присяжные очевидно не могли колебаться, потому-что если съ одной стороны и возникали нѣкоторыя отдаленныя предположенія, что отношенія между супругами были хороши—только повидимому и для соблюденія свѣтскихъ приличій, и что баронеса могла чувствовать нерасположеніе къ своему мужу изъ ревности, а послѣдній тяготился женою *), то съ другой стороны было по крайней мѣрѣ столько же (если не болѣе) вѣроятія, что баронеса могла быть *жертвою заговора прислуги*, ее обвинившей, такъ-какъ ничто не препятствовало слугамъ самимъ класть фосфоръ въ кушанье и питье барона. Такимъ образомъ въ этомъ дѣлѣ *намъ* представляется сомнительнымъ даже то обстоятельство: было-ли дѣйствительно сдѣлано *покушеніе* на отравленіе барона, не клали-ли фосфоръ въ кушанье и питье только съ цѣлью обвинить баронессу и погубить ее, тѣмъ болѣе, что по заключенію экспертовъ фосфоръ оказался въ столь незначительномъ количествѣ, что былъ средствомъ абсолютно — негоднымъ причинить смерть человѣку. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить что если-бы баронеса возъимѣла намѣреніе отравить своего мужа, то она конечно могла бы найти ядъ болѣе дѣйствительный и менѣе замѣтный, нежели фосфоръ, (который купленъ былъ первоначально по приказанію барона Баумбаха) и который разлагаясь очень трудно, сообщаетъ кромѣ того кушанью или питью, къ которымъ онъ примѣшанъ, сильный запахъ.

Вообще чтеніе этаго дѣла оставило въ насъ впечатлѣніе, что въ немъ необходимо разсмотрѣть вопросъ: не было-ли *направлено преступленіе противъ баронессы Баумбахъ*. Для этаго слѣдуетъ только вспомнить: 1) что изъ двухъ супруговъ баронъ послѣ супружества, продолжавшагося болѣе двадцати лѣтъ, могъ гораздо болѣе тяготиться женою, нежели послѣдняя мужемъ, что доказывается уже тѣмъ, что баронъ ухажи-

*) Эти обстоятельства не были приведены въ точную извѣстность, потому-что неизвѣстно даже, по какому поводу баронъ угрожалъ своей женѣ пистолетомъ.

валъ за посторонними дамами; 2) что баронъ однажды угрожалъ своей женѣ пистолетомъ, тогда-какъ она скрыла это обстоятельство отъ всѣхъ, за исключеніемъ домашняго доктора; 3) что *баронесса* въ послѣднее время проиграла процессъ, въ которомъ заключалась большая часть ея состоянія; мужъ же ея, занимая много должностей, получалъ значительное жалованье; слѣдовательно съ матеріальной точки зрѣнія баронесса, въ особенности какъ мать взрослой дочери, была заинтересована въ продолженіи существованія брака и наоборотъ. Отыскивая же виновника преступленія, мы всегда держимся правила: «is fecit, cui prodest. 4) что во время процесса поведеніе барона было весьма странно, именно отстранивъ себя по видимому отъ обвиненія жены, онъ въ тоже время, донесъ слѣдователямъ объ обстоятельствѣ, которое могло служить противъ нея, именно о нахожденіи фосфора въ сахарницѣ *), а въ судѣ, объявивъ, что считаетъ жену невинною, на вопросъ предсѣдателя (стр. 313):» не *прислуга*-ли виновница клеветы, отвѣчалъ весьма странно: «*что не можетъ утверждать этаго*», тогда-какъ очевидно слѣдуетъ допустить одно ихъ двухъ: или считать баронессу отравительницею, или же, если признать ее невинною, то обвинить въ клеветѣ лицъ, сдѣлавшихъ доносъ противъ нея. Поэтому насъ весьма удивляетъ, что баронъ, если онъ дѣйствительно хотѣлъ содѣйствовать оправданію жены, не обвинилъ въ клеветѣ своихъ слугъ; а напротивъ того въ видѣ косвенной улики противъ жены указалъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ разстройствомъ пищеваренія, тогда-какъ докторъ Бюгль показалъ, что баронъ страдалъ геморроемъ.

XVII. Дѣло о убійствѣ Пьера Деніеля семействомъ Пуляръ.

Дѣло это, надѣлавшее много шуму во Франціи, представляется въ психологическомъ отношеніи интереснымъ, въ особен-

*) Послѣднее обстоятельство рѣшительно неправдоподобно: не нужно забывать, что чай съ сахаромъ могъ былъ поданъ и *дочери* баронессы, чтобы устранить всякую вовможность предполагать отраву барона посредствомъ его.

ности отъ того, что преступленіе было послѣдствіемъ родовой, кровной мести со стороны цѣлаго семейства, состоящаго изъ отца, матери, сына и дочери (состоявшей въ связи съ Деніелемъ), а самое убійство является какъ-бы исполненіемъ приговора этого семейства о томъ, что Деніель заслуживаетъ смерть. Обстоятельства его заключаются въ слѣдующемъ:

11-го октября 1858 г. найденъ былъ въ 150 шагахъ отъ фермы Понжере, въ деревнѣ Плешатель, въ кустарникахъ, трупъ, растерзанный хищными животными, покрытый насѣкомыми, въ такомъ состояніи гнилости, что только по одеждѣ можно было узнать въ немъ молодаго Пьера Деніеля, бывшаго лакея супруговъ Пуляръ (владѣльцевъ фермы Понжере), который исчезъ, неизвѣстно куда, 17 сентября того года. Нѣкоторые признаки сначала дали поводъ думать, что Деніель самъ лишилъ себя жизни, но вскорѣ многія обстоятельства убѣдили въ противномъ. Голова, совершенно отдѣленная отъ туловища, по видимому ударомъ косы, находилась отъ тѣла въ самомъ близкомъ разстояніи. Веревка была обвязана вокругъ одной изъ рукъ и не смотря на разложеніе трупа, можно было замѣтить слѣды веревки на другой рукѣ. Все это наводило на мысль о убійствѣ. Первоначальные слѣдователи, осмотрѣвъ мѣстность, пришли къ заключенію, что Деніель, будучи убитъ во время сна, былъ перенесенъ въ это мѣсто уже послѣ смерти. Общественное мнѣніе показывало какъ на убійцъ на семейство Пуляръ на томъ основаніи, что Деніель, который въ теченіи 7 или 8 мѣсяцевъ былъ у Пуляръ лакеемъ, находился въ любовной связи съ Анною-Маріею Пуляръ (имѣвшей отъ роду 18 лѣтъ), дочерью его господъ. Тутъ не было обольщенія. Анна-Марія уже нѣсколько лѣтъ вела развратную жизнь и, какъ говорили, не только была въ любовной связи съ лакеями и работниками своихъ родителей, но находилась въ связи даже съ своими братьями. Родители по видимому терпѣли это. Но вскорѣ Анна-Марія сдѣлалась беременною, и семейство Пуляръ было этимъ сильно встревожено. Всѣ думали, что Анна-Марія забеременила отъ Деніеля. Въ августѣ мѣсяцѣ 1858 г. Жанъ Пуляръ сказалъ: «если моя дочь дѣйствительно беременна, то я убью Деніеля или онъ меня убьетъ»; когда же ему возразили, что онъ съ Деніелемъ не сладитъ, то онъ сказалъ: «сынъ мнѣ поможетъ». Тѣ, которые знали

жесткій и энергичный характеръ отца и сына Пуляръ, стали опасаться преступленія. Бракъ могъ-бы предупредить совершеніе преступленія, но Деніель не сватался за Анну-Марію, а Пуляръ (отецъ) говорилъ, что онъ скорѣе согласится потерять всю жатву, нежели рѣшится первый предложить свою дочь Деніелю. — 15 сентября мать Анны Маріи Пуляръ и братъ ея Францискъ ходили въ Реннъ и ходатайствовали о помѣщеніи Анны-Маріи въ Сенъ-Сирскій монастырь. Это не удалось. По возвращеніи ихъ домой между отцемъ и дочерью произошла жестокая ссора. Относительно Деніеля всѣ притворялись, что не питаютъ къ нему гнѣва, и Деніель, обманутый этимъ, весело работалъ, какъ всегда.—16 сентября вечеромъ онъ легъ спать вмѣстѣ съ молодымъ Жюлемъ Пуляръ, имѣвшимъ отъ роду 14 лѣтъ. *На слѣдующее утро онъ исчезъ.* Семейство Пуляръ не увѣдомило объ этомъ происшествіи ни мѣстныя власти, ни родителей Деніеля, и когда 17-го утромъ многочисленные работники, сидя за общимъ столомъ, спросили, гдѣ находится Деніель, Пуляры отвѣтили смѣясь, что онъ отправился ночью работать на сосѣднюю желѣзную дорогу. Такое объясненіе озадачило всѣхъ, и всѣ удивлялись этому быстрому уходу. Въ особенности поразило всѣхъ то обстоятельство, что Деніель не взялъ съ собою ни своихъ денегъ, ни праздничнаго платья. Замѣчали безпокойные взгляды Анны-Маріи и сосредоточенный страхъ Жюля, когда его послали въ комнату, въ которой убивали свиней (la mourrerie). Нѣсколько дней спустя увидали, что Жанъ Пуляръ носитъ башмаки Деніеля, и когда нѣкоторые замѣтили это, то онъ отвѣчалъ: «онъ болѣе не вернется». Вскорѣ стали слышать сильный запахъ въ кустарникахъ, въ которыхъ пасли обыкновенно скотъ. 10 октября вечеромъ родители Деніеля, встрѣтивъ Жана Пуляръ, объявили ему, что они рѣшились узнать, что сдѣлалось съ ихъ сыномъ, а если не узнаютъ, то просить о назначеніи слѣдствія для отысканія его. На слѣдующее утро молодой Жюль Пуляръ, возвращаясь бѣгомъ изъ кустарниковъ, объявилъ, что онъ нашелъ тамъ трупъ Деніеля. Семейство Пуляръ съ работниками отправились въ кусты и увидя трупъ, стали предаваться горести. Жанъ Пуляръ сказалъ тогда: «если наша горничная насъ не спасетъ, то мы погибли». Единственный свидѣтель, который могъ показывать о томъ, что

происходило въ ночь съ 16 на 17 сентября, была Іоанна Шеминель, которая только-что вступила въ услуженіе супруговъ Пуляръ.—Іоанна Шеминель, бывъ въ питейной лавкѣ, сказала, что она знаетъ, куда исчезъ Деніель. Вскорѣ она и Жанъ Пуляръ были арестованы. Послѣ этого одинъ свидѣтель показалъ, что проходя въ 11 часовъ вечера недалеко отъ Понжере, онъ три раза слышалъ крикъ: «помогите, я умираю». Испуганный, онъ обратился въ бѣгство, а три недѣли спустя увидѣвъ трупъ Деніеля, заключилъ, что это были крики Деніеля.—Вскорѣ все семейство Пуляръ было арестовано. Тогда Жюль Пуляръ далъ слѣдующія показанія: «16 сентября Деніель и онъ, Жюль Пуляръ, легли спать какъ и всегда къ 8 часамъ вечера. Въ $10^1/_2$ часовъ Жюль вдругъ проснулся; дверь сосѣдней комнаты, гдѣ въ 8 часовъ вечера собралось для совѣщаній все его семейство, отворилась, и старикъ Жанъ Пуляръ, а вмѣстѣ съ нимъ сынъ, дочь, жена и горничная (всѣ одѣтые), подошли къ Деніелю и попросили его встать.—Зачѣмъ ты обманулъ мою дочь? сказалъ старикъ Пуляръ.—Что же дѣлать, отвѣчалъ Деніель. Безъ дальнихъ разговоровъ Жанъ Пуляръ бросился на Деніеля, его сынъ Францискъ Пуляръ помогъ ему, и въ присутствіи трехъ женщинъ, *изъ которыхъ ни одна не сдѣлала ни малѣйшаго движенія*, началась ужасная борьба. «Помогите, я умираю», закричалъ Деніель. — «Отведемъ его въ комнату, гдѣ убиваютъ свиней», сказалъ старикъ Пуляръ, и схвативъ Деніеля они отнесли его въ эту комнату. Отецъ и сынъ повалили его на полъ и въ то время какъ Францискъ Пуляръ держалъ его, Жанъ задушилъ его руками. Все это кончилось въ 10 минутъ. Когда убійство было совершено, то трупъ спрятали въ навозъ, и каждый обѣщалъ сохранять тайну. Четыре дня послѣ этого трупъ сталъ издавать сильный запахъ; Францискъ и Жанъ Пуляры выкопали его и отнесли съ помощью холстянаго мѣшка въ кусты, причемъ Жанъ остался въ кустахъ долгое время одинъ. 10-го октября узнавъ, что родители Деніеля хотятъ просить о назначеніи слѣдствія, Жанъ Пуляръ воскликнулъ: «если надо, чтобы его нашли, то его найдутъ».

Императорскій прокуроръ обвинилъ Жана и Франциска Пуляръ въ предумышленномъ убійствѣ.

Вотъ допросы, которые произведены были подсудимымъ въ

судъ: *Президентъ.* Францискъ Пуляръ! вы обвиняетесь въ убійствѣ Денiеля, сознаетесь ли вы? *Франциска.* Да, я долженъ былъ помогать отцу.—*В.* Разскажите, какъ это произошло. — *О.* Въ среду моя мать, сестра и я ходили въ Ренъ и возвратились въ тотъ-же день. Отецъ мой спросилъ у матери: правда ли, что моя сестра беременна? мать моя отвѣчала, что это правда. — Отецъ мой сталъ упрекать сестру. На слѣдующій день мы работали какъ и всегда. Мы легли спать вечеромъ. Отецъ мой легъ послѣднимъ. Онъ всталъ и позвалъ Денiеля. Денiель всталъ. «Зачѣмъ ты обманулъ дочь?» сказалъ отецъ.—Что же дѣлать, отвѣчалъ Денiель. Отецъ мой далъ подножку Денiелю, послѣдній упалъ; они начали бороться, отецъ сталъ меня звать на помощь, я пошелъ. Онъ мнѣ сказалъ: отнесемъ Денiеля въ комнату, гдѣ убиваютъ свиней. Въ этой комнатѣ отецъ мой взялъ его за горло и задушилъ его.—*В.* Ваши отецъ и мать хотѣли помѣстить вашу сестру въ Сенъ-Сирскій монастырь за ея дурное поведенiе, но ея не согласились принять потому, что она оказалась беременною?—*О.* Да, я зналъ это. — *В.* Въ среду ваша мать ходила въ Ренъ, чтобы узнать, беременна-ли Анна-Маpія?—*О.* Да, а послѣ того вечеромъ отецъ дѣлалъ упреки сестрѣ.—*В.* Кто спалъ въ одной комнатѣ съ Денiелемъ.—*О.* Мой братъ Жюль и я; въ сосѣдней-же комнатѣ спали отецъ, мать, сестра и горничная Іоанна Шеминель.—*В.* Когда Денiель всталъ, былъ ли онъ одѣтъ?—*О.* На немъ были панталоны. — *В.* Вы говорите, что отецъ вашъ далъ ему подножку и повалилъ его.—*О.* Да.—*В.* Денiель кричалъ-ли передъ смертью? — *О.* Да, онъ кричалъ у своей постели: «помогите, я умираю», потомъ въ другой комнатѣ, гдѣ онъ былъ задушенъ, онъ кричалъ очень громко.—*В.* Вы удержали Денiеля на землѣ?—*О.* Да, я держалъ его за плечи, чтобы не дать ему встать. Отецъ же въ это время обѣими руками держалъ его за горло. — *В.* Долго-ли это продолжалось? —*О.* Около 10 минутъ.—*В.* Вашъ отецъ говорилъ-ли въ это время что нибудь? — *О.* Я не помню, чтобы онъ говорилъ.—*В.* Что вы потомъ сдѣлали съ трупомъ? — *О.* Мы его отнесли въ навозъ, отецъ несъ его за ноги, а я за руки; мы зарыли его въ навозъ на два фута глубины.—*В.* Что вы потомъ дѣлали?—*О.* Мы легли спать, но я не спалъ; на слѣдующе утро мы работали какъ всегда.—*В.* Другіе работники не спрашивали-

ли что сдѣлалось съ Денiелемъ?—*О.* Мы отвѣтили, что онъ вѣроятно отправился работать на желѣзную дорогу.—*В.* Сколько времени трупъ находился въ навозѣ?—*О.* Три или четыре дня. Въ понедѣльникъ мы его вынесли, потому-что онъ издавалъ сильный запахъ.—*В.* Въ какое время вы его вынесли? — *О.* Въ серединѣ ночи, мы его вынули изъ навоза и положили въ холстяной мѣшокъ, потомъ бросили его въ кусты. — *В.* Не останавливались-ли вы, когда несли въ кусты тѣло Денiеля? — *О.* Да, два раза. — *В.* Отецъ Денiеля спрашивалъ васъ о сынѣ? — *О.* Да, очень часто; тогда мой отецъ сказалъ Жюлю: «иди въ кусты и притворись, что ты нечаянно нашелъ его трупъ. — *В.* Знали ли вы о любовной связи Денiеля съ вашею сестрою? — *О.* Да, я ей нѣсколько разъ говорилъ, чтобы она не таскалась со многими мущинами; она была очень дурнаго поведенiя. — *В.* Говорили ли вы Денiелю, что вы его убьете, если сестра будетъ беременна, и не состояли-ли вы съ ней въ кровосмѣсительной связи?—*О.* Нѣтъ, это неправда.

Старикъ Пуляръ и все остальное семейство Пуляръ не сознались ни въ чемъ; Шеминель подтвердила показанiя Франциска Пуляръ.

Присяжные признали Жана и Франциска Пуляръ виновными съ допущенiемъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Судъ приговорилъ перваго изъ нихъ къ 20-лѣтней, а послѣдняго къ 10-лѣтней каторжной работѣ.

Въ этомъ дѣлѣ, какъ мы уже сказали, въ высшей степени замѣчательнымъ является тотъ фактъ, что убiйство Денiеля совершено было по приговору всего семейства, и что къ исполненiю приступлено было въ присутствiи всѣхъ, даже той дѣвушки, которая находилась въ любовной связи съ Денiелемъ; никто изъ этого семейства не сказалъ ни одного слова въ защиту Денiеля, слѣдовательно всѣ заранѣе уже рѣшились убить его. Такимъ образомъ побудительныя причины этого преступленiя вполнѣ выяснены; оно есть послѣдствiе чувства мести за то, что Денiель не сватался за Анну-Марiю, забеременившую отъ него. Кромѣ того изъ словъ Пуляра, имъ сказанныхъ: «зачѣмъ обманулъ ты мою дочь?» можно заключить, что Денiель далъ Аннѣ-Маріи обѣщанiе жениться на ней, но не сдержалъ своего слова. Настоящимъ процессомъ вполнѣ раскрываются по-

нятія о нравственности сельскаго населенія во Франціи. Родители Анны-Маріи и всѣ жители въ околоткѣ знали, что она имѣетъ нѣсколько любовниковъ; никто однако не думалъ мстить этимъ любовникамъ, или преслѣдовать Анну-Марію за легкомысленное ея поведеніе. Между-тѣмъ тѣже родители, узнавъ про ея беременность, считаютъ для себя это обстоятельство величайшимъ безчестіемъ: они стараются помѣстить ее въ монастырь, чтобы скрыть этотъ фактъ, и грозятъ убить Денніеля, покрывшаго (по ихъ мнѣнію) позоромъ ихъ имя. Прибавимъ кстати, что такой-же взглядъ на нравственность замѣчается иногда и въ сельскихъ классахъ нашего отечества. Въ заключеніе обратимъ вниманіе на то, что при инквизиціонной формѣ уголовнаго процесса, существовавшей у насъ до настоящаго времени, прикосновенными къ дѣлу лицами были-бы не только Жанъ и Францискъ Пуляры, на которыхъ единственно пало обвиненіе въ убійствѣ, но также жена и дочь Пуляра и горничная Шеминель, какъ попустители и укрыватели убійства.

XVIII. Дѣло Марселя Доржебрай, судимаго за пять покушеній на убійство.

27 декабря 1858 г. между 8 и 9 часами вечера крики: «на помощь, убиваютъ» раздались въ домѣ № 45 на бульварѣ St. Martin въ Парижѣ. Сосѣди и полицейскіе чиновники побѣжали на крикъ и имъ представилась ужасное зрѣлище: на площадкѣ лѣстницы перваго этажа нѣкто Бизе старался удержать руками внутренности и кишки, выпадавшія изъ живота его вслѣдствіе нанесенной ему раны длиною въ четыре вершка; большая часть пальцевъ его на лѣвой рукѣ были совершенно надрѣзаны, лицо было покрыто синяками и тремя ранами, сдѣланными острымъ орудіемъ. Около него находилась его жена, покрытая кровью; шея ея была порѣзана на два вершка длины, лѣвый глазъ и лобъ были покрыты надрѣзами острымъ орудіемъ. Сзади ея была ея сестра г-жа Марсель Доржебрай, правая рука которой была покрыта глубокими ранами и на горлѣ была рана въ $2^1/_2$ вершка, откуда кровь била ручьями. Въ квартирѣ лежала на полу г-жа Риго, мать супруговъ Бизе; лицо ея было покрыто синяками и ударами; одно изъ реберъ съ правой

стороны надломано; на черепѣ была рана въ два вершка, недалеко отъ праваго виска. Наконецъ горничная супруговъ Бизе, дѣвушка Оберъ, была ранена на лицѣ и на шеѣ, но не очень сильно; она убѣжала къ сосѣднему аптекарю.

Бизе, замѣтивъ полицейскихъ чиновниковъ, объявилъ имъ, что виновникъ этого преступленія зять его, Доржебрай. Послѣдній, заслышавъ приближеніе полицейскихъ чиновниковъ, убѣжалъ въ верхній этажъ дома. Вскорѣ онъ былъ арестованъ, и объявилъ, что наносилъ раны для своей защиты, заставъ свою жену и г. Бизе на мѣстѣ преступленія въ любовной связи.

Слѣдствіемъ обнаружены были слѣдующія обстоятельства изъ жизни обвиненнаго: Феликсъ—Марсель Доржебрай родился въ Малье 2 февраля 1795 г., онъ происходилъ изъ дворянскаго рода. Въ 1815 г. онъ отправился въ Гентъ къ Людовику XVIII, во время ста дней, и возвратился во Францію вмѣстѣ съ иностранными войсками. Онъ получилъ ордена и сдѣланъ былъ камергеромъ герцогини Ангулемской. 3 ноября 1821 г. онъ женился на г-жѣ Дюваль де-Лиможъ, которая принесла ему значительное приданое, но въ нѣсколько лѣтъ супруги истратили свое состояніе и Марсель, потерявши во время іюльской революціи (1830 г.) мѣсто, занимаемое имъ при дворѣ, дошелъ до крайней бѣдности. Послѣ того онъ всѣми средствами старался выманить денегъ отъ матери своей жены. Въ 1844 г. онъ поселился съ женою и тещею въ деревнѣ Нормандіи; жена его до такой степени страшилась его, что постоянно имѣла веревочную лѣстницу, чтобы вслучаѣ надобности имѣть возможность убѣжать изъ окна. Преданный разврату, онъ нерѣдко находился въ связи съ горничными своей жены, которыя не могли оставаться въ ихъ домѣ. Онъ обольстилъ дѣвушку, которой минуло едва 14 лѣтъ отъ роду, и когда она родила, не оказалъ ей никакой помощи. Жена его умерла въ 1845 году. Г-жа Лиможъ взяла къ себѣ трехъ дѣтей своей дочери и старалась избѣгать всякихъ сношеній съ зятемъ. Она умерла 10 ноября 1848 г., оставивъ каждому изъ внуковъ по 120,000 франковъ. Старшая дочь Доржебрай, выйдя замужъ, назначила отцу ежегодную пенсію въ 700 франковъ. Оба сына его были моложе 18 лѣтъ. Г-жа Лиможъ составила духовное завѣщаніе, въ которомъ лишала своего зятя права пользоваться доходами съ назначеннаго внукамъ имущества. Но су-

дебное рѣшеніе 24 марта 1848 г. утвердило права Доржебрая на пользованіе этими доходами до достиженія его дѣтьми совершеннолѣтія. Годъ спустя послѣ смерти первой жены Доржебрай, имѣя 48 лѣтъ отъ роду, женился во второй разъ, 15 ноября 1846 г., на дѣвицѣ Эрнестинѣ де-Риго, которой было 18 лѣтъ отъ роду. Семейство второй жены Доржебрая принадлежало къ лучшему дворянству, но состояніе ихъ было совершенно разстроено. Оно состояло изъ матери и двухъ дочерей, изъ коихъ одна была замужемъ за Бизе, а другая, дѣвица Эрнестина, на которой женился Доржебрай. Послѣ брака жена Доржебрая начала жаловаться на свою судьбу. Грубая ревнивость ея мужа, его строптивый, взбалмошный, пылкій характеръ, его развращенные нравы, все это возбудило ея нерасположеніе къ нему. Доржебрай продолжалъ вести развратную жизнь и находился въ связи съ горничною. Въ городѣ Бріенонъ онъ снова взялъ къ себѣ въ домъ дѣвушку Понезинъ, которая прежде этого отошла отъ него, чтобы родить. Онъ сталъ ссориться съ женою и однажды нанесъ ей ударъ въ лицо. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Доржебрай жилъ доходами съ капиталовъ, которые принадлежали его сыновьямъ; но эти послѣдніе достигли совершеннолѣтія, и онъ потерялъ право пользоваться ихъ доходами; тогда сталъ онъ заниматься спекуляціями, въ которыхъ принялъ участіе его младшій сынъ; отъ спекуляцій послѣдній потерялъ 30,000 франковъ. Въ концѣ 1856 г. для существованія его, жены и двухъ дѣтей, у него была только пенсія въ 1200 франковъ въ годъ, которую платили ему дѣти отъ перваго брака. Тогда онъ сталъ думать, какъ бы извлечь пользу изъ музыкальнаго таланта своей жены; онъ совѣтывалъ ей пріѣхать въ Парижъ и вступить на театръ, но жена долго не соглашалась на это, наконецъ крайняя бѣдность заставила ее прибѣгнуть къ этому средству и она оставила своего мужа въ г. Бріенонъ, а сама поселилась у супруговъ Бизе. Тогда ревность Доржебрая проснулась со всею силою. Онъ не могъ успокоиться думая, что жена его живетъ у молодаго человѣка Бизе, который нѣкогда (какъ онъ полагалъ), былъ влюбленъ въ нее. Три мѣсяца спустя онъ написалъ женѣ своей письмо, въ которомъ говорилъ: «что если она не вернется къ нему, то онъ пріѣдетъ съ хорошо наточеннымъ ножемъ въ Парижъ и убьетъ ее и Бизе». Въ 1857 году

Доржебрай былъ въ Парижѣ съ женою въ совершенной бѣдности; тщетно онъ старался пріобрѣсть нѣсколько денегъ, занимаясь мелкими торговыми оборотами и просилъ аудіенціи у Императора Наполеона III, предлагая ему купить двѣ картины, которыя, по его словамъ, были нарисованы Тиціаномъ и Павломъ Веронезомъ, тщетно писалъ онъ папѣ, чтобы получить денежное вспомоществованіе. Онъ былъ покрытъ долгами, которыхъ не могъ заплатить; такъ напримѣръ онъ былъ долженъ 300 франковъ своему портному и 1500 франковъ въ лавку винъ и съѣстныхъ припасовъ. Когда хозяинъ лавки сталъ требовать отъ него уплаты денегъ, то Доржебрай сдѣлалъ допосъ полиціи, что въ этомъ магазинѣ продаются гнилые и вредные для здоровья съѣстные припасы и вины. Дѣло это кончилось тѣмъ, что Бизе заплатилъ за Доржебрая должные имъ деньги. Въ октябрѣ 1858 г. Доржебрай нанялъ маленькую и грязную квартиру подъ чужимъ именемъ и скрывалъ свой адресъ отъ знакомыхъ. Съ этихъ поръ его просто стали звать *г. Марсель*. Послѣдняя надежда его заключалась въ томъ, что жена его поступитъ на сцену лирическаго театра, и чтобы достичь этой цѣли, онъ посылалъ ее брать уроки у г. Предиганъ, учителя пѣнія; послѣ урока она всякій день обѣдала у Бизе. Доржебрай заставлялъ жену клясться, что она не находится въ связи съ Бизе, и она клялась, прибавляя: «это могло бы быть только, тогда если бы у меня не было ни совѣсти, ни чести; я живу благодѣяніями сестры». Супруги Жезаны, занимавшіе компату сосѣдпюю съ той, въ которой жили супруги Доржебрай, слышали, какъ послѣдній почти всякій день дѣлалъ сцены своей женѣ; онъ говорилъ тихо и не было возможности разслышить его словъ, но жена его отвѣчала ему громкимъ голосомъ: «я васъ ненавижу, я васъ презираю». Однажды она выразила желаніе имѣть раздѣльное отъ мужа имущество, говоря ему: нужно, чтобы я заработала деньги для того, чтобы кормить моихъ дѣтей, если вы не можете дать мнѣ денегъ.—Я увѣренъ, однажды говорилъ Доржебрай женѣ, что супруги Бизе совѣтуютъ вамъ бросить меня; если вы это сдѣлаете, то Бизе отвѣтитъ мнѣ за все.—Если бы я зналъ, говорилъ онъ въ другой разъ, что вы меня покинете, вы бы не вышли отсюда живыя. Своей тещѣ г-жѣ Риго Доржебрай говорилъ: «я разъ пощадилъ мою жену, но она умретъ отъ моей руки». Онъ

повторялъ тоже самое всякій разъ, какъ г-жа Риго поздно вечеромъ привозила къ нему домой жену, его. Г-жа Предиганъ показала, что 20 декабря жена Доржебрай пріѣхала на урокъ пѣнія съ красными глазами и на вопросъ о причинѣ этихъ слезъ, отвѣчала: «что она ежеминутно боится, что мужъ задушитъ ее». Несмотря на угрозы, произносимые противъ Бизе, Доржебрай, вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ, принужденъ былъ *самъ поселиться у него въ домѣ* съ дѣтьми своими. Таково было положеніе семейства, когда г-жа Доржебрай получила приглашеніе 25 октября 1858 г. поступить на сцену за 900 франковъ въ мѣсяцъ, чтобы пѣть въ кафе налерояля. Доржебрай совѣтывалъ женѣ принять это предложеніе, но она не соглашалась и супруги Бизе тоже совѣтывали ей не соглашаться.

27 декабря Доржебрай отвезъ въ два часа пополудни свою жену въ контору омнибусовъ, откуда она должна была ѣхать къ своему учителю пѣнія. Въ три часа онъ посѣтилъ супруговъ Поллю и обѣщалъ имъ возвратиться вечеромъ. Онъ воротился послѣ того къ себѣ и отъ трехъ до четырехъ часовъ у него пробылъ г. Винцентъ; въ пять съ половиной часовъ онъ возвратился въ контору омнибусовъ. Не дождавшись жены, онъ отправился къ супругамъ Бизе и сѣлъ за столъ. Во все послѣобѣденное время, хотя отсутствіе его жены удивляло всѣхъ, онъ оставался по видимому совершенно хладнокрывнымъ. Къ 7 часамъ вечера онъ вышелъ, говоря, что идетъ на встрѣчу женѣ, потомъ онъ пошелъ въ контору омнибусовъ и узнавъ, что жена его не возвращалась, самъ отравился въ Шапель, къ г. Предиганъ. Не найдя ни кого въ комнатахъ, онъ сошелъ къ привратнику, который сказалъ ему, что господа въ театрѣ.

Послѣ того г-жа Доржебрай была отвезена къ сестрѣ г-номъ Предиганъ; она пріѣхала туда между $7^3/_4$ и 8 часами вечера и тотчасъ сѣла обѣдать. Она сидѣла еще за столомъ, когда 25 минутъ спустя мужъ ея воротился домой. Квартира Бизе находилась во второмъ этажѣ. Одна дверь открывалась въ корридоръ, на право котораго была кухня и въ концѣ его комната горничной, Софіи Оберъ. Въ другомъ концѣ корридора три ступеньки вели въ комнату, въ которую открывались три двери: одна изъ магазина, рядомъ съ спальнею супруговъ Бизе, другая изъ столовой, третья изъ маленькой мастерской, въ которой спалъ мо-

лодой Морисъ, старшій сынъ Бизе. Между этою мастерской и столовою была еще комната, занимаемая г-ею де Риго. Въ столовой, на лѣво отъ двери, находилась этажерка, въ которой лежали нѣсколько ножей, и ящикъ, который оставался всегда отпертымъ; въ мастерской вдоль лѣвой стѣны вогнутая доска, на которой лежали разныя орудія.

Въ ту минуту, какъ Марсель воротился домой, жена его сидѣла за столомъ въ столовой, гдѣ находились: г-жа Риго, которая читала журналъ, Аменхида Бизе, ея племянница, имѣвшая 13 лѣтъ отъ роду, и Юлія, дочь Марселя, 6 лѣтъ. Г-жа Бизе была въ спальнѣ около своего послѣдняго ребенка, который былъ болѣнъ. Бизе работалъ въ мастерской; Морисъ, его сынъ (14 лѣтъ отъ роду), только что легъ спать въ мастерской.

Едва Доржебрай замѣтилъ свою жену, какъ сталъ дѣлать ей упреки, что она воротилась поздно и что по словамъ привратника болѣе часу въ потьмахъ была въ заперти съ своимъ учителемъ. Г-жа Марсель встала и сказала ему, что такъ-какъ онъ не перестаетъ преслѣдовать ее недостойными подозрѣніями, то она не останется больше съ нимъ. Г-жа Риго стала защищать свою дочь. Г-жа Бизе, которую предупредила ея горничная, появилась въ комнатѣ и вступила тоже въ споръ. Бизе, услышавъ шумъ, вышелъ изъ мастерской и посовѣтовалъ женѣ войти въ свою комнату. Та удалилась было, но Марсель послѣдовалъ за нею; ссора продожалась и всѣ скоро опять вышли въ столовую. Г-жа Бизе взяла мать за руку, чтобы отвести ее въ свою комнату и заперла дверь мастерской, чтобы помѣшать ей возвратиться. Наконецъ и сама она, вмѣстѣ съ ребенкомъ, вошла въ спальню. Въ столовой остались такимъ образомъ Марсель, его жена, Бизе, Аменхида Бизе и Юлія Марсель. Первый сказалъ Бизе: пойдемте со мною къ привратнику, вы отъ него узнаете, что моя жена оставалась цѣлый часъ съ учителемъ пѣнія. Подойдите, я вамъ объясню, какъ все было. Онъ повторилъ эти слова пять или шесть разъ. Бизе наконецъ подошелъ къ нему, и вдругъ получилъ ужасную рану въ животъ бритвой, прежде чѣмъ могъ дать себѣ отчетъ, какъ это случилось. «Я нисколько не ожидалъ этого, показываетъ онъ, ибо Марсель, говоря послѣднія слова, былъ совершенно покоенъ. Мой дядя, показала Аменхида Бизе, положилъ руку въ задній карманъ сво-

его сюртука, точно такъ какъ будто-бы онъ хочетъ вынуть платокъ; я видѣла, что онъ въ эту минуту нанесъ ударъ моему отцу, но такъ-какъ отецъ стоялъ ко мнѣ спиной, то я не видѣла направленіе удара. Нанеся ударъ мой дядя воскликнулъ: «наконецъ ты мнѣ попался». Бизе сказалъ «негодяй меня зарѣзалъ». Онъ дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы устоять на ногахъ, держался за столъ и буфетъ, но Марсель нанесъ ему второй ударъ въ грудь. Къ счастію густота платья не дозволила оружію проникнуть глубоко. Завязалась борьба. Бизе получилъ новыя раны въ лѣвую руку, но наконецъ ему удалось повалить на полъ Марселя. Бизе захотѣлъ отворить дверь мастерской, чтобы взять какой нибудь инструментъ для защиты, но не могъ этого сдалать потому, что г-жа Бизе затворила дверь. Тогда онъ убѣжалъ въ свою комнату. Въ эту минуту г-жа Марсель которая хотѣла также убѣжать, была задержена своимъ мужемъ. Марсель лѣвою рукою схватилъ ее за волоса, и нагнувъ голову ея назадъ, держалъ ее въ этомъ положеніи, а правой рукой нанесъ ей широкую рану тамъ, гдѣ начинается шея. Въ эту минуту вошла горничная Софія Оберъ, которая была привлечена слышанными ею криками. Марсель бросился на нее и нанесъ ей двѣ раны, одну въ щеку, другую на шеѣ, восклицая: «вотъ тебѣ за то, что ты погубила мою жену». Софія Оберъ вырвалась отъ убійцы и убѣжала къ сосѣднему аптекарю. Войдя въ свою комнату, Бизе сѣлъ на стулъ, сказавъ своей женѣ, «я погибъ, чудовище разрѣзалъ мнѣ животъ». Когда же онъ услышалъ крики г-жи Марсель, то забывая всякую опасность, сталъ дѣлать усиліе, чтобы идти къ ней на помощь. Жена начала его удерживать, но видя старанія свои тщетными, воскликнула: «ну такъ пойдемъ вмѣстѣ» и отворила дверь. Около этой двери, прижавшись къ стѣнѣ, она увидѣла Марселя, который съ бритвой въ рукѣ, казалось, ждалъ ихъ выхода. Она схватила его за бороду, между тѣмъ какъ Бизе, удерживая лѣвою рукою кишки, которыя выпадали изъ его живота, правой рукой старался обезоружить Марселя. Г-жа Марсель вся въ крови стала помогать супругамъ Бизе. Марсель началъ наносить удары на право и на лѣво. Наконецъ Бизе удалось овладѣть бритвой и вмѣсто того, чтобы самому нанести ею раны Марселю, онъ кинулъ ее подъ кровать и бросился къ лѣстницѣ, за нимъ послѣдовала его жена и Мар-

сель; всѣ они громко звали на помощь. Шумъ отъ этой ужасной сцены услышалъ Морисъ Бизе. Этотъ молодой человѣкъ одѣлся, наскоро выломалъ замокъ двери и бросился на помощь родителямъ, но они были уже на лѣстницѣ. Между тѣмъ Марсель вбѣжалъ изъ магазина въ мастерскую и схватилъ небольшое долото. Онъ наткнулся на г-жу Бизе, которая вспомнивъ о своемъ младшемъ ребенкѣ, вошла въ квартиру, и г-жу Риго, которая какъ только дверь отъ мастерской была выломана Морисомъ Бизе, отправилась въ комнату своей дочери. Марсель нанесъ г-жѣ Бизе сильный ударъ въ голову и сдѣлалъ тяжелую рану; г-жа Риго едва могла дойти до лѣстницы. Потомъ онъ бросился на г-жу Риго, которую повалилъ на полъ и не переставалъ наносить ей удары долотомъ до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ, что къ нему подходитъ Морисъ Бизе, вооруженный топоромъ. Молодой человѣкъ сталъ его преслѣдовать. Марсель вдругъ обернулся и нанесъ ему въ животъ ударъ долотомъ. Въ эту минуту вбѣжали полицейскіе агенты и схватили Марселя.

Раны супруговъ Бизе и г-жи Марсель были очень опасны; сначала доктора думали, что они должны умереть. Однако г-жа Бизе скоро выздоровѣла, но на лицѣ ея навсегда остались рубцы; мужъ ея тоже вылѣчился, но доктора признали, что здоровье его навсегда разстроилось; г-жа Марсель, въ то время, когда судъ разсматривалъ это дѣло, тоже выздоровѣла; рана Софіи Оберъ не была опасна. Ни одна изъ ранъ г-жи Риго сама по себѣ не была опасна, но количество ихъ было столь велико, что она нѣсколько мѣсяцевъ была больна.

Изложивъ вышеизложенныя обстоятельства въ обвинительномъ актѣ, прокуроръ прибавилъ: «оружіе, употребленное убійцею, мѣста, въ которыя онъ наносилъ раны, все это доказываетъ намѣреніе его причинить смерть жертвамъ его нападенія; угрозы, которыя онъ произносилъ нѣсколько разъ противъ жены и противъ Бизе, предосторожность захватить съ собою бритву, коварство съ которымъ онъ подозвалъ Бизе къ себѣ, чтобы измѣнически поразить его, показываютъ, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ не минутнаго порыва души, но что онъ обдумалъ злодѣяніе, которое онъ и выполнилъ съ такимъ хладнокровіемъ и энергіею. Показанія, сдѣланныя подсуди-

мымъ о происшествіи 27 декабря, находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ показаніями свидѣтелей, бывшихъ очевидцами преступленія, отобранными отъ нихъ тотчасъ по совершеніи преступленія. Родственники подсудимаго старались доказать, что 27 декабря онъ былъ въ состояніи сумашествія, ссылаясь на то, что одинъ изъ братьевъ его умеръ въ Шарантонѣ въ домѣ умалишенныхъ, но всѣ тѣ, которые знали Марселя болѣе 40 лѣтъ, показали, что онъ былъ всегда необыкновенно злобнаго характера, и никто не показалъ, чтобы у него были когда-либо припадки разстройства умственныхъ способностей. Наконецъ медицинское изслѣдованіе знаменитаго доктора подтверждаетъ этотъ выводъ. Посѣтивъ Марселя въ тюрьмѣ, долгое время поговоривъ съ нимъ и разсмотрѣвъ всѣ документы, находящіеся подъ дѣломъ, докторъ Тардье удостовѣрился, что обвиненный нисколько не подверженъ сумашествію, и что онъ имѣетъ полное сознаніе о предпринятыхъ имъ дѣйствіяхъ; посему Феликсъ-Марсель Доржебрай обвиняется въ томъ, что онъ въ Парижѣ, въ декабрѣ 1858 г., добровольно и предумышленно пытался убить: 1) Эрнестину де-Риго, свою жену; 2) Гектора—Морриса Бизе; 3) Софію Оберъ; 4) Женевьеву де-Риго, жену Бизе; 5) Александрину де-Риго, каковая попытка, получивъ проявленіе, остановлена была лишь обстоятельствами, независящими отъ воли преступника.

Представимъ теперь допросъ, сдѣланный въ судѣ обвиняемому и свидѣтелямъ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о званіи, занятіяхъ и обстоятельствахъ прежней жизни, предсѣдатель сказалъ: говорятъ, что у васъ не могли жить порядочныя горничныя, за которыми вы всегда ухаживали?—*О.* Это случилось со мною только одинъ разъ въ жизни и то въ теченіи 8 дней. — *В.* Вы обольстили молоденькую дѣвушку, которую потомъ покинули, не оказавъ никакой помощи? — *О.* Это не правда.—*В.* Не имѣя состоянія, вы всегда хотѣли обогатиться на счетъ вашихъ близкихъ родственниковъ. Вы упрашивали мать вашей первой жены, чтобы она оставила вамъ все свое имущество?—*О.* Я управлялъ имѣніемъ моей тещи и увеличилъ доходъ съ ея имѣній отъ 10,020 до 18,000 франковъ.—*В.* Вы держали въ заперти вашу тещу? — *О.* Это неправда, моя теща была добрая женщина и любила меня.—*В.* Говорятъ, что ваша теща молила Бога,

чтобы вы или перемѣнили свой характеръ или сошли съ ума?—*О.* Это показываютъ мои враги.—*В.* Ваша жена боялась, что вы ее убьете; она даже приготовила лѣстницу, чтобы имѣть возможность убѣжать отъ васъ?—*О.* Это не правда.—*В.* Говорятъ, что для того, чтобы жениться, вы употребили обманъ; вы обѣщали признать за женою 10,000 франковъ приданаго и не сдержали обѣщанія?—*О.* Я формально ей этого не обѣщалъ.—*В.* Вы обвиняли г-на Риго въ томъ, что онъ состоялъ въ кровосмѣсительной связи съ одною изъ своихъ дочерей?—*О.* Моя жена говорила мнѣ это.—*В.* Вы говорили также, что между вашею женою и младшимъ сыномъ вашимъ отъ перваго брака существовали любовныя отношенія?—*О.* Да, на это у меня есть 4 свидѣтеля.—*В.* Вы сказали также, что ваша дочь отъ перваго брака была въ любовной связи съ однимъ молодымъ человѣкомъ; однимъ словомъ вы говорили ужасы о тѣхъ лицахъ, которыхъ вы должны уважать. Ни одинъ фактъ вами взводимый не оправдался, слѣдствіе доказало, что г-нъ Бизе былъ человѣкъ честный, безукоризненной нравственности?—*О.* Я его не обвиняю.—*В.* Между-тѣмъ вы говорили, что застали жену съ г. Бизе на мѣстѣ преступленія?—*О.* Конечно, Бизе негодяй, *онъ сначала выгружалъ барки*; у него было множество незаконнорожденныхъ дѣтей; г. Епископъ К * * * одного изъ нихъ помѣстилъ въ семинарію.—*В.* Бизе оказывалъ вамъ гостепріимство, вы жили на его счетъ и послѣ того вы клевещете на него?—*О.* Я, нисколько, напротивъ Бизе *долженъ* мнѣ 120 франковъ съ 1848 г., онъ хотѣлъ обольстить мою жену до ея свадьбы, онъ былъ любовникомъ ея матери, г-жи Риго.—*В.* И вы говорите это при его женѣ?— *О.* Г-жа Бизе женщина удивительная, я ее любилъ какъ сестру.—*В.* Тѣмъ не менѣе вы хотѣли ее убить?—*О.* Можно ли такъ ошибаться въ моихъ намѣреніяхъ; чрезъ три дня все объяснится, истина сойдетъ съ неба, я ссылаюсь на всемогущаго Бога, я невиненъ.—*В.* Вы занимали у г. Бизе деньги, чтобы расплатиться съ купцомъ Бурпишъ, которому должны были за вино и котораго оклеветали въ продажѣ вреднаго вина?—*О.* Однажды Бизе ѣхалъ въ каретѣ съ моей женой и, взявъ ее за руки, сказалъ ей: «ты знаешь, что я тебя люблю, ты нуждаешься въ деньгахъ, раскрой мой портфель, возьми въ немъ 1,000 или 2,000 франковъ, ты купишь бархатный салопъ,

потомъ мы поѣдемъ по желѣзной дорогѣ обѣдать въ bois de Boulogne. Твой мужъ завтра ѣдетъ, *мы будемъ спать вмѣстѣ.* Моя жена воскликнула: о! никогда съ вами, отцемъ, шести человѣкъ дѣтей. «Такъ ты хочешь быть вѣрна своему мужу». Вѣрна или нѣтъ, но съ вами я не сдѣлаюсь ему невѣрною.—*В.* Вы всегда возвращаетесь къ вашему способу оклеветанія Бизе?—*О.* Бизе пользовался всякимъ случаемъ; однажды моя жена была вся въ слезахъ, я спросилъ у нея, что съ нею. Вообрази, отвѣтила она мнѣ, это чудовище Бизе сказалъ мнѣ: ты слишкомъ часто ходишь къ намъ обѣдать.—*В.* Вы на всѣхъ клевещете.—*О.* Я не клевещу на мою жену.—*В.* Если вы увѣрены въ добродѣтели вашей жены, то зачѣмъ вы ее ревнуете?—*О.* Я ревнивъ? развѣ я ревнивъ, я позволялъ моей женѣ отлучаться на 12 часовъ въ день и ѣздить брать уроки пѣнія вмѣстѣ съ молодыми людьми.—*В.* Это противорѣчіе только видимое; въ васъ боролись два противоположныхъ чувства, изъ которыхъ поперемѣнно торжествовало то одно, то другое; то ревность, то жадность къ деньгамъ. Какъ бы то ни было, но вы 27 декабря чувствовали сильнѣйшую ненависть къ своей женѣ и къ Бизе, вы показывали ножъ вашей женѣ, сказавъ ей, чтъ этимъ ножемъ можно убить?—*О.* Извините, но эта цѣлая исторія; разговаривали и кто то мнѣ сказалъ: мущины нападаютъ на женщинъ, онѣ должны защищаться. Это говорили объ одномъ несчастномъ мужѣ; Бизе на меня посмотрѣлъ и сказалъ: а вы, что-бы вы сдѣлали? Я же, зная его мысль, сказалъ ему: «если бы кто либо обезчестилъ мою жену, я бы его не пощадилъ». Работникъ, который былъ въ той же комнатѣ, сказалъ: я сдѣлалъ бы точно также какъ г. Марсель.—*В.* Вы ранили пять человѣкъ; перейдемъ къ этому трагическому событію; ваша жена, какъ и всегда, отправилась брать уроки въ Ла-Шапель, вы ее сопровождали?—*О.* Какъ всегда.—*В.* Такъ какъ ваша жена не возвращалась, то вы отправились въ часъ обѣда обѣдать къ супругамъ Бизе. Послѣ обѣда вы повѣрили ваши часы, отправились на встрѣчу вашей женѣ и поѣхали въ Ла-Шапель, откуда она уже уѣхала. Возвратившись къ Бизе, вы нашли тамъ свою жену, она была за обѣдомъ, сзади нея стоялъ, говорите вы, Бизе, который хотѣлъ взять ее за талію. Тогда вы вызвали Бизе въ корридоръ и нанесли ему въ животъ ударъ, который

вскрылъ его внутренность, потомъ вы поразили жену въ горло. — *О.* Позвольте, вотъ какъ это было: утромъ я проводилъ жену въ каретъ, я несъ ея ноты, зонтикъ, это было мое обыкновеніе. Вечеромъ въ пять часовъ съ половиною я отправился за нею въ каретъ и это подробность, о которой вы забыли г. президентъ; я ждалъ ее до $6^1/_2$ часовъ; не желая заставить ждать супруговъ Бизе, я отправился къ нимъ обѣдать, послѣ обѣда я повѣрилъ мои часы, потомъ возвратился на станцію омнибусовъ; было $7^1/_2$ часовъ вечера, шелъ дождь, я отправился къ г-ну Предиганъ; привратникъ сказалъ мнѣ, что г-нъ Предиганъ уѣхалъ въ оперу, что жена моя уѣхала вмѣстѣ съ нимъ. Я возвратился къ Бизе и увидѣлъ мою тёщу, которая сказала мнѣ: «ваша жена здѣсь. Она пріѣхала вмѣстѣ съ г-жею Предиганъ и сидитъ за столомъ». Я внезапно вошелъ: сзади ея стоялъ Бизе, который держалъ ея *за груди.* Я кликнулъ г-жу Бизе «Подождите, сказала мнѣ жена, я вамъ скажу всю правду. Въ эту минуту Бизе бросился на меня и нанесъ ударъ бритвою. Я обрѣзалъ себѣ руки, инстинктивно отражая ударъ. Тогда я увидѣлъ, что жена моя падаетъ, Бизе поразилъ ее; исполненный бѣшенства я ему нанесъ ударъ въ нижнюю часть тѣла. Въ эту минуту г-жа Бизе и Риго бросаются на меня, бьютъ меня, давятъ мнѣ горло, тогда какъ сынъ Бизе наноситъ мнѣ въ спину удары топоромъ. Я умиралъ потому, что не могъ дышать, тогда я вспомнилъ, что у меня было оружіе, я имъ воспользовался, самъ не зная, куда я наношу удары; тогда всѣ опять снова бросились на меня, потомъ видя, что я защищаюсь, обратились въ бѣгство, я остался одинъ. Я искалъ шляпу и увидалъ дочь, которая мнѣ сказала «посмотри папа вотъ твой парикъ»; я хотѣлъ уйти, когда снова замѣтилъ г. Бизе, который у стѣны плакалъ и кричалъ. Въ эту минуту вошли полицейскіе чиновники; тогда, указывая лѣвой рукой на Бизе, я сказалъ полицейскимъ: «вотъ негодяй, который хотѣлъ меня убить, уже 15 лѣтъ, какъ онъ преслѣдуетъ мою жену».—*В.* И такъ Бизе нанесъ удары вамъ и вашей женѣ?—*О.* Да, онъ жестокій и кровожадный человѣкъ, онъ сначала былъ артельщикомъ, онъ избиваетъ своихъ дѣтей до полусмерти, пока ихъ не начнетъ рвать.—*В.* Слѣдствіе опровергаетъ совершенно всѣ ваши показанія, г-жа Риго не говорила вамъ, что ваша жена воротилась

домой съ г-жею Предиганъ, Бизе не стоялъ около вашей жены, но былъ въ своей мастерской, наконецъ бритва признана принадлежащею вамъ и была принесена вами.—*О.* Вы ошибаетесь . . . . .—*В.* Вы показываете, что потомъ отдали бритву Бизе, но Бизе говоритъ, что это неправда; кромѣ того такъ какъ у него много дѣтей, то онъ всегда прячетъ свои бритвы; вы говорите также, что вырвали бритву изъ рукъ Бизе?—*О.* Это правда г. президентъ.—*В.* А долото, оно не было въ вашихъ рукахъ?—*О.* Нѣтъ.—*В.* Какъ же могли быть нанесены раны г-жи Риго?—*О.* Бизе вѣроятно ее ранилъ въ потьмахъ, не видя кого онъ ранитъ. — *В.* Свойство нанесенныхъ ранъ нисколько не согласуется съ вашими показаніями?—*О.* Глаза мои были закрыты руками нападающихъ, я наносилъ удары какъ попало.—*В.* Довольно, и такъ вы не сознаетесь, что принесли бритву?—*О.* Зачѣмъ мнѣ было приносить бритву, вѣдь былъ же ножъ въ домѣ; принеся бритву, я могъ компроментировать себя предъ судомъ.—*В.* Могли видѣть, какъ вы берете ножъ, тогда-какъ бритва была спрятана въ вашемъ карманѣ и вы могли нанести рану коварно и измѣнически?—*О.* Я вамъ говорю, что я былъ жертвою покушенія на убійство.—*В.* Вы подсылали къ вашей женѣ посредника, прося ее, чтобы она васъ не обвиняла?—*О.* Это правда и жена моя оказалась совершенно безчувственною къ моему положенію

Въ этомъ дѣлѣ допрошены были слѣдующіе свидѣтели:

Г-жа Миха. У меня жило прежде семейство Марсель въ улицѣ Турно и я не могу на нихъ пожаловаться; обвиненный всегда былъ высокаго мнѣнія о себѣ и думалъ, что онъ имѣетъ всѣ свойства молодаго человѣка; *онъ часто говорилъ неприличныя вещи. Дочь Марселя* писала мнѣ: мой отецъ чрезвычайно экзальтированъ, дай Богъ, чтобы онъ или выздоровѣлъ или совершенно сошелъ съ ума потому, что тогда мы бы назначили ему попечителя, а то теперь мы всегда боимся, чтобы не случилась несчастія.

Герень, полицейскій чиновникъ въ Пантенъ. Я былъ нотаріусомъ и мэромъ въ Brienon; въ этомъ годѣ Марсель велъ жизнь уединенную, онъ занимался охотою и рыбною ловлею. Однажды онъ изъ ревности выстрѣлилъ изъ ружья въ молодаго че-

ловѣка, котораго общественное мнѣніе называло любовникомъ его жены.

Жена Герена. Подсудимый слылъ за человѣка очень ревниваго и постоянно старался обольстить своихъ горничныхъ. Отъ него горничныя часто уходили беременными.

Паллюи, въ улицѣ Notre Dame de Nazarette. Подсудимый часто бывалъ у меня, онъ былъ у меня за два часа до совершенія преступленія и *и выпилъ стаканъ вина,* онъ бывалъ иногда очень странѣнъ; онъ преувеличивалъ талантъ къ пѣнію своей жены. Иногда онъ говорилъ: если бы у меня было 500 франковъ, *я бы отправился къ моему двоюродному брату Папъ Піо IX.*

Жена Паллюи. Я давно знаю семейство Марсель, всѣ считали г. Марселя *очень слышнымъ* потому, что онъ *слишкомъ хвалилъ свою жену*; онъ часто говорилъ намъ, что онъ чувствуетъ себя несчастнымъ оттого, что долженъ садиться за столъ Бизе; онъ ненавидѣлъ Бизе, самъ не отдавая себѣ отчета въ своей ненависти. Я знаю также семейство Бизе, оно выше всѣхъ похвалъ.—Генеральный адвокатъ: каково ваше мнѣніе о г-жѣ Марсель?—*О.* (*въ замѣшательствѣ*) *я ее довольно мало знаю.*

Г-жа Ферранъ, сестра обвиненнаго. Мой братъ, дозволяя женѣ поступить на театръ, говорилъ: это противъ моей совѣсти, но я долженъ обезпечить будущность моихъ дѣтей и не хочу противиться желанію моей жены. Онъ очень хвалилъ свою жену, о *которой, сказать правду, я не очень хорошаго мнѣнія. Въ 1848* году г-жа Марсель говорила мнѣ, что Бизе признавался ей въ любви и что она едва (*со смѣхомъ*)... я не знаю какъ кончить мою мысль. Я тогда ей сказала: берегитесь моя милая; г-жа Марсель очень любитъ разказывать о себѣ.

Г. Маріаэкъ, домовладѣлецъ. Г. Марсель былъ преданъ своей женѣ и очень нѣженъ съ нею; жена его надъ нимъ господствовала. Я не могу объяснить себѣ преступленіе иначе, какъ помѣшательствомъ ума подсудимаго.

Гортанса Гильемаръ. Я была, имѣя 15 лѣтъ отъ роду, беременна отъ Марселя, который обѣщалъ мнѣ помогать деньгами, но не далъ ничего.

Аббатъ Деманъ. Семейство Марселя жило въ мирѣ и согласіи, но общественное мнѣніе было возстановлено противъ подсудимаго.

Жуенъ, экилецъ улицы Notre Dame de Nazarette. Каждый день я слышелъ ссоры въ комнатѣ, смежной съ моею. *Голосъ женщины всегда кричалъ и господствовалъ надъ мужескимъ*; г-жа Марсель всегда жаловалась на свою судьбу; г. Марсель былъ несчастливъ отъ того, что жена его не любила. Однажды она ему сказала: «я васъ ненавижу, я васъ презираю».

Женщина Жуенъ. Въ квартирѣ г. Марселя часто спорили; г-жа Марсель говорила мужу: я васъ ненавижу; г-нъ Марсель ухаживалъ за женой; онъ чистилъ ей башмаки; помогалъ ей одѣваться, чистилъ ея платье.

Предиганъ, учитель пѣнія. Я давалъ уроки пѣнія г-жѣ Марсель, она пріѣзжала всякій день; 27 декабря, въ первый разъ, я довезъ г-жу Марсель до ея дома. Другіе раза я ее провожалъ до станціи омнибусовъ. Я и жена моя часто замѣчали слезы на глазахъ г-жи Марсель.

Жена Предиганъ. г-жа Марсель однажды сказала мнѣ, что мужъ хотѣлъ ее задушить.

Шевошери, привратникъ. Предиганъ только что ушелъ, какъ г. Марсель вошелъ ко мнѣ и спросилъ меня не знаю ли я, оправилась ли жена его съ г-номъ Предиганъ? Я ему сказалъ, что ничего не знаю.

Президентъ. Такъ вы не говорили обвиняемому, что жена его пять часовъ была въ заперти съ г. Предиганомъ, и что вы въ теченіи этого времени вовсе не слышали музыки, а въ комнатахъ г. Предигана была темнота?

О. Я этого не могъ знать.

Бизе. 27 декабря г. Марсель пришелъ обѣдать, потомъ отправился за женою. Возвратившись, онъ засталъ ее уже въ моемъ домѣ, онъ кричалъ и говорилъ, что жена его *долгое время была въ заперти съ Предиганомъ.* Я вышелъ изъ мастерской, чтобы прекратить ссору, онъ сталъ звать меня къ себѣ; по мѣрѣ того какъ я къ нему прибижался, онъ отодвигался назадъ: вдругъ онъ бритвой разрѣзалъ мой животъ. *Президентъ.* Кому принадлежала бритва?—*О.* Она принадлежала г. Марселю, онъ принесъ ее въ карманѣ, бритва была уже раскрыта въ карманѣ, въ противномъ случаѣ, пока бы онъ открывалъ ее, я успѣлъ бы его обезоружить.—*В.* Знали ли вы, что Марсель васъ ненавидѣлъ? —*О.* Я всегда это думалъ и вотъ за что. У меня нѣтъ состоя-

нія, я живу своей работой, но я содержалъ мою тёщу и моихъ дѣтей и наживалъ состояніе. Марсель завидовалъ мнѣ. Жена его не любила, она мнѣ говорила это при немъ. Я хотѣлъ доставить занятіе г. Марселю, но онъ мнѣ говорилъ: я не родился для того, чтобы работать. Онъ не былъ ревнивъ, но притворился ревнивымъ, *онъ былъ польщанъ на толъ, что всѣ, по его мнѣнію, дѣлали предложеніе его женѣ, чтобы обольстить ее.*

Президентъ обратился съ вопросами къ младшей дочери Марселя.—*В.* Вы помните ссору, которая была между вашимъ отцемъ и г. Бизе?—*О.* О да, я была въ то время въ столовой.—*В.* Были ли другія лица въ залѣ?—*О.* Да, бабушка читала журналъ, мать обѣдала, кузина моя Амена работала.—*В.* Что произошло, когда пришелъ вашъ папа?—*О.* Папа началъ громко кричать и говорилъ маменькѣ: «гдѣ ты была»?—я пѣла. «Неправда, ты лжешь! ты пять часовъ была въ заперти съ твоимъ учителемъ пѣнія, мнѣ это говорилъ привратникъ»; тогда они стали спорить, потомъ вошелъ мой дядя.—*В.* Гдѣ былъ вашъ дядя?—*О.* Въ его маленькой мастерской; мой дядя, получивъ ударъ, едва не упалъ, потомъ онъ оттолкнулъ папа къ окну.—*В.* Не было ли разбито стекло?—*О.* Да.—*В.* Что сдѣлалъ потомъ вашъ дядя?—*О.* Онъ отправился въ свою комнату, въ это время папа бросился на маменьку, онъ схватилъ ее за косу, положилъ голову ея на руки и перерѣзалъ ей горло.—*В.* А вашу тетку, когда ранилъ вашъ папа?—*О.* Не знаю.—*В.* А потомъ?—*О.* Потомъ папа перерѣзалъ горло моей бабушкѣ, а потомъ ушелъ.—*В.* Видѣли вы бритву въ рукахъ отца?—*О.* Я видѣла, какъ дядя вырвалъ у него бритву изъ рукъ и бросилъ ее подъ кровать.

В. Когда у вашего отца отнята была бритва, что онъ сдѣлалъ?—*О.* Онъ пошелъ въ маленькую мастерскую и взялъ долото и сталъ наносить удары теткѣ.—*В.* Видѣли ли вы, какъ вашъ двоюродный братъ Морисъ ссорился съ папа?—*О.* Да, Морисъ ударилъ отца топорикомъ по плечу, а папа нанесъ Морису въ животъ ударъ долотомъ.—*В.* Когда вашъ отецъ ранилъ Франсуазъ, не сказалъ ли онъ ей что-либо?—*О.* Онъ сказалъ ей: «вотъ за то, что ты погубила мою жену». Показанія ребенка дочери Марселя сдѣланы были въ отсутствіе подсудимаго. Подсудимый, входя, сказалъ: я прошу г. президента спросить мою дочь, кто научилъ ее разсказать все это. Ребенокъ: нѣтъ *мило-*

стивый государь, никто меня не училъ, я говорила правду. Обвиняемый. Но, г. президентъ, ребенокъ спалъ.—Нѣтъ я не спала.

Г-жа Бизе. Я получила четыре раны; 27 декабря г. Марсель пришелъ къ намъ позже обыкновеннаго. Когда я это ему замѣтила, онъ отвѣчалъ «что дѣлать дитя мое, я за это наказанъ, я буду ѣсть холодный супъ». Когда сестра моя воротилась въ 7 часовъ вечера, я ей сказала: «твой мужъ безпокоенъ», что-же мнѣ дѣлать, отвѣчала она, надо чтобы я училась пѣть; потомъ она сѣла за столъ. Вдругъ мужъ ея вошелъ. «Эта негодяйка, сказалъ онъ мнѣ, указывая на жену, пять часовъ была взаперти съ своимъ учителемъ и вовсе не пѣла». Тогда я ему сказала: «только такой человѣкъ, какъ вы, который дѣлалъ фальшивые документы, можетъ выдумывать такіе ужасы». Онъ преслѣдовалъ меня. Тогда мой мужъ вышелъ изъ мастерской, чтобы прекратить ссору. Я едва по совѣту мужа вошла въ *свою комнату, какъ услышала крики* Бизе: «*негодяй, онъ меня зарѣзалъ*»; я умоляла моего мужа не вмѣшиваться болѣе въ это, вдругъ мы услышали крики «помогите», это кричала моя сестра; тогда мой мужъ сказалъ «нужно чтобы я его обезоружилъ и удерживая одною рукою кишки, которыя вываливались изъ его живота, онъ бросился въ комнату, гдѣ кричали; я бросилась за нимъ. Едва мы отворили дверь, какъ увидѣли г-на Марсель. Онъ былъ около нея съ поднятымъ ножемъ. Я схватила его за бороду, крича мужу: «обезоружь его». Обезоруживъ его, мой мужъ сталъ звать на помощь и сошелъ одинъ этажъ, я тоже сошла внизъ, по мысль, что Марсель можетъ убить моихъ дѣтей, заставила меня возвратиться; я получила ударъ долотомъ въ шею; я уже прежде этого получила рану отъ бритвы на шеѣ и головѣ. *Президентъ.* Я долженъ вамъ сказать, что обвиняемый говоритъ, что въ ту минуту, когда онъ вошелъ въ столовую, вашъ мужъ держалъ г-жу Марсель за грудь?

О. Мужъ мой былъ въ мастерской, около моей сестры была ея мать.

Софія Оберъ. Обыкновенно г. Марсель приходилъ обѣдать къ г. Бизе. 27 декабря онъ разозлился на свою жену и упрекалъ ее въ томъ, что она *въ темнотѣ* была взаперти съ своимъ учителемъ пѣнія. Затѣмъ Софія Оберъ дѣлаетъ показанія, сходныя съ вышеизложенными.

Докторъ Тордье. Слѣдственный судья поручилъ мнѣ удостовѣриться, находится ли обвиненный въ полномъ разсудкѣ. Разборъ, сдѣланный мною, какъ его прежней жизни, такъ и его личности, убѣдилъ меня, что онъ не сумашедшій. Многіе говорили, что онъ помѣшанный. Это довольно употребительное выраженіе, но оно неимѣетъ никакого значенія. Сумашествіе не есть отсутствіе послѣдовательности въ мысляхъ и странность въ разговорахъ. Помѣшательство есть болѣзнь, которой признаки характеристичны, легко видимы и опредѣлительны. Наука ихъ легко распознаетъ. У подсудимаго нѣтъ помѣшательства. Между его предками есть одинъ сумашедшій. Кромѣ того братъ его умеръ въ Шарантонѣ, но онъ сошелъ съ ума отъ причинъ чисто случайныхъ. Нельзя такъ же допустить, чтобы во время совершенія преступленія подсудимый былъ въ припадкѣ бѣшенства, потому-что прежде, нежели поразить свои жертвы, онъ требовалъ отъ нихъ объясненій. Воля его была здрава и принадлежала ему вполнѣ въ моментъ совершенія преступленія.

Полицейскіе чиновники показали, что когда подсудимый былъ арестованъ, онъ былъ вполнѣ хладнокровенъ и объявлялъ, что супруги Бизе хотѣли убить его.

Дюгамель столяръ, говоритъ, что въ тотъ моментъ, когда арестовали Марселя, онъ показалъ, что Бизе хотѣлъ насиловать его жену. *Подсудимый.* Это неправда.

Фарей, 18 лѣтъ. Я живу въ подмастерьяхъ у г. Бизе. Однажды молодой Бизе сказалъ своему дядѣ, что у него глаза старика. Г. Марсель покраснѣлъ и тихонько сказазъ мнѣ: «я отплачу за всѣ эти оскорбленія»; г-жа Гильомъ говорила, что она отдаетъ свою голову и свое состояніе чтобы спасти г. Марселя. Г. Марсель разговаривалъ съ кротостью съ дѣтьми Бизе, но они отвѣчали ему нерѣдко грубостями.

Свидѣтели въ пользу подсудимаго показали.

Бассо (адвокатъ). Въ октябрѣ или въ ноябрѣ мѣсяцѣ супруги Марсель пришли посовѣтоваться со мною, чтобы получить судебный приговоръ о раздѣлѣ ихъ имущества, они повидимому были согласны. Я имъ сказалъ условія. Съ тѣхъ поръ я ихъ не видѣлъ.

Гекевиль, священникъ. Я имѣлъ мало сношеній съ г. Доржебрай; онъ привелъ сына своего въ семинарію. Экономъ сказалъ

мнѣ о немъ: «это поэтъ», желая этимъ выразить, что онъ очень экзальтированъ. Доржебрай говорилъ, что онъ двоюродный братъ Папы Пія IX и министра финансовъ. Мы сначала ему говорили, что не можемъ помѣстить въ семинарію столь молодаго ребенка. Однако я согласился взять ребенка. Г. Доржебрай часто пріѣзжалъ къ сыну и очень любилъ его, но г-жа Доржебрай ни разу не навѣстила его.

Жуаронъ, священникъ. Г. Марсель приходилъ ко мнѣ исповѣдываться, онъ очень религіозный человѣкъ, я не замѣтилъ особой экзальтаціи въ его разговорахъ. Онъ не былъ счастливъ.

Дѣвица Фонтиль. Я знала г-жу Марсель въ консерваторіи, мы пѣли съ нею вмѣстѣ. Г-нъ Марсель былъ для нея мужъ добрый и покорный, *онъ былъ просто ея работникъ.*

Затѣмъ г. Салле, генеральный адвокатъ, сказалъ слѣдующую обвинительную рѣчь:

«Господа присяжные! во всѣхъ вообще уголовныхъ дѣлахъ вы должны судить не объ одномъ фактѣ, но и о степени преступности, заключающейся въ этомъ фактѣ. Поэтому нельзя судить человѣка, не зная его прошлаго, его свойствъ и характера, нрава и привычекъ. Надо, чтобы вы знали, что за человѣкъ Марсель, какимъ образомъ онъ дошелъ до такой степени *нравственнаго униженія*, что забылъ всѣ обязанности свои, какъ семьянина. Будучи два раза женатъ, онъ опечалилъ оба брачные союза своимъ безпорядочнымъ и развратнымъ поведеніемъ; онъ не постыдился лишить невинности несчастную 15 лѣтнюю дѣвушку, которая играла съ его дѣтьми, сдѣлалъ ее матерью и обѣщалъ ей денежную помощь, но помощи этой не далъ. Вы видите его безнравственность рядомъ съ его скупостью! Гдѣ нужно искать объясненіе этого характера и объясненіе преступленія? Мы его находимъ въ порокахъ, которые губятъ душу человѣка: въ гордости, лицемѣріи и ненависти. Его гордость проявляется въ обстоятельствахъ жизни, которыя раскрыты преніями; его лѣность происходила отъ гордости. «Я не родился для того, чтобы работать» сказалъ онъ — характерическая черта его гордости, *это презрѣніе* къ тѣмъ, которые работаютъ. Ненависть! она вошла въ сердце этого человѣка вслѣдъ за завистью. Онъ завидовалъ тому благородному, мастеровому, котораго жизнь, добродѣтели и благородное гостепріимство, были горькою критикою

пороковъ *и низости чувствъ того*, кто, происходя отъ дворянъ, забылъ свое происхожденіе. Вы слышали слова презрѣнія, которыя произносилъ подсудимый о г. Бизе: «этотъ человѣкъ началъ съ того, что былъ ничтожнымъ, *онъ былъ лодочникъ* и артельщикъ». Онъ былъ лодочникомъ, да, и мы уважаемъ его еще болѣе; если онъ могъ подняться отъ этого ремесла до того положенія, въ которомъ онъ нынѣ находится, то это произошло только отъ постоянныхъ неутомимыхъ усилій, посредствомъ энергіи, мужества и строгой честности. Сдѣлавшись главою семейства, Бизе сталъ работать для того, чтобы поддерживать всѣхъ тѣхъ, которые его окружали, не только свою жену и дѣтей, но тещу и свояченницу, дѣтей и мужа послѣдней. Гордость Бизе—состоитъ въ желаніи поддерживать своихъ родныхъ, работать и исполнять свои обязанности, гордость Марселя—не работать, жить на счетъ другихъ, на счетъ своей тещи, на которую онъ дѣйствовалъ угрозами, на счетъ дѣтей, которыхъ онъ старался обобрать, на счетъ всѣхъ наконецъ, не исключая и самаго Бизе, *презрѣніе къ которому не мѣшало ему садиться за его столъ*. Разсмотримъ теперь прошедшее подсудимаго. Онъ употреблялъ насиліе относительно своей тещи, которую онъ держалъ въ заперти, чтобы подчинить ее своему вліянію. Овдовѣвъ, онъ *тотчасъ же въ пять минутъ устроилъ свой второй бракъ* съ дѣвушкою 19 лѣтъ, въ то время, когда ему было 50. *Ваше отвращеніе г.г. присяжные къ подсудимому есть лучшая оцѣнка его жизни.* Но вы не знаете, до чего можетъ дойти грязное воображеніе этого человѣка. Г-жа Бизе передала мнѣ вчера письмо, написанное подсудимымъ послѣ его арестованія. Онъ распространяетъ о семействѣ Бизе новую клевету; выраженія этого письма не дозволяютъ мнѣ прочесть его. Вы будете *выбирать* г.г. присяжные между *честью семейства Бизе* и показаніями подсудимаго, и вы произнесете приговоръ, который, *я надѣюсь*, избавитъ это семейство и все общество отъ насилій этого новаго тартюфа, безжалостнаго и кровожаднаго».

Защитникъ подсудимаго г. Бакъ произнесъ рѣчь слѣдующаго содержанія: м.м. г.г. драматическое произшествіе, представленное передъ вашими глазами, началось трагическою сценою, которая можетъ наполнить всѣ сердца ужасомъ: домъ, въ которомъ льется кровь, раскрытыя раны, выпадающія внутренности и наконецъ, ко-

гда прибыла полиція, Марсель, поднимающій свои окровавленныя и изрѣзанныя руки, чтобы обвинить Бизе въ пролитой крови—все это производитъ на душу глубокое, тягостное впечатлѣніе. Слава Богу ни одна изъ жертвъ не погибла; тѣмъ не менѣе правосудіе должно карать преступника, онъ требуетъ возмездія. Я не скрываю всю силу аргументаціи публичнаго министерства, которое опирается на матеріальные факты, на показанія всего семейства, на указанія г-жи Марсель и наконецъ на слова этого бѣднаго ребенка, который произносилъ здѣсь, самъ того не подозрѣвая, слова, которыя впослѣдствіи могутъ сдѣлаться для него источникомъ вѣчныхъ угрызеній совѣсти. Я не говорю, что разсказъ подсудимаго о совершеніи преступленія справедливъ, но подсудимый убѣжденъ въ правдивости этого разсказа; онъ говорилъ добросовѣстно и именно эта мечта есть лучшее доказательство галлюцинаціи, въ которой находится его умъ и подъ вліяніемъ которой подсудимый провелъ день 27 декабря. Во всякомъ случаѣ не можетъ быть допущено предумышленіе въ этомъ преступленіи, не имѣющемъ ни основанія, ни результата, ни цѣли.

Г. Маланеръ, другой адвокатъ подсудимаго, въ своей рѣчи доказывалъ, что преступленіе есть слѣдствіе помѣшательства ума Марселя Доржебрай. *Президентъ:* обвиняемый, имѣете ли вы что нибудь сказать? *Обвиняемый:* я не сумасшедшій, я невиненъ, меня ранили, я не ревнивъ; гг. присяжные поступятъ со мною какъ хотятъ.

Президентъ резюмируетъ дебаты. Резюмированіе уже продолжалось 20 минутъ, когда обвиняемый попросилъ позволенія выйти изъ суда. *Президентъ:* не можете ли вы *подождать* нѣсколько минутъ? *Обвиняемый:* это для меня невозможно. Чрезъ пять минутъ входитъ жандармъ и объявляетъ, что подсудимый отказывается снова войти въ судъ. Президентъ поручилъ доктору Форе освидѣтельствовать состояніе подсудимаго. Докторъ Форе возвратившись объявилъ, что съ обвиняемымъ по видимому случился обморокъ, что онъ ударился головою объ стѣну, но что въ настоящую минуту онъ могъ бы возвратиться въ присутствіе суда, но онъ не соглашается на это. Президентъ велѣлъ привести въ дѣйствіе 8 и 9 статьи закона. 9 сентября 1835 г. Жандармы ввели подсудимаго, который заставлялъ тащить себя, наклоняя голову и принимая видъ мученика. Оде-

жда его въ безпорядкѣ, на груди его видно большое количество мощей, крестовъ, медалей, онъ ложится на руку жандарма, который поддерживаетъ его голову.

Президентъ окончилъ слѣдующими словами резюмированіе: если обвиненіе, основательно, то вы гг. присяжные имѣете предъ глазами большаго преступника; онъ хотѣлъ совершить не одиночное убійство, онъ хотѣлъ убить цѣлое семейство, чтобы насытить свою ненависть. Не только онъ не испытываетъ никакого раскаянія, но еслибы онъ возвращенъ былъ къ свободѣ, его жертвы снова подверглись бы опасности.

Послѣ совѣщанія, происходившаго въ теченіи 20 минутъ, присяжные признали Марселя Доржебрай виновнымъ во всѣхъ пунктахъ, съ допущеніемъ смягчающихъ вину обстоятельствъ Судъ приговорилъ Марселя къ пожизненному тюремному заключенію.

Разборъ этого процесса представляетъ двѣ стороны:

1) юридическую и 2) психологическую. Съ *юридической* точки зрѣнія дѣло это не сложно; въ немъ заключается покушеніе на убійство пяти лицъ, неудавшееся по обстоятельствамъ, отъ преступника совершенно независѣвшимъ. Покушеніемъ вообще въ наукѣ уголовнаго права называется преступленіе, начатое, но не достигшее осуществленія. Признаки покушенія должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) оно должно быть запрещено закономъ подъ страхомъ уголовнаго наказанія; 2) должно заключаться во внѣшнемъ дѣяніи и быть предпринято съ намѣреніемъ совершить преступленіе въ полномъ объемѣ; 3) внѣшнее дѣяніе должно заключать въ себѣ начало исполненія предположеннаго преступленія; 4) предполагаемый вредъ долженъ быть остановленъ случаемъ и, 5) средства преступленія должны быть непремѣнно годны. Примѣняя принятыя въ законодательствахъ и практикѣ начала къ покушенію Доржебрая, нельзя не признать, что покушеніе его является совершенно оконченнымъ и подходитъ подъ понятіе delit manqué. Желаніе Доржебрая убить пять лицъ изъ шести, которымъ онъ нанесъ раны, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Эти лица суть: Гекторъ Бизе, жена его, г-жа Риго, г-жа Марсель и Софія Оберъ. Раны сдѣланы были въ такихъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно онѣ бываютъ смертельными; кромѣ того Доржебрай не довольствовался нанесеніемъ одной раны, но дѣлалъ по нѣсколько нападеній и каж-

дому изъ вышеупомянутыхъ лицъ нанесъ по нѣсколько ранъ, выбирая одно и то же мѣсто: т. е. горло, животъ и голову. Если жертвы покушенія остались живы, то это надо приписать счастливому случаю, а также и тому обстоятельству, что преступникъ находился въ преклонныхъ лѣтахъ, что силы его, въ моментъ совершенія преступленія, могли ему измѣнить. Наконецъ средства имъ употребленныя, бритва и долото, были *безусловно годны* для того, чтобы причинить смерть.

Гораздо труднѣе опредѣлить психологическую сторону преступленія Доржебрая. Цѣли это преступленіе не могло имѣть никакой. Единственною побудительною причиною къ совершенію преступленія могли быть чувства ревности и мщенія. Самая личность преступника является въ высшей степени интересною. Человѣкъ хорошаго происхожденія, нѣкогда богатый, занимавшій мѣсто камергера при дворѣ, онъ въ преклонныхъ лѣтахъ потерялъ состояніе и мѣсто. Положеніе его сдѣлалось еще тяжелѣе вслѣдствіе новаго брака его съ дѣвушкою, которая была моложе его 30 годами. Что бракъ этотъ былъ не по любви со стороны дѣвицы Эрнестины де-Риго, это не подлежитъ сомнѣнію. Доржебрай былъ человѣкъ пожилой, отличался ханжествомъ и преувеличенною внѣшнею религіозностью, хвастовствомъ, болѣзненнымъ самолюбіемъ и восторженнымъ характеромъ,—все это были такія недостатки, которые не могли расположить къ нему молодой дѣвушки. Короче, Эрнестина де-Рнго вышла за Доржебрая замужъ, думая, что онъ богатый человѣкъ, потому,-что онъ въ то время пользовался еще доходами съ имѣнія своихъ сыновей. Вскорѣ истина открылась; Доржебрай оказался нищимъ. Къ его недостаткамъ присоединился еще новой—ревность, самая грубая, проистекающая, вѣроятно, изъ того дурнаго понятія, которое онъ имѣлъ о добродѣтели женщинъ. Есть свидѣтельское показаніе, что Доржебрай однажды выстрѣлилъ изъ ружья въ молодаго человѣка, который слылъ за любовника его жены. Поведеніе г-жи Доржебрай не было достаточно выяснено въ дѣлѣ, въ чемъ можно отчасти обвинить публичное министерство. Впрочемъ нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ предполагать, что она не была хорошею женою. Вскорѣ ревность Доржебрая превращается въ мономанію. Онъ сталъ воображать, что всѣ дѣлаютъ предложенія его женѣ, чтобы обольстить ее, и по-

дозрѣвать всѣхъ, начиная съ Бизе и младшаго своего сына, которыхъ онъ считаетъ ея любовниками. Онъ видитъ вездѣ и во всемъ измѣну со стороны женщины; въ письмахъ своихъ и разговорахъ, онъ доказываетъ, что Бизе нѣкогда былъ любовникомъ матери своей жены, г-жи де Риго, что г-нъ де-Риго находился въ кровосмѣсительной связи съ своею дочерью, женою Бизе. Мы смѣло повторяемъ нашу мысль, что Доржебрай былъ одержимъ маніею подозрѣвать женщинъ въ прелюбодѣяніи. Отличаясь самъ развращенными правами, что видно изъ отношеній его къ горничнымъ, онъ имѣлъ о добродѣтели женщинъ всѣ понятія стараго волокиты. Не нужно забывать отзывъ о Доржебраѣ его тёщи и дочери: «мы молимъ Бога, чтобы онъ или перемѣнилъ характеръ или чтобы окончательно сошелъ съ ума», эти слова чрезвычайно вѣрно изображаютъ состояніе Доржебрая. Онъ не былъ сумашедшій, онъ былъ мономанъ, какъ намъ кажется эту сторону его характера упустили изъ виду защитники его.—Обстоятельства жизни поставили Доржебрая въ соприкосновеніе съ Гекторомъ Бизе. Между этими лицами не было ничего общаго. Одинъ началъ съ того, что былъ лодочникомъ и посредствомъ трудовъ и усилій дошелъ до извѣстной степени довольства и могъ содержать своими трудами свою жену и даже жену Доржебрая, которая поселилась съ дѣтьми въ его домѣ. Доржебрай, напротивъ того, занимавшій нѣкогда блестящее положеніе въ обществѣ, впалъ въ нищенство и долженъ былъ прибѣгнуть къ благодѣяніямъ Бизе. Обстоятельства сложились для этихъ людей такимъ образомъ, что чѣмъ болѣе Доржебрай былъ обязанъ Бизе, тѣмъ болѣе онъ чувствовалъ къ нему ненависти, потому-что ничто не можетъ увеличить до такой степени нерасположенія къ человѣку, уже ненавистному, какъ чувствовать, что обязанъ ему всѣмъ. Бизе съ самаго начала противился браку Доржебрая; онъ открыто называлъ его тартюфомъ; дѣти Бизе, по примѣру отца, преслѣдовали его насмѣшками. При томъ болѣзненномъ и тщеславномъ самолюбіи, которымъ отличался Доржебрай, все это должно было усиливать его ненависть не только къ Бизе, но и ко всему его семейству. Это видно изъ словъ, сказанныхъ подмастерьемъ Бизе. Жена Доржебрая ненавидѣла послѣдняго; семейство ея, видя, что она несчастна въ бракѣ, также не любило Доржебрая; все это усиливало его ненависть. Къ этому надо

присоединить его манію, его болѣзненное воображеніе, которое вездѣ представляло ему картины того, что жена его находится въ близкихъ отношеніяхъ съ Бизе. Это положеніе: чувства ненависти Доржебрая, къ семейству его жены, чувства непріязни къ Доржебраю этого семейства, могли произвести взрывъ благодаря самому ничтожному обстоятельству. Привратникъ Предигана сказалъ Доржебраю, что жена его пять часовъ съ ряду въ потьмахъ была взаперти съ Предиганомъ. Доржебрай началъ упрекать въ этомъ жену. Въ ссору супруговъ вмѣшались все семейство Бизе и г-жа де-Риго. Замѣчательно, что преступленіе Доржебрая является въ высшей степени *не логичнымъ*. На томъ основаніи, что онъ считалъ Предигана любовникомъ своей жены, онъ пытается убить супруговъ Бизе (которые давали ему пріютъ), г-жу де Риго, горничную Оберъ, и какъ бы случайно обращаетъ свой гнѣвъ на жену, которой перерѣзываетъ горло. Чувство ненависти къ семейству Бизе, долго скрываемое въ душѣ, проявилось у Доржебрая съ ужасною силою. Онъ пытается истребить все семейство, не разбирая правыхъ отъ виновныхъ, кровь опьяняетъ его. Какъ только приходятъ полицейскіе чиновники, онъ снова подчиняется вліянію своей маніи, онъ начинаетъ доказывать, что засталъ жену свою на мѣстѣ преступленія съ Бизе.

Что касается рѣчи генеральнаго адвоката, то мы не можемъ не замѣтить, что въ ней заключается все то, *чего должны избѣгать наши публичные обвинители при новомъ, имѣющемъ установиться у насъ, порядкѣ уголовнаго судопроизводства.* Не говоря уже о той напыщенности и риторическихъ фразахъ, которыми наполнена эта рѣчь и которыя были бы неумѣстны даже въ устахъ героя мелодрамы, самый топъ этой рѣчи и ея основанія представляются весьма неюридическими. Генеральный адвокатъ старался выставить какъ можно гнуснѣе всю прежнюю жизнь Доржебрая (въ которой, сказать по правдѣ, нѣтъ ничего преступнаго), представлялъ его какимъ то Картушемъ, останавливался на его отношеніяхъ къ горничнымъ и обвинялъ въ томъ, что онъ не занимался никакимъ ремесломъ. Это послѣднее обвиненіе лишено всякаго основанія. Доржебрай до 50 лѣтняго возраста, кромѣ жизни придворной, не научился никакому серьезному занятію, а въ 50 лѣтъ трудно научиться чему нибудь.

Кромѣ того въ этой рѣчи все направлено къ тому, чтобы возбудить *сословные предразсудки* присяжныхъ. Выставивъ Доржебрая, какъ презирающаго честный трудъ и ту среду, *къ которой принадлежало большинство присяжныхъ*, генеральный адвокатъ противопоставляетъ Доржебраю личность Бизе, вышедшаго изъ народа. Затѣмъ обращенія его къ Доржебраю отличаются безцеремонностью и тривіальностью самаго дурнаго тона. «Ваше отвращеніе, милостивые государи, къ подсудимому есть лучшая оцѣнка его жизни», говоритъ генеральный адвокатъ. Очевидно, что онъ смотритъ на подсудимаго, какъ на субъектъ, надъ которомъ его краснорѣчіе можетъ безнаказанно упражняться. Если бы присяжные оправдали Доржебрая, то неумѣстность этихъ выраженій сдѣлалась-бы еще болѣе очевидною. Намъ очень жаль, что г. Салле не прочтетъ нашего мнѣнія объ его ораторствованіи; это можетъ быть охладило-бы его порывы глумиться надъ личностью подсудимаго. Во всякомъ случаѣ желаемъ ему не забывать, что преступникъ, пока не осужденъ, имѣетъ право на внѣшнее уваженіе и что обвинитель никогда не долженъ переставать быть жентльменомъ, впадать въ роль Трибуле.

XIX. Процессъ по обвиненію Уилліама Юнгмана въ убійствѣ нѣсколькихъ лицъ.

31 іюля 1860 года одинъ молодой человѣкъ, Уилліамъ Юнгманъ, былъ представленъ въ ламбетскій полицейскій судъ вслѣдствіе подозрѣнія въ умышленномъ убійствѣ своей матери, двухъ братьевъ, изъ которыхъ одному было 11 лѣтъ, а другому 6, и невѣсты, Мери Стритеръ. Арестовавшій его полицейскій инспекторъ показалъ, что, прійдя около 6 часовъ утра этого дня въ домъ, въ которомъ жило семейство Юнгмана, вслѣдствіе полученнаго извѣстія объ умерщвленіи въ немъ нѣсколькихъ лицъ, онъ засталъ обвиняемаго въ одной рубашкѣ стоящимъ на площадкѣ лѣстницы, на которой лежали три мертвыя тѣла, два женскія и одно мужское; кромѣ того онъ увидѣлъ на постели въ передней комнатѣ въ томъ же этажѣ тѣло мальчика. На каждомъ изъ нихъ были раны на груди, на шеѣ и горлѣ. Всѣ они были еще теплы и въ ночныхъ платьяхъ. На мѣстахъ, на

которыхъ они лежали, равно какъ и на постельномъ бѣльѣ и платьѣ было очень много крови. Простыня кровати, стоявшей въ задней комнатѣ, была слегка замарана кровью такимъ образомъ, что какъ будто кто нибудь обтеръ ею руки. Тѣло мальчика, лежавшее на кровати, было обращено ногами къ изголовью; тѣло другаго мальчика лежало на спинѣ головою къ лѣстницѣ; молодая женщина лежала на правомъ боку, головою за дверью задней комнаты, а ногами къ двери передней, мать же подсудимаго лежала на животѣ и отчасти на тѣлѣ Стритеръ; ея ноги были обращены къ двери передней комнаты, а голова къ задней.—При появленіи инспектора, обвиняемый, не дожидая вопроса, сказалъ ему: «это сдѣлала моя мать. Она подошла къ кровати, на которой я спалъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ, и его убила ножомъ, а меня ранила. Защищая себя, я выхватилъ ножъ изъ ея руки и убилъ ее, если только она умерла».—Когда ему было объявлено, что онъ долженъ быть арестованъ, то онъ сказалъ: «очень хорошо» и безпрекословно послѣдовалъ за полицейскимъ чиновникомъ. При немъ ни чего не было найдено, кромѣ карманной книжки. Но между тѣлами былъ найденъ длинный испанскій складной ножъ, покрытый кровью. Кончикъ его и ручка были отломаны.—При допросѣ въ полицейскомъ судѣ нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ на мѣстѣ совершенія преступленія вмѣстѣ съ инспекторомъ, подсудимый спросилъ у одного изъ нихъ, хозяина дома Бэрдона, не слыхалъ ли онъ или его жена, какъ онъ, подсудимый, закричалъ громкимъ голосомъ: «убійство» и звалъ на помощь своего сосѣда Бэра. Свидѣтель отвѣчалъ отрицательно.

На третій день было произведено коронеромъ слѣдствіе, которымъ обнаружены слѣдующія обстоятельства. *Джемсъ Бэрдонъ* показалъ, что домъ его состоитъ изъ трехъ этажей, изъ которыхъ въ каждомъ по двѣ комнаты; первый этажъ занималъ онъ самъ, второй Бэрдъ, а верхній Юнгманъ съ женою и двумя дѣтьми. Во вторникъ 31 іюля около трехъ четвертей шестаго онъ былъ еще въ постели, когда услышалъ шумъ въ верхнемъ этажѣ дома. Чтобы узнать о причинѣ этого шума, онъ сошелъ съ кровати, но прежде нежели успѣлъ дойти до двери, Бэрдъ постучался и сказалъ: «ради Бога идите на верхъ; тамъ совершено убійство». Тогда онъ сейчасъ же пошелъ наверхъ и на

площадкѣ лѣстницы увидѣлъ мертвое тѣло мальчика. Бэрдъ слѣдовалъ за нимъ. Возвратившись въ свою комнату (причемъ онъ никого не встрѣтилъ и не слыхалъ никакого шума), онъ одѣлся и отправился за полицейскимъ. Приведя въ домъ констабля и инспектора, онъ болѣе не ходилъ наверхъ.—За четверть часа до того времени, какъ онъ услышалъ шумъ, онъ слышалъ какъ кто то вышелъ изъ дому. Онъ думалъ, что это былъ Юнгманъ-отецъ. Никакого говора или крика онъ не слыхалъ. Всходя по лѣстницѣ, онъ встрѣтилъ Уилліама Юнгмана раздѣтымъ, который сходилъ внизъ и сказалъ ему: «все это сдѣлала моя мать; она убила моихъ братьевъ и невѣсту, и я, защищая себя, выхватилъ у нея ножъ и убилъ ее». Бэрдонъ болѣе его не видалъ до тѣхъ поръ, когда онъ былъ приведенъ въ судъ. Ему было извѣстно, что подсудимый былъ въ домѣ въ продолженіи недѣли или десяти дней, но о томъ, что онъ или кто нибудь, кромѣ постоянныхъ жильцовъ, находился тамъ въ ночь съ 30 на 31 іюля, онъ не зналъ, равно какъ и о томъ, что было убито еще четвертое лицо, трупа котораго вовсе не видѣлъ. Съ молодымъ Юнгманомъ онъ никогда не говорилъ. Мать его зналъ, какъ жилицу въ своемъ домѣ, но говорилъ съ нею не часто. Она была, повидимому, женщина съ здравымъ умомъ и хотя ему казалось, что она часто била своихъ дѣтей, но остальное ея обращеніе съ ними онъ находилъ удовлетворительнымъ.

Филлипъ Бэрдъ, жившій въ среднемъ этажѣ дома Бэрдона, показалъ, что онъ занималъ эту квартиру около трехъ мѣсяцевъ. Во вторникъ (31-го іюля) утромъ около 55 минутъ шестаго часа онъ былъ разбуженъ своею женою, которая обратила его вниманіе на шумъ, происходившій вверху. Онъ дѣйствительно услышалъ шумъ и слабый крикъ раздававшійся, какъ казалось, съ площадки. Онъ всталъ съ кровати, отворилъ дверь и опять услышалъ крикъ человѣка, повидимому, еще невзрослаго. Послѣ того стало тихо. Всходя по лѣстницѣ, онъ прежде всего увидѣлъ на ней кровавое пятно и руку мальчика, висѣвшую черезъ рѣшетку перилъ. Поднявшись еще выше, онъ увидѣлъ, что этотъ мальчикъ лежалъ на площадкѣ лѣстницы и что его горло было перерѣзано. Тутъ же лежала молодая женщина, голова которой находилась въ задней комнатѣ, а туловище и ноги

въ передней. Ея горло также было перерѣзано. Въ это время онъ не слышалъ никаго шума, не замѣтилъ въ тѣлахъ никакого движенія и никого болѣе не видѣлъ. Потомъ онъ спустился внизъ и позвалъ хозяина, который также пошелъ на верхъ. Одѣваясь, онъ былъ кѣмъ-то позванъ; выйдя изъ своей комнаты, онъ увидѣлъ на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы Юнгмана-сына, который былъ въ одной рубашкѣ и сказалъ ему: «мистеръ Бэрдъ, все это сдѣлала моя мать; она убила моихъ двухъ братьевъ и невѣсту, а я убилъ ее, защищая себя». Въ рукахъ его ничего не было замѣтно. Правый рукавъ его рубашки былъ разорванъ. Сходивши по просьбѣ подсудимаго за докторомъ, онъ пошелъ на верхъ вмѣстѣ съ констаблемъ и увидѣлъ трупъ г-жи Юнгманъ. Она лежала на ногахъ молодой женщины, и ноги ея касались двери. Всѣ три трупа были въ ночныхъ платьяхъ. Подсудимаго онъ видѣлъ въ послѣдній разъ уже подъ арестомъ и слышалъ, какъ онъ говорилъ: «батюшка, это сдѣлала мать». Легши спать въ понедѣльникъ вечеромъ между 10-ю и 11-ю час., онъ не слышалъ на верху никакого шума до той минуты, когда жена его разбудила. Когда онъ переѣхалъ, въ домъ Бэрдона, семейство Юнгмана уже жило тамъ; съ г-же Юнгманъ онъ говорилъ нѣсколько разъ. Она казалась совершенно здоровою и всегда привѣтливо обращалась съ своими дѣтьми; иногда ихъ наказывала, но не строго, также какъ и мужъ ея. Вообще по ея дѣйствіямъ нельзя было заключить, чтобы она могла подать поводъ къ тому, что случилось. По его мнѣнію убійство было совершено молодымъ Юнгманомъ. Что касается до его отца, то Бэрдъ слышалъ, какъ онъ вышелъ утромъ изъ дома. Когда онъ въ первый разъ пришелъ на верхъ, то задняя дверь была отперта. Была ли также отперта дверь передней комнаты, онъ не замѣтилъ.

Жена этого свидѣтеля, *Сузанна Бэрдъ*, показала, что во вторникъ 31-го іюля утромъ она была разбужена шумомъ, происходившимъ надъ ея комнатой. Ей казалось, что на верху кто-то упалъ. Но чтобы кто-нибудь называлъ ее въ это время по имени, она не слыхала. Она думала, что этотъ шумъ производятъ дѣти и разбудила своего мужа. Тогда шумъ прекратился, мужъ ея всталъ и пошелъ на верхъ; потомъ посѣшно одѣлся и отправился за полиціей. Она видѣла на лѣстницѣ молодаго

Юнгмана, котораго встрѣчала въ домѣ въ теченіи послѣднихъ девяти дней. Онъ былъ одинъ и сказалъ: «мистрисъ Бэрдъ, все это сдѣлала моя мать; она убила моихъ бѣдныхъ маленькихъ братьевъ и мою невѣсту. Я думаю, что я убилъ ее, защищая себя. Посмотрите, прибавилъ онъ, протянувъ руку, что она сдѣлала. Ради Бога, сходите за докторомъ». Рукавъ его рубашки былъ разорванъ. Уходилъ ли Юнгманъ-отецъ, она не видала, но видѣла, что онъ вошелъ въ домъ послѣ того, какъ совершеніе преступленія сдѣлалось извѣстнымъ. Во время своего пребыванія въ домѣ Бэрдона, подсудимый постоянно ночевалъ тамъ. Она никогда съ нимъ не разговаривала. Онъ казался очень тихимъ, умнымъ и разсудительнымъ, и она считала его за очень хорошаго молодаго человѣка. Дѣвица Стритеръ пріѣхала въ домъ Бэрдона вмѣстѣ съ Уилліамомъ Юнгманомъ около 9-ти часовъ вечера въ понедѣльникъ, 30-го іюля и она, Бэрдъ, видѣла ее въ первый разъ въ $9^1/_2$ час., встрѣтивши ихъ на лѣстницѣ, но ни разу съ нею не говорила. Между 9-ю и 10-ю час. онъ стоялъ у двери и казался совершенно трезвымъ. Мать его высунулась изъ окна и позвала его на верхъ, а потомъ сказалъ старшему изъ убитыхъ мальчиковъ, который также былъ возлѣ двери: «Томасъ, скажи Уилліаму, что мнѣ нужно его видѣть». Тогда Уилліамъ пошелъ на верхъ; Стритеръ также удалилась. Въ продолженіи всего времени, какъ она находилась въ отсутствіи, Уилліамъ, какъ полагала Бэрдъ, былъ съ своею матерью. Юнгмана-отца въ это время съ ними не было, но онъ пришелъ черезъ четверть часа. На основаніи того, что Уилліамъ говорилъ, она не имѣетъ никакого сомнѣнія, что г-жа Юнгманъ убита своимъ сыномъ. Съ г-жею Юнгманъ она говорила нѣсколько разъ и утромъ въ понедѣльникъ узнала отъ нея, что Стритеръ должна пріѣхать въ этотъ день. Уходя спать, она не сомнѣвалась, что Стритеръ была съ семействомъ Юнгманъ въ домѣ. Г-жу Юнгманъ она считала совершенно безвредной и разсудительной женщиной. Старшій изъ умершихъ мальчиковъ былъ очень несносенъ и она иногда била его, но не очень сильно и угрозъ съ ея стороны никогда не было.

Дэксонъ Варней, констабль, показалъ, что во вторникъ, въ 6 часовъ, пришелъ къ нему Бэрдъ и сказалъ, чтобы онъ шелъ въ домъ подъ № 16 (въ которомъ жило семейство Юнгманъ), по-

тому-что тамъ совершено убійство. Прійдя въ этотъ домъ, онъ пошелъ наверхъ и увидѣлъ трупъ мальчика, возлѣ ногъ котораго лежали трупы двухъ женщинъ. Всѣ они были въ ночныхъ костюмахъ и очень изранены. Уилліамъ Юнгманъ стоялъ въ одной рубашкѣ въ дверяхъ задней комнаты. Правый рукавъ его рубашки былъ оторванъ и висѣлъ надъ рукою. Онъ сказалъ констаблю: «вотъ зрѣлище то! Все это сдѣлала моя мать. Самъ я убилъ ее, защищая себя; это законно». На его правой ногѣ и правой рукѣ видна была кровь. Онъ былъ очень взволнованъ.—Войдя въ переднюю комнату, Варней увидѣлъ трупъ другаго мальчика, у котораго была большая рана на шеѣ. На постельномъ бѣльѣ было много крови. На полу были замѣтны кровяные слѣды Когда онъ пришелъ наверхъ, двери въ обѣихъ комнатахъ были отперты. Уилліамъ Юнгманъ мѣжду тѣмъ одѣвался въ присутствіи инспектора, безпрестанно повторяя, что это сдѣлала его. мать и что онъ убилъ ее защищаясь.—Никакого оружія Варней не нашелъ, но взялъ съ собою окровавленную рубашку Уилліама и представилъ ее вмѣстѣ съ оторваннымъ рукавомъ.

Изъ показанія констабля *Давида Лакка* видно, что прійдя во вторникъ утромъ вмѣстѣ съ инспекторомъ Данномъ въ верхній этажъ дома, въ которомъ жило семейство Юнгманъ, онъ увидѣлъ на площадкѣ тѣла двухъ женщинъ и мальчика. Уилліамъ Юнгманъ стоялъ тогда въ спальнѣ и сказалъ: «вотъ зрѣлище-то. Все это сдѣлала моя мать». На вопросъ, гдѣ его мать, онъ указалъ на одинъ изъ женскихъ труповъ и сказалъ: «вотъ она; я убилъ ее защищаясь». На вопросъ, лежала-ли на этомъ мѣстѣ молодая женщина, когда онъ убилъ свою мать, онъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Опъ, Лаккъ, нашелъ между трупами ножъ (представленный въ судъ). Этотъ ножъ былъ въ крови. Конецъ его и часть ручки были отломаны. Когда Уилліамъ былъ арестованъ и уведенъ, опъ сдѣлалъ обыскъ въ комнатѣ и нашелъ въ спальнѣ за сундукомъ возлѣ двери рукавъ.—Этотъ рукавъ былъ приложенъ къ рубашкѣ Юнгмана и оказался принадлежавшимъ къ ней.

Самуилъ-Уэльсъ Стритеръ, фермеръ изъ Суссекса, показалъ, что одна изъ убитыхъ женщинъ дѣйствительно была его дочь, Мери Стритеръ, 27 лѣтъ отъ роду. Она жила съ отцомъ съ апрѣля, помогая своей матери въ домашнемъ хозяйствѣ. Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ ее живою въ понедѣльникъ утромъ въ

своемъ домѣ, когда она собиралась ѣхать въ Лондонъ и зналъ, что она хотѣла выйти за-мужъ за Уилліама-Годфрея Юнгмана, и что приготовленія къ свадьбѣ уже были сдѣланы. Этого послѣдняго онъ видѣлъ только одинъ разъ, недѣли двѣ тому назадъ въ своемъ домѣ, гдѣ Уилліамъ провелъ одну ночь. Они были знакомы въ продолженіи четырехъ или пяти лѣтъ, но не видѣли другъ друга 2 или 3 года передъ этимъ, хотя находились, повидимому, въ очень хорошихъ отношеніяхъ.

Затѣмъ былъ допрошенъ отецъ подсудимаго *Джонъ Юнгманъ*, который показалъ, что въ послѣднее время онъ жилъ въ томъ домѣ, въ которомъ было совершено убійство, вмѣстѣ съ своею женою Елисаветою 46 л. и двумя сыновьями Томасомъ 11 л. и Чарльсомъ 6 л. Третій сынъ его, Уилліамъ-Годфрей Юнгманъ имѣлъ мѣсто лакея, которое онъ занималъ около 6 мѣсяцевъ и оставилъ недѣли двѣ тому назадъ. Уилліамъ жилъ съ нимъ и съ тѣхъ поръ какъ оставилъ свое мѣсто, спалъ въ задней комнатѣ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Томасомъ. Въ понедѣльникъ свидѣтель вернулся домой около 10 час. и, увидя Томаса, спросилъ у него, былъ ли Уилліамъ съ Мери Стритеръ въ передней комнатѣ, на что получилъ утвердительный отвѣтъ. Подсудимый и мать его ожидали ея пріѣзда. Но свидѣтель не зналъ, что она пріѣдетъ и что будетъ ночевать у нихъ. Когда онъ узналъ, что она на верху, то онъ не пошелъ въ ту комнату и не видалъ ее, равно какъ и жены своей въ тотъ вечеръ. Пріѣдя домой, онъ сейчасъ-же легъ спать въ задней комнатѣ, гдѣ обыкновенно также спали Уилліамъ и Томасъ, между тѣмъ какъ жена свидѣтеля и Чарльсъ спали въ передней комнатѣ. Немного погодя вошелъ Уилліамъ, раздѣлся и спросилъ, можно ли потушить свѣчу. О Мери Стритеръ между ними не было разговора, такъ-какъ свидѣтель вовсе не мѣшался въ ея отношенія къ своему сыну и не заботился о нихъ. Въ 4 часа утра во вторникъ 31 іюля свидѣтель проснулся и увидѣлъ, что Уилліамъ ложится въ постель и полагая, что онъ вставалъ, чтобы посмотрѣть на часы въ передней комнатѣ, ничего не сказалъ ему. Потомъ снова проснувшись около пяти часовъ, онъ минутъ черезъ двадцать одѣлся и вышелъ изъ дому. Уилліамъ и Томасъ были въ постели и, повидимому, спали. Около $6^1/_2$ час., когда онъ хотѣлъ начать работу въ домѣ своего сына Джона, за нимъ прислали. Первое;

что онъ увидѣлъ поднявшись на лѣстницу, были трупы его жены, Томаса и Стритеръ на площадкѣ и Чарльса въ передней комнатѣ. Въ задней комнатѣ были Уилліамъ и нѣсколько полицейскихъ. Уилліамъ былъ раздѣтъ и сказалъ свидѣтелю: «все это сдѣлала мать». Ножъ, представленный въ судъ, Уилліамъ показывалъ ему дней за девять передъ тѣмъ; раскрывъ его, онъ сказалъ, что это очень хорошій карманный ножъ. Въ рукахъ своей жены свидѣтель никогда не видалъ этого ножа и она ничего о немъ не говорила. Что-же касается до предположеній на счетъ свадьбы Уилліама, то она знала о нихъ и говорила своему мужу, но, повидимому, противилась этой свадьбѣ.—Мери Стритеръ онъ видѣлъ нѣсколько разъ на улицѣ, но никогда не говорилъ съ нею. На счетъ же свадьбы также никогда не говорилъ съ сыномъ, предоставивъ ему въ этомъ отношеніи полную свободу. Сынъ его не имѣлъ никакого состоянія, но, кажется, разсчитывалъ получить деньги за своей невѣстой.—Онъ не зналъ, былъ ли между ними какой-нибудь разговоръ объ этомъ предметѣ.

Кромѣ того, собранными свѣдѣніями обнаружено, что Уилліамъ Юингмапъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы склонить Мери Стритеръ къ браку съ нимъ и получить на то согласіе ея родныхъ. Такъ онъ говорилъ ей, что у него 200 Ф. стерл. ежегоднаго дохода и что онъ будетъ содержать ее какъ благородную даму, между-тѣмъ какъ въ то утро, когда совершено убійство, у него не оказалось ни гроша. Изъ его переписки съ нею также видно, что за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ онъ очень упрашивалъ ее застраховать свою жизнь въ 100 Ф. стерл.; отъ чего она, повидимому, отказывалась вслѣдствіе настоянія своего отца и знакомыхъ. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ Уилліамъ настойчиво уговаривалъ ее пріѣхать въ городъ и привести съ собою всѣ деньги, которыя она могла достать или занять у своихъ друзей, прибавляя къ этому, что ей нѣтъ никакой надобности привозить съ собою вещи, нужныя для свадьбы, потому что ихъ можно купить въ городѣ. Оглашеніе о предстоящемъ бракѣ уже было сдѣлано. Между бумагами подсудимаго былъ найденъ полисъ на застрахованіе жизни Мери Стритеръ въ 100 Ф. стерл., выданный 25 іюля, т. е. за шесть дней до совершенія убійства; по этому полису деньги слѣдовало получить ему послѣ ея смерти. Изъ послѣдующихъ изслѣдованій оказалось, что Уил-

ліамъ Юнгманъ былъ прежде подъ судомъ за кражу серебра у мистера Кита, и въ мартѣ 1859 г. приговоренъ къ тяжелымъ работамъ на одинъ годъ. Когда срокъ его заключенія кончился, то онъ пріискалъ себѣ мѣсто лакея, но въ началѣ іюля 1860 г. былъ уволенъ. Во все продолженіе слѣдствія подсудимый сохранилъ совершенное спокойствіе.

16 августа это дѣло разсматривалось въ центральномъ уголовномъ судѣ. Всѣ свидѣтели, спрошенные при слѣдствіи, подтвердили свои прежнія показанія. Объясненія ихъ не обнаружили никакихъ новыхъ обстоятельствъ, могущихъ имѣть въ настоящемъ дѣлѣ значеніе, кромѣ того, что мать г-жи Юнгманъ и братъ Джопа Юнгмана были нѣкоторое время сумасшедшими и умерли въ домѣ умалишенныхъ, въ которомъ отецъ его также содержался два или три раза и что на тѣлѣ подсудимаго послѣ совершенія убійства не было замѣтно никакой раны. Но кромѣ этихъ свидѣтелей, въ судѣ были допрошены нѣкоторые другіе и выслушаны объясненія доктора *Бодди.*

Изъ объясненій сего послѣдняго видно, что при приходѣ въ домъ Бэрдона утромъ въ день совершенія убійства онъ нашелъ тѣла убитыхъ въ такомъ положеніи, какъ показали вышеприведенные свидѣтели. Они еще были такъ же теплы, какъ обыкновенно бываетъ тепло тѣло живаго человѣка. При осмотрѣ Мери Стритеръ, онъ нашелъ у ней рану въ лѣвой половинѣ груди, проникшую въ грудную полость. Горло ея было буквально перерѣзано отъ одного уха до другаго, повидимому очень крѣпкимъ и острымъ орудіемъ. Сонная артерія и гортанная вена были совершенно разрѣзаны. Эта рана, доходившая до шейныхъ позвонковъ, требовала значительной силы со стороны нанесшаго ее лица и должна была произвести самую быструю смерть, такъ-что умершая не могла имѣть времени закричать. Она была, повидимому, крѣпкаго сложенія. На тѣлѣ матери подсудимаго докторъ нашелъ раны, произведенныя посредствомъ удара острымъ концомъ орудія: двѣ возлѣ лопатки лѣвой руки, а одну на груди. Кромѣ того, на лѣвой сторонѣ шеи умершей былъ глубокій разрѣзъ. Эта рана, по мнѣнію Бодди, была также смертельна, но не могла произвести смерть такъ быстро, какъ рана, нанесенная Стритеръ. На рукахъ обѣихъ женщинъ ранъ не было. На тѣлѣ младшаго изъ убитыхъ мальчиковъ найдены на груди

двѣ раны, нанесенныя посредствомъ удара острымъ концомъ орудія, два разрѣза на лѣвой рукѣ и одинъ на шеѣ, раздѣлявшій шейныя кости и спинной хребетъ. Эта послѣдняя рана должна была произвести столь быструю смерть, что мальчикъ не имѣлъ времени закричать. Старшій мальчикъ былъ уколотъ восемь разъ въ грудь, ребра и шею; кромѣ того у него были раны на губахъ и на горлѣ, на которомъ была перерѣзана только кожа; нѣкоторые пальцы его лѣвой руки были разрѣзаны до костей такимъ образомъ, какъ будто онъ схватилъ какое-нибудь острое орудіе. Раны на его груди были смертельны, потому что одна изъ нихъ проникла до оболочки сердца, а другая до легкихъ. Всѣ эти раны, по мнѣнію доктора, должны были быть произведены орудіемъ подобнымъ пожу, представленному въ судъ, когда конецъ его не былъ еще отломанъ; судя по ранамъ умершихъ, никто изъ нихъ не боролся съ убійцой, кромѣ старшаго мальчика. На перекрестномъ допросѣ Бодди показалъ, что раны на груди старшаго изъ убитыхъ мальчиковъ должны были произвести немедленную смерть и что, по его мнѣнію, мать ихъ въ состояніи сумасшествія имѣла бы достаточно силы, чтобы нанести замѣченныя имъ раны.

Новыя свидѣтельскія показанія дали: Мери Анна Утгонъ, служанка доктора Дэнкана, потомъ этотъ послѣдній, Эдуардъ Спайсъ, содержатель трактира, и Таннеръ, служащій въ страховомъ обществѣ «Аргусъ».—*Первая* изъ нихъ показала, что подсудимый оставилъ мѣсто у доктора Дэнкана 16 іюля и что представленныя въ судъ письма были написаны его рукою.—Докторъ *Дэнкан*ъ показалъ, что во время нахожденія подсудимаго у него въ услуженіи съ 18 апрѣля, онъ не замѣтилъ въ его поведеніи ничего особеннаго; къ этому онъ присовокупилъ на перекрестномъ допросѣ, что будучи хорошо знакомъ съ состояніемъ мономаніи убійства, онъ думаетъ, что въ человѣкѣ, владѣющемъ разсудкомъ, можетъ родиться побужденіе убить другаго и что такой человѣкъ можетъ совершить убійство, сознавая, что это дурное дѣяніе, тогда какъ онъ не въ состояніи противиться этому побужденію.—Эдуардъ *Спайсъ* показалъ, что онъ хорошо зналъ Мери Стритеръ и ея семейство. Она пріѣхала къ нему 23 іюля, и подсудимый посѣщалъ ее; свидѣтелю казалось, что она имѣла намѣреніе выйти за него за-мужъ. Подсудимый говорилъ ему,

что имѣетъ независимое состояніе, заключающееся въ нѣсколькихъ домахъ въ разныхъ частяхъ Лондона. Уилліамъ такъ ему не понравился, что онъ совѣтовалъ ей не выходить за него, говоря, что ей будетъ лучше повѣситься, нежели соединиться узами брака съ такимъ человѣкомъ. 25 іюля они вмѣстѣ уѣхали и съ тѣхъ поръ онъ ихъ не видалъ.—*Таннера* показалъ, что подсудимый, называвшій себя портнымъ, сдѣлавъ въ обществѣ Аргусъ условіе о застрахованіи жизни Мери Стритеръ въ 100 фунт. стерл., 19 іюля пришелъ въ правленіе общества въ сопровожденіи какой-то молодой женщины, которая заплатила премію, и затѣмъ полисъ былъ выданъ ему.

Затѣмъ адвокатъ *Бестъ*, защитникъ подсудимаго, обратился къ присяжнымъ съ рѣчью, въ которой, представивъ, что въ настоящемъ случаѣ нельзя обвинить подсудимаго въ убійствѣ Мери Стритеръ, не обвинивъ въ то же время въ умерщвленіи его матери и двухъ невинныхъ братьевъ, просилъ ихъ хорошенько подумать прежде, нежели они придутъ къ такому страшному заключенію; потомъ онъ доказывалъ, что теорія, принятая обвинителями, была въ высшей степени чудовищна и невѣроятна и что едва ли какой нибудь человѣкъ могъ дойти до такой степени злодѣйства, чтобы убить молодую женщину, къ которой онъ, повидимому, всегда питалъ самое пламенное расположеніе, свою мать и братьевъ, для того только, чтобы получить ничтожную сумму денегъ въ 100 ф. ст.; по его мнѣнію разсказъ подсудимаго о томъ, что его мать убила его невѣсту и братьевъ и въ припадкѣ бѣшенства бросилась на него самого, послѣ чего онъ убилъ ее, защищая себя, очень могъ быть справедливъ. Въ заключеніе своей рѣчи адвокатъ сказалъ, что если было какое нибудь хотя малѣйшее сомнѣніе въ виновности подсудимаго, то оно должно быть истолковано въ его пользу.—Послѣ того судья Уилліамсъ, изложивъ обстоятельства дѣла съ большою отчетливостію и безпристрастіемъ, обращалъ главнымъ образомъ вниманіе присяжныхъ на показаніе самого подсудимаго о томъ, что онъ выхватилъ ножъ изъ рукъ своей матери послѣ того, какъ она, по его словамъ, убила его невѣсту и двухъ братьевъ; если это показаніе было справедливо, то ему не было никакой надобности убивать ее, когда она была беззащитна и легко могла быть удержана.

Совѣщаніе присяжныхъ продолжалось 10 минутъ, послѣ чего

они произнесли обвинительный приговоръ. Когда клеркъ торжественно спросилъ подсудимаго, не можетъ ли онъ представить какихъ либо основаній, вслѣдствіе которыхъ онъ по закону не долженъ бы былъ быть присужденъ къ смертной казни, Уилліамъ Юнгманъ отвѣчалъ: «я невиненъ».

Судья надѣлъ черную шапку и, сказавъ подсудимому нѣсколько словъ о важности совершеннаго имъ преступленія, произнесъ смертный приговоръ. Подсудимый сохранилъ прежнее хладнокровіе и когда судья кончилъ, спокойно повернулся и твердымъ шагомъ вышелъ изъ залы.

За нѣсколько дней до казни, обвиненнаго посѣтили его отецъ, братъ и двѣ сестры. Но это свиданіе далеко не походило на другія подобныя свиданія. Между отцомъ и сыномъ произошла весьма непріятная сцена. Обвиненный началъ упрекать своего отца въ очень жесткихъ выраженіяхъ за дурное обращеніе съ нимъ, за то, что онъ былъ дурнымъ мужемъ для своей жены и дурнымъ отцомъ для своихъ дѣтей; начавъ съ упрековъ, обвиненный дошелъ до совершенной ярости. Отецъ возражалъ ему такимъ же образомъ и дѣло дошло до того, что начальникъ тюрьмы долженъ былъ вывести отца обвиненнаго изъ его комнаты. Только кроткія увѣщанія сестеръ преступника могли его нѣсколько успокоить. Тогда онъ перенесъ весь свой гнѣвъ на одного изъ свидѣтелей, присутствовавшихъ при производствѣ надъ нимъ суда, Эдуарда Спайса, который дурно о немъ отозвался. Относительно своего участія въ совершеніи преступленія онъ твердо стоялъ на прежнихъ показаніяхъ и нѣсколько разъ торжественно объявлялъ о своей невинности. При прощаніи онъ даже заплакалъ. Всѣ старанія пастора и начальника тюрьмы склонить обвиненнаго къ признанію въ преступленіи и раскаянію были безполезны, хотя при чтеніи молитвъ онъ видимо проникался благоговѣніемъ. Только одинъ разъ, когда вмѣсто того, чтобы по обыкновенію настаивать на утвержденіи о своей невинности, онъ сохранилъ глубокое молчаніе, представилась слабая надежда на успѣхъ. Но эта надежда не оправдалась. Въ день казни пасторъ еще разъ возобновилъ свои увѣщанія, уговаривая обвиненнаго не кончать своего земнаго существованія ложью.

«Въ такомъ случаѣ я солгу, если скажу, что я виноватъ», отвѣчалъ онъ.

Около девяти часовъ утра онъ вышелъ изъ тюрьмы, поблагодаривъ пастора и тюремныхъ чиновниковъ за ихъ заботы и услуги. Придя къ воротамъ, онъ былъ связанъ палачомъ и потомъ въ сопровожденіи пастора, который читалъ похоронныя молитвы, помощниковъ шерифа, начальника тюрьмы, доктора и главнаго констабля онъ отправился на мѣсто казни. Не смотря на страшную блѣдность, онъ былъ, повидимому, спокоенъ и твердымъ шагомъ взошелъ на подмостки, куда за нимъ послѣдовали только пасторъ, два тюремщика и палачъ. Ставъ подъ висѣлицу, онъ на нѣсколько минутъ погрузился въ молитву. Послѣднія его слова были обращены къ пастору. «Благодарю васъ, мистеръ Джесонъ», сказалъ онъ, «за вашу доброту; повидайтесь съ моимъ братомъ и передайте мой поклонъ ему и всему моему семейству». Вздернутая петля въ нѣсколько секундъ прекратила его жизнь. До 30,000 лицъ были зрителями этой сцены и по окончаніи ея спокойно разошлись по своимъ домамъ.

XX. Дѣло о убійствѣ Анны Вольгемутъ.

Въ курфирштествѣ Гессенъ-Кассель, при подошвѣ Зиллингвальда, въ пустынной и безплодной мѣстности, лежитъ деревня Зорга. Изъ этой деревни въ концѣ іюня 1856 года вышли два мальчика, Генрихъ Вольгемутъ, 10 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ, и Адамъ Гейнцъ, 9 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, чтобы собирать милостыню въ деревняхъ по Фульдѣ и Гаунѣ. Первый изъ нихъ несъ на спинѣ свою четырехлѣтнюю сестру Анну-Варвару Вольгемутъ, жалкое и больное дитя, которое не было въ состояніи ходить. Онъ взялъ ее съ собою быть можетъ потому, что дома некому было за нею смотрѣть, или же съ цѣлію возбуждать сожалѣніе. Около двухъ недѣль бродили уже дѣти, собирая днемъ милостыню и проводя ночи въ конюшняхъ и на сѣновалахъ, когда мать Генриха Вольгемута послала за нимъ свою семнадцатилѣтнюю дочь Анну-Катерину Вольгемутъ. Эта послѣдняя встрѣтилась въ Керсненгаузенѣ съ Гейнцемъ и узнала отъ него, что ея братъ также въ этой деревнѣ. На вопросъ о маленькой сестрѣ, Гейнцъ отвѣчалъ: «она все еще у твоего брата на спинѣ». Вскорѣ затѣмъ Анна-Катерина нашла своего брата, но безъ ребенка. Генрихъ Вольгемутъ сказалъ ей: «что ребенокъ умеръ и

лежитъ на кладбищѣ, но на какомъ, — онъ не знаетъ». Послѣ дальнѣйшихъ распросовъ сестры, онъ увѣрялъ ее: «что въ Менсгаузенѣ взяла у него ребенка какая-то женщина съ тѣмъ, чтобы доставить его матери». Потомъ онъ показалъ: «что онъ оставилъ его въ Керспенгаузенѣ». Но его слова не подвердились. Тогда наконецъ онъ объявилъ: «что ребенокъ лежитъ около Германшпигеля въ водѣ, куда его бросилъ Адамъ Гейнцъ». Спустя нѣсколько времени Анна-Катерина Вольгемутъ, уже вмѣстѣ съ своимъ братомъ, встрѣтила въ Бейерсгаузенѣ снова Адама Гейнца, который при этомъ обвинилъ Генриха Вольгемута въ совершеніи убійства. Но этотъ послѣдній съ своей стороны настойчиво сваливалъ вину на Гейнца. Когда затѣмъ мать Адама Гейнца также послала за нимъ свою семнадцатилѣтнюю дочь, онъ тотчасъ отвѣчалъ на ея вопросъ, что они сдѣлали съ ребенкомъ: «не я сдѣлалъ, а Вольгемутъ». Гейнцъ говорилъ также своей матери, что онъ объявилъ о случившемся бюргермейстеру въ Германшпигелѣ, но это показаніе оказалось несправедливымъ. При такихъ обстоятельствахъ, какъ на Генриха Вольгемута, такъ и на Адама Гейнца пало подозрѣніе въ убійствѣ Анны-Варвары Вольгемутъ. Оба мальчика подвергнуты были аресту и надъ ними произведено слѣдствіе. Адамъ Гейнцъ, не противорѣча всему тому, что онъ говорилъ своимъ домашнимъ, представлялъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ: «въ понедѣльникъ 7 іюля около полудня, когда мы шли изъ Оденсаксена по направленію къ Германшпигелю, Вольгемутъ сказалъ мнѣ: «я скоро отдѣлаюсь отъ ребенка; мой горбъ совсѣмъ разболѣлся, я усталъ; чтобы не таскать его долѣе, я брошу его въ р. Гауну». Онъ повторялъ это нѣсколько разъ. Я сказалъ ему: «ты не смѣешъ это сдѣлать». Мы пришли къ мостику, ведущему черезъ Гауну. Я шелъ впереди Вольгемута, который остановился на мосту и сказалъ: «я его теперь брошу». Съ этими словами онъ снялъ ребенка со спины и поставилъ на мостъ. Дитя билось и кричало: «ахъ Геннерхенъ, Геннерхенъ, пусти меня». Я закричалъ Вольгемуту: оставь его, а между тѣмъ высматривалъ, нѣтъ ли вблизи помощи. Вдругъ услыхалъ: бухъ, и когда оборотился въ ту сторону, гдѣ стоялъ Вольгемутъ, то дитяти уже не было болѣе. Вскорѣ затѣмъ его голова показалась изъ воды, но не надолго, теченіе унесло его. Я громко закричалъ, Вольгемутъ же оставался на мосту, не говоря

ни слова. Я сказалъ ему, проходя мимо: вѣдь ты убійца и попадешь навсегда въ кандалы. Тогда онъ сильно покраснѣлъ». Адамъ Гейнцъ велъ себя при этомъ разсказѣ, (какъ значится въ протоколѣ), совершенно открыто, не возбуждая никакого сомнѣнія въ справедливости своихъ словъ.—*Генриха Вольгемута* отрицая справедливость словъ Адама Гейнца, показалъ слѣдующее: «въ понедѣльникъ утромъ шли мы изъ Оденсаксена къ Германшпигелю. Около полудня мы были у моста, ведущаго чрезъ Гауну; Гейнцъ шелъ впереди, а я за нимъ. Гейнцъ пошелъ далѣе, а я перейдя чрезъ мостъ, сѣлъ на концѣ его у воды, чтобы отдохнуть. Тогда Гейнцъ возвратившись, сказалъ: «ты никогда не получишъ ребенка назадъ», взялъ его у меня со спины, понесъ его на средину моста и оттуда бросилъ чрезъ перила въ воду, внизъ по теченію рѣки и побѣжалъ по направленію къ Оденсаксену. Я между-тѣмъ сидѣлъ спокойно и ждалъ человѣка, который шелъ изъ Германшпигеля и который по моей просьбѣ пытался вытащить ребенка изъ воды шестомъ, лежавшимъ по близости на лугу. Ребенокъ спачала пошелъ внизъ, потомъ поднялся на верхъ и проплылъ до куста, гдѣ онъ снова исчезъ изъ нашихъ глазъ. Этотъ человѣкъ изъ Оденсаксена, онъ живетъ въ ряду домовъ у трактира, я былъ уже нѣсколько разъ въ его домѣ и просилъ у него милостыни, но его имени я не знаю. На немъ были клѣтчатыя панталоны, суконная куртка и круглая фуражка. У него рыжая борода; Гейнцъ сказалъ мнѣ потомъ, чтобы я ничего не говорилъ о случившемся моей матери. Онъ не сказалъ мнѣ, зачѣмъ онъ бросилъ дитя въ воду; но я думаю, что онъ не хотѣлъ, чтобы я съ нимъ болѣе таскался».—Вольгемутъ показалъ при допросѣ присутствіе духа. Онъ сначала плакалъ, а потомъ старался, (очевидно насильно, какъ говоритъ протоколъ), выжать изъ глазъ слезы. Когда затѣмъ потребовали отъ Генриха Вольгемута, чтобы онъ отыскалъ въ сопровожденіи суда домъ того человѣка изъ Оденсаксена, который по его словамъ пытался спасти ребенка, тогда онъ пошелъ изъ трактира по деревнѣ, ища дома, дошелъ до мельницы и указалъ на нее, какъ на жилище этого человѣка, приметы котораго были уже имъ описаны. Но ни мельникъ, ни его работники не подошли подъ описаніе Вольгемута. Мѣстный бюргермейстеръ объявилъ съ своей стороны, что ни въ самой деревнѣ, ни въ ея окрест-

ностяхъ не носилось слуховъ, будто-бы какой то человѣкъ старался вытащить шестомъ изъ воды Анну-Варвару Вольгемутъ. И такъ разсказъ Вольгемута, по крайней мѣрѣ отчасти, являлся незаслуживающимъ довѣрія.—По судебному осмотру оказалось, что тропинка, ведущая изъ Оденсаксена въ Германшпигель, проходитъ чрезъ мостъ на Гаунѣ. Этотъ мостъ, на который указывали оба обвиненные какъ на мѣсто совершенія преступленія, имѣлъ ширину, разсчитанную для пѣшехода, и снабженъ по обѣимъ сторонамъ перилами. Онъ длиною въ 22 шага, между тѣмъ какъ Гауна подъ нимъ вдвое уже. Онъ возвышался надъ поверхностью воды на 12 футовъ. Гауна, текущая подъ мостомъ довольно тихо, имѣла столь значительную глубину, что въ ней не видна дна. Такая же глубина продолжается внизъ по теченію рѣки. Вслѣдствіе предпринятыхъ изслѣдованій, 22-го іюля подъ мостомъ между Оденсаксеномъ и Германшпигелемъ былъ дѣйствительно найденъ трупъ Анны Вольгемутъ. Врачи, которые по толстой головѣ, опухшему желудку и очень исхудалому тѣлу признали, что ребенокъ страдалъ сухоткою, дали заключеніе, что его смерть послѣдовала отъ утопленія.—Когда обоихъ мальчиковъ привели къ трупу, Адамъ Гейнцъ, подойдя къ Вольгемуту, закричалъ: «ну, вотъ посмотри, что ты сдѣлалъ.» Вольгемутъ отвѣчалъ: «онъ также это сдѣлалъ». Затѣмъ они начали спорить и угрожать другъ другу. Когда увели Гейнца и стали уговаривать Вольгемута открыть истину, то онъ, стараясь выжать изъ глазъ слезы, увѣрялъ жалобнымъ тономъ въ своей невинности и сваливалъ вину на Гейнца, причемъ однако у него сорвались слова: «онъ *также* это сдѣлалъ». При дальнѣйшемъ допросѣ, онъ показывалъ, какъ и прежде, что Гейнцъ схватилъ у него со спины ребенка и бросилъ его въ воду. И такъ оба мальчика остались при своихъ первыхъ показаніяхъ. Вольгемутъ старался казаться печальнымъ, Гейнцъ былъ по прежнему откровенъ и развязенъ.

Что касается семейныхъ обстоятельствъ и характеровъ обоихъ обвиненныхъ, то должно замѣтить слѣдующее: Генрихъ Вольгемутъ, родившійся 10-го марта 1846 года, евангелическаго исповѣданія, сынъ поденьщика Якова Вольгемута и его жены, Анны-Катерины, урожденной Ванкъ. Семейство его, состоящее кромѣ родителей изъ семи большею частію несовершеннолѣт-

нихъ дѣтей, жило въ крайней бѣдности. — Жена Якова Вольгемута показала: «я столь бѣдна, что принуждена прибѣгать къ милостынѣ, потому-что одна работа моихъ рукъ не въ состоянiи пропитать дѣтей.» Ея мужъ и двѣнадцатилѣтнiй сынъ сидѣли въ рабочемъ домѣ за воровство и это одно обстоятельство уже могло-бы лишить семейство добраго имени.—Адамъ Гейнцъ, родившiйся 3-го сентября 1846 года, также евангелическаго исповѣданiя, сынъ умершаго кузнеца Николая Гейнца и его жены Анны-Марiи, урожденной Гутберлетъ. Вдова съ своими дѣтьми жила также въ бѣдности, но ея семейство пользовалось лучшею славою. Деревенскiй учитель *Дитцель*, у котораго спросили его мнѣнiе объ обоихъ мальчикахъ, показалъ слѣдующее: «Генрихъ Вольгемутъ изъ дурнаго семейства и испытанный во всемъ худомъ. При небольшихъ способностяхъ и частомъ непосѣщенiи школы, вслѣдствiе безполезнаго шатанья, онъ остановился на низшей ступени развитiя. При почти совершенномъ отсутствiи религiознаго чувства у его родителей и проистекающемъ отъ того дурномъ воспитанiи дѣтей, въ груди этого мальчика почти подавленъ зародышъ всякой нравственности и религiи. Къ тому же съ самаго ранняго дѣтства въ немъ развилась склонность къ лѣности, кражѣ, лжи и отвращенiе къ откровенному признанiю въ истинѣ. Ни ласковыя слова, ни серьезныя угрозы не производятъ на него никакого дѣйствiя.— Адамъ Гейнцъ отъ природы живой мальчикъ, съ довольно значительными способностями; онъ подавалъ надежды, что изъ него выйдетъ порядочный человѣкъ. Вслѣдствiе крайней бѣдности своей матери, онъ долженъ былъ издавна искать себѣ хлѣба у дверей добрыхъ людей. Частое непосѣщенiе школы, въ соединенiи съ небольшимъ прилежанiемъ и разсѣянностью, было причиною, что его познанiя весьма ограниченны. Когда онъ сдѣлаетъ что-нибудь худое, то его не трудно довести до признанiя. Вообще нельзя сказать ничего дурнаго о его нравственности. Въ немъ есть религiозное чувство.—Я думаю, что Генрихъ Вольгемутъ виновенъ въ совершенiи преступленiя. Если бы его совершилъ Адамъ Гейнцъ, то онъ уже признался бы». *Бюргермейстеръ* съ своей стороны также показалъ слѣдующее: «Вольгемутъ совершенно испорченный мальчикъ, равно какъ и все его семейство, которое постоянно занимается воровствомъ.

Гейнцъ гораздо прямѣе, откровеннѣе и имѣетъ добрый нравъ; его семейство ведетъ себя безукоризненно». Впослѣдствіи *деревенскій учитель* далъ еще слѣдующій отзывъ: «Адамъ Гейнцъ знаетъ текстъ десяти заповѣдей и евангелическо-христіанскаго символа вѣры. Онъ знаетъ, что нарушеніе заповѣдей, въ особенности же заповѣди: «не убій», влечетъ за собою наказаніе предъ Богомъ и людьми. Что же касается Генриха Вольгемута, то онъ запомнилъ только нѣкоторыя заповѣди. Должно также предполагать, что онъ не вполнѣ сознаетъ виновность убійства».—Медицинскій совѣтникъ докторъ Вигандтъ, присутствовавшій въ качествѣ эксперта при преніяхъ въ судѣ присяжныхъ, заявилъ объ обвиненныхъ мнѣніе, нѣсколько отличное отъ мнѣнія учителя Дитцеля. «Вольгемутъ имѣетъ болѣе острый умъ, нежели Гейнцъ. Въ физическомъ отношеніи они оба развиты. Умственное ихъ развитіе соотвѣтствуетъ ихъ возрасту».—Мать Генриха Вольгемута показала, между прочимъ, что сынъ ея взялъ свою маленькую сестру и пошелъ собирать милостыню безъ ея позволенія и противъ ея воли. Но Генрихъ Вольгемутъ, отрицая показанія своей матери, утверждалъ, что она приказала ему вмѣстѣ съ сестрою собирать въ окрестностяхъ милостыню.—При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія было открыто, что нѣсколько человѣкъ, видѣли обоихъ мальчиковъ 7-го іюля, т. е. въ день совершенія преступленія, а именно: въ этотъ день *около 9 часовъ утра* 14-лѣтній мальчикъ Иванъ Рибеншталь, возвращаясь изъ Мауерса въ Мюзенбахъ, увидѣлъ при входѣ въ свою деревню двухъ мальчиковъ, сидѣвшихъ на камняхъ. У одного изъ нихъ было на спинѣ маленькое дитя, казавшееся весьма жалкимъ и измученнымъ. Предполагая, что мальчики худо обращаются съ этимъ ребенкомъ, Рибеншталь сталъ ихъ въ томъ упрекать. На это несшій ребенка отвѣчалъ ему: «да *мы* его били, хочешь ты посмотрѣть? одинъ билъ, а другой держалъ на спинѣ». Съ этими словами онъ поднялъ рубашку ребенка и показалъ его спину, покрытую красноватыми рубцами. Другой мальчикъ при этомъ молчалъ.

При очной ставкѣ свидѣтель указалъ на Вольгемута, какъ на мальчика, несшаго ребенка, и на Гейнца, какъ на его спутника. Вольгемутъ *признался*, что онъ дѣйствительно показывалъ свидѣтелю спину сестры, которая была покрыта красными

пятнами, но утверждалъ, что эти пятна произошли отъ ударовъ, нанесенныхъ его матерью за то, что дѣвочка не хотѣла съ нимъ идти. При очной ставкѣ съ матерью, онъ отказался отъ этого показанія. Гейнцъ съ своей стороны утверждалъ, что Вольгемутъ, указывая свидѣтелю на пятна, сказалъ: *я* его билъ», и говорилъ, что Вольгемутъ во время дороги обращался съ ребенкомъ весьма «гнусно» и билъ его прутомъ до того, что вся его спина покрылась рубцами.—Въ этотъ же день *около полудня* шла по дорогѣ изъ Герсфельда въ Оденсаксенъ дѣвушка Гертруда Бершъ. Перейдя чрезъ вышеупомянутый мостъ на Гаунѣ, она увидѣла маленькое дитя, которое сидѣло въ палящемъ солнечномъ зноѣ на лугу у дороги, и въ нѣкоторомъ отдаленіи двухъ мальчиковъ, которые въ шутку боролись другъ съ другомъ. Она спросила ребенка, кто его сюда посадилъ, не его ли мать, на что онъ отвѣчалъ: «нѣтъ». На дальнѣйшій вопросъ, откуда онъ и не голоденъ ли, ребенокъ отвѣчалъ, что онъ изъ Зорги и что онъ голоденъ. Тогда Бершъ дала ему кусокъ хлѣба, подняла рубашку и замѣтила, что ребенокъ совершенно синь и до того худъ, что на немъ только одни кости. Она взяла ребенка и посадила его шагахъ въ восьми подъ тѣнью дерева. Между-тѣмъ какъ она занималась съ ребенкомъ, къ ней подбѣжали два мальчика (въ Гейнцѣ она узнала одного изъ нихъ). Когда она спросила мальчиковъ, зачѣмъ они оставляютъ ребенка одного на солнечномъ жару, Гейнцъ посмотрѣлъ на нее «украдкою» и отвѣчалъ: «ахъ, онъ тамъ хорошо сидитъ». Бершъ пошла затѣмъ своею дорогою и вскорѣ услышала, какъ часы били двѣнадцать.

Въ это же время Генрихъ Мансъ шелъ по тропинкѣ, ведущей изъ Оденсаксена въ Штейнклопфенъ, и видѣлъ на лугу двухъ мальчиковъ, около которыхъ лежало на землѣ маленькое дитя. *Около трехъ часовъ* онъ отправился на лугъ за Гауну. Переходя чрезъ мостъ, онъ увидѣлъ тѣхъ же двухъ мальчиковъ, *безъ дитяти*, на правомъ берегу рѣки. Одинъ изъ нихъ, Гейнцъ, стоялъ у самой воды и смотрѣлъ на нее, другой же, Вольгемутъ, нѣсколько дальше вверхъ по рѣкѣ на крутомъ берегу. Мансъ подошелъ къ нимъ ближе и спросилъ ихъ, что они дѣлаютъ, на что они отвѣчали: «ничего». Вмѣстѣ съ тѣмъ были открыты слѣдующія обстоятельства, предшествовавшія дню совершенія

преступленія: *въ первыхъ числахъ іюля*, а именно до 7-го іюля, мальчикъ Антонъ Гэманнъ изъ Зорги, прося милостыни въ окрестностяхъ этой деревни, встрѣтился съ незнакомымъ человѣкомъ, который спросилъ его, откуда онъ, и получивъ въ отвѣтъ изъ Зорги, разсказалъ ему, что двое мальчиковъ изъ его деревни бросили ребенка въ воду. Незнакомецъ узналъ это отъ очевидца, проѣзжаго, который около Рихтгофа видѣлъ, какъ два мальчика бросили ребенка въ Фульду; ребенокъ держался за одного мальчика и кричалъ: «Геннеръ, не бросай меня въ воду, я ничего не скажу дома». Затѣмъ мальчики убѣжали, оставивъ ребенка въ водѣ. Проѣзжій вытащилъ ребенка изъ воды, посадилъ на берегъ и потомъ сталъ за толстое дерево, чтобы поймать мальчиковъ. Но мальчики, возвратившись назадъ и схвативъ дитя, столь быстро побѣжали съ нимъ въ лѣсъ, что тотъ не могъ ихъ догнать. Вскорѣ послѣ этой встрѣчи Антонъ Гэманнъ узналъ въ деревнѣ Гаттенбахѣ отъ незнакомой ему нищей, что недалеко отъ этой деревни она видѣла мальчика, который погружалъ голову маленькой дѣвочки въ воду. Она думала, что мальчикъ хочетъ утопить дитя и потому поспѣшила къ нему. Когда она подошла, мальчикъ сказалъ, что онъ хотѣлъ только напоить его.

Въ Нидеріоссѣ разсказывали Антону Гэманну тѣ, у которыхъ онъ просилъ милостыни, что мальчикъ изъ Зорги бросилъ дитя въ воду, и въ то же время просили его сообщить объ этомъ кому-нибудь изъ его деревни, прибавляя, что мальчикъ не давалъ ребенку хлѣба, хотя имѣлъ полную сумку, и говорилъ, что ему не нужно хлѣба.—Оба обвиненныхъ мальчика отрицали показанія Антона Гэманна. Всѣ изслѣдованія съ цѣлію разъяснить вышеприведенныя обстоятельства оставались безъ успѣха, пока судъ не отправился лично въ Гаттенбахъ, гдѣ онъ узналъ слѣдующее: еще *въ пятницу*, *4-го іюля*, многія дѣти изъ Гаттенбаха видѣли въ полѣ близъ своей деревни двухъ мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ несъ на спинѣ маленькаго жалкаго ребенка. Когда мальчики пришли къ находящемуся въ полѣ холму, то несшій дитя снялъ его со спины, посадилъ на землю и далъ ему толчекъ, отчего оно скатилось съ холма. Восьмилѣтній Каспаръ Мансъ подошелъ къ этому мальчику и спросилъ его, неужели ему не жаль ребенка, на что тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ.

Дитя между-тѣмъ кричало: «ахъ Геннерхенъ, Геннерхенъ, оставь меня». Другой мальчикъ стоялъ молча вблизи. Затѣмъ первый мальчикъ взялъ дитя опять на спину и пошелъ съ нимъ къ протекающему вблизи ручью Гаттѣ; прійдя къ ручью онъ раздѣлъ дитя до гола и бросилъ его въ воду, такъ-что оно упало на спину. Потомъ онъ взялъ шестъ и билъ имъ дитя по животу и груди, какъ будто желая утопить его. Дитя кричало, какъ и прежде: «Геннерхенъ, Геннерхенъ, оставь меня, я буду слушаться». Другой мальчикъ между тѣмъ равнодушно сидѣлъ вблизи. Наконецъ первый мальчикъ пересталъ бить дитя и подозвалъ своего товарища. Тогда они оба вытащили дитя изъ воды и одѣли. Первый мальчикъ взялъ его снова къ себѣ на спину и понесъ въ деревню. Деревенскіе мальчики шли за ними и упрекали ихъ, что они такъ худо обращаются съ ребенкомъ, на что получили въ отвѣтъ: «дитя не возвратится домой, оно будетъ брошено въ Фульду или въ Гауну». Нѣкоторые изъ мальчиковъ показали, что они слышали эту угрозу отъ того мальчика, который несъ ребенка и билъ его; другіе же, что они слышали ее отъ обоихъ. Но всѣ мальчики единогласно указали на Вольгемута, какъ на несшаго и бившаго ребенка, и на Гейнца, какъ на его спутника.—Адамъ Гейнцъ подтверждалъ показанія мальчиковъ о томъ, что Вольгемутъ билъ ребенка и прибавлялъ, что причиною этому было то обстоятельство, что ребенокъ получилъ въ деревнѣ пироги и съѣлъ ихъ, не подѣлившись съ братомъ. Но Гейнцъ отрицалъ, показанія, что онъ говорилъ, будто бы ребенокъ не возвратится живой въ Зоргу; напротивъ того онъ утверждалъ, что онъ съ двумя мальчиками изъ Гаттенбаха старался защитить ребенка отъ Вольгемута.

Когда судъ спросилъ Вольгемута, что случилось съ ребенкомъ въ Гаттенбахѣ, то онъ отвѣчалъ: «я долженъ немного подумать», и затѣмъ сказалъ послѣ довольно долгаго молчанія: «въ то время, какъ мы отдыхали у Гаттенбаха, дитя выпачкалось съ головы до ногъ. Мы его раздѣли и вымыли. Гейнцъ помогалъ мнѣ при этомъ. Я его не билъ и не сбрасывалъ съ холма».

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, открытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, Генрихъ Вольгемутъ и Адамъ Гейнцъ были обвинены предъ судомъ присяжныхъ въ

убійствѣ Анны-Варвары Вольгемутъ съ заранѣе обдуманнымъ умысломъ.

Въ засѣданіи суда присяжныхъ Вольгемутъ между прочимъ показалъ слѣдующее: «когда мы были у Гаттенбаха, Гейнцъ старался меня уговорить бросить ребенка въ воду. Онъ помогалъ мнѣ бить ребенка, онъ билъ его болѣе меня, чтобы заставить его замолчать. Я ударилъ ребенка два раза за то, что онъ называлъ меня Гейнцомъ (прозвище—вмѣсто Генрихъ). Гейнцъ угрожалъ, а не я, бросить дитя въ Фульду или Гауну». Президентъ суда, съ цѣлію довести обвиненныхъ до признанія, просилъ деревенскаго учителя Дитцеля поговорить съ ними о совершенномъ преступленіи въ присутствіи присяжныхъ и публики. Эта мѣра не имѣла успѣха. Во время преній учитель объявилъ, что онъ только-что говорилъ съ Вольгемутомъ предъ входомъ въ залу суда и что тотъ ему сказалъ: «дитя крѣпко за меня держалось и силилось обороняться, но у него были такія слабыя ручонки». Вольгемутъ съ своей стороны утверждалъ, что онъ упомянулъ только о слабыхъ ручонкахъ, но не говорилъ, что дитя крѣпко за него держалось и силилось обороняться.

Послѣ окончанія преній по настоящему дѣлу, присяжные 23 августа 1856 года единогласно признали Генриха Вольгемута виновнымъ въ убійствѣ своей сестры Анны-Варвары Вольгемутъ съ заранѣе обдуманнымъ умысломъ. Что же касается до Адама Гейнца, то они освободили его отъ всякой отвѣтственности. На основаніи приговора присяжныхъ, уголовный судъ провинціи Фульды опредѣленіемъ того же дня присудилъ Генриха Вольгемута, за совершенное имъ убійство родственника съ смягчающимъ вину обстоятельствомъ, состоящимъ въ его малолѣтствѣ, къ двѣнадцатилѣтнему заключенію въ рабочемъ домѣ. Несмотря на возраженія защитника обвиненнаго, это опредѣленіе было утверждено 20 ноября 1856 года верховнымъ апелляціоннымъ судомъ въ Кассель.

Во исполненіе послѣдовавшаго приговора Генрихъ Вольгемутъ 5-го сентября 1856 года поступилъ въ исправительное заведеніе въ Цигенгайнѣ.

Изъ свѣдѣній, имѣемыхъ объ этомъ малолѣтнемъ преступникѣ, видно, что начальство исправительнаго заведенія обратило

на него особенное вниманіе и неусыпно заботится о его воспитаніи и образованіи.

Вотъ что говоритъ духовникъ исправительнаго заведенія въ своемъ донесеніи о Вольгемутѣ, спустя два года послѣ его поступленія: «когда Вольгемутъ поступилъ въ заведеніе, онъ стоялъ на самой низкой степени умственнаго и религіознаго развитія. Онъ едва зналъ буквы. Его религіозныя понятія были столь же мало развиты, какъ у шестилѣтняго ребенка изъ порядочнаго семейства. Онъ пахально лгалъ и носилъ на себѣ отпечатокъ полнаго пренебреженія его воспитаніемъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ находится въ здѣшнемъ заведеніи, умственныя его силы, при хорошихъ способностяхъ, весьма развились. По своимъ познаніямъ онъ стоитъ наравнѣ съ среднимъ классомъ народныхъ школъ: онъ читаетъ хорошо, пишетъ и считаетъ довольно порядочно. Его познанія въ религіи удовлетворительны: онъ можетъ, почти безъ остановки, сказать наизустъ катехизисъ съ нѣкоторымъ числомъ библейскихъ текстовъ и церковныхъ пѣсенъ, знакомъ съ священною исторіею и знаетъ содержаніе и мелодію извѣстнѣйшихъ церковныхъ пѣсенъ. Его поведеніе весьма хорошо; въ немъ не замѣтно злобы и упрямства, онъ уживчивъ и старается сохранить порядокъ между своими товарищами. Когда я говорю ему о его преступленіи, онъ отвѣчаетъ слезами. А потому я не сомнѣваюсь, что при продолженіи его воспитанія и образованія въ заведеніи изъ него выйдетъ благочестивый христіанинъ и полезный членъ человѣческаго общества». Къ этому прибавляетъ директоръ: «Генрихъ Вольгемутъ весьма подвинулся впередъ въ умственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Если онъ будетъ продолжать идти, какъ шелъ до сихъ поръ, то онъ можетъ быть во время конфирмованъ, и тогда должно постараться выучить его портняжному или сапожному ремеслу и кромѣ того тканью».

При оцѣнкѣ настоящаго процесса, нужно обратиться къ фактической его сторонѣ, т. е. къ разрѣшенію вопроса о томъ, кѣмъ было совершено убійство Анны-Варвары Вольгемутъ. Свидѣтель Генрихъ Мансъ показываетъ, что 7-го іюля около полудня онъ видѣлъ близъ Гауны Генриха Вольгемута и Адама Гейнца съ *ребенкомъ* и что нѣсколько, часовъ спустя при

нихъ *не было уже ребенка* и они оба стояли на берегу рѣки и смотрѣли на воду. Обвиненные, хотя и сваливаютъ вину другъ на друга, однако согласны въ своихъ показаніяхъ, что ребенокъ былъ брошенъ 7-го іюля съ моста въ Гаупу. Наконецъ медицинское свидѣтельство объ осмотрѣ и вскрытіи трупа Анны Вольгемутъ говоритъ, что смерть ея послѣдовала отъ утопленія. Всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ мѣста и времени совершенія преступленія, а также и лицъ, совершившихъ преступленіе, т. е. изъ нихъ видно, что виновника убійства должно искать только между двумя мальчиками, сопровождавшими Анну Вольгемутъ. Затѣмъ *остается опредѣлить, виновны ли оба мальчика или же один* изъ нихъ. Для разрѣшенія этого вопроса должно обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: когда привели обоихъ мальчиковъ къ трупу Анны Вольгемутъ и стали убѣждать Генриха Вольгемута открыть истину, то онъ, увѣряя въ своей невинности и обвиняя Гейнца, между прочимъ сказалъ: «онъ (т. е. Гейнцъ) *также* это сдѣлалъ». Затѣмъ Генрихъ Вольгемутъ предъ входомъ въ залу суда присяжныхъ, по свидѣтельству деревенскаго учителя Дитцеля, говорилъ ему: «что дитя крѣпко за него держалось и силилось обороняться, но у него были такія слабыя рученки.» Наконецъ Генрихъ Вольгемутъ, по словамъ нѣсколькихъ мальчиковъ, пытался утопить своего сестру въ протекающемъ у Гаттенбаха ручьѣ и, принужденный оставить свою попытку, замѣтилъ, что дѣвочка не возвратится живою въ Зоргу, а будетъ брошена въ Гауну или Фульду. Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, прямо говорящимъ противъ Генриха Вольгемута, должно еще присовокупить неблагопріятные отзывы о его характерѣ со стороны учителя Дитцеля и бюргермейстера, желаніе его освободиться отъ ребенка, котораго онъ принужденъ былъ *таскать на спинѣ и съ которымъ должен былъ дѣлиться* милостынею, и наконецъ его поведеніе при самомъ слѣдствіи, бросающее на него невыгодный свѣтъ. Все вышесказанное приводитъ къ тому убѣжденію, что Генрихъ Вольгемутъ виновенъ въ убійствѣ своей сестры. При этомъ должно замѣтить, что преступленіе совершено не по *внезапному побужденію* (Todtschlag), но съ *заранѣе обдуманнымъ умысломъ* (Mord), потому-что Генрихъ Вольгемутъ еще прежде пытался утопить свою сестру

и говорилъ, что она не возвратится живою въ Зоргу. Вслѣдствіе сего является правильнымъ приговоръ присяжныхъ, признавшихъ Генриха Вольгемута виновнымъ въ убійствѣ своей сестры съ заранѣе обдуманнымъ умысломъ. Что касается *Адама Гейнца*, то противъ него говорятъ слѣдующія обстоятельства: по словамъ нѣкоторыхъ мальчиковъ, показывавшихъ о происшедшемъ у Гаттенбаха, Адамъ Гейнцъ также грозилъ, что Анна Вольгемутъ не возвратится живою въ Зоргу (что впрочемъ опровергается показаніями другихъ мальчиковъ изъ Гаттенбаха). Изъ показаній Генриха Манса должно заключить, что онъ былъ вмѣстѣ съ Генрихомъ Вольгемутомъ во время совершенія преступленія или по крайней мѣрѣ немедленно послѣ его совершенія, когда оба мальчика стояли на берегу рѣки и смотрѣли на воду. Не смотря на то, Адамъ Гейнцъ ничего не сказалъ ни Генриху Мансу, ни кому либо другому о случившемся. Наконецъ его отвѣтъ Аннѣ Катеринѣ Вольгемутъ, что дитя все еще на спицѣ у ея брата, и показанія его домашнимъ, что онъ извѣстилъ бюргермейстера въ Германшпигелѣ о совершеніи убійства, оказались несправедливыми. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ, не доказываетъ еще того, чтобы Адамъ Гейнцъ помогалъ Генриху Вольгемуту въ совершеніи убійства, хотя изъ нихъ съ полною достовѣрностью можно вывести заключеніе, что онъ зналъ о преступленіи, а потому и виновенъ въ недонесеніи о случившемся.

XXI. Дѣло о убійствѣ Франца Палитца.

Близъ деревни Готгельфридрихгрундъ (Gotthelffriedrichgrund) (у города Носсена въ Саксонскомъ королевствѣ) расположена группа домовъ, которая носитъ названіе Гайдегейзеръ (Haidehäuser); они отстоятъ на сто и болѣе шаговъ одинъ отъ другаго. Вечеромъ 7-го января 1859 года вблизи этихъ домовъ найденъ былъ трупъ молодаго семнадцатилѣтняго рудокопа, Франца Палитца, котораго родители жили въ одномъ изъ этихъ домовъ. Продолжительное отсутствіе рудокопа безпокоило его мать, вслѣдствіе чего его старшій братъ, Густавъ, пошелъ ему на встрѣчу по дорогѣ, по которой онъ долженъ былъ возвращаться изъ рудокопни. Вмѣсто брата, Густавъ Палитцъ нашелъ въ одномъ изъ кустовъ его бездыханное тѣло. При осмотрѣ

трупа оказалось слѣдующее: заработная плата, которую Францъ Палитцъ долженъ былъ получить въ этотъ день, не была найдена въ его платьѣ; не достовало также платка, въ который онъ обыкновенно завязывалъ деньги. Лицо и голова трупа были страшно обезображены. Отъ глазъ, носа и рта едва оставались слѣды и всѣ части лица представлялись одною кровавою массою, въ которой можно было ясно различить раздробленные лицевыя кости. На подбородкѣ и головѣ были также значительныя раны, изъ которыхъ большая часть доходила до костей. На шеѣ былъ замѣченъ красный шрамъ, изъ чего съ большою вѣроятностью можно было заключить, что убитый задушенъ веревкою. Слѣдовъ убійцы не было видно, по случаю выпавшаго снѣга. — Было дознано, что въ день убійства Палитцъ, получивъ свою заработную плату въ количествѣ 4 талеровъ и 18 серебрянныхъ грошей (*), оставилъ въ 5 часовъ по полудни рудокопню, что на дорогѣ ему попались другіе рудокопы, которые также возвращались домой, и что въ концѣ онъ шелъ съ мальчиками Эбертомъ и Карломъ Вюстнеромъ, которые работали въ одной съ ними рудокопнѣ. Вслѣдствіе дальнѣйшихъ дознаній, Эбертъ былъ взятъ подъ стражу. На него въ особенности навлекали подозрѣніе показанія Вюстнера. Но такъ какъ это подозрѣніе не получило никакого дальнѣйшаго подтвержденія, то Эбертъ былъ освобожденъ уже 11-го ноября 1859 г. Затѣмъ прокуроръ произвелъ болѣе подробный допросъ Вюстнеру, который вскорѣ сознался въ совершеніи имъ преступленія. Прежде чѣмъ изложить признаніе Вюстнера, необходимо сказать нѣсколько словъ о немъ самомъ и о его домашнихъ обстоятельствахъ.

Карлъ-Эдуардъ Вюстнеръ родился 20 февраля 1844 года, изъ чего видно, что во время совершенія имъ преступленія ему было около 15 лѣтъ. Его отецъ былъ также рудокопъ. Онъ успѣвалъ только съ большимъ трудомъ и съ помощью своей жены и старшихъ дѣтей заработать необходимое на содержаніе своего семейства. Двое старшихъ сыновей, между которыми находился обвиненный, помогали ему тѣмъ, что занимались горною работою и отдавали заработную плату своему отцу. Съ пасхи

(*) Талеръ равняется 92 коп. сереб. Серебряный грошъ немного болѣе 3 коп. серебромъ.

1858 года Карлъ Вюстнеръ началъ работать въ сосѣдней рудокопнѣ, которая отстояла отъ его дома почти на часъ пути. При *ежедневной двѣнадцати-часовой* работѣ онъ получалъ *въ четырнадцать дней* около *двухъ талеровъ* (1 р. 84 к. сер.). Кромѣ двухъ сыновей въ отцовскомъ домѣ было еще четверо дѣтей. Бѣдность и нужда искони господствовали въ семействѣ, но ни объ одномъ изъ его членовъ нельзя было сказать чего-нибудь дурнаго. О самомъ Карлѣ Вюстнерѣ должно замѣтить, что онъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія и былъ конфирмованъ на пасхѣ 1858 года. Онъ посѣщалъ школу, и умѣлъ читать, писать и считать; но все его школьное образованіе было болѣе формальное. Его духовный отецъ свидѣтельствовалъ, что онъ шелъ съ паствою, не показывая ничего особеннаго ни въ худую, ни въ хорошую сторону. Какъ его учитель и духовный отецъ, такъ и его домашніе не показали, чтобы онъ былъ бранчливымъ, вспыльчивымъ, жаднымъ къ деньгамъ или даже къ лакомствамъ. Его родители описывали его отчасти «живымъ въ своихъ движеніяхъ», но впрочемъ тихимъ и даже мягкосерднымъ, потому-что у него всегда выступали слезы, какъ скоро его начинали бранить. Его знакомые и товарищи отзывались о немъ также хорошо. Никто не замѣчалъ у него коварнаго, злаго или мстительнаго нрава: его начальники въ рудокопнѣ были вполнѣ довольны его прилежаніемъ. Итакъ, отъ Карла Вюстнера ни въ какомъ случаѣ нельзя было ожидать подобнаго преступленія. Это преступленіе представлялось изолированнымъ явленіемъ, которое не могло быть разсматриваемо, какъ продуктъ его предшествовавшей нравственной и духовной дѣятельности. Многіе, и въ особенности мать обвиненнаго, утверждали, что отецъ Вюстнера воститы̀валъ своихъ дѣтей съ строгостію, чего не отрицалъ и самъ отецъ. Даже послѣ двѣнадцати-часовой работы, которая только иногда прерывалась по воскресеньямъ, отецъ не допускалъ, чтобы Карлъ проводилъ свое время, ничѣмъ не занимаясь. Онъ долженъ былъ вязать или помогать своему отцу въ домашнихъ работахъ, въ особенности въ починкѣ обуви. Отецъ иногда наказывалъ Карла, но только рукою. Причиною наказаній, по словамъ отца, была небрежность въ заданныхъ Карлу работахъ. Карлъ былъ одѣтъ весьма бѣдно: у него были только одинъ армякъ и пара панталонъ. «Во-

скресныхъ вещей» (Sonntagssachen) онъ не имѣлъ; по воскресеньямъ онъ иногда надѣвалъ сюртукъ своего старшаго брата если этотъ послѣдній оставался дома. Его желаніе имѣть шляпу, какую носили всѣ его товарищи, до сихъ поръ не могло быть исполнено. Около четырехъ часовъ утра уходилъ Карлъ изъ дому, такъ-какъ рудокопня была на разстояніи часа пути и работа въ ней начиналась въ пять часовъ. Уходя онъ бралъ съ собою на весь день пищу, которая состояла изъ хлѣба съ масломъ, а иногда, когда не было въ домѣ масла, изъ сухаго хлѣба; теплое кушанье: картофель, супъ или кофе онъ получалъ только вечеромъ, по возвращеніи домой; иногда ему посылали его въ рудокопню, но весьма рѣдко, не болѣе раза въ двѣ недѣли. Напротивъ того, большая часть его товарищей, которыхъ родители жили въ близи отъ рудокопни, получали отъ нихъ теплую пищу въ полдень. Незначительная порція хлѣба, которую давали Вюстнеру, предъ уходомъ его утромъ изъ дому, на весь день, часто была недостаточна, при тяжелой, продолжительной работѣ и почти двухчасовой ходьбѣ. Онъ съѣдалъ иногда весь хлѣбъ уже за завтракомъ. Мать подтвердила, что порція хлѣба была мала. Она говорила: «мы не могли давать больше, при дороговизнѣ и столькихъ дѣтяхъ». Вюстнеръ иногда работалъ за нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей; но получаемую имъ за это плату онъ также долженъ былъ отдавать своему отцу. Въ рудокопнѣ было заведено, что работники могли покупать разные съѣстные припасы, какъ то: хлѣбъ, масло, пиво, у жены своего смотрителя. Плата за эти припасы происходила наличными деньгами или была вычитываема изъ жалованья, которое смотритель выдавалъ работникамъ каждую недѣлю. Отецъ Вюстнера позволилъ ему издерживать на съѣстные припасы въ двѣ недѣли два серебряныхъ гроша, но не болѣе. Однажды Карлъ издержалъ однимъ грошемъ болѣе; отецъ выбранилъ его и угрожалъ, что если это повторится еще разъ, то онъ его сильно поколотитъ. Однако голодъ, нужда и существующее между работниками обыкновеніе принудило Карла къ большимъ издержкамъ, такъ-что наконецъ его долгъ, безъ всякой вины съ его стороны, дошелъ до 1 талера 23 серебряныхъ грошей. Жена смотрителя уже нѣсколько разъ требовала отъ него уплаты и грозила, что въ противномъ случаѣ она попроситъ своего

мужа вычесть долгъ изъ заработной платы. Утромъ того дня, когда было совершено убійство, отецъ Вюстнера сказалъ ему, что онъ пошлетъ въ полдень старшаго брата въ рудокопню, чтобы получить заработную плату Карла, которая ему нужна послѣ обѣда. Карлъ отдалъ въ назначенное время 3 талера своему брату и въ тоже время заплатилъ маленькую сумму женѣ смотрителя, которая снова угрожала ему вычесть слѣдующій разъ весь его долгъ изъ его заработной платы, что подтвердилъ и самъ смотритель. Карлъ обѣщалъ разсчитаться съ нею на другой день. «При работѣ, говоритъ Вюстнеръ, постоянно приходило ему на мысль, что жена смотрителя угрожала вычесть его долгъ изъ его заработной платы и что онъ не имѣетъ никакой возможности удовлетворить ее. Когда онъ объ этомъ думалъ, ему стало страшно: его отецъ не долженъ былъ знать о его долгѣ; если онъ узнаетъ, то онъ прибьетъ его. Три талера, которые онъ далъ брату, не составляли всей заработной платы, такъ-какъ часть ея онъ отдалъ женѣ смотрителя. Какъ оправдать предъ отцемъ этотъ недочетъ? Его мучила мысль, какъ-бы добыть денегъ; на него напалъ неизъяснимый страхъ. Размышляя такимъ образомъ, ему вдругъ пришло въ голову, *въ четвертомъ часу пополудни*, убить кого-нибудь вечеромъ, когда онъ будетъ возвращаться домой, и именно кого-нибудь изъ работниковъ, такъ-какъ въ этотъ день они всѣ получили свою заработную плату. Въ это время онъ еще не рѣшилъ, *кого убить*, а также *гдѣ и какимъ образомъ;* онъ зналъ только, что на возвратномъ пути за мостомъ можетъ достать себѣ изъ хвороста дубину. Когда онъ рѣшился убить кого-нибудь, ему совершенно не приходило на мысль, что было бы лучше никого не убивать; онъ не испытывалъ никакой внутренней борьбы. Хотя онъ зналъ текстъ, что кровь того, который проливаетъ человѣческую кровь, должна быть также пролита, но онъ не думалъ объ этомъ текстѣ ни въ то время, когда рѣшился на убійство, ни послѣ. Онъ также не думалъ о томъ, что дѣло идетъ о жизни человѣка, что семейство того, котораго онъ убьетъ, будетъ оплакивать убитаго, и что онъ самъ подвергнется наказанію. Онъ не имѣлъ подобныхъ мыслей; онъ думалъ только, что онъ замышляетъ нѣчто худое, и надѣялся, что о его поступкѣ никто не узнаетъ. Послѣ пяти часовъ онъ оставилъ ру-

докопню и пошелъ домой съ нѣсколькими товарищами. Дойдя до кучи хвороста, онъ вытащилъ изъ нея сосновый сукъ. Такъ какъ на этомъ сукѣ лежало много хворосту, то онъ могъ вытащить его только съ большимъ трудомъ, онъ даже долженъ былъ переломить его, такъ-что тонкій конецъ сука остался въ хворостѣ. Когда онъ приготовилъ палку, тогда *только онъ подумалъ, что ему бы убить Палитца.* Онъ былъ увѣренъ, что Палитцъ его догонитъ и нѣсколько разъ просилъ своихъ спутниковъ подождать Палитца. Дорогою онъ также въ первый разъ подумалъ о томъ, *гдѣ* онъ убьетъ Палитца: онъ рѣшился убить его въ *ольховой рощѣ, чрезъ которую они должны были пройти.* Вскорѣ ихъ нагналъ Палитцъ. Прочіе товарищи мало по малу оставили ихъ, уходя домой, такъ-что наконецъ Карлъ Вюстнеръ шелъ одинъ съ Палитцомъ. Они говорили между собою о томъ, сколько каждый изъ нихъ получилъ въ этотъ день денегъ. Причемъ Палитцъ на его (Вюстнера) положительный вопросъ отвѣчалъ, что у него 4 талера 18 серебряныхъ грошей; онъ же (Вюстнеръ) сдѣлалъ этотъ вопросъ Палитцу потому, что «*хотѣлъ это знать и его убить*». Когда они были недалеко отъ ольховой рощи, близъ ихъ домовъ, тогда онъ обдумалъ: «*что онъ будетъ бить Палитца по головѣ; конечно ему сейчасъ пришло на мысль, что послѣ перваго удара Палитцъ только упадетъ, и не будетъ еще убитъ и что потому ему прійдется ударить еще нѣсколько разъ*». Но какъ въ эту минуту, такъ и предъ совершеніемъ убійства онъ вовсе не думалъ о томъ, что не можетъ быть никакого сравненія между человѣческою жизнію и нѣсколькими талерами денегъ, что его преступленіе откроется и что онъ подвергнется наказанію. Когда они вошли въ сосновую рощу и были какъ разъ на срединѣ ея, онъ нанесъ Палитцу, шедшему впереди, первый ударъ. При этомъ онъ схватилъ палку обѣими руками и ударилъ съ лѣвой стороны «*со всей силы*» (mit aller Force) въ лѣвый високъ Палитца; «*онъ скорѣе лѣвша, онъ можетъ, нанося ударъ слѣва, бить съ бо́льшою силою, нежели нанося ударъ справа*».

Послѣ этого перваго удара Палитцъ упалъ на правую сторону лица, «*визжалъ*», а также разъ или два сказалъ ему: «*Карлъ пусти меня*». Тогда ему «*стало страшно, онъ сожалѣлъ и думалъ, что кто-нибудь прійдетъ, потому-что Палитцъ такъ*

былъ». И онъ не могъ, не смотря на просьбу Палитца, пустить его, такъ-какъ вѣдь онъ его уже ударилъ. Палитцъ хотѣлъ также приподняться, но онъ тотчасъ еще ударилъ его нѣсколько разъ по лѣвой сторонѣ головы и лица. Онъ нанесъ Палитцу, быть можетъ, пять или шесть ударовъ. Послѣ того какъ онъ такимъ образомъ билъ Палитца, этотъ «*все еще хрипѣлъ, имѣлъ немного жизни и дышалъ*». Такъ-какъ Палитцъ не былъ еще мертвъ, то онъ положилъ его на лѣвую сторону. Онъ это сдѣлалъ, подсунувъ сперва палку подъ тѣло Палитца и переворотивъ его на спину. Потомъ онъ перешелъ на другую сторону, правою рукою схватилъ шнурокъ, который былъ обмотанъ вокругъ шеи Палитца и на которомъ висѣлъ его фонарь, а лѣвою—ногу Палитца, и, тяня за шнурокъ и ногу, успѣлъ переложить его со спины на лѣвую сторону. При этомъ Палитцъ схватилъ его руку и пытался отбросить его, но напрасно. Когда онъ положилъ Палитца на лѣвую сторону, онъ снова ударилъ его пять или шесть разъ, и именно по правой сторонѣ лица. Послѣ этого Палитцъ не былъ уже болѣе въ живыхъ. Затѣмъ онъ бросился къ его правому карману, вынулъ изъ него платокъ, въ которомъ лежали деньги, положилъ въ свой карманъ и при выходѣ изъ рощи спряталъ дубину въ ямѣ подъ снѣгомъ (дубина была найдена на указанномъ мѣстѣ). Онъ надѣялся, что «*не увидятъ дубины*», такъ-какъ снѣгъ былъ глубокъ и онъ не думалъ, что снѣгъ такъ скоро сойдетъ. Все это продолжалось не болѣе десяти минутъ. Онъ продолжалъ свой путь и въ четверть восьмаго былъ дома. Тутъ «*ему стало страшно, когда онъ подумалъ, что его схватятъ, что это откроется*». Пріѣдя домой, онъ тотчасъ вынесъ лампу въ сосѣднюю комнату. Тамъ онъ осмотрѣлъ себя и увидѣлъ, что его колѣно, армякъ и сапоги замараны кровью. Прежде онъ не замѣтилъ этого. Его руки не были въ крови. Онъ «*немного рукою стеръ кровь*» съ колѣна и армяка; потомъ онъ снялъ сапоги, которые онъ надѣвалъ на панталоны, и вытеръ запачканные кровью голенища соломою, принесенною имъ изъ конюшни. Солому онъ опять отнесъ въ конюшню. На подошвахъ сапоговъ не было видно крови, вѣроятно потому, что тогда лежалъ снѣгъ. Снявъ армякъ и вымывъ,—что впрочемъ онъ дѣлалъ каждый день, возвратившись домой,—руки, на которыхъ отъ вытиранія платья было немного крови, онъ вынулъ изъ

печки супъ, приготовленный для него его матерью, и ѣлъ его. Послѣ супа онъ ѣлъ хлѣбъ съ масломъ. «*Кушанье казалось ему вкуснымъ*». Онъ еще не вынималъ изъ своего кармана взятаго у Палитца платка, но отъ времени до времени ощупывалъ его пальцами и такимъ образомъ удостовѣрился, что въ немъ между прочими деньгами находятся три талера. Поѣвши, онъ взялъ чулокъ и началъ вязать, что онъ всегда дѣлалъ по приказанію своего отца, возвратившись вечеромъ домой. Но вскорѣ ему захотѣлось спать и онъ уснулъ, положивши руки на столъ и голову на руки. Онъ связалъ можетъ быть только два круга. Онъ проснулся въ восьмомъ часу, разбуженный приходомъ своей матери. Она пошла съ нимъ въ сосѣдній домъ, гдѣ его отецъ занимался рѣзаніемъ коровы. Предъ уходомъ изъ дому, мать спросила его, отчего онъ въ полдень прислалъ только 3 талера, тогда-какъ онъ долженъ былъ получить 3 талера 17 гроней. Онъ ей отвѣчалъ, что въ то время ему еще не отдали всѣхъ денегъ, причемъ онъ передалъ ей еще одинъ таллеръ. Взявъ его, мать замѣтила, что вѣдь это болѣе. Тогда онъ ей сказалъ, что въ этомъ талерѣ заключается плата за тѣ часы, которые онъ работалъ за одного изъ своихъ товарищей и о которыхъ онъ уже говорилъ ей. Мать была успокоена этимъ объясненіемъ. На дорогѣ *«у него больно сердце: ему было страшно, такъ-какъ онъ убилъ Палитца; онъ думалъ, что это откроется.* Онъ помогалъ своему отцу въ его работѣ. Вообще въ этотъ вечеръ онъ въ первый разъ въ своей жизни присутствовалъ при томъ, какъ его отецъ рѣзалъ скотину. Въ двѣнадцатомъ часу они пришли домой. Онъ еще немного помогалъ своему отцу при разрѣзаніи и взвѣшиваніи кусковъ мяса, затѣмъ онъ съѣлъ еще одинъ кусокъ хлѣба съ масломъ и отправился на свою постель, на которой вмѣстѣ съ нимъ спала его четырехлѣтняя сестра. Въ этой же комнатѣ стояла другая постель, на которой уже спали двое его братьевъ. Онъ вскорѣ заснулъ. Прежде чѣмъ онъ заснулъ, ему пришла мысль, узнаютъ-ли они, что онъ убилъ Палитца. Болѣе онъ ни объ чемъ не думалъ. Онъ спалъ спокойно всю ночь и проснулся только около 4 часовъ, когда обыкновенно будитъ его мать. Въ пятомъ часу (8 января) онъ ушелъ изъ дому на работу. Онъ шелъ къ рудокопню своею обыкновенною дорогою. У него были съ собою взятыя имъ у Палитца деньги, кромѣ одного

талера, отданнаго наканунѣ матери. Онъ спряталъ ихъ съ платкомъ въ одну ямку у дороги, чтобы потомъ мало по малу брать ихъ оттуда (какъ платокъ, такъ и деньги были найдены въ показанномъ Вюстнеромъ мѣстѣ). *Дойдя до ольховой рощи*, ему стало (показалъ онъ при слѣдствіи) «*страшно въ этомъ мѣстѣ; ему было очень не хорошо, когда онъ проходилъ чрезъ сосновую рощицу*». Онъ замѣтилъ, что Палитца не было уже тамъ.

Въ рудокопнѣ никто не замѣтилъ въ Вюстнерѣ ничего особеннаго даже послѣ того, какъ пришло извѣстіе, что нашли трупъ Палитца. Никто изъ встрѣчавшихъ Вюстнера въ этотъ и въ слѣдующіе дни также не замѣчалъ въ немъ ни безпокойства, *ни чего либо бросающагося въ глаза*. Онъ *исполнялъ* свою работу, какъ обыкновенно. При своихъ признаніяхъ и показаніяхъ онъ вообще сохранялъ тоже равнодушіе и спокойствіе, которыя показалъ съ самаго начала, при первыхъ допросахъ со стороны жандармовъ и прокурора. Онъ довольно развязно и, не показывая ни малѣйшаго вида глубокаго душевнаго волненія, разсказалъ приготовленіе къ преступленію и его совершеніе. При этомъ не было замѣтно ни раскаянія, ни особаго страха предъ наказаніемъ. Онъ былъ, по его показанію, увѣренъ, что его не осудятъ на смерть, такъ-какъ онъ всегда слыхалъ, что несовершеннолѣтніе не могутъ быть казнены. Онъ отнюдь не старался представить свой поступокъ въ лучшемъ видѣ или оправдать его. Онъ указалъ только на нужду, въ которой онъ находился, и на страхъ, который на его напалъ послѣ угрозъ жены смотрителя. До своего признанія онъ безъ всякаго смущенія повелъ судъ и прокурора на мѣсто совершенія преступленія и разсказалъ имъ, гдѣ онъ сошелся съ Палитцемъ и гдѣ онъ будто бы его оставилъ. Онъ равнодушно смотрѣлъ, какъ на основаніи его показаній взяли подъ стражу невиннаго Эберта. Въ продолженіи всего *слѣдствія онъ былъ тихъ и спокоенъ и показывалъ* въ отношеніи слѣдственнаго судьи, который понялъ его характеръ и обращался съ нимъ съ тактомъ и осмотрительностію, большое довѣріе и большую откровенность. Вюстнеръ между прочимъ показалъ, что онъ боялся за Эберта, который былъ невиненъ и не могъ ни въ чемъ сознаться. Признаніе обвиненнаго вполнѣ подтвердилось всѣми обстоятельствами дѣла.

Какъ преступленіе, такъ и личность молодаго убійцы возбу-

дили большое вниманіе и привлекли въ залу засѣданій суда многочисленную публику.

Пренія по настоящему процессу имѣли мѣсто 3-го марта 1859 года въ окружномъ судѣ въ Мейсенѣ, подъ предсѣдательствомъ апелляціоннаго совѣтника Отто. Когда ввели Карла Вюстнера, то онъ спокойно и безъ смущенія отправился на скамью обвиненныхъ. Присутствіе публики и обращенное на него вниманіе повидимому не отягощало и не обезпокоивало его. — Его наружность произвела благопріятное впечатлѣніе. Онъ не великъ ростомъ, имѣетъ свѣтлые волосы и бѣлый, нѣсколько блѣдный цвѣтъ лица, небольшіе глаза, но безъ злаго выраженія. Всѣ черты лица производили впечатлѣніе тихаго, спокойнаго и добродушнаго мальчика. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ быстро, спокойно и разсудительно. Глаза его были устремлены на предсѣдателя и свидѣтелей.—Онъ сидѣлъ немного отворотившись отъ публики, но очевидно съ тою цѣлью, чтобы смотрѣть на предсѣдателя. На вопросъ предсѣдателя, знаетъ-ли онъ, что Палитцъ убитъ, онъ спокойно отвѣчалъ: «*да*». На слѣдующій вопросъ: «кто его убилъ», также спокойно и безъ смущенія—«*я*». Съ подобнымъ же равнодушіемъ онъ отвѣчалъ на вопросы, касающіеся подробностей преступленія, разсказалъ крикъ и мольбы Палитца при его убійствѣ, увѣрялъ, что ни при совершеніи преступленія, ни послѣ совершенія преступленія онъ не чувствовалъ безпокойства или раскаянія, а только боялся, «*что это откроется*». Онъ разсказалъ далѣе исторію своей жизни; онъ отнюдь не жаловался на свою судьбу, на бѣдность и нужду, господствующую въ родительскомъ домѣ, на незначительное количество пищи или строгость отца; онъ не показывалъ зависти къ лучшему положенію большей части своихъ товарищей. Ни разсказъ его поступка, ни причинъ, побудившихъ его къ нему, не возмутили его; онъ постоянно держалъ себя спокойно, равнодушно и развязно; его лицо постоянно выражало добродушіе; онъ не показывалъ ни ребячества, ни грубости ни ограниченности умственныхъ способностей. Предсѣдатель нашелъ нужнымъ узнать степень школьнаго образованія Вюстнера. Это испытаніе было довольно интересно. Отвѣты Вюстнера слѣдовали быстро одинъ за другимъ и были большею частію правильны. Онъ, не останавливаясь, сказалъ на память много текстовъ изъ библіи

и довольно хорошо объяснялъ ихъ, между прочимъ также текстъ «что прольетъ человѣческую кровь». Онъ показалъ большія способности къ ариѳметикѣ и казалось былъ доволенъ этимъ испытаніемъ. Онъ былъ весьма внимателенъ и вообще велъ себя, какъ прилежный и любознательный ученикъ. Деревенскій учитель отозвался объ немъ, что онъ рѣзвый, но послушный мальчикъ, имѣетъ посредственныя способности, хорошо училъ тексты изъ библіи и отличался въ ариѳметикѣ. Между учениками школы онъ былъ, по выраженію учителя, изъ среднихъ. Вюстнеръ увѣрялъ, что онъ сожалѣетъ о своемъ поступкѣ. Впрочемъ и эти увѣренія онъ высказывалъ тѣмъ же хладнокровнымъ тономъ. Онъ сказалъ при этомъ, что онъ присутствовалъ бы при похоронахъ Палитца, если бы имѣлъ на то время. Намеки объ ожидающемъ его наказаніи не произвели никакого впечатлѣнія. Еще въ тюрьмѣ онъ говорилъ, что его вѣроятно осудятъ на работы на всю жизнь. Рѣчь прокурора онъ выслушалъ съ тѣмъ же спокойствіемъ. Думали, что видъ родителей Палитца и его братьевъ, которыхъ Вюстнеръ не видалъ со времени взятія его подъ стражу, произведетъ на него впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что Вюстнеръ постоянно былъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ. Черная одежда матери убитаго, звукъ ея дрожащаго голоса, изліянія горя и отчаянія сильно потрясали сердца всѣхъ присутствовавшихъ. Другіе члены этого всѣми уважаемаго и пользовавшагося особенно хорошею славою семейства произвели на присутствовавшихъ также благопріятное и вмѣстѣ съ тѣмъ горестное впечатлѣніе. Но Вюстнеръ продолжалъ сохранять свое хладнокровіе, онъ только нѣсколько разъ наклонялъ свою голову и смотрѣлъ въ землю. Однако были минуты, когда Вюстнеръ терялъ свое хладнокровіе. Когда его отецъ былъ вызванъ, какъ свидѣтель, обвиненный былъ видимо сильно взволнованъ: онъ отворотилъ свою голову и нѣсколько разъ закрывалъ лицо руками. Отецъ говорилъ твердо, не выражая печали о своемъ сынѣ и о совершеніи имъ преступленія. Въ его показаніяхъ видѣнъ былъ человѣкъ, окрѣпшій въ борьбѣ съ нуждою. Затѣмъ была вызвана мать Вюстнера, которая его выростила и которая всегда кротко обращалась съ нимъ. Скорбь о любимомъ сынѣ рисовалась въ чертахъ ея лица, слышалась въ звукахъ ея голоса. При видѣ ея, Вюстнеръ началъ

плакать тихо, но горько, и наконецъ его громкія рыданія слились съ плачемъ его матери. Онъ также былъ взволнованъ, когда допрашивали его старшаго брата, съ которымъ онъ всегда жилъ въ ладу, и когда учитель той школы, въ которой онъ получилъ свое образованіе, говорилъ о немъ и его поведеніи.

Карлъ Вюстнеръ былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ и осужденъ, принимая во вниманіе его молодость, къ 18-лѣтнему заключенію въ рабочемъ домѣ. Послѣ закрытія засѣданія суда и удаленія публики, одинъ замѣчательный юристъ *), присутствовавшій при преніяхъ, говорилъ съ Вюстнеромъ и старался привести его къ сознанію совершеннаго имъ преступленія. Оберъ-прокуроръ Шварце говорилъ съ нимъ также, убѣждалъ его въ необходимости исправиться и указалъ ему на горесть его матери и на оставленіе имъ отеческаго дома. Слова ихъ имѣли полный успѣхъ: Вюстнеръ началъ горько плакать и увѣрять, что онъ теперь вполнѣ сознаетъ, что онъ заслужилъ «*большое наказаніе*». Хотя адвокатъ Вюстнера просилъ объ отмѣнѣ приговора, однако его ходатайство не имѣло успѣха и 16 апрѣля 1859 года Вюстнеръ поступилъ въ рабочій домъ.

Затѣмъ слѣдуетъ привести по этому дѣлу прекрасное мнѣніе оберъ-прокурора Шварце, съ которымъ нельзя не согласиться. «Вюстнеръ показалъ почти невѣроятное для своего возраста, во всякомъ случаѣ неестественное равнодушіе. Это равнодушіе выказывается въ томъ, какъ онъ, еще почти дитя, задумалъ и привелъ въ исполненіе планъ убить и ограбить своего товарища, который его никогда не обижалъ и съ которымъ онъ никогда не ссорился, какъ онъ немедленно послѣ убійства влъ, вязалъ и помогалъ своему отцу въ его кровавой работѣ, какъ онъ отдалъ своей матери деньги, какъ онъ спокойно спалъ и какъ онъ велъ себя на другой день, какъ онъ признался въ своемъ преступленіи и разсказалъ всѣ его подробности. Это равнодушіе повидимому указывало на такую дикость и грубость нрава, которая рѣдко встрѣчается даже у самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Между тѣмъ ни въ своей прежней жизни, ни во время слѣдствія Вюстнеръ не показывалъ слѣдовъ подобной дикости и

---

*) Его имени не обозначено въ журналѣ, изъ котораго заимствованъ настоящій процессъ.

грубости. Слухъ, что будто-бы онъ нѣкогда мучилъ собаку, оказался лишеннымъ всякаго основанія и проистекшимъ изъ смѣшенія лицъ. Вюстнеръ никогда не находилъ удовольствія въ грубыхъ сценахъ или разсказахъ, никогда не читалъ разбойническихъ романовъ (Räuberromane) и никогда не видѣлъ дурнаго примѣра въ отеческомъ домѣ. Опять видно его хладнокровіе въ томъ, какъ онъ думалъ о тюремномъ заключеніи на всю жизнь и какъ онъ ожидалъ приговора суда. Мальчику, которому нѣтъ еще 15 лѣтъ—быть заключеннымъ на всю жизнь, или, какъ впослѣдствіи оказалось, на 18 лѣтъ, — быть лишеннымъ *своей свободы и своей юности*,—попасть на *столь долгое* время между чужихъ людей, въ такое мѣсто, которое игривая фантазія разрисовываетъ всѣми ужасами и мученіями! И не смотря на все это онъ равнодушенъ, спокоенъ и развязенъ! Понятно, почему онъ всѣмъ казался столь трудно разрѣшимою загадкою. Мы думаемъ, что мы не ошибаемся въ слѣдующей оцѣнкѣ Вюстнера. Онъ убилъ своего товарища и перенесъ съ легкостью мысль о тюремномъ заключеніи на всю жизнь, *потому-что онъ еще не зналъ цѣны жизни, онъ еще не научился цѣнить ее.* Проклятіе бѣдности и нужды породило его преступленіе. Съ ранней юности жизнь улыбнулась ему нерадостно; нужда и забота окружили его, онъ самъ долженъ былъ работать и даже исполнять самыя тяжкія работы. Онъ не видалъ золотаго сна юности; ея рѣзвость и веселость остались ему также чужды, какъ и ея игры. Не взирая ни на какую погоду должень былъ бѣдный мальчикъ, дурно одѣтый и плохо накормленный, рано утромъ отправляться въ дальній путь на работу; голодъ и холодъ были часто его спутниками; возвратившись вечеромъ послѣ тяжелой работы домой, онъ снова долженъ былъ работать. *Какую прелесть представляла ему до сихъ поръ его жизнь? До* сихъ поръ его употребляли какъ рабочую силу, изъ которой его строгій и суровый отецъ, побуждаемый нуждою въ домѣ, старался извлечь по возможности больше выгоды. Къ этой эксплуатаціи присоединялся страхъ предъ отцемъ. Карлъ былъ, если можно такъ выразиться, вьючное животное, которое ежедневно исполняетъ тяжкую работу и которое только боится кнута погонщика; онъ былъ рабъ работы; онъ долженъ былъ заслужить опредѣленную плату. Вотъ въ чемъ заключалось его назначеніе.

Если онъ не заслуживалъ этой платы, то онъ навлекалъ на себя тѣлесное наказаніе. Какую цѣну имѣла для Вюстнера жизнь? Онъ сдѣлался тупъ и равнодушенъ. Какъ мало онъ цѣнилъ свою собственную жизнь, такъ-же мало онъ цѣнилъ и жизнь другихъ. Онъ совсѣмъ не сознавалъ, какое высокое благо онъ отнимаетъ у своего ближняго, отнимая у него жизнь. А потеря свободы? А работа, которая его ожидала въ исправительномъ заведеніи? Ни то, ни другое не могло быть для него страшилищемъ. Какою свободою пользовался онъ до сихъ поръ? Работа, которая его ожидала въ исправительномъ заведеніи, не могла быть тяжелѣе его настоящей работы. Предположимъ даже, что онъ глубоко обдумалъ предстоящее ему наказаніе, — что́ впрочемъ невѣроятно, — его судьба могла только улучшиться. Во всякомъ случаѣ ему предстояла болѣе легкая работа, теплая и лучшая пища, болѣе теплая одежда и проч.—Ему предстояла работа при дневномъ свѣтѣ, а не глубоко подъ землею. Окончивъ работу, онъ могъ отдохнуть и пр. Человѣкъ, который столь мало наслаждается счастіемъ въ жизни и которому уже въ юности суждено испытать всю нужду и тяжкую заботу жизни, мало уважаетъ жизнь другихъ; онъ становится равнодушнымъ ко всѣмъ лучшимъ побужденіямъ и находится въ опасности впасть въ скотское тупоуміе и сдѣлаться чуждымъ человѣческому образованію и человѣческимъ чувствамъ. Но мы думаемъ, что Вюстнеръ еще не потерянъ для человѣчества. Мы основываемъ эту вѣру преимущественно на его любви къ своимъ родителямъ и братьямъ и на его благодарномъ воспоминаніи о своемъ школьномъ времени. Онъ обнаружилъ своимъ поведеніемъ при показаніяхъ его родителей, въ особенности матери, и его учителя воспріимчивость къ хорошимъ побужденіямъ, онъ показалъ чувство благодарности. Не смотря на бѣдствія и нужду, въ немъ сохранилась любовь къ матери. Быть можетъ въ то мгновеніе, когда его мать задыхающимся отъ слезъ голосомъ показывала о своемъ бѣдномъ дитяти, слеза матери тяжко запала въ его сердце и вызвала въ его душѣ пріятныя воспоминанія, украшенныя любовью и самозабвеніемъ матери. Подобное-же дѣйствіе произвело воспоминаніе о годахъ, проведенныхъ въ школѣ. И здѣсь быть можетъ, не смотря на то, что его учитель казался болѣе серьезнымъ и строгимъ, нежели ласковымъ, онъ вспом-

пилъ какую-нибудь радостную сцену дѣтства и разница между тогдашнимъ и нынѣшнимъ временемъ тяжко легла на его сердце. Мы основываемъ нашу надежду на благотворный переворотъ въ духовной жизни Вюстнера также на томъ, что онъ, не смотря на всю послѣдовательность въ приведеніи въ исполненіе своего плана, все-таки дѣйствовалъ довольно необдуманно. Онъ долженъ былъ знать, что на него, какъ на спутника Палитца, прежде всего падетъ подозрѣніе, что уплата долга, при его стѣсненныхъ обстоятельствахъ, возвыситъ это подозрѣніе. Большой недостатокъ обдуманности заключается также въ томъ, что онъ тотчасъ схватился за самое страшное средство, чтобы избавиться отъ своего затруднительнаго положенія, что онъ не прибѣгнулъ ко лжи о потерѣ денегъ или къ кражѣ. Если при испытаніи Вюстнеромъ наказанія успѣютъ развить въ немъ *человѣка*, если пробудятъ въ немъ дремлющіе, но еще не заглушенные начатки добра, тогда онъ еще можетъ возвратиться въ гражданское общество *хорошимъ человѣкомъ*. Но прежде всего должно растопить ласкою и кротостью ледяную кору его сердца, а потомъ привести его къ ясному сознанію всей тяжести своего преступленія, которое теперь онъ еще не понимаетъ. Когда онъ дойдетъ до этого сознанія, когда станетъ для него ясно, какъ низко онъ упалъ, только тогда будетъ возможно успѣшное очищеніе и исправленіе его нравственности. Мы надѣемся, что тогда онъ, хотя постоянно тревожимый воспоминаніемъ своего ужаснаго поступка, возвратится съ любовью къ жизни и съ уваженіемъ къ божескимъ и человѣческимъ законамъ и своею безукоризненною дѣятельностью пріобрѣтетъ себѣ уважаемое мѣсто въ гражданскомъ обществѣ. Не смотря на этотъ взглядъ на преступленіе Вюстнера, мы не отрицаемъ, что уголовный судъ не долженъ былъ забывать, что онъ судитъ страшное, систематически-выполненное убійство. А потому судъ справедливо отвергнулъ мнѣніе защитника Вюстнера, что обвиненнаго должно наказать только нѣсколькими годами тюремнаго заключенія. Мы даже думаемъ, что подобная кротость, оскорбительная для живущаго въ народѣ чувства справедливости, не имѣла-бы на самаго Вюстнера того благодѣтельнаго вліянія, котораго можно ожидать отъ болѣе строгаго рода наказанія. Вюстнеръ долженъ, прійдя къ полному сознанію, въ самомъ родѣ наказанія найти

тяжесть своего преступленія и необходимость внутренняго переворота. Въ заключеніе Шварце говоритъ, что должно считать особеннымъ счастіемъ для Вюстнера, что онъ поступилъ подъ надзоръ директора рабочаго дома въ Цвиккау, который въ ревностномъ исполненіи своей тяжкой обязанности показываетъ удивительный тактъ и глубокое знаніе человѣческой природы.— Осенью 1859 года, осматривая цвиккауское исправительное заведеніе, Шварце посѣтилъ Вюстнера. Онъ былъ помѣщенъ въ въ особой кельѣ и пользовался каждый день нѣсколькими часами уроковъ, въ томъ числѣ и священника заведенія. При входѣ Шварце, Вюстнеръ видимо обрадовался увидѣть его и сказалъ: «вѣдь вы обѣщали навѣстить меня». Во время пребыванія Шварце въ кельѣ, голубь влетѣлъ въ открытое окно, ища хлѣбныхъ крошекъ. Очевидно, что Вюстнеръ, смотрѣвшій безпокойно то па Шварце, то на голубя, пріучилъ голубя прилетать за кормомъ. Онъ признался въ этомъ и выразилъ опасеніе, чтобы ему это не было запрещено. Шварце воспользовался этимъ случаемъ, чтобы указать ему, какъ было бы для него непріятно, если бы ему запретили кормить голубя. Но какъ же послѣ того должна грустить мать Палитца, потерявъ своего ребенка столь страшнымъ образомъ. Вюстнеръ былъ видимо взволнованъ этимъ замѣчаніемъ, много плакалъ и вообще показалъ болѣе мягкое настроеніе духа, нежели при производствѣ надъ нимъ суда.

XXII. Дѣло о убійствѣ Доротеи Бланкенфельдъ.

(СТРАНСТВУЮЩІЕ УБІЙЦЫ) *).

26 ноября, въ 4 часа по полудни, къ майтингенской почтовой станціи подъѣхали два французскихъ почтальона военнаго вѣдомства,—какъ оказалось впослѣдствіи, это были Іосифъ Антонини и жена его Тереза, переодѣтая въ мужское платье. При нихъ находилась молодая, прекрасная собой дѣвушка, по имени Доротея Бланкенфельдъ. Они ѣхали въ наемномъ почтовомъ экипажѣ, имѣли военные французскіе паспорты и заняли квартиру на почтовой станціи. Хозяинъ отвелъ имъ въ первомъ

*) Извлечено изъ сборника Фейербаха: «Actenmässige Darstellung merkwürdigen Verbrechen».

этажѣ двѣ смежныхъ комнаты, въ одной изъ нихъ помѣстилась Бланкенфельдъ, а въ другой, въ которой были двѣ кровати, — супруги Антонини. Къ пріѣзжимъ скоро присоединился мальчикъ, который и не выходилъ изъ своей комнаты до слѣдующаго утра. Этотъ мальчикъ, котораго звали Карлъ Маршаль, былъ родной братъ г-жи Антонини. Около 2 или 3 часовъ ночи почтовый экспедиторъ Лемэръ и почтовый конюхъ Леммермейеръ вдругъ услышали пронзительные, какъ бы дѣтскіе крики. Лемэръ тотчасъ вскочилъ съ постели и началъ прислушиваться у дверей своей комнаты, но не услыша затѣмъ ничего особеннаго, опять улегся въ постель. Вскорѣ потомъ на лѣстницу взбѣжалъ Карлъ Маршаль: онъ закрывалъ лице руками, какъ-бы скрывая слезы, и жаловался почтовымъ служителямъ на побои, будто-бы нанесенные ему его хозяиномъ (Іосифомъ Антонини). Наконецъ около 6 часовъ утра въ комнату почтовыхъ служителей вошелъ самъ Антонини. Онъ держалъ въ рукѣ свѣчу и просилъ, чтобы истопили печь въ его комнатѣ какъ можно пожарче, такъ-какъ на дворѣ стояла погода довольно холодная. На рукѣ его виднѣлись кровавыя пятна, ихъ замѣтилъ почтовый служитель Гоффбауэръ, но не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія, полагая, что причиной тому ударъ, нанесенный въ носъ молодому Маршалю.—Путешественники изъявили наканунѣ желаніе выѣхать въ 5 ч. утра, но уже пробило 9 часовъ, а они только-что начинали дѣлать приготовленія къ отъѣзду. Въ эту самую минуту почтовый экспедиторъ стоялъ у окна, наблюдая за прислугой, которая суетилась около чемодановъ и другой почтовой поклажи. Его вниманіе почему-то обратилъ на себя тяжелый, странной формы узелъ, который былъ притащенъ Антонини вмѣстѣ съ молодымъ мальчикомъ и поспѣшно брошенъ въ почтовую карету. «Въ этомъ узлѣ есть что-то похожее на мертвую собаку или на человѣческій трупъ!»—подумалъ про себя экспедиторъ. Наконецъ Іосифъ Антонини, Маршаль и Тереза Антонини (которая между тѣмъ переодѣлась въ свой женскій костюмъ), сѣли въ карету и отправились въ дальнѣйшій путь. Но при этомъ сыну почтоваго экспедитора, которому перемѣна одежды г-жи Антонини показалась довольно странною, пришло на мысль, что въ каретѣ недоставало дѣвушки, прибывшей наканунѣ. Мысль эта подала поводъ къ сильной и почти къ

всеобщей тревогѣ: всѣ бросились въ комнаты, которыя, занимали проѣзжіе, и съ перваго взгляда увидя, свѣжія кровавыя пятна на полу и на стѣнѣ, близъ того мѣста, гдѣ стояла кровать Бланкенфельдъ, а также и на самой постели, убѣдились, что было совершено преступленіе.—Обо всемъ случившемся тотчасъ дано было знать мѣстной судебной инстанціи, и немедленно приняли мѣры къ скорѣйшему преслѣдованію преступниковъ. Такъ-какъ почтовая карета не могла отъѣхать отъ почтовой станціи болѣе, нежели на 14 миль, то представилась возможность захватить преступниковъ въ тотъ самый моментъ, когда они только-что приближались къ городу Аугсбургу и подъѣзжали подъ глиигерскія ворота. Подозрительный узелъ, прикрытый голубой матеріею, тотъ самый, который положенъ былъ въ карету на майтингенской станціи, помѣщался теперь позади экипажа. При вскрытіи узла, въ немъ оказалось мертвое и израненное тѣло молодой дѣвушки.

Когда полиція предъявила мертвое тѣло тремъ заарестованнымъ путешественникамъ,—они признали его за трупъ той самой Доротеи Бланкенфельдъ, которая имъ сопутствовала отъ Дрездена до Майтингена. При видѣ его, молодой Карлъ тотчасъ признался, что онъ вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Антонини былъ убійцею дѣвушки, но Антонини и его жена упорно отрицали всякое, съ ихъ стороны участіе въ преступленіи. Они увѣряли: «что молодой Маршаль умертвилъ дѣвушку безъ ихъ вѣдома, по чувству ненависти, и что если они сами намѣревались скрыть это злодѣяніе, то единственно изъ состраданія къ юному преступнику. Они говорили далѣе, что Карлъ—отъявленный злодѣй, что онъ покушался на жизнь своего отца и однажды хотѣлъ зарѣзать ножемъ свою родную сестру». Антонини увѣрялъ что «онъ потому только и рѣшился взять его изъ родительскаго дома, чтобы его направить на лучшій путь».—При медицинскомъ осмотрѣ трупа оказалось слѣдующее: «обѣ руки сильно распухли, а ключица у праваго плеча была переломлена; на головѣ было 9 ранъ, нанесенныхъ повидимому тупымъ оружіемъ, отчасти на лбу, отчасти на мѣстахъ поросшихъ волосами. Въ мозговой полости образовалась сильная трещина. Вся поверхность большаго и малаго мозга была наполнена запекшейся кровью». Лица, производившія медицинское освидѣтельствованіе, пришли къ

заключенію, что причиною смерти Доротеи Бланкенфельдъ были значительныя раны, въ особенности множество найденной въ мозгу запекшейся крови, прекратившей своимъ давленіемъ всякую жизненную дѣятельность. Несчастная, должна была претерпѣть жестокія страданія и истязанія, прежде чѣмъ умереть.—Несмотря на то, что Карлъ Маршаль съ самаго начала признался въ своемъ участіи въ преступленіи, Антонини и жена его упорно доказывали свою невинность. По ихъ словамъ, Карлъ былъ единственнымъ виновникомъ *убійства*; затѣмъ въ своемъ намѣреніи скрыть преступленіе они сознались не прежде, какъ по предъявленіи имъ явныхъ уликъ. Только послѣ 19 продолжительныхъ допросовъ, Тереза Антонини раскрыла главныя обстоятельства убійства. Антонини, высказавшій, при допросахъ много упорства, коварства и скрытности, послѣ долгаго, но тщетнаго запирательства, наконецъ перемѣнилъ свою систему защиты и всячески старался запутать судьей посредствомъ ложныхъ показаній. Однакоже и онъ, на очныхъ ставкахъ съ женою, долженъ былъ сознаться въ истинѣ, которую онъ все еще не рѣшался высказать вполнѣ. *Іосифъ Антонини* показалъ, что ему 30 лѣтъ отъ роду и что мѣстомъ его рожденія была Мессина, гдѣ родители его были суконными фабрикантами. Что касается до него самаго, то онъ занимался парикмахерскимъ мастерствомъ и уже на 11 или 12-мъ году отправился моремъ въ Неаполь, чтобы присутствовать на праздникѣ св. Грота. Во время переѣзда туда, онъ, по несчастью, былъ захваченъ алжирскимъ корсаромъ, который, прибывши въ александрійскую гавань (въ Алжиріи) для продажи невольниковъ, попался въ плѣнъ одному французскому кораблю.—Впрочемъ, если такъ поэтична была первая половина жизни Антонини, то и остальная ея часть представляла не менѣе темныхъ, загадочныхъ сторонъ: Антонини являлся попеременно то барабанщикомъ при французскомъ корсиканскомъ батальонѣ, то маркитантомъ, то французскимъ военнымъ почтальономъ. Въ Берлинѣ онъ былъ арестованъ два раза: въ первый разъ по подозрѣнію въ кражѣ, по указанію французскаго правительства, которое и выслало его въ Майнцъ, и во второй разъ, вмѣстѣ съ женой (въ октябрѣ 1802 г.) по распоряженію берлинской полиціи, открывшей, что у семейства Антонини находилось много подозрительныхъ вещей, способъ

пріобрѣтенія которыхъ они не въ состояніи были разъяснить удовлетворительно. Однакоже, спустя восемь дней, мужъ и жена были освобождены изъ-подъ ареста, какъ бы нарочно для того, чтобы сдѣлаться убійцами несчастной Бланкенфельдъ. Что Антонини, при этомъ случаѣ, уже не въ первый разъ являлся преступникомъ — это можно съ достовѣрностью заключить изъ всѣхъ предъидущихъ обстоятельствъ его загадочной жизни, а также изъ всего образа его дѣйствій, какъ до умерщвленія Бланкенфельдъ, такъ и послѣ того. Къ тому же это предположеніе подтверждается еще слѣдующими обстоятельствами: при каждой размолвкѣ Антонини съ женой, послѣдняя называла его *душегубцемъ* и *воромъ*, эпитеты, которые раздражительный сицильянецъ всегда переносилъ молча и съ необычайнымъ терпѣніемъ. Сверхъ того, самъ Антонини разсказывалъ другимъ арестантамъ, что однажды, похитивъ 300 лундоровъ и бриліантовые перстни, онъ вслѣдъ затѣмъ не только самъ бѣжалъ изъ эрфуртской тюрьмы, но и вывелъ оттуда другихъ арестантовъ,—факты, которые подтвердились самыми положительными свидѣтельствами. Сдѣланные ему допросы и вообще всѣ его пріемы во время содержанія въ Аугсбургѣ служатъ доказательствомъ безграничной хитрости и нравственной испорченности этого закоснѣлаго злодѣя. Нѣтъ уже надобности упоминать о томъ, какъ необдуманно и дерзко держалъ онъ себя въ тюрьмѣ, какія употребилъ насилія и хитрость, чтобы вырваться на волю, какъ умѣлъ ускользнуть изъ заточенія, чтобы развѣдать о подробностяхъ производимаго надъ нимъ слѣдствія; какъ сносился съ другими арестантами для побѣга изъ тюрьмы, какъ писалъ письма къ женѣ съ тѣмъ, чтобы поощрить ее ко лжи и запирательству и какъ онъ самъ наконецъ хотѣлъ покуситься на свою жизнь — потому что все это собственно не касается до нашего предмета и не входитъ въ рамки настоящаго изслѣдованія.

Карлъ Маршаль, которому въ эту пору еще не исполнилось 13 л., и *Тереза Антонини*, которая имѣла немного болѣе 26 л. — были дѣти Іоганна Кристьяна, бѣднаго ремесленника, работавшаго на одной изъ берлинскихъ фабрикъ, и пользовавшагося репутаціей человѣка безукоризненно честнаго. Дочь его Тереза родилась въ Берлинѣ, а Карлъ родился въ мѣстечкѣ Мезеритцъ, на границѣ прежней прусской Польши, гдѣ отецъ его

когда-то занималъ должность вагенмейстера. Карлъ, по отзыву его родителей, знакомыхъ и наставниковъ былъ добрымъ, послушнымъ мальчикомъ, всегда охотно и безпрекословно исполнявшимъ возлагаемыя на него порученія. Напротивъ того Тереза, даже по свидѣтельству ея родителей, была — существо упрямое, злонравное и развратное. Никакія увѣщанія, угрозы и даже наказанія не могли сломить ея упрямой воли и исправить ея порочныхъ наклонностей; она не имѣла любви и почтенія къ своимъ родителямъ и высказывала высокомѣріе въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, у которыхъ она находилась въ услуженіи. Въ Берлинѣ она свела знакомство съ Іосифомъ Антонини, который въ это время былъ французскимъ военнымъ почтальономъ и въ 1806 г. вышла за него замужъ въ Кюстринѣ. Какъ жили молодые супруги до 1809 г., чѣмъ занимались они и чѣмъ содержали себя — все это покрыто глубокой неизвѣстностью. Впрочемъ уже то обстоятельство, что при посѣщеніи ими въ Берлинѣ ихъ родителей и родственниковъ, они были задержаны полиціей, по случаю открытія у нихъ какихъ-то заподозрѣнныхъ вещей — бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на ихъ жизнь въ этотъ промежутокъ времени. Изъ Берлина Антонини располагалъ возвратиться обратно въ свое отечество, Мессину. За 3 или 4 дня до своего отъѣзда, онъ уговорилъ молодаго Карла Маршаля быть его путевымъ товарищемъ и на дорогѣ позаботиться о пріисканіи для себя лошади. Родители Карла не изъявили согласія на предстоявшую поѣздку, но сговорчивый юноша, колеблясь на этотъ разъ между послушаніемъ родителямъ и соблазнительными предложеніями итальянца, предпочелъ то, что казалось для него болѣе пріятнымъ, и потому онъ былъ, вопреки родительской волѣ, почти насильно (такъ выразился старикъ Маршаль) вовлеченъ въ путешествіе съ Антонини. Еще надо замѣтить, что когда престарѣлый отецъ получилъ извѣстіе о преступленіи, совершенномъ его дѣтьми, и о послѣдовавшемъ затѣмъ арестѣ обвиненныхъ, то онъ обратился съ аугсбургскій судъ съ письмомъ, въ которомъ умолялъ судей, чтобы они избавили отъ смерти его несчастнаго, заблудшаго сына. Но онъ только просилъ за жизнь своего малолѣтняго сына; что касается до дочери, то даже и любящее сердце отца не находило словъ для выраженія желанія спасти ее отъ казни.

Слѣдствіемъ раскрыты были затѣмъ слѣдующія обстоятельства: *Дороте́я Бланкенфельдъ* прекрасная собой дѣвушка, родилось въ Фридландѣ (въ Пруссіи) отъ родителей, бывшихъ гражданами этого города. Ея поведенія было безукоризненно, а характеръ, по единодушному свидѣтельству всѣхъ ея знакомыхъ, отличался особенною мягкостью и кротостію, что отчасти подтверждалось и тѣми бумагами, которыя находились при ней. Въ ноябрѣ 1809 года, она отправилась изъ Данцига въ Вѣну, гдѣ ея женихъ-Францъ М** ожидалъ её для вступленія съ нею въ бракъ. Въ Дрезденѣ она имѣла рекомендательныя письма къ г. Жантиль, секретарю тамошняго французскаго коммисара, который позаботился приготовить для нея комнату въ мѣстной гостинницѣ. Здѣсь дѣвица Бланкенфельдъ выжидала благопріятнаго случая для продолженія путешествія; этотъ случай вскорѣ представился ей, но, онъ сдѣлался и причиною ея погибели. Въ это время къ французскому секретарю посольства явились два мнимые французскіе почталіона Antoine (Антонини)и Шульцъ; они предъявили рекомендательное письмо отъ французскаго плацъ-коменданта г. Дрездена и просили пачпортовъ, чтобы отправиться въ армію. Г. Жантиль извѣстилъ Доротею Бланкенфельдъ объ этой удобной для нея оказіи и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ ей занести ея имя въ подорожній листъ; Доротея приняла это предложеніе, какъ нельзя охотнѣе, и послѣ 4 дневнаго пребыванія въ Дрезденѣ, отправилась далѣе въ наемномъ экипажѣ вмѣстѣ съ своими новыми знакомцами. Въ почтовомъ листѣ значились, что путешествуютъ: Sieur Antoine, S. Schoultzy и D-lle Blankenfeld; по между-тѣмъ Карлъ, скрывавшійся подъ именемъ Шульца, обмѣнялся ролями съ своей сестрой. Непоименованная въ спискѣ и передѣтая въ мужское платье, Тереза Антонини сѣла въ карету вмѣсто своего брата подъ именемъ почтальона Шульца, тогда-какъ послѣдній, подъ именемъ Карла Маршаля, принялъ на себя роль слуги, которою и прикрывался во все продолженіе пути. Блапкенфельдъ имѣла при себѣ довольно значительную сумму денегъ и разныя драгоцѣнныя вещи; въ ея сундукѣ находилось изящное платье и тонкое бѣлье, а на ней самой—около 2,000 прусскихъ талеровъ золотомъ, которые были зашиты въ небольшомъ мѣшкѣ. Сначала, эти подробности, разумѣется, не могли быть извѣстны семейству Антонини, но уже модный, изящ-

ный туалетъ д-цы Бланкенфельдъ и ея знакомство съ нѣкоторыми значительными лицами въ Дрезденѣ—подавали поводъ предполагать, что имущество ея весьма значительно.

Для объясненія способа совершенію преступленія, необходимо обратиться къ чистосердечному показанію молодаго *Карла Маршала*: супруги Антонини имѣли самыя скудныя средства для выполненія предстоявшаго путешествія. Несмотря на то, что они отправлялись въ Мессину (въ Сицилію), у нихъ было только пѣсколько талеровъ; такимъ образомъ невольно приходитъ на мысль, что путешествіе было заранѣе предпринято съ тайнымъ замысломъ пріобрѣсти въ теченіи его нужныя деньги посредствомъ какого-либо злодѣянія. Во всякомъ случаѣ, трудно допустить, чтобы Іосифъ Антонини, нуждаясь даже въ необходимомъ для себя и для своей жены во время столь продолжительнаго пути, могъ рѣшиться взять на свое иждивеніе еще новаго спутника—своего свояка, единственно изъ желанія доставить ему удовольствіе, или сдѣлать изъ него своего слугу. Есть гораздо болѣе вѣроятія, что сговорчивый юноша былъ взятъ именно съ той цѣлію, чтобы въ случаѣ нужды послужить орудіемъ или пособникомъ задуманнаго преступленія, или, наоборотъ, въ въ случаѣ поимки, прикрыть собой главныхъ виновниковъ. Вымышленная фамилія Шульцъ, мужской костюмъ Терезы Антонии, перемѣна ролей между ею и ея братомъ—все это, несомнѣнно, было еще прежде придумано для вышеозначенной цѣли. Перемѣна именъ, костюмовъ и лицъ—должна была помочь: выпутаться изъ могущихъ встрѣтиться затрудненій и ускользнуть отъ преслѣдованія полиціи, послѣ совершенія преступленія. Супруги Антонини такъ скоро возъимѣли мысль объ умерщвленіи ихъ спутницы и такъ быстро стали приводить ее въ исполненіе безъ всякихъ предварительныхъ совѣщаній, что нельзя не предположить у нихъ заранѣе составленнаго плана пріобрѣсти дорогою деньги посредствомъ этого злодѣянія и при первомъ удобномъ случаѣ. Путешественники едва только успѣли отъѣхать нѣсколько станцій отъ Дрездена, какъ Іосифъ Антонини открылся женѣ въ своемъ намѣреніи убить Бланкенфельдъ и похитить ея имущество. Тереза не сдѣлала никакихъ возраженій съ своей стороны и вполнѣ одобрила намѣреніе своего мужа. Оба они скоро открыли свой замыселъ молодому Карлу, которому ска-

зали, что Д. Бланкенфельдъ непремѣнно должна быть умерщвлена. Послушный на все, податливый юноша также не протестовалъ съ своей стороны и изъявилъ свою готовность принять участіе въ убійствѣ. Такимъ образомъ преступленіе въ принципѣ было рѣшено; затѣмъ оставалось опредѣлить: когда и какъ совершить задуманное? Рѣшеніе этого вопроса было предоставлено удобному случаю, который уже конечно не могъ не предоставиться во время столь продолжительнаго пути. Съ этихъ поръ между тремя соумышленниками является необыкновенное рвеніе въ пріисканіи случаевъ, въ изобрѣтеніи разныхъ способовъ для умерщвленія или различныхъ средствъ для утайки преступленія, и каждый какъ бы старается превзойти другихъ въ изобрѣтательности и энергіи. Все время путешествія, которое продолжалось нѣсколько дней, было безпрерывнымъ въ разнообразныхъ формахъ предпринимаемымъ, часто прекращавшимся и потомъ *снова продолжаемымъ покушеніемъ умертвить ничего не подозрѣвавшую* Бланкенфельдъ. Съ этой преступной цѣлью по большей части назначались пустынныя мѣста для ночлеговъ, такъ-что не проходило ночи безъ того, чтобы несчастная, обреченная на погибель жертва, которая между-тѣмъ предавалась безмятежному сну, не встрѣчала передъ собой смерти въ томъ или въ другомъ ея видѣ. Только одни счастливыя обстоятельства и внѣшнія препятствія устраняли грозившую ей опасность на нѣсколько дней, до той самой минуты, когда въ Майтингенѣ ей было суждено пасть подъ ударами убійцъ. Въ городѣ Гофѣ, Антонини впервые составилъ планъ задушить свою жертву въ дыму, но этотъ планъ не былъ одобренъ его женой, которая находила, что онъ опасенъ и рискованъ во многихъ отношеніяхъ. Слѣдующая станція, между Гофомъ и Барентомъ, предоставляла большія удобства для совершенія убійства, такъ-какъ она была расположена въ глубокомъ ущельѣ, при самомъ входѣ въ Фихтельскія горы. Мѣстоположеніе гостиницы было одинокое, при подошвѣ горы, поросшей лѣсомъ: здѣсь убійство, не только могло быть совершено въ полной безопасности, но и трупъ было удобно закопать въ землю. Но въ Барентѣ Тереза Антонини явилась не въ костюмѣ почтальона, а въ женскомъ платьѣ; слѣдовательно въ гостинницѣ легко могли замѣтить отсутствіе одной женской фигуры. Обстоятельство это не ускользнуло отъ вниманія Ан-

тонини, которые справедливо опасались, чтобы на слѣдующій день присутствіе только 3-хъ лицъ, вмѣсто прежде бывшихъ четырехъ, не возбудило всеобщихъ подозрѣній. Вслѣдствіе этого они рѣшились пропустить благопріятный и на этотъ разъ случай для задуманнаго ими убійства.—На слѣдующій день, когда путешественники ночевали въ Барейтѣ, намѣреніе ихъ сдѣлалось гораздо серьезнѣе и Антонини опять воротился къ своему прежнему умыслу, задушить спящую Бланкенфельдъ въ дыму. Съ этой цѣлью преступники сговорились сдѣлать въ печкѣ той комнаты, гдѣ ночевала Бланкенфельдъ, нѣсколько отверзтій и печь затопить мокрой соломой. Но Тереза Антонини и на этотъ разъ не изъявила сочувствія къ этому способу умерщвленія, находя его не довольно благонадежнымъ, такъ-какъ спящая жертва легко могла отъ сгустившагося дыма встать съ постели и растворить окно. Поэтому она предпочла посягнуть на убійство посредствомъ орудія. Карлу было велѣно запастись толстой дубиной и приготовить воды, чтобы смыть кровавыя пятна. Но несчастную и тутъ охранялъ ея добрый геній, и если выполненіе адскаго замысла не состоялось, то это единственно отъ чисто внѣшнихъ причинъ.—Такимъ образомъ, убійцы уже цѣлыхъ три дня и въ трехъ разныхъ мѣстахъ напрасно приступали къ осуществленію своего преступнаго намѣренія, убѣдившись на дѣлѣ, что совершеніе убійства было не такъ легко, какъ они сначала воображали. Они теперь увидѣли затрудненія и опасности, которымъ не хотѣли подвергнуться изъ-за пустяковъ или изъ-за ничтожной прибыли. Поэтому, прежде чѣмъ покуситься на страшный подвигъ, они сочли нужнымъ напередъ развѣдать: будутъ-ли они вознаграждены достаточной поживой за понесенные труды и рискъ. Съ этой цѣлью они рѣшились избрать слѣдующій ночлегъ, въ небольшомъ мѣстечкѣ, между Барейтомъ и Нюренбергомъ. Здѣсь Бланкельфельдъ заказала глинтвейну, въ который Антонини украдкой, подсыпали опіумъ, чтобы произвести въ ней одуреніе. Когда Бланкельфельдъ улеглась въ постель и погрузилась въ глубокій сонъ, у нея вытащили изъ подъ головы ключъ отъ сундука, отперли этотъ сундукъ и произвели обыскъ. Денегъ въ сундукѣ не оказалось, но въ немъ заключалось тонкое бѣлье, мужское и женское платье и нѣсколько довольно цѣнныхъ вещей. «Конечно, стоитъ труда извести ее», сказалъ Іосифъ Ан-

тонини». Затѣмъ всѣ вынутыя вещи, которыя преступники уже считали своею собственностью, были опять уложены въ наилучшемъ порядкѣ, сундукъ запертъ по прежнему, а ключъ возвращенъ на свое мѣсто. — Этотъ подвигъ Антонини считали достаточнымъ для нынѣшняго дня. На слѣдующее утро путешественники прибыли въ Нюренбергъ, гдѣ опять совѣщались о томъ, какимъ способомъ удобнѣе извести Бланкенфельдъ въ этомъ городѣ. Обстановка тутъ благопріятствовала во многихъ отношеніяхъ, такъ-какъ въ Нюренбергѣ много рѣкъ въ которыя можно было бросить мертвое тѣло. Съ другой стороны предстояло одно великое затрудненіе: напротивъ гостинницы стоялъ часовой. Карлъ, который старался заслужить сказанное ему довѣріе не только слѣпымъ послушаніемъ, но также изобрѣтательностью и находчивостью, предложилъ своему шурину положить въ супъ Бланкельфельдъ *битыя стекла*, какъ средство совершить убійство незамѣтнымъ образомъ. Но Антонини не согласился на это предложеніе, говоря, что толченое стекло не причиняетъ смерти; что онъ самъ отъ нечего дѣлать нѣсколько разъ глоталъ стекло безъ малѣйшаго вреда. Такимъ образомъ Бланкенфельдъ избѣгнула и въ Нюренбергѣ, угрожавшей ей погибели.—Изъ Нюренберга, дорога вела въ небольшое мѣстечко Ротъ, куда путешественники на слѣдующій вечеръ прибыли для ночлега. Также и здѣсь были обдумываемы средства и орудія для совершенія убійства. Тереза Антонини отыскала на полу гостинницы *грабли* съ тремя желѣзными зубцами, которыя она тотчасъ же передала мужу и брату, говоря что эта вещь какъ нельзя болѣе пригодна для убійства. Карлъ, котораго злодѣи избрали орудіемъ преступленія тайно перенесъ эти *грабли* въ комнату и спряталъ ихъ за печкою. Сестра его между тѣмъ дала ему самую подробную инструкцію, какъ дѣйствовать найденнымъ орудіемъ, говоря, что непремѣнно нужно наносить удары толстымъ концомъ. Вскорѣ потомъ Бланкенфельдъ, сама не зная того, выпила опять наркотическое питье и теперь ничего болѣе не оставалось, какъ назначить мѣсто, гдѣ спрятать трупъ. Съ этой цѣлью, Карлъ и Антонини, каждый отдѣльно, отправились для развѣдыванія. Первый нашелъ гдѣ-то въ полу удобную яму, а послѣдній стоячую воду въ ближайшей окрестности. Впрочемъ и на

этотъ разъ, всѣ приготовленія и старанія остались тщетными, потому-что благодаря счастливому случаю, въ гостинницѣ собралось множество заѣзжихъ извощиковъ и выполненіе преступнаго замысла было снова отложено на неопредѣленное время. Подобные опыты, сопровождавшіеся такими же неудачами, были повторены на двухъ станціяхъ между Ротомъ и Майтингеномъ, вѣроятно въ Вейсенбургѣ и Доквувертѣ. Наконецъ настало время принять какое-либо окончательное рѣшеніе, потому что въ Вейсенбургѣ Бланкенфельдъ должна была разстаться съ своими спутниками. Въ Аугсбургѣ долженъ былъ происходить послѣдній съ нею ночлегъ; слѣдовательно надлежало или выполнить замыселъ или вовсе отъ него отказаться. На послѣдней станціи передъ Майтингеномъ Антонини употребилъ хитрость, чтобы узнать въ точности отъ Бланкенфельдъ, не имѣетъ-ли она гдѣ-либо при себѣ, кромѣ сундука, денегъ или драгоцѣнныхъ вещей? Съ этой цѣлью онъ навелъ разговоръ на тирольскихъ инсургентовъ, на тѣ опасности, которыя ожидаютъ Бланкенфельдъ на пути. Онъ разсказывалъ какъ далеко инсургенты проникли за границу, какъ они неистовствовали въ Швабіи и Баваріи, какія жестокости учиняли и какъ свирѣпо убивали за самую ничтожную добычу. Этими настойчиво повторяемыми и наглядными разсказами онъ такъ сильно подѣйствовалъ на воображеніе Бланкенфельдъ, что она, будучи крайне возбуждена овладѣвшимъ ею безпокойствомъ, потеряла совершенно присутствіе духа и у нея вырвалось восклицаніе: Ахъ! всѣ мои деньги, я бы охотно отдала имъ (т. е. тирольцамъ) лишь бы они оставили мнѣ жизнь!

Ожиданіе богатой добычи еще болѣе укрѣпило въ сообщникахъ преступный умыселъ и рѣшимость совершить злодѣяніе, не смотря ни на какую опасность. Убійцы съ своей на смерть обреченной спутницей прибыли въ Майтингенъ. Антонини и его жена пришли къ заключенію, что если такой мальчикъ какъ Карлъ одинъ совершитъ преступленіе, то чрезъ то самое главная отвѣтственность падетъ на него и притомъ не подвергая его чрезъ то опасности быть присужденнымъ къ смертной казни; сами они надѣялись остаться въ сторонѣ, свалить все на него, чтобы быть такимъ образомъ въ безопасности. Съ этою цѣлью онъ и былъ принятъ съ самаго начала въ сообщничество. Въ Майтингенѣ точно также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, ему было препоручено выполненіе злодѣя-

нія. Когда приблизилась послѣдняя долженствовавшая все рѣшить ночь—были употреблены всѣ средства, чтобы вооружить его юный духъ отвагой, рѣшимостью и настойчивостью. Равно покорный на доброе и злое, мальчикъ слѣпо предался волѣ своихъ руководителей и какъ прежде такъ и теперь, въ Майтингенѣ, смотрѣлъ на умерщвленіе невинной дѣвушки, (которая въ продолженіи всего пути оказывала ему самое дружеское расположеніе), безъ малѣйшаго чувства жалости и вовсе не чувствуя упрековъ совѣсти. Онъ даже былъ совершенно чуждъ чувства страха передъ наказаніемъ на случай, если бы преступленіе открылось. У него было только одно сомнѣніе: не окажутся-ли его физическія силы слишкомъ слабы для такого предпріятія. Но сестра посулила ему въ награду, какъ скоро дѣло будетъ сдѣлано, платье ея мужа, а послѣдній обѣщалъ прійдти увѣдомить его, когда это будетъ нужно. Карлъ отъискалъ на почтовомъ дворѣ тяжелый деревянный валекъ (Margrolle), который былъ найденъ очень пригоднымъ орудіемъ и потому спрятанъ въ комнатѣ супруговъ Антонини. Между-тѣмъ Карлъ былъ отправленъ вырыть яму въ навозной кучѣ, гдѣ бы можно было зарыть трупъ, что однако имъ не было исполнено. Самъ Антонини купилъ тайкомъ восковыхъ свѣчъ, чтобы имѣть всю ночь огонь, и водки, чтобы привести Бланкенфельдъ въ опьяненіе. За ужиномъ онъ уговаривалъ ее отвѣдать водки, которая вѣроятно была не безъ примѣси опіума, потому-что Бланкенфельдъ сильно опьяненная, въ 8 часовъ улеглась въ постель въ своей комнатѣ, рядомъ съ той, которую занимали Антонини: дверь между ними оставалась отпертой. Тутъ-же подъ предлогомъ омовенія ногъ, (какъ это дѣлалось съ тѣмъ же умысломъ въ другихъ мѣстахъ во время путешествія), была припасена теплая вода, чтобы смыть слѣды крови въ комнатѣ,—и затѣмъ внѣшняя дверь была заперта деревяннымъ засовомъ.

Около полуночи Карлъ прокрался въ компату Бланкенфельдъ, чтобы выглядѣть ея сонъ и то положеніе, въ которомъ она находится. Хотя она спала, но положеніе ея тѣла было не совсѣмъ удобно для совершенія убійства: она лежала ничкомъ и повернувшись къ стѣнѣ. Пока убійцы выжидали измѣненія ея положенія на болѣе соотвѣтственное ихъ умыслу, Терезъ Антонини пришла мысль, что лучше будетъ совершить убійство спящей ка-

кимъ нибудь другимъ образомъ и не раздробить ей голову какъ было прежде предположено; поэтому она предложила умертвить ее посредствомъ растопленнаго олова, вливая его въ ухо, какъ полагалъ самъ Антонини или капая его на глаза, какъ совѣтывалъ Карлъ. Чтобы испробовать это средство, они разрѣзали оловянную ложку на маленькіе кусочки, положили ихъ затѣмъ на свицовую и стали плавить на свѣчѣ. Но одна упавшая оттуда капля прожгла только полотно и сдѣлала очевиднымъ въ глазахъ убійцъ, что расплавленное олово слишкомъ скоро стынетъ. Тогда это средство, какъ оказавшееся негоднымъ, было оставлено и они возвратились къ первоначальному плану убійства. Около 4-хъ часовъ Карлъ снова прокрался въ комнату спящей дѣвушки, онъ нашелъ ее лежащею на спинѣ головой впередъ. «Теперь, сказалъ Антонини, настало время», и затѣмъ онъ приблизился къ кровати спящей дѣвушки вмѣстѣ съ мальчикомъ, державшимъ въ рукѣ тяжелый валекъ. Карлъ, уже подготовленный къ преступленію, поднялъ вверхъ орудіе смерти, но медлилъ нанесеніемъ удара и вдругъ задрожавъ, тревожно отдернулъ его назадъ. Но Антонини, осыпая мальчика бранью, схватилъ руку его, вооруженную этимъ орудіемъ смерти, взмахнулъ ею надъ головой спящей и только теперь первый ударъ поразилъ лобъ дѣвушки, которая тотчасъ же съ крикомъ «Jesus, mein Kopf!» пробудилась отъ сна и поднялась на постели. Въ это самое мгновеніе Антонини схватилъ ее за плечи и удержалъ въ этомъ положеніи. Бланкенфельдъ начала тихо стонать и горько плакать; все что она просила у своихъ убійцъ было пощадить ея молодую жизнь.—Состраданіе, тревога и ужасъ овладѣли Карломъ; онъ бросилъ валекъ и кинулъ его къ двери, а самъ обратился въ бѣгство. Но Тереза Антонини, недоступная никакому чувству сострадапія, тотчасъ же настигла бѣжавшаго мальчика и притащивъ его обратно въ комнату, сунула ему въ руку поднятый ею съ земли валекъ, приказывая ему покончить начатое дѣло. Онъ снова приблизился къ постели, замахнулся на дѣвушку и нанесъ ей по головѣ ударъ, зацѣпивъ при размахѣ по головѣ и самаго Антонини: потомъ Карлъ съ ужасомъ вторично бросилъ свой валекъ и снова обратился въ бѣгство. Между-тѣмъ Антонини, отъ боли вслѣдствіе полученнаго имъ удара, выпустилъ изъ своихъ рукъ дѣвушку, которая тотчасъ же подня-

лась, вскочила съ постели и поспѣшила къ двери, ведущей въ другую комнату, но Антонини въ бѣшенствѣ погнался за нею, настигъ ее, и наносилъ ей удары валькомъ по головѣ до тѣхъ поръ, пока она не пала на землю, но и послѣ этого онъ нанесъ ей еще нѣсколько ударовъ. Когда Бланкенфельдъ лежала уже безъ чувствъ и только изрѣдка хрипѣла, Антонини сорвалъ съ ея тѣла одежду и корсетъ, въ которомъ скрывалось ея богатство, затѣмъ взвалилъ ее къ себѣ на плечи, чтобы вынести на дворъ и тамъ зарыть въ навозѣ. Но ноша была для него слишкомъ тяжела; къ тому же жена отсовѣтывала ему это дѣлать, тогда они вдвоемъ стащили ее въ свою комнату. Однако несчастная еще не скончалась, она снова стала хрипѣть. «Эта падаль (Luder) еще жива воскликнулъ Антонини, бросился къ умирающей и сталъ топтать ея тѣло ногами до тѣхъ поръ, пока она не испустила дыханія. Послѣ того трупъ, по совѣту Терезы Антонини, былъ опущенъ въ мѣшокъ и завернутъ простыней. Но еще передъ этимъ Антонини пришла мысль перевязать и стянуть веревкою шею убитой. Въ то же время жена его старалась изгладить, на сколько это было возможно, слѣды преступленія: очищала отъ крови полъ, кровать и самый валекъ. Когда это было сдѣлано, она совсѣмъ готовая къ отъѣзду сняла съ себя костюмъ почтальона, и надѣла женское платье то самое, которое наканунѣ было на убитой.—Таково было въ сущности *показаніе Карла Маршала*, подтвержденное обстоятельствами дѣла, а при дальнѣйшихъ допросахъ и супругами Антонини [1]). Послѣдніе, не отвергая самаго факта преступленія, по совершенной невозможности сего, и признавшись въ своемъ участіи въ убійствѣ—объявили, что оно было предпринято ими съ цѣлью завладѣть имуществомъ Бланкенфельдъ. Но они доказывали, что были только *пособниками* Карла Маршала въ убійствѣ, а не главными виновниками. Далѣе они говорили, что сами не наносили ударовъ Бланкенфельдъ, на этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ они настаивали съ необыкновенной энергіею, вѣроятно въ убѣжденіи, что оно можетъ спасти ихъ отъ устрашавшей ихъ смертной казни.

---

[1]) Они противорѣчили ему въ второстепенныхъ подробностяхъ, такъ напр. жена Антонини сознавалась въ томъ, что она услыша какъ хрипитъ умиравшая, указала на ото мужу, сказавъ «она еще жива», но упорно отказывалась отъ употребленнаго ею выраженія «падаль» и пр.

Наконецъ послѣ 20-ти допросовъ и очныхъ ставокъ, Іосифъ Антонини (выказавшій при этомъ много лукавства и изворотливости) сталъ давать болѣе точныя показанія, хотя и старался смягчить свою вину и думалъ найдти себѣ пощаду то въ томъ, что будто бы онъ убилъ Бланкенфельдъ по заблужденію, то въ томъ, что убійство было имъ совершено въ припадкѣ гнѣва. Показанія эти, противорѣчившія между собой и противныя тѣмъ даннымъ, которыя были добыты изслѣдованіемъ, по справедливости не могли быть приняты судьями во вниманіе. Вслѣдствіе этого Іосифъ Антонини и жена его, урожденная Маршаль, были приговорены королевскимъ аппеляціоннымъ судомъ въ Нейбургѣ къ казни мечемъ (zur Strafe des Schwertes), а Карлъ Маршаль вслѣдствіе его молодости былъ избавленъ отъ смертной казни и присужденъ къ 10-ти лѣтнему пребыванію въ робочемъ домѣ. Рѣшеніе это было утверждено и второй судебной инстанціей. Антонини умеръ въ тюрьмѣ до приведенія надъ нимъ приговора въ исполненіе. Жена же его была казнена: она встрѣтила смерть съ дерзостью и безъ малѣйшаго чувства раскаянія *).

П. М—ъ.

XXIII. Дѣло о убійствѣ Конрада Эйхмюллера.

Поденьщикъ Конрадъ Эйхмюллеръ, изъ Лейденберга (въ Баваріи), семидесятилѣтній старикъ, работалъ съ недѣлю въ лѣсу на Старой горѣ у Гербрука, гдѣ его напяли выкапывать пни и раскалывать ихъ на части. Онъ отправлялся на работу рано утромъ и приходилъ домой только вечеромъ, по обыкновенно прежде сумерекъ, около 5 часовъ. Во вторникъ 7 сентября 1824 года уже наступила ночь, а онъ еще не возвращался съ работы. Это обезпокоило его жену, которая наконецъ послала къ Старой горѣ искать его своего сына отъ перваго брака Лапера, съ нѣсколькими другими парнями изъ деревни. Они вскорѣ возвратились съ извѣстіемъ, что старикъ лежитъ убитый въ лѣсу, и затѣмъ, взявъ съ собою еще нѣсколькихъ односельцевъ и телѣгу, поѣхали за трупомъ.—Эйхмюллеръ былъ найденъ

*) Разборъ этого дѣла, сдѣланный Фейербахомъ преимущественно съ процесуальной точки зрѣнія, представляетъ въ настоящее время мало интереснаго, а потому и не вполнѣ въ настоящее изложеніе.

въ пяти шагахъ отъ пня, надъ которымъ онъ работалъ. Трупъ лежалъ лицомъ къ землѣ, черепъ былъ раздробленъ и обѣ ноги отрублены. Лѣвая нога висѣла на тѣлѣ, а правая лажала въ 4 или 5 шагахъ подъ деревомъ. Ясные кровяные слѣды показывали, что убитый былъ притащенъ по травѣ отъ пня, гдѣ работалъ, къ тому мѣсту, гдѣ его нашли и гдѣ у него вѣроятно были отрублены ноги. Возлѣ него лежала его куртка и два его топора, изъ которыхъ у одного обухъ и лезвіе были покрыты кровью, изъ чего можно было заключить, что этимъ топоромъ былъ раздробленъ черепъ и отрублены ноги. Жена убитаго, отправляя своего сына, поручила ему взять деньги, около двухъ гульденовъ, которыя были у ея мужа. Вслѣдствіе сего сельскій староста Штегеръ, *понедпій* въ числѣ прочихъ за трупомъ, осмотрѣлъ по требованію Ланера платье убитаго, но ничего въ немъ не нашелъ за исключеніемъ пуговицы въ одномъ изъ кармановъ панталонъ. Ничего не было найдено также около мѣста совершенія преступленія.

Результатъ медицинскаго осмотра трупа заключался въ слѣдующемъ: 1) Ноги были отрублены у икръ. 2) Черепъ былъ раздробленъ на такія мелкія части, что нельзя было различить лобовую, височныя и затылочную кости; мозгъ былъ покрытъ осколками костей и во многихъ мѣстахъ поврежденъ; судебный врачъ собралъ двадцать одинъ кусокъ костей. Столь сильное поврежденіе вело къ тому заключенію, что оно послѣдовало не отъ одного, а отъ нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ. О безусловной смертельности этихъ ранъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія.—Убійца сдѣлался извѣстнымъ столь же скоро, какъ и совершенное имъ преступленіе. Почти въ одно и то же время дано было знать о томъ и другомъ герсбрукскому земскому суду. Въ день совершенія убійства (7-го сентября) около 5 часовъ работникъ Павелъ Деуерлейнъ везъ возъ травы изъ Рейхеншванда въ Герсбрукъ. Вблизи мѣстечка Альтзиттенбаха его нагналъ молодой *Георгъ Сергель*, который также шелъ по направленію къ Альтзиттенбаху. «Откуда ты, Гансъ Гергле?» *) закричалъ ему Деуерлейнъ и получилъ въ отвѣтъ: «уже съ годъ тому назадъ онъ закопалъ мою кровь (причемъ Сергель указалъ на лѣсъ на Старой горѣ). Въ

*) Уменьшительное отъ Іоганнъ-Георгъ.

прошедшемъ году я смотрѣлъ на нее, но тогда она еще не свернулась, и тотъ, кто ее закопалъ, меня сильно тогда приколотилъ. Сегодня я былъ опять у того пня, чтобы посмотрѣть на свою кровь, и тотъ, кто ее закопалъ, былъ опять самъ и у него были рога. Но я ударилъ его по головѣ топоромъ, отрубилъ ему ноги и пилъ его кровь.» Деуерлейнъ злъ, что на Сергеля находятъ иногда припадки сумасшествія и потому не обратилъ вниманія на его слова. Между-тѣмъ они дошли до герсбуркской богадѣльни, у дверей которой Сергеля ожидалъ его отецъ, принятый съ своимъ семействомъ въ богадѣльню. Деуерлейнъ въ присутствіи слѣпаго Альбрехта Гаснера передалъ отцу Сергеля, что его сынъ разсказывалъ ему дорогою. Отецъ не повѣрилъ истинѣ этого разсказа и бранилъ своего сына за то, что онъ опять говоритъ глупости. Сергель на это отвѣчалъ; «да, отецъ, это правда, я его ударилъ по плѣши и отрубилъ ому ноги. Я его убилъ, чтобы напиться крови бѣднаго грѣшника; у него были рога». Въ комнатѣ, куда Гаснеръ пошелъ съ Сергелемъ, этотъ послѣдній прибавилъ: «я взялъ у него также кошелекъ съ деньгами. Тамъ было два гульдена. Но я бросилъ деньги и кошелекъ, я не беру ничего чужаго.» Гасперъ дразнилъ его, говоря: «ты должно быть спряталъ деньги.» Это разсердило Сергеля и онъ закричалъ: «молчи, а не то я тебя убью». Черезъ нѣсколько минутъ Георгъ Сергель вошелъ на гумно сосѣдняго дома и, заливаясь громкимъ смѣхомъ, встрѣтилъ Катерину Гаснеръ словами: «теперь я опять здоровъ. Я его хорошенько хватилъ. Я его ударилъ прямо въ плѣшь и отрубилъ ему обѣ ноги. Одну ногу я бросилъ.» Эти слова испугали Гаснеръ, которая въ то же время замѣтила у Сергеля кровь на носу. На ея вопросъ: откуда попала ему на лицо кровь? онъ отвѣчалъ: «я пилъ кровь бѣднаго грѣшника.» Затѣмъ онъ ей разсказывалъ: «человѣкъ сидѣлъ на землѣ въ лѣсу и набивалъ себѣ трубку. Я схватилъ его топоръ, который передъ нимъ лежалъ, ударилъ его по головѣ и взялъ у него два гульдена». Въ тотъ же вечеръ Георгъ Сергель говорилъ Катеринѣ Гетцъ, дочери старосты богадѣльни: «я пришелъ къ одному дровосѣку въ то время, когда онъ выкапывалъ пни. Я ему сначала помогалъ, но потомъ мнѣ показалось, что у него рога, тогда я взялъ его топоръ и ударилъ его по головѣ. Человѣкъ сильно хрипѣлъ; потомъ я отрубилъ

ему ноги и пилъ его кровь». Старикъ Сергель не вѣрилъ истинѣ разсказа своего сына, но, принимая его слова за признакъ возвращающагося сумасшествія, которое иногда нападало на его сына, онъ изъ предосторожности привязалъ его цѣпью къ постелѣ. Георгъ Сергель былъ однако совершенно спокоенъ, ужиналъ съ своими родными, совершилъ вечернюю молитву, и легъ спать; но къ утру съ нимъ начался припадокъ бѣшенства, онъ страшно метался на своей цѣпи, стараясь ее разорвать. Въ этомъ состоянiи засталъ его полицейскiй служитель, который пришелъ, чтобы отвести его въ судъ, но долженъ былъ возвратиться безъ всякаго успѣха. Вскорѣ затѣмъ Георгъ Сергель опять успокоился и тогда его отецъ развязалъ его и самъ свелъ въ судъ, въ сопровожденiи только одного человѣка (8 сентября).

Въ присутствiи отца и его спутника Георгъ Сергель былъ тотчасъ допрошенъ. На обыкновенные допросы онъ отвѣчалъ: «его имя Iоганнъ-Георгъ Сергель, ему 20 лѣтъ, онъ евангелическаго исповѣданiя, сынъ поденьщика, родился въ герсбрукской богадѣльнѣ, холостъ и не имѣетъ состоянiя; учился слесарному мастерству». На вопросъ: не былъ ли онъ когда либо арестованъ?—Онъ отвѣчалъ: «о! нѣтъ! кто же меня тронетъ, вѣдь я ангелъ.» О самомъ происшествiи онъ разсказывалъ слѣдующее «вчера я пошелъ съ своимъ отцемъ въ лѣсъ на Старой горѣ. Я отошелъ отъ своего отца и увидѣлъ вдали старика, который вырывалъ пни. Я не зналъ этого человѣка. Мнѣ казалось, что подъ этимъ пнемъ была зарыта моя собственная кровь и еще прежде я бредилъ, что на этомъ мѣстѣ заключены мои родители и что я долженъ напиться крови бѣднаго грѣшника. Я поэтому пошелъ къ старику, ударилъ его топоромъ по головѣ и отрубилъ ему ноги. Потомъ я напился крови изъ его головы, оставилъ его и пошелъ домой.» На вопросъ: что побудило его это сдѣлать?—Онъ отвѣчалъ: «я не могъ иначе. Я думалъ, что онъ выкапываетъ мою кровь.»—Протоколъ допроса былъ подписанъ имъ правильно, съ обозначенiемъ имени и фамилiи, но во время допроса, кромѣ неподвижнаго взгляда, замѣтили, что онъ не зналъ куда дѣваться съ своими руками и ногами. Онъ также нѣсколько разъ заявлялъ желанiе пойти въ солдаты и его могли удержать въ комнатѣ лишь обѣщанiемъ исполнить его

просьбу. Въ тотъ же день Георга Сергеля повели въ Леуценбергъ для того, чтобы онъ присутствовалъ при медицинскомъ осмотрѣ трупа. Безъ малѣйшаго признака смущенія или раскаянія, подошелъ онъ къ указанному ему трупу и на вопросъ: не знаетъ-ли онъ его? отвѣчалъ спокойно: «это тотъ самый человѣкъ, котораго я билъ вчера вечеромъ. Онъ также одѣтъ какъ вчера. Я отрубилъ ему ноги, чтобы его нельзя было привязать на цѣпь». При этой сценѣ онъ также не зналъ, куда дѣть свои ноги и руки какъ и при допросѣ. Онъ иногда смѣялся и между прочимъ говорилъ: «я ангелъ и хорошо зналъ, что старикъ ни къ чему не годенъ».—На слѣдующій день слѣдственный судья отправился въ тюрьму къ обвиняемому, чтобы подвергнуть его дальнѣйшему допросу. Въ этомъ допросѣ замѣчательны слѣдующіе вопросы и отвѣты: какъ ты себя чувствуешь? «Моя голова тяжела и я вижу странные сны; я между прочимъ видѣлъ во снѣ, что долженъ идти на Старую гору, тамъ есть часы, которые громко бьютъ». — Ты вчера резсказывалъ, что ты убилъ человѣка. Какъ ты это сдѣлалъ? «На Старой горѣ я увидѣлъ старика, который выкапывалъ пни, подошелъ къ нему и сѣлъ съ нимъ рядомъ. Возлѣ него лежалъ его топоръ, который я взялъ и тотчасъ ударилъ обухомъ старика по головѣ, такъ что онъ упалъ на землю мертвый; тогда я отрубилъ ему обѣ ноги. Онъ держалъ въ рукѣ старую деревянную трубку, которую уронилъ, когда я его ударилъ; я взялъ эту трубку, но тотчасъ бросилъ ее. Я взялъ также его огниво и оставилъ его у себя». (Это огниво отецъ обвиняемаго дѣйствительно нашелъ у него и представилъ слѣдственному судьѣ). Обвиняемый далѣе положительно утверждалъ, что онъ не бралъ у старика денегъ и что онъ прежде никому въ томъ не признавался.—Зачѣмъ же ты отрубилъ старику ноги?—«Чтобы его нельзя было привязать на цѣпь». — Зачѣмъ ты его убилъ? — «Я его билъ, потому что думалъ, что онъ опять выкапываетъ мою кровь» На другіе вопросы онъ между прочимъ отвѣчалъ: «одна незнакомая женщина сказала ему однажды, что нужно напиться крови бѣднаго грѣшника, чтобы вылечиться отъ падучей болѣзни. Ему стало лучше съ тѣхъ поръ, какъ онъ напился крови этого старика. Онъ знаетъ, что запрещено убивать людей, но онъ убилъ старика, чтобы выздоровѣть отъ его крови. Это случилось около 5 ча-

совъ вечера. Сначала онъ напился крови изъ его головы, потомъ онъ оттащилъ его на нѣсколько шаговъ и здѣсь онъ отрубилъ ему ноги. Лѣвая нога съ сапогомъ повисла на тѣлѣ, а правую онъ съ сапогомъ отбросилъ въ сторону. Обвиняемому показали *покрытый кровью топоръ*. Онъ тщательно осмотрѣлъ его и затѣмъ сказалъ: «да, это топоръ, которымъ я убилъ старика и отрубилъ ему обѣ ноги». Онъ узналъ также показанное ему огниво. *Допросъ окончился слѣдующими* вопросами и отвѣтами:—чувствуешь ли ты раскаяніе въ своемъ поступкѣ?—«Ну, онъ меня въ прошломъ году сильно приколотилъ, и потому мнѣ не осталось ничего болѣе какъ ударить его по головѣ».—За что этотъ человѣкъ билъ тебя въ прошломъ году? — «Я былъ на Старой горѣ и тамъ онъ меня билъ. Я ловилъ птицъ». 15 сентября донесли слѣдственному судьѣ, что Георгъ Сергель уже въ продолженіи нѣсколькихъ дней ведетъ себя совершенно спокойно и говоритъ связно, не примѣшивая къ своей рѣчи безумныхъ фантазій. *Слѣдственный судья отправился въ тюрьму, чтобы* воспользоваться для допроса возвращеніемъ умственныхъ способностей Сергеля. Дѣйствительно, его взглядъ и поведеніе показывали полную происшедшую съ нимъ перемѣну. При видѣ судьи онъ снялъ свою фуражку, ласково поклонился и назвалъ судью по имени. На вопросы онъ отвѣчалъ: «послѣ того какъ по приказанію доктора мнѣ пустили кровь, 8 дней тому назадъ, мнѣ стало гораздо легче. Я не совсѣмъ былъ здоровъ; въ моей головѣ шумѣло и я бредилъ о разныхъ глупостяхъ».—Тогда его спросили: не знаетъ ли онъ причины своего ареста? —«Мой отецъ, отвѣчалъ онъ, который ночью обыкновенно стережетъ меня, говорилъ мнѣ, что я убѣжалъ отъ него на Старой горѣ и убилъ дровосѣка, за это вѣроятно меня арестовали».—Помнишь ли ты, что ты былъ съ своимъ отцомъ на Старой горѣ?—«Нѣтъ, я ничего про это не зналъ бы, если бы мой отецъ не разсказалъ мнѣ нѣсколько дней тому назадъ. Я *не* знаю, что я кого-то убилъ: если это дѣйствительно случилось, то такъ угодно было Богу, который попустилъ меня это сдѣлать». Ему указывали, что онъ самъ уже два раза разсказывалъ слѣдственному судьѣ, что онъ убилъ дровосѣка его же топоромъ. «Я помню, что вы были у меня въ тюрьмѣ и что кто-то писалъ тамъ на столѣ, но я не знаю, чтобы я признавался въ убійствѣ». По его сло-

вамъ, онъ также не помнилъ, чтобы ему показывали убитаго съ отрубленными ногами. Онъ также ничего не зналъ, что ему показывали окровавленный топоръ и огниво и что онъ ихъ узналъ. Онъ зналъ однако, что онъ около 10 дней въ тюрьмѣ и что сегодня суббота. Онъ помнитъ, что слышалъ (отъ своей матери, которая слышала отъ другихъ людей), что кровь бѣднаго грѣшника хорошее средство противъ падучей болѣзни. На вопросъ: что такое бѣдный грѣшникъ? Онъ отвѣчалъ: «кого я убилъ, тотъ не бѣдный грѣшникъ, но если мнѣ за это отрубятъ голову, то я бѣдный грѣшникъ». Онъ упорно стоялъ на томъ, что онъ не помнитъ, чтобы онъ когда либо пилъ человѣческую кровь или убилъ дровосѣка. «Всѣ говорятъ это и потому я долженъ думать, что я убилъ человѣка. Я должно быть былъ не въ своемъ умѣ». Во время всего допроса онъ велъ себя спокойно, разсудительно; говорилъ совершенно здраво, не примѣшивая чего-либо страннаго; въ его взглядѣ не замѣчено ничего особеннаго. Дальнѣйшій допросъ былъ отложенъ до 28 сентября, но результатъ его былъ тотъ же. На всѣ вопросы обвиняемый отвѣчалъ, что рѣшительно не помнитъ того, что онъ дѣлалъ или говорилъ, что онъ разсказывалъ судьѣ, своимъ домашнимъ и знакомымъ. Ему показали огниво, онъ не узналъ его и увѣрялъ, что не знаетъ какъ оно къ нему попало. Ему показали топоръ, его отвѣтъ былъ: «я его не знаю». — Слѣдственный судья замѣтилъ объ этомъ допросѣ: «обвиняемый велъ себя прилично и спокойно, онъ не показывалъ ни малѣйшаго замѣшательства, какъ человѣкъ, не знающій за собою ничего худаго; выраженіе его лица было веселое, его взглядъ откровененъ» Каждому знатоку человѣческаго сердца очевидно, что приводимое Сергелемъ въ допросахъ 15 и 28 сентября незнаніе не можетъ быть объяснено притворствомъ. Лжецъ никогда не въ состояніи достигнуть того отсутствія малѣйшаго противорѣчія, которое мы видимъ въ показаніяхъ обвиняемаго во время обоихъ допросовъ, притворщикъ никогда не бываетъ столь спокоенъ и откровененъ, какъ этотъ человѣкъ, котораго впрочемъ всѣ свидѣтели представляютъ, въ здоровомъ состояніи, дѣтски доброю, христіански настроенною душею. Въ томъ и другомъ допросѣ онъ казался совершенно въ своемъ умѣ; если бы онъ имѣлъ основаніе обманывать судью, то ему нужно было только про-

должать играть столь удавшуюся ему роль сумасшедшаго, ибо предположеніе, что онъ въ послѣднихъ допросахъ лгалъ, можно объяснить себѣ только другимъ предположеніемъ, что онъ въ прежнихъ допросахъ представлялся сумасшедшимъ, но это противорѣчитъ обстоятельствамъ дѣла и всякой психологической вѣроятности. Столь естественно, съ столь ужасающею истиною могъ только Гаррикъ играть роль сумасшедшаго. И какъ могло прійти убійцѣ въ голову притворяться въ сумасшествіи, чтобы сначала, какъ сумасшедшій, признаться въ убійствѣ, и затѣмъ, какъ человѣкъ въ здравомъ умѣ, притвориться, что онъ забылъ про все случившееся. Если же онъ былъ дѣйствительно сумасшедшимъ, когда онъ совершилъ убійство, когда онъ разсказывалъ про него, когда онъ узналъ трупъ и топоръ, то нельзя предположить, чтобы онъ старался оправдать забывчивостью все совершенное и сказанное имъ во время сумасшествія. Его слова и его поведеніе предъ судомъ 3 ноября, когда ему прочитали составленную его адвокатомъ защиту, вполнѣ подтверждаютъ истину его показаній: что онъ не помнитъ ничего, что съ нимъ случилось, что онъ говорилъ и дѣлалъ. При чтеніи защиты, заключавшей въ себѣ ходатайство объ оправданіи обвиняемаго вслѣдствіе отсутствія вмѣняемости, Сергель, по замѣчанію суда, былъ вполнѣ спокоенъ, почти равнодушенъ; онъ былъ внимателенъ, но не показывалъ ни малѣйшаго душевнаго движенія. На вопросъ: одобряетъ-ли онъ защиту? Не имѣетъ ли онъ чего-либо прибавить и что именно?—онъ отвѣчалъ: «я ничего не имѣю прибавить и мнѣ нравится то, что написалъ господинъ. Какъ я уже нѣсколько разъ говорилъ, я ничего не знаю о томъ, чтобы я убилъ человѣка. Если же я это сдѣлалъ, то это случилось въ такомъ состояніи, что я не помнилъ себя. Если бы я былъ въ своемъ умѣ какъ теперь, то я никому не сдѣлалъ бы ничего дурнаго». На вопросъ: какъ ты себя чувствуешь? — онъ отвѣчалъ: «я здоровъ, но нѣсколько дней тому назадъ, какъ говоритъ мой сторожъ, я опять глупилъ, я говорилъ всякіе пустяки. Теперь я ничего о томъ не знаю».

Чтобы вполнѣ понять состояніе обвиняемаго и свойство совершеннаго имъ дѣянія, должно обратиться ко времени *предшествовавшему* дѣянію, и вообще ближе познакомиться съ его личностью. Сходныя между собой показанія его родителей, сви-

дѣтельства многихъ лицъ, которыя имѣли случай наблюдать его прежніе припадки или видѣть его незадолго до совершенія убійства, отчасти также прежніе полицейскіе акты, обрисовываютъ его довольно ясно. Іоганнъ-Георгъ Сергель былъ сынъ бѣдныхъ поденьщиковъ, которые жили въ герсбрукской богадѣльнѣ. Онъ воспользовался однако порядочнымъ школьнымъ образованіемъ и не безъ успѣха; онъ находилъ удовольствіе въ чтеніи книгъ и его почеркъ былъ если не красивъ, то ясенъ; съ своего дѣтства онъ былъ всегда прилеженъ, помогалъ своему отцу въ его дневныхъ работахъ, былъ кротокъ и вѣжливъ къ каждому и показывалъ благочестивое христіанское настроеніе. Въ свободные часы онъ занимался чтеніемъ духовныхъ книгъ и въ особенности библіи, съ которою онъ былъ коротко знакомъ. Чрезъ это ему открылся міръ духовный и цѣлая толпа неясныхъ представленій объ ангелахъ, чертяхъ, адѣ, божественномъ откровеніи и т. п. завладѣла его душою и перемѣшалась съ добрымъ запасомъ обыкновенныхъ народныхъ предразсудковъ. Эти представленія и предразсудки составляютъ тотъ фантастическій міръ, которымъ впослѣдствіи сумасшествіе окружило его душу. Въ 1820 году онъ былъ отданъ въ обученіе къ слесарю. Его хозяинъ отозвался съ большою похвалою о его нравственности, услужливости, внимательности и прилежаніи. Только одинъ годъ онъ могъ остаться въ ученіи. Онъ подвергся сильнымъ припадкамъ падучей болѣзни, которые, по словамъ его отца (что впрочемъ несогласно съ показаніемъ его хозяина), случались съ нимъ еще съ 1819 года. Вслѣдствіе этой болѣзни хозяинъ Сергеля былъ принужденъ отправить его въ родительскій домъ. Съ тѣхъ поръ Сергель сильно страдалъ этою болѣзнію, такъ-что нерѣдко припадки случались съ нимъ по нѣсколько разъ въ день и однажды даже восемь разъ въ день. Это въ значительной степени ослабило его умственныя способности и безъ того не весьма значительныя, хотя въ тоже время не уменьшило силы его воображенія. Къ тому же присоединилось меланхолическое настроеніе, которое въ особенности выразилось въ нападеніи на одного путешественника (о чемъ будетъ разсказано впослѣдствіи) и причину котораго должно искать не столько въ ослабленіи его тѣла, сколько въ лежащей тяжелымъ бременемъ на его душѣ мысли, что болѣзнь удерживаетъ его

въ отеческомъ домѣ и что она навсегда отняла у него путь ко всякому счастію, ко всякой радости. Весною 1823 года его меланхолія въ первый разъ превратилась въ настоящее сумасшествіе. Онъ оставался въ постели, не ѣлъ, прятался въ уголъ, мало говорилъ; когда же нарушалъ свое молчаніе, то изливался въ безсмысленныхъ рѣчахъ, которыя всѣ имѣли тѣсную связь съ его религіозными представленіями: Спаситель явился ему, говорилъ съ нимъ, былъ имъ накормленъ; его отецъ и мать попадутъ на небо, гдѣ не пьютъ воды, а одно вино, ѣдятъ всякія сласти и пр. Полицейскій служитель Андрей Лаутеръ, который во время этого припадка посѣтилъ Сергеля, показалъ: «Сергель въ теченіи 24 часовъ постоянно кричалъ, проповѣдывалъ и пѣлъ духовныя пѣсни. Онъ разсказывалъ, что былъ у Бога и говорилъ съ нимъ. Когда я вошелъ въ комнату, то онъ закричалъ своей матери, чтобы она ушла, потому-что я дьяволъ. Онъ лежалъ въ постели. Впослѣдствіи я напоминалъ ему о его словахъ, но онъ ничего не зналъ о нихъ». Въ такомъ состояніи Сергель оставался, по показанію матери, 8 дней, а по показанію отца около 4 недѣль. Онъ затѣмъ совершенно выздоровѣлъ, говорилъ здраво и могъ работать. Около года съ нимъ не было никакихъ припадковъ. Весною 1824 года снова начались припадки, но вскорѣ прекратились; затѣмъ они стали возвращаться все чаще и чаще. «Прошедшею весною, разсказываетъ Катерина Гаснеръ, трое здѣшнихъ молодыхъ людей проходили съ пѣснями мимо богадѣльни, отправляясь въ чужіе края. Это произвело сильное впечатлѣніе на молодаго Сергеля. Онъ стоялъ у воротъ и началъ топомъ проповѣдника: «я сынъ Колера *). Они идутъ съ пѣснями, а у меня падучая болѣзнь и я долженъ оставаться дома». Съ этой минуты молодой Сергель сталъ безпокоенъ и было замѣтно, что съ нимъ происходитъ какая-то перемѣна. Жена сторожа Гетца старалась его успокоить и уговорить войти въ комнаты. Но онъ два раза сильно ударилъ ее въ лицо и пошелъ на улицу, гдѣ онъ въ большомъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ. Въ это время проходилъ одинъ путешественникъ по улицѣ. Молодой Сергель безъ всякаго повода съ его стороны бросился на него, далъ ему оплеуху, сбилъ съ него шляпу и началъ топтать ее ногами. Пораженный этимъ неожи-

*) Колеръ—прозвище, данное отцу Сергеля.

даннымъ нападеніемъ, путешественникъ хотѣлъ бить Сергеля, но его мать, Гетцъ и я подбѣжали къ путешественнику и успокоили его, сказавъ, что Сергель не въ своемъ умѣ». Другая свидѣтельница, Елисавета Гекль, присутствовавшая при началѣ этой, подтвержденной другими лицами, сцены, передаетъ рѣчь, которую произнесъ Сергель при видѣ трехъ молодыхъ людей, въ другой нѣсколько формѣ. «Съ поднятыми руками, говоритъ она, онъ воскликнулъ: «я сынъ Колера, я Іисусъ Христосъ и по моему велѣнію растетъ трава». Но едва ли можно видѣть въ этомъ противорѣчіе, это по всей вѣроятности только дополненіе словъ Сергеля, переданныхъ первою свидѣтельницею. Въ ночь, слѣдующую за этимъ происшествіемъ, Сергель выскочилъ въ окошко и въ одной рубашкѣ убѣжалъ на кладбище сосѣдняго мѣстечка Альтзиттенбаха. Работая въ маѣ мѣсяцѣ съ своимъ отцомъ въ саду, онъ вдругъ началъ со всею силою вонзать желѣзную палку въ землю, говоря: «теперь я вонзаю ее въ преисподнюю». Затѣмъ онъ тотчасъ убѣжалъ отъ отца домой къ матери и сказалъ ей: «я не буду болѣе работать въ саду, потому-что я вишу между небомъ и землею». Потомъ онъ убѣжалъ изъ Герсбрука въ Шерау, въ пустыню, лежащую въ альтдорфскомъ округѣ и окруженную прудами. Дорогою онъ снялъ на одной горѣ сапоги и оставилъ ихъ. Въ Шерау онъ бросился въ одинъ изъ прудовъ, снялъ свои чулки и панталоны, бросилъ ихъ въ воду и 14 мая вечеромъ около 9 часовъ очутился въ одной рубашкѣ предъ домомъ арендатора, которому онъ закричалъ въ окошко: «гдѣ онъ можетъ выйти на землю»? Сыну арендатора, который къ нему вышелъ и спрашивалъ его: кто онъ и что съ нимъ случилось? онъ отвѣчалъ: «я убѣжалъ, потому-что когда я работалъ въ саду земля исчезла изъ подъ моихъ ногъ». Тоже самое показалъ онъ въ альтдорфскомъ земскомъ судѣ, куда на слѣдующій день привелъ его сынъ арендатора. Судъ распорядился доставить его къ его родителямъ. Нѣсколько мѣсяцевъ Сергель былъ совершенно спокоенъ и въ своемъ умѣ, но уже въ первыхъ числахъ сентября показались признаки новаго, еще болѣе ужаснаго, припадка. Маргарита Гетцъ (къ которой Сергель питалъ тихую привязанность), показала, что уже въ среду предъ совершеніемъ убійства онъ жаловался ей, что что-то давитъ ему сердце, но она тогда не замѣтила, чтобы онъ былъ не въ сво-

емъ умѣ. Въ четвергъ (2 сентября), когда Гетцъ сидѣли съ своею работою на дворѣ богадѣльни и Сергель возлѣ нея, онъ сказалъ ей: «Маргарита, меня страшно душитъ; со мною такъ никогда не было; я думаю, что я умру». Въ пятницу (3 сентября) она уже замѣтила, что онъ говоритъ чушь. Онъ не садился возлѣ нея и другихъ женщинъ и отъ всѣхъ прятался. Его взглядъ былъ страшно неподвиженъ, онъ постоянно смѣялся какъ дуракъ и говорилъ между прочимъ, «что онъ отправляется въ преисподнюю». Когда ему попался на встрѣчу его товарищъ, слѣпой Альбрехтъ Гаснеръ, онъ схватилъ его за лобъ, поднялъ ему вѣки и сказалъ: «теперь ты будешь видѣть». На замѣчаніе Гаснера, что онъ все таки не видитъ и никогда не будетъ видѣть, онъ возразилъ: «погоди, я возьму ножъ и разрѣжу тебѣ глаза, тогда ты будешь видѣть». Эти слова нагнали на Гаснера такой страхъ, что онъ поскорѣе убрался прочь. Въ субботу (4 сентября) Сергель почти цѣлый день оставался въ комнатѣ родителей Маргариты Гетцъ, гдѣ лежалъ больной солдатъ. Это не нравилось ему и онъ неоднократно предлагалъ солдату встать и уйти, такъ что она должна была нѣсколько разъ выправажи-вать его изъ комнаты, но онъ все приходилъ назадъ. Однажды онъ бросилъ на нее столь страшный взглядъ, что она боялась посмотрѣть на него. Въ воскресенье (5 сентября) онъ сказалъ ей между прочимъ, что у него во рту волосъ, который доходитъ до желудка, и просилъ ее вынуть этотъ волосъ. Она хотѣла это сдѣлать, но его ротъ былъ такъ наполненъ пѣною, что ей стало страшно. Тогда онъ пошелъ къ колодцу и выполоскалъ себѣ ротъ; при этомъ онъ повторялъ, что онъ такъ болѣнъ, что навѣрное умретъ. Вечеромъ въ тотъ же день онъ легъ на скамьѣ въ ея компатѣ и свѣсилъ голову назадъ, она нѣсколько разъ выводила его изъ этого положенія, но онъ все къ нему возвращался. Въ понедѣльникъ (6 сентября) послѣ обѣда Сергель все ходилъ по корридору и наконецъ со всего размаху бросился лицемъ на полъ, крича: «убейте меня». Вечеромъ онъ также бросился на землю подъ однимъ деревомъ передъ домомъ, такъ что его отецъ долженъ былъ унести его на рукахъ. Подобныя же замѣчанія сдѣлали Катерина Гаснеръ и Елисавета Гекль. Послѣ того, какъ отецъ Сергеля принесъ его въ понедѣльникъ вечеромъ домой, онъ пытался убѣжать чрезъ окошко. Тогда его

отецъ взялъ у полицейскаго служителя цѣпь и привязалъ своего сына къ стѣнѣ у постели, чему онъ не сопротивлялся. Во вторникъ утромъ (день совершенія убійства) молодой Сергель былъ опять совершенно спокоенъ и просилъ своего отца ради Бога отвязать его. Онъ молился и завтракалъ съ своими родителями. Послѣ завтрака онъ предложилъ своему отцу пойти съ нимъ погулять на Старую гору, которая лежитъ отъ Герсбрука на часъ ходьбы; онъ говорилъ, что эта прогулка быть можетъ разсѣетъ его. Отецъ на это согласился и они отправились вмѣстѣ въ 8 часовъ утра. Когда они были на вершинѣ горы, молодой Сергель сдѣлалъ прыжокъ чрезъ рытвину и исчезъ въ чащѣ лѣса изъ глазъ своего отца.—Медицинское заключеніе объ умственномъ состояніи обвиняемаго оканчивалось словами: «преступленіе Сергеля должно быть разсматриваемо какъ дѣяніе, вполнѣ непроизвольное, совершенное вслѣдствіе закона слѣпой необходимости, потому-что обвиняемый долженъ былъ уступить своему разстроенному душевному органу, такъ-какъ онъ въ это мгновеніе долженъ былъ отказаться дѣйствовать сообразно составленнымъ имъ самимъ или принятымъ разумнымъ понятіямъ и поэтому не могъ воздержаться отъ убійства. При совершеніи убійства обвиняемый находился въ высшей степени раздраженномъ состояніи, въ сильнѣйшемъ пароксизмѣ сумасшествія, въ совершенно безсознательномъ состояніи; у него было полное разслабленіе свободной воли, такъ-что онъ дѣйствовалъ какъ вполнѣ слѣпая сила, а потому его дѣйствія и не подлежатъ вмѣненію».

На основаніи этого заключенія судъ 23 ноября 1824 г. постановилъ слѣдующій приговоръ: Іоганнъ-Георгъ Сергель освобождается отъ всякаго наказанія за совершенное имъ убійство *).

Фейербахъ (въ actenmässige Darstellung merkwürdiger Verbrechen) говоритъ слѣдующее по поводу изложеннаго дѣла: процессъ этотъ, столь замѣчательный какъ психологическій фактъ, не представляетъ ничего особеннаго въ юридическомъ отношеніи, за исключеніемъ лишь двукратнаго признанія обвиняемаго предъ слѣдственнымъ судьею. Это признаніе, которое вполнѣ совпадаетъ съ разсказами обвиняемаго о совершенномъ имъ убійствѣ его домашнимъ и знакомымъ, ко-

*) Сергель былъ помѣщенъ въ сумасшедшій домъ въ Швабахѣ, гдѣ онъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

торое во всѣхъ подробностяхъ согласно съ обстоятельствами дѣла, которое совершенно ясно даже при заявленіяхъ обвиняемаго о фантастическихъ причинахъ, побудившихъ его на убійство, имѣетъ всѣ признаки, требуемые закономъ для его дѣйствительности, и тѣмъ не менѣе оно дано сумасшедшимъ и притомъ, какъ мы впослѣдствіи докажемъ, въ припадкѣ сумасшествія. Все, что ни разсказывалъ обвиняемый внѣ суда и въ самомъ судѣ о томъ, какимъ образомъ онъ совершилъ убійство, согласуется въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ съ найденнымъ при слѣдствіи, такъ-что подобнаго признанія можно ожидать только отъ преступника, вполнѣ сознающаго свои дѣйствія и вполнѣ обладающаго своими чувствами, разсудкомъ и волею. На Старой горѣ, по его словамъ, убилъ онъ старика, и дѣйствительно тамъ былъ найденъ трупъ Эйхмюллера. Въ показанномъ ему трупѣ онъ тотчасъ узналъ человѣка, котораго убилъ наканунѣ. Въ своемъ признаніи онъ говоритъ, что билъ старика по головѣ и при медицинскомъ осмотрѣ черепъ дѣйствительно былъ найденъ разбитымъ въ куски. Онъ показалъ, что билъ старика его собственнымъ топоромъ и притомъ обухомъ топора и съ этимъ вполнѣ согласуется свойство замѣченныхъ на черепѣ поврежденій; этотъ самый топоръ, найденный возлѣ трупа и признанный принадлежавшимъ убитому, былъ тотчасъ узнанъ обвиняемымъ. Онъ объявилъ, что убилъ старика на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ тотъ работалъ, и дѣйствительно возлѣ неоконченнаго пня были найдены большія кровяныя пятна. Отъ этого пня до того мѣста, гдѣ лежалъ трупъ, были на травѣ кровяные слѣды и согласно этому обвиняемый показалъ на второмъ допросѣ, что раздробивъ старику голову, онъ оттащилъ его на нѣсколько шаговъ въ сторону. Около трупа тоже были большія кровяныя пятна и, по словамъ Сергеля, именно здѣсь онъ отрубилъ убитому обѣ ноги. Лѣвая нога, говорилъ онъ на второмъ допросѣ, повисла съ сапогомъ на трупѣ, а правую вмѣстѣ съ сапогомъ онъ отбросилъ на нѣсколько шаговъ въ сторону; дѣйствительно оказалось, что когда подняли трупъ, то лѣвая нога посредствомъ сапога висѣла на тѣлѣ, а правая нога лежала въ 4 или 5 шагахъ отъ трупа подъ деревомъ. По словамъ обвиняемаго, онъ отрубилъ ноги тѣмъ же топоромъ, обухомъ котораго онъ убилъ старика; лезвіе топора было также въ крови, какъ и его обухъ.

Онъ постоянно утверждалъ во всѣхъ своихъ показаніяхъ въ судѣ и внѣ онаго, что онъ пилъ кровь изъ головы убитаго, и когда вечеромъ, возвратившись домой со Старой горы, онъ со смѣхомъ разсказывалъ Катеринѣ Гаснеръ про совершенное имъ убійство, она съ ужасомъ замѣтила, что его носъ въ крови. Онъ говорилъ, что убилъ старика около 5 часовъ вечера и это подтверждается тѣмъ часомъ, когда онъ, идя съ Старой горы, встрѣтился съ работникомъ Деудерлейномъ и разсказалъ ему о своихъ похожденіяхъ. Можно ли требовать больше для достовѣрности признанія, когда мы находимъ полное отсутствіи какого либо противорѣчія въ показаніяхъ обвиняемаго и полное совпаденіе этихъ показаній со всѣми доказанными, главными и второстепенными обстоятельствами дѣла? Но возможно ли послѣ этого видѣть въ человѣкѣ, который въ состояніи дать подобныя показанія, который столь ясно сознаетъ свое дѣяніе и всѣ сопровождавшія его обстоятельства, сумашедшаго, находящагося въ состояніи невмѣняемости? Мы впослѣдствіи разрѣшимъ эту загадку и именно настоящимъ случаемъ докажемъ, что признаніе можетъ имѣть всѣ условія достовѣрности, всѣ признаки самосознанія и самаго яснаго представленія совершеннаго дѣянія, и тѣмъ не менѣе не составляетъ еще полнаго доказательства того, что обвиняемый во время совершенія дѣянія находился въ состояніи вмѣняемости или что онъ былъ въ здравомъ умѣ во время отобранія отъ него показаній. Что касается медицинскаго заключенія, то нельзя не замѣтить, что оно не слишкомъ удачно объясняетъ душевное состояніе обвиняемаго. Не говоря о «разстроенномъ душевномъ органѣ,» въ отношеніи къ которому судебный врачъ давшій заключеніе, едва ли можетъ объяснить лучше другихъ, гдѣ онъ находится, въ чемъ состоятъ его свойства и въ чемъ заключалось его разстройство, которому, обвиняемый долженъ былъ уступить, не предлагаю этому врачу вопроса: что онъ понимаетъ подъ «составленными имъ самимъ (обвиняемымъ) или принятыми разумными понятіями?», не останавливаясь на мнимомъ «полномъ разслабленіи», которое, если не смотрѣть на него только какъ на красивую фразу, въ примѣненіи къ «свободной волѣ» выражаетъ то же, что и бѣспующійся разсудокъ или разслабленный разсудокъ, не упоминая наконецъ о томъ, что заключеніе гово-

ритъ только о сумасшествіи (wahnsinn), не обращая ни малѣйшаго вниманія на присоединившееся къ нему впослѣдствіи бѣшенство (Tollheit), намъ все таки очевидно, что этотъ знатокъ душевныхъ болѣзней, заставляя обвиняемаго дѣйствовать въ «совершенно безсознательномъ состояніи» и выводя отсюда отсутствіе вмѣняемости, самъ не имѣлъ яснаго сознанія о томъ, что онъ хотѣлъ выразить этими словами. Кто сознаетъ свои прежнія дѣйствія, какъ сознавалъ ихъ обвиняемый, (что видно изъ его показаній), тотъ необходимо обладаетъ самосознаніемъ какъ во время совершенія этихъ дѣйствій, такъ и во время разсказа о нихъ; потому-что воспоминаніе необходимо заключаетъ въ себѣ сознаніе вспоминаемаго предмета, а сознаніе предмета въ его отношеніи къ пребывающему постоянно неизмѣннымъ «я» есть тоже самое, что самосознаніе. И такъ если сумасшествіе, какъ предполагаетъ судебный врачъ, уничтожаетъ самосознаніе или если вообще невмѣняемость, обусловливаемая душевною болѣзнію, предполагаетъ отсутствіе самосознанія, то Георгъ Сергель не былъ сумасшедшимъ и не находился въ состояніи невмѣняемости. Если-же обвиняемый, несмотря на присутствіе самосознанія, былъ сумасшедшимъ и находился въ состояніи невмѣняемости, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что бываютъ такія душевныя болѣзни, которыя исключаютъ вмѣняемость не уничтожая однако самосознанія. Въ показаніяхъ обвиняемаго встрѣчается противорѣчіе только въ отношеніи одного, довольно важнаго обстоятельства, сопровождавшаго преступленіе. Предъ слѣдственнымъ судьею онъ постоянно утверждалъ, что не бралъ у убитаго денегъ и не знаетъ, чтобы онъ кому либо о томъ говорилъ. Между-тѣмъ нельзя сомнѣваться, что убитый имѣлъ съ собою два гульдена и что они были взяты обвиняемымъ. Первое доказывается показаніями вдовы убитаго и ея сына; второе двукратнымъ сознаніемъ Сергеля, которое онъ сдѣлалъ въ день совершенія убійства: слѣпому Гаснеру и Катеринѣ Гаснеръ и которое тѣмъ достовѣрнѣе, что въ отношеніи суммы оно вполнѣ согласуется съ показаніемъ вдовы Эйхмюллера. Но въ то же время съ такою же достовѣрностью можно предположить, что Сергель не оставилъ у себя этихъ денегъ, что взявъ ихъ въ первомъ порывѣ дѣтской жадности, онъ потомъ въ своемъ сумасшествіи бросилъ ихъ, какъ нѣчто

безполезное или какъ незаконное пріобрѣтеніе. Разсказывая упомянутымъ выше лицамъ совершенно серьезно, что онъ взялъ у убитаго деньги, онъ упорно утверждалъ, что онъ не оставилъ ихъ у себя, и это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что у обвиняемаго было найдено огниво, но не было найдено денегъ. Если обвиняемый на допросѣ 9 сентября съ полнымъ спокойствіемъ невинности признался въ самыхъ ужасныхъ подробностяхъ совершеннаго имъ убійства и только въ отношеніи денегъ утверждалъ, что онъ не знаетъ, чтобы онъ ихъ взялъ или кому либо о томъ говорилъ, (объ умышленномъ запирательствѣ не можетъ быть рѣчи), то это обстоятельство можно объяснить лишь тѣмъ, что въ это время въ его сознаніи уже начали исчезать отдѣльныя части его сна на яву, точно также какъ шесть дней спустя, послѣ его полнаго пробужденія изъ сумасшествія, исчезъ изъ его памяти весь долгій тяжелый сонъ. Чтобы доказать, что обвиняемый дѣйствовалъ въ состояніи невмѣняемости какъ при слѣдствіи, такъ и въ судѣ, было обращаемо особое вниманіе на то обстоятельство, что онъ убилъ стараго Эйхмюллера съ цѣлію напиться его крови и тѣмъ вылечиться отъ падучей болѣзни. Но это одно обстоятельство само по себѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано достаточнымъ основаніемъ для освобожденія обвиняемаго отъ наказанія. Кто убиваетъ человѣка для того, чтобы его кровью облегчить свою болѣзнь, тотъ конечно дѣйствуетъ подъ вліяніемъ суевѣрнаго представленія и своимъ противозаконнымъ дѣяніемъ не достигаетъ своей цѣли, но суевѣрныя мнѣнія, какъ и всѣ прочія ошибки, сами по себѣ не дѣлаютъ еще человѣка сумасшедшимъ. Кто рѣшается на преступленіе для того, чтобы достигнуть цѣли, которую онъ ошибочно считаетъ достижимою, тогда-какъ она на самомъ дѣлѣ недостижима, тотъ безъ сомнѣнія дѣйствуетъ съ такимъ же противозаконнымъ, подлежащимъ наказанію, умысломъ, какъ и убійца, который убиваетъ человѣка, предполагая, что у него есть деньги, и ошибается въ своемъ предположеніи. Основанія, по которымъ слѣдуетъ признать, что Сергель находится въ состояніи невмѣняемости, вытекаютъ изъ ближайшаго разсмотрѣнія его общаго душевнаго состоянія до, во время и послѣ совершенія убійства. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ мы

имѣемъ дѣло съ сумасшедшимъ, съ одержимымъ душевною болѣзнію, который, употребляя выраженія Гоффбауера (*), «принимаетъ обманы своего воображенія за ощущенія и считаетъ свои дѣйствительныя, но находящіяся съ сими послѣдними въ противорѣчіи, ощущенія за обманы воображенія.» Его сумасшествіе принадлежитъ къ роду не постоянныхъ, а періодическихъ душевныхъ болѣзней, которыя наступаютъ въ опредѣленные или неопредѣленные періоды времени, послѣ болѣе длинныхъ и болѣе короткихъ свѣтлыхъ промежутковъ и которыя, по мнѣнію Гейнрота, должны быть признаны неизлѣчимыми. Болѣзненное состояніе Сергеля имѣетъ затѣмъ всѣ признаки такъ называемаго непостояннаго или блуждающаго сумасшествія (des unstäten oder herumirendenden Wahnsinns), въ которомъ человѣкъ не подчиняется одной, исключительно надъ нимъ господствующей мысли, (idée fixe), но которое проявляется въ самыхъ различныхъ, не имѣющихъ между собою никакой связи, сумасбродныхъ образахъ, дѣйствующихъ на душу въ одно и то же время или же поочередно. То онъ видитъ Іисуса Христа, съ которымъ онъ сидитъ за однимъ столомъ, и узнаетъ, что на небѣ пьютъ только вино и ѣдятъ одне сласти; то онъ самъ воображаетъ себя Іисусомъ Христомъ или по крайней мѣрѣ ангеломъ и въ другихъ людяхъ видитъ чертей съ рогами на головѣ. Однажды онъ чувствуетъ какъ земля исчезаетъ изъ подъ его ногъ, преисподняя открывается передъ нимъ, онъ виситъ между небомъ и землею и наконецъ, стоя на твердой землѣ, спрашиваетъ, какъ выйти ему на землю? Въ другой разъ одновременно овладѣваетъ его душою пестрая толпа сумасбродныхъ образовъ: появленіе роговъ на человѣческой головѣ, химера колдовства съ его закопанною кровью, воображаемый плѣнъ его зарытыхъ на томъ же мѣстѣ родителей, ложное воспоминаніе о побояхъ, будто бы нанесенные ему годъ тому назадъ старикомъ, котораго онъ видитъ въ первый разъ и котораго онъ къ тому же считаетъ бѣднымъ грѣшникомъ, а кровь его лекарствомъ противъ падучей болѣзни. Всѣ фантастическія представленія, заступающія у него мѣсто внѣшняго міра, не исключая и небесныхъ видѣній, носятъ на себѣ угрюмый, меланхолическій характеръ и коренятся въ его угрюмомъ, меланхолическомъ настро-

(*) Untersuchungen über die Krankheiten der Seele.

еніи, котораго происхожденія объяснено выше. Настоящій случай опровергаетъ систему Гейнрота, въ которой сумасшествіе противополагается меланхоліи и по которой сумасшествіе заключается въ возбужденіи (Exaltation), а меланхолія въ угнетеніи душевныхъ способностей. Настоящій случай весьма хорошо доказываетъ также, что признаніе обмановъ воображенія за дѣйствительные предметы не составляетъ еще отличительной характеристики сумасшествія. Кто видитъ сущность сумасшествія въ обманахъ воображенія, тотъ, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою, долженъ разсматривать сумасшествіе какъ мѣстную болѣзнь, которая не господствуетъ надъ всѣмъ человѣкомъ, но только стѣсняетъ его волю въ отношеніи къ этимъ обманамъ воображенія, тогда-какъ въ отношеніи къ дѣйствительному міру сумасшедшій представляется человѣкомъ съ здравымъ умомъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ видитъ, слышитъ и ощущаетъ дѣйствительно существующее. Каждый, даже самый умный человѣкъ, имѣетъ много предразсудковъ и ошибочныхъ мнѣній, но онъ не ошибается еще во всемъ, потому что онъ ошибается во многомъ. Если вышеупомянутое предположеніе было бы справедливо, то вопросъ о вмѣняемости каждаго дѣянія, совершеннаго очевидно сумасшедшимъ, представлялся бы въ каждомъ данномъ случаѣ весьма запутанною, часто неразрѣшимою задачею. Тогда недостаточно было бы доказать, что дѣйствіе совершено въ состояніи сумасшествія, но необходимо было бы доказать еще, что дѣйствіе проистекло, если можно такъ выразиться, изъ *больной части души*, т. е. опредѣленный обманъ воображенія побудилъ волю къ совершенію этого дѣйствія. Въ тоже время если признать, что обманы воображенія, принимаемыя за дѣйствительныя ощущенія, составляютъ сами по себѣ сумасшествіе, то число сумасшедшихъ увеличится свыше всякой мѣры. Лейпцигскій докторъ, который видѣлъ на яву, своими глазами, духъ своей умершей жены, который слышалъ ея голосъ и который клялся, что его собака Белло махаетъ хвостомъ отъ радости увидѣться съ своею госпожею, далъ острякамъ хорошій случай посмѣяться надъ его сильною вѣрою и слабою философіею, но конечно никому не приходило въ голову считать его вслѣдствіе одного этого сумасшедшимъ, даже въ томъ случаѣ, если бы его видѣнія были произведеніемъ его

воображенія, а не шуткою какого нибудь шалуна. Фантомы, которые сумасшедшій принимаетъ за дѣйствительно существующіе предметы, составляютъ признаки сумасшествія, а не самое сумасшествіе. Кто видитъ въ нихъ сущность болѣзни, тотъ столь же хорошо можетъ объяснить сущность сна фразою, что сонъ рождаетъ сновидѣнія. «Сумасшествіе, замѣчаетъ совершенно справедливо Гейнротъ, есть сонъ на яву. Обманы воображенія заступаютъ мѣсто дѣйствительныхъ предметовъ и вмѣсто дѣйствительнаго міра больнаго окружаетъ воображаемый міръ, міръ сновидѣній». Сущность сумасшествія заключается не въ томъ, что въ отношеніи нѣкоторыхъ представленій человѣкъ судитъ ошибочно, а въ томъ, что его душа (понимая подъ этимъ словомъ совокупность всѣхъ чувствъ и разсудка) находится въ болѣзненномъ состояніи. Всѣ чувства сумасшедшаго открыты впечатлѣніямъ внѣшняго міра, онъ кажется бодрствующимъ, онъ самъ думаетъ, что онъ бодрствуетъ. Но это состояніе есть ничто иное какъ обманъ, потому-что сумасшедшій, самъ того не сознавая, спитъ на яву, принимая свои сновидѣнія за дѣйствительность и, наоборотъ, считая дѣйствительныя ощущенія за сновидѣнія. Сумасшествіе, хотя бы оно и выражалось въ опредѣленныхъ обманахъ воображенія, есть такое состояніе, которое какъ и сонъ распространяется на всего человѣка, которое господствуетъ надъ его чувствами, разсудкомъ и волею. Вслѣдствіе этого можно сказать, что сумасшедшій переносится изъ дѣйствительнаго міра въ міръ сновидѣній, изъ міра истины въ міръ обмановъ. Не должно однако думать, что міръ, въ которомъ обращается сумасшедшій, состоитъ только изъ образовъ воображенія, изъ обмановъ чувствъ и химеръ, какъ можно было бы заключить изъ приведенныхъ выше выраженій Гейнрота. Спящій живетъ не одними сновидѣніями, но также частью воспоминаніемъ дѣйствительно случившагося въ прошедшемъ, частію представленіями и ощущеніями, которыя въ настоящемъ доходятъ къ нему изъ внѣшняго міра посредствомъ его чувствъ, преимущественно посредствомъ слуха и осязанія. Точно также и лунатикъ, который не могъ бы дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ внѣшняго міра, если бы не имѣлъ вѣрныхъ представленій и ощущеній, объ окружающихъ его предметахъ. Въ той мѣрѣ, въ какой органы чувствъ сума-

сшедшаго открыты внѣшнему міру, они доставляютъ ему не одни только невѣрныя представленія; онъ видитъ, слышитъ, осязаетъ много дѣйствительнаго; но такъ какъ всѣ его душевныя способности находятся въ состояніи сна, то даже (матеріально) вѣрныя представленія, не отличаемыя отъ созданій внутренняго чувства, принимаютъ видъ фантастическихъ представленій и образуютъ, вмѣстѣ съ образами, созданными воображеніемъ, тотъ міръ сновидѣній, въ которомъ заключена его душа какъ бы въ заколдованномъ кругу. Сумасшедшій чувствуетъ, думаетъ, хочетъ и дѣйствуетъ, но со всѣмъ тѣмъ онъ обращается только въ мірѣ сновидѣній. Онъ имѣетъ также сознаніе, но только сознаніе видѣній, которыя занимаютъ его духъ. Поэтому, болѣе остроумны, чѣмъ справедливы слова Гейнрота, когда онъ, противополагая сумасшествіе меланхоліи, говоритъ: сумасшедшій теряетъ, погружённый въ фантастическій міръ, свое я, тогда какъ меланхоликъ, погруженный въ свое я, теряетъ дѣйствительный міръ. Сумасшедшій подобно меланхолику теряетъ только дѣйствительный міръ, а не свое я, которое продолжаетъ существовать въ мірѣ сновидѣній и которое сумасшедшій сознаетъ столь же хорошо какъ и свои сны, хотя не столь ясно, какъ въ бодрствующемъ, здоровомъ состояніи.»—Хотя предъ душою Сергеля проходитъ не сврая толпа сновидѣній и онъ, въ порывѣ бѣшенства, убиваетъ стараго поденьщика, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ дѣйствительно видѣть этого человѣка и знать какимъ образомъ онъ можетъ убить человѣка. Онъ беретъ топоръ и вполнѣ цѣлесообразно пользуется его обухомъ, чтобы раздробить черепъ старику, котораго притомъ его дѣятельная фантазія снабдила рогами; потомъ онъ пользуется столь же разумно лезвіемъ топора, чтобы отрубить ему ноги; совершивъ убійство, онъ возвращается домой по той самой дорогѣ, которая ведетъ со Старой горы въ Герсбрукъ; онъ узнаетъ своихъ знакомыхъ и разсказываетъ имъ про свой подвигъ, всѣ обстоятельства котораго сохранились еще въ его памяти; на слѣдующій день онъ даетъ совершенно вѣрные отвѣты на вопросы слѣдственнаго судьи о своемъ имени, лѣтахъ, религіи и пр., признается ему въ убійствѣ и узнаетъ въ показанномъ ему трупѣ человѣка, котораго онъ убилъ наканунѣ на Старой горѣ; на второмъ допросѣ онъ подтверждаетъ свое признаніе и узнаетъ показанный ему

топоръ какъ орудіе убійства, а также огниво, которое онъ взялъ у убитаго. Однако Сергель послѣ совершенія убійства и именно во время первыхъ двухъ допросовъ находился въ припадкѣ сумасшествія; это доказываютъ уже его многія безсмысленныя заявленія и та удивительная наивность, съ которою онъ разсказываетъ судьѣ объ убійствѣ какъ о какомъ либо обыкновенномъ дѣяніи, но это предположеніе въ особенности подтверждается тою перемѣною, которая произошла съ нимъ послѣ его выздоровленія. Какъ скоро исчезло сумасшествіе, исчезли также и весь созданный имъ міръ и сознаніе всего прожитаго во время сумасшествія. Выздоровленіе Сергеля тоже, что пробужденіе изъ глубокаго сна, отъ котораго осталось только темное воспоминаніе о тяжелыхъ ужасныхъ сновидѣніяхъ. Пока продолжается припадокъ сумасшествія, онъ сознаетъ какъ внѣшніе предмемы, такъ и свои представленія, мысли, намѣренія и дѣйствія и очень хорошо сохраняетъ ихъ въ своей памяти, какъ показываютъ его многократные, не противорѣчащіе другъ другу, разсказы. Точно также и спящій сознаетъ свои сновидѣнія и ихъ взаимную связь. Но вся совокупность этихъ ощущеній, намѣреній, дѣйствій и воспоминаній принадлежала фантастическому міру и исчезла какъ скоро исчезли чары сумасшествія, какъ скоро Сергель очутился въ дѣйствительномъ мірѣ. Все что съ нимъ случилось, что онъ дѣлалъ и говорилъ, онъ допускаетъ только вслѣдствіе увѣреній другихъ людей и все это онъ принимаетъ за разсказъ о странныхъ дѣйствіяхъ и похожденіяхъ совершенно ему неизвѣстной, совершенно ему чуждой личности. О всемъ своемъ состояніи, которое продолжалось нѣсколько дней, онъ знаетъ только, что его голова была тяжела, что въ ней шумѣло и что онъ бредилъ о всякаго рода пустякахъ. Онъ не помнитъ даже содержанія этого бреда, и только весьма немногое удержалось въ его памяти, такъ напримѣръ онъ вспомнилъ, что слѣдственный судья былъ въ его тюрьмѣ и что кто-то другой писалъ на столѣ, но онъ не знаетъ, что при этомъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, что его допрашивали о происшествіи на Старой горѣ и что онъ сознался въ убійствѣ. Сумасшедшій по тѣмъ же самымъ основаніямъ находится въ состояніи невмѣняемости какъ спящій и лунатикъ. Выхваченный изъ дѣйствительнаго міра, онъ не подчиненъ болѣе его законамъ. Внѣшній міръ для

него сонъ, сновидѣнія составляютъ его міръ и этотъ міръ управляется законами, которые не имѣютъ ничего общаго съ законами разума и гражданскаго общества. Хотя сумасшедшій думаетъ, но его мышленіе не разумное, потому что разумъ относится къ реальному, дѣйствительному, тогда-какъ у сумасшедшаго все реальное, дѣйствительное вырвано изъ своей естественной связи, перемѣшано съ чистыми произведеніями фантазіи и потому въ его сознаніи представляется только часть его сновидѣній. Сумасшедшій способенъ желать, хотѣть и дѣйствовать, но онъ не въ состояніи отличать истины отъ лжи, дѣйствительности отъ обмана и его воля подчиняется только явленіямъ, которыя возникаютъ въ его выхваченной изъ внѣшняго міра душѣ совершенно независимо отъ его произвола. А потому онъ въ отношеніи къ дѣйствительному міру не располагаетъ ни своими чувствами, ни своимъ разсудкомъ, ни своею волею. О сумасшедшемъ весьма справедливо говорятъ, что онъ «внѣ себя». Хотя онъ не потерялъ свое самосознаніе, свое я, но онъ принадлежитъ во время сумасшествія другому порядку духовной жизни, онъ какъ бы другой человѣкъ въ той мѣрѣ, въ какой кругъ его сознанія отличенъ отъ круга сознанія въ здоровомъ состояніи. Точно также человѣкъ, когда онъ бодрствуетъ, отличаетъ свое бодрствующее *я* отъ *я*, которое является ему во снѣ. Хотя Сергель убилъ стараго работника въ сумасшествіи, но однако онъ совершилъ это дѣяніе не изъ одного сумасшествія. Ближайшею причиною его дѣянія было очевидно бѣшенство. Уже за нѣсколько дней до убійства показались его признаки: необыкновенная, безпокойная дѣятельность больнаго, его постоянная бѣготня взадъ и впередъ, его неоднократныя заявленія о страшномъ чувствѣ внутренней муки, въ которомъ онъ видѣлъ свою смерть и подъ вліяніемъ котораго онъ нѣсколько разъ бросался лицомъ на землю. Эта внутренняя мука, этотъ, какъ выражается Гейнротъ, адъ, который горитъ въ груди бѣшеннаго, и есть огонь, который воспламеняетъ слѣпую страсть разрушенія, служащую выраженіемъ бѣшенства. Мучимый невыразимымъ чувствомъ страха, несчастный какъ бы старается выйти изъ самаго себя, бѣжитъ куда глаза глядятъ, какъ бы думая убѣжать отъ самаго себя, разрушаетъ все попадающееся ему на пути и чтобы уничтожить свою муку, неистовствуетъ надъ самимъ

собою или надъ другимъ, если ему кто либо бросится на глаза. Бѣшенство, — котораго главная причина едва ли заключается въ разслабленіи разсудка, или въ qualitas occulta какого либо влеченія, или наконецъ въ волѣ, отторгнутой отъ разсудка, но скорѣе въ чувствѣ, — соединяется въ тоже время съ разстройствомъ прочихъ душевныхъ способностей, такъ что если не было уже сумасшествія, то оно вытекаетъ изъ бѣшенства. Это по крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію по отношенію къ настоящему случаю. За нѣсколько дней до убійства на Сергеля нападаетъ мучительное чувство, которое выражается въ дикомъ безпокойствѣ и которое не тотчасъ затемняетъ его разсудокъ. Вскорѣ однако съ этими предвозвѣстниками бѣшенства возвращается и сумасшествіе: онъ говоритъ несвязно, думаетъ, что уходитъ въ преисподнюю, хочетъ возвратить слѣпому Гаснеру зрѣніе, вырѣзавъ ему глаза, убѣждаетъ лежащаго въ постелѣ больнаго уйти съ нимъ и пр. Утромъ въ день совершенія убійства Сергеля, который между-тѣмъ былъ прикованъ въ своей постелѣ къ стѣнѣ, оставила внутренняя мука и вмѣстѣ съ нею сумасшествіе. Спущенный съ цѣпи, онъ ведетъ себя совершенно спокойно и разумно; онъ завтракаетъ съ своими домашними и принимаетъ участіе въ утренней молитвѣ. Предложеніе, которое онъ дѣлаетъ своему отцу на счетъ прогулки, и основанія, которыми онъ оправдываетъ свое желаніе, вполнѣ соотвѣтствуютъ состоянію его здоровья. Но на вершинѣ Старой горы на него неожиданно нападаетъ припадокъ бѣшенства, въ которомъ онъ перепрыгиваетъ чрезъ рытвину и скрывается въ чащѣ лѣса, и съ этого момента мы видимъ его опять не только бѣшеннымъ, но и сумасшедшимъ. Въ бѣшенствѣ его глазамъ попадается бѣдный, старый, неизвѣстный ему поденьщикъ, но въ то же время онъ обращается въ фантастическомъ мірѣ, который окружаетъ его обманами чувствъ и воображенія и всякаго рода химерами. Въ слѣпомъ бѣшенствѣ онъ рѣшается на убійство, но къ этому сумасшествіе присоединяетъ цѣлый рядъ относящихся сюда фантастическихъ образовъ, которые попеременно овладѣваютъ его душою и даютъ его замыслу цѣль и оправданіе. Самое убійство онъ совершаетъ не съ одною какою-либо опредѣленною цѣлью, но подъ вліяніемъ цѣлой толпы несвязныхъ представленій, находящихся съ убійствомъ въ болѣе близкой или

болѣе отдаленной связи. Это доказывается тѣмъ, что, объясняя побудившія его къ совершенію убійства причины, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, тогда-какъ о запирательствѣ съ его стороны или преднамѣренной лжи не можетъ быть и рѣчи. То онъ объясняетъ свое дѣяніе рогами, которые онъ увидѣлъ на головѣ старика, такъ что ему показалось, что онъ имѣетъ дѣло съ чертомъ, то его побуждаетъ къ убійству злость на старика какъ на колдуна и здѣсь опять побудительныя причины не однѣ и тѣ же, то ему представляется, что старикъ годъ тому назадъ закопалъ его кровь и теперь выкапываетъ ее, то онъ думаетъ, что подъ пнемъ, надъ которымъ работаетъ старикъ, заключены его родители, то онъ мститъ незнакомцу за воображаемые удары, нанесенные ему годъ тому назадъ, когда онъ занимался ловлею птицъ, или когда онъ захотѣлъ посмотрѣть свою закопанную кровь; то наконецъ онъ видитъ въ старомъ Эйхмюллерѣ бѣднаго грѣшника, котораго кровь можетъ служить хорошимъ лекарствомъ противъ падучей болѣзни. Я не могу оставить этотъ процессъ, не обративъ вниманіе читателей на нѣкоторыя замѣчательныя особенности сумасшествія Сергеля. Извѣстно по опыту, что во снѣ, въ лихорадочномъ бреду и въ настоящемъ сумасшествіи человѣкъ иногда предстаавляется самому себѣ какъ лице постороннее, напримѣръ больной, указывая на самаго себя, проситъ окружающихъ удалить изъ постели этого скучнаго гостя, или же человѣкъ переноситъ на другое лицо то, что съ нимъ происходитъ или что ему принадлежитъ, и такимъ образомъ въ другомъ лицѣ онъ видитъ свои собственныя качества, мысли, ощущенія, дѣйствія и прочія, напримѣръ больной въ бреду говоритъ сидящему у его постели другу: «у этого сильная боль въ боку или у него жажда, дайте ему пить» и прочіе, между тѣмъ какъ говорящій и есть то самое лицо, которое ощущаетъ боль или жажду, приписывая имъ постороннему лицу. Эта странная ошибка въ лицахъ встрѣчается дважды въ сумасшествіи Сергеля и служитъ вѣрнымъ признакомъ какъ правдивости его показаній, такъ и того, что во время этихъ показаній онъ находился въ припадкѣ сумасшествія, потому что онъ эту ошибку все еще принималъ за чистую монету.

Въ первый разъ это явленіе замѣчается въ мысли, которая

его побудила напиться крови убитаго. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ умѣлъ очень хорошо отличить бѣднаго грѣшника отъ убитаго и не сомнѣвался ни одной минуты, что не убитый, а его убійца, подвергаемый за свое преступленіе смертной казни, называется бѣднымъ грѣшникомъ. Какъ же онъ дошелъ до того, что перенесъ на убитаго народный предразсудокъ, по которому теплая кровь казненнаго преступника составляетъ вѣрное средство противъ падучей болѣзни? Не иначе, какъ вслѣдствіе упомянутой выше ошибки. Когда онъ, рѣшившись на убійство, представилъ себѣ окровавленнаго Эйхмюллера или, быть можетъ, совершивъ уже убійство, увидѣлъ его плавающимъ въ своей крови, внутренній голосъ — созданіе его совѣсти или простаго воспоминанія о казни убійцъ—шепнулъ ему: «бѣдный грѣшникъ». Этотъ внутренній голосъ относился конечно только къ нему убійцѣ, но представленіе: бѣдный грѣшникъ, тотчасъ перепуталось съ представленіемъ о крови убитаго и въ его обуреваемой бѣшенствомъ, затемнѣнной сумасшествіемъ душѣ эта кровь обратилась въ кровь бѣднаго грѣшника, о которой онъ вспомнилъ, что она можетъ вылечить его падучую болѣзнь. Такимъ образомъ то, чѣмъ онъ долженъ былъ сдѣлаться послѣ совершенія убійства или чѣмъ онъ уже былъ, его воображеніе перенесло на убитаго. Ту же ошибку находимъ мы въ основаніи, побудившемъ его отрубить убитому обѣ ноги. По его словамъ, онъ это сдѣлалъ для того, чтобы старика нельзя было привязать на цѣпь. Сергель недавно былъ нѣсколько разъ привязанъ на цѣпь, только нѣсколько часовъ тому назадъ его спустили съ цѣпи, на которой онъ былъ привязанъ цѣлую ночь; его ноги быть можетъ чувствовали еще давленіе желѣзнаго кольца, на которомъ висѣла цѣпь. Въ его затемненномъ сознаніи воображеніе смѣшало его ноги съ ногами убитаго и вотъ, чтобы избавиться отъ опасности снова быть привязаннымъ на цѣпь и вслѣдствіе простаго умозаключенія: у кого нѣтъ ногъ, того нельзя за ноги привязать на цѣпь,—онъ отрубилъ убитому ноги.

XXIV. Дѣло о убійствѣ Анны Эйхштетеръ.

Въ ноябрѣ 1813 г. Катерина Фрауенкнехтъ (17 лѣтъ отъ роду), явившись въ мѣстную судебную инстанцію (въ Лаутербахѣ, въ

Баваріи), сдѣлала показаніе, что она, еще въ 1807 г. была свидѣтельницею умерщвленія священникомъ Францемъ Римбауеромъ женщины Анны Эйхштетеръ, (исчезнувшей неизвѣстно куда въ 1807 году), и вызвалась указать мѣсто, въ которомъ зарытъ былъ трупъ убитой.

Произведенное вслѣдствіе сего доноса изслѣдованіе, во 1-хъ обнаружило присутствіе скелета женщины въ мѣстѣ, указанномъ Катериною Фрауенкнехтъ, во 2-хъ раскрыло слѣдующія обстоятельства изъ жизни обвиненнаго *Франца Римбауера:* онъ родился въ 1770 г. отъ бѣдныхъ родителей; въ дѣтствѣ онъ былъ пастухомъ, но весьма рано высказалъ склонность къ занятію науками и возъимѣлъ мысль — посвятить себя духовному званію. Имѣя тринадцать лѣтъ отъ роду, онъ бросился на колѣни передъ священникомъ своей деревни, прося его научить его грамотѣ. Священникъ на это согласился. Римбауеръ сдѣлалъ въ наукахъ столь быстрые успѣхи, что въ концѣ того же года былъ принятъ въ одну изъ гимназій. Но вскорѣ онъ похитилъ 30 крейцеровъ у одного мальчика, обыгравшаго его въ кегли, и принужденъ былъ вслѣдствіе того отправиться въ Регенсбургъ, гдѣ и поступилъ въ гимназію. Въ Регенсбургѣ Римбауеръ своимъ поведеніемъ, прилежаніемъ и успѣхами въ наукахъ составилъ себѣ отличную репутацію. Онъ имѣлъ большія познанія въ церковной исторіи и церковномъ правѣ и обладалъ даромъ діалектики. Болѣе всего онъ занимался изученіемъ сочиненія Бенедикта Статлера, имѣвшаго, какъ онъ говоритъ самъ, огромное вліяніе на его послѣдующую судьбу. Въ 1795 г. онъ былъ посвященъ въ духовный санъ въ Регенсбургѣ и затѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ пасторомъ въ разныхъ церквахъ. Въ декабрѣ 1805 г. онъ былъ переведенъ пасторомъ въ м. Паркванъ (въ Верхнемъ Лаутербахѣ) и оставался здѣсь болѣе двухъ лѣтъ. Затѣмъ онъ выдержалъ въ Мюнхенѣ экзаменъ на кандидата въ приходскіе священники, и получилъ мѣсто священника въ Пралѣ, а въ 1810 г. былъ перемѣщенъ въ Нандельштадтъ приходскимъ священникомъ. Будучи священникомъ, Римбауеръ такъ отличался христіанскими добродѣтелями, строгимъ образомъ жизни, что служилъ примѣромъ другимъ священникамъ. Наружность его сильно говорила въ его пользу: онъ былъ высокаго роста, имѣлъ пріятное выраженіе лица, былъ краснорѣчивъ

и ловокъ, услужливъ и льстивъ въ обращеніи. Должность священника онъ исправлялъ съ аккуратностью и достоинствомъ; время, свободное отъ занятій по должности, онъ употреблялъ на изученіе церковныхъ книгъ. Онъ обыкновенно говорилъ, что имѣетъ призваніе только къ духовнымъ занятіямъ и не любитъ свѣта. Проповѣди его были исполнены огня и религіозности; въ нихъ онъ нападалъ на безбожіе и развращенность свѣта; себя при этомъ онъ выставлялъ аскетомъ, одушевляемымъ вѣрою въ Бога и любовью къ ближнему. Возвращаясь изъ церкви, онъ всегда держалъ голову нѣсколько на бокъ, глаза его, опущенные внизъ, были полузакрыты, руки скрещены, а на устахъ блуждала сладкая улыбка. Даже лица, чувствовавшія къ нему нерасположеніе и сомнѣвавшіяся въ искренности его чувствъ, хвалили его пасторскія достоинства и необыкновенную способность къ проповѣдямъ. «Онъ былъ, — говоритъ г-жа Нидермейеръ, — вполнѣ прекрасный священникъ, и обратилъ-бы всѣхъ насъ къ истинѣ, если бы долѣе остался въ придворной церкви. Во время проповѣдей, онъ безпрестанно закрывалъ глаза и говорилъ съ большимъ жаромъ». Онъ умѣлъ внушить народу убѣжденіе, что существуетъ сверхестественная связь между міромъ духовнымъ и міромъ физическимъ. По его словамъ, умершіе приходили къ нему изъ чистилища и просили служить обѣдни, а послѣ того всегда чувствовали успокоеніе; во время церковной службы онъ видѣлъ души праведниковъ, прилетавшихъ съ неба, въ видѣ бѣлаго голубя. Далѣе онъ разсказывалъ, что когда возвращался ночью домой, то ему попадались по дорогѣ несчастныя души, въ видѣ блуждающихъ огней, вѣроятно для полученія отъ него благословенія и сопровождали его до дому. Всѣми этими разсказами онъ пріобрѣлъ такую огромную славу въ народѣ, что нѣкоторые считали его почти святымъ; и когда онъ, вставалъ со стула, то многіе спѣшили занять его мѣсто, чтобы такимъ образомъ заимствовать хотя нѣкоторую часть его святости. Многіе изъ его товарищей видѣли въ немъ только лицемѣра и фарисея. Въ Гирнгеймѣ разсказывали по секрету, что мѣстный священникъ былъ увѣдомленъ своимъ товарищемъ, служившимъ прежде того въ придворной церкви съ Римбауеромъ, что послѣдній—волкъ въ овечьей шкурѣ. Кромѣ того много прихожанъ не раздѣляли господствующаго вѣрованія въ святость Римбауера, и думали втихомолку,

что человѣкъ, который со всѣми такъ сладокъ и льстивъ и притомъ никому не смотритъ въ глаза, долженъ быть величайшій лицемѣръ. Нѣкто Матвѣй Штейнбауеръ, весьма любившій общество Римбауера и у котораго послѣдній ночевалъ весьма часто, тѣмъ не менѣе считалъ необходимымъ принимать нѣкоторыя предосторожности на счетъ своихъ дочерей, которымъ священникъ оказывалъ всегда особенное вниманіе.

Только по истеченіи многихъ лѣтъ, открылись слѣдующія обстоятельства изъ *закулисной жизни* Римбауера: оказалось, что когда онъ былъ при придворной церкви, то отъ него забеременила его кухарка Марія Г., которая родила ребенка въ Ландгутѣ, скоро впрочемъ умершаго. Во время своего пребыванія въ Гиргеймѣ капеланомъ Римбауеръ имѣлъ любовную связь съ кухаркою прежняго своего священника, Анною-Маріею Эйхштетеръ, и имѣлъ отъ ноя дѣвочку, которая родилась 17 мая 1803 г. въ Регенсбургѣ. Въ Нерюркафтѣ (1803) отъ Римбауера забеременила швея, Вюльбургъ, которая родила дѣвочку Терезу. Кромѣ того, было обнаружено, что еще одна кухарка была беременна отъ Римбауера. Во время пребыванія въ Цондорфѣ (1804) Римбауеръ ухаживалъ за сестрою священника, которая казалось отвѣчала ему взаимностью, это побудило его, какъ онъ самъ говорилъ, хлопотать о перемѣщеніи въ другой приходъ. Перемѣщенный оттуда въ Парквангъ, онъ выбралъ себѣ любовницею дочь крестьянина, Магдалину Фрауенкнехтъ, которая родила ему въ Мюнхенѣ мальчика въ іюнѣ 1807 г., умершаго чрезъ 6 недѣль. Наконецъ, послѣ смерти этой дѣвушки, онъ вступилъ въ связь съ своею кухаркою Анною Вопингеръ, отъ которой имѣлъ трехъ дѣтей.

Съ тѣми изъ наложницъ, съ которыми онъ располагалъ долго жить,—отчасти чтобы успокоить ихъ совѣсть, отчасти для того чтобы увѣрить ихъ въ своей преданности, Римбауеръ имѣлъ обыкновеніе соединяться торжественнымъ обрядомъ, *въ которомъ представлялъ собою и жениха и священника*. Катерина Фрауенкнехтъ увѣряетъ, что, спрятанная за постель Римбауера, она была свидѣтельницею вѣнчанія его съ ея сестрою, слышала всѣ молитвы и увѣщанія, принадлежащія къ обряду, и видѣла что онъ надѣлъ Магдалинѣ на палецъ вѣнчальное золотое кольцо. Тоже самое разсказываетъ Анна Вопингеръ о своей связи съ

этимъ священникомъ, только не можетъ навѣрное сказать былъ-ли онъ въ духовномъ платьѣ, совершая таинство при зажженныхъ свѣчахъ. Самъ Римбауеръ оспаривалъ эти показанія, но сознавался, что торжественно говорилъ своимъ наложницамъ о взаимныхъ супружескихъ обязанностяхъ, бралъ съ нихъ обѣщаніе въ вѣрности и возвращалъ его назадъ. Къ этому нужно прибавить, что бывши еще молодымъ капеланомъ, онъ ходилъ по домамъ, гдѣ зналъ хорошенькихъ дѣвушекъ, и уговаривалъ ихъ родителей, чтобы они приготовляли ихъ въ будущія кухарки священникамъ. Онъ старался внушать ввѣреннымъ его наставленіямъ дѣтямъ слѣдующій практическій догматъ: «что дѣвушкамъ позволительно грѣшить съ духовными лицами».

Не читавши Мольера, Римбауеръ понялъ искусство грѣшить тайно и быть при томъ святымъ предъ лицомъ свѣта. Онъ доказывалъ въ судѣ, что его любовныя похожденія не были его собственнымъ грѣхомъ, но грѣхомъ общества, предписавшаго безбрачіе священникамъ. Онъ приводилъ къ этому цѣлый рядъ доводовъ, говоря, что онъ способствуетъ къ *расширенію* царства Божія, чрезъ рожденіе дѣтей, и дѣлаетъ тѣмъ угодное небу. «Я полагалъ, говоритъ онъ: что, слѣдуя разсудку, нѣтъ ничего непозволительнаго въ рожденіи дѣтей, ибо: 1) произвести разумную тварь, долженствующую существовать и продолжаться вѣчно — дѣло доброе. Человѣкъ становится чрезъ это нѣкоторымъ образомъ подобіемъ Бога, потому-что онъ участвуетъ въ произведеніи людей, какъ говоритъ святой Климентъ Александрійскій; 2) еще и потому это не можетъ противорѣчить божественнымъ правиламъ, что чрезъ это увеличивается число избранныхъ; 3) это не противно правиламъ церкви, если только рожденный ребенокъ будетъ сдѣланъ честнымъ христіаниномъ; 4) это не противно и идеѣ государства, потому-что такой членъ его получитъ нравственное и свѣтское воспитаніе и сдѣлается такимъ образомъ хорошимъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ и не оставитъ свою мать. —Я часто занимался этою мыслію прибавилъ Римбауеръ, церковная исторія и опытъ поддерживали меня въ справедливости моего вывода. Итакъ я могъ предаться любовнымъ похожденіямъ съ покойною совѣстью.

Римбауеръ дѣлалъ, по мѣрѣ возможности все нужное, (если не вслѣдствіе сознанія долга и нѣжности, то изъ благоразумія и

осторожности, чтобы прокормить дѣтей своихъ, а также удовлетворить ихъ матерей, для того чтобы онѣ оставались въ томъ спокойствіи, которое было нужно ему для поддержанія своей репутаціи. Дитя Анны Эйхштетеръ Римбауеръ воспитывалъ на свой счетъ въ Регенсбургѣ и поддерживалъ дружественныя сношенія съ его матерью. Пока она состояла въ разныхъ мѣстахъ служанкой или клюшницей, онъ находился съ ней въ перепискѣ, снабжалъ ее деньгами, холстомъ, льномъ и т. п., посѣщалъ иногда и обнадеживалъ обѣщаніемъ, что она снова будетъ жить у него кухаркою, когда онъ получитъ мѣсто священника. Анна Эйхштетеръ дочь плотника, была хорошо сложена, большаго роста, сильна и широкоплеча; у ней были превосходные жемчугоподобные зубы. О ея характерѣ нельзя сказать ничего дурнаго, кромѣ развѣ того, что она была слишкомъ благосклонна къ мужчинамъ: она имѣла незаконныхъ дѣтей, не только отъ священника Рамбауера, но и отъ другихъ лицъ. Искреннія, дружескія отношенія между ею и Римбауеромъ прекратились годъ спустя послѣ его перемѣщенія въ Парквангъ капелланомъ.

Въ Парквангѣ Римбауеръ познакомился съ семействомъ Фрауенкнехтъ, которое пользовалось любовью и уваженіемъ мѣстныхъ жителей. Когда Римбауеръ былъ перемѣщенъ туда (1805 г.) это семейство состояло изъ четырехъ лицъ; старика Фрауенкнехта, умершаго чрезъ два года, его жены и двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая Магдалина родилась въ 1788 г., а меньшая, Катерина въ 1796 г.—Всѣ, знавшіе ихъ, описываютъ ихъ чрезвычайно набожными, кроткими и ангельски добрыми существами, незапятнанными дурною молвою до ихъ сближенія съ Римбауеромъ. Младшая сестра Катерина, тогда была еще ребенокъ, слыла дѣвочкою хорошо воспитанною и честною. Римбауеръ скоро бросилъ свой жадный взоръ на семейство Фрауенкнехтъ, рѣшился овладѣть Магдалиной, а также и имуществомъ этихъ простодушныхъ людей. Онъ пріобрѣлъ безграничную ихъ довѣренность не только чрезъ свое ханжество и естественное превосходство своего образованія и положенія, но также и чрезъ то, что въ своихъ сношеніяхъ съ ними, онъ высказывалъ полное христіанское смиреніе, и въ обращеніи казался равнымъ съ ними, не пользуясь преимуществомъ своего сана. Какъ только позволяла ему должность и представлялся случай, онъ отправ-

лялся въ Лаутербахъ, помогалъ семейству Фрауенкнехтъ въ ихъ домашнихъ занятіяхъ, замѣнялъ старуху въ ея полевыхъ работахъ и къ удивленію сосѣдей, охотно исполнялъ обязанности послѣдняго работника. Находя этому блестящія оправданія въ своей богословской морали, Римбауеръ вздумалъ впослѣдствіи доказывать, что священникъ не унижаетъ своего сана, занимаясь паханьемъ, молотьбою, чисткою лошадей, возкою сѣна и навоза, и ссылался въ подтвержденіе сего на заключеніе кареагенскаго собора, свидѣтельство св. Епифанія и на примѣръ многихъ древнихъ епископовъ и священниковъ, которые, какъ учитъ церковная исторія, соединяли ручныя работы съ занятіями проповѣдническими.—Въ видѣ работника Римбауеръ втерся между этихъ добрыхъ людей, чтобы вскорѣ сдѣлаться господиномъ ихъ и ихъ имущества. Не имѣя денегъ, онъ купилъ 12 декабря 1806 г. у стариковъ Фрауенкнехтъ за 4000 флориновъ ихъ хуторъ Томасгофъ, обманомъ заставилъ ихъ росписаться на купчей крѣпости въ полученіи 2,000 флориновъ, а послѣ смерти старика Фрауенкнехта представилъ его женѣ фальшивый счетъ на 2,000 флориновъ, который былъ признанъ ею справедливымъ, по ея простодушной добротѣ. Сдѣлавшись владѣтелемъ томасгофскаго хутора, въ которомъ впрочемъ семейство Фрауенкнехтъ продолжало жить, Римбауеръ переселился въ Лаутербахъ, соединяя съ своимъ духовнымъ званіемъ крестьянскія работы, что доставило ему отъ нѣкоторыхъ важныхъ лицъ названіе «почтеннаго патріарха», а отъ крестьянъ, которымъ это казалось неприличнымъ, названіе «томасгофскаго мужика.»

Когда плутовская покупка Томасгофа была заключена, то старшая дочь Магдалина, обольщенная Римбауеромъ, находилась уже нѣсколько мѣсяцевъ беременною и была отправлена Римбауеромъ, подъ предлогомъ ученья поварскому искусству, въ Мюнхенъ, гдѣ она провела отъ 6 до 7 мѣсяцевъ въ домѣ регистратора Х, сначала служанкою, а потомъ въ іюнѣ 1807 г.,—(въ то самое время когда Римбауеръ блистательно окончилъ свой экзаменъ на кандидаты въ священники, и жилъ въ одномъ домѣ съ своею новою любовницею)—родила ребенка. Издержки на содержаніе Магдалины въ Монхенѣ (въ 500 флор.), Римбауеръ вмѣстѣ съ другими суммами подобнаго рода, засчиталъ на вдовѣ Фрауенкнехтъ за покупку Томасгофа.—Въ то время, когда Рим-

бауеръ находился въ Мюнхенѣ, по дѣламъ своего экзамена (отъ 9 до 15 іюня) къ нему пришла въ Лаутербахъ Эйхштетеръ, служившая въ то время въ Регенсбургѣ; Римбауеръ былъ въ это время запутанъ въ денежныхъ обстоятельствахъ, и былъ въ долгу у ней за доставленіе содержанія ея дѣтямъ. Она пришла, чтобы заставитъ его заплатить и безъ сомнѣнія, чтобы напомнить ему старое обѣщаніе взять ее къ себѣ кухаркою. Когда она пришла въ Томасгофъ, гдѣ выдала себя за двоюродную сестру Римбауера, то она узнала отъ Катерины Фрауенкнехтъ, что онъ уѣхалъ; она потребовала ключъ отъ его комнаты, который былъ ей отданъ какъ сестрѣ. Въ комнатѣ Римбауера она обошлась какъ госпожа, отворила всѣ сундуки и ящики и искала въ особенности денегъ, которыя могла-бы взять себѣ. Не найдя ихъ, она написала Римбауеру угрожающее письмо, и переночевавъ въ его домѣ, возвратилась въ Регенсбургъ. По возвращеніи своемъ изъ Мюнхена, Римбауеръ получилъ отъ нея второе письмо, угрожавшее ему судомъ, если онъ не заплатитъ долга. Скоро послѣ этой сцены, Римбауеръ самъ отправился въ Регенсбургъ, гдѣ нашелъ Эйхштетеръ, успокоилъ ее своимъ присутствіемъ, и какъ говорятъ воспользовался снова ея нѣжностію. При отъѣздѣ его, Эйхштетеръ провожала его и убѣждала дорогою, чтобы онъ оставилъ свою связь съ Фрауенкнехтъ, и не отталкивалъ ея. Наконецъ, сидя на краю дороги, съ ребенкомъ на рукахъ, она умоляла его, съ поднятыми руками, чтобы онъ сдержалъ свое слово, и принялъ ее къ себѣ, по крайней мѣрѣ кухаркою. Но Римбауеръ запретилъ ей когда бы то ни было показываться въ Лаутербахѣ, поднялъ съ угрозою свою палку, злобно ударилъ ею по землѣ и пошелъ своей дорогой.—Эйхштетеръ, служившая до сихъ поръ въ Регенсбургѣ, у одного купца, къ концу октября (1807) нанялась кухаркою къ священнику I. O. въ П. Къ первому ноябрю явилась она къ I. O. и получила отъ него позволеніе повидаться съ своими родными прежде вступленія въ должность. Въ обезпеченіе своего возвращенія къ нему, она оставила священнику въ залогъ *серебряное ожерелье* и другія цѣнныя вещи. По ея просьбѣ и такъ какъ тогда шелъ дождь, священникъ далъ ей на дорогу, въ которую она должна была пуститься въ тотъ же день послѣ обѣда, зонтикъ съ вырѣзанными на ручкѣ буквами. I. O.—Но прошло нѣсколько дней, а Анна Эйхштетеръ не возвращалась. Священ-

никъ I. O., имѣя основаніе думать, что она пошла къ Римбауеру и осталась тамъ, написалъ ему письмо, въ которомъ просилъ его передать ей, что если она не хочетъ служить у него, то пусть она по крайней мѣрѣ возвратитъ ему зонтикъ. Но Римбауеръ отвѣчалъ на это, что онъ не въ состояніи дать никакихъ свѣдѣній объ Эйхштетеръ, такъ-какъ онъ *ея вовсе не видѣлъ. Послѣ ухода Анны отъ священника O.* (*1-го ноября*), *ея больше не видѣли.* Она не возвращалась въ Регенсбургъ и не показывалась на своей родинѣ. Ея родные и друзья не получали извѣстій ни о ея пребываніи, ни о жизни или смерти. Думали сначала, что она утонула, а потомъ пришли къ заключенію, что она попалась въ руки знаменитому убійцѣ, который былъ казненъ въ слѣдующемъ году, а наконецъ, совершенно перестали думать о ней.

Чрезъ *годъ* послѣ того, какъ исчезла Эйхштетеръ, Римбауеръ получилъ мѣсто священника (1808) въ Пріелѣ. Онъ продалъ съ барышемъ свой хуторъ Томасгофъ, пріобрѣтенный мошенническимъ образомъ, а старуха Фрауенкнехтъ отправилась за дочерью на новое мѣсто жительства, гдѣ Магдалина исправляла должность кухарки. Но онѣ обѣ, въ слѣдующемъ году, заболѣли вмѣстѣ и *вдругъ* умерли: дочь 16, а мать 21 іюня 1809 г.

Меньшая дочь, Катерина, уже послѣ смерти матери удалилась изъ дома Римбауера, частію вслѣдствіе ссоръ съ сестрою, частію—вслѣдствіе рѣшительнаго отвращенія ея къ Римбауеру. Она сначала долго жила у его брата въ Регенсбургѣ, а потомъ служила въ разныхъ мѣстахъ. Куда бы она ни шла, она обнаруживала при вселомъ нравѣ, нѣкотораго рода тоску; одиночество пробуждало въ ней страхъ; болѣе всего боялась она спать одна ночью; ей казалось, что ее посѣщаетъ какое-то страшное лицо; съ годами увеличилось это безпокойное состояніе. Казалось какая-то страшная тайна тяжело лежала на ея сердцѣ. Иногда она говорила о какой-то женщинѣ, которая не выходила у нея изъ головы, и образъ которой преслѣдовалъ ее всюду, куда бы она не шла и гдѣ бы не находилась. Она однажды разсказывала Катеринѣ Шмидтъ, (которая спала съ ней въ одной комнатѣ и къ которой она въ ужасѣ бросилась на постель), что ей представилось страшное убійство, будто-бы совершенное священникомъ Римбауеромъ. —Позднѣе, когда она служила у Д.,

она передавала ту же исторію ея горничной, которая совѣтывала ей открыться какому-нибудь духовнику. Она обратилась сперва къ священнику М., и обстоятельно разсказала ему слѣдующее: «къ священнику Римбауеру (обманувшему ея семейство болѣе чѣмъ на 2000 флор., и лишившему ея сестру невинности) приходила 1 ноября женщина, которой онъ перерѣзалъ горло бритвою; послѣ этого отъ отравилъ ея мать и сестру, которыя знали объ этомъ убійствѣ; наконецъ онъ старался и ее прибрать въ свои руки, для того, чтобы уморить ее, послѣднюю свидѣтельницу этого злодѣянія.—М. отговаривалъ ее дать судебное показаніе, а совѣтывалъ напротивъ, предоставить Римбауера, если онъ дѣйствительно виноватъ, суду Божію, и увѣрялъ впослѣдствіи времени, что онъ, подъ секретомъ, передалъ этотъ случай нѣкоторымъ священникамъ, которые вполнѣ одобрили его дѣйствія.—Другой священникъ С. посовѣтывалъ также молчаніе Катеринѣ, которая разсказала ему эту исторію. Затѣмъ онъ написалъ Римбауеру латинское письмо, въ которомъ угрожалъ ему открытіемъ ужасной тайны, въ случаѣ если онъ не заплатитъ долга той, которая хранила ее.—С. совѣтывался прежде, объ этомъ случаѣ, съ мѣстнымъ священникомъ N N. Послѣдній хотѣлъ объявить объ этомъ въ судъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялся, чтобы благородное намѣреніе С. не было открыто.

Затѣмъ мы обратимся къ существу показанія, сдѣланнаго (какъ уже выше замѣчено) Катериною Фрауенкнехтъ въ земскомъ судѣ, въ Ландентутѣ. Это показаніе только въ слѣдующемъ году, по достиженіи ею совершеннолѣтія, подкрѣплено было присягою. Мы приведемъ его вполнѣ:

«Когда, лѣтомъ, 1807 г. моя сестра Магдалина была въ отсутствіи, а Римбауеръ держалъ въ Мюнхенѣ экзаменъ на священника, пришла въ ихъ домъ женщина 22 лѣтъ, большаго росту, очень красивая собой, имѣвшая продолговатое лице и свѣтло-каштановые волосы. Она была одѣта въ городское платье, и въ чепчикѣ. Она выдавала себя за двоюродную сестру Римбауера, и когда я сказала ей, что онъ въ Мюнхенѣ, то она потребовала ключи отъ его комнатъ; я ей въ этомъ отказала, такъ-какъ я ея совершенно не знала. Получивъ ключи отъ моей матери, эта женщина пошла въ комнаты и начала рыться въ нихъ, какъ въ своемъ домѣ. Она переночевала тутъ и сказала,

что денегъ не нашла, а написала своему брату письмо, которое спрятала въ запечатанный ящикъ. Чрезъ 8 дней послѣ этого возвратился съ экзамена Римбауеръ. Я ему разсказала объ этомъ случаѣ, на что онъ отвѣтилъ мнѣ, что это дѣйствительно его сестра, которой онъ долженъ нѣсколько денегъ. Въ томъ же (1807) году, въ ноябрѣ, — не припомню именно дня (послѣ этого, 2 ноября былъ праздникъ всѣхъ усопшихъ) передъ вечеромъ, когда Римбауеръ привезъ только-что свекловицу съ поля,—та же двоюродная сестра опять пришла къ нему. Въ это время моя сестра была дома съ Римбауеромъ. Я же съ матерью воротилась съ поля немного позже. Когда мы приближались къ дому, то услышали наверху, въ комнатѣ священника, голосъ человѣка, по которому сначала не могли судить, былъ ли это смѣхъ или плачъ, но который впрочемъ скоро показался намъ визгомъ. Когда мы подошли къ дому, то сестра моя съ плачемъ сбѣжала съ лѣстницы и скоро разсказала намъ слѣдующее: Римбауеръ, увидѣвъ женщину, выдававшую себя за его двоюродную сестру, повелъ ее къ себѣ въ комнату. Потомъ сказалъ ей, что пошлетъ за пивомъ для нея, сошелъ внизъ, *взялъ свою бритву* и опять пошелъ на верхъ. Онъ приблизился къ женщинѣ, сидѣвшей на креслѣ (какъ разсказывала Магдалина, которая прокралась за нимъ и смотрѣла въ замочную скважину), схватилъ ее за горло, какъ бы хотѣлъ поцѣловать, тогда нагнулъ внизъ ея голову и перерѣзалъ ей горло бритвою. Пока сестра разсказывала намъ около лѣстницы все это съ поспѣшностью, мы все еще слышали визгъ и слова священника: Анна кайся! ты должна умереть; она же съ предсмертнымъ хрипомъ отвѣчала на это: «Францъ! не дѣлай этого! оставь мнѣ жизнь! я больше не прійду къ тебѣ за деньгами!» *).

«Мать и сестра тотчасъ отправились въ нижнія комнаты, но я, изъ любопытства, побѣжала на лѣстницу къ дверямъ и увидѣла ясно сквозь замочное отверстіе, какъ Римбауеръ стоялъ на колѣ-

*) Позднѣе не вѣрили Катеринѣ въ ея показаніяхъ, ибо когда она сошла внизъ, то Римбауеръ уже зарѣзалъ Эйхштетеръ; какимъ же образомъ могла послѣдняя долго говорить такъ, чтобы Катерина слышала это на лѣстницѣ? Однако докторъ фонъ-Вальтеръ обстоятельно доказалъ, что люди, у которыхъ повреждены: мускулъ между подъязычною костью и верхушкою дыхательнаго горла, или самое дыхательное горло, — могутъ еще говорить, при сильно-нагнутой головѣ.

няхъ передъ лежащей на полу и еще подергивающей ногами женщиной и поддерживалъ ей объими руками голову и шею. Я видѣла текущую изъ нея кровь. Тогда я поспѣшила внизъ, въ нашу комнату, и разсказала о видѣнномъ матери и сестрѣ, которыя не рѣшились призвать на помощь людей. Когда я опять вошла въ сѣни, то Римбауеръ сходилъ съ лѣстницы. Онъ былъ въ своей обыкновенной коричневой куртки и бѣломъ фартукѣ, руки его были запачканы въ крови, въ рукѣ онъ держалъ окровавленную бритву, которую онъ положилъ на маленькій сундукъ, стоявшій въ сѣняхъ. Потомъ онъ вошелъ въ комнату матери и сестры. Онъ разсказывалъ имъ (какъ я поняла, слушая за дверьми), что эта женщина, имѣвшая отъ него дитя, постоянно требовала отъ него денегъ и теперь хотѣла получить 100 или 200 флориновъ и угрожала ему, въ случаѣ неплатежа, донесеніемъ въ судъ. Такъ-какъ онъ не могъ дать ей столько денегъ, то чтобы избавиться отъ нея, онъ перерѣзалъ ей горло.» Услыша это, я побѣжала въ комнату Римбауера и увидѣла въ ней женщину (которая уже была лѣтомъ въ нашемъ домѣ) безъ всякихъ признаковъ жизни, плавающею на полу въ крови, съ перерѣзаннымъ горломъ, растрепанными волосами, и немного порванными шейнымъ платкомъ и корсетомъ. Я кричала и плакала и отъ страха упустила на полъ свѣчу, которую брала съ собой. Сойдя внизъ и увидѣвъ Римбауера вымывавшимъ свои окровавленныя руки, я сказала ему, что видѣла въ его комнатѣ мертвою ту самую особу, которая приходила къ нему лѣтомъ. Онъ ласкалъ меня и сказалъ, что я ошиблась, обѣщалъ подарить мнѣ хорошее платье, и приказалъ никому не говорить о томъ, что я видѣла и слышала. Моя мать продолжала еще рыдать и говорила, что донесетъ объ этомъ происшествіи. Но Римбауеръ падалъ нѣсколько разъ къ ея ногамъ—умоляя не выдавать его. Когда моя мать оставалась при своемъ намѣреніи и говорила, что молчаніе не поможетъ, потому-что сосѣди видѣли эту женщину и навѣрно слышали шумъ,—то Римбауеръ сказалъ, что ему ничего больше не остается, какъ убить самаго себя. Потомъ онъ надѣлъ сюртукъ, принесъ изъ чулана веревку и пошелъ съ нею въ лѣсъ. Мать и сестра издали слѣдовали за нимъ; видя, что онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился умертвить себя, онѣ подумали, что несчастіе увеличится, если еще свя-

щенникъ повѣсится, поэтому, подбѣжавъ къ нему, онѣ обѣщали ничего не открывать о его преступленіи. Когда всѣ они воротились домой, то Римбауеръ говорилъ, при мнѣ, о безопасномъ мѣстѣ, гдѣ-бы можно было похоронить трупъ, и выбралъ для этого маленькую каморку, съ лѣвой стороны, во вновь построенномъ сараѣ. Мою мать и сестру онъ успокоилъ обѣщаніемъ исполнить самому похороны, говоря, что ничто не будетъ открыто, если только малепькая дѣвочка (онъ указывалъ на меня) никому не скажетъ.

«Въ полночь, Римбауеръ взялъ фонарь съ восковою свѣчею, и пошелъ въ каморку сарая, гдѣ и вырылъ яму, назначенную для трупа. По истеченіи нѣкотораго времени, я услышала подъ собою шумъ и открывъ дверь, я увидѣла свѣчу возлѣ погреба и самаго Римбауера, тащившаго сверху за плечи не совершенно одѣтый трупъ, съ головою, висѣвшею внизъ и скользившею по ступенямъ лѣстницы. На меня напалъ такой страхъ, что я уже не видѣла, какимъ образомъ онъ втащилъ трупъ въ сарай. Потомъ я пошла туда и, стоя въ открытыхъ дверяхъ съ сестрою и матерью, я видѣла, какъ священникъ опустилъ убитую въ яму, и покрылъ ее землею. Кровавыя пятна, по дорогѣ отъ дома до сарая, онъ вытеръ въ ту же ночь; домъ и комнату онъ вымылъ только на другой день холодною и горячею водою. Но въ его комнатѣ кровь такъ присохла, что не отмывалась, и я должна была принести ему отъ ближайшаго сосѣда, Симона Михаила, скобель, которымъ онъ соскоблилъ кровь съ полу, а стружки бросилъ въ печь, въ нижней комнатѣ».—

Будучи допрошенъ объ этихъ обстоятельствахъ, Римбауеръ показалъ, что онъ невиненъ и никогда не совершалъ столь гнуснаго злодѣянія; что священникъ чрезъ убійство дѣлается неспособнымъ отправлять литургію (irregularis, и excommunicationem majorem ipso facto illatam incurrit), что Давидъ, убійца Урія, чистосердечно раскаявшись, все таки потерялъ чрезъ смертоубійство право на священнодѣйствіе. Возможно-ли послѣ этого, чтобы онъ, Римбауеръ, забывъ страхъ Божій, спасеніе души и блаженство царствія небеснаго—руками, еще недавно облитыми невинною кровью,—осмѣлился-бы въ святилищѣ Господа прикасаться къ святынѣ, совершать таинства религіи и такимъ образомъ кидался изъ бездны въ бездну?!»

Такъ-какъ не смотря ни на какія увѣщанія и убѣжденія, въ теченіи 80-ти допросовъ Римбауеръ не сознаваля ни въ чемъ, то слѣдственный судья рѣшился посредствомъ возбужденія его воображенія добиться отъ него признанія: въ день всѣхъ усопшихъ, тотъ день, въ который 8 лѣтъ тому назадъ было совершено убійство, судья сдѣлалъ новый допросъ (86-ой). Этотъ допросъ начался въ 4 часа пополудни и былъ разсчитанъ такимъ образомъ, чтобы показавъ Римбауеру всю совокупность собранныхъ противъ него уликъ, убѣдить его въ безполезности его запирательства, а также чтобы путемъ убѣжденій и воспоминаній сильнѣе, чѣмъ прежде, тронуть его душу. Но онъ остался какъ и всегда непреклоннымъ. Въ полночь слѣдственный судья послѣ новой попытки дѣйствовать на его душу, поднялъ мгновенно покрывало, подъ которымъ лежала на черной подушкѣ мертвая голова. «Вотъ, сказалъ слѣдственный судья—черепъ Анны Эйхштетеръ, который можно легко узнать по челюстямъ, наполненнымъ прекраснѣйшими зубами». Римбауеръ поднялся мгновенно со своего стула, вытаращилъ глаза, пристально посмотрѣлъ на судью, потомъ какъ обыкновенно улыбнулся, отступилъ проворно въ сторону почти на три шага, чтобы не видѣть глазныя впадины черепа, скоро собрался съ духомъ и сказалъ указывая на черепъ: «моя совѣсть покойна! Эта мертвая голова, если-бъ могла говорить, сказала-бъ: «Римбауеръ ты былъ мой другъ, ты не былъ моимъ убійцею».— По прочтеніи вслухъ и подписи протокола этого допроса, слѣдственный судья подвелъ Римбауера еще разъ къ черепу и вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ увѣщевать его сознаться. Подсудимый хотя обнаружилъ при этомъ внутреннюю борьбу, однако по прежнему съ своею лицемѣрною улыбкою, опять въ торжественномъ тонѣ обратился къ черепу: о! еслибы ты могъ говорить, ты подтвердилъ-бы мою невинность!

Два раза (29-го апрѣля 1815 и 6-го марта 1816 г.) акты слѣдствія были отсылаемы для рѣшенія въ апелляціонный судъ; и два раза опять возвращались для пополненія. Наконецъ когда всѣ они были собраны (они составили 42 infolio), то 1-го октября 1817 г. приступлено было къ рѣшенію дѣла; вдругъ 14-го октября получено донесеніе земскаго суда, о новыхъ показаніяхъ Римбауера. Послѣдній объявилъ: «что послѣ того какъ

онъ глубоко размышлялъ и молилъ Святаго Духа, чтобы онъ помогъ ему все вспомнить, ему сдѣлалось все яснѣе и онъ теперь навѣрно вспомнилъ: «что *мать Магдалины Фрауэнкнехта* убила Эйхштетеръ». Этотъ совершенно новый оборотъ дѣла подалъ поводъ суду отложить рѣшеніе его и учинить еще допросы.

20-го ноября того-же года находившійся подъ стражею еврей Ламфромъ былъ за смертоубійство приговоренъ къ смертной казни. Римбауеръ увидѣлъ изъ своей тюрьмы, какъ его вели на смерть. Онъ былъ этимъ ужасно пораженъ и не постигалъ той твердости, спокойствія и веселости, съ которыми онъ шелъ на встрѣчу смерти. Римбауеру объяснили, что Ламфромъ получилъ примиреніе съ своею совѣстью посредствомъ искренняго признанія и оттого онъ такъ покойно идетъ на смерть. Съ тѣхъ поръ Римбауеръ сдѣлался неспокойнымъ и тоскливымъ, ѣлъ и пилъ мало и рѣшился наконецъ 26-го чрезъ тюремщика, просить допроса потому, что онъ думаетъ, что можетъ быть искренняя исповѣдь успокоитъ терзаніе совѣсти, которое онъ терпитъ.

Въ этомъ допросѣ, (это былъ 100-й), Римбауеръ тотчасъ же упалъ на колѣни, просилъ окончанія своего процесса, потомъ говорилъ о недовольствѣ жизнью, разсказывалъ о разнаго рода привидѣніяхъ, что по временамъ посѣщали его въ тюрьмѣ неизвѣстныя и извѣстныя лица, что онъ уже три ночи слышитъ глухой таинственный погребальный звукъ барабана и тому подобное. Однако слѣдователи не тотчасъ услышали отъ него искреннюю исповѣдь. Когда слѣдственный судья замѣтилъ ему, что онъ долженъ причину своего потрясенія искать единственно въ своей винѣ, то онъ возразилъ: «причиною этому только безсонныя ночи и мое утомленіе». Еще разъ слѣдственный судья замѣтилъ ему, что онъ могъ-бы чрезъ откровенное сознаніе правды, разомъ достигнуть облегченія. Въ первый разъ только Римбауеръ измѣнилъ себя въ словахъ: «да! я чувствую себя внутренно потрясеннымъ, чувствую, что мое здоровье съ каждымъ днемъ приходитъ въ худшее состояніе ,и вы, г. коммиссаръ, правы говоря, что я ничего лучшаго не могу сдѣлать, какъ учинить чистосердечное признаніе. Но прежде, нежели я сдѣлаю это, прошу защиты верховной власти для моихъ невинныхъ дѣтей и для моей послѣдней кухарки Анны Вепигеръ. Теперь

выслушайте мое чистосердечное признаніе: «Катерина во многихъ пунктахъ говорила неправду, но въ главномъ высказала истину, потому-что *я тотъ, который лишилъ жизни Анну Эйхштетеръ.*» Исторія преступленія, какъ излагалъ ее самъ подсудимый, была слѣдующая: Эйхштетеръ, во время отсутствія Римбауера, посѣтила Томасгофъ и своевольно заняла его комнату, потомъ безпокоила его напоминаніями и угрожющими письмами. По мѣрѣ того какъ возрастали ея неотступныя требованія, рос-ло въ немъ все болѣе и болѣе опасеніе, что онъ чрезъ страстную, безразсудную навязчивость этой женщины находится въ опасности: быть передъ всѣми обличеннымъ, лишеннымъ чести и добраго имени, произвести открытый скандалъ, быть признаннымъ недостойнымъ своими начальниками и то лишеннымъ всякой надежды повышенія въ чинъ. «При моей встрѣчѣ съ Эйхштетеръ въ Регенсбургѣ, говоритъ Римбауеръ, она открыла мнѣ, что она не можетъ меня покинуть и желаетъ непремѣнно быть со мной. Я представлялъ ей всевозможные доводы, что мнѣ совершенно невозможно взять ее къ себѣ, но она не уступала; моей чести, моему званію, моему общественному положенію, всему что было для меня такъ свято и дорого,—угрожала опасность вслѣдствіе пребытія Эйхштетеръ въ Оберъ-Лаутербахъ. Я думалъ только о томъ, что будетъ, если она все таки придетъ? Тогда пришло мнѣ на умъ правили патера Бенедикка Статлера изъ Ethica Christiana, по которому позволено *лишить другаго жизни, въ случаѣ если собственная честь и доброе имя находятся въ опасности быть потерянными.* Кромѣ того § 189 тѣхъ-же правилъ позволяетъ убивать врага своего, когда предстоитъ клевета отъ него. Будучи наведенъ на эту мысль правиломъ Статлера, я нашелъ послѣднее удобопримѣняемымъ къ моему положенію; но все это было только еще мыслію, о способѣ выполненія которой я и не думалъ. Такимъ образомъ наступилъ ноябрь 1807 г. Я далъ Эйхштетеръ 36 фл. какъ пенсіонъ для ея дѣтей. Срокъ платежа былъ однако уже пропущенъ; и я, не имѣя чѣмъ заплатить слѣдуемую за дѣтей плату, а также видя себя вынужденнымъ гдѣ-нибудь взять въ займы нѣсколько гульденовъ,—былъ не въ состояніи удовлетворить во время Анну и долженъ былъ теперь каждую минуту ожидать, что она или сама явится въ Лаутербахъ, чтобы получить деньги,

или приплетъ нарочнаго. Въ день всѣхъ святыхъ (2 ноября) вечеромъ въ сопровожденіи Магдалины Фрауенкнехтъ я ѣхалъ съ поля домой и какъ скоро прибылъ въ Томасгофъ, увидѣлъ входящую въ мой домъ женщину, въ который къ величайшему ужасу своему узналъ Анну. Я засталъ ее въ компатѣ и послѣ короткой бесѣды, повелъ ее съ собою на крыльце. Сперва я хотѣлъ спрятать ее на чердакъ, чтобы Магдалина не видѣла ее. Но было уже темно и я возвратился въ домъ. Я долженъ признаться, что имѣлъ тогда въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній намѣреніе сбросить ее впизъ по ступенькамъ лѣстницы. Но и теперь еще я не знаю, отчего это не случилось. Я былъ въ страхѣ, а можетъ быть и думалъ, что Анна могла отъ паденія только немного ушибиться и тогда было-бы еще хуже. Когда я вошелъ съ нею въ свою комнату, Эйхштетеръ объявила мнѣ, что она пришла для того, чтобы разъ на всегда узнать мое намѣреніе: хочу-ли я взять ее къ себѣ кухаркою и удалить Магдалину; я старался успокоить ее, представлялъ ей свои отношенія къ Фрауенкнехтъ и невозможность исполненія ея просьбы, но она не прекращала своихъ требованій. Тогда, оставивъ ее подъ предлогомъ велѣть принести для нея пива, я пошелъ въ нижнюю комнату, взялъ съ собою ножъ и бритву и пошелъ съ ними опять къ Эйхштетеръ наверхъ. Здѣсь Эйхштетеръ снова начала неистовствовать, повторяла свои требованія съ угрозою, что она въ случаѣ отказа будетъ на меня жаловаться мѣстному начальству и консисторіи и повсюду разскажетъ, что̀ я за человѣкъ. Въ такомъ ужасномъ положеніи снова пришло мнѣ на умъ правило патера Статлера. *) Сперва я взялъ ножъ и нанесъ имъ ударъ въ правую сторону ея шеи, но встрѣтивъ большое сопротивленіе съ ея стороны, я бросилъ ножъ, потому-что онъ былъ тупъ; послѣ того когда Анна старалась обороняться, въ то время какъ я ее крѣпко держалъ сзади за горло, я всунулъ ей пальцы въ ротъ и пытался задушить

*) Трудно составить изъ Римбауерова признанія послѣдовательный разсказъ объ убійствѣ. Онъ умышленно старался перемѣшать обстоятельства, чтобы посредствомъ этого скрыть самое ужасное. По всѣмъ вѣроятіямъ, пришедши опять въ свою комнату, онъ старался успокоить Эйхштетеръ сладкими словами, приблизился къ ней съ ласкою и потомъ дѣлая видъ, что хочетъ нѣжно ее поцѣловать, тутъ же схватилъ ее сзади за шею и перерѣзалъ ей горло.

ее. Послѣ того, я сказалъ ей, что она можетъ принести покаяніе потому, что должна умереть. На это она мнѣ отвѣчала мольбами о пощадѣ. Тогда я вынулъ изъ кармана бритву, обхватилъ Эйхштетеръ сзади, поднесъ правою рукою остріе къ ея шеѣ, а концами пальцевъ лѣвой руки вонзилъ ножъ въ горло. Вскорѣ я бросилъ ножъ, замѣтивъ по ея всхлипыванью, что сдѣлалъ сильный прорѣзъ. Она стояла еще совершенно свободно отъ 3 до 4 минутъ, и во время этого я говорилъ ей: Анна! я прошу за тебя у Бога прощенія въ твоихъ прегрѣшеніяхъ и разрѣшаю тебя отъ нихъ. Я далъ ей это разрѣшеніе грѣховъ какъ въ casu necessitatis. Тогда начала она опускаться; когда колѣни ея подогнулись, я взялъ ее сзади подъ обѣ руки и опустилъ тихо на полъ, чтобы она не упала. Въ то время какъ она лежала на полу, я утѣшалъ ее еще нѣсколько минутъ, и она начала барахтаться ногами, до тѣхъ поръ пока не умерла. Послѣ того, я сошелъ въ нижнія комнаты къ женщинамъ Фрауенкнехтъ, которымъ и велѣлъ хранить тайну; я началъ уже мыть свои окровавленныя руки, какъ услышалъ опять барахтанье и топанье въ верхней комнатѣ. Одна изъ Фрауенкнехтъ, взойдя наверхъ, вскричала: Iesus Maria, она еще жива! Вслѣдствіе этого я поспѣшилъ, все подъ вліяніемъ злаго намѣренія, на лѣстницу, твердо рѣшившись ни въ какомъ случаѣ не оставить Эйхштетеръ живою. И такъ еще разъ отправился я къ Эйхштетеръ, стянулъ тѣснѣе ея галстухъ отчасти для того, чтобы ускорить ея смерть, отчасти же чтобъ уменьшить ея страданія. Шевелилась ли она еще, я не могу опредѣлить.»

Безпрестанно противорѣча Катеринпнымъ показаніямъ, Римбауеръ утверждалъ: что трупъ пролежалъ весь слѣдующій день, въ его комнатѣ, и только въ ночь съ 3-го на 4-е ноября былъ похороненъ въ боковой комнатѣ каморки; что онъ самъ вырылъ яму, а Магдалина Фрауенкнехтъ и ея мать помогали ему снести тѣло на носилкахъ съ верхней комнаты до самой каморки и похоронить его, здѣсь.

Объ этой похоронной сценѣ Римбауеръ передавалъ слѣдующія подробности: «вырытая мною яма для трупа оказалась короткою и недовольно глубокою, потому-что руки, которыя окоченѣли въ умоляющемъ положеніи и распростертыми, не входили въ яму. Поэтому я наступилъ на голову и на средину трупа

обѣими ногами и началъ вдавливать его всею тяжестію моего тѣла, причемъ въ тѣлѣ убитой я слышалъ глухой шумъ. Тогда я насыпалъ на него еще песку, а потомъ нѣсколько позже еще сверху ямы набросалъ кирпичу и мусору. Вѣроятно это случилось, послѣ того какъ одинъ мой работникъ, который пошелъ въ комнату, наткнулся на торчавшія еще руки. Весною наносилъ я съ Магдалиною въ комнатку оставшійся отъ постройки тяжелый мусоръ, отчего яма сравнялась съ поверхностью земли.

Въ то время, когда я несъ внизъ трупъ Эйхштетеръ, одинъ башмакъ упалъ съ ея ноги; я изрубилъ его и бросилъ на навозную кучу. Затѣмъ серебряную цвѣтную пряжку убитой и ея кошелекъ (содержавшій около 2 фл.), а также зонтикъ, я присвоилъ себѣ. Наконецъ кровавыя пятна я истребилъ отчасти посредствомъ отмыванья горячею водою, отчасти выстругавъ доски на полу. Больше уже я не могу ничего открыть вамъ, (прибавилъ Римбауеръ), изъ моей печальной исторіи, развѣ только мои воили и терзанія и то, что я часто совершалъ обѣдни по Эйхштетеръ».

Даже послѣ сдѣланнаго имъ сознанія, Римбауеръ не показывалъ настоящаго раскаянія; но онъ употреблялъ все искусство своей іезуитской діалектики, чтобы оправдать и извинить учиненное имъ преступленіе. Однажды онъ утверждалъ: «что его руки были управляемы ужасомъ, страхомъ и потерею присутствія духа, и такимъ образомъ онъ совершилъ убійство безъ участія въ томъ разсудка. Статлера правило, сказалъ онъ, усыпило мой разсудокъ, а страхъ и опасенія, при разсмотрѣніи настоящаго и будущаго, внушили мнѣ рѣшимость привесть это правило въ исполненіе. Спачала конечно мой разсудокъ былъ полнымъ; но онъ ослабѣвалъ, по мѣрѣ того какъ Статлерово правило одерживало верхъ.

Въ другой разъ Римбауеръ обстоятельно прилагалъ къ самому себѣ извѣстное поученіе іезуитской морали, по которому средство оправдывается цѣлью, и старался доказать, что онъ стремился только къ благороднымъ и добрымъ цѣлямъ, слѣдовательно его дѣяніе не могло быть преступленіемъ! «Я не имѣлъ другаго намѣренія, какъ только отвратить публичный скандалъ, и предупредить вредъ, который долженъ-бы произойти для всего духовенства, если бы я не совершилъ убійства; я хотѣлъ под-

держать уваженіе къ своему почтенному званію; такимъ образомъ я предвидѣлъ, что открытіе моей слабости могло причинить христіанамъ много зла. Многіе тогда позволили бы себѣ различные грѣхи. Иные перестали бы вѣровать въ Бога, другіе то или другое перестали бы почитать за высокое и святое. Такъ-какъ я не могъ достигнуть моей цѣли никакимъ другимъ образомъ, какъ посредствомъ убійства Эйхштетеръ, то я и убилъ ее. Потому я не могу считать мое намѣреніе преступленіемъ, потому-что я старался только сохранить къ себѣ общественное довѣріе, а также почтеніе къ моему сану. Такимъ образомъ я убилъ единственно «ad majorem Dei gloriam», и оттого отпирался отъ преступленія въ продолженіи 4 лѣтъ не ради себя, но единственно, чтобы отвратить публичный соблазнъ и чтобы въ своемъ лицѣ поддержать честь сана. Но какъ скоро я увидѣлъ, что предопредѣленіе Божіе состоитъ въ томъ, что совершенное мною должно быть мною самимъ открыто, то я рѣшился сознаться во всемъ откровенно. Я открылъ теперь свое поведеніе, и думаю этимъ заслужить пощаду, за то именно, что я такъ съумѣлъ дѣйствовать, что поступокъ мой не произвелъ общественнаго соблазна».

Касательно отравленія Магдалины Фрауенкнехтъ и ея матери Римбауеромъ, противъ послѣдняго было много уликъ, именно: обѣ онѣ внезапно заболѣли въ іюнѣ 1809 г. и послѣ короткой болѣзни, дочь послѣ трехъ, мать послѣ 8 дней нервной лихорадки,— умерли. Римбауеръ призвалъ къ нимъ на помощь не врача, но совершенно невѣжественнаго шарлатана, а Магдалина сама доставала лекарства. Однако точные признаки отравленія не могли быть доказаны; на трупахъ женщинъ были замѣтны только обыкновенные признаки смерти. Такъ напримѣръ мозгъ Магдалины оказался почти столь-же хорошо сохранившимъ, какъ будто въ свѣжемъ трупѣ; поверхности мускуловъ въ брюшной полости стянулись какъ у муміи въ тягучую и волокнистую массу. Химическое изслѣдованіе малаго остатка внутренностей не обнаружило слѣдовъ яду. Доктора дали заключеніе, что обѣ женщины вѣроятно умерли не отъ яду, но отъ недостатка надлежащаго о нихъ попеченія и медицинской помощи. — Medicinal-collegium далъ по сему предмету слѣдующее заключеніе: «обѣ женщины умерли естественною смертью отъ нервной лихорадки, которая

тогда господствовала во всей придунайской Германіи; Магдалина и ея мать вѣроятно были заражены болѣзнью однимъ больнымъ австрійскимъ солдатомъ, который изъ состраданія былъ взятъ въ церковный домъ и былъ на попеченіи Магдалины.» Съ своей стороны Римбауеръ доказывалъ, что онъ невиновенъ въ смерти этихъ женщинъ.

Изслѣдованіе простиралось еще на многіе другіе предметы; между прочимъ и на мошенническое пріобрѣтеніе Римбауеромъ хутора Томасгофъ, но онъ въ этомъ не сознался; напротивъ того онъ съ готовностью, объявилъ, чтобы только (какъ онъ выражался) дать доказательство судьѣ въ своей искренности, что онъ, увидѣвъ свою тогдашнюю возлюбленную Марію Г. беременною, доставилъ ей абортивное лекарство для изгнанія плода. Онъ также признался добровольно, что далъ абортивное лекарство своей послѣдней кухаркѣ Аннѣ Венигеръ, причемъ онъ успокоивалъ ея совѣсть напоминаніемъ, что по опредѣленію *каноническаго права*, въ первомъ мѣсяцѣ беременности плодъ (foetus animatus) еще не существуетъ. Единственно съ цѣлью доказать свою искренность и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить, что злыя намѣренія не получившія осуществленія, не составляютъ преступленія, Римбауеръ разсказывалъ на 107 допросѣ, что однажды въ Графентраубахъ послѣ того какъ нѣкто Г. отказалъ ему въ просьбѣ дать денегъ въ займы, онъ вздумалъ сжечь его домъ. Съ такою же откровенностью онъ разсказывалъ на 109 допросѣ о своемъ намѣреніи убить и ограбить одного мальчика. На 112 допросѣ онъ объявилъ, что однажды онъ молилъ Бога ниспослать смерть одному ненавистному ему человѣку; и послѣдній (вѣроятно чрезъ могущество этой молитвы) вскорѣ послѣ того дѣйствительно умеръ.

Изъ проступковъ, въ которыхъ былъ обвиняемъ Римбауеръ или въ которыхъ онъ самъ себя признавалъ виновнымъ, судебное рѣшеніе коснулось только учиненнаго имъ въ Лаутербахѣ убійства Анны Эйхштетеръ.

Такъ-какъ Римбауеръ долго не сознавался, то все изслѣдованіе первоначально было направлено къ отысканію уликъ, обвиняющихъ подсудимаго. Оттого изслѣдованіе дѣла продолжалось столь долго, и произвело столь удивительное накопленіе актовъ, что затрудняло докладъ дѣла апелляціонному суду. Признаніе

преступника рѣшило разомъ всѣ затрудненія и измѣнило основной предметъ судебныхъ преній. Сдѣланное затѣмъ Римбауеромъ на 14 допросахъ, признаніе было достаточно для его осужденія. Полная достовѣрность сего признанія основывалась: на совершенномъ его согласіи съ множествомъ другихъ доказанныхъ фактовъ, именно: что Римбауеръ прижилъ съ Эйхштетеръ дитя, что на немъ лежала обязанность содержать его, что Эйхштетеръ оказалась къ Римбауеру очень неотступною; что онъ во время убійства находился въ весьма сильномъ денежномъ затрудненіи—все это вытекаетъ изъ обстоятельствъ, раскрытыхъ слѣдствіемъ. Римбауеръ долго утверждалъ, что онъ 2-го ноября былъ въ другомъ мѣстѣ, а не въ Лаутербахѣ, однако невѣрность этого была доказана, а равно доказано, что онъ присутствовалъ на мѣстѣ совершенія убійства. Именно въ мѣстѣ, признанномъ самимъ преступникомъ, нашли человѣческій скелетъ, который по мнѣнію экспертовъ принадлежалъ женщинѣ и котораго черепъ, легко распознаваемый по зубамъ, принадлежалъ Эйхштетеръ, что также признано самимъ преступникомъ. Отсюда несомнѣнно, что Эйхштетеръ погибла въ Томагофѣ. То что она была убита въ комнатѣ Римбауера и имъ, доказывается множествомъ пятенъ крови, найденныхъ уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ на полу, и видимыми слѣдами скобленія пола, тогда-какъ Римбауеръ (по его собственному признанію) посредствомъ скобленія старался уничтожить слѣды преступленія. Даже во многихъ мелкихъ второстепенныхъ подробностяхъ дѣла существуетъ самое точное согласіе его признанія съ тѣмъ, что раскрыто слѣдствіемъ; такъ напримѣръ при скелетѣ былъ найденъ только одинъ башмакъ, а преступникъ сознался, что когда несли трупъ, то съ ноги Эйхштетеръ упалъ башмакъ, который онъ изрубилъ, и потомъ бросилъ на навозную кучу. По признанію Римбауера могила была до того не глубока, что еще потомъ изъ нея торчали руки убитой въ умоляющемъ положеніи, и какъ онъ, такъ другіе на нихъ натыкались; изъ точнаго-же и подробнаго описанія скелета, сдѣланнаго профессоромъ Тидеманномъ, оказалось, что не доставало всѣхъ костей обѣихъ рукъ. Этого длиннаго ряда особенно важныхъ обстоятельствъ дѣла, согласныхъ съ признаніемъ преступника, уже больше чѣмъ достаточно, чтобы обезпечить достовѣрность

учиненнаго убійства. Кромѣ того надо замѣтить: 1) полное согласіе во всѣхъ главныхъ пунктахъ собственнаго признанія Римбауера съ показаніемъ Катерины Фрауенкнехтъ, въ отношеніи какъ къ той части происшествія, о которой она слышала изъ устъ ея умершей сестры Магдалины, такъ и къ другой части, которой она сама была очевидчицею. Разнорѣчіе существуетъ только относительно второстепенныхъ пунктовъ. 2) Правдивость показанія Катерины не подлежитъ сомнѣнію и въ то же время подкрѣпляется признаніемъ подсудимаго и *брата* подсудимаго, (которому Магдалина разсказала объ этомъ убійствѣ точно такъ, какъ оно было разсказано суду Катериной и признано подсудимымъ).—Интересно привести это показаніе, которое умершая сдѣлала противъ своего соблазнителя, такъ сказать, изъ-за могилы. *Братъ* подсудимаго, который отрицалъ долгое время всякое знаніе объ убійствѣ Эйхштетеръ, получивши свѣдѣніе о сознаніи подсудимаго, объявилъ наконецъ слѣдующее: «я долженъ признаться, что нахожусь въ ужасномъ положеніи; Францъ Римбауеръ не только мой братъ, но былъ также всегда моимъ благодѣтелемъ. Изъ братской любви и чувства благодарности я утверждалъ до сихъ поръ, что я объ убійствѣ Эйхштетеръ не имѣлъ свѣдѣнія. Но теперь долженъ сказать все. Однажды я посѣтилъ моего брата въ пріельскомъ приходѣ и оставался у него отъ 3 до 4 недѣль. Тамъ вечеромъ пришла къ моей кровати Магдалина Фрауенкнехтъ, его кухарка, добрая, скромная дѣвушка и начала горько плакать, Я ее спросилъ: «о чемъ ты плачешь? и она отвѣчала: господинъ братъ! если-бы вы знали то, что я знаю, то вы тоже плакали бы». Тогда она разсказала мнѣ, что въ 1807 г., въ день всѣхъ усопшихъ, поздно послѣ обѣда, почти уже въ сумерки, какъ только она и мой братъ воротились съ поля на повозкѣ въ Томасгофъ, пришла къ нимъ въ домъ Эйхштетеръ. Братъ мой, увидѣвъ ее, тотчасъ отправился въ домъ и повелъ ее въ верхнюю комнату. Здѣсь Эйхштетеръ требовала у моего брата денегъ, и грозила ему, въ случаѣ отказа, жалобою суду. Мой братъ на то объяснилъ ей, что онъ въ то время находился безъ денегъ, на что Эйхштетеръ начала браниться, упрекала тѣмъ, что онъ теперь отдалъ свои деньги другой, именно Магдалинѣ. Остальныя подробности теперь я не могу вспомнить, я не обра-

щалъ на все вниманія, потому-что главныя обстоятельства меня слишкомъ поразили. Еще я знаю только, что мой братъ нѣсколько времени боролся съ Эйхштетеръ и потомъ закричалъ на нее: ты должна умереть, кайся! на что та умоляла его: Францель, вѣдь ты меня не умертвишь? Тогда мой братъ принесъ бритву и перерѣзалъ ей горло, потому-что ножъ оказался тупымъ. Эйхштетеръ защищалась, ничего не имѣя въ рукахъ, и была совершенно во власти моего брата». Я не знаю, помогала-ли Магдалина моему брату или только смотрѣла; вѣроятно, что она при этомъ была, какъ она мнѣ говорила. Также я не понялъ изъ ея разсказа, присутствовала-ли она при убійствѣ. Несомнѣнно однако, что она пришла туда, когда мой братъ и Эйхштетеръ еще боролись. Трупъ убитой лежалъ до 3-хъ часовъ утра, когда мой братъ и Магдалина снесли его на навозную кучу въ сарай и тамъ неглубоко зарыли его. Маленькая Катерина видѣла это. Мой братъ и Магдалина смыли и соскоблили кровавыя пятна. Магдалина была сильно озабочена тѣмъ, что это происшествіе могло быть открыто, ибо владѣлецъ Лаутербаха купилъ Томасгофъ у Римбауера. Я не могъ скрыть мое изумленіе при этой исторіи, обнаружилъ совершенное отвращеніе, и не могъ ничего другаго придумать, какъ предоставить дѣло самому себѣ».—Это свидѣтельство брата преступника вполнѣ служитъ новымъ подкрѣпленіемъ виновности Римбауера.

Разсматривая это дѣло, Фейербахъ приходитъ къ заключенію: во 1-хъ, что Римбауеръ заслуживаетъ смертной казни, такъ-какъ безусловно доказано, что онъ убилъ Эйхштетеръ; хотя составъ приступленія доказанъ не такъ, какъ въ обыкновенныхъ случаяхъ,—очевидцами и суждепіями экспертовъ, но тѣмъ не менѣе доказанъ вполнѣ, сообразно всѣмъ требованіямъ закона — частью очевидностію самаго дѣла, частію свидѣтельствами, но преимущественно, собственнымъ признаніемъ преступника. Во 2-хъ что Эйхштетеръ лишилась жизни въ домѣ преступника, это доказано прежде всего и независимо отъ признанія послѣдняго—показаніемъ многихъ лицъ. Совершенно достовѣрно дознано, что Эйхштетеръ, бывшая въ живыхъ 2-го ноября 1807 года, съ того времени не была никѣмъ болѣе видима и никто не могъ узнать въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, жива-ли она.

Сверхъ того Катерина Фрауенкнехтъ, свидѣтельница происшествія, 2-го ноября видѣла Эйхштетеръ лежащею съ перерѣзаннымъ горломъ въ комнатѣ Римбауера, и присутствовала при ея погребеніи. Наконецъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ самый скелетъ Эйхштетеръ, найденный въ сараѣ въ Томасгофѣ. Этотъ скелетъ оказался принадлежащимъ женщинѣ, которая по росту и по возрасту вполнѣ подходитъ къ описанію Эйхштетеръ; кромѣ того черепъ, былъ признанъ Римбауеромъ принадлежащимъ Эйхштетеръ; все это не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ самоличности той, которой принадлежали эти остатки. Касательно же того, что другая женщина могла въ томъ мѣстѣ или возлѣ, и около того времени лишиться жизни въ Томасгофѣ и быть похороненною въ томъ самомъ мѣстѣ, — то объ этомъ не находится въ актахъ ни малѣйшаго признака. Такъ-какъ тѣло Эйхштетеръ лежало зарытымъ въ землѣ, въ теченіе 9 лѣтъ, то отъ него остался только одинъ скелетъ, и невполнѣ сохранившійся, все это затрудняло медицинскій осмотръ трупа. Да и самое убійство чрезъ перерѣзаніе горла или чрезъ удавленіе не могло оставить слѣдовъ на *костяхъ*. Тѣмъ не менѣе формальный осмотръ тѣла и основанныя на немъ показанія свѣдущихъ людей, въ настоящемъ случаѣ были вполнѣ замѣнены собственнымъ признаніемъ преступника въ связи съ другими доказательствами. Въ 3-хъ преступникъ сознался, что своею бритвою онъ перерѣзалъ шею Эйхштетеръ и что она тотчасъ послѣ того упала въ предсмертныхъ судорогахъ. Въ этомъ отношеніи признаніе его подкрѣпляется свидѣтельствомъ Катерины, которая видѣла Римбауера сходящаго съ лѣстницы съ окровавленной бритвой въ рукѣ, а Эйхштетеръ, лежавшею въ верхней комнатѣ, въ крови и съ перерѣзаннымъ горломъ. Перерѣзаніе горла, въ которомъ соединяются столь многіе органы, поддерживающіе жизнь двѣ большія артеріи, пять веннъ, дыхательный и пищепріемный каналы, кромѣ четырехъ нервныхъ вѣтвей, безусловно можетъ произвести смерть: раненая, по показанію преступника, тотчасъ послѣ того начала захлебываться и упала на полъ въ предсмертныхъ судорогахъ. Съ этимъ совершенно согласно показанія Катерины, которая; услышавъ слова Римбауера: «ты должна умереть!» и просьбы Эйхштетеръ о пощадѣ, тотчасъ послѣ того видѣла ее лежащею на полу, су-

дорожно подергивающею ногами, а убійцу стоявшимъ на колѣняхъ или сидѣвшимъ подлѣ нея. Количество пролитой крови,— отъ которой пятна, не смотря на старанія преступника, послѣ стольких лѣтъ сохранились почти на всемъ полу,—доказываетъ, что Эйхштетеръ умерла отъ потери крови изъ одного изъ большихъ горловыхъ сосудовъ. Въ 4-хъ собственное признаніе, учиненное преступникомъ, согласно: съ состояніемъ трупа Эйхштетеръ, найденнаго въ сараѣ преступника, съ показаніемъ Катерины. Наконецъ, въ 5-хъ хотя Римбауеръ не принадлежитъ къ тѣмъ лицамъ, противъ которыхъ говоритъ ихъ предшествовавшая жизнь потому, что всѣ считали его благочестивымъ священникомъ, но исторія всей его жизни въ томъ видѣ, какъ она раскрыта слѣдствіемъ, состоитъ изъ длиннаго ряда лицемѣрныхъ дѣйствій, скрывавшихъ его порочныя наклонности. Что-же касается до тѣхъ обстоятельствъ, по которымъ должно судить о правѣ и характерѣ лица, то совершенно все равно: проявлялись-ли они въ прежней жизни его, или же послѣ совершенія открытаго преступленія, или можетъ быть даже во время самаго слѣдствія.

Римбауеръ является прежде всего, (какъ видно изъ различныхъ, вполнѣ доказанныхъ обстоятельствъ), человѣкомъ развращеннымъ, скрывавшимъ подъ священническою рясою порочность и безнравственность побужденій, съ примѣсью заученаго обмана, фальшивой добродѣтели и ложнаго благочестія. Онъ употребляетъ ханжество какъ *средство* къ удобнѣйшему удовлетворенію своихъ желаній, а религію — для прикрытія или *освященія всего того, что осуждаетъ самая религія.* Ханжество, какъ мантія для покрытія порока и какъ орудіе порока, обличаетъ въ немъ негодную и безчестную душу, въ которой чувства и ощущенія умерли для добра и справедливости, и въ которой нѣтъ ничего ни святаго, ни достойнаго уваженія, что-бы удерживало человѣка отъ зла. Кто ставитъ религію, добродѣтель и совѣсть задачею своей жизни въ смыслѣ *театральной роли*, для того только чтобъ удобнѣе быть принятымъ за то, чѣмъ онъ хочетъ казаться,—тотъ уже съ презрѣніемъ отказался въ душѣ своей и отъ религіи и отъ совѣсти, и уже поэтому самому способенъ на всякое плутовство, всякую гнусность, всякое постыдное дѣло—какъ человѣкъ нечестивый, безъ религіи и совѣсти. Все прекрасное, благородное, священное не можетъ слу-

жить для него предметомъ уваженія, потому-что все это, онъ употребляетъ во зло, какъ средство обмана и до послѣдней степени унижаетъ религію и добродѣтель, такъ-какъ они служатъ ему лишь орудіемъ порока. Если человѣкъ однажды предался дурному, то для его воли нѣтъ болѣе ни закона, ни преградъ. Но маскарадную одежду цѣнятъ только для маскарада, и Тартюфъ, облекающій свою порочность въ домино святости, навѣрное на столько же насмѣхается тайно надъ людьми, которые позволяютъ себя обманывать этимъ, насколько онъ долженъ осмѣивать всѣ тѣ ложныя добродѣтели, блескомъ которыхъ прельщаются люди, попадающіе на его удочку. Порочно лицемѣрный и фальшиво добродѣтельный человѣкъ до глубины души лживъ и двуличенъ; не имѣя и капли честности и правдивости, онъ въ случаѣ надобности умѣетъ быть на сторожѣ относительно себя и другихъ, онъ даже постоянно готовъ обманывать наружною маскою. Въ немъ развивается сухая натура, въ холодѣ которой всякая любовь, дружба, участіе, состраданіе и все, что можно назвать благороднѣйшими чувствами человѣка — должно обратиться въ жестокосердіе и безчувственность. Нечего упоминать что гнетъ, постоянно причиняемый его натурѣ, маской, носимой имъ передъ другими, не можетъ не отравить его ума запасомъ хитрости, горечи, злости, и вооружить его, если не прямо ненавистью къ людямъ, то по крайней мѣрѣ полнѣйшимъ къ нимъ равнодушіемъ и презрѣніемъ. Негодяй, начинающій лицемѣрствомъ, находится на прямой дорогѣ, кончающейся злодѣйствомъ, какъ только представится къ тому случай. Нужно-бы повторить почти все, выше уже изложенное, если-бы захотѣть подробнѣе разсмотрѣть гнусный характеръ Римбауера въ отдѣльныхъ обстоятельствахъ его жизни. Но въ этомъ нѣтъ надобности. Человѣкъ, который, по собственному его признанію, будучи ребенкомъ чувствовалъ охоту умертвить дитя изъ за денегъ, въ которомъ могла родится мысль зажечь домъ своего ближняго въ то время, когда онъ давно уже находился въ духовномъ званіи; который въ атеистическомъ суевѣріи употреблялъ молитву орудіемъ смерти, который далъ одной своей возлюбленной лекарство для изгнанія плода съ умысломъ умертвить зачатаго ребенка, и признался, что и другой возлюбленной хотѣлъ дать абортивное лекарство, который, наконецъ, изъ своей христіанской морали

выводитъ правило, что убійство позволительно, лишь только оно необходимо для предотвращенія позора,—такой человѣкъ, будучи поставленъ въ такое положеніе, что ему остается или совершить смертоубійство, или быть уличеннымъ въ лицемѣріи и потерять чрезъ то плоды всѣхъ своихъ трудовъ, принадлежитъ къ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ можно ожидать, что они легко совершатъ преступленіе.

Судъ 1-й инстанціи, признавъ Римбауера виновнымъ въ совершеніи смертоубійства, присудилъ его къ заключенію въ крѣпости 2-й степени на неопредѣленное время. Судъ-же 2-й инстанціи 1-го августа 1818 года, объявивъ Франца Римбауера виновнымъ въ преступленіи смертоубійства, присудилъ его къ заключенію въ крѣпости 1-й степени. Мотивомъ этихъ рѣшеній было признано то: 1) что прошедшая жизнь Римбауера говоритъ въ его пользу; 2) что недостаетъ всѣхъ признаковъ преступленія, такъ-какъ не было возможности ни вскрыть трупъ Эйхштетеръ, ни вполнѣ опредѣлить его самоличность.

Г) ДВА СТАРИННЫХЪ ПРОЦЕССА.

XXV. Дѣло о похищеніи дѣвицы Ферко.

Нельзя читать, не испытывая состраданія, обстоятельства этого дѣла, несмотря на то, что опо происходило еще въ прошедшемъ столѣтіи. Молодой человѣкъ, принадлежавшій къ образованнымъ классамъ общества, присужденъ былъ за поступокъ болѣе неосторожный, нежели преступный, къ смертной казни; къ этому же наказанію была присуждена его мать, хотя въ ея поведеніи не было ничего такого, чѣмъ-бы не стали гордиться самые добродѣтельные люди.

Вотъ обстоятельства этого дѣла: въ городѣ Аррасѣ въ 1773 г. жилъ молодой адвокатъ, по имени Дерюжи, который своею честностію и необыкновенными способностями пріобрѣлъ себѣ отличную репутацію. Г-жа Ферко, которой принадлежалъ въ томъ же городѣ магазинъ золотыхъ вещей, имѣвшая двухъ дочерей, одну 22 лѣтъ, другую 14 лѣтъ, предложила ему жениться на старшей. Но красота и любезность младшей дочери произвели уже на молодаго человѣка сильное впечатлѣніе. Это предпочтеніе, котораго онъ не скрывалъ, сдѣлало то, что младшую сестру возненавидѣли мать, ея старшая сестра и братъ. Ее стали пре-

слѣдовать и дурно обращаться съ нею; нѣсколко разъ сосѣди вбѣгали въ домъ, слыша ея крики, и вырывали ее *окровавленною* изъ рукъ ея палачей. Наконецъ она рѣшилась бѣжать изъ родительскаго дома и убѣжала къ постороннимъ лицамъ, которыя дали ей убѣжище. Старались, чтобы мать позволила ей вступить въ монастырь, но не достигли этого. Въ этихъ затрудненіяхъ молодая дѣвица обратилась съ совѣтомъ къ Дерюжи, который и сдѣлался посредникомъ между ею и ея семействомъ. Вслѣдствіе этого семейство Ферко стало смотрѣть на него какъ на виновника ея бѣгства. Братъ ея и его пріятели дождались Дерюжи вечеромъ у угла и избили его палками, оставивъ полумертваго на мостовой. Но онъ не умеръ. Вслѣдствіе принесенной имъ жалобы и послѣ продолжительнаго слѣдствія, напавшіе были подвергнуты осужденію провинціальнымъ совѣтомъ города Арраса (furent condamnés au blâme). Чтобы замедлить производство этого дѣла, семейство Ферко принесло на Дерюжи жалобу, обвиняя его въ похищеніи несовершеннолѣтней дѣвицы. Но судьи заключили: оставить жалобу безъ послѣдствій. Между-тѣмъ влюбленные продолжали видѣться, и молодая дѣвица вскорѣ оказалась беременною. Это было несчастіе, болѣе нежели преступленіе; если бы родители были человѣколюбивы, это дало бы поводъ къ примиренію и исторгло-бы у нихъ согласіе на бракъ. Но Дерюжи зналъ, что родители его возлюбленной будутъ ее преслѣдовать.

Онъ посовѣтовалъ ей искать убѣжища въ монастырѣ. Молодая дѣвица подала просьбу въ судъ, прося позволенія вступить въ монастырь; но судъ постановилъ: отправить ее въ исправительное заведеніе (maison de force). Она не подчинилась этому рѣшенію и бѣжала изъ Арраса въ городъ Дуэ. Однако вскорѣ наступило время, когда она должна была сдѣлаться матерью. Она написала изъ Дуэ г-жѣ Легаръ, акушеркѣ жившей въ Аррасѣ, письмо въ которомъ предупреждая ее, что пріѣдетъ къ ней въ Аррасъ, просила оказать ей медицинскую помощь съ сохраненіемъ секрета. Но г-жа Легаръ, сообщивъ объ этомъ г-жѣ Ферко, по совѣту сей послѣдней нарочно перемѣнила свое мѣстожительство, не увѣдомивъ объ этомъ родильницу. Дѣвица Ферко пріѣхала въ Аррасъ въ 10 часовъ вечера 15 декабря. Холодная погода и страданія, предшествовавшія родамъ, дѣлали ея по-

ложеніе ужаснымъ. Но ужасъ этого положенія еще болѣе увеличился, когда она узнала, что ей не слѣдовало ожидать никакой помощи отъ акушерки, которой она довѣрилась. На свою мать она не могла разсчитывать; но у ея любовника была мать, *у которой она не жила.* Не видя другаго исхода, дѣвица Ферко направилась въ домъ г-жи Дерюжи. Послѣдняя изъ осторожности сначала отказалась ее принять. Но тогда несчастная предалась отчаянію: она объявила, что бросится въ колодезь, который былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, и направилась къ нему. Человѣколюбіе, голосъ крови — все это заставило г-жу Дерюжи согласиться принять ее къ себѣ съ тѣмъ, чтобы она по истеченіи 24 часовъ послѣ родовъ оставила ея домъ. Черезъ два дни послѣ этаго молодая дѣвица благополучно разрѣшилась. Между тѣмъ ночью полиція ворвалась въ домъ г-жи Дерюжи и сдѣлала обыскъ. Дѣвица Ферко, не смотря на холодъ и темноту ночи, вскочила съ постели, выбѣжала въ садъ и спряталась въ немъ. Полиція ея не нашла, но надо было искать новаго убѣжища. Дерюжи отвезъ дѣвицу Ферко къ своему знакомому, который согласился на нѣсколько часовъ скрыть ее; оттуда они отправились въ другой домъ, въ которомъ г-нъ Дерюжи и былъ арестованъ по приговору суда вслѣдствіе новой жалобы г-жи Ферко. Вскорѣ и дѣвица Ферко была арестована и отведена въ тюрьму. Ее подвергли допросамъ и медицинскому осмотру. Слѣдствіе надъ поступками г-на Дерюжи производилось съ необыкновенною энергіею. Г-жа Ферко обвиняла его въ похищеніи молодой дѣвицы (rapt de soduction), ссылаясь въ доказательство на рожденіе ребенка отъ ея дочери.—11 ноября 1775 г. молодой человѣкъ и его мать приговорены были судомъ къ смертной казни (висѣлицѣ), а молодые люди, которые дали убѣжище дѣвицѣ Ферко, были изгнаны изъ Франціи (la peine du bannissement).

На это рѣшеніе подсудимые принесли апелляцію въ провинціальный совѣтъ города Аррасса. Но пристрастіе судей такъ было велико, что они опредѣлили: мать Дерюжи изгнать изъ Франціи на 9 лѣтъ, а самаго Дерюжи присудили къ пожизненной каторгѣ (aux galères) съ клейменіемъ его раскаленнымъ желѣзомъ. Кромѣ того съ нихъ присуждено убытковъ въ пользу г-жи Ферко 8000 франковъ.

Какія причины могли заставить судей постановить два при-

говора, столь варварски жестокихъ? Молодая дѣвица убѣжала отъ своей матери; была принесена жалоба на ея обольщеніе; беременность ея сдѣлалось гласною; она родила въ домѣ, который, по мнѣнію судей, былъ домъ обвиненнаго. Судьи считали беременность ея за доказательство обольщенія, а мѣсто родовъ за улику сообщества матери любовника. Эта то цѣпь невѣрныхъ заключеній, выведенныхъ изъ невѣрнаго принципа, ввела судей въ заблужденіе. Дѣйствовавшіе въ то время во Франціи законы о похищеніи дѣвицъ были необыкновенно строги. Но цѣль этихъ законовъ преимущественно состояла въ томъ, чтобы воспрепятствовать неравнымъ бракамъ (съ сословной точки зрѣнія), которые могли возникнуть въ семействахъ отъ любовныхъ связей между лицами разнаго пола и разныхъ общественныхъ положеній. Лакей, обольстившій дочь своихъ господъ; дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ, которая пользовалась неопытностью богатаго молодаго человѣка, чтобы женить его на себѣ, — вотъ виновники, которыхъ имѣлъ въ виду законъ. Но молодые люди, которыхъ лѣта, положеніе и состояніе были почти одинаковы, которые уступили охватившей ихъ страсти—находились въ совершенно другомъ положеніи и не подходили подъ эти законы.

Проступокъ молодаго Дерюжи и молодой Ферко былъ именно такого свойства. Между ними не могло быть неравнаго брака, потому-что Дерюжи предлагали жениться на старшей сестрѣ; не было насильственнаго похищенія, потому-что дѣвица сама убѣжала изъ родительскаго дома. Если было насиліе, то со стороны ея семейства, но это насиліе происходило отъ ненависти къ ней. До тѣхъ поръ, пока не обнаружилась беременность дѣвицы Ферко, судьи не допускали, чтобы существовало запрещенное закономъ преступленіе обольщенія; поэтому они отвергли первоначальную жалобу на это со стороны ея родителей, между-тѣмъ уже тогда она убѣжала изъ родительскаго дома. Какимъ образомъ *послѣдующая беременность* могла сдѣлать Дерюжи виновнымъ въ преступленіи, въ которомъ онъ однажды уже былъ оправданъ! Что касается до матери Дерюжи, то ея участь приводитъ въ содраганіе. Она была бы виновна лишь въ томъ случаѣ, если-бы не приняла къ себѣ въ домъ дѣвицы Ферко. Должна ли была она прогнать изъ дому мать ея внука и быть причиною смерти двухъ существъ? Если разсматривать

изложенное нами дѣло съ чисто нравственной стороны, не стѣсняясь человѣческими законами, то обвиненію въ преступленіи подлежитъ не семейство Дерюжи, а мать дѣвицы Ферко. Дозволеніемъ своей дочери вступить въ бракъ съ Дерюжи она могла спасти ее отъ позора; вмѣсто этого она преслѣдуетъ ее съ неутомимою злобою и губитъ четырехъ лицъ. Вина ея изъ тѣхъ, которыя избѣгаютъ суда человѣческаго, но не избѣгнутъ кары вѣчнаго суда Божія.

Любопытно ознакомиться съ тѣми законами, на основаніи которыхъ семейство Дерюжи подверглось столь варварски жестокому наказанію. Вотъ что постановлено въ ст. 3 закона 22 ноября 1730 года: «лица совершеннолѣтнія или несовершеннолѣтнія, не находящіяся въ указанныхъ обстоятельствахъ, которыя виновны только въ запрещенной связи (se trouveront seulement coupables d'un commerce illicite), подвергаются тѣмъ наказаніямъ, которыя слѣдуютъ, *смотря по важности случая*; но судьи не могутъ произнести противъ нихъ смертный приговоръ, развѣ преступленіе по его важности (son atrocité) или по именитому происхожденію обольщеннаго или обольщенной заслуживаетъ смертной казни, что мы предоставляемъ совѣсти нашихъ судей». Между тѣмъ въ настоящемъ дѣлѣ судьи признали Дерюжи: «уличеннымъ въ похищеніи 18 февраля 1774 несовершеннолѣтней дѣвицы Ферко». Ужасно подумать, что первые судьи постановили смертный приговоръ только за то, что двое молодыхъ людей состояли въ любовной связи.

Въ настоящее время относительно похищенія дѣвицъ во Франціи существуютъ совершенно другіе законы, нежели прежде. По прежнимъ законамъ подвергали наказуемости le rapt de séduction *) и le rapt de violence, и по странному противорѣчію законодатель желая *ограничить* примѣненіе смертной казни лишь нѣкоторыми случаями, въ тоже время *предоставлялъ совѣсти* судей примѣнять смертную казнь ко всѣмъ случаямъ. Съ другой стороны было запрещено судебнымъ мѣстамъ позволять

*) Нельзя не замѣтить кромѣ того сколько нелѣпости заключается въ понятіи и самомъ названіи rapt de séduction (насиліе обольщенія). Слово rapt, происходящее отъ латинскаго слова *raptus*, означаетъ именно физическое насиліе, тогда-какъ séduction означаетъ нравственное насиліе, обольщеніе; отъ сопоставленія этихъ словъ выходитъ нелогичность.

вступленіе въ бракъ подсудимыхъ до или послѣ приговора, даже если бы похищенная, ея отецъ или мать просили объ этомъ. Въ настоящее время напротивъ того, на основаніи Code Napoléon, не допускается болѣе rapt de séduction; уголовные законы запрещаютъ только rapt, commis par fraude ou violence, и если похитившій женился на похищенной дѣвицѣ, то онъ можетъ подвергнуться преслѣдованіямъ лишь со стороны тѣхъ лицъ, которыя могутъ просить объ уничтоженіи брака, приговоръ же о его винѣ можетъ состояться лишь по уничтоженіи брака.

Въ заключеніе приведемъ для сравненія съ французскими уголовными законами постановленія русскихъ уголовныхъ законовъ о похищеніи женщинъ. Ст. 2083 Улож. о нак. За похищеніе дѣвицы или женщины *противъ ея воли*, не съ намѣреніемъ изнасиловать ее, а въ надеждѣ воспользоваться ея слабостью *и обольстить ее*, или же токмо гласностью такого происшествія повредить ея чести, виновный подвергается *заключенію въ смирительномъ домѣ*, если похищенная была дѣвица или вдова, на время отъ 6—12 мѣсяцевъ, а если она состояла въ замужествѣ или была сговорена съ другимъ — на время отъ 2 до 3 лѣтъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ. *Примѣч.* къ 2085 ст. Всѣ таковыя дѣла начинаются не иначе, какъ по жалобамъ похищенной или обольщенной или же ея родителей, родственниковъ, опекуновъ или другихъ лицъ, по званію своему обязанныхъ имѣть о ней попеченіе. О изнасилованіи замужней женщины искъ начинается токмо или по собственной ея жалобѣ или по жалобѣ ея мужа.

XXVI. Процессъ объ ожерельѣ Маріи-Антуанеты.

(affaire du collier).

Процессъ этотъ, надѣлавшій въ свое время много шуму по всей вселенной и пріобрѣвшій громкую извѣстность, представляетъ къ тому всѣ данныя; дѣйствительно—важность взведеннаго обвиненія противъ участвовавшихъ въ немъ лицъ, общественное положеніе или европейская знаменитость послѣднихъ, раскрытая слѣдствіемъ глубоко обдуманная и необыкновенно ловко веденная интрига, драматизмъ подробностей, — все это

выдвигаетъ это дѣло изъ ряда обыкновенныхъ и сообщаетъ ему завлекательность романа, не лишая въ тоже время интереса юридическаго.

Тѣмъ не менѣе процессъ этотъ извѣстенъ читающей публикѣ скорѣе въ видѣ *легенды*, нежели какъ дѣло, обстоятельства котораго были приведены въ точную извѣстность и подтверждены судебными доказательствами, а потому мы и рѣшились изложить его по *подлинному производству парижскаго парламента*.

Въ сентябрѣ 1781 г. кардиналъ де-Роганъ въ первый разъ увидѣлъ Жану-де-Валуа-де-Сенъ-Реми-де-Люзъ, жену Марка-Антонія—Николая де Ламоттъ, которая была ему представлена г-жею Буленвилье. Узнавъ въ одно и тоже время о ея знаменитомъ происхожденіи и о ея бѣдности и нищетѣ, онъ нѣсколько разъ оказывалъ ей денежныя пособія и однажды даже поручился за нее въ суммѣ 5000 франковъ, должной ею еврею Исааку Беру; впослѣдствіи времени (въ 1785 г.) ему пришлось самому заплатить эту сумму. Г-жа Ламоттъ жила въ 1782 г. въ отелѣ «Реймсъ» въ улицѣ Веррери, въ одной или двухъ полумеблированныхъ комнатахъ, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и братомъ. Въ теченіи того же года она наняла квартиру въ улицѣ Невъ-Сенъ-Жиль; но эта квартира были меблирована лишь въ маѣ 1783 г. и въ кредитъ, по поручительству за нея одного еврея. До тѣхъ же поръ г-жа Ламоттъ жила сначала въ Версали, потомъ въ Парижѣ, въ отелѣ Артоа, гдѣ ей давала убѣжище и пропитаніе г-жа Бриффоръ, мать ея горничной, потомъ она переселилась въ свою новую квартиру. Ежегодная плата за квартиру въ 1200 франковъ и меблированіе квартиры превышали ея средства, такъ-какъ у ней не было никакого состоянія, и она жила только подаяніями кардинала де-Рогана и двумя пенсіями отъ короля въ 800 франковъ и въ 1500 франковъ.

Такимъ образомъ хотя внѣшняя сторона жизни г-жи Ламоттъ улучшилась, но тоже нищета скрывалась въ ней. Г-жа Ламоттъ занимала по 100 и по 300 франковъ для уплаты жалованья лакею, или платы за квартиру. Иногда мебель исчезала изъ дому съ цѣлью избѣгнуть описи или для того, чтобы быть заложенной въ Монъ-де-Пьете.

Наконецъ нищета г-жи Ламоттъ такъ увеличилась, что въ апрѣлѣ 1784 г. она просила у короля позволенія переступить

свои пенсіи постороннему лицу и ликвидировать ихъ. Первая пенсія въ 1500 франковъ была продана за 6000 франковъ, вторая въ 800 франковъ была уступлена за 3000 франковъ.

Когда были истрачены деньги, полученныя такимъ образомъ, г-жа Ламоттъ рѣшилась во что-бы то ни стало улучшить свое положеніе, и стала распускать извѣстія объ ожидаемомъ ею наслѣдствѣ, своемъ кредитѣ, вліяніи и связяхъ. Она сообщала всѣмъ своимъ знакомымъ, что она находится въ близкихъ сношеніяхъ съ королевою (женою Людовика XVI, Маріею-Антуанетою), что ей скоро возвращены будутъ помѣстья, принадлежавшія ея предкамъ; она предлагала знакомымъ свой кредитъ, показывая письма, которыя будто бы писаны были ей королевою; она сама писала эти письма, чтобы поддержать свои выдумки.

Въ маѣ 1784 г. она разсказала кардиналу де-Роганъ то, что она столько разъ говорила другимъ. Зная, что онъ находится въ немилости у королевы и что онъ снова хотѣлъ попасть въ милость, она обѣщала ему дать средства къ этому. Когда же онъ однажды выразилъ сомнѣніе, чтобы она могла пользоваться такимъ сильнымъ вліяніемъ, она показала ему письма, писанныя будто бы ей королевою; кардиналъ повѣрилъ этому тѣмъ легче, что онъ никогда не видѣлъ почерка королевы. Но когда отлагательства г-жи Ламоттъ въ исполненіи ея обѣщаній возбудили новыя сомнѣнія кардинала, она составила планъ обмана, не впасть въ который было весьма трудно. Лѣтомъ королева гуляла иногда по вечерамъ въ садахъ Версаля, въ сопровожденіи своей свиты. «*Придите въ садъ*», сказала г-жа Ламоттъ кардиналу, когда нибудь вы будете имѣть счастіе услышать отъ самой королевы, что она перемѣнила свое расположеніе къ вамъ.

Онъ сталъ гулять въ саду, едва надѣясь на это счастіе. Однажды въ началѣ августа 1784 г. въ 11 часовъ вечера г-жа Ламоттъ подошла къ нему и сказала: «королева позволяетъ, чтобы вы къ ней подошли». Онъ пошелъ на встрѣчу къ женщинѣ, голова которой была закутана въ копюшонъ, и которую онъ принималъ въ своемъ ложномъ убѣжденіи за королеву. Въ ту-же минуту онъ услышалъ слова: «вы можете надѣяться, что прошедшее будетъ забыто». Едва эти слова были произнесены, какъ раздался голосъ, который говорилъ, что въ аллею идутъ герцогиня орлеанская и графиня д'Артуа. Кардиналъ поспѣшилъ уда-

литься, выражая свою почтительную благодарность, подошелъ къ г-жѣ Ламоттъ и вышелъ изъ сада вмѣстѣ съ нею, ослѣпленный и обманутый. Послѣ этого въ немъ исчезли всѣ сомнѣнія, померкло всякое благоразуміе; слова и приказанія г-жи Ламоттъ онъ сталъ принимать за приказанія самой королевы. Г-жа Ламоттъ вскорѣ воспользовалась этимъ расположеніемъ кардинала. Въ теченіи мѣсяца она выпросила у него пособіе въ 60,000 франковъ для несчастныхъ, въ которыхъ по ея словамъ королева принимала участіе; тотчасъ же баронъ де Планта принесъ ей эту сумму денегъ отъ имени кардинала. Въ ноябрѣ она попросила 100,000 франковъ для того же назначенія и г. де-Роганъ, который въ то время былъ въ Савернѣ, тотчасъ же приказалъ передать ей эти деньги.

Затѣмъ эта женщина, которая до тѣхъ поръ погружена былъ въ крайнюю нищету, стала покупать себѣ серебряную посуду, браслеты, брилліанты. Мужъ ея завелъ карету и лошадей, нанялъ трехъ новыхъ лакеевъ и купилъ въ городѣ Барѣ домъ, за который заплатилъ отъ 18—20-т. франковъ. Успѣхъ первыхъ двухъ предпріятій г-жи Ламоттъ побудилъ ее составить еще болѣе смѣлый планъ. Она была увѣрена, что на ея требованія не будетъ отказа, она знала, что приказанія отъ ея имени будутъ принимаемы кардиналомъ за приказанія королевы, что воображаемыя письма послѣдней будутъ читаться съ благоговѣніемъ. Непредвидѣнныя происшествія, могли наступить и уничтожить это слѣпое довѣріе кардинала, надо было воспользоваться благопріятными минутами. Г-жа Ламоттъ вспомнила о знаменитомъ *ожерельи*, которое уже нѣсколько лѣтъ было въ рукахъ ювелировъ короля, и рѣшилась завладѣть имъ.

Ни одна интрига столь важная и столь глубоко задуманная не встрѣчалась въ лѣтописяхъ преступленій—съ другой стороны ни одна интрига не представляла болѣе шансовъ успѣха и болѣе легкости въ совершеніи ея, при томъ слѣпомъ довѣріи, которое имѣлъ кардиналъ къ г-жѣ Ламоттъ. Въ концѣ декабря мѣсяца нѣкто г. Гашеттъ встрѣтился съ гг. Бемеръ и Бассанжъ, ювелирами короля, и заговорилъ съ ними объ ихъ ожерельѣ. Оказалась, что оно еще не продано и что они тщетно старались продать его; они желали найдти сильныхъ покровителей при дворѣ, которые могли-бы имъ доставить покупателей. Г. Гашеттъ

объявилъ, что онъ не знаетъ никого, но что его зять г. Лапортъ, адвокатъ, находится въ связи съ дамою, *которая пользуется милостями королевы*. Эта дама была именно г-жа Ламоттъ, которая всюду и вездѣ пользовалась славою этого химерическаго вліянія. По просьбѣ ювелировъ, г. Гашеттъ отправилъ къ ней своего зятя. Сначала она по видимому не рѣшалась заняться этимъ дѣломъ, но наконецъ согласилась, чтобы ей принесли показать ожерелье. Оно ей было показано 29 декабря 1784 г.; г-жа Ламоттъ объявила, что если-бы не ея всегдашнее нежеланіе вмѣшиваться въ дѣла, то она оказала бы имъ охотно услугу, однако она отказалась принять дѣятельное участіе въ этомъ предпріятіи. Ювелиры стали черезъ посредниковъ предлагать ей подарокъ. Прошло три недѣли; тогда г-жа Ламоттъ попросила г-жа Лапорта сказать ювелирамъ, чтобы они пришли къ ней на слѣдующій день; онъ исполнилъ это порученіе и г. Бассанжъ пришелъ къ ней 21 января 1785 г.—Г. Гашеттъ присутствовалъ при свиданіи. Графиня сказала, что имѣетъ надежду продать ожерелье, что королева желаетъ купить его, и что одинъ сановникъ будетъ вести съ ними переговоры отъ имени королевы. Она прибавила, чтобы они приняли съ нимъ всевозможныя мѣры предосторожности; г. Лапортъ, который узналъ объ этомъ на слѣдующій день, сталъ подозрѣвать, что дѣло шло о кардиналѣ де Роганъ и выразилъ свое удивленіе. «Черезъ мое вліяніе, сказала г-жа Ламоттъ, онъ опять попалъ въ милость»

24 января къ ювелирамъ въ 7 часовъ утра прибыли г-нъ и г-жа Ламоттъ; они снова совѣтовали имъ принять всѣ нужныя предосторожности, увѣряли ихъ, что ожерелье будетъ куплено королевою и увѣдомили, что посланный ея кардиналъ де Роганъ *скоро явится для переговоровъ*. Чтобы заставить кардинала рѣшиться на этотъ поступокъ, г-жа Ламоттъ сказала ему, что королева хочетъ купить ожерелье и поручила ему условиться о цѣнѣ; она показала ему даже ея письма. Кардиналъ увидѣлъ въ этомъ только драгоцѣнный случай показать свое усердіе и уваженіе къ королевѣ.

Вотъ, что происходило въ это утро у ювелировъ: показавъ кардиналу нѣсколько драгоцѣнностей, они представили ему и ожерелье. Онъ спросилъ цѣну его; оно оцѣнено *въ 1,600,000 франковъ, отвѣтили они ему*. Тогда онъ выразилъ желаніе точнѣе

опредѣлить условія покупки не для себя, но для другаго лица, которое имѣло намѣреніе купить ожерелье и котораго онъ еще не можетъ назвать. Потомъ онъ удалился. Нѣсколько дней спустя ювелиры увидѣли кардинала, который показалъ имъ на этотъ разъ условія покупки, писанныя его рукою. Въ нихъ значилось: 1) что ожерелье будетъ подвергнуто переоцѣнкѣ, если цѣна въ 1,600,000 франковъ покажется слишкомъ велика; 2) что платежъ денегъ будетъ произведенъ въ теченіи двухъ лѣтъ черезъ каждые 6 мѣсяцевъ; 3) что можно будетъ просить отсрочки въ платежѣ; 4) что если эти условія будутъ приняты пріобрѣтателемъ, то ожерелье должно быть ему принесено не позже 1-го февраля, Ювелиры на все это согласились и подписали договоръ. Кардиналъ ушелъ, не назвавъ никого.

Онъ вручилъ г-жѣ Ламоттъ этотъ договоръ, подписанный ювелирами, чтобы передать его королевѣ. Два дня спустя она возвратила ему договоръ. Съ боку были написаны одобренія каждаго условія; внизу была слѣдующая подпись: «Марія-Антуанета, королева Франціи».

Получивъ этотъ документъ, кардиналъ увѣдомилъ ювелировъ, что договоръ заключенъ. Они отправились къ нему на домъ 1-го февраля и *отдали ему ожерелье*. Тутъ онъ имъ объявилъ, что ожерелье куплено *для королевы*, далъ имъ списать копію съ договора и увѣдомилъ ихъ въ тотъ-же день письмомъ, что королева согласилась платить имъ % на капиталъ по день уплаты его. Получивъ ожерелье,—кардиналъ рѣшился передать его королевѣ, такъ-какъ онъ считалъ себя только исполнителемъ ея воли. Онъ отправился въ Версаль въ сопровожденіи своего лакея Трейбера, который несъ коробку съ ожерельемъ. Прибывъ къ г-жѣ Ламоттъ, онъ отдалъ *ей* коробку: «королева ждетъ, сказала она ему, ожерелье будетъ ей отдано сегодня вечеромъ.» Нѣсколько минутъ спустя явился человѣкъ, который объявилъ, что онъ посланный отъ королевы. Кардиналъ вышелъ изъ комнаты. Незнакомецъ вручилъ письмо г-жѣ Ламоттъ, послѣдняя прочла это письмо кардиналу, въ немъ заключалось приказаніе отдать ожерелье посланному. Послѣднему отдали коробку и онъ ушелъ. Кардиналъ спросилъ, кто этотъ человѣкъ? Г-жа Ламоттъ отвѣтила ему, что онъ состоитъ лакеемъ при королевѣ.

На слѣдующій день кардиналъ далъ своему лакею сопро-

вождать г-на Жерарди, офицера изъ эльзаскаго полка, на обѣдъ королевы и наблюдать, какъ она будетъ одѣта; возвратившись, онъ сказалъ кардиналу, что не было ничего новаго въ ея нарядѣ. Но это обстоятельство не произвело никакого впечатлѣнія на кардинала. На слѣдующій день онъ встрѣтилъ въ Версали г. Бёмера, его жену и г. Бассанжа. «Благодарили-ли вы королеву за то, что она купила у васъ ожерелье?» сказалъ онъ имъ Когда же они отвѣтили ему, что нѣтъ еще, то онъ совѣтывалъ имъ это сдѣлать.

Однако королева не надѣвала ожерелья. Кардиналъ удивлялся этому, но умъ его, подъ вліяніемъ одного и того же убѣжденія, не предавался безпокойствамъ. Г-жа Ламоттъ представляла ему разныя объясненія того, что королева еще не надѣла ожерелья. Въ теченіи мая мѣсяца кардиналъ отправился въ г. Савернъ и возвратился изъ него въ серединѣ іюня. Г-жа Ламоттъ ѣздила къ нему на нѣсколько дней и объявила, что она выхлопотала для него аудіенцію у королевы по его возвращеніи. Она сообразила, что путешествіе ея въ 250 миль и пріѣздъ къ кардиналу для того, чтобы объявить ему эту счастливую новость, утвердятъ его довѣріе къ ней.

Въ концѣ іюня кардиналъ сталъ снова распрашивать ее о причинѣ молчанія королевы: «*Я вамъ скажу причину этого*, сказала она ему. Ожерелье должно быть снова оцѣнено, если цѣна въ 1.600,000 франковъ покажется ей слишкомъ высокой, таковы письменныя условія. Королева дѣйствительно находитъ, что эта цѣна слишкомъ высока, и такъ надо или уменьшить ее или произвести переоцѣнку; до тѣхъ поръ королева не будетъ носить ожерелья». Кардиналъ сообщилъ объ этомъ ювелирамъ, которые хотя и были огорчены, но согласились получить за ожерелье лишь 1.400,000 франковъ или цѣну по оцѣнкѣ, сдѣланной королевою.

Г-жа Ламоттъ, увѣдомленная объ этомъ согласіи, сочинила отвѣтъ, и нѣсколько дней спустя она показала кардиналу письмо, въ которомъ королева увѣдомляла ее, что она оставляетъ у себя ожерелье, и что довольная тѣмъ, что цѣна была сбавлена, она заплатитъ ювелирамъ 700,000 франковъ вмѣсто 400,000 въ первый срокъ, назначенный для платежа.

Срокъ наступалъ, 6 мѣсяцевъ кончались 31 іюля. Кардиналъ поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ Бёмера и Бассанжа, вновь со-

вѣтуя имъ поблагодарить королеву за покупку ожерелья. Ювелиры написали королевѣ 12 іюля слѣдующее письмо: «мы на вершинѣ счастья ваше величество, думая, что послѣднія условія, которыя были намъ предложены и которымъ мы подчинились съ ревностью и уваженіемъ, составятъ новое доказательство нашей покорности приказаніямъ вашего величества; намъ пріятно кромѣ того думать, что самое лучшее украшеніе изъ брилліантовъ, которое только существуетъ на свѣтѣ, будетъ принадлежать лучшей и достойнѣйшей королевѣ».

Посмотримъ между-тѣмъ, что дѣлала въ это время г-жа Ламоттъ. Не трудно догадаться, что посланный отъ королевы, которому отдана была коробка съ ожерельемъ, возвратилъ ожерелье г-жѣ Ламоттъ. Вотъ факты, которые доказываютъ кражу и подкрѣпляютъ уже приведенныя нами свѣдѣнія объ обманѣ кардинала г-жею Ламоттъ. Г-жа Ламоттъ, получивъ отъ кардинала 100,000 франковъ для передачи ихъ бѣднымъ, въ которыхъ будто-бы принимала участіе королева, перешла вдругъ отъ нищеты къ роскоши и богатству. Въ январѣ она купила себѣ разныхъ драгоцѣнностей у г. Ренье на 15,000 франковъ. Но съ 1-го февраля расходы ея увеличились еще болѣе. Съ этого дня до 1 іюля г. Ренье продавъ ей брилліантовъ еще на 12,650 франковъ и получилъ плату отдѣльными камнями изъ брилліантовъ. Г-жа Ламоттъ продала ему брилліантовъ на 72,540 франковъ, и велѣла ему обдѣлать брилліантовъ на 50 т. франковъ Въ іюнѣ она принесла ему еще брилліантовъ на 160,000 франковъ. Въ мартѣ г. Пармъ, ювелиръ, купилъ у ней брилліантовъ и заплатилъ ей 26,000 франковъ. Въ началѣ апрѣля г. Ламоттъ уѣхалъ изъ Парижа и отправился въ Англію. Онъ пріѣхалъ въ Лондонъ съ своимъ лакеемъ Лезю и капитаномъ Онейль. У него находилось огромное количество брилліантовъ, и онъ сталъ вести роскошную жизнь. О своемъ богатствѣ онъ разсказывалъ разныя басни; по его словамъ эти брилліанты достались ему отъ матери, а отчасти составляютъ подарки, сдѣланные его женѣ королевою. Всюду и вездѣ въ Англіи онъ произносилъ имя королевы. Онъ продалъ брилліантовъ болѣе нежели на 240,000 франковъ и отдалъ на 60,000 франковъ брилліантовъ г. Грею (ювелиру) для оправы ихъ.

Однако г-жа Ламоттъ, не скрывавшая, что мужъ ея ѣздилъ

въ Англію, стала заранѣе разсказывать всѣмъ, что онъ въ Англіи выигралъ огромныя суммы въ карты и въ пари на скачкахъ. Онъ возвратился во Францію въ началѣ іюня. Г. Перрего, банкиръ, заплатилъ ему по векселю, выданному въ Лондонѣ сумму въ 120,000 франковъ. Онъ началъ жить съ необыкновенною роскошью, покупалъ жемчугъ, драгоцѣнныя камни, лошадей, экипажи и пр.

Между-тѣмъ приблизилась эпоха *перваго платежа*, наступала катастрофа. Г-жа Ламоттъ объявила кардиналу, нѣсколько дней послѣ письма 12 іюля, что королева истратила 700,000 франк., назначенные сначала для платежа ювелирамъ къ 31 іюля, и что платежъ будетъ сдѣланъ лишь 1 октября, но что % будутъ уплачены. Кардиналъ былъ недоволенъ и удивленъ—но еще не воображалъ, что тутъ кроется обманъ.

Однако въ концѣ іюля ему удалось видѣть почеркъ руки королевы; разница между ея настоящимъ почеркомъ и подложными письмами, которыя находились у него, его поразила. Онъ призвалъ г-жу Ламоттъ, она была покойна; по ея словамъ она не видѣла, какъ пишетъ королева, но она не сомнѣвается, что надписи на документѣ писаны ея рукою, она клялась, что королева велѣла ей передать тѣ приказанія, которыя она сообщила кардиналу и что ожерелье находится въ рукахъ королевы. «Какъ можете вы сомнѣваться, сказала она ему, я должна вамъ вручить отъ ея имени черезъ два дня 30,000 франковъ для платежа процентовъ».

Дѣйствительно эта женщина, которая по мнѣнію кардинала не имѣла ничего, принесла ему 30,000 франковъ 30 іюля. Увидя деньги, онъ успокоился, и отнесъ сумму ювелирамъ, которые приняли ее въ счетъ платежа капитальной суммы.

Укажемъ затѣмъ на поведеніе г-жи Ламоттъ, на основаніи фактовъ добытыхъ слѣдствіемъ: ее мучило жестокое безпокойство. 27 іюля она увидѣла одного изъ своихъ знакомыхъ и попросила его достать ей тотчасъ сумму въ 35,000 франковъ. Онъ не могъ этого сдѣлать. *Я ихъ найду у моего нотаріуса*, сказала она и вышла. Въ этотъ день она не обѣдала и не ночевала дома; она заложила свои брилліанты за 35,000 ф. у г. Минге. Послѣ того она послала за своимъ мужемъ, который привезъ съ собою сумму 35,000 франковъ. Они отдали эту сумму нотаріусу г.

Минге и выкупили заложенные у него брилліанты. Эти хлопоты и безпокойства, заемъ въ 35,000 франковъ въ ту минуту, когда 30,000 франковъ должны были быть уплачены кардиналу отъ имени королевы, брилліанты отданные въ залогъ—все это доказывало что г-жа Ламоттъ имѣла сильный интересъ поддерживать заблужденіе кардинала.—3 августа она послала къ нему свою горничную, чтобы просить его придти къ ней въ улицу Невъ-Сенъ-Жиль. Кардиналъ прибылъ къ ней. «*У меня есть непріятели*, сказала она ему, меня обвиняютъ въ нескромности и самохвальствѣ, я могу быть арестована не сегодня, такъ завтра. Мнѣ сказали, что если я уѣду изъ Парижа, то можетъ быть на меня перестанутъ обращать вниманіе. Мнѣ бы уже слѣдовало уѣхать, я вся дрожу. Въ ожиданіи того, чтобы мои дѣла были окончены, дайте мнѣ убѣжище въ вашемъ отелѣ. Кардиналъ на это согласился; 4 августа она переѣхала въ отель кардинала, а 5 она выѣхала изъ него въ свой домъ Баръ-сюръ-Объ. Можетъ показаться страннымъ отчего г-жа Ламоттъ не бѣжала заграницу, но если поразмыслить, то поведеніе ея не было лишено искусства. Она не боялась уже болѣе кардинала, она его безвозвратно запутала въ это дѣло. Во всякомъ случаѣ, даже если бы обманъ открылся, кардиналъ долженъ былъ заплатить, покончить дѣло во что-бы то ни стало и молчать. Это вѣроятно бы и случилось, если бы король случайно не узналъ объ всемъ.

Гг. Бассанжъ и Бёмеръ, мучимые безпокойствомъ, подали прошеніе королю 12 августа, и министру двора 23 августа. Они разсказывали въ нихъ обстоятельства договора. Король призвалъ къ себѣ кардинала, чтобы распросить его объ этомъ. Кардиналъ сказалъ королю, что онъ былъ обманутъ г-жою Ламоттъ. Тогда признали нужнымъ арестовать какъ кардинала, такъ и г-жу Ламоттъ, ихъ посадили въ Бастилію.

Послѣ того Людовикъ XVI поручилъ *парижскому парламенту* обсудить это дѣло. Генеральный прокуроръ составилъ обвинительный актъ, въ которомъ повторяя обстоятельства, уже отчасти изложенныя нами, просилъ парламентъ назначить слѣдствіе для открытія виновниковъ, сообщниковъ и благопріятствователей этой кражи и подлога въ актахъ *).

Едва начато было слѣдствіе, какъ арестовали въ Брюсселѣ

*) Обвинительнаго акта мы не прописываемъ цѣликомъ.

женщину, по имени Леге Д'Олива, и посадили ее въ Бастилію. Она показала судьямъ: что *она служила орудіемъ обмана*, не зная цѣли его, что она представляла въ саду особу королевы и получила за это денежное вознагражденіе отъ г-жи Ламоттъ.

Вотъ слово въ слово ея показанія: «я родилась въ Парижѣ 1 сентября 1761, отъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей. Мое первое несчастіе состояло въ томъ, что я слишкомъ рано лишилась матери нѣжной и бдительной, надзоръ которой удалилъ-бы отъ меня опасности, соединенныя съ молодостью, предоставленною самой себѣ. Своею экономіею мать моя скопила небольшую сумму денегъ, которую и назначила мнѣ. Она отдала эту сумму на сохраненіе своимъ друзьямъ, но послѣдніе послѣ ея смерти не возвратили мнѣ этихъ денегъ и держали меня у себя только изъ милости. Я покинула ихъ домъ. Въ іюнѣ 1784 я занимала небольшую квартиру въ улицѣ Журъ, кварталѣ Сентъ-Эсташъ. Я жила близко отъ сада Пале-Рояля и часто въ немъ гуляла. Я проводила въ немъ два или три часа по полудни съ нѣкоторыми моими знакомыми женщинами и 4-хъ лѣтнимъ ребенкомъ, котораго я очень любила и котораго родители охотно поручили мнѣ. Однажды въ часъ по полудни въ іюлѣ мѣсяцѣ я сидѣла въ Пале-Рояли, одна съ упомянутымъ ребенкомъ. Вдругъ я замѣтила, что передо мной нѣсколько разъ проходитъ высокій молодой человѣкъ, который гулялъ одинъ и который былъ мнѣ незнакомъ. Онъ сталъ внимательно разсматривать меня. Стулъ былъ незанятъ въ двухъ шагахъ отъ меня, онъ сѣлъ на него. До этой минуты взгляды этого молодаго человѣка не произвели на меня никакого впечатлѣнія. Но когда онъ сѣлъ подлѣ меня, то я обратила на него вниманіе. Онъ былъ очень хорошъ собою. Его глаза были прикованы ко мнѣ, видъ его былъ серьезенъ и взволнованъ. Я пройду молчаніемъ нѣкоторыя подробности. Достаточно сказать, что мы встрѣчались нѣсколько дней сряду въ Пале-Рояли, онъ со мной заговорилъ и я ему отвѣтила. Я даже позволила ему придти ко мнѣ. Это случилось слѣдующимъ образомъ: одинъ вечеръ я уходила изъ сада и возвращалась къ себѣ домой, не замѣтивъ, что онъ слѣдуетъ за мной. Вдругъ онъ появился въ моей квартирѣ; манеры его выражали величайшее уваженіе и онъ попросилъ меня позволить ему приходить ко мнѣ (venir me voir et me faire la cour). Это

его подлинныя слова. Я не могла отказать ему въ этомъ позволеніи, и вскорѣ онъ сталъ почти каждый день приходить ко мнѣ. Надо сказать правду *я была недовольна имъ во время его посѣщеній.* Никогда онъ не выходилъ изъ предѣловъ платоническихъ отношеній. Но онъ распрашивалъ меня о моемъ положеніи въ обществѣ, денежныхъ средствахъ и надеждахъ. Онъ очень интересовался моею судьбою. Онъ обѣщалъ мнѣ сильныхъ покровителей, которыхъ онъ мнѣ могъ доставить и которые могли мнѣ быть полезны. Если онъ когда нибудь хвалилъ мою красоту, то только въ видѣ комплимента. Я сначала воображала, что цѣль его посѣщеній есть желаніе завести любовную интригу, но въ немъ скрывались планы болѣе серьезные и болѣе преступные. Этотъ незнакомецъ былъ господинъ Ламоттъ, который звалъ себя графомъ де Ламоттъ; онъ говорилъ, что онъ военный, занимаетъ важное мѣсто въ арміи. Кажется въ 9-ое посѣщеніе и въ первыхъ числахъ августа онъ вошелъ утромъ въ мою квартиру съ радостнымъ видомъ, котораго у него обыкновенно не было, и сказалъ мнѣ, что имѣетъ сообщить вѣсти, для меня очень радостныя. «Я выхожу, прибавилъ онъ, изъ дому, въ которомъ одна дама, занимающая высокое общественное положеніе, много говорила о васъ. Я вамъ приведу ее сегодня вечеромъ».—Я *не знаю* кто это можетъ быть, сказала я ему, потому что я никого не знаю при дворѣ. Онъ ушелъ не давъ мнѣ никакихъ объясненій. Я ждала вечера съ нетерпѣніемъ, я считала часы и минуты. Я хотѣла видѣть эту *знаменитую даму*, которая должна была быть у меня. Вечеромъ г. Ламоттъ объявилъ мнѣ, что посланная имъ особа черезъ нѣсколько минутъ придетъ ко мнѣ. Сказавъ это, онъ ушелъ. Едва онъ вышелъ, какъ въ комнату мою вошла дама. Она была одна, безъ всякой свиты, одѣта съ роскошью и строгимъ вкусомъ. Она стала разговаривать со мною. «Вы должны, сказала она мнѣ улыбаясь, очень удивляться моему посѣщенію, такъ какъ вы меня не знаете?—Я ей отвѣтила, что на основаніи того, что мнѣ о ней говорили, это удивленіе для меня можетъ быть только пріятнымъ. Кто была эта женщина, которую я, если бы у меня было болѣе опытности, должна была бы принять за искательницу приключеній! Это была жена моего ложнаго покровителя — г-жа Ламоттъ. Я подала ей стулъ, она сѣла около меня. Потомъ, наклонившись ко

мнѣ съ видомъ таинственнымъ и въ тоже время довѣрчивымъ, она стала мнѣ говорить слѣдующее: «имѣйте довѣріе моя милая (mon cher coeur) къ тому, что я буду вамъ говорить, я женщина высшаго общества и занимаю мѣсто при дворѣ». Говоря это г-жа Ламоттъ вынула изъ кармана портретъ и показала мнѣ въ немъ нѣсколько писемъ, которыя по ея словамъ были писаны ей королевою.—Но милостивая государыня сказала я ей, я въ этомъ ничего не понимаю, это для меня загадка!—Вы все скоро поймете моя милая. Я пользуюсь довѣріемъ королевы, я съ ней въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ. Она дала мнѣ въ этомъ лучшее доказательство, приказавъ мнѣ найти женщину, которая бы могла сдѣлать то, что ей велятъ. Я выбрала васъ. Если вы примите это на себя, то я вамъ дамъ сумму въ 15,000 франковъ, а подарокъ, который вы получите отъ королевы, будетъ стоить гораздо болѣе. Я не хочу говорить вамъ теперь моего имени, но скоро вы узнаете, кто я. Впрочемъ если вы не полагаетесь на мое слово и захотите обезпечить полученіе суммы въ 15 тысяч. франковъ, то мы можемъ тотчасъ же отправиться къ моему нотаріусу. — Я согласилась; съ этой минуты я не принадлежала себѣ, я дала бы мою жизнь за королеву. Я отвѣтила г-жѣ Ламоттъ, что мнѣ лестно сдѣлать что либо такое, что можетъ быть пріятно королевѣ, и что я не нуждаюсь въ денежномъ за это вознагражденіи. Г-жа Ламоттъ воспользовалась этимъ отвѣтомъ; она мнѣ сказала: г. графъ де Ламоттъ пріѣдетъ за вами завтра вечеромъ въ каретѣ и отвезетъ васъ въ Версаль. Онъ ушла, оставивъ меня исполненною радости и надежды.

«На слѣдующій день въ часъ по полудни г. де Ламоттъ пріѣхалъ за мной въ каретѣ; мы отправились съ нимъ въ Версаль. Мы уже подъѣзжали къ рѣшеткѣ замка, какъ увидѣли г-жу Ламоттъ, которая ждала насъ въ сопровожденіи своей горничной. Она велѣла кучеру остановиться: мы вышли изъ кареты, она же сказала своему мужу: «отведите эту даму ко мнѣ». Г-жа Ламоттъ исчезла. Мужъ ея отвелъ меня съ горничною въ отель-гарни на площади Дозкинъ и оставивъ меня здѣсь съ горничною, ушелъ. Прошло два часа, никто не являлся.

Мужъ и жена наконецъ возвратились и радость видна была на ихъ лицахъ. Они объявили мнѣ, что королева, которой

г-жа Ламоттъ сообщила о моемъ пріѣздѣ, была этимъ очень обрадована и ждетъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ завтрашняго дня, когда я должна была сдѣлать то. о чемъ меня просили. Я не могла удержаться отъ любопытства: что же должна я сдѣлать завтра, спросила я у г-жи Ламоттъ? Она мнѣ отвѣтила: эта вещь очень легкая, вы это узнаете послѣ. Тогда только я узнала имя и званіе г-жи Ламоттъ? Она мнѣ сказала, что она была жена графа де Ламоттъ, что она была Валуа, что при дворѣ ее звали графиня Валуа, и что королева писала ей подъ этимъ именемъ. Надо было, чтобы и я имѣла титулъ; г-нъ и г-жа Ламоттъ назвали меня «баронесса Д'Олива». Они принудили меня принять это смѣшное названіе, и представили меня подъ этимъ именемъ въ свое общество. Я провела ночь въ отелѣ въ отдѣльной комнатѣ, которую мнѣ дали супруги Ламоттъ. На слѣдующій день г-жа Ламоттъ занялась моимъ туалетомъ. Меня одѣли въ бѣлое шелковое платье, причесали меня en demi-bonnet. Г-жа Ламоттъ сначала дала мнѣ маленькое письмо безъ подписи и сложенное какъ это всегда дѣлается; она мнѣ не сказала ни то что содержало это письмо, ни кому оно было адресовано, ни кѣмъ оно было писано. Никогда г-нъ и г-жа Ламоттъ не говорили мнѣ объ этомъ. Г-жа Ламоттъ сказала мнѣ только: я васъ отведу этотъ вечеръ въ паркъ и вы отдадите это письмо одному придворному саповнику, котораго вы встрѣтите.

«Между 11-ью и 12-ью часами ночи я вышла изъ отеля съ супругами Ламоттъ. На мнѣ была бѣлая мантилья, а на головѣ une thérése. Маленькое письмо было въ моемъ карманѣ. Они меня отвели въ паркъ и тамъ я получила розу изъ рукъ г-жи Ламоттъ, которая мнѣ сказала: «вы передадите эту розу съ письмомъ тому лицу, которое предстанетъ передъ вами и вы скажете ему: «*вы знаете, что это значитъ*». Королева тамъ будетъ, чтобы видѣть, какъ произойдетъ ваше свиданіе. Она вамъ будетъ говорить. Она тамъ, она будетъ сзади васъ. Вы сами съ ней тотчасъ будете говорить.—Эти слова произвели на меня такое впечатлѣніе, что я стала дрожать. Я сказала объ этомъ супругамъ Ламоттъ, и прибавила, что не знаю, какъ надо говорить съ королевою, потому я спрашивала у нихъ, какія выраженія я должна употребить; нужно ли говорить королевѣ, ве-

личество или государыня? Г-нъ Ламоттъ сказалъ мнѣ: говорите всегда «ваше величество».—Конечно нѣтъ нужды говорить, что я въ этотъ вечеръ вовсе и не увидѣла королевы, но я была убѣждена, что королева меня видитъ.

«Мы шли впередъ, когда г-нъ Ламоттъ увидѣлъ человѣка, которому и сказалъ: *а, вотъ вы*! Я слышала только эти слова, сказанныя г-номъ Ламоттъ незнакомцу. Я должна прибавить, что въ этомъ незнакомцѣ впослѣдствіи времени я узнала г. де Вильетъ, ихъ пріятеля и любовника г-жи Ламоттъ. Г-жа Ламоттъ заставила меня приблизиться къ клумбѣ кустовъ. Она мнѣ сказала, чтобы я оставалась тутъ, а сама пошла за придворнымъ, которому я должна была сказать нѣсколько словъ и котораго я еще не видѣла. Я послушалась г-жи Ламоттъ и осталась на мѣстѣ. Сановникъ (le grand seigneur) подошелъ ко мнѣ, онъ глубоко поклонился мнѣ; въ эту минуту г-жа Ламоттъ отошла въ сторону. Я дала розу незнакомцу и сказала ему: «вы знаете, что это должно значить», или что-то подобное. Я не замѣтила, взялъ-ли онъ розу или уронилъ ее. Письмо же я оставила въ карманѣ, я про него совершенно забыла. Въ ту минуту, какъ я говорила, г-жа Ламоттъ подбѣжала къ намъ и сказала: «скорѣе, скорѣе, идите». Вотъ все, что я по крайней мѣрѣ слышала. Я удалилась отъ незнакомца и очутилась нѣсколько шаговъ далѣе съ г-номъ Ламоттъ, между-тѣмъ какъ жена его и незнакомецъ разговаривали между собою. Г-нъ Ламоттъ отвелъ меня въ отель-гарни, мы стали съ нимъ разговаривать въ ожиданіи возвращенія его жены. Она пришла къ двумъ часамъ ночи; я сказала ей, что забыла отдать письмо; я боялась, что меня будутъ бранить. Напротивъ того она сказала мнѣ, что очень довольна мною, что она только-что видѣла королеву и *что ея величество въ восторгѣ отъ того, что я могла сдѣлать.* Была пора отдохнуть; я перешла въ мою комнату и легла въ постель въ полной увѣренности, что моя судьба устроена, и что я сдѣлала поступокъ очень невинный.

«Но г-нъ и г-жа Ламоттъ, чтобы еще вѣрнѣе обмануть меня, изобрѣли новую хитрость. На слѣдующій день утромъ они прочли мнѣ письмо, писанное по ихъ словамъ королевою. Адресъ его былъ написанъ такъ: «г-жѣ графинѣ Валуа».—Я не помню текста этого письма, но въ немъ кажется было: «милая графиня,

я очень довольна той особою, которую вы нашли. Она отлично выполнила свою роль и я васъ прошу сказать ей, что она можетъ быть увѣрена въ счастливой участи». По прочтеніи этого письма, г-жа Ламоттъ разорвала его, сказавъ: это не такое письмо, чтобы можно было бросить его. Я считала себя на вершинѣ счастія, мы обѣдали вмѣстѣ и обѣдъ былъ веселъ. Вечеромъ г-нъ Ламоттъ отвезъ меня въ Парижъ въ придворной каретѣ. Г-жа Ламоттъ осталась въ Версали. По возвращеніи моемъ въ Парижъ, она чрезъ нѣсколько дней посѣтила меня и просила меня бывать у ней, я ей это обѣщала. Я бывала и часто обѣдала у ней то въ Парижѣ, то въ улицѣ Невъ-сенъ-жиль, то въ Шарониѣ, гдѣ она имѣла маленькій загородный домъ. Въ теченіи первыхъ посѣщеній она въ нѣсколько пріемовъ дала мнѣ сумму въ 4,268 франковъ. Вотъ все, что я отъ нея получила вмѣсто обѣщанныхъ 15,000 франковъ. Наше знакомство продолжалось недолго. Супруги Ламоттъ стали оказывать мнѣ пренебреженіе и я перестала ихъ видѣть. Вотъ все, что я знаю по этому дѣлу».

Г-жа Ламоттъ сначала отрицала эти факты, она говорила, что видѣла Оливу только разъ случайно въ Пале-Роялѣ; *«какъ могла бы я имѣть сношенія съ этой женщиной»* говорила она съ достоинствомъ. Но вскорѣ она должна была признаться, что сцена, въ которой принимала участіе Олива, дѣйствительно происходила, что она ее задумала и привела въ исполненіе, для того, чтобы увѣрить кардинала, что онъ слышалъ слово доброты изъ устъ королевы.

Оставалось открыть, какая рука подписала одобренія на договорѣ о пріобрѣтеніи ожерелья и писала подложныя письма, которыя г-жа Ламоттъ показывала кардиналу и многимъ другимъ лицамъ. Слѣдователи долго подозрѣвали въ этомъ нѣкоего г. Рето де Вильетъ, отставнаго жандарма, который, какъ было извѣстно, находился въ связи съ г-жею Ламоттъ. Послѣ продолжительныхъ и тщетныхъ поисковъ, онъ наконецъ былъ арестованъ въ Женевѣ. Допрошенный въ Парижѣ, онъ сознался, что онъ присутствовалъ при свиданіи дѣвицы Олива съ кардиналомъ, но прибавилъ, что не онъ сдѣлалъ фальшивыя надписи на договорѣ. Наконецъ послѣ долгихъ колебаній онъ объявилъ: что давно зналъ, что г-жа Ламоттъ хвасталась своими интимными отно-

шеніями съ королевою; онъ писалъ фальшивыя письма, которыя г-жа Ламоттъ показывала кардиналу, и сдѣлалъ фальшивыя надписи на договорѣ. Онъ вовсе не зналъ кардинала, но дѣлалъ все по приказаніямъ г-жи Ламоттъ. По его мнѣнію брилліанты, которые онъ продалъ отъ ея имени въ февралѣ, были взяты изъ ожерелья. Она поручила ему продать и другіе брилліанты, но онъ не могъ этого сдѣлать и отдалъ ихъ ей обратно.

Г-жа Ламоттъ и послѣ этого не сознавалась ни въ чемъ, обвиняя напротивъ кардинала въ похищеніи брилліантовъ.

Тутъ слѣдуетъ представить въ подлинникѣ показанія г-на Рето де Вильетъ. Изъ нихъ видно что г-жа Ламоттъ, давала ему приказанія отъ имени кардинала, подобно тому какъ она говорила сему послѣднему отъ имени королевы.

«Меня хотѣли назначить полицейскимъ офицеромъ г. Аббевиля (officier de maréchaussée) показалъ Вильетъ, когда несчастная моя судьба (въ маѣ 1784 г.) заставила меня сблизиться съ г-номъ Ламоттъ, моимъ бывшимъ сослуживцемъ. Представленный имъ его женѣ, я былъ принятъ ею очень любезно. Вскорѣ я сталъ проводить всѣ мои дни въ ихъ домѣ; довѣріе возникло между нами, они мнѣ посовѣтовали отказаться отъ службы, я это сдѣлалъ и впалъ въ совершенную зависимость отъ г-жи Ламоттъ. Я сталъ вести переписку г-жи Ламоттъ съ кардиналомъ де Роганъ, думая пріобрѣсть его покровительство. Въ январѣ 1785 г. г-жа Ламоттъ объявила мнѣ, что кардиналъ де Роганъ хотѣлъ пріобрѣсти брилліантовое ожерелье огромной стоимости и проситъ меня написать за него. Она заставила меня написать противъ всякой статьи договора—слова *одобряю*. Потомъ она сказала мнѣ: «внизу напишите: *Марія Антуанета, королева Франціи*. Эти четыре слова не составляютъ подписи ни одного изъ находящихся въ живыхъ людей, впрочемъ не я прошу васъ объ этомъ, кардиналъ де Роганъ приказываетъ вамъ это. Вы должны оказать слѣпое повиновеніе его приказаніямъ. Никогда нѣсколько словъ, написанныхъ на документѣ, писанномъ имъ самимъ, не могутъ представлять ничего двухсмысленнаго; я вамъ клянусь кромѣ того, что этотъ документъ не выдетъ изъ его рукъ, и что онъ черезъ нѣсколько дней будетъ разорванъ предъ вашими глазами».—Она мнѣ говорила и я согласился. Нужно прибавить, что эта женщина была моею любовницею и что она

имѣла на меня неограниченное вліяніе. Г-жа Ламоттъ передала тотчасъ же документъ кардиналу де Рогану. Эксперты удостовѣрили, что я при написаніи этихъ словъ нисколько не старался измѣнить мой почеркъ; это показываетъ, что я написалъ ихъ совершенно добросовѣстно, не думая сдѣлать подлогъ. Кромѣ того я не поддѣлалъ подписи королевы; всѣмъ извѣстно, что наша королева называется: Марія-Антуанета-Анна Лотарингская, и что обыкновенная подпись французскихъ королевъ такого рода: «королева».

Г-жа Ламоттъ опровергала всѣ эти обвиненія Вильета, говорила, что показанія одного свидѣтеля не могутъ имѣть силы, тѣмъ болѣе, что свидѣтель есть лице прикосновенное къ дѣлу. Пусть г. Вильетъ погибнетъ, если онъ виновенъ, но онъ не можетъ погубить невиннаго, ложно обвиняемаго имъ въ сообщничествѣ. Ожерелье, (показывала затѣмъ г-жа Ламоттъ), было разорвано кардиналомъ де Роганъ и *Калліостро.* Часть брилліантовъ была отдана ей и ея мужу, чтобы продать ихъ и отправить въ Англію.

На основаціи этихъ показаній Калліостро и его жена были арестованы и заключены въ Бастилію.—Интересны показанія Калліостро, данныя имъ въ парламентѣ: «я долженъ отвѣчать на обвиненія, которыми при другихъ обстоятельствахъ я бы пренебрегъ, но прежде всего я долженъ объяснить кто я, пусть знаютъ, кто именно есть графъ Калліостро, о которомъ разсказывали столько басней. Пока я могъ жить жизнію частнаго человѣка, я постоянно отказывался удовлетворить любопытству публики. Но въ настоящее время, когда я въ оковахъ, когда законъ требуетъ у меня отчета въ моихъ дѣйствіяхъ, я буду говорить; можетъ быть исторія моей жизни послужитъ къ моему оправданію. Я не знаю, гдѣ именно и отъ кого я родился, и всѣ мои розысканія по этому предмету не привели меня ни къ чему. Я провелъ первые годы дѣтства въ городѣ Мединѣ, въ Аравіи. Я былъ въ немъ воспитанъ подъ именемъ Амарата, это имя я сохранилъ во время моихъ путешествій по Африкѣ и Азіи. Я жилъ во дворцѣ муфтія въ Салагаймѣ. Я очень хорошо помню, что около меня находились 4 лица: гувернеръ Атотасъ, имѣвшій отъ 55 — 60 лѣтъ, и три лакея, одинъ европеецъ, который былъ моимъ камердинеромъ, и два негра, изъ которыхъ

одинъ всегда находился при мнѣ неотлучно и днемъ и ночью. Мой гувернеръ всегда говорилъ мнѣ, что я остался сиротою, имѣя три мѣсяца отъ роду, и что мои родители были знаменитаго происхожденія и христіане, но онъ сохранилъ тайну объ ихъ имени и о мѣстѣ моего рожденія. Нѣсколько словъ, сказанныхъ случайно, заставили меня предполагать, что я родился въ Мальтѣ, но это фактъ, котораго я никогда не могъ привести въ извѣстность. Атотасъ, имя котораго я не могу произнести безъ умиленія, имѣлъ ко мнѣ нѣжность отца, онъ старался развить тѣ способности, которыя я оказывалъ къ наукамъ. Я могу сказать, что онъ зналъ всѣ науки отъ самыхъ абсолютныхъ до самыхъ элементарныхъ. Ботаника и медицина были науки, въ которыхъ я одѣлалъ наиболѣе быстрые успѣхи. Онъ научилъ меня любить Бога и ближняго и уважать вездѣ, гдѣ-бы я ни былъ, мѣстные законы. Я подобно ему носилъ мусульманское платье; мы исполняли обряды религіи мусульманской, но истинная религія была въ сердцахъ нашихъ. Муфти часто навѣщалъ меня, онъ съ добротою обходился со мною и оказывалъ большое уваженіе моему воспитателю. Этотъ послѣдній научилъ меня говорить на большей части восточныхъ языковъ. Онъ часто разсказывалъ мнѣ о пирамидахъ Египта, объ огромныхъ подземныхъ ходахъ, вырытыхъ египтянами, чтобы сохранить результатъ открытій ума человѣческаго, рукописи и документы. Я достигъ 12-го году отъ роду; желаніе путешествовать и видѣть самому тѣ чудеса, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ, овладѣло мною до такой степени, что игры дѣтей и Медина потеряли для меня всю прелесть. Атотасъ однажды объявилъ мнѣ, что мы покидаемъ Медину, чтобы начать наши путешествія. Мы прибыли въ Мекку и отправились къ ея шерифу, меня одѣли въ драгоцѣнныя платья, и шерифъ принялъ меня съ распростертыми обнятіями. Я оставался три недѣли въ Меккѣ, не проходило дня, чтобы я не былъ у шерифа и всякій день увеличивалось его расположеніе ко мнѣ. Однажды, когда я началъ разпрашивать одного изъ моихъ негровъ о моемъ происхожденіи, онъ сказалъ мнѣ, что если я когда-нибудь оставлю Мекку, то меня ждутъ величайшія несчастія и что въ особенности мнѣ не слѣдовало пріѣзжать въ городъ Трапезунтъ, въ Малой Азіи. Но мое желаніе путешествовать побѣдило эти опасенія. Мнѣ надоѣла

однообразная жизнь, которую я велъ при дворѣ шерифа. Однажды онъ вошелъ въ комнату, которую я занималъ; мое удивленіе не знало границъ при видѣ этой милости. Онъ сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ съ величайшею нѣжностью, потомъ онъ мнѣ сказалъ «прощай несчастный сынъ природы». Я видѣлъ его въ послѣдній разъ. Караванъ, нарочно для меня приготовленный, ждалъ меня и я выѣхалъ изъ Мекки, въ которую я уже не возвращался. Я началъ свои путешествія съ Египта и посѣтилъ знаменитыя пирамиды, которыя въ глазахъ неопытныхъ наблюдателей составляютъ только массу мрамора и гранита. Я познакомился съ служителями разныхъ храмовъ, которые и ввели меня въ такія мѣста, въ которыя никогда не проникалъ путешественникъ. Потомъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ я путешествовалъ по государствамъ Африки и Азіи. Желаніе мое оправдать себя—единственное которое меня теперь занимаетъ, и потому я буду говорить вамъ только о моихъ путешествіяхъ по Европѣ. Я назову тѣхъ лицъ, которыя меня знали; будетъ легко тѣмъ, коихъ судьба моя интересуетъ, изслѣдовать истину фактовъ, которые я разскажу. Я прибылъ въ 1776 г. на островъ Родосъ съ моимъ воспитателемъ и тремя лакеями, которые не покидали меня съ самаго моего дѣтства. Потомъ я сѣлъ на французскій корабль, который плылъ въ Мальту. Гросмейстеръ ордена Пинто далъ мнѣ и моему воспитателю помѣщеніе въ своемъ дворцѣ около лабараторіи и поручилъ шевалье д'Аквино представить меня во всѣ знатные дома. Надѣвъ европейскій костюмъ, я принялъ европейское имя *графа Калліостро* и былъ очень удивленъ, видя, что Атотасъ надѣлъ на себя костюмъ малтійскаго рыцаря и крестъ ордена. Въ Мальтѣ я познакомился съ принцемъ де-Роганъ, родственникомъ нынѣшняго подсудимаго. Я былъ убѣжденъ, что гросмейстеръ зналъ о моемъ происхожденіи. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ о шерифѣ и о Трапезунтѣ, но никогда онъ не хотѣлъ объясниться по этому предмету. Впрочемъ онъ всегда оказывалъ мнѣ величайшее уваженіе и обѣщалъ мнѣ дать быстрое повышеніе, если я соглашусь поступить въ орденъ. Но моя склонность къ путешествіямъ и къ медицинѣ заставили меня отказаться отъ этихъ предложеній. На островѣ Мальтѣ я потерялъ лучшаго моего друга, почтеннаго Атотаса. Нѣсколько минутъ до своей смерти онъ сказалъ мнѣ

руку: сынъ мой (сказалъ онъ) имѣй всегда передъ глазами боязнь гнѣва всевышняго и любовь къ ближнему; ты скоро убѣдишься въ истинѣ всего того, чему я тебя научилъ.—Пребываніе на островѣ, на которомъ я потерялъ моего втораго отца, сдѣлалось для меня невыносимымъ. Я просилъ у гросмейстера позволенія оставить его и отправиться путешествовать по Европѣ. Онъ съ сожалѣніемъ согласился на это и заставилъ меня обѣщать, что я возвращусь на островъ Мальту. Шевалье д'Аквино сопровождалъ меня во всѣхъ моихъ путешествіяхъ. Мы посѣтили Сицилію, разные острова Архипелага, потомъ прибыли въ Неаполь, родину Шевалье д'Аквино. Я отправился одинъ отсюда въ Римъ, имѣя кредитъ у банкира Беллона. Въ этой столицѣ христіанскаго міра я рѣшился хранить строгое инкогнито. Однажды утромъ, когда я былъ у себя взаперти, занимаясь изученіемъ италіянскаго языка, лакей мой объявилъ, что ко мнѣ пришелъ секретарь кардинала Орсини. Этотъ секретарь былъ посланъ кардиналомъ, который хотѣлъ видѣть меня. Кардиналъ принялъ меня очень ласково, у него я познакомился съ большою частью кардиналовъ, въ особенности съ кардиналомъ д'Іоркъ и кардиналомъ Ганганелли, впослѣдствіи папою Климентомъ XIV. Папа Реззонико, который занималъ тогда каѳедру св. Петра, пожелалъ меня видѣть, я былъ нѣсколько разъ у его святѣйшества. Мнѣ было тогда (въ 1770 г.) 21 годъ отъ роду. Случай доставилъ мнѣ знакомство съ дѣвицею благороднаго происхожденія, по имени Серафима Фелличіани. Я на ней женился и до настоящаго времени она раздѣляетъ мою участь—она въ Бастиліи. Я могу назвать тѣхъ лицъ, которыя оказывали мнѣ милость и вниманіе это — въ Испаніи герцогъ Альба, сынъ его герцогъ Вескардъ, графъ Прелата, герцогъ Медино Цели. Въ Португаліи графъ Сенъ Винценти. Въ Голландіи герцогъ брауншвейгскій. Въ Курляндіи царствующіе герцогъ и герцогиня, въ Петербургѣ князь Потемкинъ, г. Нарышкинъ; генералъ Голицинъ, генералъ казаковъ, (le général des Cosaques), генералъ Медицино; въ Польшѣ графы Ржевусскій, Платтеръ и др. Я сознаю, что не желая быть узнаннымъ, я путешествовалъ подъ разными именами. Я называлъ себя графъ Гара, графъ Фениксъ, маркизъ д'Анна. Но имя, подъ которымъ я наиболѣе извѣстенъ въ Европѣ, это имя графа Калліостро. Я прибылъ въ

Страсбургъ 17 сентября 1780 г.; встрѣтивъ въ немъ графа Ржевускаго, я остановился въ городѣ и сталъ заниматься медициною. Всѣ тѣ, которые видѣли меня въ Страсбургѣ, знаютъ каковы были мои дѣянія и мои занятія. Если меня оклеветали въ нѣкоторыхъ пасквиляхъ, то въ другихъ книгахъ напр. въ lettres sur la Suisse мнѣ отдавали справедливость. Можно допросить приходскихъ священниковъ—они скажутъ то добро, которое я оказалъ бѣднымъ. Можно спросить артиллерійскихъ солдатъ, стоявшихъ въ Страсбургѣ; они скажутъ сколькихъ изъ нихъ я вылѣчилъ. Можно спросить аптекаря, у котораго я бралъ медикаменты, онъ скажетъ сколько медикаментовъ я ему велѣлъ даромъ раздавать бѣднымъ, Можно спросить хозяевъ трактировъ, они скажутъ не увеличился ли пріѣздъ иностранцевъ въ Страсбургъ въ то время, какъ я въ немъ жилъ. Пусть начальники города, судьи, цѣлая публика скажутъ, произвелъ-ли я хоть какой-нибудь скандалъ, есть-ли въ числѣ моихъ поступковъ хоть одинъ, который былъ бы противенъ законамъ, добрымъ правамъ и религіи. Если со дня моего пріѣзда во Францію я причинилъ вредъ хоть одному человѣку, пусть онъ встанетъ и сдѣлаетъ показанія противъ меня; я не хочу гордиться и прославлять себя: я дѣлалъ добро потому, что я долженъ былъ его дѣлать. Но наконецъ какую пользу извлекъ я изъ тѣхъ услугъ, которыя я оказалъ французской націи. Сказать ли это — клевету и бастилію.»

Но пора кончить эту защитительную рѣчь Калліостро, въ который онъ самъ восхваляетъ себя и дѣлаетъ свою апологію, не лишенную впрочемъ ума и нѣкоторой оригинальности.

Вотъ показанія Калліостро по дѣлу объ ожерельѣ. — В. Знали-ли вы г-жу Ламоттъ? — *О.* Конечно, въ первый разъ какъ я ее увидѣлъ, она мнѣ сказала, что я ее видѣлъ въ костюмѣ мужчины внизу моей лѣстницы въ Страсбургѣ, и что она спрашивала у меня новостей о маркизѣ Буленвилье. — *В.* Видѣли-ли вы ее послѣ того въ домѣ кардинали де Рогапъ?—*О.* Навѣрно видѣлъ. — *В.* Она была съ одною изъ своихъ племянницъ? — *О.* Нѣтъ. — *В.* Но вы дѣлали магическую операцію надъ племянницею?—*О.* Позвольте я вамъ разскажу какъ это было. «Королева, сказалъ мнѣ однажды г. кардиналъ, находится въ глубокой грусти, потому-что ей предсказали, что она

умретъ отъ родовъ. Вы бы мнѣ доставили величайшее удовольствіе, если-бы я могъ разувѣрить ее въ этомъ и успокоить ея воображеніе. Г-жа де Валуа видитъ королеву почти каждый день, вы мнѣ сдѣлаете очень большое одолженіе, если на заданный вамъ вопросъ отвѣтите, что королева счастливо родитъ.» Я согласился исполнить просьбу кардинала тѣмъ охотнѣе, что я могъ имѣть счастливое вліяніе на здоровье королевы. Отправившись на слѣдующій день въ отель кардинала, я засталъ тамъ г-жу Ламоттъ, которая, сказавъ мнѣ много любезностей, прибавила: «я знаю въ Версали одну особу, высоко стоящую, которой было предсказано, равно и другой дамѣ, что онѣ должны умереть обѣ отъ родовъ. Одна уже умерла, и другая ждетъ съ величайшимъ безпокойствомъ минуты, когда она должна родить. Если вы можете знать истину о томъ, что будетъ, я завтра отправлюсь въ Версаль, чтобы сообщить объ этомъ особѣ, о которой я вамъ говорю, т. е. королевѣ». Я отвѣтилъ г-жѣ Ламоттъ, что всѣ предсказанія глупости—что она могла сказать этой особѣ, чтобы она поручила себя волѣ всевышняго, что первые ея роды были счастливы и что вторые роды будутъ также счастливы. Г-жа Ламоттъ не довольствовалась этимъ отвѣтомъ, она настаивала, чтобы я сказалъ ей что-нибудь болѣе положительное. Я вспомнилъ тогда объ обѣщаніи, которое я сдѣлалъ кардиналу.—Я принялъ важный видъ и очень серьезно сказалъ графинѣ: вы знаете, что у меня есть свѣдѣнія въ физикѣ, медицинѣ, и въ животномъ магнетизмѣ; мое мнѣніе то, что въ этихъ случаяхъ невинная дѣвушка можетъ быть пророчицею, и такъ если вы хотите знать истину, найдите мнѣ невинную дѣвушку.—Графиня мнѣ сказала: если вамъ нужна невинная дѣвушка, то у меня есть племянница, я вамъ приведу ее завтра. Я думалъ, что эта невинная племянница есть дѣвушка 5 или 6 лѣтъ; поэтому я былъ удивленъ и озадаченъ, увидѣвъ на слѣдующій день у кардинала дѣвушку отъ 14 до 15 лѣтъ и выше ростомъ, нежели я. Вотъ, сказала мнѣ г-жа Ламоттъ, дѣвица о которой я вамъ говорила.—Я едва не расхотался, но сказалъ дѣвицѣ Латуръ: «правда ли что вы невинная»? Она мнѣ отвѣтила утвердительно.—Станьте же за ширмы сказалъ я ей, закройте глаза и пожелайте ту вещь, которую вы хотите видѣть. Если вы невинная, то вы увидите то, что вы желаете видѣть; если

же вы не невинная, то вы ничего не увидите. Дѣвица Латуръ стала за ширмы, а я, съ кардиналомъ стояли у камина; я сказалъ дѣвушкѣ: ударьте объ землю вашею невинною ногою и скажите, не видите ли чего нибудь?—Я не вижу ничего отвѣтила мнѣ она.—И такъ милостивая государыня, значитъ вы не невинная.—Тогда дѣвица сказала мнѣ, что она начинаетъ видѣть королеву. Желая узнать, какъ она исполнитъ свою роль, я просилъ ее, чтобы она описала особу, которую она видитъ.—Она мнѣ отвѣтила, что дама беремсина, что она одѣта въ бѣлое, и она описала черты ея лица.—Спросите у этой дамы, счастливо ли она родитъ?—Она мнѣ отвѣтила, что дама опустила голову и что она родитъ счастливо.—Я вамъ приказываю, сказалъ я ей, почтительно поцѣловать руку этой дамы.—Дѣвушка поцѣловала свою руку и вышла изъ за ширмъ очень довольная, что мы убѣдились въ ея невинности. Такъ кончилась камедія, невинная сама по себѣ и похвальная по цѣли, для которой она была предпринята.—*В.* Говорятъ что вы надѣвали дѣвушкѣ крестъ на шею и ленты черныя, зеленыя и красныя и что вы заставили ее клясться на колѣняхъ?—*О.* Это неправда, я помню только, что кардиналъ прибавилъ нѣсколько лентъ къ наряду этой дѣвушки.—*В.* Клали ли вы вашу шпагу на дѣвушку?—*О.* Я знаю только, что я снялъ съ себя свою шпагу.—*В.* А присяга?—*О.* Къ присягѣ я дѣвушки не приводилъ.—*В.* Правда-ли, какъ показываетъ г-жа Ламоттъ, что послѣ того когда ушла молоденькая дѣвушка, вы вмѣстѣ съ кардиналомъ и г-жею Ламоттъ вошли съ другую компату, (въ домѣ кардинала), въ которой были кинжалъ, крестъ Св. Андрея, налой, шпаги, распятія, кресты Іерусалима и 30 зажженныхъ свѣчей? Тогда вы заставили поклясться г-жу Ламоттъ въ томъ, что она не скажетъ никому, то что она видѣла; потомъ вы сказали кардиналу: «принцъ, возьмите то, что вы знаете». Кардиналъ тотчасъ открылъ свой ящикъ и вынулъ оттуда бѣлую коробку, наполненную брилліантами безъ оправы; потомъ вы прибавили: «обратите вниманіе принцъ, что есть другая коробка». Тогда принцъ сказалъ г-жѣ Ламоттъ: «я вамъ даю 6000 франковъ, а эти брилліанты вы ихъ отдадите своему мужу и скажете ему, чтобы онъ отправился въ Лондонъ и продалъ ихъ».—*О.* Это неправда, неправда, неправда, у меня есть доказательства противнаго. — *В.* Какія же эти доказательства? —

О. Во первыхъ всякій разъ, какъ дѣлались опыты магнетизма, г. Карбоньеръ, лакей кардинала, приготовлялъ комнаты; послѣ церемоніи надъ дѣвушкою въ комнату вошелъ еще одинъ придворный. Въ комнатѣ не было ни кинжаловъ, ни палоя, вся прислуга кардинала можетъ показать, что этотъ разсказъ чистая выдумка.—*В.* Кардиналъ никогда не давалъ вамъ брилліантовъ?—*О.* Я знаю только одно: когда я былъ въ Страсбургѣ у меня былъ надъ тростью набалдашникъ, заключающій въ себѣ часы съ репетиціею, покрытыя брилліантами. Я подарилъ эту вещь кардиналу. Въ замѣнъ этого, онъ захотѣлъ подарить мнѣ другія драгоцѣнности; онъ мнѣ подарилъ оправу къ моему портрету изъ брилліантовъ, и часы съ маленькою цѣпочкою изъ брилліантовъ. Остальные мои брилліанты извѣстны при всѣхъ дворахъ, гдѣ я только бывалъ.—*В.* Но вы ведете роскошную жизнь, откуда вы берете денегъ?—*О.* Этотъ вопросъ не имѣетъ никакого отношенія къ факту о кражѣ брилліантовъ: зачѣмъ вамъ знать, сынъ ли я бѣдняка или монарха, не все ли вамъ равно, какъ я достаю себѣ денегъ; если только я уважаю религію и закопы, если я плачу всѣмъ, если я дѣлаю только добро. Про меня разказывали много басенъ: что мнѣ 1400 лѣтъ отъ роду, что я вѣчный жидъ, антихристъ. Впрочемъ вамъ я долженъ сказать, откуда я беру деньги; когда я пріѣзжаю въ какую либо страну, у меня есть банкиръ, который даетъ мнѣ все, что мнѣ нужно, и которому я уплачиваю впослѣдствіи. Напр. во Франціи у меня такой банкиръ Сарразенъ де Баль, который далъ бы все свое состояніе, если бы я этаго хотѣлъ, другой банкиръ въ Лионѣ по имени г. Санкостаръ. Но я всегда просилъ ихъ не говорить, что они мои банкиры.

Г. Тарге, адвокатъ кардинала де Рогана, сказалъ слѣдующую защитительную рѣчь: «изъ всѣхъ обмановъ г-жи Ламоттъ самый важный есть въ тоже время и самый нелѣпый: дѣло идетъ о брилліантахъ, отправленныхъ для продажи въ Англію; эти брилліанты, по ея словамъ, переданы были ей кардиналамъ въ присутствіи г. Кагліостро послѣ магической сцены; эту сцену она украсила всѣми атрибутами, которые только можетъ выдумать разстроенное воображеніе; она помѣстила въ свой разсказъ все, что только народное легковѣріе выдумало смѣшнаго и достойнаго презрѣнія. Каждое слово ея показаній нарушаетъ

истину и здравый смысылъ. Она вытавляетъ себя подвергнутою суевѣрію; она *клялась* говоритъ она, потому-что пророкъ велѣлъ ей *клясться*, и потому что она *она поклялась* мужъ ея уѣхалъ въ Англію продавать краденые брилліанты; онъ привезъ оттуда оправленныхъ брилліантовъ на 60,000 франковъ, которые и отдалъ кардиналу, онъ оставилъ брилліантовъ, говоритъ она, на 60,000 франковъ въ Англіи, ея мужъ получилъ 122,000 франковъ отъ г. Перрего, но это банкиръ кардинала и деньги перешли въ руки послѣдняго. На это мы скажемъ: что во всѣхъ этихъ фактахъ нѣтъ ни одного, который бы не былъ противенъ истинѣ. Г. Перрего, одинъ изъ выслушанныхъ свидѣтелей, никогда не имѣлъ сношеній ни прямыхъ, ни косвеныхъ съ кардиналомъ де Роганъ и никогда не былъ его банкиромъ. Басня г-жи Ламоттъ подтверждена лишь показаніемъ, весьма впрочемъ подозрительнымъ, дѣвицы Латуръ, племянницы ея мужа, которая играла роль въ описанной выше сценѣ, но на очныхъ ставкахъ эта молодая дѣвушка отказалась отъ всѣхъ своихъ показаній, и объявила, что она дала ихъ по наущенію ея тетки, такъ-что г-жа Ламоттъ сама запуталась въ выдуманныхъ ею баснях и остается изобличенною во лжи.—Будемъ говорить теперь о г-нѣ Ламоттъ. Сдѣлано было распоряженіе объ арестованіи его, но онъ бѣжалъ нѣсколько дней послѣ арестованія его жены и уѣхалъ въ Англію въ сопровожденіи своего лакея Лезю, онъ взялъ у ювелира брилліанты, оставленные ему на храненіе во время его перваго путешествія. Бѣгства конечно не достаточно, чтобы совершенно утвердить обвиненіе, направленное противъ него и противъ его супруги, но показанія, сдѣланныя въ Лондонѣ аббатомъ Макдермоттъ и ювелирами гг. Грей и Жеффрисъ, указываютъ на ту бѣдность, въ которой онъ сначала находился, на афектацію, съ которою онъ говорилъ объ интимности его жены съ королевою, на значительные расходы, которые онъ началъ дѣлать впослѣдствіи и на тождественность брилліантовъ (которые онъ продалъ или велѣлъ оправить) съ тѣми, которые составляли знаменитое ожерелье.—*Макдермоттъ* объявилъ, что г. де Ламоттъ сказалъ ему на его вопросъ о происхожденіи тѣхъ богатствъ, которыя онъ видѣлъ въ его рукахъ: «*королева* осыпаетъ мою жену милостями и подарками, часто она даетъ ей отъ себя порученія и приказанія даже къ г. кардина-

лу де Роганъ. Недавно королева дала ей пару серегъ, которыя ей не понравились и которыхъ она сама не хотѣла носить.» Онъ прибавилъ, что 9 іюля 1785 г. г. Ламоттъ писалъ ему, прося взять у г. Грея тотчасъ же брилліанты, которые онъ у него оставилъ, все равно оправлены они или нѣтъ и переслать ему эти брилліанты въ Баръ-сюръ-объ.—*Г. Грей* объявилъ что г. Ламоттъ нѣсколько разъ показывалъ ему разные брилліанты огромной стоимости, происходящіе, по его словамъ, отъ наслѣдства его матери, которая только-что умерла, что онъ купилъ у него этихъ брилліантовъ болѣе нежели на 100,000 фунтовъ стерлинговъ (600,000 фр.) и что эти камни были такъ похожи по вѣсу и по виду на брилліанты ожерелья (которое было ему извѣстно по рисунку, сообщенному ему г. Бартелеми, французскимъ посланникомъ), что онъ нисколько не сомнѣвается нынѣ, что они были похищены изъ этаго ожерелья. Онъ прибавилъ также, что всѣ эти брилліанты были безъ оправы, когда г. Ламоттъ вручилъ ихъ ему и что они были столь *повреждены*, что можно было думать, что ихъ вырвали изъ оправы посредствомъ ножика или подобнаго орудія.—Наконецъ *г. Жеферисъ* удостовѣрилъ, что брилліанты, которые были ему показаны 23 апрѣля 1785 г. г-номъ Ламоттъ, состояли изъ крупныхъ камней, которые по его мнѣнію образовали *фестоны ожерелья*, на сколько это ожерелье было ему извѣстно по рисунку, что нѣсколько дней спустя послѣ перваго пріѣзда г-на Ламоттъ, подозрѣвая, что брилліанты, представляющіе такую огромную цѣнность, не могли быть пріобрѣтены имъ честнымъ образомъ, онъ отправился въ публичное бюро въ Бонтъ-Стритъ узнать, не получено ли изъ Парижа извѣстія о какой нибудь кражѣ: г. Ламоттъ говорилъ ему, что эти брилліанты принадлежатъ его женѣ.

«Надо сознаться, что показанія этихъ трехъ свидѣтелей рѣшительно доказываютъ виновность г-жи Ламоттъ. Но доказательность ихъ еще болѣе увеличивается, если сообразить тѣ ложныя показанія, которыя дала г-жа Ламоттъ во время производства слѣдствія. Сначала она говорила, что вовсе не было сцены въ садахъ Версаля, но арестованіе дѣвицы д'Олива принудило ее сознаться въ этомъ. Она отрицала также подложныя письма и подложныя надписи на документѣ по поводу ожерелья, но

показанія г. Рето-де-Вильетъ уличили ее въ обманѣ. Напротивъ было доказано, что она достала мужу карету и нужныя деньги для того, чтобы оставить Францію. Она говорила, что 35,000 франковъ, которые она заняла подъ залогъ своихъ бриллiантовъ именно въ ту эпоху, когда она вручила 30,000 франковъ кардиналу де Роганъ, чтобы заплатить процепты, слѣдующіе ювелирамъ — были назначены для оказанія помощи одной изъ ея подругъ, но эта дама объявила, что она г-жи Ламоттъ вовсе не знаетъ. Она доказывала, что брилліанты ожерелья были ей отданы послѣ магической сцены для того, чтобы мужъ ея отправился продавать ихъ въ Англію, но все что она разсказывала по этому предмету, сначала подтвержденное дѣвицею Латуръ, ея племянницею, потомъ было отрицаемо тою же молодою дѣвушкою. Она говорила, что г-нъ Перрего, который заплатилъ ея мужу по заемному письму сумму въ 122,000 франковъ, былъ банкиромъ кардинала—и г. Перрего показываетъ, что это неправда. Какъ кажется мы достаточно убѣдились въ томъ, что кардиналъ *не* принималъ участія въ этой интригѣ.—Но кардиналу остается еще опровергнуть два обвиненія, взведенныя на него г.г. Сенъ-Жамомъ и Бассанжомъ будто онъ говорилъ, что видѣлъ въ рукахъ королевы 700,000 франковъ, обѣщанные ювелиръ и будто онъ утверждалъ, что онъ *непосредственно* условливался объ этомъ съ королевою. Вѣроятно г. Сенъ-Жаму, только показалось, что онъ слышитъ отъ кардинала эти слова. Тутъ кроется взаимное недоумѣніе. Какой интересъ могъ имѣть кардиналъ въ эту эпоху говорить такъ, какъ показываетъ свидѣтель. Несомнѣнно, что г. Сенъ-Жамъ, вслѣдствіе разговоровъ о томъ съ кардиналомъ, имѣлъ мысль дать взаймы деньги, нужныя королевѣ для того, чтобы заплатить ювелирамъ, но это лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы сама королева сказала ему объ этомъ. Кардиналъ одобрилъ этотъ планъ и условіе, такъ онъ былъ увѣренъ, что обязательства, принятыя отъ имени королевы, дѣйствительны. Но онъ не просилъ г. Сенъ-Жама предложить эти деньги Еще разъ, что за интересъ могъ имѣть кардиналъ говорить эти слова? Только г. Сенъ-Жамъ показываетъ о фактѣ столь необъяснимомъ, а вѣдь признано, что показаніе одпаго свидѣтеля не значитъ ничего. Но потомъ г. Сенъ-Жамъ въ показаніяхъ своихъ прибавилъ, что онъ велъ съ

кардиналомъ разговоръ вовсе не серьезный, на узкой террасѣ, гдѣ было много публики и что они шептались изъ опасенія, чтобы ихъ кто нибудь не услышалъ. Между-тѣмъ при такихъ обстоятельствахъ принять одни слова за другія, т. е. «я видѣлъ въ рукахъ королевы сумму 700,000 франковъ» или «я видѣлъ написаннымъ рукою королевы, что у ней есть 700,000 франковъ» весьма легко. Значеніе свидѣтелей должно быть соразмѣряемо существу тѣхъ фактовъ, о которыхъ они показываютъ; есть такіе факты, въ которыхъ нѣтъ возможности ошибаться, но есть и другіе, которые могутъ подлежать безчисленнымъ измѣненіямъ и толкованіямъ. Къ такимъ фактамъ относятся въ особенности *слова*; слова обыкновенно запоминаютъ только въ томъ смыслѣ, который соединяютъ съ ними при слушаніи ихъ, а кардиналъ долженъ сознаться, что онъ говорилъ очень утвердительно о 700,000 франковъ, потому-что онъ нисколько не сомнѣвался, во первыхъ въ ихъ существованіи, во вторыхъ въ опредѣленной цѣли этой суммы, назначенной для произведенія платежа ювелирамъ, такъ-какъ его заблужденіе въ то время было въ полной силѣ. Что же касается *показаній г. Бассанжа*, то въ нихъ также есть очевидное заблужденіе. Бассанжъ, мучимый безпокойствомъ, явился 4 августа къ кардиналу; онъ увидѣлъ его покойнымъ, такъ-какъ его заблужденіе существовало еще во всей силѣ, «*Вашъ посредникъ, сказалъ онъ ему, не обманываетъ ли насъ обоихъ*»? Кардиналъ, подумавши нѣсколько минутъ, сталъ его успокоивать; г. Бассанжъ прибавляетъ въ своихъ показаніяхъ, что кардиналъ спросилъ у него: «развѣ вы были-бы спокойнѣе, если бы я былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ королевою? потомъ прибавилъ: «такъ знайте же что я непосредственно говорилъ съ нею». Эти показанія истекаютъ изъ заблужденія свидѣтеля. Невозможно, чтобы такое объясненіе дано было г. Бассанжу. Никто не зналъ лучше его о способѣ, которымъ повелѣнія (предполагаемыя) королевы были переданы кардиналу. Та, которой ювелиры показывали ожерелье въ декабрѣ, та которая увѣдомила ихъ 4 января, что королева хотѣла купить ожерелье и что важный сановникъ будетъ имѣть порученіе условиться съ ними о цѣнѣ, та которая приходила 24 января въ 7 часовъ утра предупредить ихъ, что онъ вскорѣ явится и что надо съ нимъ принять предосторожность, та которую они благодарили

4 февраля—вотъ кто въ ихъ глазахъ былъ виновникъ всего этаго дѣла, вотъ *посредника*, черезъ котораго они знали, что образовалось сообщеніе кардинала съ королевою. Такимъ образомъ можно замѣтить, что при свиданіи 4 августа первое слово г. Бассанжа было слѣдующее: «*вашъ посредникъ* не обманываетъ ли насъ обоихъ»? Зная совершенно, что кардиналъ велъ дѣло лишь черезъ посредника, онъ самъ говоритъ это, такимъ образомъ не могло и придти въ голову кардиналу увѣрять его, что онъ непосредственно находился въ сношеніяхъ съ королевою.

«Но если прибавить къ этому, что ювелиры подали прошеніе королю 12 августа, только 8 дней спустя послѣ свиданія съ кардиналомъ, и что они ничего не упомянули объ этомъ обстоятельствѣ, что затѣмъ 23 августа они подали министру короля новое прошеніе, въ которомъ говорили даже о свиданіи 3 августа (когда г-жа Ламоттъ объявила имъ, что подпись была подложная и посовѣтовала имъ обратиться къ кардиналу), но что и въ этомъ прошеніи они также не говорили ни слова о свиданіи съ кардиналомъ. Если принять во вниманіе, что при первомъ допросѣ г. Бассанжъ не сказалъ ни слова объ этомъ фактѣ, мы спросимъ его, какимъ образомъ могъ онъ вспомнить слова, имъ столь долго забытыя и имѣющія такое существенное вліяніе на дѣло? Пусть намъ не говорятъ, что молчаніе Бассанжа въ столь многихъ случаяхъ имѣло цѣлью секретъ, сохранить который, по его словамъ, онъ обѣщалъ кардиналу. Онъ вспомнилъ про этотъ секретъ въ одно время съ словами, сказанными будто бы кардиналомъ, но одно не болѣе достойно вѣроятія, нежели другое.—Кто повѣритъ, что ювелиры могли въ дѣлѣ такой важности считать себя освобожденными отъ обязанности сказать всю истину королю и правосудію. Намъ не нужно даже, чтобы уничтожить эту часть показаній г. Бассанжа, замѣтить, что ни одинъ фактъ не доказанъ въ судѣ, если объ немъ нѣтъ показанія двухъ свидѣтелей и что такъ-какъ одинъ г. Бассанжъ показываетъ объ этомъ фактѣ—то достаточно одного отрицанія онаго кардиналомъ, чтобы уничтожить показаніе. Но зачѣмъ останавливаться такъ долго на предметѣ, послѣдствія котораго не могутъ вліять на разрѣшеніе процесса. Даже если бы случилось (чего не было) что въ нѣкоторыхъ разговорахъ г.

кардиналъ,—помня слова, сказанныя ему (по его мнѣнію) въ саду королевою и считая ихъ обезпеченіемъ и гарантіею тѣхъ приказаній, которыя передавала ему г-жа Ламоттъ, считая письма которыя она ему показывала за прямое выраженіе воли королевы,—и сказалъ, что онъ непосредственно сносился съ королевою, что же изъ этого? Это были бы только необдуманныя слова, вырвавшіяся изъ души, наполненной безпокойствами.

«Впрочемъ необходимо выяснить себѣ мысль: 1) что г-жа Ламоттъ совершенно уличена въ томъ, что выдумывала приказанія королевы, приготовляла фальшивыя письма и воспользовалась денежными выгодами мошенничества; 2) что заблужденіе, добросовѣстность и прямодушіе кардинала доказаны самымъ неопровержимымъ образомъ; затѣмъ невозможно, чтобы слова будто бы сказанныя кардиналомъ, когда онъ, столь жестоко обманутый, долженъ былъ содрогаться, видя приближеніе разъясненій — могли измѣнить и уничтожить добросовѣстность его при заключеніи договора о покупкѣ ожерелья, чтобы то что существуетъ—перестало существовать, чтобы преступленія подлога и кражи сдѣлались невинностью, чтобы заблужденіе и добросовѣстность сдѣлались преступленіемъ.

«Но лучшимъ доказательствомъ невинности кардинала служитъ слѣдующее обстоятельство: онъ выдалъ ювелирамъ копію съ документа о продажѣ ожерелья: онъ *сохранилъ у себя оригиналъ* со всѣмъ уваженіемъ, коего заслуживалъ документъ, который онъ считалъ происходящимъ отъ королевы; онъ завернулъ его въ бѣлую бумагу и сдѣлалъ на оберткѣ слѣдующую надпись своею рукою: «въ случаѣ моей смерти этотъ пакетъ долженъ быть переданъ гг. Бёмеру и Бассанжу». Кардиналъ самъ указалъ на этотъ документъ королю 15 августа, какъ на оправдываніе своего поведенія въ этомъ дѣлѣ; онъ передалъ документъ министру для отдачи его королю.—Документъ существуетъ потому, что кардиналъ считалъ его дѣйствительнымъ и не подложнымъ; документъ былъ бы уничтоженъ, если бы онъ былъ фальшивый. Простодушіе кардинала видно такимъ образомъ въ самомъ документѣ, который могъ-бы доказать его преступленіе; этотъ документъ находится подъ дѣломъ, онъ говоритъ въ пользу кардинала, отъ котораго зависѣло не пріобщить его къ дѣлу.»

Здѣсь намъ слѣдуетъ, для ясности изложенія, прервать рѣчь г. Тарге и разсказать о новомъ эпизодѣ, возникшемъ во время производства дѣла. Нѣкто по имени Бетъ Этьенвиль, лекарскій сынъ, посаженный въ тюрьму за кражу, объявилъ, что онъ знаетъ нѣкоторые факты по дѣлу объ ожерельѣ. Вотъ *его показанія*: «онъ иногда ходилъ въ кафе Валуа, въ Пале Рояли, и познакомился тамъ съ г. Ожаръ. Ожаръ поручилъ ему найти дворянина, который согласился-бы жениться на женщинѣ, имѣющей 25,000 франковъ дохода и пользующейся покровительствомъ важнаго государственнаго сановника. Этьеневиль началъ искать. Дворянинъ былъ найденъ, это былъ баронъ Фажъ; Этьенвиль захотѣлъ узнать имя сановника и дамы; ему назвали кардинала де Рогана и г-жу Мела де Курвиль. Ожаръ отвезъ къ послѣдней Этьенвиля въ наемной каретѣ почью: они остановились передъ воротами довольно низкими, вышли изъ кареты и проникли въ квартиру, въ которой Этьенвиль увидѣлъ красивую женщину. Она подтвердила ему все, что говорилъ ему Ожаръ, который выдавалъ себя за ея прикащика. Первое посѣщеніе было 4 апрѣля. Этьенвиль пріѣхалъ къ ней тѣмъ же способомъ и на слѣдующій день, и во время втораго свиданія г-жа Курвиль пригласила его ужинать съ нею наединѣ. Онъ ужиналъ. До 14 августа его привозили и отвозили съ такою же таинственностью въ закрытой каретѣ; свадьба, о которой условлено было 4 апрѣля, отложена до 12 по разнымъ предлогамъ; ее откладывали сначала до 15 іюля, потомъ до 12 августа; у г-жи Курвиль было *много бриллiантовъ*, происходившихъ, говорила она, отъ ожерелья (une rivière), которое подарилъ ей кардиналъ. Она ихъ показывала Этьенвилю при его второмъ посѣщеніи, она даже предлагала ему отправиться продавать ихъ въ Голландію, но онъ отказался. Въ теченіи апрѣля мѣсяца кардиналъ де Рогань показался два раза въ томъ же домѣ Этьенвилю и объяснилъ ему свои намѣренія относительно свадьбы г-жи Курвиль. Часто также въ этомъ домѣ бывалъ человѣкъ, который по видимому пользовался большимъ уваженіемъ и котораго звали, то г. Марсили, то г. совѣтникомъ. Между-тѣмъ баронъ Фажъ огорчался, видя откладыванія его свадьбы. У него были долги и онъ просилъ денежнаго вспомоществованія, въ которомъ г-жа Курвиль ему отказывала. Но во время втораго посѣщенія кардиналъ де Рогань рѣшился успокоить барона

де Фажъ. Г-жа Курвиль подписала документъ о томъ, что она заплатитъ 30,000 франковъ неустойки, если свадьба не состоится. Этотъ документъ вручили Этьенвилю, запечатанный пятью печатями, а онъ отдалъ его на храненіе аббату Мюлло. Г-жа Курвиль имѣла помѣстье, въ которое и отправилась провести шесть недѣль съ конца мая до начала іюля. Она пригласила Этьенвиля посѣщать ее. Его привезъ туда Ожаръ и опять ночью. Этьенвиль, по его показанію, не знаетъ даже мѣстоположенія этого помѣстья, онъ замѣтилъ только, что путешествіе продолжалось отъ 3 до 4 часовъ. Паркъ выходилъ на рѣку, онъ не знаетъ Сена ли это или Марна. Было много гостей, но никого не звали по имени. Этьенвиль не узналъ никого изъ обитателей этого дома, всякаго называли слѣдующими именами: президентъ, совѣтникъ, маркизъ или графъ.—Возвратившись въ Парижъ, г-жа Курвиль не приготовлялась къ вступленію въ бракъ, назначенный совершиться 15 іюля. Она просила новой отсрочки. Кардиналъ-де-Рогань, по ея словамъ долженъ былъ имѣть время собрать 500,000 франковъ, которые онъ назначилъ ей въ приданное. Онъ объявилъ это самъ 18 іюля Этьенвилю, и заключеніе брака назначено окончательно 12 августа; баронъ Фажъ, который въ ожиданіи этого брака сдѣлалъ долги, былъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Этьенвиль поручился за него разъ или два передъ его поставщиками. Онъ встрѣтилъ 7 августа Ожара и засталъ его въ страшномъ безпокойствѣ.—Вечеромъ онъ отправился къ г-жѣ Курвиль, которая стала говорить о препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ къ совершенію брака. Онъ увидѣлъ ее потомъ 9-го 10 и 11 августа погруженною въ тѣже опасенія, причину которыхъ она скрывала. 13-го она потребовала, чтобы Этьенвиль возвратилъ ей договоръ о неустойкѣ—онъ отдалъ ей его, она его разорвала, но обѣщала заплатить всю сумму неустойки. Такимъ образомъ свадьба была разстроена; г-жа Курвиль объявила, что для нея больше нѣтъ безопасности во Франціи, что она должна ее покинуть; она просила, чтобы Этьенвиль ее сопровождалъ до первой морской пристани, гдѣ она и отдастъ ему 30,000 франковъ. Этьенвиль сначала не согласился на это, но потомъ уступилъ ея просьбамъ. Онъ сѣлъ въ дилижансъ и поѣхалъ въ городъ Сентъ-Омеръ 14-го августа въ 11 часовъ вечера подъ именемъ Ванинъ, она же поѣхала

въ наемной каретѣ. 16 августа въ 8 часовъ утра онъ пріѣхалъ въ Аррасъ; г-жа Курвиль уже ждала его у конторы дилижансовъ. Объявивъ ему, что наканунѣ кардиналъ де-Роганъ былъ арестованъ въ Версали, и что брилліанты, которые она ему показывала, происходили изъ ожерелья, она умоляла его: не покидать ее въ ея бѣгствѣ. Онъ на это согласился. Онъ сѣлъ вновь въ дилижансъ, она въ свою карету, но вдругъ карета повернула назадъ и увезла ее въ Парижъ. Съ этой минуты онъ, Этьенвиль, *не видѣлъ болѣе г-жи Курвиль*, она скрылась для него и для всѣхъ; 13 августа Ожаръ тоже исчезъ, неизвѣстно куда. Тогда онъ, Этьенвиль, рѣшился скрываться и для этого отправился въ Дюнкерхенъ. Баронъ Фажъ и Виконтъ де-Прекуръ, пріятель послѣдняго, увѣдомленные о его бѣгствѣ, погнались за нимъ, догнали его и наконецъ отпустили, избивъ его. Поставщики барона Фажа сначала дали ему отсрочку для платежа долговъ на 4 года, но потомъ подали жалобу, доказывая мошенничество со стороны барона де-Фажа, и другихъ лицъ, въ особенности-же Этьенвиля. Этьенвиль былъ посаженъ въ тюрьму, въ которой онъ вызвался показывать какъ свидѣтель противъ кардинала де-Рогана. Всѣ изложенныя показанія онъ дѣлалъ 12 января.

Но возвратимся къ *защитительной рѣчи Тарге:* «какое ужасное соединеніе нелѣпостей, глупостей и противорѣчій, (продолжаетъ онъ), замѣчается въ исторіи Этьенвиля: человѣкъ, почти незнакомый, поручаетъ Этьенвилю устроить свадьбу; происходятъ ночныя посѣщенія въ наемной каретѣ въ теченіи $4\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, заключенъ договоръ, что супруги не будутъ видѣть другъ друга до заключенія брака, благородная дама (une chanoinesse) приглашаетъ ужинать съ собою наединѣ Этьенвиля, то-есть сводника, котораго она только въ первый разъ видѣла наканунѣ, дѣйствующія лица Марсильи, Ожаръ и г-жа Курвиль, которыхъ нельзя отыскать и которые исчезли какъ дымъ, Этьенвиль возвращаетъ обязательство лицу выдавшему его, происходитъ поѣздка въ деревню, предложенная фантастической дамою этому своднику, съ приглашеніемъ провести нѣсколько дней въ ея помѣстьѣ.—Обратимъ сіе вниманіе: на нелѣпое незнаніе со стороны Этьенвиля ни названія помѣстья, ни имени рѣки очень широкой, которая есть или Сена или Марна,

ни имени лицъ, составлявшихъ общество, и которыя называютъ другъ друга титулами или названіемъ мѣстъ; на бѣгство Этьенвиля въ дилижансѣ подъ вымышленнымъ именемъ тогда, какъ г-жа Курвиль ѣдетъ въ каретѣ; на необыкновенную быстроту съ которою фактъ, узнанный въ Парижѣ лишь 15-го въ два часа, былъ узнанъ и разсказанъ на слѣдующій день 16-го въ Аррасѣ! Кто перенесъ насъ въ этотъ химерическій міръ! Исторія Этьенвиля отъ начала до конца похожа на горячечный бредъ больнаго.

«Прибавимъ, что по словамъ Этьенвиля г-жа Курвиль сказала ему въ Аррасѣ 16 августа въ 8 часовъ утра не только о томъ, что кардиналъ де-Роганъ былъ арестованъ, но и то что его отвезли въ Бастилію, хотя кардиналъ посаженъ былъ въ Бастилію лишь въ ночь съ 16 на 17. Кромѣ того по словамъ Этьенвиля онъ написалъ 14-го барону Фажъ прежде, нежели сѣлъ въ дилижансъ, что свадьба разстроена и что онъ рѣшился бѣжать, но это письмо, говоритъ онъ, не было получено—между тѣмъ все было наоборотъ потому, что съ одной стороны письмо его дошло, съ другой несомнѣнно обнаружено, что Этьенвиль, обратившись въ бѣгство, въ написанномъ имъ письмѣ утверждалъ, что свадьба состоится, и что онъ собирается отправиться въ Винель около Шантильи въ ночь съ 15 на 16-е и отвезти тотчасъ же барона де-Фажъ въ Парижъ, для того чтобы въ Парижъ произведенъ былъ свадебный обрядъ. Скажемъ наконецъ, что всѣ письма, которыя вручалъ баронъ Фажъ Этьенвилю для передачи своей воображаемой невѣстѣ, ему незнакомой, и которыя Этьенвиль по его словамъ вручалъ ей, найдены были въ оригиналахъ между бумагами его въ Дюкерхенѣ. Такимъ образомъ вездѣ видны ложь и нелѣпость. Здѣсь слѣдуетъ опредѣлить то мѣсто, въ которомъ Этьенвиль, какъ онъ показываетъ, встрѣтилъ своего Ожара, своего Марсильи и г-жу Курвиль, которые исчезли всѣ какъ ночной сонъ, то мѣсто, въ которомъ, по его словамъ, онъ видѣлъ брилліанты, происходящіе отъ ожерелья, подаренаго кардиналомъ де-Роганъ, мѣсто въ которомъ онъ осмѣливается говорить, что видѣлъ самаго кардинала. Это было въ *домѣ г-жи Ламотть*, въ улицѣ Невъ-Сенъ-Жиль, № 13, это въ квартирѣ г-жи Ламоттъ—брилліанты онъ видѣлъ у ней 5 апрѣля. Это не удивительно, извѣстно уже, что у ней были брилліанты

11 или 12 этого мѣсяца; г-нъ Ламмотъ увезъ ихъ въ огромномъ количествѣ въ Англію. Намъ представляются сцены, сыгранныя заранѣе условленными лицами. Но это нисколько не удивительно; извѣстно, что это занятіе для г-жи Ламоттъ не ново. Есть ли что-нибудь общаго между приключеніями г-жи Курвиль и этою фразою показаній г-жи Ламмотъ: «*мужъ мой* отправился (въ Баръ-Сюръ-Объ—), я осталась въ Парижѣ для свадьбы дѣвицы Валуа, моей сестры, *о чемъ тогда или переговоры*». Мы этого не знаемъ. Роли были-ли розданы и дѣйствительно сыграны или цѣлая исторія Этьенвиля есть лишь басня, чтобы распространить въ обществѣ мысль о бракѣ, который хотѣлъ устроить кардиналъ де-Роганъ въ 1785 г. и при которомъ онъ часть приданаго отдалъ брилліантами, для насъ это все равно. Насъ могутъ спросить: зачѣмъ Этьенвиль оказывалъ г-жѣ Ламоттъ дурную услугу, сказавъ, что сцена происходила въ ея квартирѣ? Это потому, что ему не оставалось уже другаго выбора, потому-что преслѣдуемый правосудіемъ Этьенвиль прежде всего подумалъ о себѣ и не могъ помѣстить сцену въ другомъ мѣстѣ, не рискуя быть уличеннымъ тотчасъ же; г-жа Ламоттъ съ своей стороны должна была увидѣть опасность признанія Этьенвиля, и сознанія что онъ приходилъ къ *ней* и что онъ могъ видѣть у ней кардинала Интересы сообщниковъ должны были *раздѣлиться* въ ту минуту, когда при слѣдствіи они были поставлены лицемъ къ лицу одинъ противъ другаго. Это раздѣленіе *ихъ должно было облегчить открытіе истины. Очная ставка* ихъ очень важна, и то что на ней говорилось подтверждаетъ истину вышеизложенныхъ соображеній. Этьенвиль призналъ въ г-жѣ *Ламоттъ пріятельницу г-жи Курвиль, которую онъ однажды* видѣлъ у этой дамы, т. е. у самой г-жи Ламоттъ. Но послѣдняя объявила, что она вовсе не знаетъ Этьенвиля; слѣдствіемъ несомнѣнно обнаружило, что въ домѣ г-жи Ламоттъ никогда не было никого, кто-бы назывался де-Курвиль или Ожаръ, въ немъ не былъ и г. Марсильи; какимъ-же образомъ могъ Этьенвиль ужинать въ немъ и оставаться до двухъ часовъ ночи съ г-жею Курвиль, которая въ немъ не жила? Онъ показываетъ еще, что 9, 10 и 11 августа онъ какъ и обыкновенно вошелъ въ эту квартиру, которая была квартирою г-жи Ламоттъ. Но и это невозможно. Г-жа Ламоттъ уѣхала 6 августа, ея квартира была за-

перта, ключъ былъ въ рукахъ ея повѣреннаго; итакъ ложь совершенно доказана.

«И человѣкъ, расточающій столь наглыя лжи, осмѣливается говорить, что онъ видѣлъ кардинала де-Роганъ два раза въ апрѣлѣ, разъ въ іюлѣ у г-жи Курвиль, т. е. въ улицѣ Невъ-Сенъ-Жиль № 13, гдѣ эта дама никогда не жила! Можно-ли слушать этого обличеннаго лжеца, и не достаточно-ли того презрѣнія, которое должны внушать его нелѣпыя выдумки? Я сдѣлалъ бы подобному свидѣтелю незаслуженную честь, если-бы сослался на правило «testis unus, testis nullus. Противъ человѣка уличеннаго, какъ мы уже видѣли, во лжи надо употреблять другое орудіе. Доведенный до нищеты, живя разными мошенничествами, находясь подъ преслѣдованіемъ уголовнаго суда—Этьенвиль можетъ давать показанія лишь подозрительныя и отвергаемыя закономъ. Съ одной стороны онъ одинъ, вся его басня утверждается лишь его собственными показаніями, которыя и уничтожаются по мѣрѣ того какъ появляются; съ другой стороны онъ не долженъ внушать никакого довѣрія и, пусть обратятъ на это вниманіе, онъ уговорилъ нѣкоторыхъ поставщиковъ дать товары барону де-Фажъ, увѣривъ ихъ, что послѣдній вступаетъ въ выгодный бракъ. Онъ говорилъ имъ о г-жѣ Курвиль и кардиналѣ де-Роганъ; такимъ образомъ онъ не можетъ въ настоящее время отказаться отъ своихъ словъ, не погубивъ себя. То обстоятельство, что онъ видѣлъ кардинала де-Роганъ, что онъ слышалъ отъ него тѣ увѣренія, которыя онъ передавалъ другимъ, это его защита противъ обвиненія. *Тѣ факты, которые онъ употребляетъ въ свою защиту и о которыхъ онъ осмѣливается показывать какъ свидѣтель—это одни и тѣ же факты.* Такимъ образомъ, если его нелѣпыя бредни не могутъ имѣть никакого вліянія на его оправданіе, то какъ могутъ онѣ имѣть вліяніе на процессъ кардинала де-Рогана? Это рѣшительно невозможно.

«Кромѣ того онъ лжетъ, показывая, что г-жа Курвиль жила въ улицѣ Невъ-Сенъ-Жиль № 13, помѣщая въ этой квартирѣ Ожара и Марсильи. Онъ лжетъ о содержаніи письма, написаннаго имъ барону де-Фажъ 14-го августа, онъ лжетъ объявляя, что онъ входилъ 9, 10 и 11 августа въ квартиру г-жи Курвиль, т. е. въ квартиру г-жи Ламоттъ, потому-что эта квартира была

заперта на ключъ. Онъ лжетъ и о многихъ другихъ фактахъ; романъ его противенъ логикѣ и здравому смыслу. Слѣдовательно онъ лжетъ и увѣряя, что онъ три раза видѣлъ кардинала де Рогань у г-жи Курвиль, потому-что послѣдняя есть или существо воображаемое или лице подставное, которое играло роль въ домѣ г-жи Ламоттъ. Съ другой стороны г-жа Ламоттъ отрицаетъ, чтобы она видѣла Этьенвиля у себя; она воспользовалась ложью Этьенвиля лишь для того, чтобы доказывать, будто-бы она видѣла у г-жи Курвиль брилліанты, полученные ею на святой недѣли отъ кардинала, въ Версали. Но потомъ она объявила на очныхъ ставкахъ, что она не знаетъ ничего о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя излагаетъ Этьенвиль, что существованіе г-жи Курвиль и ея особа для нея совершенно неизвѣстны, что она ея никогда не видала и не встрѣчала, и что если она во время производства слѣдствія показывала противное, то это потому, что она считала полезнымъ для себя поддержать нѣкоторое время басню Этьенвиля. Она прибавляетъ, что она узнала объ этой баснѣ лишь вслѣдствіе письма, писаннаго ея адвокату самимъ Этьенвилемъ, который предлагалъ *уступить свой романъ за 6000 франковъ*, съ тѣмъ, чтобы ему дозволили убѣжать въ Италію. Но этотъ романъ, который столь мало значитъ, когда Этьенвиль на лицо, что могъ-бы онъ значить, если-бы онъ убѣжалъ. Или письмо дѣйствительно—и тогда Этьенвиль есть мошенникъ, самъ себя уличившій, или оно подложно и въ такомъ случаѣ г-жа Ламоттъ очевидно дѣйствовала заодно съ нимъ. Итакъ ложь Этьенвиля до такой степени очевидна, что остается только опредѣлить то *наказаніе*, котораго она заслуживаетъ; но если распутать тѣ тайныя нити, которыя соединены въ потьмахъ, интригою и обманомъ для того, чтобы направить ихъ противъ кардинала де Рогань въ теченіи настоящаго процесса, представляющаго борьбу клеветы съ невинностью — то кто не содрогнется при видѣ тѣхъ опасностей, которыми мошенничество можетъ окружить поступки самаго честнаго человѣка. Этьенвиль описываетъ наружность кардинала, чтобы доказать, что онъ его видѣлъ. Это описаніе невѣрно, тогда-какъ его можно было сдѣлать вѣрнѣе. Онъ прибавляетъ, что онъ не сомнѣвается въ тождествѣ кардинала и что незнакомецъ, котораго онъ три раза видѣлъ у г-жи Курвиль, совершенно похожъ на того, кого онъ

видѣлъ при дворѣ, носящимъ титулъ кардинала де Роганъ. Итакъ Этьенвиль зналъ въ лице кардинала и могъ быть увѣренъ: что или говоритъ по убѣжденію или лжетъ. Онъ не могъ чувствовать сомнѣнія. Однако во время очной ставки съ кардиналомъ, Этьенвиль объявилъ, что онъ *вѣроятно* ошибся. И вотъ свидѣтель, котораго мы должны опровергать. Пора кончить эпизодъ Этьенвиля, но мы не можемъ не прибавить къ нему нѣкоторыхъ соображеній. Есть огромное сходство между комедіею, разыгранною г-жею Ламоттъ для того, чтобы обмануть кардинала, и ролью, которую принялъ на себя Этьенвиль, чтобы обмануть барона Фажа.—Форма одна и та же, средства одинаковы такъ-что видишь въ обоихъ случаяхъ проявленіе того же генія. Оба заговора были ведены въ 1785 г., т. е. въ одно и тоже время, въ обоихъ посредникъ говоритъ все, передаетъ все, увѣряетъ обо всемъ, обѣщаетъ все, и ничего не исполняется. Въ обоихъ случаяхъ переписка посредника находится въ тайнѣ и секретѣ, въ обоихъ представляютъ фантастическія сцены, кажущееся выдается за дѣйствительное, дѣло идетъ о брилліантахъ въ томъ и другомъ, въ томъ и другомъ ложь въ подробностяхъ увеличивается, спутывается и обличаетъ мошенничество. Это совпаденіе фактовъ, группированныхъ способомъ совершенно одинаковымъ, подъ одинаковою формою, переноситъ читателя въ міръ призраковъ и привидѣній. При этомъ необыкновенномъ сходствѣ подробностей, можно съ достовѣрностью сказать, что оба обмана возникли въ одномъ и томъ же мѣстѣ, вышли изъ *одной головы* и направлены были къ одной цѣли. Можно думать это уже на основаніи приведенныхъ нами соображеній. Но кромѣ того совершенно доказано, что то мѣсто, въ которомъ Этьенвиль изобрѣлъ свою басню, — это домъ, наполненный брилліантами ожерелья; это домъ улицы Невъ-Сенъ-Жиль № 13, въ которомъ жила г-жа Ламоттъ: и такъ перестанемъ говорить о баснях Этьенвиля!

«Кто могъ-бы (продолжалъ г. Тарге, оканчивая свою рѣчь) подумать безъ душевнаго потрясенія о тѣхъ чувствахъ, которыя должны были волновать кардинала де-Рогана, когда, въ ожиданіи признанія своей невинности, онъ шелъ, надѣясь на божеское правосудіе, въ залу парламента. Теперь только вы можете произнесть его оправданіе, вы, которые изучили это

дѣло, слишкомъ знаменитое: но представьте себѣ положеніе кардинала въ началѣ этого процесса; будучи поставленъ между свидѣтельствомъ собственнаго сердца и возможностью заблужденія общественнаго мнѣнія и правосудія, онъ испытывалъ всѣ ужасы боязни. Какая чувствительная душа пойметъ всю глубину его огорченій; въ сравненіи съ ними его долгое заключеніе въ тюрьмѣ не болѣе какъ обыкновенное несчастіе. Со дня, воспоминаніе о которомъ никогда уже не исчезнетъ изъ его памяти, всѣ минуты жизни кардинала были наполнены мучительными мыслями: подозрительный королю, находясь подъ гнетомъ его немилости, преслѣдуемый ужасною мыслью, что онъ оскорбилъ королеву, обвиненный, арестованный, допрошенный по самымъ низкимъ обвиненіямъ, защищаемый нравственными доказательствами, но стараясь собрать юридическія доказательства обмана, въ который онъ былъ введенъ, едва надѣясь въ то время на тѣ доказательства, которое провидѣніе впослѣдствіи ниспослало ему, нерѣдко лишенный совѣтовъ своихъ приближенныхъ, одинъ съ своею горестью, среди стѣнъ тюрьмы въ то время какъ имя его наполняло всю Европу, принужденный бороться въ судѣ съ женщиною подлою и низкою, имѣвшій очныя ставки съ двумя мошенниками, которыхъ онъ даже не знаетъ, подвергнутый безпрестанно допросамъ при слѣдствіи, мучимый мыслью, что по его винѣ невинные находятся въ тюрьмѣ (баронъ Планта, г-нъ и г-жа Кагліостро), принужденный наконецъ доказывать, что онъ невиновенъ — и еще въ какомъ преступленіи—скажите не большое ли это несчастіе? И въ это положеніе ввергнутъ былъ кардиналъ и принцъ де Роганъ посредствомъ низкаго обмана и вслѣдствіе своего легковѣрія. Да найдетъ онъ въ этой рѣчи немного утѣшенія, въ которомъ такъ нуждается его сердце; пусть голосъ общественнаго мнѣнія, проникнувъ въ это судилище, постарается прервать молчаніе, которое въ немъ царствуетъ и довести до его слуха убѣжденіе въ невинности кардинала; пусть общественное мнѣніе, предшествуя приговору судей, наполнитъ вѣстью о его невинности всѣ мѣста, куда прежде проникло подозрѣніе. Не будемъ въ этомъ сомнѣваться: эти желанія, внушаемыя намъ любовью къ истинѣ и чувствомъ справедливости, исполнятся. Сколько мы будемъ ликовать при видѣ этого. Да и не справед-

ливо-ли, чтобы наши усилія получили награду»! — Такова была рѣчь г. Тарге.

Парламентъ въ полномъ собраніи разрѣшилъ это дѣло слѣдующимъ образомъ: 1) призналъ слова *одобряю* и подпись *Марія-Антуанета королева Франціи* подложно-написанными на упомянутомъ документѣ, и фальшиво приписанными королевѣ, приказывая, чтобы эти слова и подпись «Марія Антуанета, королева Франціи» были вымараны и вычеркнуты изъ этого документа, и чтобы объ этомъ рѣшеніи была сдѣлана надпись на этомъ документѣ, который долженъ храниться въ архивѣ; 2) призналъ виновнымъ (par coutumaace) хотя и отсутствующаго Марка-Антонія-Николая де Ламоттъ, приговорилъ его быть битымъ и сѣченнымъ розгами, по обнаженіи его, и клейменнымъ палачемъ раскаленнымъ желѣзомъ въ видѣ трекъ буквъ G. A. Z, на правомъ плечѣ, потомъ быть отправленнымъ на королевскія галлеры на всю жизнь; наконецъ объявилъ всѣ имѣнія его конфискованными королю. Этотъ приговоръ по причинѣ отсутствія г-на Ламоттъ долженъ быть написанъ на доскѣ, которая будетъ выставлена на гревской площади; 3) изгналъ Людвика-Марка-Антонія Рето де Вильетъ навсегда изъ королевства; 4) приговорилъ Іоанну де Валуа, де-Сенъ-Реми де-Люцъ, жену Марка Антонія-Николая де Ламоттъ быть съ веревкою на шеѣ битою и сѣченною розгами по обнаженіи, и заклейменною раскаленнымъ желѣзомъ въ формѣ буквы В на обѣихъ плечахъ палачемъ передъ дверью тюрьмы Консьержери, потомъ быть заключенной на всю жизнь въ рабочій домъ Сальпетріеръ; 5) призналъ все имущество г-жи Ламоттъ и Рето де Вильетъ конфискованнымъ въ пользу короля; 6) по жалобамъ и обвиненіямъ генеральнаго прокурора противъ Маріи-Николи Д'Олива или Дессины призналъ ее отъ суда свободною; 6) освободилъ Александра Кагліостро и Луп Рене Эдуарда де Рогана отъ жалобъ и обвиненій, противъ нихъ направленныхъ генеральнымъ прокуроромъ; 7) постановилъ чтобы мемуары, напечатанные въ свое оправданіе Іоанною де-Сенъ Реми-де-Валуа-де-Ламоттъ, были истреблены, какъ заключающіе въ себѣ факты фальшивые, ложные, оскорбительные какъ для кардинала де Роганъ, такъ и для Кагліостро. 8) позволилъ кардиналу де Рогапъ и Кагліостро напечатать и выставить это постановленіе». Самое постановленіе состоялось 31 мая 1786 г.

Намъ остается только сказать о дальнѣйшей судьбѣ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. Г-жа Ламоттъ была наказана розгами и надъ нею исполненъ приговоръ парламента, но ей удалось изъ тюрьмы Сальпетріеръ убѣжать въ Лондонъ. Она погибла тамъ нѣсколько лѣтъ спустя, бросившись изъ окна, чтобы избавиться отъ преслѣдованій кредиторовъ, которые хотѣли посадить ее въ тюрьму. Что же касается до кардинала де Рогана и г. Кагліостро, то первый получилъ въ ту же минуту, когда судъ призналъ его невиннымъ, королевское повелѣніе (une lettre de cachet), которое ссылало его въ городъ Савернъ. Кагліостро-же получилъ предписаніе выѣхать изъ Парижа въ 24 часа, а изъ Франціи въ три недѣли съ запрещеніемъ когда-либо возвращаться въ нее. Онъ умеръ послѣ того въ Римѣ въ заточеніи.